

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок построчная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2 экземплярах.

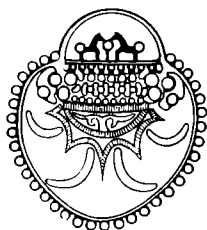
6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2 экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2 экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальку, для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
И. Т. Кругликова, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *Л. А. Голубева*,
Л. А. Евтюхова, *А. Л. Монгайт*, *А. П. Окладников*, *Т. С. Пассек*,
Е. Б. Пиотровский, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов*

Адрес редакции:

Москва К-1, пер. Садовских, 2, тел. Д 0-31-41

Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-00011 Подписано к печати 17/1 1958 г. Формат бумаги 70×108^{1/16} Бум. л. 9^{3/4}
Печ. л. 26,72+3 вклейки Уч.-изд. л. 30,5 Тираж 1800 экз. Заказ 2233

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ЖИЛИЩ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Остатки постоянных жилищ неолита и мезолита давно изучены во многих странах. Распространенное в течение длительного времени представление о людях позднего палеолита как о бродячих охотниках, устраивавших только временные лагеря на открытом воздухе или в пещерах, было, несомненно, одной из причин того, что палеолитические жилища до недавнего времени оставались неизвестными. Бесспорной заслугой советских исследователей является то, что они опровергли это представление и доказали появление в позднем палеолите оседлости и постоянных зимних жилищ.

В установлении существования палеолитических жилищ большую роль сыграло открытие С. Н. Замятниным в 1927 г. остатков палеолитического жилища в с. Гагарине близ г. Липецка¹. Это было первое палеолитическое жилище, остатки которого стали известны на территории СССР. В 1928 г. и в последующие годы В. А. Городцовым были прослежены остатки палеолитических жилищ в с. Тимоновке близ г. Брянска². Особенно же большое значение для установления существования в позднем палеолите оседлости имели обобщающие работы П. П. Ефименко, показавшего широкое распространение позднепалеолитических долговременных жилищ и связавшего эти факты с изменениями общественных отношений и идеологических представлений людей эпохи палеолита³.

Остатки палеолитических долговременных жилищ не удалось бы обнаружить, если бы палеолитические поселения исследовались небольшими шурфами или узкими траншеями. При этом способе исследования главное внимание обращается на последовательность геологических слоев и на тщательность извлечения находок из слоя. В такой же степени затруднила бы изучение палеолитических жилищ «кессонная» методика раскопок, при которой хотя одновременно и вскрывается значительная площадь поселения, но каждый квадратный метр культурного слоя изучается порознь, целиком разбирается и прокапывается вглубь, прежде чем исследователь переходит к соседнему метровому квадрату. В начале 30-х годов советскими исследователями, в первую очередь П. П. Ефименко и его учениками, была выработана новая методика раскопок палеолитических памятников, позволяющая подойти к ним как к историческому источнику.

¹ С. Н. Замятин. Экспедиция по изучению культуры палеолита в 1927 г. СГАИМК, М.—Л., 1929, стр. 209—214; его же. Раскопки у с. Гагарина. Сб. «Палеолит СССР». М.—Л., 1935, стр. 26—77; S. Z a m i a t n i n e. Gagarino. М.—Л., 1934. Первые чертежи Гагаринского жилища были опубликованы в 1931 г. в работе П. П. Ефименко «Значение женщины в ориньякскую эпоху». ИГАИМК, т. XI, вып. 3-4, Л., 1931, стр. 49, 51, рис. 5, 6.

² В. А. Городцов. Предварительные сведения об исследовании Тимоновской палеолитической стоянки близ г. Брянска. СГАИМК, № 11-12, Л., 1932, стр. 55—57; его же. Тимоновская палеолитическая стоянка. М.—Л., 1935.

³ П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 33 и сл.; его же. Первобытное общество. Киев, 1953.

Непременным условием принятой в настоящее время советскими исследователями методики изучения палеолитических памятников является проведение раскопок широкими площадями, вскрываемыми или в течение одного полевого сезона или последовательно, в течение нескольких полевых сезонов. Так, например, Сталинградская мустьерская стоянка раскопана на площади около 600 м², стоянка Костенки I — на площади около 800 м², стоянка Авдеево — на площади около 950 м², стоянка Боршево II — на площади около 800 м² и т. п. Но дело заключается не только в этом. При раскопках палеолитических стоянок одним из главных объектов изучения является древний жилой комплекс. Исследователь стремится расчистить древнюю поверхность почвы («пол»), на которой жили палеолитические люди, проследить основания жилищ, очажные ямы, кладовые и другие искусственно созданные ими углубления. Более значительные предметы и их скопления остаются в процессе раскопок на местах их залегания, для того чтобы выяснить их взаимную планировку.

При сооружении жилищ палеолитическими людьми использовались кости и бивни мамонта, олени рога, а также, вероятно, дерево и шкуры. Углубления для землянок выкапывались с помощью мотыг. Наконечники таких мотыг найдены на многих палеолитических стоянках СССР. На наконечнике мотыги из бивня мамонта, найденном на стоянке Елисеевичи, и на костяном наконечнике мотыги из стоянки Пушкири I С. А. Семенов с помощью бинокулярной лупы выявил продольные штрихи — следы землекопной работы по довольно мягкому грунту⁴. В недавнее время Б. Клима обнаружил ряд выразительных землекопных орудий из кости и рога в позднепалеолитическом поселении Павлов в Чехословакии⁵. Все эти палеолитические землекопные орудия имеют довольно узкую рабочую часть. Ими, вероятно, лишь разрыхляли землю, которая затем выгребалась деревянными корытцами или просто руками.

Свидетельством существования постоянного жилища на палеолитической стоянке являются чаще всего скопления крупных костей мамонтов и других животных, обнаруживаемые при раскопках. Такое скопление имеет четкие границы и нередко залегает в углублении, на дне которого располагается очаг в виде ямки, заполненной золой и углем (иногда встречается несколько очагов). Углубление представляет собой основание жилища. Дно его обычно покрыто осколками кремня и кости, кремневыми и костяными изделиями, костями мелких животных, угольками, охрой. Залегаящее над этим слоем отбросов скопление крупных костей представляет собой обычно развалины стен и кровли жилища, поэтому при расчистке скопления костей, в отличие от подстилающего слоя, обычно обнаруживают очень мало культурных остатков (кремневых и костяных изделий, охры и угольков). Естественно, что далеко не каждое скопление костей, обнаруживаемое при раскопках, образовалось на месте жилища. Оно может представлять собой просто кучу отбросов или же скопление костных остатков, смытых в то или иное углубление водой. Лишь самый порядок расположения костей, наличие специально отобранных и крупных костей и костей, вертикально врытых в землю, характер подстилающего слоя, присутствие хозяйственных ямок и очагов составляют совокупность признаков, позволяющих обнаружить на той или иной палеолитической стоянке остатки долговременного жилого сооружения.

Так, например, ознакомление с разрезом скопления костей зубров у Амвросиевки⁶ может навести на мысль о наличии здесь удлиненно-го в плане, постоянного жилища с углубленным в землю основанием. Однако тщательная расчистка поверхности, на которой лежали кости зуб-

⁴ С. А. Семенов. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкири I. СА, XVI, 1952, стр. 120—128.

⁵ В. Klíma. Přínos nové paleolitické stanice v Pavlově k problematice nejstarších zemědělských nástrojů. Památky archeologické, XLVI, Praha, 1955.

⁶ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.—Л., 1953, стр. 334.

ров, показала, что здесь абсолютно отсутствуют следы выравнивания ее человеком; нет также ямок и очагов. Раскопки доказали, что это не остатки жилища, а дно древнего овражка, куда бросали кости животных и где затем они заплывали землей.

В настоящее время на территории СССР раскопаны остатки более 30 постоянных позднепалеолитических жилищ разных типов⁷.

Наиболее распространенным типом являются небольшие округлые или овальные в плане хижины, имевшие 4—6 м в поперечнике, с одним очагом, расположенным чаще всего в центре. Иногда это землянки, с полом значительно углубленным по сравнению с окружающей местностью. Остатки такой землянки раскрыты в 1937 г. П. П. Ефименко в верхнем культурном слое Тельманской стоянки в Костенках близ Воронежа. Землянка, округлая в плане, имела в диаметре 5,20—5,60 м; дно ее располагалось на 0,50—0,70 м ниже окружающей местности и представляло собой вырытое в земле основание утепленной хижины типа северного чума с ровным полом и хорошо выбранными вертикальными стенками (рис. 1, *1а, б*). С западной стороны, по-видимому более защищенной от ветра, внутрь жилища вел вход в виде пологого спуска, против которого в полу было вырыто небольшое очажное углубление, заполненное золой и костным углем. Помимо очага, на дне жилища было вырыто также несколько небольших ям-хранилищ, служивших для сбережения запасов, хранения более ценного имущества и т. п.⁸ Заброшенное впоследствии, жилище, очевидно, долго подвергалось разрушению, о чем свидетельствуют местами размытые стенки землянки. Разрушение жилища, видимо, началось с обвала кровли, частью присыпанной землей, укрепленной крупными костями мамонта. Последние в большом числе встречены в заполнении землянки, часто в таком положении, какое только и могли получить падающие вниз кости.

Остатки землянки, имеющей много общего с жилищем из верхнего слоя Тельманской стоянки, были открыты в 1927 г. С. Н. Замятниным в Гагаринской стоянке в верховьях Дона. Дно жилища находилось на 0,40—0,50 м ниже окружающей дневной поверхности. Скопление палеолитических культурных остатков, образовавшихся на месте жилища, достигало толщины в 0,40—0,60 м. Оно имело в плане довольно правильную округло-овальную форму; поперечник его равнялся 5,50 м и 4,5 м (рис. 1, *2а, б*). Можно предполагать, что это был, как и в Тельманской стоянке, шалаш с коническим или округлым перекрытием. Стены и кровля жилища были, по всей вероятности, устроены из деревянных жердей, прикрытых ветвями или шкурами животных, а в основании укреплены поставленными на ребро каменными плитами и крупными костями⁹.

В 1938 г. А. Н. Рогачев при раскопках поселения Костенки IV обнаружил остатки двух аналогичных, также, вероятно, имевших округлую или коническую кровлю, круглых в плане жилищ, расположенных на расстоянии примерно 13 м одно от другого (рис. 1, *3*). Углубленное основание западного жилища имело около 6 м в диаметре; в центре его располагались остатки очага. Помимо очажного углубления, на дне жилища находилось также значительное количество небольших ямок; часть из них, заполненная золой, вероятно, предназначалась для запекания пищи, часть же — для хранения более ценных предметов. Наличие вне жилого углубления, у его краев, узкой полосы сравнительно мощного культурного слоя позволяет предполагать, что наземная часть жилища была несколько шире, чем жилое углубление, на края которого опиралась кровля. Судя по довольно мощному участку культурного слоя к юго-западу от жилого углубления, здесь находился вход в жилище, представлявший собой, вероятно, до-

⁷ Некоторые из жилищ, открытых советскими исследователями, были кратко описаны в статьях G. Child (*Antiquity*, № 93, март, 1950) и F. Hančar (*Quartär*, IV, 1942. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, LXXX, 1950).

⁸ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 326—327.

⁹ С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина, стр. 33—40.

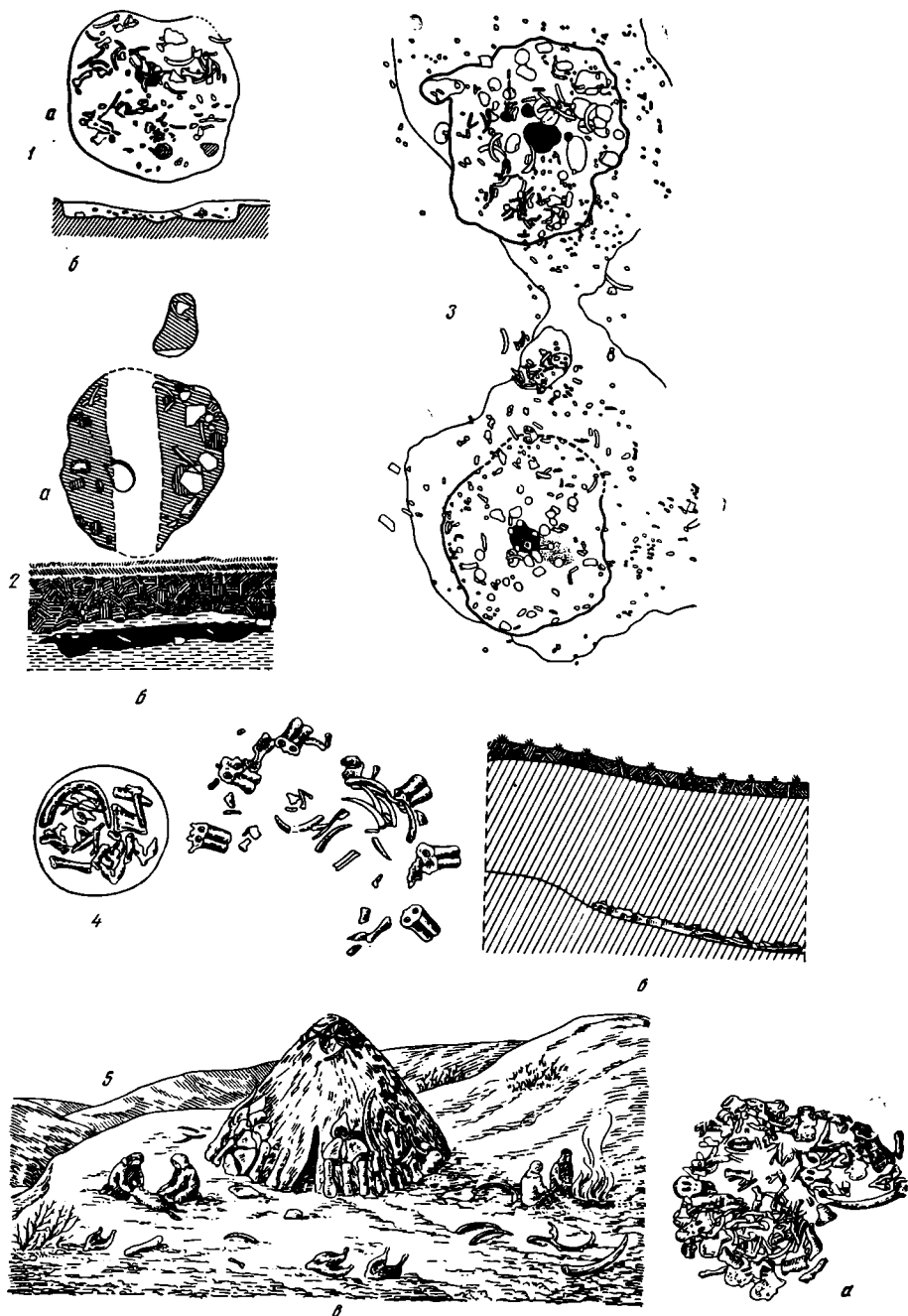

Рис. 1. Палеолитические жилища на территории СССР

1 — жилище Тельманской стоянки верхнего культурного слоя (а — план, б — разрез жилища); 2 — жилище Гагаринской стоянки (а — план, б — разрез жилища); 3 — круглые жилища стоянки Костенки IV; 4 — план жилища стоянки Добраничевка; 5 — жилище Мезинской стоянки (а — план, б — разрез, в — реконструкция жилища)

вольно длинную пристройку типа сеней. В средней части жилой западины, в суглинке над культурным слоем, были найдены две черепные коробки пещерного льва, возможно первоначально увенчивавших кровлю жилища.

Восточное жилище Костенки IV близко напоминало западное; диаметр его основания достигал 6—6,50 м, глубина основания по сравнению с окружающими участками — 0,30—0,40 м. У южного края жилого углубления

располагался небольшой, еле заметный вал из лёсса, имевший 0,40—0,50 м ширины и возвышавшийся над окружающей поверхностью на 0,05—0,09 м. Можно предполагать, что это остатки насыпи, существовавшей в основании кровли жилища и образовавшейся из земли, выбрасываемой при рытье жилой западины. На эту насыпь или невысокие земляные стены опиралась примитивная кровля жилища. Очаг располагался ближе к западному краю жилища, там, где был вход. Описанные жилища стоянки Костенки IV залегали над остатками более древних больших длинных жилищ, о которых речь будет ниже.

Сравнительно небольшие круглые и овальные в плане землянки и полуземлянки с одним очагом не представляли собой специфической особенности позднего палеолита Придонья. Подобные же жилища обнаружены в бассейне Днепра, в ряде стоянок, весьма удаленных друг от друга. В с. Гонцах (Левобережная Украина) раскопками В. А. Городцова, И. Ф. Левицкого и других исследователей (1914, 1915 и 1935 гг.) обнаружено основание овальной в плане полуземлянки, имевшей 4 и 6 м в диаметре. Западина землянки была заполнена большим количеством костей и бивней мамонтов. Бивни, вероятно, образовывали каркас сферического покрытия полуземлянки; обвалившись, они легли выпуклыми поверхностями кверху, прикрыв собой развалины жилища¹⁰. Остатки сходных полуземлянок, также, вероятно, сооруженных из костей и бивней мамонтов (впоследствии заполнивших основания этих жилищ), были открыты К. М. Поликарповичем в 1935, 1936, 1946—1948 гг. в стоянках Елисеевичи и Юдиново, недалеко от Брянска¹¹.

Нередко подобные небольшие жилища были лишь незначительно углублены в землю или же вовсе не были углублены, хотя в остальном близко напоминали описанные землянки и полуземлянки. Таковыми являлись, например, два круглых в плане небольших жилища (пол которых не был углублен), обнаруженные А. Н. Рогачевым в 1950 г. во втором культурном слое Тельманской стоянки¹². Остатки жилища с очень небольшим углублением пола были обнаружены И. Г. Шовкоплясом в 1954—1955 гг. в известной стоянке Мезин на Украине (рис. 1, *5а, б, в*). Они представляли собой круглое в плане скопление костей, имевшее свыше 5 м в диаметре. По краям скопления находилось 15 черепов мамонтов, а также тазовые кости этих животных; видимо, кости ограждали основание жилища и, возможно, находились не внутри жилья, а за его пределами. Внутренняя же часть скопления состояла главным образом из более мелких костей мамонта и рогов северного оленя¹³. На дне жилища были обнаружены каменные и костяные изделия, в том числе орнаментированный браслет из бивня мамонта, не уступающий по своему совершенству первому мезинскому браслету, найденному свыше 40 лет назад.

Мезинское жилище располагалось на древнем склоне. Возможно, что таким расположением объясняется то, что окаймлявшие его основание черепки мамонтов образовывали не замкнутый круг, а как бы открытую вниз по склону подкову. Внутренняя площадь мезинского жилища, по определению И. Г. Шовкопляса, — около 20 м².

В 1953 г. И. Г. Шовкоплясом и И. Г. Пидопличко на стоянке Добраничевке на Левобережной Украине было обнаружено основание сходного же,

¹⁰ В. А. Городцов. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. Тр. Отделения археологии РАНИОН, вып. 1, М., 1926; И. Ф. Левицкий. Гонцівська палеолітична стоянка. Сб. «Палеоліт і неоліт України», Київ, 1947, стр. 197—247.

¹¹ К. М. Поликарпович. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. СА, V, 1940, стр. 81—87; К. М. Палікарповіч. Праблема палеаліта ў Беларусі. Матэрыялы юбілейнай сесіі Акадэміі Навук БССР. Менск, 1950.

¹² А. Н. Рогачев. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. СА, XVII, 1953, стр. 150—152.

¹³ И. Г. Шовкопляс. Палеолитическая экспедиция 1954 г. КСИА, вып. 5, Киев, 1955, стр. 7—12; его же. Раскопки Мезинской палеолитической стоянки. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 31—39; его же. Жилища Мезинской стоянки. КСИА, вып. 6, Киев, 1956, стр. 3—12.

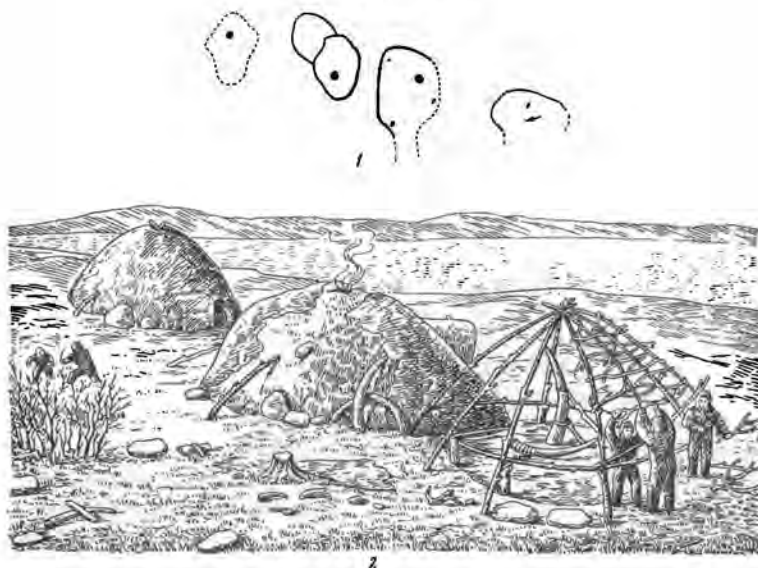

Рис. 2

1 — план расположения жилищ стоянки Буреть; 2 — реконструкция жилищ стоянки Буреть

круглого в плане небольшого жилища (около 4 м диаметром), обставленное вертикально вкопанными в землю носовыми частями черепов мамонтов (рис. 1, 4)¹⁴.

На стоянке Костенки II автором настоящей статьи в 1953 г. были открыты остатки овального в плане жилища значительно больших размеров, имевшего 7 и 8 м в диаметре. Основание жилища заполняли кости мамонтов; часть костей была вкопана в землю и входила в конструкцию стен и кровли. В центре находился очаг. К жилищу была сделана эффектная пристройка из костей мамонтов, в которой был похоронен в сидячем положении пожилой кроманьонец¹⁵.

В 1936—1940 гг. на стоянке Буреть на р. Ангаре, в районе г. Иркутска (Восточная Сибирь), А. П. Окладниковым были исследованы остатки целого позднепалеолитического поселка, состоявшего из четырех сравнительно небольших овальных в плане жилищ (рис. 2, 1, 2). Их основания, так же как и у жилищ Мезинской и Добраничевской стоянок, были лишь очень незначительно углублены в землю. Материалом для сооружения жилищ служили в основном кости мамонта и сибирского носорога, а также рога северного оленя. Некоторые крупные кости мамонтов были вкопаны вертикально в землю по краям жилища и, вероятно, служили столбами, в которые упиралась кровля. Оленьи же рога, положенные в большом количестве на основу из нескольких тонких жердей, образовывали своего рода каркас, на который были натянуты покрывавшие жилище шкуры¹⁶.

Существовали в позднем палеолите и удлиненные жилища значительно больших размеров, состоявшие как бы из нескольких слившихся овальных в плане полужемлянок, имевших несколько очагов. Остатки такого жилища исследованы автором в 1937—1939 гг. на стоянке Пушкари I, недалеко от Мезина. Они представляли собой удлиненную западину 12 м длиной и 4 м (в среднем) шириной, углубленную по сравнению с окружающей поверх-

¹⁴ И. Г. Шовкопляс. Добраничевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 32—45.

¹⁵ П. И. Борисковский. Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1953 г. СА, XXV, 1956, стр. 173—188.

¹⁶ А. П. Окладников. Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 16—32.

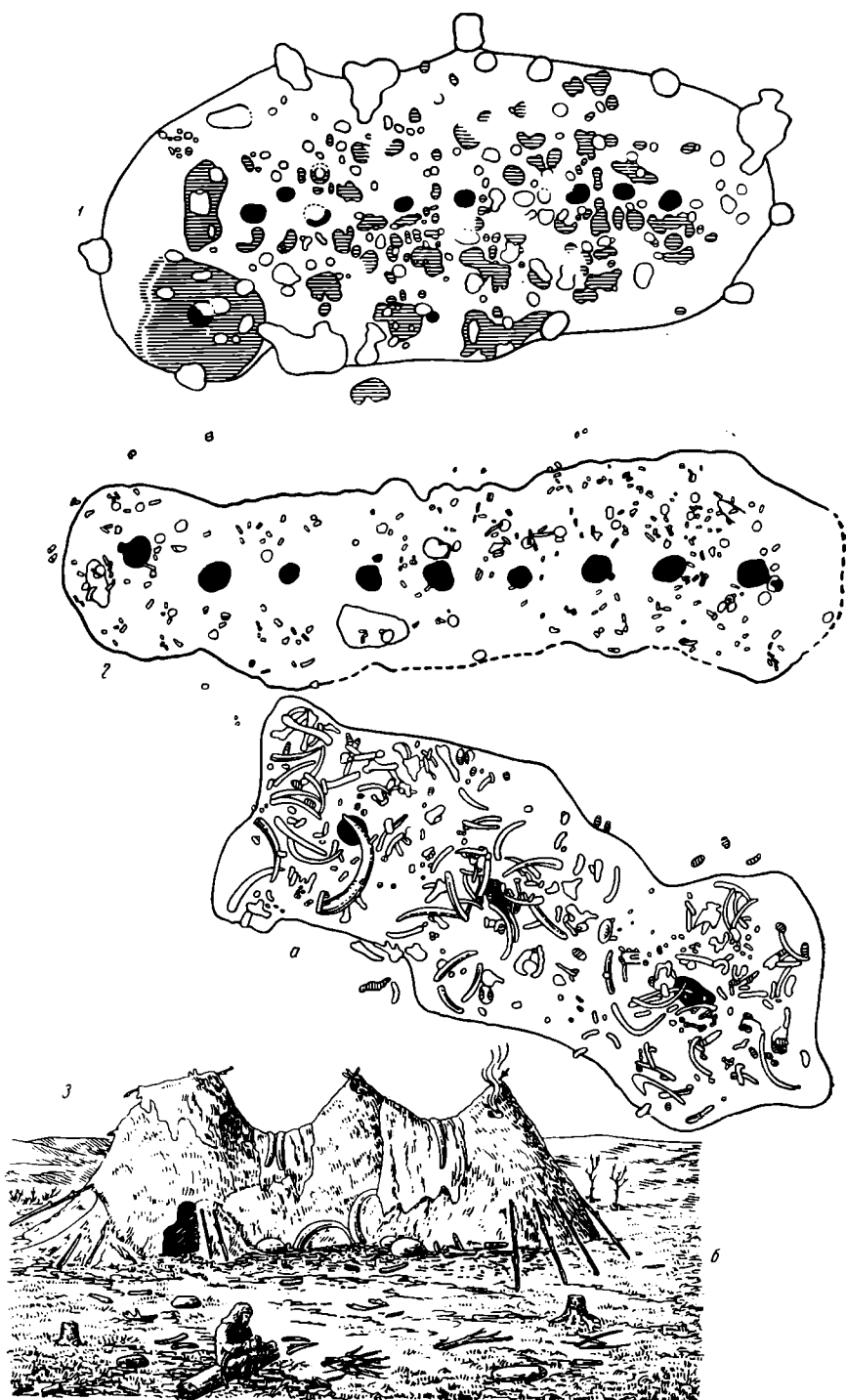

Рис. 3. Палеолитические жилища на территории СССР

1 — план жилища стоянки Костенки I (верхний культурный слой); 2 — план северного длинного жилища стоянки Костенки IV; 3 — жилище стоянки Пушкарки I (а — план, б — реконструкция)

ностью на 0,30 м (рис. 3, *За, б*). По длинной оси западины располагались три очага, заполненные костным углем и золой и окруженные маленькими ямками. Некоторые из ямок служили хранилищами для костяных изделий; большая же часть, вероятно, сохранилась от жердей, подпиравших кровлю жилища. В отдельных ямках были обнаружены вертикально воткнутые обломки костей; вероятно, с их помощью здесь заклинивались основания жердей. На дне западины расчищены обломки костей, осколки кремня и кремневые орудия. Выше западина была заполнена большим скоплением костей и бивней, принадлежавших не менее чем 65 особям мамонтов. Скопление костей в точности совпадало с границами западины. Бивни мамонтов первоначально толстыми концами упирались в землю, а тонкими концами сходились вверху, образуя три каркаса кровли над тремя очагами. В четырех местах по краям жилой западины были вкопаны в совершенно одинаковом положении верхние челюсти мамонта, вероятно также составлявшие часть конструкции жилища. Можно предположить, что примитивная, только возникавшая техника домостроительства еще не выработала наиболее удобной формы большого общинного жилища. Поэтому при сооружении последнего палеолитические обитатели Пушкарей как бы прилепили друг к другу три небольшие полужемлянки, аналогичные небольшим жилищам, обнаруженным в Гагаринском и Тельманском поселениях¹⁷.

Остатки двух аналогичных длинных жилищ, расположенных на расстоянии 17—20 м друг от друга, обнаружил А. Н. Рогачев в 1937—1938 гг. в нижнем культурном слое стоянки Костенки IV. Жилища, как и на стоянке Пушкари, были поставлены вдоль склона местности, а не поперек. Такое расположение должно было в какой-то мере предохранять их от попадания большого количества атмосферных вод и от связанной с этим сырости. Южное жилище имело 34 м длины и 5,5 м ширины, северное (рис. 3, 2) — 23 м длины и 5,5 м ширины. Пол жилищ был углублен по сравнению с окружающей местностью на 0,20—0,30 м. На полу по длинной оси каждого из жилищ цепочкой располагались очаги; в южном жилище их было свыше десяти, в северном — девять. Вокруг очагов находилось много ямок, служивших в основном хранилищами для более ценных предметов. Можно предполагать, что жилища имели по одному входу, были двухскатными, без стен, с земляной кровлей. В жилищах отсутствовали скопления крупных костей, по-видимому, последние не играли роли в их конструкции¹⁸.

В позднем палеолите СССР одновременно с двумя описанными типами существовал и третий тип жилых сооружений — обширные жилые комплексы площадью 500—800 м², вероятно являвшиеся местом обитания целого рода. Такой жилой комплекс исследован П. П. Ефименко в 1931—1936 гг. в верхнем культурном слое поселения Костенки I (рис. 3, 1). Раскопки эти явились для советских археологов настоящей школой, где выработывалась новая методика изучения палеолитических поселений. Жилой комплекс стоянки Костенки I представлял собой овальную удлиненную площадку длиной около 35 м и шириной местами до 15—16 м, занятую сплошным слоем культурных отбросов. Слой резко вырисовывался как в вертикальном разрезе, так и в плане в виде мощной линзы. Площадка не была углублена по сравнению с окружающей местностью. Вне ее находок почти совсем не было. По длинной оси площадки на равном расстоянии (около 2 м) один от другого располагались девять очагов. По соседству с очагами находились вертикально врытые большие кости мамонта; на них производилась обработка кремня и кости, вследствие чего поверхность их сохранила многочисленные насечки. Вся площадка была покрыта ямами и углублениями различных размеров и форм. Крупные котлообраз-

¹⁷ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 181—202.

¹⁸ А. Н. Рогачев. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. М.—Л., 1955, стр. 89—115.

Рис. 4. Реконструкция палеолитического поселения Петржковице близ Остравы (Чехословакия)

ные, иногда расширяющиеся книзу ямы служили для приготовления пищи; на их поверхности кое-где сохранились следы действия огня. Другие ямы, иногда прикрытые крупной костью, предназначались для хранения каменных и костяных изделий, статуэток из бивня мамонта и из камня. От столбов, поддерживавших кровлю, также сохранилась некоторая часть ям; иногда основания столбов заклинивались для прочности осколками костей. По краям площадки располагались три жилые землянки, а также несколько крупных и глубоких ям, в которых хранились запасы мяса. Особенно интересна землянка А площадью около 8 м^2 , углубленная по сравнению с окружающими участками примерно на 1 м и имевшая на дне очаг. Землянка была заполнена бивнями мамонтов, первоначально стоявшими вертикально, образуя своими верхними тонкими соприкасавшимися концами каркас кровли. Вершина кровли землянки была, по-видимому, увенчана черепсом мускусного овцебыка¹⁹.

В 1946—1949 гг. М. В. Воеводским и А. Н. Рогачевым были раскопаны в с. Авдееве близ г. Курска остатки большого наземного жилища, близко напоминавшего костенковское. Длина авдеевской жилой площадки равнялась приблизительно 45 м, ширина 19—20 м, общая ее площадь была приблизительно 800 м^2 . По краям площадки располагались ямы площадью 2—8 м^2 каждая, заполненные костями. Значительное количество ям меньших размеров находилось в центральной части площадки; из очагов же сохранился только один²⁰.

Не все позднепалеолитические жилища СССР входят в эти три большие группы. Особняком стоят шесть жилищ Тимоновки. Как сообщает исследовавший их в 1928—1933 гг. В. А. Городцов, это были прямоугольные в плане землянки длиной 11,5—12 м, шириной 3—3,5 м и глубиной 2,5—3 м с плоской кровлей из уложенных поперек бревен, сверху засыпанных землей. В большинстве землянок был только один очаг, располагавшийся в средней части жилища или в его конце²¹.

Наш краткий обзор основных типов позднепалеолитических жилищ, обнаруженных на территории СССР, не является исчерпывающим. Остат-

¹⁹ П. П. Ефименко. Из материалов палеолитического поселения Костенки I. Землянка А. СА, XI, 1949, стр. 113—126; его же. Первобытное общество, стр. 425—432.

²⁰ М. В. Воеводский и А. Е. Алихова-Воеводская. Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 7—16; А. Н. Рогачев. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. МИА, № 39, 1953, стр. 137—191.

²¹ В. А. Городцов. Ук. соч.; Д. А. Крайнов. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки (по раскопкам В. А. Городцова). СА, XXV, 1956, стр. 13—34.

ки постоянных жилищ были открыты в 1928—1937 гг. М. М. Герасимовым в палеолитическом поселении Мальта близ г. Иркутска²². Упомянем еще овальную в плане землянку, имевшую около 10 м длины и 5—6 м ширины, обнаруженную Г. П. Сосновским, Н. К. Ауэрбахом и В. И. Громовым в 1923—1925 гг. во время раскопок стоянки Афонтова гора II на р. Енисее близ г. Красноярска²³, жилища, обнаруженные раскопками П. П. Ефименко и Б. С. Жукова в 1926—1927 гг. в Супоневской стоянке близ г. Брянска²⁴, а также остатки жилищ, отмеченные в 1950—1955 гг. А. П. Чернышом при раскопках позднепалеолитических стоянок на правом берегу р. Днестра, в частности остатки небольшого, овального в плане, размерами 3,80×2,45 м жилища из верхнего культурного слоя стоянки Вороновица I²⁵.

Не все палеолитические жилища территории СССР одинаково детально изучены и полно опубликованы. Так, например, в 1923—1927 гг., когда раскапывались Афонтова гора II и Супонево, новые методы изучения палеолитических жилищ еще не были выработаны. Существование на этих стоянках остатков долговременных жилищ было установлено не во время раскопок, а много лет спустя, в результате сопоставления материалов раскопок с остатками жилищ, обнаруженных в Гагарине, Костенках и на других стоянках территории СССР. На основании профилей стенок раскопов, где культурный слой образует четко выраженное обширное углубление — «линзу», вероятно, соответствующее основанию древнего жилища, заполненному культурными остатками; исходя из данных полевых дневников и отчетов, сообщающих о размерах углублений, о характере их стенок и дна, о том, чем они были заполнены и были ли обнаружены в них остатки костров, можно утверждать существование постоянных жилищ на стоянках Афонтова гора II и Супонево. Но, разумеется, в этих поселениях постоянные жилища констатированы со значительно меньшей определенностью, чем в палеолитических поселениях, раскопанных за последнюю четверть века, где остатки жилищ правильно интерпретировались сразу же во время раскопок.

Затруднена правильная интерпретация жилищ на стоянках Елисевици и Юдиново, так как данные о них почти не опубликованы.

Это до недавнего времени относилось и к жилищам Тимоновской стоянки. В. А. Городцовым были опубликованы лишь обобщенные схемы этих жилищ, а не чертежи, сделанные во время раскопок. Достаточно подробно описывая тимоновские кладовые, В. А. Городцов не успел опубликовать объективного описания характера палеолитического культурного слоя на месте тимоновских жилищ, его углублений, утолщений и т. п., а непосредственно описывал, как выглядели сами жилища. Лишь в 1956 г. часть принадлежащей В. А. Городцову полевой документации по Тимоновке была опубликована в статье Д. А. Крайнова²⁶, и о тимоновских палеолитических жилищах теперь можно получить более полное представление.

Изученные до сих пор на территории СССР палеолитические жилища различались не только размерами и конструкцией. Разный характер имели обнаруживаемые в них очаги. Так, например, остатки очага, располагав-

²² М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. Сб. «Палеолит СССР», стр. 78—124; его же. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта. МИА, № 2, 1941, стр. 65—85. В 1956 г. при продолжении раскопок Мальты М. М. Герасимов обнаружил остатки нового жилища.

²³ Г. П. Сосновский. Поселение на Афонтовой горе. Сб. «Палеолит СССР», стр. 125—151; Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова гора II. Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 1, Л., 1932.

²⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 545—546; I. Шовкопляс. Житла Супоневської палеолітичної стоянки. Археологія, т. V, Київ, 1951.

²⁵ А. П. Черныш. Палеолитическая стоянка Вороновица I. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 40—47.

²⁶ Д. А. Крайнов, Ук. соч.

шегося в центре жилища Костенок II, представляли собой просто округлое в плане, блюдцеобразное углубление в песке, имевшее около 0,65 м в поперечнике и заполненное черным углистым слоем, достигавшим в центре очага максимальной толщины 0,10—0,15 м. Очаги же Костенок I, как отмечает исследовавший их П. П. Ефименко, представляли собой ямы до 1,10 м в диаметре и до 0,20 м глубиной; заполнявший их черный зольный слой достигал 0,30—0,35 м мощности. Земля вокруг этих очагов сохранила следы обжига, а дно очагов имело ряд небольших западинок, которые, по предположению П. П. Ефименко, облегчали приток воздуха к горящим на очаге костям. В 1956 г. автором этих строк при раскопках позднепалеолитического поселения Костенки XIX был обнаружен очаг, представлявший собой вырытую в суглинке расширяющуюся книзу яму, заполненную костным углем и золой, имевшую 0,60—0,70 м в поперечнике и около 0,25 м глубиной, с докрасна обожженными стенками и с канавками на дне. От очажной ямы в сторону отходила изогнутая канавка, обеспечивавшая приток воздуха в очаг. Подобные факты свидетельствуют о достаточно сложном устройстве позднепалеолитических очагов.

При оценке различных позднепалеолитических жилищ и сохранившихся в их развалинах культурных остатков следует учитывать, что жилища были покинуты их обитателями при разных обстоятельствах. Так, в большом жилище на стоянке Костенки I было найдено значительное количество произведений искусства и отборных костяных и кремневых изделий, спрятанных под крупными костями и в ямках, вырытых в полу жилья. В то же время некоторые женские статуэтки были найдены намеренно разбитыми на несколько кусков. Это позволяет П. П. Ефименко высказать предположение о том, что жилище, видимо, брошено при каких-то чрезвычайных обстоятельствах, причем более ценные вещи были унесены, за исключением того, что было спрятано и таким образом ускользнуло от внимания. Статуэтки могли быть разбиты сознательно для того, чтобы уничтожить «покровителей» жившей здесь общины²⁷.

При сходных обстоятельствах, возможно, было покинуто и Мезинское поселение, раскопки которого обнаружили много произведений искусства, превосходных костяных орудий, а также много кремневых орудий, вовсе не носящих следов сработанности²⁸.

Совсем при других обстоятельствах было покинуто, например, жилище стоянки Костенки II. Хорошая сохранность примыкавшей к жилищу погребальной камеры с погребением кроманьонца позволяет утверждать, что поселение не было захвачено врагами. Малое количество найденных в жилище кремневых и костяных орудий и произведений искусства позволяет предполагать, что обитатели жилища имели возможность унести с собой все необходимое. Только крупный желвак мелового кремня (длиной 0,13 м), спрятанный под костями мамонта на северо-восточном краю жилища, был, вероятно, забыт в тот момент, когда поселение покидали его обитатели.

* * *

Методика раскопок палеолитических жилищ непрерывно развивается; ей предстоит решить еще много спорных проблем.

Так, значительные трудности представляет вопрос о правильном соотношении в процессе раскопок наблюдений над планом жилища и его вертикальным разрезом (профилем). Бесспорно, что палеолитическое жилище можно понять, лишь расчищая и исследуя его остатки одновременно на широкой площади, охватывающей весь жилой комплекс или значительную его часть. Но если раскоп охватывает жилище целиком, как быть тогда со стратиграфией, с вертикальным разрезом через жилище? Ведь про-

²⁷ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 432.

²⁸ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 273.

фили стенок такого раскопа отразят картину убывающего культурного слоя; возможно, что по стенкам раскопа палеолитический культурный слой и вовсе не будет прослеживаться. Вертикальный разрез через жилище можно будет в этом случае получить путем сопоставления высотных отметок верхней поверхности культурного слоя и «пола» жилища; но составленный таким способом уже после окончания раскопок профиль может иметь существенные недостатки; он не позволит детально проанализировать отдельные прослойки, из которых состоит культурный слой. Выход заключается в оставлении контрольных перемычек (того, что В. А. Городцов называл «экраном»), прорезающих исследуемое жилище в нескольких направлениях и разбираемых лишь в самом конце исследования жилища. По стенкам таких контрольных перемычек можно отчетливо проследить последовательность культурных напластований. Однако контрольные перемычки, будучи, безусловно, необходимыми, в некоторых случаях затрудняют понимание раскрываемого жилого комплекса как единого целого. Особенно трудно бывает понять жилой комплекс, если он еще поврежден какими-либо позднейшими ямами, прорезавшими палеолитический культурный слой. Поэтому мы не считаем правильным оставлять узкие контрольные перемычки на границах квадратов через каждый метр или через каждые два метра, как это иногда делается.

С большими трудностями сталкивается исследователь остатков палеолитического жилища и при определении его «пола» — древней поверхности, на которой жили палеолитические люди. Если на территории жилища культурный слой обычно явственно окрашен угольками и красной охрой, а на дне жилища культурные остатки встречаются в значительном количестве, так что расчистить поверхность подстилающего их слоя не так уж трудно, то на участках раскопа, располагающихся за пределами жилища, культурный слой нередко выражен очень слабо, не окрашен, а порой и вовсе отсутствует. Здесь, на периферии, залегают на разных глубинах лишь редкие кости ископаемых животных и кремни, заплывшие в однородном суглинке, а иногда и вообще не обнаруживаются никакие культурные остатки.

В этом случае определение дневной поверхности является особенно сложным. Ведь скопление костей и других культурных остатков, «пол» вокруг которого неясен, может быть произвольно истолковано и как западина, заполненная культурными остатками, и как куча культурных остатков, насыпанная на ровном месте и возвышавшаяся над окружающей местностью.

Следует предостеречь также от поспешного констатирования наличия остатков палеолитического жилища там, где нет твердых доказательств существования последнего. Мы уже указывали, что не каждое обнаруживаемое при раскопках скопление костей ископаемых животных образовалось на месте древнего жилища. Так, при раскопках стоянки Костенки II, примерно в 50 м к северо-востоку от остатков палеолитического жилища, было раскрыто скопление костей мамонтов (главным образом ребер и костей конечностей), залегавшее полосой около 14 м длиной и около 1,5 м шириной. Можно было бы думать, что они составляют элемент перекрытия длинного жилища. Но под костями не оказалось ни очагов, ни обычного заполнения основания подобных жилищ. Как и в Амвросиевском палеолитическом местонахождении, здесь была налицо естественная, не деформированная человеческой деятельностью поверхность, на которую были брошены кости.

Сложной является проблема синхронности жилищ, остатки которых залегают группами. Можно ли всегда утверждать, что такие жилища существовали одновременно, или же по мере обветшания старых жилищ по соседству вместо них сооружались новые? Об одновременности соседних жилищ свидетельствует однородность их кремневого инвентаря и фаунистических остатков; однако каменные орудия изменялись в палеолите

очень медленно; еще медленнее изменялся животный мир; одинаковые орудия и одинаковые фаунистические остатки могут быть обнаруживаемы и в жилищах, существовавших одно после другого.

Приведенные факты и соображения показывают сложность проблемы палеолитических жилищ, неразрешенность многих сторон этой проблемы. На последнее обстоятельство обращает внимание Д. А. Крайнов в своей статье о жилищах Тимоновской стоянки²⁹. В статье Д. А. Крайнова ценной является публикация полевых чертежей В. А. Городцова, относящихся к Тимоновке. Д. А. Крайнов справедливо обращает внимание на исключительные заслуги В. А. Городцова в области изучения первобытных жилищ как палеолитических, так и неолитических, в области выработки методики исследования остатков жилищ каменного века. Но в то же время статья Д. А. Крайнова содержит спорные положения, на которых я считаю нужным остановиться³⁰.

Д. А. Крайнов упрекает П. П. Ефименко и его учеников в том, что они прослеживают очертания палеолитических жилищ по находкам. Это не совсем так. Не находки сами по себе, а культурный слой, окрашенный охрой, угольками, пусть даже не содержащий костей и кремней, заполняет основания палеолитических жилищ, покрывает их дно. Культурный слой на дне жилища обычно не сливается с грунтом, в котором основание жилища было выкопано. Выбирая культурный слой из углублений, которые им заполнены, мы тем самым определяем контуры этих углублений, выясняем их характер. Разумеется, тут, как и в процессе каждого научного исследования, возможны отдельные ошибки. Исследователь, опасаясь врезаться в стерильный, не содержащий культурного слоя, «пол» жилища, может остановиться перед сползшей сверху стерильной прослойкой суглинки, залегающей выше пола, может пропустить заплывшую яму на дне жилища. Но чтобы избежать этого, закладываются контрольные канавки, да и по окончании исследования жилища вся поверхность раскопа прокапывается на несколько десятков сантиметров вглубь. Противоречит ли этой методике прием оставления контрольных стенок-перемычек, на чем настаивает Д. А. Крайнов? Ни в коей мере. Одно должно дополнять другое.

Сомнение Д. А. Крайнова вызывают неправильные формы костенковских палеолитических жилищ. Но в действительности планировка костенковских жилищ правильная и целесообразная; они являются округлыми, овальными или удлиненными в плане, имеют один очаг в центре или цепочку очагов, расположенных примерно на равных расстояниях друг от друга по длинной оси жилища. Однако план этих жилищ никогда не воспроизводит вычерченную с помощью циркуля и линейки геометрическую фигуру прямоугольника или круга; они близко напоминают своей планировкой более поздние жилища хутора Астраханцева и других памятников, на которые ссылается Д. А. Крайнов и которые также, вопреки его утверждениям, не воспроизводят геометрической фигуры прямоугольника или круга. Сходные очертания имеют палеолитические и мезолитические жилища, обнаруженные за последнее десятилетие на территории Чехословакии Б. Климой, Ф. Прошкой и М. Мазалеком; их планы, опубликованные в чехословацких археологических изданиях, также не воспроизводят геометрических фигур. Несомненно, это относится и к тимоновским землянкам и кладовым; ведь В. А. Городцов опубликовал не их чертежи, а схематические реконструкции, чем и объясняются их абсолютно правиль-

²⁹ Д. А. Крайнов. Ук. соч.

³⁰ Я не останавливаюсь на обращенных ко многим советским археологам упреках автора статьи в замалчивании тимоновских жилищ и в необъективной их критике. Бесспорно (это отмечает и сам Д. А. Крайнов), что жилища Тимоновки В. А. Городцовым опубликованы не были; появились лишь краткие и схематические описания их без полевых чертежей. Сдержанное же отношение к неопубликованным археологическим памятникам является совершенно естественным.

ные геометрические очертания. Выдвигаемого Д. А. Крайновым противопоставления жилищ Костенок и Авдеева, имеющих будто бы неправильные очертания, большинству других первобытных жилищ, имеющих будто бы правильные очертания, в действительности не существует.

Д. А. Крайнов ставит под сомнение существование в Костенках и на стоянке Пушкари больших общинных жилищ. «Скорее,— пишет он,— это были жилые площадки с легкими наземными постройками (в виде шалашей) вокруг очагов»³¹. Что заставляет признать существование в Пушкрях I остатков одного общинного жилища? Наличие удлиненной западины, заполненной скоплением культурных остатков, с тремя очагами на дне и с ямками, окружающими очаги, рядом с участками культурного слоя, залегающими в одной горизонтальной плоскости, слабо насыщенными культурными остатками, почти не содержащими ископаемых костей. Может быть, это была просто жилая площадка без перекрытия? Но чем в таком случае объясняется расположение очагов по длинной оси специально выкопанной западины? Ни археология, ни этнография не знает подобных углубленных жилых площадок без перекрытий. Отсутствие подъемов и перемычек на дне западины опровергает предположение о существовании трех обособленных маленьких жилищ, соответствующих трем очагам.

Примерно те же аргументы заставляют признать существование длинных жилищ больших размеров в Костенках IV.

Сложнее обстоит дело с палеолитическими жилищами типа Костенок I, имеющими площадь несколько сот квадратных метров. Культурный слой в палеолитических поселениях чаще всего не имеет отчетливых границ своего распространения в горизонтальной плоскости, постепенно сходит на нет. А в Костенках I (мы все время имеем в виду верхний культурный слой) и в Авдееве культурный слой не выходит за пределы четко очерченной жилой площадки. Это обстоятельство, а также большая толщина зольного слоя в костенковских очагах являются важнейшими аргументами в пользу того, что в Костенках I было замкнутое жилище с перекрытием. Но, может быть, жилой комплекс Костенок I представлял собой группу небольших жилищ, располагавшихся рядом, одно возле другого, как это предполагает И. Г. Шовкоплас³². Такому предположению противоречит отмечаемая П. П. Ефименко правильность очертаний жилой площадки Костенок I, выдержанность ее пропорций и пропорций отдельных ее элементов. Расположение очагов, какое наблюдается в Костенках I, могло иметь место лишь внутри одного жилого сооружения. Нам известны палеолитические и неолитические поселки, состоящие из ряда маленьких жилищ, равно как и палеолитические и неолитические стойбища, существовавшие под открытым небом. Но ни в одном из таких поселков или стойбищ не встречается аналогичного Костенкам I, Костенкам IV, Пушкрям I расположения очагов по длинной оси поселка, примерно на равных расстояниях друг от друга, равно как и ям и западин разного рода, окружающих эти очаги.

Таким образом, большое количество фактов свидетельствует о существовании в позднем палеолите общинных жилищ площадью 50 м², 100 м² и больше. Утверждение Д. А. Крайнова, пытающегося отрицать подобные жилища, не выдерживает критики.

Бесспорно, что существует еще много неясного, неразработанного в проблеме палеолитических жилищ, как много неясного и неразработанного имеется почти в каждой серьезной научной проблеме. В частности, трудно восстановить характер кровли больших жилищ типа Костенок I и Авдеева, как, впрочем, трудно восстановить характер кровли и жилищ Алексеевского поселения. Можно согласиться с Д. А. Крайновым, считающим необходимым сочетание при исследовании палеолитических жилищ

³¹ Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 32.

³² И. Г. Шовкоплас. Жилища Мезинской стоянки, стр. 9—12.

методов, выработанных П. П. Ефименко, с методами, выработанными В. А. Городцовым, и (добавим мы) с методами, выработанными другими исследователями, в первую очередь С. Н. Замятниным и М. В. Воеводским. В исследовании костенковских палеолитических жилищ, помимо П. П. Ефименко, С. Н. Замятнина, А. Н. Рогачева, П. И. Борисковского, А. П. Окладникова, С. Н. Бибикова, М. М. Герасимова, М. З. Паничкиной, М. Д. Гвоздовер, А. А. Формозова, принимали участие многие другие археологи. Многие археологи принимали участие в исследовании пушкаревского жилища. В 1955 г. большая группа исследователей палеолита смогла на месте раскопок ознакомиться с остатками мезинского жилища, всесторонне обсудить методы его раскопок, характер реконструкции. Полагаю, что подобный опыт является удачным. Его необходимо расширять и впредь, и в первую очередь подобным же образом (с привлечением на раскопки ряда специалистов) исследовать Тимоновскую стоянку.

* * *

Перейдем к вопросу о хронологических рамках палеолитических общинных жилищ. Отсутствуют определенные данные, которые позволили бы утверждать существование постоянных жилищ описанных здесь типов в мустьерскую эпоху. Они возникли в начале позднего палеолита в связи с развитием охоты и собирательства, резким увеличением их добычливости. Можно предполагать, что древнейшим типом жилища явились небольшие округлые в плане землянки и полуземлянки с одним очагом. Показательно обнаружение их в нижнем, досолютрейском слое Тельманской стоянки, а также в других стоянках, относящихся к средней поре позднего палеолита. Эти жилища продолжали существовать и позднее, когда появились более обширные жилища других типов.

На протяжении всего позднего палеолита наряду с оседлыми поселениями, состоявшими из подобных жилищ, существовали временные охотничьи лагеря, от которых сохранился тонкий и бедный находками культурный слой. В самом конце позднего палеолита (позднемадленское и азильское время) в связи с изменением форм хозяйства постоянные жилища на территории СССР исчезли, а их место заняли временные сезонные стойбища по берегам рек, содержащие очень тонкий культурный слой без остатков крупных ям, землянок и сооружений из костей. Примером таких временных охотничьих лагерей являются следующие стоянки: Владимирова — в бассейне р. Южного Буга³³, Журавка — на Левобережной Украине³⁴, Чулатово II — недалеко от Мезина³⁵ и Боршево II — близ Костенок³⁶.

Остатки позднепалеолитических жилищ сходных типов известны на весьма обширной территории от р. Десны до р. Ангары. Пока не удается проследить специфические типы жилищ, характерные для позднего палеолита определенных областей СССР.

Различие типов позднепалеолитических жилищ, обнаруженных в соседних поселениях и имеющих сходный кремневый и костяной инвентарь, объясняется, вероятно, особенностями исторической обстановки: топографией местности, продолжительностью существования жилища, количеством его строителей и обитателей. Известную роль могли играть племенные традиции. Последние проявлялись, в частности, в тотемическом культе — в наличии над жилищем черепа пещерного льва, мускусного овцебыка, мамонта или другого животного.

³³ О. П. Черниш. Володимирівська палеолітична стоянка. Київ, 1953.

³⁴ М. Я. Рудинський. Журавка. Антропология, т. III, Київ, 1930.

³⁵ М. В. Воеводский. Палеолитическая стоянка Рабочий ров (Чулатово II). Уч. зап. МГУ, вып. 158, М., 1952.

³⁶ П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II. МИА, № 39, 1953, стр. 56—110.

Остатки постоянных жилищ, особенно больших общинных, являются ярким выражением первобытно-общинного строя, господствовавшего в палеолите, с характерным для него общинным домашним хозяйством, общей собственностью на средства и на продукты производства, в частности на запасы пищи.

Маленькие жилища первой группы были, вероятно, частью поселений рода. В больших палеолитических жилищах, принадлежащих к выделяемым здесь второй и третьей группам и имеющих по несколько очагов, вероятно, обитал целый род или же его значительная часть. Целых палеолитических поселков раскопано еще мало, их детальное изучение — дело будущего.

За последние годы (начиная с 1948 г.) чехословацкие археологи, используя опыт советских археологов, открыли в Долних Вестоницах, Павлове, Барца II, Петржковице и других позднепалеолитических поселениях остатки постоянных общинных жилищ. Они во многом напоминают палеолитические жилища, исследованные до того на территории СССР.

Несколько жилищ обнаружил Б. Клим в 1948—1952 гг. при раскопках стоянки Долни Вестоницы на юге Моравии. Одно из них было овальным в плане и очень обширным (примерно 15 м длины и 9 м ширины). Внутри него в небольших углублениях располагалось пять очагов (не по длинной оси, не так, как в Костенках I, Костенках IV и Пушкарях I). Клима предполагает, что жилище состояло из простых навесов от ветра, не имело крыши и было населено целой общиной.

Второе жилище было округлым в плане (около 6 м в поперечнике) и имело в центре один очаг. Оно располагалось на склоне и было углублено, представляя собой землянку. Клима предполагает, что оно имело покатуую односкатную крышу из дерева, костей и травы; на крыше лежали и кости мамонтов, которые, после того как жилище было оставлено людьми и крыша обрушилась, упали на поверхность культурного слоя. Это жилище являлось местом, где позднепалеолитические люди изготовляли и обжигали на костре глиняные фигурки животных и людей. Раскопками обнаружено 2200 комков обожженной глины, в том числе обломки скульптурных изображений животных (медвежьей головки, головки лисиц, ноги и т. д.). На некоторых комках глины благодаря обжигу сохранились до наших дней отпечатки пальцев и ладоней позднепалеолитических людей³⁷.

Позднепалеолитическое поселение Павлов находится близ Долних Вестоницы. Оно впервые начало раскапываться в 1952 и 1953 гг. И здесь также, наряду с множеством каменных и костяных орудий и произведений искусства, были раскрыты остатки нескольких постоянных жилищ³⁸.

В 1952—1953 гг. Клима исследовал в Петржковице близ Остравы остатки целого поселка, состоявшего из трех овальных в плане небольших жилищ площадью от 20 до 27 м² каждое³⁹ (рис. 4).

За последние годы Ф. Прошек при раскопках позднепалеолитической стоянки Барца II в окрестностях Кошице (Восточная Словакия) обнаружил остатки нескольких ям 60—80 см глубиной. Прошек предполагает, что они представляют основания небольших хижин с двускатной кровлей и опорными колыями посредине⁴⁰.

³⁷ B. Klíma. Sídlní objekt na tábořišti lovců mamutů v Dolních Věstonicích. Časopis Moravského musea v Brně, вып. XXXV, 1950; его же. Druhý sídlní objekt a paleolitická keramická pec v Dolních Věstonicích. Archeologické rozhledy, ročn. IV, Praha, 1952; его же. Palaeolithic Huts at Dolni Vestonice. Antiquity, № 109, март 1954, London.

³⁸ B. Klíma. Pavlov. Nové paleolitické sídliště na Jižní Moravě, Archeologické rozhledy, ročn. VI, Praha, 1954.

³⁹ Его же. Výsledky archeologického výzkumu na tábořišti lovců mamutů v Petřkovicih, okr. Ostrava v roce 1952 a 1953. Časopis Slezského musea, IV. Opava, 1955.

⁴⁰ Fr. Prošek. Výzkum paleolitické stanice Barca II. Archeologické rozhledy, ročn. V, Praha, 1953.

Применение выработанной советскими археологами методики раскопок, несомненно, позволит обнаружить остатки подобных жилищ и в позднепалеолитических поселениях ряда стран Западной Европы. Ошибкой будет считать постоянные зимние общинные жилища специфической особенностью позднего палеолита территории СССР, отличающей его от позднего палеолита Западной Европы. И. Байер еще в 1919 г. открыл остатки палеолитических жилых комплексов на австрийской стоянке Ланг-Маннерсдорф⁴¹. Это не является единичным исключением. П. П. Ефименко показал⁴², что как в конце XIX в., так и в начале XX в. в ряде позднепалеолитических поселений на территории Чехословакии, Германии, Франции были открыты остатки постоянных жилищ, не всегда правильно понятые и оцененные их исследователями.

В дальнейшем, вероятно, удастся выделить также типы жилищ, характерные для различных локальных групп развития палеолитической культуры.

---

⁴¹ J. Bayer. Der Mammutjägerhalt der Aurignaczeit bei Lang-Mannersdorf a. d. Perschling. *Mannus*, 13, Leipzig, 1922; W. Angeli. Der Mammutjägerhalt von Lang-Mannersdorf an der Perschling, *Mitteilungen der Prähistorischen Kommission der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*, VI, Wien, 1952—1953. Сам автор и современные ему зарубежные археологи не придали этому открытию значения.

⁴² П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ ПРЕДМЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

При археологических работах в Северном Причерноморье, на Кавказе и в Средней Азии было найдено много предметов, происходящих непосредственно из Египта или же изготовленных под влиянием египетской культуры.

Первая сводка таких находок была опубликована Б. А. Тураевым в 1911 г. в журнале «Revue archéologique»¹. Но с тех пор наши знания по этому вопросу благодаря большому новому материалу существенно изменились. Б. А. Тураевым были рассмотрены египетские изделия, происходящие преимущественно из Северного Причерноморья, куда они попадали в связи с греческой колонизацией с начала VI в. до н. э., а позже, в римское время, распространялись путем широко развившейся торговли².

В настоящее время в Закавказье стали известны памятники, непосредственно связанные с древним Востоком, в частности с государством Урарту. При их исследовании была открыта новая группа предметов, происходящих из Египта или же изготовленных в египетском стиле.

Из района Армавирского холма (Армянская ССР), где находился урартский административный центр VIII в. до н. э. — Аргиштихинили, происходит скарабей (Ист. музей Армении) с изображением сидящей фигуры со скипетром в руке, около которой изображен картуш с именем Менхеперра, тронным именем фараона Тутмоса III, знаменитого представителя фараонов XVIII династии (рис. 1, 1). Скарабей с тронным именем Тутмоса III, получившим, по-видимому, символическое значение, продолжали употребляться очень долго и были особенно распространены в период XXV и XXVI династий (VIII—VI вв. до н. э.). Именно к этому времени относится и армавирский скарабей.

Видеть на этих распространенных в позднее время скарабейх имя верховного жреца Амона, принявшего царский титул с картушем Менхеперра (XXI династия) или же тронное имя малоизвестных поздних фараонов, как это предполагает Флиндерс Петри, у нас нет никаких оснований³.

В другом урартском административном центре в Закавказье, в Тейшебаини (Кармир-блур), заменившем с VII в. до н. э. Аргиштихинили, была найдена группа египетских и изготовленных в египетском стиле предметов⁴: сильно поврежденная при употреблении фаянсовая подвеска в виде фигурки богини Сохмет, скарабей, четыре пронизки овальной формы и фаянсовый сосудик — бальзамарий (Ист. музей Армении).

¹ В. Touraieff. Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale. RA, Paris, т. XVIII, 1911, стр. 20—35.

² N. P. Töll. The Necropolis. The Excavations at Dura — Europos. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936, II, New Haven, 1946, стр. 126—127.

³ W. M. Flinders Petrie. Scarabs and cylinders with names. London, 1917, табл. 53 и 54; H. Gauthier. Le Livre des Rois d'Égypte, т. III, Caire, стр. 263 и 404, т. IV, стр. 74 и 90. О широком распространении памятных скарабеев с тронным именем Тутмоса III см. L. Keimer. Un scarabée commémoratif de Minéptah. Annales du Service des Antiquités de l'Égypte, т. XXXIX, Caire, 1939, стр. 105—120.

⁴ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, т. I, Ереван, 1950, стр. 84 и т. III, 1955, стр. 54.

На двух пронизках имеются иероглифические знаки, по набору напоминающие знаки навкратийских скарабеев, а на скарабее изображены собака и куст. Сильная стилизация туловища жука и отход изображения от подлинно египетских указывает как будто, что этот предмет был изготовлен не в самом Египте, а в одном из центров Малой Азии или восточного побережья Средиземного моря.

Рис. 1.

1 — скарабей из района Армавира (Армянская ССР); 2 — скарабей из Ван; 3 — скарабей из района Ани

Египетские предметы в Закавказье были найдены не только в урартских центрах, но и в могильниках закавказских племен. Так, в Мингечауре, на р. Куре (Азербайджанская ССР), в погребениях VI в. до н. э. вместе с серебряными и бронзовыми чашами-фиалами были найдены два фаянсовых египетских амулета в форме глаза — «уджа» (Ист. музей Азербайджана).

Несмотря на плохую археологическую изученность центральной части Урартского государства, и там известны египетские предметы. И. А. Орбели приобрел в Ване скарабей с именем Менхеперра, выписанным без искажения иероглифических знаков (рис. 1, 2).

Нет сомнения в том, что в Урарту египетские предметы попадали через Ассирию, где они не являлись редкостью. В г. Ашуре были найдены крупные каменные сосуды, один из которых имел иероглифическую надпись. По мнению В. Андрэ, они были доставлены Синахерибом и Асархаддоном из Финикии⁵. Естественно, что завоевание Египта Ассирией и союзные отношения между ними в последующее время, при XXVI династии, также привели к проникновению в Ассирию большого количества египетских изделий. Из Ашурра происходит много мелких предметов египетского типа: плоские пронизки с иероглифами и изображениями животных, совершенно совпадающие с найденными на Кармир-блуре, а также скарабеи подлинного египетского происхождения с мелкими знаками благопожеланий.

Эти предметы из Египта и Финикии шли по хорошо нам известным путям через Сирию; находки их встречаются на территории между Сирией и центральной частью Ассирийского государства. Так, из Арбана (древний Шадиканни), на р. Хабуре, уже давно известна группа египетских скарабеев⁶.

Египетские и финикийские предметы были найдены также и при раскопках дворцов знаменитых ассирийских царей VIII—VII вв. до н. э. Среди булл сгоревшего папирусного архива во дворце Синахериба, раскопанном А. Лэйардом, оказалась одна булла с оттиском печати египетского фараона Шабаки (XXV династия), на которой, кроме имени царя, дано еще его изображение в короне нижнего Египта. На этой же булле оттиснута и вторая печать, по-видимому ассирийская, с изображением двух человеческих фигур⁷. Трудно представить, какой ценности документ, предшествующий ассирийскому походу на Египет, был запечатан этой сохранившейся в пожарище буллой.

⁵ W. Andrae. Das wiedererstandene Assur. Leipzig, 1938, табл. 73, стр. 159.

⁶ A. Layard. Nineveh und Babylon. Leipzig. (Übersetz. Zenker), табл. XVII.

⁷ Там же.

Из Ассирии египетские и египетского стиля изделия распространялись не только на север, в Урарту, но и на восток, проникая в центральный Иран. У Кашана при раскопках могильника Сиалк В были найдены два скарабея, один из которых, имеющий четкие и правильные иероглифические знаки, был определен Борэ как происходящий из Финикии⁸.

До второй половины VII в. до н. э. Финикия была основным посредником в связях Египта и Передней Азии, и для этого времени именно восточное побережье следует считать местом, откуда распространялись в страны древнего Востока предметы, изготовлявшиеся в египетском стиле. Но со времени Саисской династии, со времени правления Псамметиха I, в Египте появляются греческие поселения, которые постепенно захватывают посреднические торговые связи Египта с Востоком в свои руки. Во второй половине VII в. до н. э. в дельте Нила, в Навкратисе, возникает греческое поселение, бывшее, согласно Геродоту, единственным местом для торговли иноземцев. В этой торговле важное место заняли города Милет и Родос. Раскопки в Навкратисе позволили выявить основные характерные черты изделий греческих мастерских, сочетающие египетские элементы с греческими⁹. Навкратийские «фаянсовые» изделия хорошо определяются не только по стилистическим признакам, но и по составу и цвету материала.

Предметы этого времени доставлялись из Египта в Переднюю Азию в большом количестве, так как Египет находился в союзных отношениях с Ассирией, поддерживая ее в борьбе с Мидией. Эти связи еще более усилились во второй половине VI в. до н. э., после завоевания Египта Камбизом в 525 г. до н. э. Так, при раскопках в Персепольской сокровищнице был обнаружен ряд художественных египетских предметов¹⁰ с иероглифическими надписями Нехо II и Амасиса, а также каменная чаша и сосуд с именами Ксеркса, выполненными клинописью и египетскими иероглифами.

Несомненно, египетские изделия этим путем распространялись по Ирану и попадали в Среднюю Азию, где известны случайные находки египетских амулетов (в частности, фигурка кобчика в короне, найденная около Самарканда).

Большое значение для связей Средиземноморья с Ахеменидским Ираном имела «царская дорога», шедшая от Эфеса на Сарды и Сузы через Малую Азию, Армению и Ассирию. Египетские предметы встречаются в Малой Азии нередко.

Через Переднюю Азию навкратийские предметы, в частности скарабеи, попадали и в Закавказье. Так, в с. Раче (Западная Грузия) при раскопке могильников у сс. Геби и Брили Г. Ф. Гобеджишвили обнаружил большое количество мелких навкратийских скарабеев (Музей Грузии), преимущественно из голубой пасты, с иероглифическими знаками, выявляющими полное сходство со знаками на скарабеях, найденных в самом Навкратисе. Могильники, в которых были обнаружены эти скарабеи, находятся высоко в горах и, как можно было предполагать, на путях, упавших в Главный Кавказский хребет. Однако подобные навкратийские скарабеи были найдены, как показали данные раскопок Вс. Миллера, опубликованные еще в 1888 г.¹¹, и на другой стороне Кавказа — на северных склонах, в верховьях рек Чегема и Баксана.

⁸ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, т. II. Paris, 1939, стр. 66—67, табл. XXXI.

⁹ W. M. Flinders Petrie. Naukratis. 1884—1885, т. I, London, 1886, табл. XXXVII, XXXVIII, т. II, табл. XVIII.

¹⁰ E. F. Schmidt. The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians. Oriental Institute Communications, № 21, Chicago, 1939, стр. 59, 61, 67, 69, 71.

¹¹ Вс. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, вып. 1, М., 1888, табл. XXVI.

Таким образом, устанавливается, что еще в древности через перевалы, служившие путями и в более позднее время, осуществлялись связи Закавказья с Северным Кавказом. Но в Западную Грузию в этот период египетские изделия могли попадать и иным путем, а именно через Черное море. С конца VII в. до н. э. начинается греческая колонизация Причерноморья, и на северном и южном берегах Черного моря возникают греческие города и поселения.

Одним из таких городов была Ольвия — крупный центр милетской колонизации в Северо-Западном Причерноморье. Таким образом, в Причерноморье египетские предметы могли попадать из Навкратиса при посредстве милетской торговли, связывавшей Египет с Грецией. Нет никакого сомнения в том, что посредником связи Египта и причерноморских колоний, кроме Милета, был и Родос, но еще не совсем ясен вопрос о том, где выделялась в это время основная масса предметов, изготовленных в египетском стиле. Высказывалась точка зрения, что поставщиком таких предметов были Кипр и, особенно, Родос. Раскопки на Родосе показали, однако, что египетские и египетского типа изделия были найдены в отдельных могилах и группами¹², а не представляли собой повсеместных и массовых находок, как следовало бы ожидать в том случае, если бы эти предметы изготовлялись на самом Родосе. Очень вероятно, что многие ранние скарабеи VII—V вв. до н. э., найденные на северном побережье Черного моря и имеющие большое сходство с навкратийскими, происходят именно из Навкратиса или же из центров, непосредственно с ним связанных.

Египетские предметы найдены во многих местах северного и восточного побережья Черного моря. Известны они из Констанцы (Румыния)¹³ и из Аккермана¹⁴.

На о. Березани при раскопках 1900—1901 гг. было обнаружено несколько типичных навкратийских скарабеев, опубликованных Б. А. Тураевым¹⁵. Подобные же скарабеи происходят и из архаического некрополя, раскопанного в Ольвии¹⁶.

В том же некрополе было найдено большое количество алабастров, амфорисков и два арибалла из египетского фаянса в форме ежей, у венчиков которых помещены головки людей¹⁷. Вместе с арибаллами, несомненно навкратийского происхождения, была найдена родосская амфора второй половины VI в. до н. э. (раскопки 1909 г., могила № 17). Фигурные навкратийские сосуды были обнаружены и на о. Березани. Из Ольвии происходит значительное количество египетских и подражающих им предметов архаического, эллинистического и римского времени¹⁸.

Разновременные египетские предметы в большом количестве известны из Крыма, например из Евпатории (бронзовая статуэтка Осириса)¹⁹; из Херсонеса (многочисленные предметы главным образом римского времени) и особенно из Керчи (древний Пантикапей).

В Государственном Эрмитаже (Ленинград), в отделе Востока и Античного мира, хранится около трехсот амулетов и мелких изделий из египетского фаянса, добытых при раскопках в Керчи, которые можно отне-

¹² G. Jacopi. Esplorazione archeologica di Camiro I. Clara Rhodos, IV, Roma, 1931—1939, погребения №№ 178 и 180.

¹³ C. I. Istrati. Comunicări arheologice. Analele Academiei Române, т. XXIV, Bucuresti, 1911—1912, стр. 131.

¹⁴ Археологические известия и заметки. СПб., 1894, стр. 48—49.

¹⁵ Б. А. Тураев. Скарабеи с о. Березани. ИАК, № 40, СПб., 1911, стр. 18.

¹⁶ M. Matthieu. Some Scarabs from the South of Russia. Ancient Egypt. London, 1926, т. III, стр. 68—69.

¹⁷ Archäologischer Anzeiger, Berlin, 1910, вып. 2, рис. 33.

¹⁸ В. Тоугаефф, Objets égyptiens, стр. 23, 24.

¹⁹ Н. Романченко. Раскопки в окрестностях Евпатории. ИАК, № 25, 1907, стр. 179.

сти в основном к трем периодам: 1) скараabei VII—V вв. до н. э.— архаический и классический период; 2) предметы эллинистического времени (III—II вв. до н. э.); 3) изделия, найденные в могилах римского периода I в. до н. э. — III в. н. э. Последние наиболее многочисленны. Большинство из этих предметов было найдено при систематических раскопках (начиная с 1847 г.) в комплексах хорошо датированных предметов. Таким образом, находки из Керчи могут характеризовать египетские и изготовленные в египетском стиле предметы из Причерноморья в целом.

К наиболее ранней, архаической, группе предметов относятся скараabei XXVI династии и среди них характерные навкратийские (присланы в Эрмитаж Керченским музеем в 1851 и 1858 гг.). Выделяется довольно крупный скарабей с изображением льва, попирающего поверженного врага, и с картушем Менхеперра. На навкратийских скарабаеях имеется корона атеф и группы иероглифов.

В эллинистический период связи с Египетом не ослабели, наоборот, имеются даже сведения о непосредственных сношениях городов Причерноморья, в частности Синопа, с Египтом. К этому времени следует отнести найденную в Керчи крупную голову статуи царицы III—II вв. до н. э. (поступившую в Эрмитаж из коллекции Новикова) и являющуюся прекрасным образцом искусства позднего Египта. В Эрмитаже среди беспаспортных камней из античных колоний Северного Причерноморья имеются четыре известняковые базы колонн. Одна из них была изготовлена из камня, взятого из египетского храма, и на нижней ее плоскости сохранились остатки рельефа птолемеевской эпохи — часть изображения человеческой фигуры в характерном переднике. Таким образом, можно полагать, что и строительный материал доставлялся в Причерноморье из Египта.

В религии эллинизма древнеегипетские культы получили широкое распространение. Особенно распространенным культом в Причерноморье был культ египетских богов Исиды и Сераписа, ставших покровителями мореплавания. В синкретической религии эллинизма многие египетские божества потеряли свой специфический египетский образ и приобрели чисто греческие черты, а египетские амулеты, оторвавшись от родной почвы, получили широкое распространение и стали изготавливаться в самых различных местах.

Если в эллинистическую эпоху египетские предметы встречаются только на побережье Черного моря, то в римский период они распространяются в глубь страны, о чем речь будет ниже. Могильники римского времени в Керчи занимают обширную территорию. В них найдено громадное число амулетов из так называемого египетского фаянса, нанизывавшихся вместе с бусами (рис. 2). Они служили амулетами апотропеического значения, отгоняющими зло, и поэтому особенно часто встречаются в детских могилах. В наборе этих амулетов много скарабеев (в позднее время преимущественно с изображением змеи на нижней плоскости), фигурок богов Беса и Патека, изображений животных (льва, кошки, крокодила, черепахи), амулетов в форме сердца, глаза («уджа»), сжатой руки, подвесок в виде фалла и виноградной грозди, пронизок в виде пластинки с помещенными на них фигурками льва или лягушки и др. В Керчи эти амулеты встречаются в хорошо датированных комплексах первых веков нашей эры, что дает твердую опору для датировки подобных же амулетов, найденных в других местах.

На Тамани также встречаются египетские предметы трех периодов. В могильнике VI в. до н. э. у ст. Таманской в 1948 г. был обнаружен навкратийский скарабей с именем Менхеперра; в кургане «Большая близница», в погребении IV в. до н. э., среди гротескных терракот была найдена подвеска в форме головы Беса с высокими перьями²⁰. Но особенно боль-

²⁰ Comptes-rendus de la Commission Impériale archéologique. St. Petersburg, 1869, стр. 9.

Рис. 2. Египетские амулеты из Керчи (собрание Гос. Эрмитажа)

шое число предметов из «египетского фаянса» и тут было обнаружено в могилах римского времени ²¹.

Египетские вещи обычны и в бассейне р. Кубани. В кургане у ст. Марьинской в погребении III—II вв. до н. э. на шее у одного из костяков среди небольших стекловидных бус находилась миниатюрная статуэтка мудреца Имхотепа, оплетенная золотой проволокой ²².

Как уже указывалось, в римское время амулеты египетского стиля распространились на широчайшую территорию. Зелигман и Бек в одной из своих работ по восточному стеклу ²³ приводят химический анализ трех

²¹ В. Piotrovskij. Ägyptische Altertümer im nordkaukasischen Gebiet. Сборник кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже, II, Л., 1935, стр. 35—49.

²² Б. А. Тураев. Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской области. ИАК, № 49, 1913, стр. 128.

²³ С. G. Seligman and H. C. Beck. Far Eastern Glass. The Museum of Far Eastern Antiquities. Bulletin № 10, Stockholm, 1933, стр. II, табл. 1v.

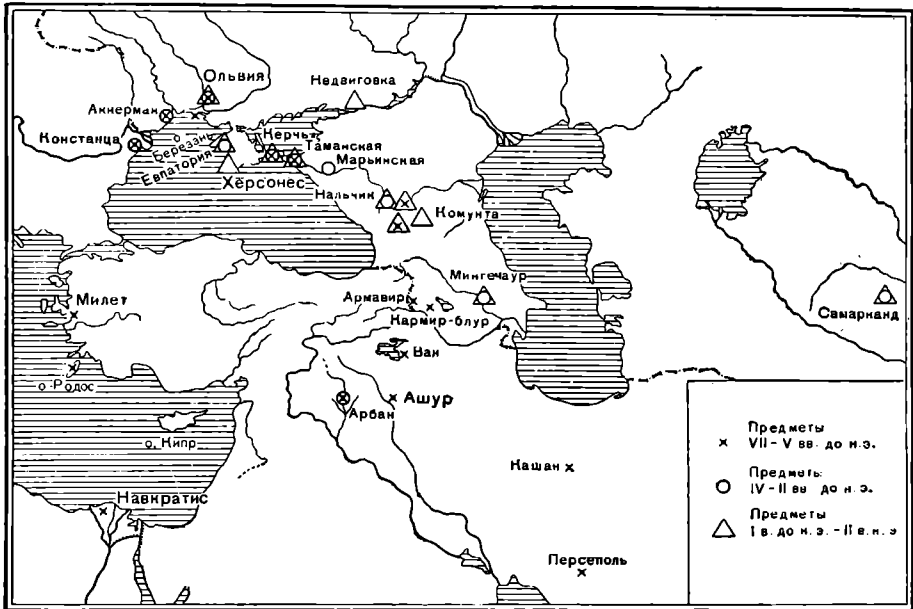

Рис. 3. Карта распространения находок египетских древностей на территории СССР

одинаковых амулетов-пронизок в виде лежащего льва на плакетке. Один из этих амулетов происходит из Египта, второй — из Ирана, а третий — из Китая. Такое далекое распространение египетских вещей в римское время нас не должно смущать, так как находки подобных вещей мы встречаем и на севере Советского Союза. В Печорском крае, на р. Ухте, среди предметов римского стиля была найдена бронзовая фигурка Нефертума, сильно стертая от употребления (Гос. Эрмитаж, из колл. Тевяшова). Бронзовая фигурка Осириса происходит также из древнего поселения у сел. Концегор Пермского р-на Пермской области²⁴.

В то время как в архаический и эллинистический периоды египетские и египетского типа предметы имели распространение преимущественно в причерноморском районе и в местах, связанных с древневосточной и эллинистической культурой, в римское время они распространяются в глубь страны. Находки таких предметов известны на Украине (в том числе в самом Киеве), в Курской области и т. д.²⁵. Особенно они распространены на Кубани и на Нижнем Дону. В Эрмитаже хранится ряд предметов из «египетского фаянса», найденных в 1867 г. в могильнике близ Недвиговки на Дону (г. Танаис римского времени). При раскопках этого могильника Н. И. Веселовским в 1908 г. в одной детской могиле было найдено пять скарабеев, подвеска в виде птицы Ба, плакетка с фигуркой льва и две плакетки с изображением лягушки (Гос. Эрмитаж)²⁶. На Недвиговском городище при раскопках П. М. Леонтьева в 1853 г. был найден обломок короны крупной бронзовой статуи Осириса (Гос. Историч. музей)²⁷.

Мелкие амулеты из египетского фаянса были обнаружены и в могильниках Гниловского и Кизитиринского городищ (Ростовский областной музей). Распространились они и на Нижнюю Волгу. В курганах Суловского могильника, а также около Торгуна и в районе г. Степного найдены скарабеи, плакетки с фигуркой льва, зубчатые бусы и другие мелкие предметы (Саратовский областной музей краеведения).

²⁴ А. В. Шмидт. Древний Восток и русский север. Новый Восток, № 13—14, 1926, Л., стр. 343.

²⁵ Б. А. Тураев. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. Зап. Восточного отдела. Русск. арх. об-ва, т. XII, СПб., 1899, стр. 217.

²⁶ ОАК за 1908, СПб., 1912, стр. 126.

²⁷ A. Zakharov. A fragment of a crown of Osiris from the South of Russia. Ancient Egypt, London, 1926, т. III, стр. 85.

Подобные предметы в значительном количестве встречаются в горном Кавказе. В музее г. Нальчика (Кабардинская АССР) хранятся четыре скарабея, фигурка черепахи и пронизка с фигуркой льва из Баксанского ущелья, а также фигурка Беса и пронизка со львом из раскопок у с. Гунделен. Большое количество амулетов из «египетского фаянса» происходит из Осетии, главным образом из могильников у сс. Камунты и Кумбулты²⁸. В собрании Ольшевского, поступившем в Эрмитаж, имеется 19 таких предметов: семь скарабеев, фигурка Беса, восемь пронизок с изображением львов, фаллическая подвеска и др. Распространяются эти предметы и через Кавказский хребет в Закавказье. Они известны из могильников Западной (с. Бори) и Центральной Грузии (Мцхетский могильник), из Армении (район Армавирского холма; Ист. музей Армении и Гос. Эрмитаж) и Азербайджана (Мингечаурские поздние погребения в кувшинах; Ист. музей Азербайджана).

Такие же предметы римского времени находят и при раскопках в Средней Азии, куда они могли попадать и через Индию²⁹; они найдены в Хорезме (фигурка Беса и различные подвески, Музей этнографии АН СССР), около г. Самарканда (скарабей и подвески, Гос. Эрмитаж), в районе Фархадского канала (фигурка Горпократа) и в Кую-мазарском могильнике Бухарской области (подвеска в виде сжатой руки и др. Раскопки О. В. Обельченко).

Все указанные предметы, распространенные на обширной территории, обнаруживают полное сходство, и нет сомнения в том, что они распространялись из одного центра. Имеется несколько находок местных изделий, имитирующих «египетский фаянс», но все же громадное большинство предметов, изготовленных в египетском стиле, однородно, и предметы, найденные в Северном Причерноморье, нельзя отличить от обнаруженных в Средней Азии.

В настоящем кратком очерке я, разумеется, не мог дать подробные сведения о местах, где на территории Советского Союза были найдены египетские и подражающие им предметы и о самих этих предметах. Мною учтено около 700 таких фигурных амулетов, происходящих из систематических раскопок и случайно найденных. Как было указано, наибольшее их количество дали широкие и систематические раскопки в Керчи, но нет сомнения в том, что широкие раскопки и в других центрах Причерноморья дадут также обильный материал. Из своего обзора я исключил ряд таких предметов, как бронзовые и каменные статуэтки египетских богов, а также ушебти с надписями, сведения о находках которых недостаточно достоверны, так как они поступили от продавцов древностей.

Для археологического изучения территории Советского Союза перечисленные выше изделия представляют большой интерес. Они не только отражают реальные связи отдельных культур со странами Средиземноморья, но и являются часто датирующим материалом. Изучение этих предметов, позволяющее разделить их на три разновременные группы: архаическую, эллинистическую и римскую,— делает возможным (правда, не всегда с достаточной полнотой) выявить их происхождение и наметить пути распространения. Широкое распространение египетских и изготовленных в египетском стиле изделий свидетельствует о том большом значении, которое имела древняя культура Египта в развитии средиземноморской и переднеазиатской культур. Я уверен, что дальнейшие археологические раскопки значительно умножат приведенный мною материал, позволят установить и уточнить место происхождения и пути распространения египетских и египетского типа изделий на широкой территории с VII в. до н. э. по IV в. н. э.

²⁸ П. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 233 и 322.

²⁹ J. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Begram. Paris, 1954.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР И ВОПРОСЫ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ДУНАЙСКО-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

Археологические исследования, проведенные за последние годы как советскими, так и румынскими археологами в Дунайско-Днестровском междуречье, на территории обитания трипольских племен, значительно уточнили намеченную ранее периодизацию памятников трипольской культуры. Вместе с тем эти новые материалы позволили полнее охарактеризовать три основных этапа (ранний, средний и поздний) в развитии трипольских племен на всей обширной территории их расселения с начала III и до первой четверти II тысячелетия до н. э. Для каждого этапа удалось также выявить ареал расселения племен и наметить локальные варианты отдельных групп трипольских племен².

В настоящее время известно уже более 50 поселений раннего периода Триполья, которые расположены вдоль р. Серета, а также р. Прута и его правых притоков — Быстрицы и Молдовы, по среднему течению р. Днестра, в бассейне р. Южного Буга и в верховьях р. Роси³. Именно на этой территории, достаточно большой, в начале III тысячелетия до н. э. оформляются раннетрипольские племена, известные в настоящее время по раскопкам на таких поселениях, как Лука-Врублевская, Ленковцы, Берново-Лука, Извоаре, Борисовка, Александровка и целый ряд других.

На среднем этапе, или в эпоху расцвета трипольской культуры, область распространения племен не ограничивается территорией, которую они занимали на предшествующей ступени развития. Трипольские племена проследиваются в новых районах: вверх по течению Днестра, в верховьях Южного Буга и в бассейне Среднего Днепра. Западная граница трипольских племен в этот период заходит за Восточные Карпаты, на Трансильванское плато, где имеется целый ряд поселений с полихромной керамикой типа Ариушд, обнаруженных в верховьях рек Ольта и Муреша⁴. С этим периодом связаны исследования таких известных поселений в Румынии, как Ариушд, Кукутени, Извоаре, Фрумушика, Хабашешты, Трушешты, Руджиноаза и др., в Молдавии и на Украине — Незвиска, Кадиевцы, Кудринцы, Крутобородинцы, Солончены II, Поливанов-Яр и др.

Многие из этих поселений являются многослойными, представляющими интереснейший материал для наблюдений над стратиграфией культурных слоев и убеждающими в длительности существования здесь куль-

¹ Текст настоящей статьи представляет собой доклад, прочитанный на заседании сессии Отделения исторических наук АН СССР 26 марта 1957 г.

² Т. С. Пасек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. Изв. Молдавского филиала АН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955.

³ Е. К. Черныш. К вопросу о раннетрипольских поселениях. Изв. Молдавского филиала АН СССР, № 4 (31), 1956.

⁴ R. Vulpe. Problemele neoliticului carpato-niprovian in lumina șapăturilor de la Izvoare. SCIV, т. VII, № 1-2, București 1956, рис. 1.

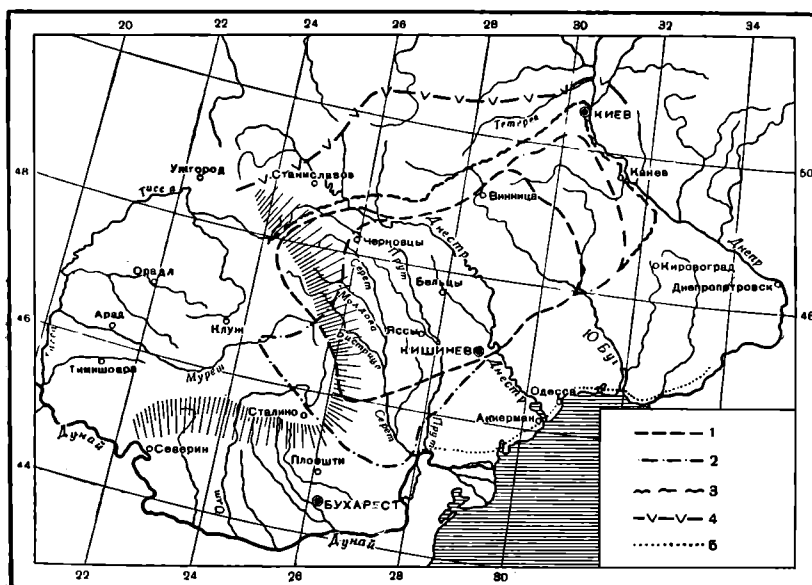

Рис. 1. Карта распространения памятников трипольской культуры на разных этапах

1 — граница трипольских племен в ранний период А; 2 — граница трипольских племен в средний период С I; 3 — граница трипольских племен в поздний период С I; 4 — граница трипольских племен в поздний период С II; 5 — граница трипольских племен в поздний период γ I, γ II

туры Триполья. Эти наблюдения позволили с достаточной полнотой дать характеристику не только отдельных этапов развития Триполья, но и представить себе весь процесс исторического развития трипольских племен в целом на протяжении более чем тысячелетия.

За последние годы особое внимание уделялось изучению памятников позднего периода трипольской культуры. При исследовании вновь обнаруженных поселений и могильников установлено, что на позднем этапе трипольские племена продвинулись еще далее на север и северо-восток, заняв Волынское Полесье и частично перейдя на левый берег Днепра и в бассейн Десны. Отдельные группы позднетрипольских племен проникали также в степные районы излучины Днепра и вышли к побережью Черного моря (рис. 1).

Вместе с тем установлено, что позднетрипольские племена продолжали жить и на коренных территориях обитания трипольцев по Серету, Пруту, вдоль всего течения Днестра и на Южном Буге (не только в степной полосе Северного Причерноморья, как это предполагали ранее некоторые исследователи), ассимилируясь постепенно степными племенами культуры шнуровой керамики.

За последние годы рассматривались также материалы, которые позволили бы выяснить связи трипольских племен с соседними, например со степными племенами левобережья Днепра и с племенами, жившими на юго-западе от Поднепровья и на юге — в Дунайском бассейне.

В связи с этим вновь возникла необходимость вернуться к рассмотрению вопроса о происхождении трипольской культуры.

Эта чрезвычайно сложная проблема до сих пор не может считаться окончательно решенной. Существуют различные точки зрения на происхождение трипольской культуры.

Так, А. А. Спицын, В. А. Городцов и Н. Ф. Беляшевский настаивали на ее восточном, малоазийском происхождении; В. В. Хвойка считал, что трипольская культура была «самостоятельным продуктом европейского

неолитического человечества, сосредоточенного главным образом в Прикарпатской и Средне-Приднепровской области»⁵.

Советские археологи многократно рассматривали проблему происхождения Триполья. Е. Ю. Кричевский видел в возникновении трипольской культуры местное историческое явление, процесс, связанный с превращением мотыжного земледелия в ведущую отрасль хозяйства местных неолитических племен. С точки зрения Е. Ю. Кричевского, трипольская культура представляла собой результат дальнейшего развития среднеевропейской неолитической культуры с линейно-ленточной керамикой (или так называемой дунайской I периода, по Г. Чайлду).

Вместе с тем в сложении Триполья Е. Ю. Кричевский придавал немалое значение влиянию со стороны Подунавья и Восточного Средиземноморья⁶. Эта гипотеза Е. Ю. Кричевского примыкает к известным положениям английского археолога Г. Чайлда, который полагал, что «трипольская культура является в своей основе дунайской. Образование ее, по-видимому, было результатом распространения на восток дунайской культуры»⁷.

По мнению Г. Чайлда, поздненеолитическая культура, известная в археологии под именем «дунайской», или культуры линейно-ленточной керамики, лежит в основе дальнейшего развития раннеземледельческих племен Средней Европы; в Дунайском бассейне, а также на Балканах и в Поднестровье эта культура ранее других превращается в своеобразную культуру расписной керамики.

Исследуя многочисленные керамические материалы раннего Триполья, в частности своеобразные орнаменты на сосудах, я высказала предположение о связи раннетрипольских и раннеолитических поселений с линейно-ленточной керамикой. Отсюда мне казалось возможным заключить, что отдельные типы керамики, а также жилища и характер хозяйства раннего Триполья в своей значительной части есть результат дальнейшего развития неолитических племен с линейно-ленточной керамикой⁸.

Вместе с тем происхождение и развитие трипольской культуры рассматривалось мною всегда на общем фоне развития древних культур балкано-дунайских стран, Восточного Средиземноморья и Малой Азии.

С новой, оригинальной точкой зрения выступил недавно С. Н. Бибииков, который рассматривает возникновение основных элементов трипольской культуры как результат ассимиляции местных охотничьих племен пришлыми земледельческо-скотоводческими племенами неевропейского склада, проникшими из Восточного Средиземноморья⁹.

Путь, по которому следовало средиземноморское население, С. Н. Бибииков, вслед за Г. Чайлдом, считает Вардаро-Моравским.

Интересна и гипотеза, высказанная недавно украинским археологом В. Н. Даниленко. Изучая ранний неолит Южного Поднепровья и Южного Побужья, он пришел к выводу, что наиболее поздние неолитические племена в этих районах являются теми местными древнеземледельческими племенами, на основе которых формируются раннетрипольские племена Южного Побужья типа Сабатиновка II, Греновка и др.

В своем докладе на VIII археологической конференции в Киеве В. Н. Даниленко подчеркнул: во-первых, что Триполье генетически не связано в своем происхождении с культурой линейно-ленточной керамики; во-вторых, что в основе Триполья лежит местный, южнобугский, неолит; в-третьих, что на Нижнем Дунае, начиная с раннего неолита, идет парал-

⁵ В. В. Хвойка. Раскопки площадок в с. Крутобородинцах, Летического у. Подольской губ. Древности Московского археологического общества, вып. 22, 1909, стр. 309.

⁶ Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Понизовья. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 50.

⁷ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 206.

⁸ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 30.

⁹ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953.

лельное развитие культуры типа Боян, генетически не зависимой от Триполья¹⁰.

Все эти достаточно различные гипотезы о происхождении трипольской культуры в настоящее время, как мне представляется, должны быть уточнены прежде всего в свете новых археологических данных, полученных благодаря раскопкам более древних неолитических памятников на территории Дунайско-Днестровского междуречья. Необходимо также попытаться дополнить имеющуюся периодизацию неолитических культур в Дунайском бассейне, включив в нее ряд новых данных по Дунайско-Днестровскому междуречью из раскопок памятников, датируемых рубежом IV и III тысячелетий до н. э.

Вышедшая из печати в 1949 г. книга В. Милойчича¹¹, посвященная позднему каменному веку в Средней и Южной Европе, в настоящее время может быть значительно дополнена новым материалом по Поднестровью и соседним с ним областям Румынии, Болгарии, юга Венгрии. В связи с этим следует обратить внимание на вышедшее в 1953 г. исследование югославского археолога В. Гарашанина, посвященное проблеме дунайского и украинского неолита в свете новых археологических данных¹².

Он выделяет три комплекса культур земледельческо-скотоводческих племен позднего неолита: 1) культуры линейно-ленточной керамики Центральной Европы, 2) культуры расписной керамики с их локальными вариантами и 3) неолитические культуры Винчи, Гумельница, Ленгнеля (генетически связанные с нижнедунайской культурой Боян) и родственную группу Бутмира. Между всеми этими комплексами В. Гарашанин пытается установить хронологические соотношения и намечает межплеменные связи.

Не менее интересна и его работа по вопросу о миграции племен культуры Димини и их связи с племенами культуры расписной керамики типа Кукутени — Ариушд¹³. В. Гарашанин отрицает некогда намеченный Г. Чайлдом Вардаро-Моравский путь миграции и предполагает большое участие в создании комплекса культур с расписной керамикой балканской культуры типа Боян.

Наряду с этими тремя комплексами культур в дунайско-балканских странах, выделенными В. Гарашаниным, следует обратить внимание на памятники культуры Старчево-Кёреш в Югославии и Венгрии, материалы которой изданы в большой монографии Иды Куциян в Будапеште¹⁴.

Несмотря на заметные сдвиги в области создания периодизации и установления хронологии поздненеолитических и энеолитических культур в дунайско-балканских странах, исследователям приходится отметить, что предлагаемая периодизация не всегда построена на основе достаточно объективных стратиграфических данных.

Остается затруднительным разрешение вопроса хронологических соотношений между отдельными комплексами поздненеолитических культур, как, например, между средневропейской культурой с линейно-ленточной керамикой и культурой Кёреш, или между нижнедунайской культурой Боян и раннетрипольской, или между раннетрипольской и культурой линейно-ленточной керамики. Раскопки румынских археологов И. Нестора, Р. Вульпе, Д. Берчиу, М. Петреску-Дымбовица, В. и Г. Думитреску и Е. Комша и др. дали ряд новых данных по вопросам периодизации поздне-

¹⁰ В. Н. Даниленко. Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры. Тезисы доклада на VIII конференции Института археологии в Киеве в 1956 г.

¹¹ V. Milošević. Chronologie der Jüngerer Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin, 1949.

¹² Dr. Milutin, V. Garašanin. Problemi podunavskog i ukrajinskog neolita u svetlosti novih arheoloskih rezultata. Glasnik zemaljskog Muzeja a Sarajevu. Nova serija, sveska VIII. Sarajevo, 1953.

¹³ Dr. Milutin, V. Garašanin. Na problemu Dimini migracije. Glasnik zemaljskog Muzeja u Sarajevu. Nova serija, sveska VII. Sarajevo, 1953.

¹⁴ I. Kutzian. A Körös-Kultura, т. I—II. Budapest, 1944—1947.

неолитических и энеолитических культур в Румынии. Особенно важны в связи с этим открытия, сделанные в последние годы в бассейне Днестра советскими археологами в области изучения дотрипольских, позднеолитических памятников.

Наиболее древними из позднеолитических племен, населявших в дотрипольское время территорию Дунайско-Прутского междуречья, являются носители земледельческо-скотоводческой культуры Кёреш (или Криш), памятники которой широко известны на западе в бассейне р. Тиссы (Венгрия) и ее притоков. Стоянки культуры Кёреш-Криш в Румынии известны в настоящее время более чем в 25 пунктах, причем не только в западных областях Румынии, но и на широкой территории, начиная от границ Венгрии и Югославии; в Трансильвании — вдоль левого притока р. Тиссы, р. Кёреш, в бассейне р. Муреша; в Ольтении — по течению левых притоков Дуная (Жиу, Ольту). Известны эти стоянки в Молдове — вдоль правых притоков Серета (Молдовы, Быстрицы, Бырлад); на северо-востоке Румынии они доходят до района г. Яссы на Пруте.

На стоянках культуры Криш в Румынии у с. Валей-Лупулуй (в районе г. Яссы, на р. Жижия, притоке Прута) И. Нестором были раскопаны остатки землянок и хозяйственных ям с керамическим комплексом, характерным для культуры Кёреш-Криш, которая связана с более южной культурой Старчево и с нижними горизонтами Винчи¹⁵.

Среди керамических находок выделяются серые и красные хорошо лощенные сосуды в форме чаш (с резким профилем у дна) и сосуды на полой невысокой подставке, состоящей как бы из четырех слившихся ножек. В плане такая подставка имеет крестообразную форму. Часто по красной хорошо полированной поверхности сосудов нанесена роспись черной или черной и белой красками в виде треугольников, косой сетки, волнообразных лент.

Другая группа сосудов — из серой массы неравномерного обжига; наружная поверхность красно-желтая, сильно мажущаяся, обычно с орнаментом, состоящим из узких углубленных полос, образующих сплошь заштрихованные соприкасающиеся треугольники, орнамент в елочку, косую сетку. Наиболее характерна грубая керамика из массы с растительной примесью, с хорошо заглаженной поверхностью, сплошь покрытой мелкими овальными парными углублениями, каждое из которых нанесено под углом друг к другу. Среди орудий этой культуры встречены сланцевые клинья, кремневые скребки, костяные шилья, лопаточки и т. п.

Новые стратиграфические данные, полученные в ряде пунктов, показали хронологическое место культуры Криш среди других позднеолитических культур Румынии (ее соотношение с культурой линейно-ленточной керамики, с культурой Боян и с раннетрипольской). Эти наблюдения дополняют хронологические построения В. Милойчича для Дунайского бассейна. Так, в результате раскопок М. Петреску-Дымбовица у с. Периени на р. Бырлад (правый приток Прута) обнаружены землянки с двумя хронологически различными культурными слоями: нижний слой включает комплекс находок культуры Криш, верхний — линейно-ленточную керамику с угловым нотным орнаментом¹⁶.

Раскопки в Периени позволили сделать вывод, что культура Кёреш-Криш на востоке Румынии древнее культуры с линейно-ленточной керамикой.

Кроме того, материалы из Периени, из Валей-Лупулуй и из других пунктов около г. Яссы указывают на распространение раннеземледельче-

¹⁵ J. Nestor и др. Săpăturile de pe santierul. Valea Jijie. SCIV, т. II, № 1 и 2. București, 1951.

¹⁶ Информации о раскопках в Периени напечатаны в SCIV, т. I, №№ 1 и 2. București, 1950; SCIV, т. II, №№ 1 и 2. București, 1951. M. Petrescu-Dimbovița. Sondajul stratigrafic de la Perieni Materiale și cercetări Archeologice, т. III, 1957. С материалами из раскопок мне удалось познакомиться в музее в Яссах благодаря любезности М. Петреску-Дымбовица.

ской культуры Криш далеко на восток в бассейне Серета и Прута. Подобное же наблюдение с соотношением культуры Криш и культуры линейно-ленточной керамики было сделано в окрестностях г. Клужа на поселении в урочище «Чипеу» в бассейне р. Муреш.

Не менее интересны раскопки С. Золтана (1949 г.) и И. Нестора (1955 г.) на многослойном поселении у с. Летц, на северо-восток от Св. Георгиево, в бассейне р. Негру (левый приток р. Ольт) ¹⁷. В обнаруженной здесь глубокой землянке были сделаны наблюдения над залеганием двух горизонтов с керамикой культуры Криш (Криш I и II с некоторыми различиями в керамике), выше которых обнаружен богатый слой культуры Боян (поздней фазы Джулешты), а еще выше — культура типа Ариушд (Кукутени А) с керамикой с трехцветной росписью. Чрезвычайно богатые находки из всех слоев раскопок в Летце дают полное представление о смене населения трех различных групп раннеземледельческих племен.

Раскопки у с. Летц установили остававшееся до сих пор неизвестным важное соотношение между различными группами культуры Криш и культурой Боян (фаза Джулешты), а также культурой Боян и трипольской культурой типа Кукутени А—Ариушд.

По соседству с племенами культуры Кёреш-Криш на северо-востоке, как думают многие исследователи, одновременно с ними селятся другие земледельческо-скотоводческие племена культуры линейно-ленточной керамики (или культуры I дунайского периода, по Чайлду). Ее носители, как думает Г. Чайлд, пришли с берегов Средиземного моря или Анатолии; однако прародиной их он все же считает пространства севернее Среднедунайской равнины.

Многие немецкие и чешские ученые указывают на Чехословакию как на центр распространения древней культуры линейно-ленточной керамики. Носители I дунайской культуры занимали, по Чайлду, обширные лесовые области к северо-западу и к северу от Дуная, начиная от Венгрии и до Северной Германии и от Галиции до Бельгии ¹⁸.

Это — сравнительно хорошо изученная неолитическая земледельческая культура Центральной Европы, племена которой известны в Чехословакии, Польше, в Моравии и в Румынии.

Польские археологи Л. Козловский, И. Журовский, В. Антоневиц и К. Яджевский считали, что культура линейно-ленточной керамики зарождается на Среднем Дунае, откуда носители этой культуры продвигаются на запад и север, проникая позднее на территорию Румынии, Польши и в верховья Днестра ¹⁹.

За последние годы в Румынии сделан целый ряд открытий поселений с линейно-ленточной керамикой. Так, у с. Главанешти-Веки в долине р. Жижия (приток Прута) ²⁰ были вскрыты большие землянки с характерным комплексом находок этой культуры. Этот комплекс состоит из керамики двух групп: 1) тонкостенной — из серой массы с линейным, так называемым нотным орнаментом и 2) грубой — из черной массы с растительной примесью. Среди сосудов первой группы — шаровидные глубокие чаши с линейным нотным орнаментом. Иногда орнамент состоит из трех узких резных линий, которые вертикально или несколько наискось (под углом) свисают по стенкам сосуда. Часто на стенках имеются невысокие бугорки без отверстий. На единичных экземплярах чаш имеются носики. Кроме шаровидных чаш, типичны небольшие шаровидные сосуды с невысоким горлом. На плечиках ручки в форме двойных бугорков со сквозными отверстиями. Нередки ручки в форме головки животного (быка).

¹⁷ S. Zoltan. Săpăturile din anul 1949 la Leț-Varhegiu. Materiale și cercetări de Istorie Veche a României. București, 1951. I. Nestor. Raport asupra sondajelor de la Leț-Vârhegy. Materiale și cercetări Arheologice, т. III, 1957. С материалами И. Нестора из раскопок в Летце удалось познакомиться в музее Св. Георгиево благодаря любезности И. Нестора.

¹⁸ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 149—150.

¹⁹ Там же.

²⁰ J. Nestor и др. Ук. соч.

Сосуды второй группы, более грубые, изготовлены из черной массы с растительной примесью; орнамент бедный, в виде налипных валиков и ряда овальных углублений по краю. Кремневые орудия немногочисленны — это небольшие округлые скребки, вкладыши серпов, пластины, нуклеусы. Особенно интересны малых размеров карандашевидные нуклеусы с миниатюрными пластинами, геометрические трапеции. Характерны сланцевые клинья и долота из сланца в форме «башмачной колодки», лопаточки из кости, глиняные грузила.

В другом пункте, у с. Траян²¹, Г. Думитреску обнаружила фрагменты керамики с линейным и нотным орнаментом в одном культурном слое с керамикой типа Криш, причем они залежали на поселении ниже культурного слоя Кукутени А—В и выше горизонта с керамикой Кукутени А. Таким образом, в результате новых данных раскопок в Румынии не всегда возможно с достаточной ясностью представить себе соотношение культуры линейной керамики с другими неолитическими культурами, например с культурой Криш и с культурой Боян. В связи с этим особенно важными представляются стратиграфические наблюдения, сделанные в Румынии у с. Перieni, которые указывают, что керамика с линейным нотным орнаментом залежала в культурном слое выше культуры Криш. Для советских археологов, ведущих раскопки в Поднестровье, эти новые материалы, добытые румынскими учеными, представляют, несомненно, немалый научный интерес прежде всего в связи с поисками памятников наиболее ранних периодов неолита в междуречье Прута и Днестра, которые относились бы к земледельческим племенам дотрипольского времени. В настоящее время находок, аналогичных культуре Криш, на левом берегу Прута, в бассейне Реута и Днестра пока не обнаружено. Вместе с тем вполне возможно, что памятники культуры Криш станут известными восточнее Прута, и эта культура явится наиболее ранней земледельческо-скотоводческой неолитической культурой, предшествующей здесь раннетрипольской культуре.

Еще больший интерес представляют для советских археологов работы, проводимые в Румынии по исследованию неолитической нижнедунайской культуры Боян.

Впервые эта культура была открыта в 1924 г. на оз. Боян, по имени которого она и была впоследствии названа²². В последнее время Е. Комша собрал многочисленный материал из старых раскопок памятников культуры Боян и хронологически распределил его в пределах различных фаз: Дудешты, Болинтиняну, Джулешты, Видра, Петру-Рареш. Он же провел раскопки на стоянках в окрестностях г. Бухареста у сс. Дудешты, Болинтиняну, Гряка, Альдени, Джулешты, расположенных на первой надпойменной террасе²³, а Д. Берчиу и С. Моритц руководили раскопками на многослойных поселениях (теллях) в сс. Тангуру, Спанцово, Галацуй и др. В Молдове у сс. Знешты, Траян, Ларга-Жижия, Летца (в районе г. Сталино) и во многих других пунктах ведутся исследования в целях освещения различных фаз и локальных вариантов культуры Боян. Выяснилось, что культура Боян, известная ранее лишь в бассейне Дуная, распространяется по Дунаю до бассейна р. Ольта, в Трансильвании по р. Мурешу²⁴, в предгорьях Восточных Карпат, по течению Серета и его притокам, доходя на более поздней фазе (фаза Джулешты) на востоке до р. Прута.

²¹ H. Dumitrescu. Santierul Train. SCIV, т. IV, № 1—2, București, 1953; SCIV, т. V, № 1—2, București, 1954.

²² V. Christescu. Les stations préhistoriques du Lac de Boian. Dacia, т. II, București, 1924.

²³ E. Comşa. Consideratu cu privire la evoluția culturii Boian. SCJV, т. I, № 3—4. București, 1954; его же. Stadiul cercetărilor despre viața oamenilor din faza Bolintineanu a culturii Boian. SCIV, т. V, București, № 1—2, 1955; его же. Săpături de salvare și cercetări de suprafață în regiunea București. SCJV, т. VI, № 3—4, București, 1955; его же. Rezultatele sondajelor de la Dudești, și unele probleme ale neoliticului de la sud de Carpați. SCIV, № 1—2, București, 1956.

²⁴ Torma Zsófia. Cuyjtenény. Red. Roska Márton. Kolozsvár, 1941.

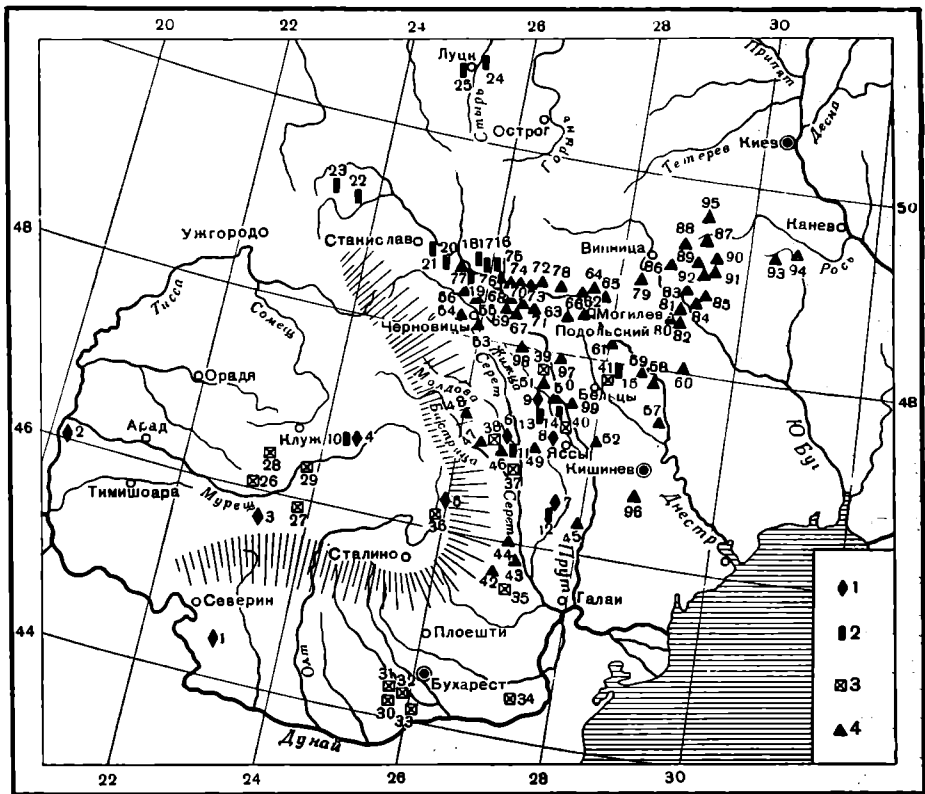

Рис. 2. Карта основных памятников поздненеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья

1. Памятники культуры Кёреш (Криш):
1 — Вербицоара; 2 — Бешенова-Веки; 3 — Чогловина; 4 — Чипеу; 5 — Летц; 6 — Траян; 7 — Перени; 8 — Валея-Лупулуй; 9 — Главанешти-Веки.
2. Памятники культуры линейно-ленточной керамики:
10 — Чипеу; 11 — Траян; 12 — Перени; 13 — Главанешти-Веки; 14 — Ларга-Жижиа; 15 — Флорешты; 16 — Синьков; 17 — Торске; 18 — Поповцы; 19 — Звенячик; 20 — Незвиско; 21 — Букивна; 22 — Колодница; 23 — Котоване; 24 — Луцк; 25 — Баев.
3. Памятники культуры Боян (фаза Джулешты):
26 — Тордош; 27 — Петрешты; 28 — Сентимбра; 29 — Хондоара; 30 — Тангуру; 31 — Видра; 32 — Джулешты; 33 — Гряка; 34 — Богата; 35 — Алдени; 36 — Летц; 37 — Зенешты; 38 — Извоаре; 39 — Владены; 40 — Ларга-Жижиа; 41 — Флорешты.
4. Раннетрипольские памятники (Триполье А):
42 — Панду; 43 — Циорани; 44 — Миндриска; 45 — Богданешты; 46 — Траян; 47 — Извоаре; 48 — Тирпешты; 49 — Негрешты; 50 — Ларга-Жижиа; 51 — Владены; 52 — Радени; 53 — Коровия; 54 — Черновцы МТС; 55 — Ветлювка; 56 — Новоселье; 57 — Голецканы; 58 — Солончаны II; 59 — Солончаны I; 60 — Александровка; 61 — Сороки; 62 — Наславча-Лука; 63 — Окница; 64 — Озаринцы; 65 — Вила-Ярузкая; 66 — Воеводичинцы; 67 — Кельменцы; 68 — Осельва I; 69 — Осельва II; 70 — Берново-Лука; 71 — Ленковцы; 72 — Лука-Врублевская; 73 — Лука-Устинская; 74 — Брага; 75 — Бабшин; 76 — Сокол; 77 — Городница; 78 — Старая Ушица; 79 — Печора; 80 — Саврань; 81 — Греновка; 82 — Сабатиновка II; 83 — Могильное I; 84 — Могильное II; 85 — Данилова-Балка; 86 — Колодисто; 87 — Борисовка; 88 — Иваньки; 89 — Улановка; 90 — Рахны; 91 — Гунча; 92 — Харпачка; 93 — Красностава; 94 — Вишнеполь; 95 — Плисков-Чернявка; 96 — Фунду-Галбен; 97 — Ин-Панора; 98 — Трушешты; 99 — Унгены.

Для советских археологов, открывших поселение у с. Флорешты на р. Реуте в Молдавской ССР, особый интерес представляют поселения типа Джулешты, Зенешты²⁵, Трудешты, Ларга-Жижиа на Пруте²⁶, второй горизонт Летца на Ольте, где на поселениях открыты как землянки, так и наземные глинобитные жилища. Комплекс керамических находок состоит: 1) из керамики типа Боян — Джулешты с глубоко врезаемым орнаментом из спиральных шахматных узоров и рядов треугольников, часто заполненных белой массой, 2) из серых каннелированных сосудов, 3) из грубых кухонных сосудов с щипковым ногтевым орнаментом, покрывающим всю поверхность сосуда. Характерны сосуды на полых прямых подставках, грушевидные, конические крышки. Среди находок отмечены фрагмен-

²⁵ Раскопки Г. Думитреску. См. SCIV, № 1—2, București, 1954.

²⁶ Раскопки И. Нестора. См. SCIV, т. III, № 1—2, București, 1952.

ты глиняных статуэток, по типу аналогичные статуэткам раннего Триполья.

Такова в общих чертах достаточно сложная картина расселения поздненеолитических дотрипольских племен в бассейнах Дуная, Серета и Прута в конце IV и в начале III тысячелетия до н. э. (рис. 2). Племена как культуры Кёреш, так линейно-ленточной керамики и культуры Боян занимались земледелием, разведением домашних животных, охотой, вели межплеменной обмен с более западными закарпатскими областями, откуда получали обсидиан, позднее — медь, золото. Сходство в керамических изделиях, в формах сосудов, в их орнаменте, в типах землянок и в больших наземных прямоугольных домах дает право делать заключение о постоянных культурно-исторических связях между этими различными по своему происхождению «культурными комплексами» (по терминологии В. Гарашанина) и раннетрипольскими.

Большие раскопки трипольских поселений в Румынии, главным образом в бассейнах Серета и Прута, позволили сделать новые наблюдения в дополнение к изученной ранее стратиграфии у с. Кукутени. Раскопки таких поселений, как Трушешты, Траян, Хабашешты, подтвердили намеченную периодизацию трипольской культуры, начиная с самых ранних этапов. Но на некоторых поселениях, как, например, на известном поселении у Извоаре, где Р. Вульпе были произведены в 1948 г. (дополнительные к 1937 г.) раскопки ниже культурного слоя раннего Триполья (Извоаре I), открыты еще более древние наслоения, относящиеся по комплексу находок к культуре Боян (фаза Джулешты). Тем самым сделано интересное открытие, стратиграфически подтверждающее, что нижнедунайская поздненеолитическая культура Боян древнее раннетрипольской²⁷.

Это открытие позволяет к создаваемой периодизации поздненеолитических культур в Дунайско-Днестровском междуречье добавить еще одну ступень и установить хронологическое соотношение культуры раннего Триполья и Боян.

Заканчивая общий обзор поздненеолитических культур и намечая на основе новых данных их хронологическое соотношение, следует перейти к рассмотрению культур позднего неолита и энеолита в Поднестровье.

На территории СССР памятники культуры Кёреш пока неизвестны; наиболее восточной границей их распространения является правый берег Прута (окрестности г. Яссы). Что касается памятников поздненеолитических племен культуры линейно-ленточной керамики, то они обнаружены на территории СССР по течению Верхнего и Среднего Днестра, в бассейне р. Реута (правый приток Днестра) и в Западной Волинии (бассейн рек Стыри и Горыни) (рис. 2). За последние годы велись раскопки в двух пунктах на Днестре: у с. Звенячка — Ю. Н. Захаруком и у с. Незвиско Станиславской области — Е. К. Черныш. Интересны недавно опубликованные результаты раскопок на многослойном поселении в с. Незвиско, нижний слой которого относится к культуре линейно-ленточной керамики²⁸. За три года раскопок на поселении раскопана большая полуземлянка, наземное глинобитное жилище и находившееся возле него погребение с трупосожжением. Жители поселения занимались примитивным земледелием (возделыванием пшеницы, полбы, гороха), скотоводством (разведение крупного и мелкого скота, свиней) и охотой. Керамический комплекс и орудия труда из Незвиско находят себе полную аналогию среди широкого круга памятников культуры линейно-ленточной керамики Центральной Европы — Польши, Чехословакии, Моравии, Румынии. Особый интерес представляют сделанные наблюдения над стратиграфическим соотношением нижнего слоя культуры линейно-ленточной керамики с три-

²⁷ R. Vulpe. Izvoare. Săpăturile din 1936—1948. București, 1957.

²⁸ Е. К. Черныш. Раскопки в с. Незвиско, Станиславской области. КСИА, вып. 4, Киев, 1955; е е же. Многослойное поселение у с. Незвиско на Днестре. КСИИМК, вып. 63, 1956.

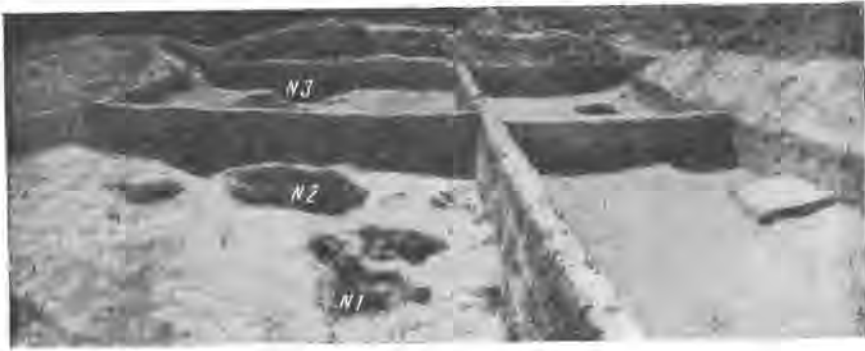

Рис. 3. Поселение Флорешты. Общий вид полуземлянок №№ 1, 2 и 3 с севера

польским слоем среднего этапа (В/1). На основе раскопок в Незвиско возможно сделать заключение, что трипольские племена на раннем этапе своего развития жили одновременно и по соседству с племенами культуры линейно-ленточной (с нотным орнаментом) керамики. Подобное же положение высказывает И. Нестор в своем исследовании, посвященном культуре линейно-ленточной керамики в Румынии²⁹. Примерно к таким же выводам пришел и И. К. Свешников в обзоре находок линейно-ленточной керамики на территории СССР. Однако в его работе необоснованным является выделение волынской группы памятников как более поздней³⁰.

В западноевропейской литературе существует классификация линейно-ленточной керамики, различающая две группы — более древнюю, со спиральным орнаментом, и более позднюю, с так называемым угловым и нотным орнаментом. Первая группа датируется временем более древним, чем раннетрипольская; более поздняя, по-видимому, синхронна раннему Триполюю.

В пределах этой классификации Б. Соудский³¹ и Ю. Неуступный³² внесли еще большую детализацию в классификацию культуры линейно-ленточной керамики для Чехословакии. В настоящее время анализ керамических находок из Незвиско, Котоване, Торска и др. указывает на принадлежность их всех к группе с угловым и нотным орнаментом. Более древней группы керамики линейно-ленточной культуры (со спиральным орнаментом) ни в Поднестровье, ни в соседних областях Румынии пока неизвестно. Это позволяет сделать заключение, что племена культуры линейно-ленточной керамики продвинулись сюда из Центральной Европы не на раннем этапе, а позднее и соседнили с ранними племенами Триполюя.

Раскопки в Незвиско дали возможность детально познакомиться с керамическим комплексом культуры линейно-ленточной керамики и поставить вопрос о взаимоотношении его с трипольским. Стало очевидным, что ни одна из керамических групп, входящих в этот комплекс, не позволяет связать его с раннетрипольским. Ни формы, ни техника изготовления сосудов, ни характер их орнамента не могут быть связаны с трипольскими и не подтверждают выдвинутого ранее положения о генетической преемственности культуры Триполюя от культуры линейно-ленточной керамики. Это две различные группы племен, генетически не связанные друг с другом и занимающие различные территории.

²⁹ J. Nestor, *Cultura cerameicei liniare in Moldova*. SCIV, т. II, № 2, București, 1951.

³⁰ И. К. Свешников. *Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни*. СА, XX, 1954.

³¹ B. Souďský. *K methodice třídění volutové keramiky*. *Památky Archeologické*, т. XI.V, číslo 1—2, Praha, 1954.

³² E. F. Neustupný. *K relativní chronologu volutové keramiky*. *Archeologické rozhledy*, т. VIII, Praha, 1956; D r. B. Souďský. *K relativní chronologu volutové keramiky*. *Archeologické rozhledy*, т. VIII, Praha, 1956; M. Štekl a. *Pohřby lidu s volutovou a vypichanou keramikou*. *Archeologické rozhledy*, т. VIII, Praha, 1956.

Итак, за последние годы как на территории СССР, так и в Румынии было сделано немало открытий, которые позволили дополнить построение В. Милойчича по хронологизации неолитических культур Дунайского бассейна и уточнить ранее созданную периодизацию трипольской культуры. По этому пути и велись наши изыскания в Поднестровье в последние годы.

Рис. 4. Поселение Флорешты. Верхний культурный слой (Боян)

1 — медное шило; 2 — подвеска из кости; 3 — фигурка из кости;
4 — 5 — сланцевые орудия

Они привели прежде всего к поискам памятников более древнего, дотрипольского, времени в бассейне Днестра, датируемых поздним неолитом. Поиски эти увенчались открытием в 1954 г. (местным краеведом В. И. Маркевичем) дотрипольского поселения в бассейне р. Реута, у с. Флорешты, где и были произведены в 1955 г. разведки Молдавской экспедицией ИИМК АН СССР³³, а в 1956 г. начаты систематические раскопки.

Поселение у Флорешты расположено на второй террасе левого берега Реута, в 1,5—2 км на запад от с. Флорешты; возвышенный берег (20 м), на котором находится поселение, вплотную примыкает к ж.-д. линии Жмеринка — Бельцы. В 1956 г. раскоп площадью в 256 м² был разбит на вспахиваемом поле между двумя лесозащитными полосами из акаций, тянувшимися вдоль железной дороги. Еще в процессе раскопок было установлено, что поселение Флорешты — памятник многослойный. Выяснилось, что на глубине 0,20—0,30 м в верхнем потревоженном слое обнаруживаются фрагменты серой лощеной керамики, сделанной на круге и относящейся к эпохе «полей погребений». На этой же глубине было встречено незначительное число обломков керамики позднебронзовой эпохи, датируемых началом I тысячелетия до н. э. Два основных древних культурных слоя на поселении Флорешты сохранились хорошо. Верхний, мощностью от 0,50 до 0,80 м, залегал на глубине до 1 м в черноземе, переходящем в нижних горизонтах в коричневатый суглинок. Он был чрезвычайно насыщен фрагментами керамики, костями животных, орудиями из кремня и сланца. Нижний слой прослеживался с глубины 0,80—1 м на границе коричневатых и желтых суглинков, в которых и были обнаружены остатки больших полуземлянок с линейно-ленточной керамикой.

В верхнем слое, исключительно богатым находками культуры Боян, материал располагался довольно равномерно по всей площади раскопа. Наземных жилищ в слое этого времени не обнаружено, но была вскрыта полуземлянка (№ 2) неправильно овальной формы. Длина ее 2,8 м, шири-

³³ См. Т. С. Пассек. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 году, КСИИМК, вып. 70, 1957.

Рис. 5. Поселение Флорешты. Верхний культурный слой. Керамика культуры Боян
1 — 5 — фрагменты сосудов с каннелюрами; 6 — 11 — фрагменты грубых кухонных сосудов

на 2,2 м. Стены ямы довольно крутые и только со стороны входа несколько более пологие (рис. 3). В древности глубина ямы была около 1 м, в настоящее время дно ямы находится на глубине 1,8 м от поверхности. Дно ямы было неровным, постепенно углублявшимся к центру. Очаг, от которого сохранился слой золы и угля толщиной в 4—8 см, располагался у северо-западной стороны ямы. На дне ямы у очага находились сосуды с резным орнаментом и кухонная посуда. У северной стены полуземлянки лежал нижний камень зернотерки. На дне найдено много костей животных, многочисленные фрагменты керамики трех характерных для культуры Боян групп, фрагмент модели жилища, женской статуэтки, заготовки прищип, роговая мотыга, костяная лопаточка, кремневые скребки, сверло, кремневое острие микролитического характера, нуклеусы, плоские сланцевые клинья, пластинка обсидиана. Многочисленные находки культуры Боян были сделаны не только в полуземлянке № 2, но и в культурном слое вокруг. Среди находок в боянском слое следует упомянуть медное (целое) шило (рис. 4, 1), подвеску (рис. 4, 2) и фигурку из кости Балкано-Валахшского типа (рис. 4, 3).

Рис. 6. Поселение Флорешты. Верхний культурный слой. Керамика с углубленным орнаментом культуры Боян

1 — 3 — фрагменты крышек; 4 — 7 и 9 — фрагменты полых цилиндрических подставок сосудов; 8 — фрагмент полый ножки сосуда

Все находки, сделанные в полуземлянке № 2, относятся только к одному времени. Судя по их характеру, полуземлянка № 2, как и верхний культурный слой на поселении Флорешты, относится к поздней фазе культуры Боян (фазе Джулешты). Характерен керамический комплекс: толстенная кухонная керамика, глина желтоватая, серовато-желтая, неравномерно обожженная, с примесью шамота. Наружная поверхность шероховатая, со следами сглаживания пальцами; орнамент в виде ряда ногтевых углублений у основания края. Края сосудов заполированы. В большинстве же случаев поверхность кухонной посуды (обычно это несколько вытянутые горшки и чаши) до самого дна покрыта ямками-углублениями, нанесенными ногтем. Эта кухонная посуда со сплошной орнаментацией ямками и бугорками типична для поздненеолитических памятников Подунавья и Балкан и встречается на всех фазах культуры Боян; она имеет некоторое сходство с грубой керамикой культуры Кереш (рис. 5, 6—11).

В верхнем, боянском, слое и в полуземлянке № 2 во Флорештах большое количество фрагментов относится к другой группе сосудов, вылепленных из сероватой и коричневатой массы с примесью шамота. Поверхность этих сосудов лощеная, украшена глубоким резным орнаментом, состоящим из рядов треугольников, квадратов, спиральных лент. Часто ленты в

свою очередь образованы из трех-четырех рядов треугольных или квадратов, расположенных в шахматном порядке. Глубоко вырезанный орнамент в большинстве случаев заполнен белой, реже красной массой. Подобная техника выполнения глубоко врезанного по глине орнамента типична для культуры Боян; в раннетрипольских поселениях она неизвестна. Однако сосуды на полых подставках и сосуды грушевидной формы, конические крышки, а также система спирального орнамента аналогичны раннетрипольской группе керамики с углубленным орнаментом. Керамика верхнего слоя во Флорештах, относящаяся к культуре Боян, дает возможность проследить развитие основных орнаментальных систем, типичных для раннего Триполья (рис. 6, 1—9).

Вместе с группой кухонной посуды и посуды с резным орнаментом в верхнем культурном слое и в полуземлянке № 2 находились сосуды серые, тонкостенные, с каннелированной поверхностью и орнаментом, нанесенным оттисками штампа, часто украшающим ребра каннелюр или заполняющим пространства между лентами. Этот тип керамики аналогичен каннелированной посуде раннего Триполья (рис. 5, 1—5).

В культуре Боян исследователи намечают в настоящее время пять фаз. Одна из позднейших — фаза Джулешты. Комплекс керамики из Флорешты аналогичен комплексам керамики из ряда поселений этой позднейшей фазы культуры Боян в Румынии (из керамики нижнего слоя в Извоаре, Ларга-Жижия, Зэнешты, Джулешты, Гряка, Богаты, Владен, Летц, нижних слоев Тордоша и др.). На фазе Джулешты племена культуры Боян продвинулись с Дуная в бассейн Прута.

В раскопе 1956 г. во Флорештах ниже культурного слоя Боян, начиная с глубины 1 м, в желтоватых суглинках был обнаружен древний культурный слой с линейно-ленточной керамикой. Было открыто два больших жилища (№№ 1 и 3; рис. 7 и 8), представляющих собой длинные полуземлянки. Полностью была вскрыта полуземлянка № 3 (полуземлянка № 1 была раскопана целиком в 1957 г.). Полуземлянка № 3 имела овально-вытянутую форму до 12 м в длину и до 4 м в ширину (общая площадь 30—36 м²). Она ориентирована с севера на юг, вырыта в лёссовидном суглинке. Пол жилища неровный; на его поверхности насчитывается восемь ям различной формы и глубины (от 1,50 до 2,5 м) и различного назначения. Одна из них, наиболее глубокая, несомненно служила местом очага. В ней найдены остатки золы и угля.

Заполнена полуземлянка была грубой кухонной керамикой, изготов-

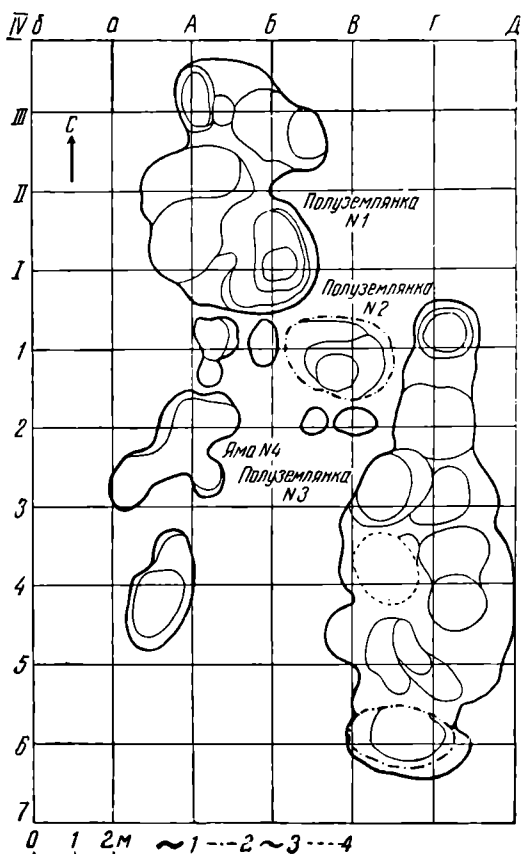

Рис. 7. Общий план раскопок в 1956 г. на поселении Флорешты

1 — контур полуземлянки культуры линейно-ленточной керамики; 2 — контур ямы культуры Боян; 3 — внутренний рельеф полуземлянок и ямы; 4 — контур поздней ямы

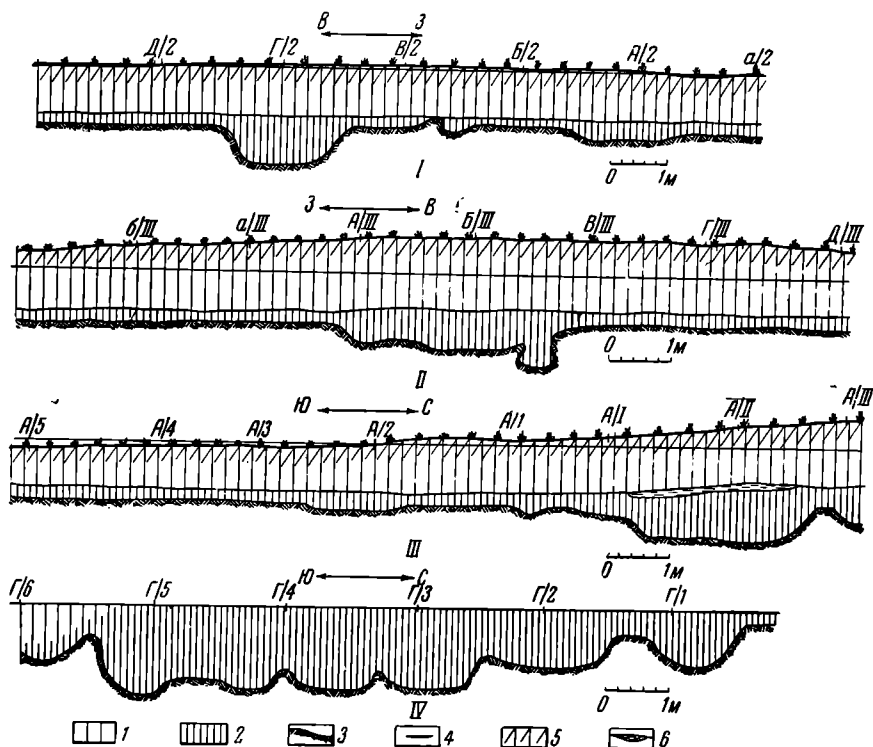

Рис. 8. Поселение Флорешты

I — разрез D/2 — а/2; II — разрез б/III — Д/III; III — разрез А/5 — А/III;
IV — разрез полуземлянки № 3 по линии Г/6 — Г/1

1 — слой культуры Боян; 2 — слой культуры линейно-ленточной керамики; 3 — материк;
4 — глиняная обмазка; 5 — смешанный горизонт; 6 — выкид

ленной из глины с растительной примесью, и керамикой с линейно-ленточным орнаментом, костями животных, орудиями из кремня, изделиями из кости (шилья, лопаточки). Количество находок в этом слое меньше, чем в верхнем, но все же значительно.

В северном конце полуземлянки обнаружены круглые неглубокие ямы, видимо хозяйственного назначения. Вдоль восточной стороны — еще три ямы овальной формы; в них найдено немного линейно-ленточной керамики. Основные находки были сосредоточены в ямах около очагов. Южная стенка полуземлянки № 3 была разрушена ямой, относящейся к культуре Боян (рис. 7).

Другая полуземлянка (№ 1) — длинное жилище, состоявшее из нескольких ям, тянувшихся с севера на юг. Дно ее неровное. Длина около 7 м, ширина от 3 до 4 м. Полуземлянка вырыта в желтоватом суглинке на глубине до 2 м от современной поверхности. В наиболее глубокой части ямы был расположен очаг, возле которого находилось много фрагментов керамики, кости животных и камни зернотерки. Ближе к южной стене полуземлянки по оси север — юг были расчищены две ямки (до 0,25 см в диаметре) от столбов, подпиравших кровлю. Очевидно, полуземлянки во Флорештах, как и длинные полуземляночные жилища (40 м² общей площадью) в Кёльн-Линдентале, имели плетеные из прутьев и обмазанные глиной стены³⁴.

С южной стороны почти вплотную примыкают к полуземлянке № 1 и тянутся по оси с севера на юг еще несколько неглубоких ям. Связаны ли они с полуземлянкой № 1 и составляют ли с ней одно хозяйственное целое — сказать затруднительно, но, видимо, все же связаны, если вспомнить

³⁴ W. Buttler, W. Haberey. Die Bandkeramische Ansiedlung bei Köln-Lindenthal. Leipzig, 1936.

Рис. 9. Поселение Флорешты. Нижний культурный слой

1 — 2 — фрагменты грубых кухонных сосудов культуры линейно-ленточной керамики; 3 — 6 — фрагменты сосудов с нотным орнаментом

систему жилых и хозяйственных ям на поселениях с линейно-ленточной керамикой Центральной Европы.

Керамика нижнего слоя во Флорештах представлена, во-первых, крупными толстостенными кухонными сосудами, бедно украшенными ямками и налепными бугорками. Она вылеплена из черной глины с растительной примесью. Глина сильно пористая, обжиг неравномерный (рис. 9, 1, 2). Другую группу керамики составляет серая, серовато-черная, иногда серовато-розовая посуда с тонкими, хорошо лощеными стенками. Сосуды-чаши округлых форм с незначительным дном украшены тонкими резными по глине линиями, пересеченными обычно углубленными овальными или треугольными мелкими точками, так что орнамент как бы напоминает ноты, отчего получил наименование «нотного» орнамента. Подобный комплекс керамики на территории Молдавии обнаружен впервые (рис. 9, 3—6).

Кроме керамики, среди находок следует упомянуть кремневые нуклеусы (рис. 10, 16—18), отбойники, небольшие скребки (рис. 10, 13—15), кремневые пластины — вкладыши серпов (рис. 10, 10), кремневые острия микролитовидной формы (рис. 10, 2—8) и пластины из обсидиана (рис. 10, 11—12), костяные шилья, лопаточки и характерные только для этой культуры сланцевые долота в форме «башмачной колодки».

Судя по характеру находок, хозяйство обитателей поселений первого и второго культурного слоя было сходным. Жители того и другого поселения занимались примитивным мотыжным земледелием, скотоводством, охотой. Сравнительно большой остеологический материал, собранный в 1955 и 1956 гг. во Флорештах (всего собрано 3790 костей, из них определено 1926 экз.), распределяется следующим образом.

Из верхнего культурного слоя и из землянки № 2 культуры Боян определено 1354 экз. от 167 особей. Домашним видам принадлежит 59 особей; диким видам — 108 особей³⁵. Среди домашних особей первое место за-

³⁵ Определение остеологического материала принадлежит В. И. Цалкину.

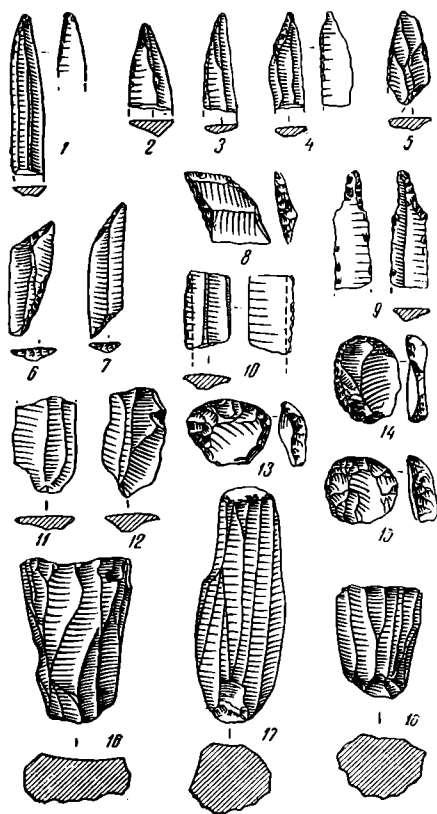

Рис. 10. Поселение Флорешты. Орудия из кремня и обсидиана (1/2 нат. вел.)

стоянок, расположенных западнее Днестра (Мадара, Под-Гряда, Фрумушика в Румынии), к востоку же от Днестра тур известен из южного поселения Усатова и в Берново-Луке³⁶; лось же встречается к востоку от Днестра (Владимировка, Киев, Халепье, Лука-Врублевская, Ленковцы) и в Поливановом-Яру (на правом берегу Днестра).

На основании имеющихся видов диких млекопитающих (тур, благородный олень, косуля, бобр, отчасти кабан) можно говорить о лесном ландшафте окрестностей поселения Флорешты в бассейне Реута, сочетающемся, вероятно, с открытыми травянистыми полями и долинами.

Среди домашних животных наибольшее экономическое значение принадлежало крупному рогатому скоту (более 60% всех особей домашних животных в обеих культурах). Костные остатки принадлежат крупным особям типа серого украинского скота. Остатков мелкого рогатого скота (овцы, козы) очень немного (четыре особи), даже по сравнению с наиболее ранними трипольскими поселениями. Кости свиньи относятся к мелкой породе и принадлежат почти исключительно молодым животным.

Судя по большому проценту диких млекопитающих, значительно преобладающих над домашними животными (70% диких и 30% домашних), комплекс из поселения Флорешты, безусловно, является самым древним из всех наиболее ранних трипольских поселений. По определению В. И. Бибиковой, в Берново-Луке остатки диких животных составляли

нимает крупный рогатый скот (36), затем свинья (17), собака (4) и мелкий рогатый скот (2). Среди особей диких животных первое место занимает кабан (47), затем тур (21), благородный олень (21), косуля (15), бобр (4).

Остеологический материал из двух землянок (№№ 1 и 3) с линейно-ленточной керамикой сравнительно невелик (250 экз. от 34 особей) и не отличается от бояновского. Среди особей домашних животных первое место занимает крупный рогатый скот (100), затем свинья (5) и мелкий рогатый скот (2). Из числа особей диких животных на первом месте стоит кабан (5), затем благородный олень (4), тур (3), косуля (2), бобр (2).

В обеих культурах отчетливо замечается преобладание костей диких млекопитающих над домашними. По количеству костяных остатков, как и по числу особей, диких млекопитающих почти в два раза больше, чем домашних. Наиболее богато представлены в обоих горизонтах кабан, тур, благородный олень, косуля. Обращает на себя внимание наличие в фауне этого поселения костей тура. Остатки тура отмечены В. И. Бибиковой в трипольских поселениях для

³⁶ В. И. Бибикова. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевская. МИА, № 38, 1953.

61%, домашних — 39%³⁷; в Луке-Врублевцевкой дикие животные составляли 52%, домашние — 47%³⁸; в Ленковцах дикие животные — 42%, домашние — 58%; в Сабатиновке было найдено 41% диких и 59% домашних животных. Если сравнить в процентном отношении остатки костей диких и домашних животных из раскопок в поселениях среднего (В/І и В/ІІ) и позднего (С/І и γ/ІІ) периодов Триполья, то получается следующее соотношение:

Поливанов-Яр	40% диких	60% домашних
Владимировка	24% "	76% "
Коломийщина ІІ	20,5% "	79,5% "
Коломийщина І	20% "	80% "
Усатово	11,6% "	88,4% "

По данным остеологического материала возможно говорить о том, что охота играла большую роль в хозяйстве культуры Боян и культуры линейно-ленточной керамики, чем животноводство. В составе стада преобладали бык и свинья. Разведение мелкого рогатого скота не получило еще широкого развития.

Нам представляется, что остатки фауны из Флорешты могут иметь серьезное значение для решения вопроса о происхождении животноводства в Юго-Восточной Европе. В составе дотрипольской культуры Боян и культуры линейно-ленточной керамики, так же как и в раннем Триполье, мы встречаем все основные виды современных европейских животных — быка, свиньи, собаки и мелкого рогатого скота. «Состав домашней фауны Триполья и появление ее в полностью сформировавшемся для Европы виде наводит на мысль, — пишет В. И. Бибилова, — о наличии широких связей ранних трипольцев с обитателями Восточного Средиземноморья»³⁹. Это согласуется с выводом В. И. Громовой о возможности передачи домашних животных в Восточную Европу из восточной части Средиземноморья⁴⁰. Об этом говорят в первую очередь остатки мелкого рогатого скота (овцы и козы), достоверных предков которых мы не находим в Юго-Восточной Европе⁴¹. Напротив, бык, свинья и собака могли быть одомашнены еще в неолитическую эпоху на месте.

Очевидно, сходство в характере хозяйства у племен Боян и культуры линейно-ленточной керамики определило и выбор места для поселения у Флорешты на участке, пригодном для земледелия и находящемся недалеко от реки. В Румынии поселения поздней фазы культуры Боян располагаются не только на первой (как в более древнее время), но и на второй надпойменной террасе и на плато. Их землянки и полуземлянки с очагами состоят из ряда глубоких ям; имеются и наземные жилища с глинобитным полом.

Позднее поселения чаще начинают располагаться на мысе.

Поселения культур линейно-ленточной керамики располагаются в речных долинах, на склонах террас и на плато, обычно на лёссовых отложениях, что подчеркивает их связь с земледелием. Разница во времени существования обоих поселений во Флорештах, очевидно, была невелика. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что между двумя культурными слоями обоих поселений нет перерыва. Кроме того, сооружая свои жилища, жители культуры Боян, безусловно, различали места заброшенных полуземлянок и ям ранее существовавшего здесь поселения

³⁷ Т. С. П а с с е к. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. КСИМК, вып. 51, 1953.

³⁸ В. И. Бибилова. Ук. соч.

³⁹ Там же.

⁴⁰ В. И. Г р о м о в а. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных, т. I, М.—Л., 1940, стр. 110—111.

⁴¹ С. Н. Б о г о л ю б с к и й. О путях к овладению эволюцией домашних животных. Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных, т. I, стр. 27—28.

культуры линейно-ленточной керамики и копали свои землянки в твердом грунте.

Жители Боянского поселения обитали почти на той же дневной поверхности, на которой жили ранее обитатели поселения культуры линейно-ленточной керамики ⁴².

В заключение следует отметить, что археологические раскопки на многослойном поселении у Флорешты помогают разрешить важную проблему периодизации двух основных поздненеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья — средневропейской культуры с линейно-ленточной керамикой и нижнедунайской культуры Бояна. Произведенные во время раскопок стратиграфические наблюдения закладывают прочное начало для решения одного из сложнейших вопросов древней истории населения Дунайско-Днестровского междуречья — вопроса происхождения трипольской культуры.

Анализ комплекса находок верхнего слоя Бояна во Флорештах, сравнение его с раннетрипольским, новые данные, полученные проф. Р. Вульпе в Извоаре (где слой Бояна лежит ниже раннетрипольского), позволяют говорить о том, что на рассматриваемой территории культура раннетрипольских племен сложилась под влиянием (частично на базе) земледельческой поздненеолитической культуры Боян. Как установлено румынскими археологами, племена культуры Боян продвинулись с юга, с Балканского полуострова, в Подунавье и на позднем этапе расселились в бассейне Поднестровья и, возможно, Южного Побужья. Помимо племен культуры Боян, шедших с юга, из Подунавья, в создании культуры раннетрипольских племен, несомненно, приняли участие местные поздненеолитические земледельческие племена, известные в настоящее время по сравнительно небольшим археологическим материалам из разведок и раскопок украинских археологов В. Н. Даниленко и П. И. Хавлюка в бассейне Южного Буга ⁴³, а на западе — по памятникам культуры Кёреш.

Немалое влияние испытала культура раннетрипольских племен со стороны племен, живших в областях Западных Карпат (культур Тордаша и более южных культур Винчи). Вместе с тем анализ комплекса находок нижнего слоя во Флорештах приводит к выводу о присутствии на этой территории и племен линейно-ленточной керамики, генетически связанных с поздненеолитическими племенами Среднего Подунавья и Средней Европы. Продвигаясь оттуда на северо-восток и восток, в Поднестровье, эти племена столкнулись с земледельческо-скотоводческим населением культуры Боян южного происхождения и, вероятно, в какой-то период — с раннетрипольским. Изучение комплекса находок с линейно-ленточной керамикой, а также нанесение на карту их распространения дает все основания считать, что они не были, как это предполагалось раньше, родственны трипольским племенам и не связаны в своем происхождении с культурой раннего Триполья.

Новые археологические раскопки на территории СССР и в Румынии позволяют впервые создать периодизацию поздненеолитических и энеолитических культур в Дунайско-Днестровском междуречье, а также позволяют подойти к остававшемуся до сих пор не разрешенным вопросу о последовательной смене племен в этот период, об их относительной датировке и тем самым раскрыть историю отдельных земледельческих групп племен Дунайско-Днестровского междуречья в конце IV — начале III тысячелетия до н. э.

⁴² В процессе раскопок на поселении у Флорешты попадались отщепы, мелкие пластинки и небольшой микролитовидного характера скребки из сильно латинированного кремня, возраст которых следует считать более древним (возможно, мезолитическим). В районе Флорешты за последние годы обнаружены стоянки верхнего палеолита и мезолита, и, видимо, на месте изучаемого поселения также имеются остатки верхнепалеолитической и мезолитической эпох.

⁴³ В. Н. Даниленко. Неолит Побужья...

КУЛЬТУРА НЕОЛИТА, ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ В БОЛГАРИИ

(По данным раскопок за последние годы)

В Болгарии широко представлены разнообразные археологические памятники различных эпох. Открыты места находок эпохи палеолита, известно уже около 400 поселений типа теллей («селищных холмов»), а также другие типы памятников эпохи неолита, энеолита и бронзы, огромное число фракийских поселений и курганов (несколько тысяч), оставленных по всей стране фракийскими племенами, скифами, кельтами, праболгарами.

Остановлюсь на археологических памятниках самых древних эпох — палеолита, неолита, энеолита и бронзы, памятниках, имеющих большое значение в изучении этих эпох в Юго-Восточной Европе и знакомых по материалам из таких мест, как Ямбол, Кирилово, Салманово, Кождадермен, Султан, Деве-барган, Русе, Балбунар, Веселиново, Юнаците. До последнего времени, однако, несмотря на интересные материалы из раскопок всех этих памятников, не были решены вопросы периодизации и более точной хронологии неолита и бронзовой эпохи на территории Болгарии. Не было также установлено, какое из этих поселений относится к более раннему, а какое — к более позднему периоду неолита или к энеолиту. Материалы из раскопок часто недостаточно обоснованно относились к тому или другому периоду.

После 1944 г., когда на археологические исследования стали отпускать большие средства, начались систематические и более крупные по масштабу раскопки. Для исследования были намечены памятники различного времени в нескольких местах, где и были проведены раскопки. Это — Михалич около болгарско-турецкой границы, Криводол в Северо-Западной Болгарии, Караново во Фракии, Русе на Дунае, Капитан Димитриево в западной части Южной Болгарии, Деветашская Пещера в Северной Болгарии, Дипсийское селище во Фракии, Кремниковцы недалеко от Софии и др. (рис. 1). За период с 1945 по 1956 г. раскопки на всех этих памятниках, кроме Кремниковцы, велись постоянно.

В результате раскопок удалось определить последовательную смену культур и установить относительную хронологию периодов неолита, энеолита и бронзы на территории Болгарии, проследить развитие производительных сил и выяснить ряд вопросов, касающихся быта племен — носителей той или иной культуры.

Для выяснения поставленных выше вопросов самое большое значение имели раскопки поселений типа теллей около Караново, в Деветашской Пещере, раскопки Дипсийского селища и селищного холма «Банята» около Капитан Димитриево.

Поселение около Караново — одно из самых крупных поселений типа теллей в Болгарии. Холм имеет эллипсоидное основание с диаметрами 250 и 160 м; его высота — 13,5 м. С 1946 по 1956 г., с перерывом на два сезона, проводились раскопки поселения на площади 1600 м². Было уста-

новлено пять культурных слоев, материалы которых показывают, что это поселение существовало почти непрерывно на протяжении около 1200 лет, с начала III тыс. и до конца первой четверти II тыс. до н. э.

Мощность отдельных культурных слоев различна. Нижний слой имеет толщину 2,20 м, второй слой — 2,10 м, третий — 0,90 м, четвертый — 6,10 м и пятый — 1,40 м. Самый верхний слой, толщиной 0,60 м, без культурных остатков. Материалы отдельных слоев различаются не только по керамике, но и по орудиям труда, форме и устройству жилищ, по статуэткам.

Самый нижний слой содержит материалы двух культурных горизонтов, А и В, которые различаются по керамике и некоторым формам орудий труда.

В нижнем слое Караново I были обнаружены следы жилищ прямоугольной формы длиной примерно 6—8 м, шириной 4—7 м (рис. 2, 1). Стены жилищ построены из тонких колеб, оплетенных прутьями и обмазанных глиной. Около одной из стен находилась печь, а в одном углу или снаружи, у стены, — прямоугольное помещение для хранения зерна. Полы жилищ нижних слоев в Караново I настилались из дерева. Жилища построены близко друг к другу и очень похожи одно на другое. Пространство между жилищами нижних слоев устлано деревом, а верхних слоев — песком. Зернотерка в жилищах горизонта А переносная, а в горизонте В закреплена около печи.

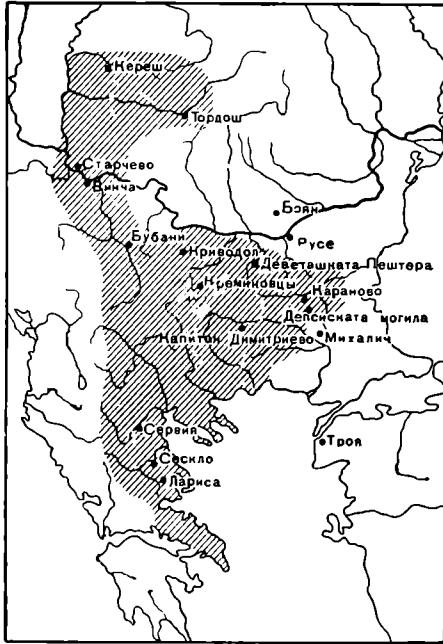

Рис. 1. Карта основных памятников эпохи неолита, энеолита и бронзы на территории Болгарии

Орудия труда — мотыги, топоры, молотки — сделаны из камня. Из кремня сделаны ножи с очень мелкой ретушью. Характерны для Караново I серпы из оленьего рога с пластинчатыми вкладышами из кремня, образующими мелкие зубья (рис. 3, 1). Примечательны для этого слоя также костяные ложки, использовавшиеся для собирания размолотого на зернотерке зерна. Особенно интересна керамика. В слое А, наряду с более грубыми сосудами, которые по форме, цвету и раскраске объединяются в одну группу, встречаются и более изящные сосуды с высокой или низкой верхней частью, с высокими полыми доньшками, с красной облицовкой, украшенные орнаментом, имитирующим оттиски ткани, и нанесенные белой, в редких случаях черной краской. В росписи преобладают геометрические мотивы — спирали, сетка, шахматный узор, ленты (рис. 3, 4). Сосуды в слое В более разнообразны по форме. Здесь впервые встречаются чаши с одной ручкой. Сосуды имеют гладкую коричневую поверхность без росписи. Некоторые из высоких сосудов с полыми доньшками украшены чуть заметными полосками косых каннелюр. Встречаются глиняные женские статуэтки (рис. 3, 2). Были найдены зерна обугленной пшеницы и орехи, кости домашних и диких животных; среди них кости свиньи, козы, собаки, кабана, серны, оленя. Были найдены также скелеты женщины и детей, погребенных в скорченном положении.

Культуру Караново I мы датировем приблизительно 3000—2600 гг. до н. э., что совпадает с периодом среднего неолита.

Материалы второго культурного слоя более разнообразны и раскрывают многие стороны быта древнего человека. Эти материалы в значи-

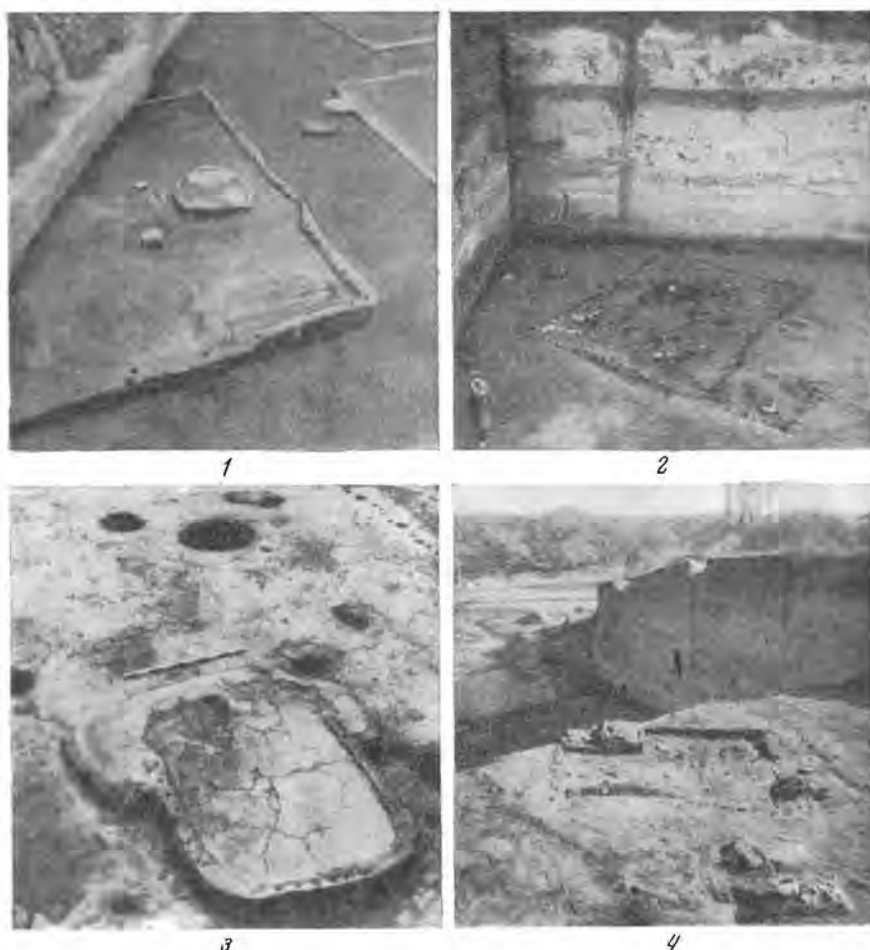

Рис. 2

1 — нижний слой Караново I А; 2 — Караново II; 3 — печь в жилище Караново III; 4 — Караново IV

тельной степени отличаются от материалов первого слоя. Жилища и здесь были построены на поселении в определенном порядке. Они прямоугольной формы и примерно таких же размеров, как в нижнем слое (рис. 2, 2). Стены их сделаны из тонких кольев, оплетенных прутьями и обмазанных более толстым слоем глины, и состоят из одного большого отделения и двух поменьше. Одно из маленьких отделений предназначено для зернотерок, печи и хранения зерна, а другое — для целей культа. Среди находок — каменные мотыги, топоры, тесла, долота, молоты, боевые ядра, кремневые стрелы, ножи, костяные шилья, наконечники копий, молотки из оленьего рога, глиняные пряслица и грузила из обожженной глины; появляется большое количество грузиков для ткацкого станка. Керамика носит другой характер. Сосуды имеют более разнообразную форму. Встречаются цилиндрические и грушевидные сосуды, снабженные цилиндрической ручкой, верхняя часть которой заканчивается цилиндрическим отростком или широкой шишечкой, и мелкие сосуды на четырех ножках (рис. 3, 5). Сосуды обычно имеют гладкую матовую или блестящую поверхность черного цвета. Иногда поверхность их украшена мелкими шишечками или рядами из ямочек. Были найдены глиняные женские статуэтки (рис. 3, 3) и столики для культа (рис. 3, 6). Обнаружены зерна обугленной пшеницы, орехи, желуди и вика, кости свиньи, козы, овцы и со-

Рис. 3.

1 — костяные серпы с кремневыми вкладышами из слоя Караново I Б; 2 — статуэтка из слоя Караново I А; 3 — статуэтка из слоя Караново II; 4 — сосуды из слоя Караново I А; 5 — сосуды из слоя Караново II; 6 — культовый столик из слоя Караново II (2—6 — изделия из глины)

баки, кабана, серны, оленя, крупного рогатого скота. Культуру этого слоя мы относим к 2600—2300 гг. до н. э., т. е. к периоду позднего неолита.

Третий культурный слой имеет толщину только около 0,90 м. В нем были найдены материалы, которые относятся не только к другой эпохе, но и к другой культуре. Жилища имеют прямоугольную форму с выходом на юг. Стены их выстроены из более толстых кольев, оплетенных прутьями и обмазанных толстым слоем глины. Жилища состоят из одного отделения. В середине северной стены сооружена большая печь (рис. 2, 3), с одной стороны которой находилась зернотерка, а с другой — обычное место для хранения зерна. Более разнообразны орудия труда. Наряду с каменными мотыгами, топорами, молотами, теслами, долотами в первый раз встречаются боевые каменные топоры. Кремень используется как для скребков, ножей и серпов, так и для наконечников стрел. Из оленьего рога сделаны маленькие мотыги с отверстиями, молотки, наконечники копий, из кости — шилья, наконечники стрел и копий, иглы. Особенно примечательна керамика. Сосуды имеют более мелкие размеры; они обыкновенно без ручки, с низкими поддонами (рис. 4, 5), матового или блестящего черного цвета. Внутри и снаружи они украшены резными бороздками, инкрустированы белой пастой, образующей ленты, полосы, треугольники и другие геометрические фигуры (рис. 4, 7). Среди костей диких и домашних животных преобладают кости крупного рогатого скота и оленей. Культивировались

Рис. 4

1, 3, 4 — керамика из Дипсийского селища и слоя Караново V Б; 2 — керамика с инкрустацией белой пастой из слоя Караново IV; 5 — керамика из слоя Караново III; 6 — орудия труда из слоя типа Караново IV (Русе, Дипшица, Завет, Караново); 7 — керамика с инкрустацией белой пастой из слоя Караново III; 8 — сосуд слоя Караново IV

пшеница и вика. Найдены грузики для ткацкого станка и пряслица для веретен. Наряду с глиняными женскими фигурками встречаются также и фигурки животных. Материалы этой культуры мы относим к началу периода энеолита, приблизительно к 2300—2200 гг. до н. э.

Четвертый культурный слой дал обширные материалы, освещающие дальнейшее развитие культуры третьего слоя. Жилища и здесь имеют прямоугольную форму; выход на юг, некоторые жилища с сенями (рис. 2, 4).

Крыша двухскатная. В более нижних горизонтах жилища выстроены из более толстых, а в верхних — из более тонких кольев, оплетенных прутьями и обмазанных глиной. Внутри стены некоторых жилищ были расписаны красными, белыми и черными орнаментами. Печи нижнего горизонта находятся в середине, у северной стены жилища. Они большие и хорошо сделаны; с двух сторон от печей находились места для размола зерна и для его хранения. Печи в жилищах верхнего горизонта меньшего размера и находятся у восточной или западной стены, около них — место для зернотерки и хранилища зерна. В некоторых сгоревших жилищах был найден весь инвентарь (орудия труда, глиняные сосуды и другие бытовые предметы). Только в одном жилище найдено 124 предмета, а в другом — более 90. Перед некоторыми жилищами, особенно в сенях, были обнаружены места, где изготовлялись орудия труда, или же мастерские для производства глиняных сосудов. Наряду с уже известными орудиями из камня, в этом слое встречаются также каменные топоры и булавы. Кроме мотыг, молотов и рукояток из оленьего рога, здесь впервые были обнаружены сошники (рис. 4, б). Кость использовалась для игл, наконечников стрел, острий. Здесь впервые появляются медные орудия.

Этот мощный культурный слой характеризуется расписанной графитом керамикой. Сосуды имеют более разнообразную форму и в редких случаях снабжены ручкой (рис. 4,8). В нижних слоях сосуды украшены инкрустированными белой пастой (рис. 4,2) или нарисованными графитом или красной охрой полосками, лентами. В верхних горизонтах все чаще встречаются рельефные вдавленные или нарисованные одним лишь графитом украшения. Этот слой отличается обилием изображений человека (статуэток), сделанных из глины, кости и мрамора, и глиняных фигурок животных. Изобилуют грузики для ткацких станков, пряслица для веретен, а также предметы украшения из мрамора, кости, раковин, глины и меди. Кроме костей животных, уже известных по нижним слоям, здесь были найдены и кости крупного рогатого скота. Наряду с пшеницей и викой, обрабатывался ячмень. Материалы этого культурного пласта мы относим к энеолиту (ко времени — 2200—1900 гг. до н. э.).

Последний культурный слой Карановского поселения (V) содержит находки, совершенно отличные от материалов нижних слоев. Это различие обнаруживается не только в керамике, но и в орудиях труда и в жилищах. Жилища имели прямоугольную форму, короткую заднюю стену с абсидой. Стены жилищ делались из более тонких кольев и прутьев и обмазывались тонким слоем глины. Жилища были более крупного размера и состояли из двух отделений: переднего, большего — без культурных остатков и заднего, меньшего — с печью, местом для размола зерна, для хранения запасов и различных предметов быта. Все еще используются каменные топоры и молотки. Боевые каменные топоры имеют более совершенную форму. Употребляются кремневые ножи и скребки. Серпы сделаны из зазубренных кремневых пластинок. Из оленьего рога вырабатываются мотыги и молотки. Появляются медные наконечники копий и медные топоры. Сосуды имеют более разнообразную форму и снабжены одной овальной и двумя или четырьмя ленточными ручками. У них гладкие стенки темно-пепельного или темно-коричневого цвета. Украшены они рельефными бороздками, шишечками и (чаще всего) шнуровыми полосками и лентами. Характерными являются кувшины с закругленными краями, срезанным под углом горлом и высокими ручками, верхняя часть которых заканчивается шишечкой (рис. 4, 4). Грузики для ткацкого станка и пряслица имеют другую форму. Культивировались пшеница, ячмень, вика и просо. Чаще встречаются кости домашних животных. В первый раз обнаружены кости коня. Памятники этой культуры мы относим к первому периоду бронзового века, приблизительно к 1900—1700 гг. до н. э.

Материалы, найденные в Каранове, повторяются, хотя и не в том же числе, в культурных слоях поселений около Капитан Димитриево,

Дипсийского селища, Русе, Деветашской Пещеры, Криводола, Михалича. В некоторых из них находим по одному или более слоев, которые соответствуют некоторым слоям Карановского поселения. В поселении около Капитан Димитриево вскрыты четыре слоя, которые соответствуют слоям Караново I, II, IV и V, в Дипсийском селище — три слоя, сходных с Караново III, IV и V, в Русенском поселении — два слоя, соответствующих слоям Караново IV и V, в Деветашской Пещере — семь слоев, которые соответствуют слоям Караново I, III, IV и V, в Криводоле — один слой, сходный с Караново IV и в Михаличе — один, соответствующий Караново V. Раскопки около Капитан Димитриево носили разведывательный характер. Особую важность представляет керамика основного слоя. При исследовании в Дипсийском селище раскопками была охвачена большая площадь поселения и были найдены фундаменты жилищ с абсидой с одной стороны. Эти материалы подтверждают тот факт, что культура Караново V развилась на местной почве из более древней культуры бронзового века, проникшей с юго-востока.

В Русенском поселении наряду с энеолитическими материалами найдено большое количество человеческих скелетов, которые дают нам возможность изучить антропологический тип носителей керамики, разрисованной графитом.

Все семь культурных слоев, установленных в Деветашской Пещере, имеют первостепенное значение. Они с некоторым перерывом охватывают длительный период от солютрейской эпохи до римского владычества.

Поселение у Криводола является как бы промежуточным звеном между культурой энеолита восточной и западной половины Балкан, а поселение Михалич ярче всего свидетельствует о культурной общности племен юго-восточных областей полуострова с племенами юго-западных земель Малой Азии в начале бронзового века.

В результате изучения местоположений, размеров и типов поселений, а также материалов, обнаруженных при раскопках жилищ (их размеров и устройства), орудий труда, сосудов и всех других хозяйственных предметов, можно прийти к следующим выводам.

В эпоху неолита, энеолита и в первый период бронзового века на восточной половине Балканского полуострова жили племена нескольких (по-видимому, трех) этнических групп.

В начале бронзовой эпохи, т. е. в начале II тысячелетия до н. э., произошли большие изменения в хозяйстве, культуре и в составе населения. Каждое поселение, точнее поселение типа телля, представляло собой родовую общину (насчитывающую 20—30 жилищ), основной единицей которой была семья. Каждая семья имела отдельное, самостоятельное хозяйство. Основным занятием было земледелие. Охота и собирательство играли важную роль в снабжении пищей. Было развито скотоводство. Отмечается все больший прогресс в развитии орудий труда и замене их металлическими. Боевой каменный топор появляется в самом начале энеолита. Носители графитной керамики раньше других стали употреблять медные орудия. Труд был распределен между всеми членами семьи и общества. Орудия труда производились мужчинами. Мужчина же занимался гончарным делом. Глиняная пластика является характерной особенностью поселений неолита и особенно энеолита. Антропологический тип костяков из нижних слоев на Карановском поселении весьма отличается от антропологического типа костяков, найденных при Русе.

Установленные в Карановском поселении пять культурных слоев, как и слои остальных подвергнутых раскопкам поселений, находят себе аналогии в поселениях таких мест, как Лариса, Сескльо, Димини, Сервия, Вардаровцы, Бубани, Винча, Старчево, Кёреш, Боян, Гумельница, Кукутени, Троя, Терми, Алишар и др. В этих поселениях число культурных слоев различно, т. е. имеются поселения, обитаемые в течение одного, двух периодов, и не всегда имеются все последовательно сменяющие друг друга пе-

риоды. С другой стороны, в большей части этих поселений хронологически одновременные культурные слои имеют неодинаковую толщину и часто, особенно в более отдаленных поселениях, содержат материалы культур с чертами самостоятельного развития. Это различие создает большие трудности при определении периодов и хронологии древнейших культур на территории Юго-Восточной Европы. И хотя в настоящее время раскопано и исследовано большое число поселений, все еще отсутствует убедительная периодизация и точная хронология древнейших культур в этой части Европы. Для достижения этой цели необходимо основательное комплексное изучение всех материалов отдельных культурных слоев на значительно большем числе поселений из различных областей.

Мы считаем, что и установленные в последние годы культурные слои на таких поселениях, как Караново, Капитан Димитриево и Деветашская Пещера, едва ли могут разрешить окончательно этот вопрос, но они в известной степени помогают выяснению периодов, а может быть, и хронологии древних культур, представленных на Балканском полуострове и в юго-восточной части СССР в эпоху неолита, энеолита и бронзы.

Основываясь на принятой сейчас периодизации и хронологии и на материалах, собранных в последнее время в Болгарии, особенно в Каранове, мы предлагаем следующую сравнительную таблицу.

Р а н н и й н е о л и т: Мадара? 3000 г. до н. э.

С р е д н и й н е о л и т: Караново I А, Пресескло, Лариса, Сербия I, Бубани I, Старчево, Кремиковцы, Деветашская Пещера II, Капитан Димитриево. Караново I В, Винча I, Кёреш, Тордош, Димини, Алишар I.

П о з д н и й н е о л и т: Караново II, Винча I, Веселиново I, Троя I, Комуцена.

Э н е о л и т I: Караново III, Винча II, Боян I, Айгато, Троя II, Деветашская Пещера III.

Э н е о л и т II: Караново IV, Кождадермен, Гумельница, Винча III, Криводол, Юнаците I, Плочник, Деветашская Пещера IV.

Б р о н з о в ы й в е к (I А): Караново V А, Михалич, Юнаците II, Терми, Дипсийское поселение III, Троя IV, Караново V В, Кирилово, Веселиново II, Винча IV.

Вопрос о мезолите на Балканском полуострове не выяснен. До сих пор (по крайней мере на юг от Дуная) не найдено никаких культурных остатков этого длительного периода, который совпадает с таянием ледников. Вопрос о раннем неолите также является спорным.

Кроме нескольких случайных находок, не известно пока ни одного поселения, которое можно было бы отнести к раннему неолиту. При раскопках в Деветашской Пещере не было найдено ничего, что могло бы засвидетельствовать этот период. Непосредственно под самым нижним слоем эпохи неолита, который мы определяем как средний неолит, обнаружен слой аллювиальной глины, смешанной с песком, толщиной в 0,30 м, без каких-либо культурных остатков. Под ним идет слой диллювиальных наслоений красной глины, смешанной с крупными и мелкими камнями.

Далее обнаружен культурный слой солиотрейского времени. Нижний, самый древний культурный слой на поселении у Старчево лежит на аллювиальном наносе, в котором нет более древних культурных остатков. Нижние культурные пласты в Каранове, в Капитан Димитриево, Кремиковцах также лежат на аллювиальной глине, в которой не найдено никаких следов более ранней культуры.

Культуру неолита нижних слоев поселений Сескло, Лариса, Сербия, Старчево, Кремиковцы, Деветашская Пещера, Капитан Димитриево, Караново ни в коем случае нельзя датировать самым ранним периодом не-

лита. Ссылка на то, что здесь наряду с более тонкой керамикой встречаются и грубые сосуды, вероятно более древние, не может быть принята. Если принять во внимание, что даже в самых нижних слоях на материке рядом с осколками грубой керамики встречаются и более изящные, а также орудия труда, сделанные очень тщательно, то становится ясным, что эта культура является результатом длительного развития более древней, еще не открытой культуры раннего неолита. Следует отметить, что культура с разрисованной керамикой типа Пресескльо, Сербия, Старчево, Кремиковцы, Капитан Димитриево, Караново, Деветашская Пещера распространена на обширной территории Балканского полуострова. Ее следы мы находим в долинах всех более крупных рек — Марицы, Струмы, Вардара, Бистрицы, Пены, Моравы, Тиссы, а также правых притоков Нижнего Дуная. Вопрос о происхождении и гибели этой культуры в настоящей статье не ставится. Возможно, что ее дальнейшее развитие нашло свое продолжение в трипольской культуре.

Результаты исследований в области культуры первобытных племен, живших на землях Юго-Восточной Европы, включая Балканский полуостров и Малую Азию, чрезвычайно значительны. Многие из вопросов нашли достаточное освещение. Но предстоит разрешить еще ряд трудных проблем. Не ясен вопрос о мезолите. Автохтонна ли культура неолита в Европе, или же она проникла извне? Кто является носителем культуры неолита или культуры бронзового века? Кто такие индоевропейцы? Где их прародина — в Европе, Малой Азии или где-то еще?

Можно указать и многие другие проблемы. Они не могут быть решены тем или другим исследователем той или другой страны. Только общие усилия исследователей нескольких соседних стран, в которых найдено большое число схожих памятников материальной культуры древних племен, как, например, СССР, Венгрии, Югославии, Румынии, Болгарии, а также Греции, Турции и других ближних стран, могут привести к скорому и верному решению многих поставленных здесь вопросов.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ СИНОПСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ

Керамические клейма, содержащие одновременно с легендой то или иное изображение, являются, наряду с монетами, печатями и другими аналогичными археологическими памятниками, ценным историческим источником. Сравнительный метод, применяемый в качестве одного из основных методов исследования монет, вполне приемлем и для изучения керамических клейм.

Одной из характерных особенностей клейм, происходящих из Синопы, является многообразие керамических штампов. Даже клейма с именем одного астинома часто имеют различия между собой. Эти различия отмечались неоднократно всеми исследователями синопских клейм.

Еще П. В. Беккер заметил, что клейма с именем астинома Гистиея и орлом на дельфине отличаются положением эмблемы и дополнением на некоторых из них монограмм¹. В. В. Шкорпил неоднократно отмечал разницу в расположении строк надписи², перестановку эмблемы на клеймах с одинаковыми легендами³ и даже замену одной эмблемы другой⁴. Давая комментарии к одному из клейм, В. В. Шкорпил заметил, что при одинаковых надписях оттиснуты совершенно различные эмблемы⁵. На разницу в штампах при некоторых астиномах указывал и Ю. Н. Юргевич⁶. Е. М. Придик неоднократно отмечал различные эмблемы при одном астиноме⁷, различную трактовку астиномной эмблемы и пр.

Б. Н. Граков также указывает на многочисленность таких случаев и приводит несколько наиболее характерных примеров различной трактовки эмблемы астинома⁸. Он считает, что видоизменения в деталях эмблем—дело рук гончаров, авторов клейм, которые по-своему варьировали астиномную эмблему, придерживаясь лишь основного мотива⁹ и даже иногда заменяя одну эмблему другой.

¹ P. Becker. *Über eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland*. Jahrbuch für class. Philol. V. Leipzig, 1869, стр. 502, № 28—29.

² В. В. Шкорпил. Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в Керчи в ноябре и декабре 1901 г. ИАК, вып. 3, СПб., 1902, стр. 36, № 18а, б.

³ Там же, стр. 138, № 32.

⁴ В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 гг. ИАК, вып. 11, СПб., 1904, стр. 27, № 45; стр. 38, № 116; стр. 52, № 186.

⁵ Там же, стр. 67, № 260.

⁶ Ю. Н. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. ЗООИД, т. XVIII, Одесса, 1895, стр. 130, № 46 и стр. 136, № 13—14.

⁷ Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм. Петроград, 1917, стр. 66, №№ 48, 50 и др.

⁸ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 83, 143—144, 197.

⁹ Там же, стр. 48, 83.

В. В. Борисова отмечает, что при исследовании клейм одного и того же херсонесского астинома были обнаружены штампы, имеющие некоторые различия. Однако этот факт она объясняет тем, что один астином не успевал клеймить всю керамическую продукцию вследствие большой потребности в таре и поэтому клеймением занимались и другие астиномы, члены коллегии, которые именем первого клеймили тару и черепицу¹⁰.

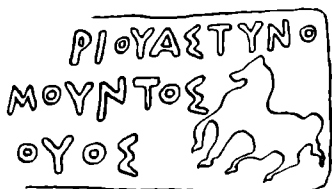

Рис. 1

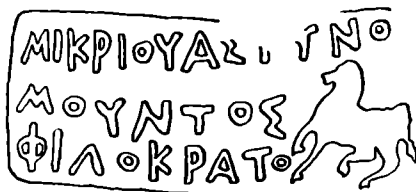

Рис. 2

Итак, в первом случае различие штампов ставится в зависимость от гончаров, во втором случае — от астиномов.

Применение сравнительного метода, как нам кажется, позволяет наиболее правильно разрешить вопрос о разнице типов штампов, объяснить причины, от которых она зависела, и показать результаты этой зависимости. Приведем несколько примеров.

Рассматривая клейма с именем астинома Микрия¹¹, замечаем, что одна группа клейм имеет легенду Μικρίου ἄστινο/μοῦτος, расположенную на двух строчках. Эмблема — конь, вставший на дыбы, влево.

В Керченском музее имеется 20 клейм этого астинома с именами различных гончаров, и у всех один и тот же тип клейма (рис. 1, 2, 3).

Вторая группа клейм имеет легенду ἄστινο/μου/Μικρία и эмблему, изображающую коня, спокойно идущего вправо. Б. Н. Гракову известно только одно такое клеймо с именем гончара Мениска¹², которое он дает по изданию В. В. Шкорпила. Е. М. Придик повторяет это клеймо¹³ и называет еще двух гончаров, Аттаса и Сималиона. Среди неопубликованных клейм

Рис. 3

Рис. 4

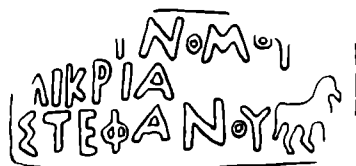

Рис. 5

Керченского музея есть еще два клейма этого типа с именами гончаров Стефана и Сосия. Наконец, Т. Н. Книпович известно клеймо с гончаром Гистиеем¹⁴. Таким образом, становятся известными шесть клейм, построенных по приведенной выше формуле (рис. 4, 5).

¹⁰ В. В. Борисова. К вопросу об астиномах Херсонеса. ВДИ, 1955, № 2, стр. 147.

¹¹ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 133, № 18.

¹² Там же.

¹³ E. Pridik. Die Astynomennamen auf Amphoren-und Ziegelstempeln aus Südrussland. Berlin, 1928, стр. 9, 63.

¹⁴ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 17, 201.

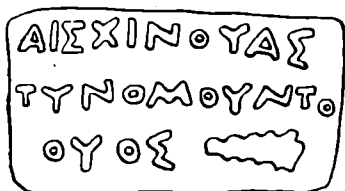

Рис. 6

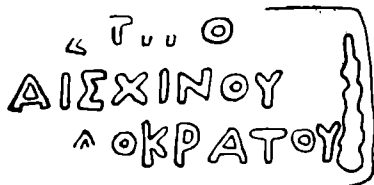

Рис. 7

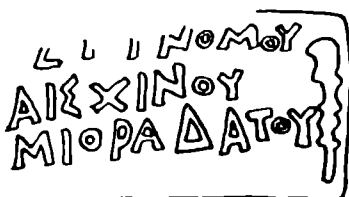

Рис. 8

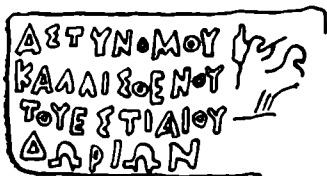

Рис. 9

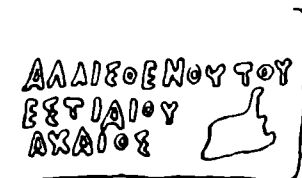

Рис. 10

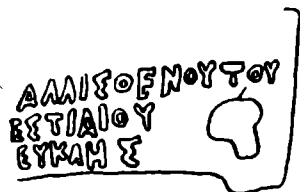

Рис. 11

При сравнении обоих вариантов заметно различие в расположении составных частей легенды. В первом случае в начале стоит имя астинома, затем название магистратуры; во втором наоборот — сначала магистратура, затем имя астинома. Разница также и в трактовке эмблемы. В 20 случаях изображена очень крупно фигура коня влево, вставшего на дыбы, с красиво изогнутым хвостом. В трех случаях фигура коня небольшая, он спокойно идет (или стоит) вправо. Оба варианта различаются также по шрифту и формам родительного падежа имени астинома.

Названные выше 20 клейм астинома Микрия с различными именами гончаров имеют совершенно одинаковый тип штампа; они вырезаны одним почерком, на всех них единая трактовка эмблемы. Три других клейма того же астинома имеют другой тип штампа, при различных именах гончаров общий для всех трех клейм. Их объединяют также почерк и одинаковая трактовка эмблемы.

Различие в трактовке эмблемы, таким образом, не может быть поставлено в зависимость от гончаров: 20 различных гончаров должны были бы иметь 20 различных трактовок одной эмблемы, мы же имеем одну трактовку, общую для 20 гончаров, и другую трактовку, общую для трех гончаров.

Рассмотрим еще один пример. В группе клейм с именем астинома Эсхина¹⁵ выделяются три основных варианта (рис. 6, 7, 8).

Принадлежность всех клейм одному астиному не вызывает сомнений: их объединяет одна эмблема — палица. Однако при сравнении клейм между собой заметна разница в штампах. В первом случае построение легенды напоминает первый вариант приведенного выше примера клейм с именем астинома Микрия. Магистратура *ἀστυνομούτος* находится между собственными именами, эмблема всегда располагается вдоль клейма на уровне третьей строки. В Керченском музее имеется четыре клейма, построенных по этому варианту, с именами различных гончаров. Второй вариант резко отличается от предыдущего и напоминает второй вариант клейм с именем астинома Микрия. Магистратура *ἀστυνομούτος* стоит в начале

¹⁵ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 138, № 1.

надписи; эмблема (палица) располагается справа от надписи, причем палица изображена вертикально, утолщенным концом вниз. Керченский музей располагает двумя клеймами этого варианта. Третий вариант по формуле построения не отличается от второго, однако палица расположена здесь утолщенным концом вверх. Кроме того, оба последних варианта имеют различные шрифты. Известно восемь клейм этого варианта, с различными именами гончаров. Таким образом, на трех вариантах клейм с именем астинома Эсхина, отличающихся в основном различным положением астиномной эмблемы, мы встречаем имена 14 различных гончаров.

Приведем пример разновидностей штампов с именем еще одного астинома — Каллисфена (рис. 9, 10, 11).

Принадлежность всех трех вариантов одному астиному не вызывает возражений. Второй и третий отличаются от первого эмблемами. В первом варианте изображена Ника, скачущая в колеснице. Известны четыре таких клейма с четырьмя различными именами гончаров. Во втором варианте эмблемой является нос корабля (известны имена двух гончаров); в третьем — гроздь винограда (один гончар). Здесь, как и в предыдущих примерах, гончары распределяются по нескольким вариантам клейм, однако основными признаками этих вариантов являются не различная трактовка одной и той же эмблемы и не ее положение на клейме, а разные эмблемы при одинаковой легенде.

Группировку гончаров вокруг различной трактовки эмблемы или вокруг различных эмблем при одном астиноме можно, как нам кажется, поставить в зависимость только от резчиков. Во время астинома Каллисфена работало, вероятно, не менее трех резчиков керамических штампов; выполняя заказы определенных гончаров, они сопровождали клейма разными эмблемами, не считаясь иногда с официальной эмблемой астинома.

Мы привели только три примера из разных по времени групп керамических штампов. Таких примеров можно привести множество из всех хронологических групп (Б. Н. Граков насчитывает шесть групп астиномных клейм). Варианты типов особенно заметны в тех случаях, когда астиномные группы представлены наиболее полно (до десяти и более гончаров).

Интересно отметить, что в пределах одной хронологической группы и в смежных хронологических группах можно, сравнивая штампы, заметить работу одного резчика при разных астиномах (рис. 12, 13, 14).

Первые два клейма относятся к третьей хронологической группе Б. Н. Гракова¹⁶, последнее — к четвертой группе¹⁷. Таким образом, разница в вариантах типов клейм зависит не от гончаров, как было доказано выше, и не от астиномов. Последний пример с именами трех различных астиномов, но с одинаковой формулой построения легенды подтверждает это.

Разница в типах штампов зависит от резчиков, которые, выполняя заказы различных групп гончаров и стремясь отличить свою продукцию от продукции других резчиков, каждый по-своему трактовали и располагали на клейме эмблему, сопровождающую легенду, или изменяли форму-

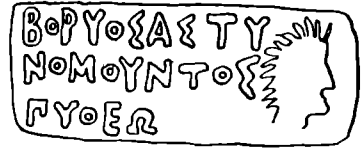

Рис. 12

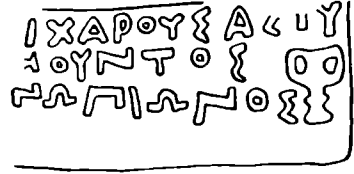

Рис. 13

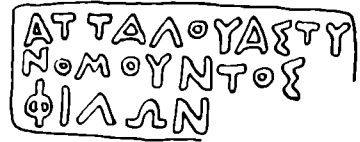

Рис. 14

¹⁶ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 132, № 7 и стр. 133, № 22.

¹⁷ Там же, стр. 139, № 8.

Рис. 15

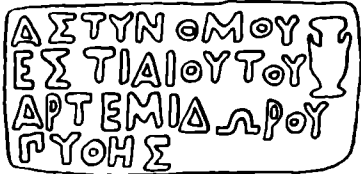

Рис. 16]

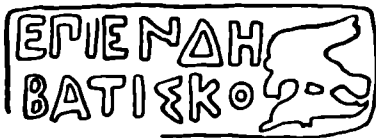

Рис. 17

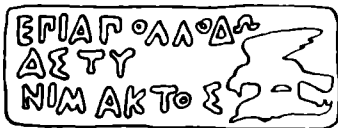

Рис. 18

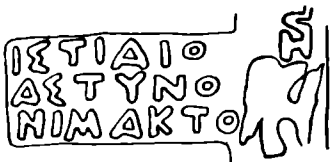

Рис. 19

лу построения легенды, или при одном и том же астиноме употребляли разные эмблемы. Мы не говорим уже о различных почерках и различных типах шрифтов, употребляемых резчиками. Сравнение штампов приводит к тому, что при любом астиноме можно выделить несколько вариантов типов клейм, которые будут иметь между собой определенные различия. Эти варианты всегда объединяют целые группы гончаров. Проследить их можно во всех хронологических группах Б. Н. Гракова.

Собранию Керченского музея принадлежит клеймо Μικρ[ίου] αστ[υνο]μου ος./Σωσιου¹⁸. В третьей строке дважды вырезано имя гончара. Сначала резчик хотел поместить имя Филократа, но не дописав его, бросил, остановившись на ΦΙΛΟΚΡΑ. Затем поверх написанного вырезал ΞΩΞΙΟΥ. Это клеймо служит ярким доказательством того, что для нескольких гончаров (конкретно для Филократа и Сосия) клейма изготовлялись одним резчиком.

Наблюдения, накопленные при исследовании клейм внутри астиномных групп, позволяют перейти к сравнению самих астиномных групп между собой. Эти сравнения приводят к установлению последовательности в изменениях, происходящих на синопских клеймах. Одним из первых на эту последовательность указал П. В. Беккер¹⁹. За ним следовал Б. Н. Граков²⁰, который в основу своего исследования положил палеографический метод и метод установления синхронизма имен магистратов и гончаров.

В своем развитии от простейшей формы в виде одного имени гончара в родительном падеже и эмблемы городского знака (рис. 15) к сложной форме, которая состояла из названия магистратуры, имени астинома с отчеством, эмблемы при астиноме и имени гончара в именительном падеже (рис. 16), синопские клейма претерпели ряд изменений, причем эти изменения коснулись обеих частей клейма — как легенды, так и эмблемы.

Сопоставляя между собой клейма различных астиномов, близких по времени, можем заметить, как постепенно изменялась легенда. Сравним, например, клейма с именами астиномов первой хронологической группы Б. Н. Гракова (рис. 17—19). При одном и том же содержании эмблемы (городской знак) легенда изменяется. В первом случае еще нет названия магистратуры, затем оно появляется в наиболее сокращенном виде и далее приобретает форму αστυνο.

Изменения легенды отчетливо выявляются при сравнении нескольких астиномных групп в пределах определенного отрезка времени. Эти изме-

¹⁸ Инв. № К—4757/2.

¹⁹ Р. Веккер. Ук. соч., стр. 532.

²⁰ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 21, 120, 155.

Рис. 20

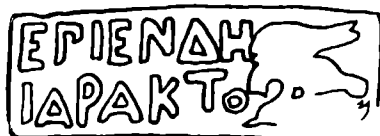

Рис. 21

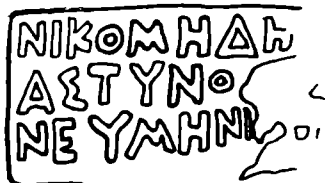

Рис. 22

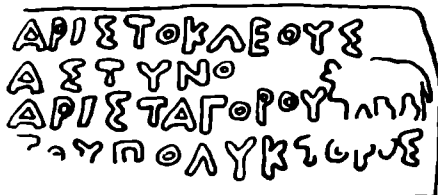

Рис. 23

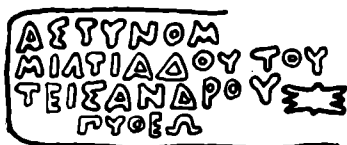

Рис. 24

Рис. 25

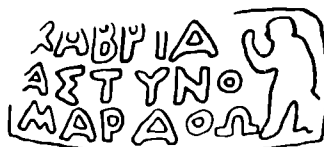

Рис. 26

Рис. 27

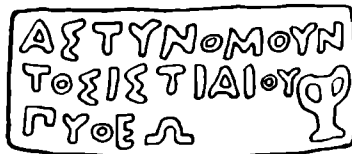

Рис. 28

нения заключаются в следующем: изменяется а) состав легенды, б) форма названия магистратуры, в) формула построения, г) употребление падежей имен гончаров. Изменения легенды происходят так последовательно и закономерно, что могут быть разбиты на этапы, каждый из которых является определенной ступенью в развитии легенды. Рассмотрим в общих чертах каждое из отмеченных выше изменений.

а. Изменение состава легенды заключается в том, что сначала на синопских клеймах мы видим только одно имя гончара (рис. 20), затем появляется имя астинома (рис. 21), которое вскоре получает сопровождающее его название магистратуры (рис. 22).

На определенном отрезке времени появляется и исчезает отчество гончара (рис. 23).

Последнее изменение состояло в обязательном употреблении отчества имени астинома²¹ (рис. 24).

²¹ Несмотря на то, что отчество имени гончара встречается при одном из астиномов в конце первой хронологической группы Б. Н. Гракова, а отчество имени астинома находим несколько раз в третьей и четвертой группах, эти явления не носят определяющего характера и поэтому не могут быть выделены в самостоятельные этапы.

Рис. 29

Рис. 30

б. Изменение формы названия магистратуры. Сопровождающее имя астинома название магистратуры сначала выражалось очень кратко — *ἄστυ* (рис. 25).

Затем оно изменяется и долгое время употребляется *ἄστυνο* (рис. 26).

На определенном этапе *ἄστυνο* заменяется полным родительным падежом *ἄστυνοῦμοῦ* и, реже, причастием *ἄστυνομοῦτος* (рис. 27 и 28).

Нужно заметить, что в конце ранней группы название магистратуры выражалось иногда полным родительным падежом, но оно не явилось для того времени решающим, так же как и употребление причастия на некоторых клей-

мах с надписью по сторонам четырехугольника. Следующая за ранней довольно значительная группа клейм с гончарными знаками не знает ни полного родительного падежа названия магистратуры, ни причастия при имени астинома. Употребляется только *ἄστυνο* и несколько раз *ἄστυνοῦμο*.

в. Изменения формулы построения (места названия магистратуры на клейме). Применение сравнительного метода позволяет сделать еще одно замечание относительно легенды на синопских клеймах. П. В. Беккер одним из первых выделил три основных варианта построения надписи²².

Б. Н. Граков, принявший в основном классификацию П. В. Беккера, ввел более четкое распределение клейм по вариантам построения легенды. К первому варианту он отнес те клейма, в которых легенда начинается с названия магистрата, ко второму — те, в которых название магистратуры стоит между собственными именами, к третьему — те, в которых имя гончара предшествует имени астинома. Группу клейм с *ἐπί* Б. Н. Граков выделил в самостоятельный, четвертый, вариант. Новым является пятый вариант, куда попали клейма, легенда которых распределялась на двух самостоятельных штампелях²³.

ΡΟΞΙΔΕΙΟΥ
ΤΟΥ ΗΦΑΙΣΤΟ
ΔΩΡΟΥΑΣΤΥΝΟ *Παλιца*

ΙΚΕΞΙΟΥ ΤΟΥ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ *Γραδβ*
ΚΕΡΑΜΕΩΣ

Ποσιδείου
τοῦ Ἡφαιστοδώρου
ἄστυνό(μου)
Ἰκεσίου τοῦ
Διονυσίου κεραμέως²⁴

Однако предложенные Б. Н. Граковым варианты построения легенды не исчерпывают всех разновидностей формул, по которым строятся синопские клейма, и, наоборот, некоторые из них охватывают незначительную часть клейм и могут быть подведены под основные формулы. Так, второй вариант Б. Н. Гракова — с магистратурой в середине надписи — не уточняет положения имен астинома и гончара на клейме, а четвертый вариант, куда входят клейма с *ἐπί*, включает клейма второго и третьего вариантов. Поэтому мы предлагаем несколько иные схемы (варианты) формул

²² Р. Веккер. Ук. соч., стр. 476, 492, 494.

²³ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 37—38.

²⁴ В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана. ИАК, вып. 51, Петроград, 1914, стр. 125, № 22.

Рис. 31

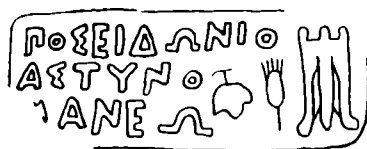

Рис. 32

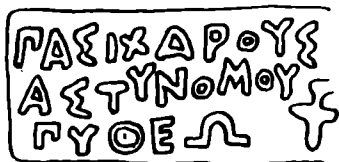

Рис. 33

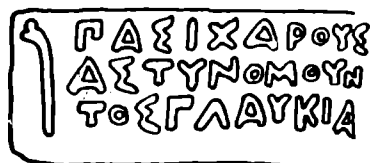

Рис. 34

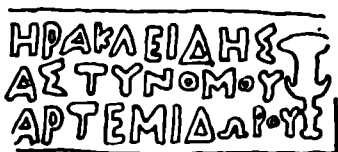

Рис. 35

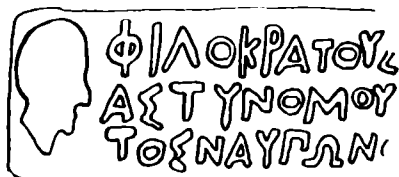

Рис. 36

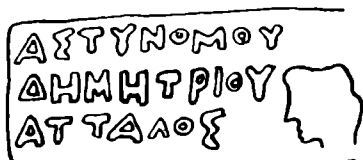

Рис. 37

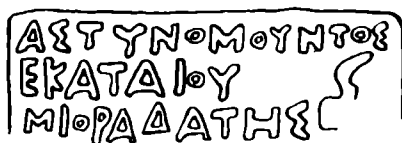

Рис. 38

Рис. 39

Рис. 40

Рис. 41

построения легенды, в которых учитывается как положение названия магистратуры, так и место имен астиномов и гончаров.

Схема 1. Клейма без магистратуры (рис. 29 и 30).

Схема 2. Магистратура расположена между собственными именами, с предшествующим именем астинома (рис. 31, 32, 33, 34) — второй вариант Б. Н. Гракова.

Схема 3. Магистратура расположена между собственными именами с предшествующим именем гончара (второй вариант Б. Н. Гракова; рис. 35, 36).

Схема 4. Магистратура стоит в начале легенды (первый вариант Б. Н. Гракова; рис. 37, 38).

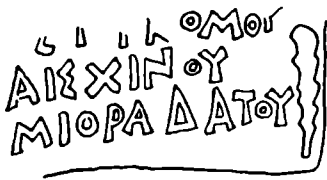

Рис. 42

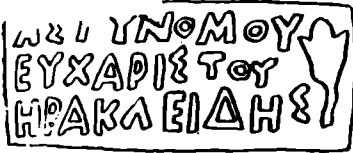

Рис. 43

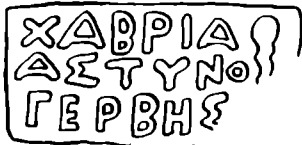

Рис. 44

Рис. 45

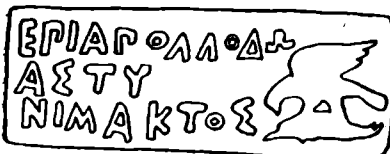

Рис. 46

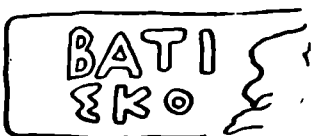

Рис. 47

ры перед именем астинома или после него, в конце или в начале легенды не случайно. Изменяются и эмблемы. Однако если изменения легенды можно проследить, сравнивая между собой группы астиномов, то изменения в эмблемах в пределах этих групп не улавливаются. Для этого нужно сравнивать хронологические группы.

Клейма с ранними астиномами, которые Б. Н. Граков ввел в первую хронологическую группу²⁵, сопровождает орел на дельфине.

Схема 5. Магистратура в конце легенды (третий вариант Б. Н. Гракова; рис. 39, 40, 41).

Схема 6. Распределение основных частей легенды на двух штемпелях (пятый вариант Б. Н. Гракова).

Возможен и другой вариант этой схемы, когда на первом месте стоит магистратура²⁵ и слово *μαραμεύς*²⁶.

Эти схемы включают все возможные варианты формул построения, однако они строятся без учета хронологической последовательности изменения легенды и эмблемы.

г. Изменения в употреблении падежей имен гончаров. Около половины всех астиномных клейм имеют родительный падеж имени гончара (рис. 42), который сменяется именительным падежом (рис. 43).

В ранних группах, для которых характерно употребление имени гончара в родительном падеже, иногда встречается именительный падеж. В этом отношении интересно клеймо № 5179 Керченского музея (рис. 44).

Магистратура *μαστονο*, расположенная между собственными именами, указывает на ранние этапы развития синопских клейм. Не противоречит этому и тип шрифта, свойственный ранним хронологическим группам. Клеймо отнесено Б. Н. Граковым по признаку падежа к пятой хронологической группе. Между тем в списке астиномов первой Б группы Б. Н. Гракова имеется астином Хаврий²⁷, которому и должно принадлежать приведенное выше клеймо.

Иногда употребление имени гончара в родительном падеже встречается и в более поздних группах, в которых господствует именительный падеж, но эти явления единичны. В общем и целом изменения легенды представляют собой довольно последовательную картину, и место постановки названия магистратуры

²⁵ Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 77, 322.

²⁶ В. В. Шкरोпил. Названия гончарных мастеров в керамических надписях. ИАК, вып. 51, стр. 131, № 3.

²⁷ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 144, № 28.

²⁸ Там же. стр. 113—116.

Б. Н. Граков предлагает считать эту эмблему астиномной, поскольку при одном астиноме, например Гистиее²⁹, независимо от имен гончаров, стоит неизменно орел на дельфине. Однако эта эмблема свойственна не одному, а нескольким астиномам, близким по времени, и поэтому считать ее знаком определенного астинома нет оснований. Кроме того, орел на дельфине изображен и на клеймах, которые не имеют имени астинома, а содержат только одно имя гончара. В настоящее время известно 12 клейм этого типа. Поэтому эмблема орел на дельфине не может принадлежать как одному астиному, так и определенному гончару (рис. 45, 46, 47).

Эта эмблема считается городским знаком Синопы, ее гербом³⁰, и, очевидно, должна была указывать современникам на принадлежность амфор с данным клеймом определенному центру. Аналогичную картину представляют клейма Родоса, на которых имеются изображения цветка лотоса и головы Гелиоса. М. Нилсон считал, что эти два знака указывают на родосское происхождение товара, так же как и надписи Κυρίδιον или Θασίων³¹.

Употребление городского знака составляет определенный период в развитии синопских клейм. Он охватывает всех астиномов первой хронологической группы Б. Н. Гракова, которые пользуются этим знаком.

Городской знак сменяется необычной пестротой эмблем. Кому принадлежат эти эмблемы, каково их содержание? Рассмотрим несколько клейм из группы астинома Эхина³² (рис. 48, 49, 50).

Все клейма принадлежат одному астиному, однако на всех трех клеймах эмблемы различны. Поскольку на клеймах поставлены имена разных гончаров, эмблемы можно считать знаками этих гончаров.

Употребление гончарных знаков является признаком второго периода в развитии синопских клейм. Сюда относятся клейма первой Б и частично второй хронологической группы Б. Н. Гракова, особенно те, о которых последний пишет, что их алфавит близок к первой группе³³.

Сравнение штампов показывает, что выбор знака во втором периоде не зависел от гончара; один и тот же гончар при различных астиномах

Рис. 48

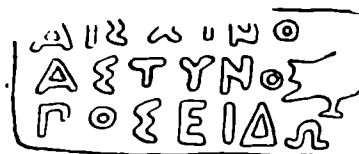

Рис. 49

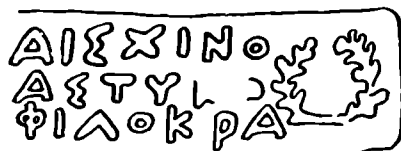

Рис. 50

Рис. 51

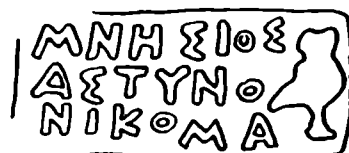

Рис. 52

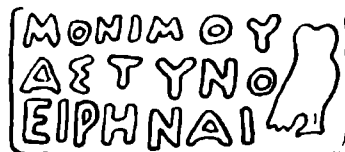

Рис. 53

²⁹ Там же, стр. 115, № 15.

³⁰ В. Н. Юргевич. Ук. соч., стр. 90—94; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 82.

³¹ M. Nilsson. Timbres amphoriques de Lindos. Copenhagen, 1909, стр. 165 (129).

³² Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 113, № 1.

³³ Там же, стр. 126, №№ 23, 30 и др.

имел разные эмблемы. Например, гончар Никомах при астиноме Эскине имел в качестве своей эмблемы перевернутую голову грифона (рис. 51), а при астиноме Мнесии — сову (рис. 52).

В то же время одинаковые эмблемы встречаются на клеймах с разными именами гончаров (рис. 52 и 53).

Это явление можно поставить в зависимость от резчиков, поскольку трактовка эмблем, например цветка лотоса, настолько одинакова при различных гончарах, что производит впечатление оттиска одним штампом.

На определенном отрезке времени синопские клейма пополняются еще одной эмблемой. Так, сравнение штампов астинома Эпизельпа показывает, что клейма при этом чиновнике имеют разное количество эмблем (рис. 54, 55).

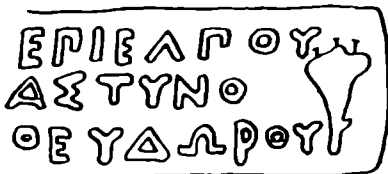

Рис. 54

Рис. 55

Появившиеся вторые эмблемы вскоре становятся постоянными для определенного астинома. Наступает период существования астиномной эмблемы. Однако появление этой эмблемы на первых порах не влечет еще за собой исчезновения гончарных знаков. Наоборот, гончарные знаки, так же как и астиномные эмблемы, становятся, в отличие от предыдущего периода, в какой-то степени постоянными.

Существование нескольких эмблем на клейме определялось исследователями по-разному. П. В. Беккер по этому поводу писал, что, вероятнее всего, одна из этих двух эмблем относилась к астиному, другая — к фабриканту³⁴. Б. Н. Граков считал это явление случайным. «Иногда, — пишет он, — если расположение надписи оставляло, помимо места для основной эмблемы, большие пустоты, резчик заполнял их мелкими дополнительными эмблемами»³⁵.

Посмотрим, являлись ли случайными эти дополнительные эмблемы. Возьмем гончара Посидония из второй хронологической группы Б. Н. Гракова и приведем таблицу совпадений имени этого гончара с различными астиномами на керамических клеймах.

Имя астинома	Имя гончара	Эмблемы
Героним	Посидоний	цветок
Калистрат	Посидоний	цветок
Протагор	Посидоний	цветок, рука
Исокрит	Посидоний	цветок, амфора
Феогит	Посидоний	цветок, птица
Аристокл	Посидоний	цветок, Гермес
Гераклид	Посидоний	цветок, лев
Аристокл	Посидоний	цветок, бык
Полихарм	Посидоний	цветок, канфар
Эвхарист	Посидоний	цветок, лев, голова мужчины
Гикесий	Посидоний	цветок, слон
Артемидор	Посидоний	цветок, гроздь

Из таблицы видно, что при различных астиномах повторяется одна и та же эмблема цветка лотоса, которая относится, безусловно, к гончару Посидонию³⁶. Вторые же эмблемы принадлежат тем астиномам, с име-

³⁴ Р. Веккер. Ук. соч., стр. 531.

³⁵ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 73.

³⁶ Четыре ручки из Керченского музея с именем гончара Посидония и его эмблемой, цветком лотоса, издал В. В. Шкорпил. См. В. В. Шкорпил. Названия гончарных мастеров..., стр. 133, № 15.

нами которых и встречается имя Посидония. Например, на клейме с именами астинома Аристобула и гончара Посидония стоят две эмблемы. Одна из них, голова Гермеса в петасе, принадлежит астиному³⁷, другая — цветок лотоса — относится к гончару. Прав был П. В. Беккер, когда писал, что две эмблемы на клейме имеют определенное значение.

Но в этой же группе имеются клейма с именем гончара Посидония, при котором повторяются другие эмблемы.

Имя астинома	Имя гончара	Эмблемы
Каллистрат	Посидоний	гроздь и колос
Эпизельп	Посидоний	гроздь и колос
Феогит	Посидоний	гроздь и колос
Аполлодор	Посидоний	гроздь и колос
Артемидор	Посидоний	гроздь и колос
Аристобул	Посидоний	гроздь и колос, Гермес
Аристофан	Посидоний	гроздь и колос, голова льва
Гиритт	Посидоний	гроздь и колос, голова быка

Здесь при различных астиномах повторяется не одна, а две эмблемы — гроздь и колос. В этих двух эмблемах нужно видеть знак (знаки) гончара Посидония 2. Третьи эмблемы, как, например, голова Гермеса

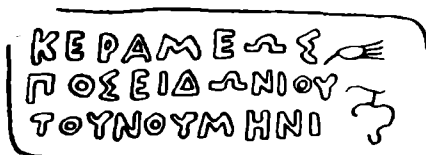

Рис. 56

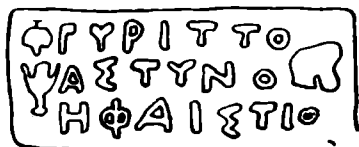

Рис. 57

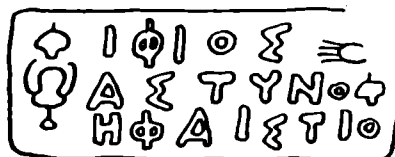

Рис. 58

при Аристобуле, принадлежали, вероятно, астиномам. В Керченском музее имеется клеймо с одним только именем и отчеством гончара и эмблемами — гроздью и колосом, которое, безусловно, принадлежало Посидонию 2 (рис. 56).

Возьмем еще один пример с именем гончара Гефестия.

Имя астинома	Имя гончара	Эмблемы
Героним	Гефестий	гроздь и канфар
Эпизельп	Гефестий	гроздь и канфар
Аполлодор	Гефестий	гроздь и канфар, отбита
Гераклит	Гефестий	гроздь и канфар, лев
Аристокл	Гефестий	гроздь и канфар, бык
Гиритт	Гефестий	гроздь и канфар, голова быка
Полихар	Гефестий	гроздь и канфар, отбита
Ифис	Гефестий	гроздь и канфар
		гроздь и колос

Здесь при различных астиномах повторяются эмблемы — гроздь и канфар, причем, начиная с Аполлодора, эти две эмблемы всегда стоят слева от надписи (рис. 57). Они являются знаками Гефестия. Таким образом, множество эмблем — явление не случайное и представляет собой не заполнение пустых мест на клейме, а вполне закономерное размещение астиномных и гончарных знаков. Гончары Посидоний 2 и Гефестий имеют по две эмблемы, поэтому количество эмблем на клейме увеличивается до

³⁷ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 123, № 3.

трех, а в одном случае даже до четырех, так как астином Ифис, отнесенный Б. Н. Граковым к третьей хронологической группе³⁸, имел, вероятно, также две эмблемы (рис. 58).

О существовании одновременно эмблем астинома и гончара говорит также находка амфоры с сохранившимися обеими ручками в Зеленском кургане³⁹. На одной из них оттиснуто имя и отчество астинома Посидея, которые сопровождает эмблема — палица. На другой ручке стоит имя гончара Гикесия с отчеством и эмблемой — гроздью винограда. Здесь, как и в предыдущих двух примерах, и астином и гончар имеют собственные эмблемы, причем это обстоятельство подчеркнуто наличием самостоятельных штемпелей у обоих лиц.

Время существования на клеймах двух и более эмблем, одни из которых принадлежат астиному, другие — гончару, является третьим периодом развития синопских клейм. К нему следует отнести большую часть второй хронологической группы и несколько имен астиномов третьей хронологической группы Б. Н. Гракова. Необходимо отметить, что именно в этом периоде совершается переход от сокращенной формы названия магистратуры к полной форме, выраженной родительным падежом. Комплекс из Зеленского кургана целиком и полностью укладывается в рамки третьего периода синопских клейм.

Затем гончарные знаки на клеймах исчезают, так же как в свое время исчез городской знак — орел на дельфине. В результате всех изменений на клейме остается одна астиномная эмблема, которая и является признаком последнего, четвертого периода в развитии синопских клейм. Он охватывает третью, четвертую, пятую и шестую хронологические группы Б. Н. Гракова (рис. 1—16, 23, 24, 28, 33—38, 41—43). Периоды и этапы развития могут быть введены в определенные хронологические рамки, что позволит уточнить не только сами хронологические группы, но и распределение астиномов внутри хронологических групп.

Общая схема развития синопских клейм, учитывая изменения, происходящие в легенде и эмблеме, представляется в следующем виде:

1. Клейма с именами гончаров, написанные в две строки, с эмблемой — городским знаком.
2. Появление имени астинома в двустрочных клеймах.
3. Появление сокращенного названия магистратуры *ἄστν*.
4. Магистратура *ἄστννο*.
5. Исчезновение городского знака и появление гончарной эмблемы при магистратуре *ἄστννο* между собственными именами.
6. Появление астиномной эмблемы и сосуществование ее со знаками гончаров.
7. Замена сокращенного названия магистратуры полным родительным падежом при сохранении места магистратуры между собственными именами.
8. Исчезновение гончарной эмблемы.
9. Перемещение названия магистратуры со второго места на первое.
10. Появление именительного падежа имени гончара.
11. Появление отчества имени астинома.

Эта постепенная эволюция синопского клейма от простого типа к сложному, которая совершалась последовательно в рамках определенных периодов, позволяет наметить (хотя бы приблизительно) их относительную хронологию. Правда, в процессе развития иногда замечается возвращение к старым формам, но не надолго, да и это повторение старых схем не могло поколебать той общей картины постепенного развития типов синопских клейм, которая была намечена выше.

³⁸ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 132, №№ 11 и 17.

³⁹ В. В. Шко р п и л. Датированные керамические надписи..., стр. 125, № 22.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание клеев, помещенных в тексте

№ рис.	Легенда	Эмблема	Инв. №	Где издано *
1	Μικ] ρίου άστυνο/μοϋντος./ Θύος	Конь влево	Κ—4746	ЗООИД. в. 28, стр. 124, 98
2	Μικρίου ά [στυ] νο/μοϋντος./Φιλοκράτο (υ)	" "	Κ—4759	ΙΑΚ. в. 11, стр. 77, 314
3	Μικρί] ου ά [στυνο/μοϋ] ντος./Έκατάιου	" "	Κ—4744	ΙΑΚ. в. 3, стр. 141, 46
4	άσ] τυν (έ) μου/Μικρία./ [Με] νίσκου	" вправо	Κ—4750	ΙΑΚ. в. 3, стр. 128, 32
5	άστυ] νέμ [ου/Μ] ικρία./ Στεφάνου	" "	Κ—4756	
6	Αίσχίνου άσ/τυνομοϋντο (ς). /Θύος	Палица "	Κ—4871	ΙΑΚ. в. 11, стр. 64, 242
7	[άστυνέμου]/ Αίσχίνου/ [Φιλ]οκράτου	" "	Κ—4879	ΙΑΚ. в. 3, стр. 122, 2
8	άστυн] έμου / Αίσχίνου./ Μιθραδάτου	" "	Κ—4874	Е. М. Придик, стр. 62 15
9	άστυнέμου / Καλλιθένου / τοϋ Έστιαίου./ Δωρίων	Ника на биге	Κ—5119	ΙΑΚ. в. 3, стр. 127, 29
10	[άστυнέμου] / Καλλιθένου τοϋ / Έστιαίου./ Άχαιός	Нос корабля	Κ—5118	ΙΑΚ. в. 11, стр. 45, 147
11	άστυнέμου / Κ] αλλιθένου τοϋ / Έστιαίου./ Ευκλής	Гроздь	Κ—5120	
12	Βόρυος άστυ/νομοϋντος./ Πύθεω	Голова Гелиоса вправо	Κ—4704	ΙΑΚ. в. 11, стр. 68, 267
13	Πασιχάρους άστυ/νομοϋнτος./ Σινωπίωνος	Канфар	Κ—4808	ΙΑΚ. в. 3, стр. 143, 61
14	Άττάλου άστυ / νομοϋнτος./ Φίλων	Отбита	Κ—4941	Е. М. Придик, стр. 82, 416
15	Διону / σίο (υ)	Орел на дельфине	Κ—4431/3	Е. М. Придик, стр. 87, 527
16	άστυнέμου / Έστιαίου τοϋ / Άρτεμιδώρου./ Πύθης	Кратер	Κ—5237	ΙΑΚ. в. 11, стр. 36, 95
17	έπι Άνδγ (μου)./ Βατίσκο (υ)	Орел на дельфине	Κ—4437	ЗООИД. т. 18, стр. 125, 18
18	έπι Άπολλодώ (ρου) / άστυ (νέμου). / Νίμακτος	" " "	Κ—4423	ΙΑΚ. в. 11, стр. 66, 255
19	Έστιαίο (υ) / άστυнέ(μου)./ Νίμακτο (ς), монограмма	" " "	Κ—4464	
20	Γόλαν / τος	" " "	Κ—4431/2	
21	έπι Ένδγ (μου)./ Άρακτο (ς)	" " "	Κ—4440	
22	Νικομγδη (ς) / άστυнέ (μος). / Νευμηνί (ου)	" " "	Κ—4474	ΙΑΚ. в. 11, стр. 78, 321
23	Άριστοκλέους / άστυнέ (μου). / Άρισταγέρου / [του] Πολύκ [τορος	Бык, идущий влево	Κ—4508	ΙΑΚ. в. 51, стр. 122, 8
24	άστυнέμ [ου] / Μιλτιάδου τοϋ / Τεισάνδρου./ Πύθεω	Молния	Κ—5387	
25	Έστιαίο (υ) / άστυ (νέμου)./ Άρχεπτο (λέμου)	Орел на дельфине	Κ—4452	ЗООИД. т. 18, стр. 141, 41
26	Χ] αβρία / άστυнέ (μου). / Μαράθω	Мужская фигура на пне	Κ—5393	
27	Εϋ] χαρίστου / [ίσ] τυнέμου. / [Ποσ]-ειδωνίου	Голова Геракла и цветок	Κ—4564	ΙΑΚ. в. 3, стр. 137, 24
28	άστυноμοϋн / τος Έστιαίου./ Πύθεω	Κанфар	Κ—4735	ΙΑΚ. в. 3, стр. 127, 28
29	Ποσει / δωνίο (υ)	Орел на дельфине	Κ—4081	
30	См. № 17			
31	έπι Άπολ / λο (δωρου) άστυ (νέμου). / Λάκωνο [ς	Орел на дельфине	Κ—4421	
32	Ποσειδωνίο (υ) / άστυнέ (μου)./ Μάνεω	Гроздь, колос и треножник	Κ—5383	
33	Πασиχάρους / άστυнέμου./ Πύθεω	Факел	Κ—4807	ΙΑΚ. в. 11, стр. 79, 323
34	Πασиχάρους / άστυноμοϋн / τος. Γλαυκία	" "	Κ—4799	ΙΑΚ. в. 3, стр. 142, 58

(продолжение)

№ рис.	Легенда	Эмблема	Инв. №	Где издано *
35	Ἡρακλείδης. / ἀστυνόμου / Ἄρτεμιδ- ωρου	Канфар	К—4682	Е. М. Придик, стр. 101, 321
36	Φιλοκράτους. / ἀστυνομοῦ [ν] / τοσ Ναύπων [ο (ς)]	Голова Аполлона	К—4796	ИАК. в. 3, стр. 145, 76
37	ἀστυνόμου / Δημητρίου. / Ἄτταλος	Голова Геракла влево	К—4945	ИАК. в. 11, стр. 28, 54
38	ἀστυνομοῦντος / Ἐκαταίου. / Μιθρα- δάτης	Нос корабля	К—5072	ИАК. в. 11, стр. 33, 80
39	Διονυσίου (υ). / ἐπὶ Ἄπολλ / [οδῶ]- (ρου) ἀστυ (νόμου)	Орел на дельфи- не	К—4418	ИАК. в. 11, стр. 61, 229
40	Ἡροκράτους. / Νευμηνίου / ἀστυνό- μου	Без эмблемы	К—4644	ЗООИД. в. 28, стр. 120, 66
41	Δημ[η] τρίου. / [Ναύπω] νος / [ἀστυ- νο] μοῦντος	Без эмблемы или отбита	К—4639	
42	См. № 8			
43	ἀστυ νόμου / Εὐχαρίστου. / Ἡρακ- λείδης	Цветок лотоса	К—4558	
44	Χαβρία / ἀστυνό (μου). / Γέρβης	Палица	К—5179	
45	Βατίσκο(υ) / ἐπὶ Ἄπολλ (ο) / δῶ- (ρου) ἀστυ (νόμου)	Орел на дельфи- не	К—4416	ИАК. в. 11, стр. 61, 288
46	См. № 18			
47	Βατί / σκο (υ)	Орел на дельфи- не	К—4431/1	
48	Αἰσχίνο (υ) / ἀστυνό (μου). / Διονυ- σίου (υ)	Цветок лотоса	К—4402	Е. М. Придик, стр. 84, 461
49	Αἰσχί[ν]ο(υ) / ἀστυνό (μου). / Ποσει- δῶ (νίου)	Птица вправо	К—4407	ЗООИД. т. 28, стр. 121, 72
50	Αἰσχίνο (υ) / ἀστυ [νῶ] (μου). / Φιλο- κρά (του)	Венок	К—4410	ИАК. в. 11, стр. 64, 246
51	Αἰ[σχί]νεω / [ἀσ]τυνό(μου). / [Νι]- κομάχο (υ)	Голова грифона	К—4412	
52	Μηγσίος / ἀστυνό (μου). / Νικομά(χου)	Сова	К—4632	
53	Μονίμου / ἀστυνό (μου). / Εἰρηναί(ου)	"	К—5373	
54	Ἐπιέλπου / ἀστυνό (μου). / Θεωδῶ- ρου	Цветок лотоса	К—4539	
55	Ἐπ[ι]έλπου / [ἀσ] τυνό (μου). / [Ν] ουμηνί (ου)	Гроздь и колос	К—4541	Е. М. Придик, стр. 88, 556
56	κεραμέως / Ποσειδωνίου / τοῦ Νευ- μηνί [ου]	" "	К—4822	ИАК. в. 51, стр. 133, 16a
57	Γυρίττο (υ) / ἀστυνό (μου). / Ἡφαισ- τίο (υ)	Гроздь и канфар, голова быка	К—4534	
58	Ἰφίος / ἀστυνό (μου). / Ἡφαιστίο[υ]	Гроздь и канфар, колос и гроздь	К—4737	

* Сокращения: Е. М. Придик — Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Петроград, 1917.
ИАК — Известия археологической комиссии.

К — Керченский музей.

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.

**«ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА» КРЫМА
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1954 — 1955 гг.**

Археологические разведки 1954—1955 гг. в горных и предгорных частях Юго-Западного Крыма, охватившие бассейны рек Альмы и Качи и горные части р. Бельбека¹, позволили по-новому подойти к вопросу о причинах возникновения так называемых пещерных городов Крыма.

Господствующий в настоящее время взгляд на происхождение «пещерных городов» наиболее четко сформулирован в недавно вышедших работах М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона².

Оба автора полагают (главным образом на основании трактата Прокония «О постройках»), что «пещерные города» Крыма, расположенные на второй гряде Крымских гор, — это цепь крепостей (названных Проконием «длинными стенами»), созданных Византией в основном при Юстиниане I для обороны дальних подступов к Херсонесу со стороны степи и для защиты от кочевников коренного земледельческого населения горных долин Юго-Западного Крыма.

Нет сомнения, что роль Византии в Крыму в эпоху раннего средневековья была значительна. Ее влияние сказывалось как на экономике, так и на культуре местного населения; постоянно проявлялось оно и в политической жизни полуострова, особенно в Херсонесе. Однако приписывать Византии строительство в Юго-Западном Крыму «таврического лимеса» — целой оборонительной системы, звеньями которой якобы являлись так называемые пещерные города, по нашему мнению, нет никаких реальных оснований. Существующие у названных выше авторов представления об этом лимесе мы считаем основанными на недоразумении и ряде фактических ошибок.

Произошло это, по-видимому, потому, что так называемые пещерные города Крыма всегда понимались как нечто однородное и одновременное, без детального рассмотрения того, что собой представляют археологические памятники, входящие в состав этих «городов».

М. А. Тиханова, называя ряд «пещерных городов» Крыма (Эски-Кермен, Мангуп, Инкерман, Сюрень, Чильтер, Шулдан, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Баклу), пишет: «Большинство перечисленных поселений обычно называют пещерными городами. Такое условное их обозначение правильно только отчасти, так как с пещерными помещениями — культового, хозяйственного или жилищного назначения — все они

¹ Работы проводились Крымским филиалом АН УССР совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем и Отделом культуры при Крымском облисполкоме. См. отчет Е. В. Веймарна о работе Горного отряда КФ АН УССР в 1954 г. и отчет О. И. Домбровского о разведках в горном Крыму в 1955 г., хранящиеся в архиве отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР.

² М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953; А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 55 сл.; е го же. Византия в истории раннесредневековой Таврии. СА, XXI, 1954, стр. 148 сл.

сочетают и многочисленные наземные сооружения: жилые дома, общественные здания, оборонительные укрепления»³.

При таком определении «пещерных городов» создается представление, что в них главное место занимают пещерные, а не наземные сооружения. В действительности же пещерные сооружения в так называемых пещерных городах, несомненно, подчинены наземным постройкам. Имеются также «пещерные города», совершенно лишенные пещерных сооружений (например, Сюреньское укрепление).

При перечислении типов пещерных сооружений, встречающихся в «пещерных городах», М. А. Тиханова первое место отводит культовым сооружениям, хотя таковых там меньшинство, а военно-оборонительные пещерные сооружения она совсем опускает, несмотря на то, что они уже хорошо известны по раскопкам. Таковы пещерные казематы Эски-Кермена⁴; остатки подобных казематов имеются также на Мангупе (мыс Тешкли-бурун) и на Тепе-Кермене. До сих пор различно понимаются отдельные «пещерные города» как тип населенного пункта. Так, А. Л. Якобсон в своем предисловии к работе о позднесредневековом Херсонесе⁵ наиболее крупные «пещерные города», Эски-Кермен и Мангуп, называет полугородскими поселениями, а в другой работе («Византия в истории раннесредневековой Таврики») Эски-Кермен, Каламиту и Фуллы (Чуфут-Кале) относит к крепостям, а Сюреньское укрепление называет дозорным пунктом. Тепе-Кермен у того же автора назван монастырем. При этом неизвестно, с каким инкерманским «пещерным городом» сравнивается Тепе-Кермен — с крепостью Каламита, при которой после IX в. возник пещерный монастырь, с пещерными комплексами Загайтанской скалы или с пещерными сооружениями средневекового монастыря, остатки которого расположены в устье Каменоломного оврага.

М. А. Тиханова называет Инкерман (также неизвестно, какой из трех объектов она имеет в виду), Сюрень, Чильтер, Шулдан, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Баклу поселениями, а Эски-Кермен — укрепленным пунктом. При этом в общем списке «пещерных городов» пропущено большое, почти равное по размерам Чуфут-Кале и находящееся рядом с Тепе-Керменом городище Кыз-Кермен, на котором есть отдельные пещерные сооружения.

Вместе с тем все эти «пещерные города», по М. А. Тихановой, являются крепостями — звеньями «длинных стен» Прокопия. «Что касается длинных стен,— пишет М. А. Тиханова,— которыми император, по словам Прокопия, заградил наиболее уязвимые места в стране готов, т. е., очевидно, горные проходы, то, как уже отмечено (Дюбуа, Кеппенем и др.), это та цепь горных укреплений, крепостей, которая опоясывает вторую гряду Крымских гор и запирает горные проходы»⁶.

Однако между таким пониманием «длинных стен» и словами Прокопия о том, что император не строил для готов ни городов, ни крепостей, имеется противоречие. М. А. Тиханова устраняет его нижеследующим пояснением: «Возможно,— пишет она,— что Прокопий называет эти укрепления длинными стенами, а не просто крепостями, не случайно, но чтобы избежать противоречия с собственными словами, которыми он характеризовал образ жизни населения страны Дори, утверждая, что оно не терпит быть заключенным в стены и потому император не строил там ни городов, ни крепостей»⁷.

Мы считаем, что эта поправка к Прокопию излишня, так как «пещерные города» не были звеньями «длинных стен». Эти последние, в свою

³ М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 319.

⁴ Н. И. Репников. Остатки укреплений Эски-Кермена. Готский сборник. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, Л., 1932, стр. 181 и сл.

⁵ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 6.

⁶ М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 324.

⁷ Там же.

очередь надо искать не на второй гряде гор, а на Яйле, как об этом ясно говорил еще П. Кеппен⁸.

Искусственно созданный «таврический лимес» с его «длинными стенами» М. А. Тиханова характеризует следующим образом: «Совокупность крепостей нагорья образует две линии обороны. Первая вытянута с запада на восток (Мангуп-Кале — древний Дорос, Эски-Кермен, Шулдан, Чильтера, Инкерман) и закрывает крупнейшие горные проходы, опираясь в то же время на р. Черную и на берег моря. Вторая линия укреплений, перпендикулярная к первой, направляется с юго-запада на северо-восток (Сюрень и на р. Каче, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале — древние Фуллы и вынесенная в степь Бакла). Обе эти линии защищают территорию Херсона и его ближайшей периферии с одной стороны от кочевников степей, с другой — от нападений с восточной части полуострова»⁹.

Здесь в линию крепостей включено 10 названий, в том числе Шулдан, Чильтер и Качи-Кальен. В отношении первых двух пунктов еще со времени А. Л. Бертье-Делагарда известно, что они являются не остатками укреплений, а средневековыми монастырями, лишенными крепостных стен¹⁰ и вознившими не ранее IX в. Никакого отношения к «длинным стенам» Прокопия они не имеют. Качи-Кальен — также не крепость, а монастырь с примыкавшим к нему большим неукрепленным поселением. К этому мнению склонялся еще Н. И. Репников, искавший и не нашедший здесь явных следов укреплений¹¹.

Говоря о «пещерных городах» как звеньях «длинных стен», следует обратить внимание на то, что Прокопий, перечисляя оборонительные мероприятия Юстиниана в Крыму, находит нужным назвать по имени две крепости на южном берегу — Алустон и Горзувиты, реальные остатки которых мы до сих пор еще не знаем, а «пещерные города» — эти большие городища (например, Эски-Кермен) — объединяет в «длинные стены», хотя очевидно, что каждый из «пещерных городов» Крыма не мог не иметь своего собственного имени.

Для подтверждения того, что «длинные стены» и другими исследователями приурочиваются к «пещерным городам», М. А. Тиханова ссылается на Дюбуа и П. Кеппена¹².

П. Кеппен, однако, не придерживался такой точки зрения. На той странице его работы, на которую ссылается М. А. Тиханова, мы читаем: «Слова Прокопия, кажется, доказывают, что в Готфии (на южном берегу Крыма) укрепления Алуштинское и Гурзуфское были построены (в VI веке) прежде других, с коими они в последствии времени составляли непрерывную цепь, и что нагорная стена, которой слабые следы донныне приметны вдоль по Яйле, от дороги, ведущей из Ускута в Карасубазар, до западной стороны Чатырдага, современна сказанным двум крепостцам»¹³.

В цитируемой работе М. А. Тихановой есть и досадные топографические неточности, мешающие правильно понять местонахождение привлекаемых ею памятников. Так, Сюреньское укрепление находится не на р. Каче, а на р. Бельбек. Бакла вовсе не «вынесена в степь», а находится, как и все «пещерные города», на второй гряде Крымских гор. Неправильно сказано, что вторая гряда гор изгибается между Мангупом и Сю-

⁸ П. Кеппен. Крымский сборник. СПб., 1836, стр. 61. В настоящий момент указания П. Кеппена подтверждаются разведками на Яйле, проведенными в 1956 г. сотрудником отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР О. И. Домбровским.

⁹ М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 324.

¹⁰ А. Л. Бертье-Делагард. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. ЗООИД, т. XIV, Одесса, 1886, стр. 237—239.

¹¹ Н. И. Репников. Городище Качи-Кальен. Материалы Эски-Керменской экспедиции. ИГАИМК, вып. 117, М.—Л., 1945, стр. 111.

¹² М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 320.

¹³ П. Кеппен. Ук. соч., стр. 61.

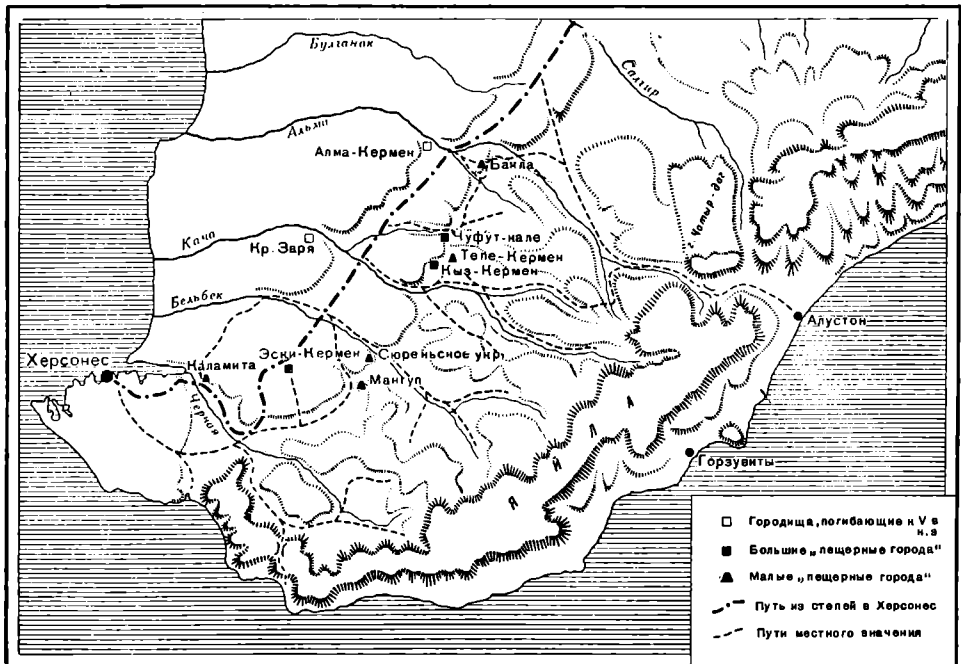

Рис. 1. Карта Юго-Западного Крыма V—VII вв.

ренским укреплением «под прямым углом». В действительности поворот гряды здесь составляет угол в $45\text{--}50^\circ$.

Все изложенное не позволяет принять трактовку М. А. Тихановой «пещерных городов» Крыма как звеньев «длинных стен» Прокопия и дает нам повод высказать наш взгляд на «пещерные города» Крыма, основанный не только на учете известных археологических памятников горного Крыма, но и на изучении их топографии.

Но предварительно и очень кратко мы должны остановиться на других важных вопросах, которые еще не затрагивались в литературе, посвященной раннесредневековому Крыму: 1) о судьбах оседлого населения, обитавшего в предгорьях Юго-Западного Крыма в III—IV вв. н. э.; 2) о сухопутных путях сообщений в Юго-Западном Крыму, существовавших в течение I тысячелетия.

Археологические работы 1954 г., произведенные в предгорьях Юго-Западного Крыма, на территории между второй грядой Крымских гор и западным побережьем полуострова — в одном направлении и реками Альмой и Качей — в другом, со всей наглядностью показали, что интенсивная оседлая земледельческая жизнь в этом районе замерла в конце IV или в самом начале V в. н. э. Это подтвердили небольшие раскопки на городище Алма-Кермен, расположенном на левом берегу р. Альмы, у с. Заветного (б. Алма-Кермен), а также материалы, собранные на подобном городище у с. Красная Заря (б. Ак-Шейх), на левом берегу р. Качи, в Акшейхской балке (рис. 1). К тому же заключению привели и материалы предварительного изучения обширного сельскохозяйственного комплекса, лежащего к западу от с. Заячьё (б. Сакав), а также осмотр ряда пунктов на северных склонах второй гряды гор, в частности в районе г. Бахчисарая.

На территории всех этих населенных пунктов наиболее поздними среди подъемного материала являются обломки крупных рифленых остродонных амфор IV в. н. э. На многих из указанных памятников отмечены следы пожарищ. Окончательную гибель большей части этих поселений, некогда входивших в государство поздних скифов, нельзя не связать с гуннским

нашествием, в результате которого оседлая жизнь в предгорьях Юго-Западного Крыма надолго прекратилась.

Она возникла здесь вновь, судя по немногочисленной поливной керамике XIV—XV вв., найденной в самых верхних горизонтах Алма-Керменского городища, вряд ли раньше конца XIV в., т. е. в период оседания татар в этих районах полуострова.

Следы оседлой жизни пятого и последующих столетий прослеживаются лишь начиная с ущелий второй гряды и далее в глубь долин рек Альмы, Бодрака, Качи и Бельбека. Все это приводит к заключению, что с конца IV или самого начала V в. н. э. оседлое население предгорий Юго-Западного Крыма покинуло этот район и передвинулось в горные долины указанных рек. Подтверждается это наличием в ущельях второй гряды Крымских гор остатков раннесредневековых поселений, укреплений и могильников (Сюренское укрепление на р. Бельбек; могильник у с. Баштановки на р. Каче; раннесредневековый комплекс в Бахчисарайском ущелье и в первую очередь городище Чуфут-Кале; «пещерный город» Бакла между реками Альмой и Булганак и т. д.).

Говоря о сухопутных путях в Юго-Западном Крыму (исключая южный берег) в эпоху средневековья, в первую очередь необходимо подчеркнуть следующее. Главный сухопутный путь вел из степей полуострова в Херсон (Херсонес), в этот наиболее крупный на протяжении почти всего средневековья торгово-ремесленный город Крыма. Путь этот сложился задолго до средних веков, еще в период оседания скифов в предгорьях полуострова.

Возможно, что именно эта трасса и вызвала появление ряда древних городов Юго-Западного Крыма и в первую очередь Неаполя скифского, Алма-Кермена и поселения у с. Красная Заря. С достаточной уверенностью можно предполагать, что часть степных путей, ведущих в Крым через Перекопский перешеек, сходилась на рубеже степей и предгорий — на берегу р. Салгира, у Неаполя скифского. Отсюда путь шел на юго-запад по долине, лежащей между второй и третьей грядами гор, к переправе через р. Бельбек. Затем он следовал мимо Эски-Керменского городища на Мекензиевы горы и спускался в Каракубинскую долину. Далее следовала переправа через Черную речку в Инкермане, недалеко от крепости Каламита. По Каменоломному оврагу дорога вела на Гераклеяский полуостров и затем к Херсонесу.

Возможные варианты этого пути могли начинаться только после переправы через р. Качу (рис. 1): 1) у р. Бельбека мог быть поворот на запад, вдоль течения реки, затем следовал подъем на Мекензиевы горы, спуск к Каламите и далее на Херсонес или 2) путь шел через Каралезскую долину, мимо Мангупа и далее через Шульскую долину, мимо Каламиты к Херсонесу.

Намеченный нами путь от Неаполя (переправа через р. Салгир) до Херсонеса мог покрываться караванами в три-четыре дневных перехода¹⁴. Поэтому если для первых веков нашей эры ночевки караванов на этом отрезке пути могли располагаться у пунктов Алма-Кермен, Красная Заря, то в эпоху раннего средневековья, после того, как население переместилось за вторую гряду гор, такими пунктами, где, возможно, возникли и караван-сарай, могли стать: по первому варианту — Чуфут-Кале, Эски-Кермен; по второму — Чуфут-Кале, Мангуп, Каламита.

Прямой путь из горных долин к Херсонесу, кроме долин Инкерманской, Каракубинской, Шульской и Байдарской, был значительно затруднен горным рельефом местности. Поэтому из горных частей долин рек Бельбека, Качи, Альмы и Мангушской котловины наиболее удобным путем к Херсонесу оказался по-прежнему выход на главную трассу, ведущую из степей

¹⁴ Протяженность дневного перехода в горных условиях мы принимаем в среднем в 25 км.

в Херсонес. Отсюда караваны направлялись или на юго-запад (к Херсонесу) или на северо-восток, в степи полуострова, или в сторону нынешнего Белогорска и Старого Крыма.

Рассмотрим теперь так называемые пещерные города в свете всего изложенного. К раннему средневековью (V—VII вв.), безусловно, нужно отнести восемь пещерных городов: Каламиту (Инкерман), Эски-Кермен, укрепление на мысе Тешкли-бурун на горе Мангуп¹⁵, Сюреньское укрепление, Кыз-Кермен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Баклу. По размеру защищенной площади эти «города» должны быть разделены на две группы. Первую группу составляют пять «городов» небольшого размера, защищенная территория которых равна всего 1—2 га: Каламита, Тешкли-бурун, Сюреньское укрепление, Тепе-Кермен и укрепление в центральной части Баклы¹⁶. Во вторую группу входят крупные города с площадью крепостной ограды в 10—15 га и более: Эски-Кермен, Кыз-Кермен и Чуфут-Кале.

Первая группа «городов», судя хотя бы по их размерам, не могла быть ни чем иным, как только крепостями, в дальнейшем развивающимися и превращающимися в феодальные замки. При этом надо подчеркнуть, что каждый из этих «городов» расположен так, что в начале средневековья только он один господствовал над той или иной долиной, находясь или в ущелье, ведущем в долину из предгорий (например, Сюреньское укрепление), или же в ее середине (например, Тепе-Кермен). Все памятники этой группы расположены близ дорог, проходящих по долинам и приводящих к главной трассе Юго-Западного Крыма, идущей из степей в Херсонес. Однако в большинстве случаев эти крепости не были способны защищать не только подступы (дорогу) к Херсонесу со стороны степей (они все, кроме Каламиты, стоят довольно далеко от трассы, ведущей к этому городу), но даже горные проходы в долины, в которых они находятся. Наиболее наглядным примером в этом отношении является стоящий почти в середине горной части долины р. Качи Тепе-Кермен, с которого Качинское ущелье даже не видно¹⁷.

Отличительной чертой второй группы «городов», помимо относительной обширности их, является характерная, только им присущая внутренняя планировка. Здесь на большой защищенной оборонительными стенами территории собственно городским кварталам отведена только часть ее, примыкающая к главному участку обороны, где находились городские ворота и колесный въезд в укрепленную черту. Остальная глубинная часть защищенной территории лишена построек и даже отгорожена от собственно города внутренней стеной, притом не оборонительного характера. Это внутреннее пространство в мирное время могло служить рыночной площадью, местом стоянок караванов (караван-сарая), а в военное — местом загона для скота или укрытия сельского населения ближайшей округи, спасавшегося здесь от неприятеля. Короче говоря, этот тип поселения с первого момента возникновения заключал в себе все необходимые условия для сложения здесь городов в полном смысле этого слова.

Вместе с тем «города» этой группы по сравнению с городами первой группы и топографически расположены совершенно иначе. Если «города» первой группы находятся в каждой большой долине горной части Юго-Западного Крыма, то «города» второй группы сооружены далеко не во всех долинах. Они расположены на определенном расстоянии по отношению к Херсонесу и основному пути к нему. Ближайшим к Херсонесу большим раннесредневековым «городом» этого типа является Эски-Кермен,

¹⁵ Мы считаем, что раннесредневековое укрепление на горе Мангуп занимало только территорию мыса Тешкли-Бурун (восточного), остальная территория городища была укреплена позднее (VIII—X вв.).

¹⁶ «Пещерный город» Бакла составляет целый комплекс: укрепление, поселок и монастырь.

¹⁷ От Качинского ущелья до Тепе-Кермена более 5 км.

находящийся от него на расстоянии не менее чем 25 км (т. е. на расстоянии среднего дневного перехода каравана). Отметим, что Эски-Кермен не господствует над какой-либо крупной горной долиной, а лежит на древнем пути из степей к Херсонесу. Он является самым ранним «пещерным городом», возникшим в конце V в., вскоре после гибели Неаполя скифского.

От него до «города» Кыз-Кермена, расположенного почти в середине горной долины р. Качи, около 25 км, а до Херсонеса около 50 км. Мимо Кыз-Кермена проходили основные дороги, выходящие из большой и глубокой вдающейся в горы долины р. Качи к главной трассе из степей к Херсонесу. Вполне вероятно, что по горной части Качинской долины шла также дорога через территорию нынешнего государственного заповедника к перевалу Кибит-богаз (юго-западные склоны Чатырдага), являющемуся древними воротами в Алуштинскую долину, т. е. на южный берег Крыма¹⁸.

Третий «город» второй группы, Чуфут-Кале, лежит в глубине Бахчисарайского ущелья. От Херсонеса и Эски-Кермена он отдален примерно на такое же расстояние, как и Кыз-Кермен, но зато он гораздо ближе, чем Кыз-Кермен, к основной трассе, идущей из степей к Херсонесу. При этом Чуфут-Кале, как и Кыз-Кермен, был центром местных путей сообщения; мимо него шла дорога, связывающая Мангушскую котловину и горную часть Альминской долины с Эски-Керменом и Херсонесом.

С военно-стратегической точки зрения «города» этой группы, кроме, пожалуй, Эски-Кермена, не могли играть сколько-нибудь значительной роли в деле защиты дороги, ведущей из степей в Херсонес. Чуфут-Кале отстоит от трассы не менее чем на 5—6 км и находится в глубине ущелья, а Кыз-Кермен расположен от нее на расстоянии почти в три раза больше. Зато эти «города» были прекрасно укреплены, могли в момент внешней опасности вместить на своей территории большое количество людей и скота, а в мирное время служить тем центром, где постепенно складывались местный рынок и ремесленное производство.

Для правильного понимания «пещерных городов» необходимо иметь в виду и то, что далеко не все возможные пути к Херсонесу и в горные долины были действительно прикрыты этими «городами». Во-первых, широкая прибрежная полоса низовьев рр. Альмы, Качи и Бельбека была в раннее средневековье лишена укреплений, и неприятель легко мог пройти к северным берегам сравнительно неширокого Севастопольского рейда, а отсюда через Мекензиевы горы и Каракубинскую долину обойти крепость Каламиту, попасть в центральную часть Инкерманской долины и беспрепятственно следовать к Херсонесу.

Во-вторых, отряды врагов могли легко прорваться и по дорогам мимо крепостей. Так, Эски-Кермен не мог непосредственно прикрывать дорогу на Херсонес; военным отрядам, сосредоточенным в крепости для защиты дороги, приходилось выходить на нее на расстояние 1—2 км. Из ранне-средневекового укрепления на Мангупе для защиты ущелья Ураус-Дере нужно было проделать часовой путь и сражаться вне стен крепости.

То же можно сказать и о Сюреньском укреплении. Качинское ущелье фактически было не защищено, так как Тепе-Кермен и Кыз-Кермен расположены в глубине долины. От Чуфут-Кале до трассы на Херсонес около двух часов пешеходного пути. Ущелье у с. Глубокий Яр (б. Улаклы), приводящее в долину, лежащую к востоку от Чуфут-Кале, совершенно не укреплено. Аналогичную картину мы видим и в ущельях рр. Бодрака и Альмы; Бакла отстоит от них на расстоянии не менее 3—4 км.

Мы полагаем, что возникновение раннесредневековых крепостей в Юго-Западном Крыму необходимо связывать не с возведением прави-

¹⁸ Это мнение высказывал и А. Л. Бертье-Делагард. См. А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, № 57, Симферополь, 1920, стр. 69.

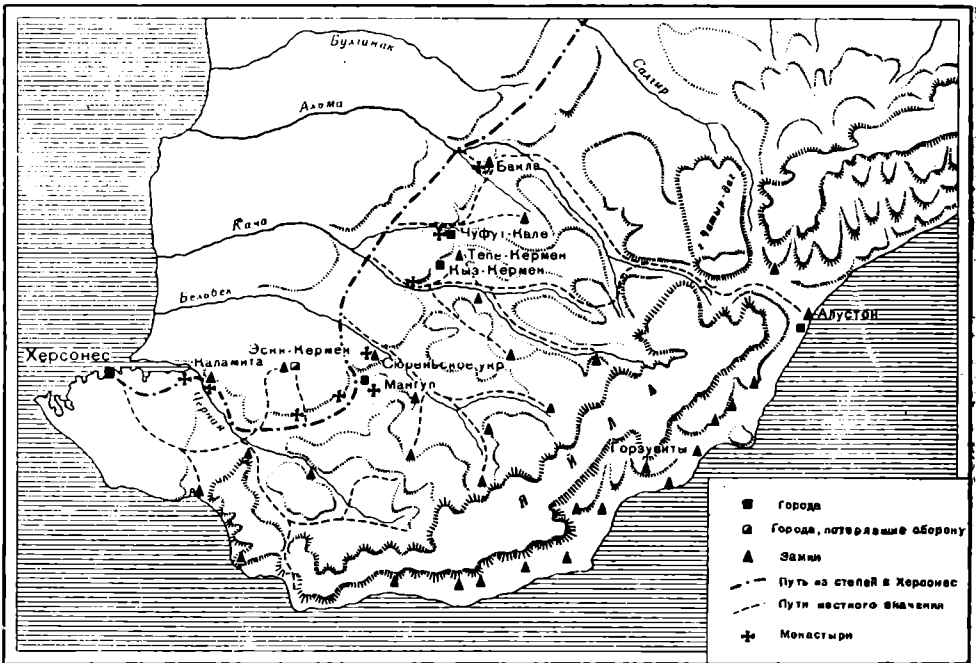

Рис. 2. Карта Юго-Западного Крыма IX—XIII вв.

тельством Юстиниана I специальной крепостной линии — «длинных стен», а с новой экономической и политической обстановкой в юго-западном нагорье, сложившейся после гуннского нашествия. Наладившаяся здесь жизнь земледельческого населения, ушедшего в конце IV — начале V в. из предгорий в горные долины, оживила караванный путь из степей в Херсонес, что явилось предпосылкой для появления таких городов, как Чуфут-Кале или Эски-Кермен. На рубеже античности и средневековья здесь получили развитие и новые социальные явления — зарождение феодальных отношений, что, в частности, выразилось в строительстве небольших крепостей.

Общность интересов Херсонеса (а вместе с ним и Византии) и местного населения этой части полуострова в отношении защиты от кочевников, наводнивших в конце IV в. крымские степи, и большое культурное влияние на него, оказываемое Византией через Херсонес, не могли не отразиться как на материальной культуре земледельческого населения Юго-Западного Крыма, так и на приемах фортификационного искусства. Вполне вероятно, что строительство раннесредневековых крепостей — ранних «пещерных городов» — производилось под наблюдением и даже с участием херсонесских строителей, отчего во многих крепостных постройках Юго-Западного Крыма мы находим примененные характерные византийские строительные приемы. Но все эти крепости жили, по-видимому, достаточно самостоятельно, имели свою вооруженную силу¹⁹ и зависели от Херсонеса и империи лишь постольку, поскольку совпадали их взаимные политические и экономические интересы²⁰.

Возникшие в V—VII вв. в Юго-Западном Крыму «пещерные города» продолжали существовать и в последующее время, превращаясь к IX в. в феодальные города и замки. Сравнивая археологическую карту юго-за-

¹⁹ Раскопки могильников раннесредневековых «пещерных городов» (Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Мангуп) вскрыли уже сотни погребений, но не дали еще ни одного захоронения византийского воина.

²⁰ С середины VII в. это подтверждается письменными источниками (письма папы Мартина).

падной части полуострова с картой того же района IX—XIII вв. (рис. 2), мы видим дальнейший количественный рост этих феодальных ячеек — мелких феодальных замков (так называемых сарджиков, керменчиков, исаров) и феодальных пещерных монастырей; таковы Чильтер, Шулдан, монастыри в районе Инкермана, около Мангупа, Сюреньского укрепления, Успенский скит и др.

Следует отметить, что если в эпоху раннего средневековья (V—VII вв.) в каждой более или менее большой долине горного Юго-Западного Крыма (например, Качинской) существовала одна небольшая крепость (например, Тепе-Кермен), то в более позднее время (IX—XIII вв.), кроме нее, возникает еще одна или несколько новых небольших крепостей-замков (в Качинской долине — три). Эти новые укрепленные пункты господствуют над отдельными частями той же большой долины, и границы их владений определяются в первую очередь горным рельефом. Господство над большой долиной как бы расчленяется, выявляя этим характерную для феодализма раздробленность землевладения.

Монастыри, как правило, возникали близ дорог или на подступах к замкам и городам. Так, крупнейшие пещерные монастыри Чильтер и Шулдан расположены под обрывами скал второй гряды гор в Шувльской долине, где проходила главная трасса из степей в Херсонес, на ее отрезке между Мангупом и Инкерманом. Инкерманские монастыри сосредоточены у переправы через речку, на той же трассе. Более мелкие монастыри создавались на подступах к городам и замкам, например Успенский скит — около Чуфут-Кале, Качи-Кальенский — по пути к Кыз-Кермену и Тепе-Кермену, Чильтер-Коба — у дороги к Сюреньскому укреплению и т. д.

Мы убеждены, что изучение средневековых (да и не только средневековых) поселений, крепостей, замков и монастырей Юго-Западного Крыма, как и других его районов, невозможно без учета географии и топографии этих памятников. Такое изучение, как мы старались показать, позволяет наметить некоторую последовательность отдельных этапов развития местного общества и, безусловно, поможет дальнейшим археологическим исследованиям. Во всяком случае, такое рассмотрение памятников, безусловно, предостережет от тех поспешных выводов, которые были сделаны в последние десятилетия в вопросе о «пещерных городах» Крыма.

ПОЗНАНЬ В РАННЕПЯСТОВСКОЕ ВРЕМЯ

Познань, один из древнейших польских городов, в раннепясстовское время принадлежала к самым важным центрам Польши. Там помещалось первое польское епископство, там похоронен первый польский князь, упомянутый в письменных источниках, Мешк I, а может быть, и первый польский король Болеслав Храбрый. По всей вероятности, Познань была одной из первых столиц польского государства. Ввиду этого необходимо было исследовать археологически этот центр. Изучение истории Познани в течение раннего средневековья не только помогает выяснению значения этого города, но также (благодаря его важной роли в раннефеодальном польском государстве) неизбежно должно способствовать полному пониманию самого процесса возникновения польского государства и его культуры.

Систематические исследования Познани раннепясстовского времени начались в 1938 г. и продолжались до начала второй мировой войны. Война не только прекратила раскопки; во время оккупации были отчасти опустошены археологические коллекции Познани, и при сооружении перед собором большого водоема был нарушен один из самых интересных, раннесредневековых районов города. В 1946 г. исследования были возобновлены и поставлены еще более широко; они продолжают с короткими перерывами до настоящего момента. Хотя раскопки не окончены поныне и хотя много важных районов старой Познани еще не было исследовано археологами, но тем не менее мы достигли серьезных результатов, которые пролили свет на неясные прежде стороны истории города¹.

В Познани, как и в некоторых других городах, размещенных на берегу реки, центр раннесредневекового поселения расположен на так называемом теперь острове Тумском, окруженном рукавами рек Варты и Цыбины. Усилия археологов были направлены главным образом на изучение этого острова. Раскопки подтвердили, что именно здесь до середины XIII в. находилось сердце раннесредневековой Познани. Они обнаружили также следы реконструкции, которой подвергся этот участок в течение столетий; однако время основания здесь города все еще не установлено в точности. Некоторые отрывочные данные указывают, что поселение основано здесь, может быть, уже в VIII или в IX в. Но значительное количество источников характеризует время начиная с X в., и лишь с X в. мы можем проследить и выяснить более полно, как разрасталась Познань в раннепясстовское время.

---

¹ Археологическими исследованиями в Познани руководили: в 1938 и 1939 гг.— Ю. Костжевский, В. Гензель, В. Кочка и К. Лукасевич, в 1946 г.— В. Гензель и З. Кемпинский. Позднее здесь действовали две группы исследователей. Одна из них занималась изучением памятников архитектуры на территории кафедрального собора (руководил группой З. Кемпинский при участии К. Юзефовича), другая — исследованием территории, расположенной вне собора (руководил группой В. Гензель при участии Ю. Жака).

Возможно, что еще в IX в. территория нынешнего о. Тумского состояла из нескольких частей, разделенных водой. Во всяком случае несомненно, что в раннесредневековое время территория, на которой здесь строились дома, искусственно была увеличена. Наиболее древние постройки здесь были воздвигнуты на плоских песчаных островах, нанесенных течением Варты и лишь немного возвышавшихся тогда над уровнем воды; теперь же они находятся более чем на 5 м ниже уровня о. Тумского.

Такой выбор положения поселения можно объяснить стратегическими соображениями и условиями сообщения. Поэтому, несмотря на то, что мы до сих пор не нашли следов укреплений здешнего древнейшего поселения, все-таки следует предполагать, что это было укрепленное городище, а не открытое селище. Не исключено, что само название «Познань», имеющее притяжательное значение, связано именно с этими временами. Во всяком случае следует считать с правдоподобной гипотезой, что уже в VIII или IX в. здесь стоял небольшой феодальный замок-град, который значительно разросся в следующих веках. Вероятно также, что уже тогда стали поселяться при замке-граде ремесленники.

В конце IX или в начале X в. в западной части о. Тумского был построен другой укрепленный град, обведенный деревянно-земляным валом «решетчатой» конструкции (при этой конструкции бревна укладывались рядами, расположенными параллельно и перпендикулярно оси вала). К этому кремлю прилегал окольный град, также укрепленный валом подобной конструкции, но, вероятно, меньших размеров. Вещей здесь найдено пока немного. Интересны две серьги с наконечниками в виде пробочника, вероятно, южного происхождения (может быть, с территории белобродской культуры, из южных районов Чехословакии, или из Венгрии). Как бы то ни было, но для этого малоизученного времени они представляют интересную иллюстрацию направления внешних сношений в бурный период роста гнезненского государства. Они подтверждают наличие сношений не только с Севером и с Востоком, но и с другими странами. К тому же они оказываются еще более интересными, если принять во внимание линию польской политики во второй половине X в. Возможно, что предпосылки для этой политики формировались уже в более раннее время.

Если до середины X в. на о. Тумском строились довольно скромные здания, не превышающие по своим размерам зданий, встречаемых в других местностях, то во второй половине X в. положение резко меняется. Именно в это время сам кремль был особенно сильно укреплен, так же как и прилегающий к нему окольный град (рис. 1). Град-замок, занимающий небольшое внутреннее пространство, был обведен могучим оборонительным валом из камня и дерева, построенным террасами. Ширина вала была свыше 20 м, а находящаяся перед ним берма имела свыше 4 м ширины. Вал сохранился на 5 м в высоту; в особенности хорошо сохранилась его нижняя часть благодаря сырости почвы; верхние же ярусы прослеживались лишь в виде полос древесного тлена. Верхняя часть вала, перво-

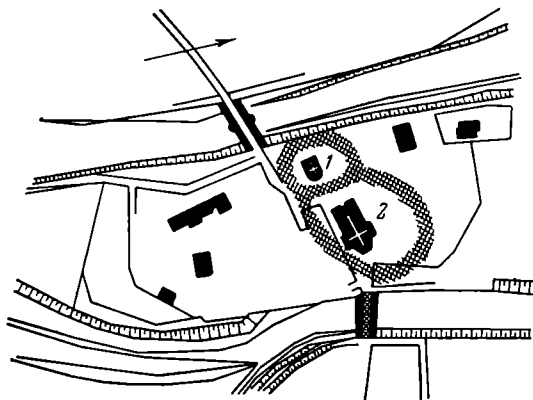

Рис. 1. Познань. о. Тумский. Схематический план кремля и посада (вторая половина X в.)

1 — церковь Богородицы; 2 — кафедральный собор

начально достигавшая высоты 8 м, имела решетчатую конструкцию, заполненную песком; нижняя же и внешняя части его, так называемая берма, состояла из ряда деревянных клетей, укрепленных извне крюками и наполненных камнями (рис. 2). Конструкция, снабженная крюками, типична для раннепольских оборонительных сооружений, но нигде она не

Рис. 2. Познань, о. Тумский. Часть оборонительного вала (вторая половина X в.)

сохранилась на такую большую высоту, как в Познани. Ни в каком другом замке-граде, несмотря на то, что иногда в них встречаются валы с каменными бермами, не были открыты столь мощные укрепления, как в Познани. Благодаря своим размерам и обдуманной конструкции вал этот отлично охранял замок-град не только от нападений врагов, но и от разрушительного действия вод. В тогдашних условиях это была крепость, захватить которую было трудно даже в случае применения стенобитных орудий. Значение укреплений кремля усугублялось еще и тем, что прилегающий к нему посад был тоже сильно укреплен; кремль же господствовал над важным узлом дорог и над всей окрестностью. Можно, наконец, отметить, что та же система оборонительных укреплений, несмотря на различные перестройки, применялась на о. Тумском и в следующих веках вплоть до XVIII в., т. е. до перенесения замка на левый берег р. Варты. Факт этот нужно учесть, чтобы

оценить важность вклада, внесенного ремесленниками Мешка I в дело строительства различных укреплений.

Внутренняя застройка площади познанского замка-града неизвестна до настоящего времени. Предполагается, однако, что вблизи современного небольшого костела Пресвятой Богородицы, основание которого легенда приписывает жене Мешка I, чешской княжне Добраве, находились каменный дворец и каменная часовня. О застройке окольного града, прилегающего к кремлю с востока, мы уже кое-что знаем. Рядом с домами ремесленников и дворовых, на расстоянии нескольких десятков метров к востоку от стены вала, обнаружены развалины первого польского кафедрального собора (рис. 3), построенного здесь во второй половине X в., по всей вероятности сейчас же после учреждения в Познани миссионерского епископства. Когда-то предполагалось, что этот первый христианский храм в Польше был воздвигнут из дерева. Раскопки опровергли это мнение. Не выяснено, однако, был ли он построен на месте какого-то языческого святилища или, что более вероятно, на месте прежде существовавшего поселения. Возможно, что на самом острове вовсе не было языческого храма. Может быть, такой храм существовал поблизости в Сважэндзе, расположенном в десяти с лишним километрах к востоку от Познани. Название этого городка указывает, может быть, на какую-то связь с культом языческого божества Сварожича.

Познанский кафедральный каменный собор был построен в предроманском стиле и имел четырехугольную форму. С западной стороны к нему примыкал внутренний дворик с бассейном из строительной извести диаметром около 4 м. Судя по следам от столбов, над этим сооружением возвышался небольшой навес; окружен же он был невысоким плетнем. Ближайшие аналогии для этого рода сооружений мы

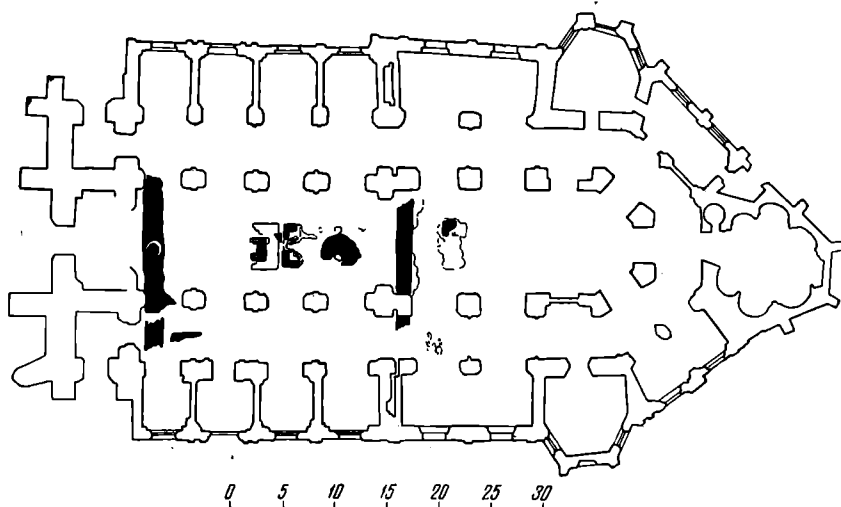

Рис. 3. Познань, о. Тумский. План кафедрального собора с обозначением постройки (вторая половина X в.)

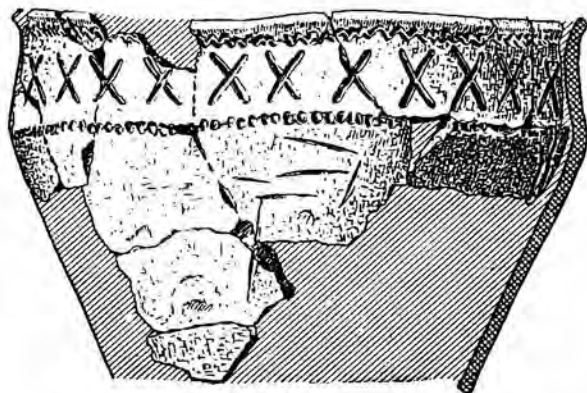
находим в Швейцарии. По всей вероятности, описанные остатки можно интерпретировать как крещальню. В восточной части двора обнаружены остатки каменных прогнивших, к сожалению пустых. Древнейшая из них выложена камнем габро и, следовательно, была когда-то довольно пышным сооружением.

Вследствие перестроек, а также вследствие того, что остатки этого собора залегают под стенами современного готического костёла, что препятствует полному раскрытию развалин, трудно сейчас реконструировать древнейший познанский кафедральный собор; но, несмотря на это, мы в праве сказать, что он принадлежал к наиболее выдающимся зданиям этого типа в Центральной Европе. Нам неизвестно его внутреннее убранство; однако, судя по другим археологическим находкам, можно предполагать, что оно отнюдь не было скромным. Оно, несомненно, должно было влиять своей монументальностью и богатством на сознание местного языческого населения и содействовать процессу христианизации. Несомненно также, что вид собора должен был соответствовать величественности и значению тогдашней столицы Мешка I.

Ввиду того, что здесь было до настоящего времени исследовано лишь немного жилищ, а материалы перемешаны во время войны, нам известны лишь немногие бытовые древности, относящиеся к этому времени. Мы в праве лишь утверждать (на основании открытой нижней части одного из деревянных домов, имеющего вход и крытую галерею от стороны фасада), что наряду с дворней здесь обитали также ремесленники. Обнаружены изделия различных ремесленников. Наряду с очень часто встречающимися обломками глиняных сосудов (рис. 4), найдены изделия кузнецов, сапожников и токарей. Довольно много также найдено разнообразных пряслиц, свидетельствующих о том, что прядение было обычным занятием женщин. В упомянутом доме найдена неподвижно прикрепленная ступка, а вокруг нее довольно много рассыпанного проса. Одно из интереснейших открытий — находка в том же слое, наряду с косточками различных фруктов, зерен винограда. Это самая древняя находка виноградных зерен на территории Польши.

В южной части о. Тумского, уже вне укрепленного посада, расположено было обособленное поселение, имевшее, вероятно, производственный характер. Таким образом, археологические данные свидетельствуют о том, что во второй половине X в. в центре Познани существовало довольно значительное для этого времени скопление ремесленников.

В конце X и в начале XI в. происходят довольно значительные перемены в застройке территории Познани. Площадь, которую занимал замок-град, была увеличена, а сам комплекс кремля довольно значительно расширился, хотя границ его укреплений не удалось пока определить точно на всем их протяжении. Наибольший рост этого центра происходит в XII в., когда местное население занимает, кроме кремля, вероятно, еще

1

Рис. 4. Познань, о. Тумский. Керамика

1 — сосуд XII—XIII вв.; 2 — сосуд IX — X вв.; 3 — сосуд X—XI вв.

два посада. Искусственное повышение уровня острова на всем пространстве между кремлем и собором, притом в некоторых пунктах более чем на 1 м, связано с временами Болеслава Храброго. В 30-х годах XI в. Познань приходит в упадок, кафедральный собор обращается в развалины, но во второй половине XI столетия наступает новый расцвет. В конце этого столетия или же в начале XII века рядом с отчасти реставрированным древним кафедральным собором, на месте расположенного перед ним дворика, воздвигается новое каменное здание, а именно новый кафедральный собор, выстроенный в романском стиле (рис. 5). Собор этот, судя по некоторым наблюдениям, был, вероятно, великолепным сооружением, стены его были расписаны. Быть может, апсидой его стал старый собор; возможно также, что старый, предроманский собор стал чем-то вроде фундамента, так как развалины его засыпаны были щебнем готического происхождения, что должно было произойти во время постройки нового, готического здания в XIV в.

Оба собора, старый и новый, вероятно, были украшены мозаиками; об этом можно судить по находимым в разных слоях мозаичным камням, по всей вероятности происходящим от разрушенных мозаик кафедрального собора или, что кажется менее правдоподобным, от убранства княжеского дворца. В XI и XII вв. вблизи собора воздвигались

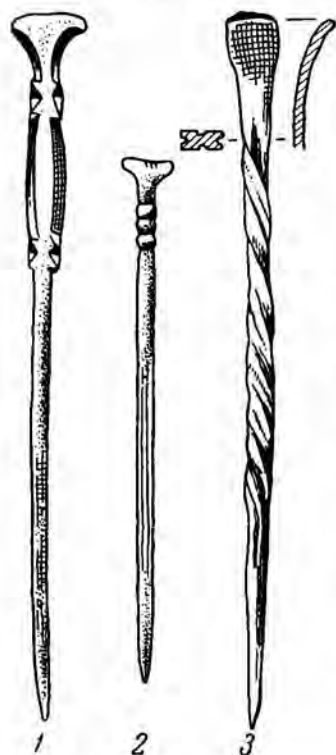

Рис. 6. Познань, о. Тумский.
Железные стили для письма
1 — XI в.; 2 — XI—XII вв.; 3 —
середина XIII в.

Рис. 5. Познань, о. Тумский.
Капитель романской колонны
XII в.

и другие каменные здания. Их размеры неизвестны вследствие того, что они были обнаружены лишь частично в 1938 г.

Возможно, что обнаруженные фрагменты составляли лишь род преддверия, что правдоподобно потому, что преддверие это выходило бы на южную сторону, на пустую площадку перед собором. Примитивная техника постройки этой части тоже свидетельствует в пользу этого предположения.

Говоря о познанском кафедральном соборе, следует отметить, что на самой площади перед собором и в ближайшем соседстве с ней найдено было семь стилей — заостренных палочек для писания на плитках, покрытых воском (рис. 6); в таком изобилии стили не были до этого найдены в Польше. Здесь они были обнаружены в напластованиях, датированных IX—XVI вв. Преимущественно это простые железные острия, являющиеся местным подражанием импортным образцам. Возможно, что их употребляли школьники училища при кафедральном соборе. Найденные стили доказывают, что грамотность в раннесредневековой Польше была распространена шире, чем предполагалось раньше.

Исследования, проведенные на о. Тумском, показали развитие различных ремесел и помогли представить разные стороны быта раннепольского населения.

О высоком плотницком искусстве свидетельствуют следы постройки или перестройки оборонительного вала (например, место соприкосновения оборонительных валов кремля и окольного града, датированных XII в., в северной части о. Тумского). Доказательством искусства тогдашних плотников может послужить также любопытное решение вопроса конструкции фундаментов некоторых деревянных домов. Наряду с наблюдаемым прежде применением свай-стульев или же подкладкой под фундаменты бревен с целью нивелирования площади, на которой строилось здание, на топкой почве острова

Рис. 7. Познань, о. Тумский. Железный топорик с надписью

обнаружен был иной прием конструкции, а именно постройка на своеобразных подмостках, поддерживаемых вколоченными в землю сваями, на которые укладывались брусья. Таким образом создавался фундамент, обеспечивающий устойчивость здания. Стоит отметить, что такой же прием отмечен в Ополе, а также в конструкции гетеровского моста. Наконец, та же система использована при постройке оборонительного вала в Уйсьце.

Много находок свидетельствует о развитии кузнечного ремесла. Заслуживают внимания находки железного шлака — свидетельство того, что в некоторых случаях варка железа происходила на месте. Здесь должны были также существовать кузницы. Это доказано, между прочим, находкой кузнечных клещей. Разнообразные железные изделия свидетельствуют о высоком уровне, достигнутом в этом искусстве. Из стали делались различные предметы, из которых особого внимания заслуживает железная бритва со стальным лезвием, наваренным техникой, подражающей дамасской. Не доказано еще местное происхождение

Рис. 8. Познань, о. Тумский. Навершие посоха. Лиможская эмаль (середина XIII в.)

небольшого железного топорика (рис. 7), датированного X или XI в., но найденного в слое XV в. На лезвии топорика есть надпись, которая, по мнению профессора Ивара Линквиста из Люнда, не является ни руническим сочетанием, ни германскими рунами, но, возможно, «орконскими рунами». Польский профессор София Будкова, наоборот, допускает возможность, что надпись является сокращенным словом «stla» от слова стрела. Это толкование, однако, довольно сомнительно. С другой стороны, принимая во внимание, что топорик был, вероятно, метательным оружием, нельзя отрицать возможность именно такого истолкования. Такое содержание надписи следовало бы тогда понимать как магическое заклинание из области так называемой симпатической магии, которое должно было надарить топорик качествами стрелы. Топорик, вероятно, употреблялся на охоте и в бою. Как бы то ни было, топорик этот — уникальная находка среди польских древностей раннего средневековья. Неизвестно, сохранился ли он до XV в. в каком-то познанском семействе или же попал случайно в слой XV в.

Найдены были также следы других ремесел, а именно бондарного, токарного, костерезного, сапожного, ювелирного и т. д. Развитие токарного ремесла характеризуется наличием красиво выточенных деревянных изделий (между прочим, фрагментом мисочки). Найдены настоящие мастерские по изготовлению изделий из рога, где обнаружены были отбросы материала и различные полуфабрикаты. Следовательно, можно предполагать, что ряд красиво ornamentированных гребней или же их футляров был изготовлен в местных мастерских. Обломок рогового гребня, украшенного зооморфным и геометрическим орнаментом, принадлежит, вероятно, к той же категории вещей. Те же мастерские изготовляли игольницы.

Остров Тумский был не только ремесленным, но, вероятно, и торговым центром. Присутствие купцов на острове доказано находками обломков весов для взвешивания серебра и гириями различного веса и типа, преимущественно шарообразной, реже октаэдрической формы. Доказательством оживленной торговли может служить довольно большое количество импортных предметов, найденных на незначительном исследованном про-

странстве. Среди них первое место занимают стеклянные бусы, лишь часть которых принадлежала, вероятно, к местным изделиям, часть же, несомненно, была импортирована из Византии или из Руси, или же с Востока, причем следует считаться с возможностью посредничества Севера. Гемма с резным стилизованным изображением рыбы, вероятно, была привезена из Византии. До настоящего времени геммы являются большой редкостью среди памятников польского раннего средневековья. Некоторые импортные предметы происходят, возможно, из Венгрии. К ним принадлежит эмалированная оковка и еще, быть может, фрагмент кольца. Найдены были также русские изделия, в том числе довольно часто встречающиеся на территории Польши пряслица из розового волынского шифера. Пока неизвестно происхождение глиняных писанок с цветной поливой: были ли они привезены из Руси или являются местным подражанием русским изделиям. Новейшие раскопки доказали бесспорно, что стеклоделие было знакомо населению Польши уже в X в., а орнамент, покрывающий польские писанки, не встречается на русских вещах. Один из наиболее ценных импортных предметов из о. Тумского — обнаруженное на территории здания собора богато украшенное эмалью навершие епископского посоха из Лиможа, датированное XIII в. (рис. 8). Привозными были также золотые нитки, которыми расшивались ценные ткани.

Жители о. Тумского занимались, кроме того, по всей вероятности, земледелием, скотоводством и рыбной ловлей. К домам примыкали небольшие огороды, где выращивали овощи (например, огурцы, семена которых также встречаются при раскопках), а быть может, и фруктовые деревья. Возможно, что у южных стен домов росли персики, косточки которых тоже были найдены на о. Тумском. Но в общем население было типично городское.

В XI и XII вв. в состав Познани входили, кроме острова Тумского, и другие поселки, размещенные вне острова.

Проведенные археологические исследования не только подтвердили большое значение Познани в Польше раннесредневекового времени, но доказали также, что в известные периоды, особенно во второй половине X в., Познань играла передовую роль в раннефеодальном польском государстве и, по всей вероятности, была тогда его столицей, хотя период этот продолжался недолго и окончился не позже чем в 990 г.

Открытия, сделанные за последнее время и лишь вкратце изложенные мной, не только пролили свет на ранние периоды существования Познани, но выяснили также некоторые прежде неясные стороны древнейшей истории польского государства. Они обнаружили также картину довольно большой зажиточности и высокого уровня культуры населения. Несомненно, продолжение исследований, в особенности же изучение жилищ, обогатит наше представление о сложном и богатом культурном наследстве, оставленном жителями Познани раннепясковское время. Несомненно также, выделится еще ясней место Польши в общеевропейском культурном прогрессе, а место это, как мы это оцениваем сегодня, вовсе не было незначительно.

К ВОПРОСУ О ПОХОДЕ БУЛАК-ТИМУРА

В истории древнего Болгара имеется событие, сыгравшее исключительную роль в жизни этого крупного средневекового города Поволжья. В 1361 г., когда в Золотой Орде вспыхнула «замятня велика», в которой, по-видимому, приняли какое-то участие и болгары, золотоордынский князь Булак-Тимур предпринял поход на север. Русские летописи писали об этом походе следующее: «...а Булак Темерь князь Ординьски Болгарь взял и все города по Волзе и улусы и отня весь Волжский путь»¹. По поводу этого похода среди историков существуют различные точки зрения. Еще в 1876 г. известным казанским историком С. М. Шпилевским было высказано мнение, что в летописи, где говорится о Булак-Тимуре, «болгары упоминаются в смысле народа и земли»², т. е. в смысле страны, а не города. По словам А. П. Смирнова, сторонники этой первой точки зрения считали, что поход Булак-Тимура не сопровождался разгромом города; произошла лишь смена правящей верхушки, а город продолжал развиваться³.

В противоположность С. М. Шпилевскому другой казанский ученый, Н. Ф. Катанов, утверждал, что «самое значительное опустошение Болгар произведено в 1361 году золотоордынским князем Булак-Тимуром»⁴.

Эту же точку зрения высказали в 1950 г. авторы «Истории Татарской АССР», считавшие, что город Болгар походом Булак-Тимура был разрушен до основания⁵. Этот спор продолжается вплоть до нашего времени. К сожалению, в ходе полемики ученые мало привлекали другие источники, которые могли бы пролить свет на общее состояние вопроса. Однако в 1949 г. О. С. Хованской при раскопках верхней части Болгарского городища было установлено, что количество остатков кожи, медного литья, шлаков и криц резко падает на четвертом штыке культурного слоя раскопа, который, по стратиграфическим данным, относится к 50—60-м годам XIV в., т. е. приблизительно совпадает со временем похода Булак-Тимура⁶.

Эти интересные наблюдения, полученные по одному из участков городища, были затем значительно дополнены и уточнены. Как выяснилось в результате длительных археологических раскопок городища древнего Болгара, проводившихся Куйбышевской археологической экспедицией, следы военного разгрома города обнаружены повсеместно. Это обстоятельство дало возможность А. П. Смирнову еще в 1953 г. культурные

¹ ПСРЛ, т. XXV, 1949, стр. 181.

² С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники, Казань, 1877, стр. 169.

³ А. П. Смирнов. Основные этапы истории города Болгара. МИА, № 42, 1954, стр. 320.

⁴ «О древностях Волги и Кавказа» доложено Н. Ф. Катановым. ИОАИЭКУ, 1907 Казань, т. XXIII, стр. 240.

⁵ История Татарской АССР. Казань, 1950, стр. 141.

⁶ О. С. Хованская. Новые данные о городе Болгаре. КСИИМК. вып. XXXVIII, 1951, стр. 123.

«слои города, наполненные большим числом прослоек угля и разрушенных построек» и сопровождающиеся значительным количеством монет 1360—1361 гг., связать с нашествием Булак-Тимура⁷. Особенно хорошо картину разгрома города удалось проследить в Подгорной части городища, расположенной за р. Меленкой (Заречье). Здесь в течение 1950—1951 гг. были раскопаны общественная баня, три больших колодца и городская площадь с фонтаном⁸. При расчистке открытых сооружений на поверхности многочисленных кусков известняка от фундамента и стен бани были заметны следы огня.

Колодцы, расположенные в непосредственной близости от бани, были разрушены. В заполнении колодца № 1 найден кусок глиняной пустотелой гранаты. В колодце № 2 обнаружено большое количество строительного мусора, в том числе несколько крупных кусков белого камня, обломков кирпича и фрагментов золотоордынской керамики, а также два орнаментированных золотоордынских кирпича от пола бани. Ниже, в северо-восточном углу колодца, был найден скелет подростка с разбитым позвоночником, лежавший в скорченном положении, теменем вниз. Очевидно, труп подростка был сброшен в полуразрушенный колодец.

В завале колодца № 3 (в северо-восточном углу) был обнаружен клад железных вещей, найденных в виде монолита весом около 35 кг. В составе монолита, который был разобран в реставрационной мастерской ГИМа, находились следующие вещи: сошники, резак, замки, долота, цепи, стремяна, стрелы и одно луженое блюдо. Большой интерес представляет замок в виде собачки, сделанной из железа. Здесь же, в колодце, на одной глубине с монолитом, был найден череп человека. Как показывает изучение стратиграфии раскопа, колодцы №№ 2 и 3, а также верхнее заполнение колодца № 1, где был найден обломок глиняной гранаты, относятся к последнему периоду существования бани. Сверху они перекрыты серым слоем супеси, который никаких находок не содержит и является слоем запустения. Сохранился он фрагментарно. На участке, перекрывающем заполнение колодца № 2, в нем был обнаружен единственный на этом раскопе экземпляр монеты хана Хызра 1362 г.

Аналогичное явление было прослежено и на другом раскопе, 16 (1952 г.), в том же районе городища, где в слое запустения, кроме монет Хызра, была обнаружена монета Азиз-Шейха (1367 г.). Всего на участках, где находились банные колодцы, было обнаружено 15 золотоордынских монет следующих ханов: Тохты — 1, Узбека — 3, Джанибека — 5, Хызра — 1 (5 не определено).

На прилегающей к бане городской площади, в центре которой стояло водоразборное сооружение в виде вертикальной колонки, сделанной из глиняных труб, было обнаружено более 200 (в основном медных) золотоордынских монет (Арик-Буга — 1, Тохты — 3, Узбека — 74, Джанибека — 54 и Хызра — 1). Слой запустения в этом месте был полностью уничтожен последующими перекопами. Водоразборная колонка была разбита (вероятно, при разгроме бани), от нее сохранился только кусок вертикальной трубы, поднимающийся на 12 см над уровнем мостовой.

Те же следы военного разгрома были обнаружены и в Подгорной части городища, примыкающей непосредственно к береговой террасе. В период работ Куйбышевской археологической экспедиции эта часть городища древнего Болгара была исследована лучше всего. Здесь были открыты остатки многочисленных жилищ, ремесленных комплексов и бань. Наиболее значительными из всех исследованных сооружений являются две богатые общественные бани (Красная Палата и баня, обнаруженная в 1951 г.). При раскопках этой последней бани найдено 80 золотоордын-

⁷ А. П. Смирнов. Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 10—11.

⁸ О. С. Хованская. Бани города Болгара. МИА, № 42, 1954, стр. 415—421.

ских монет, большинство из которых оказалось очень плохой сохранности. Удалось определить только незначительное число их (Узбека — 14, Джанибека — 12, Хызра — 4).

Монеты Узбека и Джанибека были обнаружены в нижних, неповрежденных горизонтах слоя, а монеты Хызра — выше, где золотоордынский слой был частично поврежден поздними перекопами. Эти наблюдения перекликаются с данными стратиграфии Заречья и позволяют связать время разрушения бани с походом Булак-Тимура. «Косвенным показателем боевых операций в районе бани,— пишет О. С. Хованская,— является находка в печи и в центральном дымоходе части скелета человека. В цилиндрической части печи, над слоем спекшейся золы, служившей, следовательно, подом, был найден череп человека, а в дымоходе — берцовая и бедренная кости. Возможно, что один из жителей посада укрывался в топке печи»⁹.

При раскопках Красной Палаты установлено, что она в процессе своего существования неоднократно ремонтировалась и перестраивалась¹⁰. Первые два ремонта бани — незначительны и, видимо, ограничивались нанесением новой штукатурки, покраской стен и исправлением цистерн. В отличие от них третий ремонт был вызван разрушением здания в период военных действий. В это время была нарушена кладка пола, сбиты арки, разбиты водоемы и обрушена часть карнизов здания. Особенно сильно пострадала восточная, служебная часть бани, где находились цистерны и водопровод, подававший воду. Хлынувшая при этом вода размывала часть холма и заполнила толстым слоем песка значительную часть цистерны. К этому же времени относится находка около печи в полуразрушенном дымоходе 20 человеческих черепов. На площади перед Красной Палатой, около водоразборного бассейна, было найдено около 200 золотоордынских монет, относящихся ко времени ханов Узбека, Джанибека, Бердибека и Хызра.

Таким образом, археологические раскопки показали, что занятие Болгара Булак-Тимуром было связано с разрушением города. Одновременно с разрушением Красной Палаты были превращены в руины и другие общественные здания, а также сожжено большое количество построек. Захват города сопровождался зверским избиением жителей. В подвалы и дымоходы крупных зданий, в колодцы и другие ямы были сброшены тела

Таблица 1

Место находок монет	Общее количество	С конца XIII в. до 1311 г.	1311—1361 гг.	1361—1368 гг. (Булак-Тимур)	Конец XIV в.	Начало XV в.
Верхний город	459	3% (14)	92% (422)	4,8% (22)	0,2% (1?)	—
Подгорная часть	98	24% (24)	67% (65)	2% (2)	1% (1)	6% (6)
Заречье	246	12% (30)	85% (209)	0,5% (1)	0,5% (1?)	2% (5)
Ага-Базар	174	1% (2)	19% (34)	2% (5)	22% (38)	56% (95)
Случайные находки	256	12% (30)	65% (165)	6% (16)	4% (11)	13% (34)
Всего:	1233 экз.					

убитых. На месте пожарищ среди остатков сгоревших построек встречаются наконечники стрел, копий, обломки глиняных гранат и другого оружия. Все следы пожарища хорошо датируются золотоордынскими монетами хана Хызра, относящимися к 1361—1362 г.

Интересный материал, подтверждающий поход Булак-Тимура, дает нумизматика. При археологических раскопках с 1946 по 1954 г. на терри-

⁹ О. С. Хованская. Бани города Болгара, стр. 407.

¹⁰ А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951, стр. 222.

тории городища древнего Болгара было обнаружено большое количество монет, из которых удалось прочесть 1233. Из них 803 экз. было найдено при вскрытии культурного слоя в самом городе Болгаре, который (для удобства исследования) мы условно разбили на три следующих района: Верхний город (основная часть г. Болгара), Подгорная часть (между береговой террасой, краем Верхнего города и р. Меленкой) и, наконец, Заречье (район города, лежащий на луговой стороне за р. Меленкой). Сюда

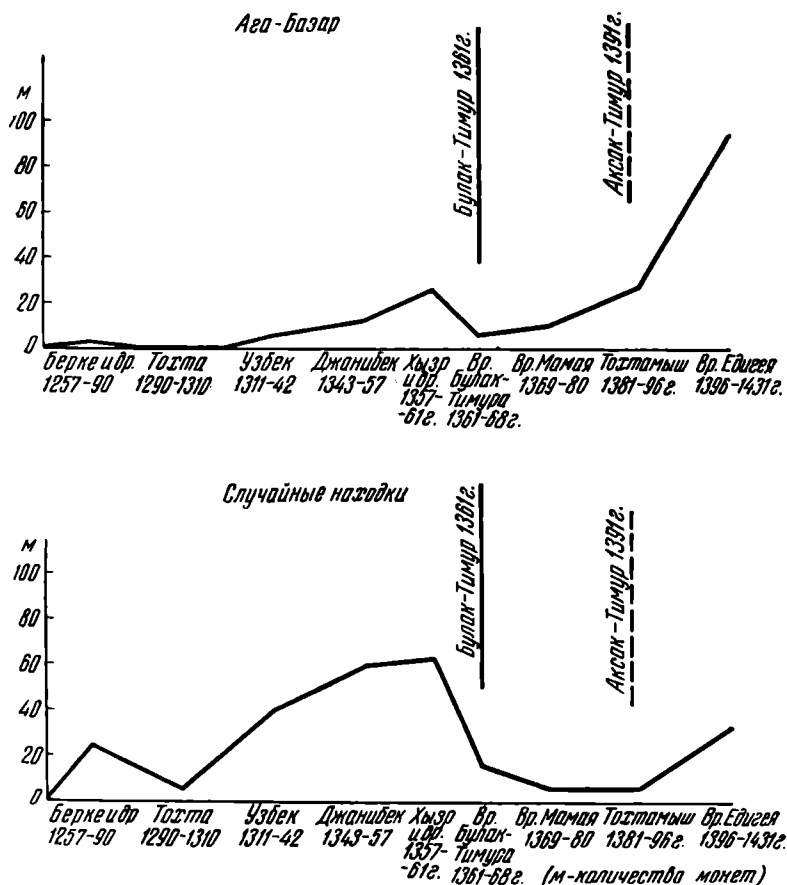

Рис. 1

же следует добавить монеты, обнаруженные при раскопках Ага-Базара — городского пригорода, расположенного в 6 км от города, и случайные находки. Всего, таким образом, учтено 977 монет, обнаруженных при раскопках, и 256 монет, найденных при случайных обстоятельствах.

Как показывает табл. 1, основной расцвет Болгара в золотоордынское время падает на 1311—1361 гг., т. е. время правления ханов Узбека, Джанибека и Хызра, на которое приходится от 65 до 92% всех найденных монет. После 1361 г., времени похода Булак-Тимура, количество монет резко падает. Экземпляры, относящиеся к концу XIV — началу XV в., встречаются единицами. Так, например, на Верхнем городище, Подгорной части и Заречье из 803 монет к началу XV в. относится только 11. Такое положение, бесспорно, говорит об упадке города.

Статистический подсчет монет хорошо подтвердил высказанное еще в 1953 г. проф. А. П. Смирновым мнение: «Разгромленный монголами в 1236 г. г. Болгар к началу XIV в. оправился и к 60-м годам этого столетия достиг значительного расцвета. К этому времени относится военная катастрофа. Город был разрушен, и хотя был восстановлен и суще-

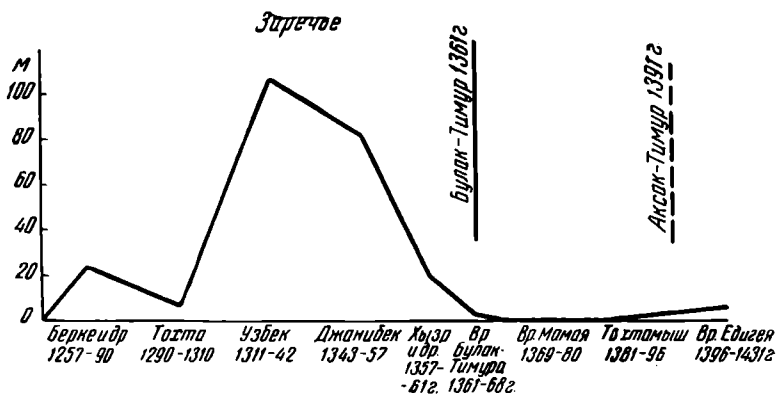
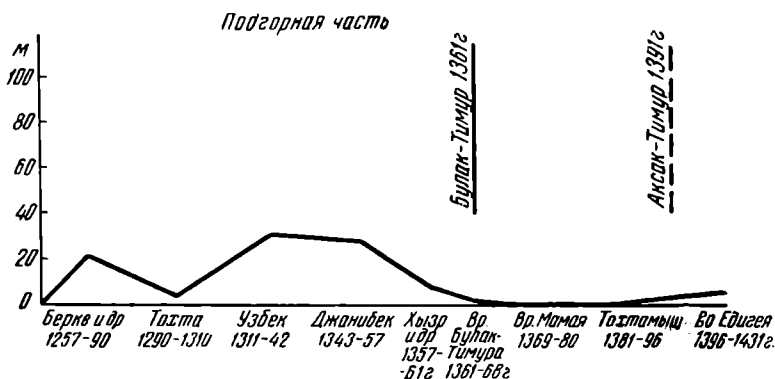
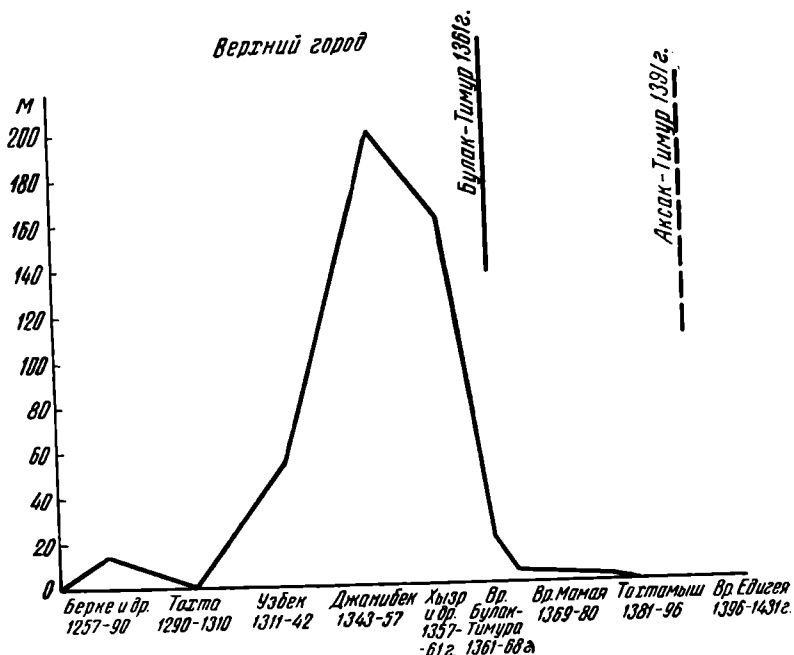

Рис. 2

ствовал еще значительное время, тем не менее не достиг более прежнего расцвета. Разрушение следует связать с нашествием Булак-Тимура». Далее он пишет: «С большей долей вероятия можно полагать, что после 60-х годов XIV века Заречная часть (города.— Б. Ж.) была заброшена»¹¹.

Действительно, на всей территории г. Болгара (в Заречье, Подгорной части и Верхнем городе) было найдено всего три монеты, относящиеся к концу XIV в., из которых у двух экземпляров из-за очень плохой сохранности правильность чтения крайне сомнительна. Как показывают приве-

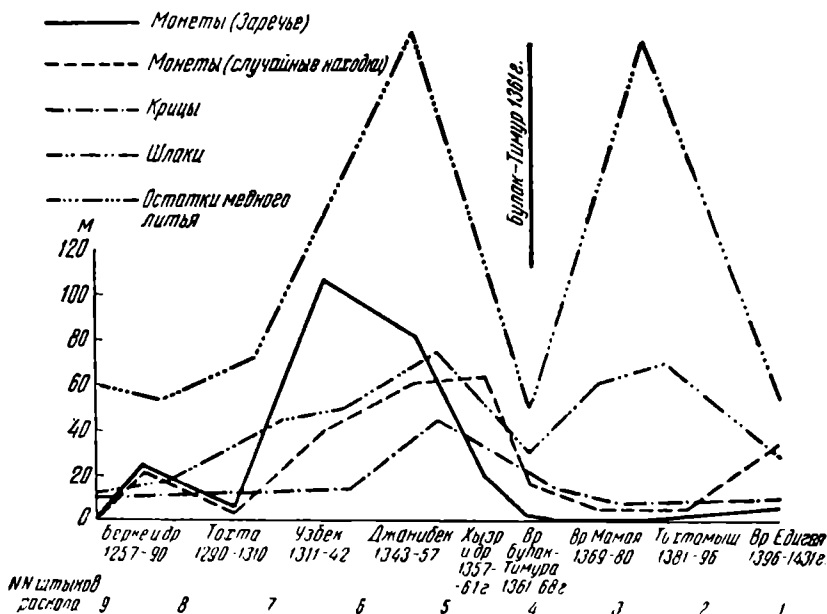

Рис. 3

денные графики распространения монет (рис. 1—2), высказанное проф. А. П. Смирновым предположение о запустении Заречья после похода Булак-Тимура следует в какой-то мере распространить также и на другие части города — его Подгорную часть и Верхний город. По всей вероятности, разрушения г. Болгара были значительно большими, чем до сих пор предполагалось.

Совершенно другая картина наблюдается на Ага-Базаре, расцвет которого падает на конец XIV — начало XV в., и где найдено до 78% всех монет этого периода¹².

Если мы сопоставим данные по остаткам медного литья, шлаков и криц, полученные О. С. Хованской в раскопе на городской свалке древнего Болгара, с нумизматическим материалом, то результаты этого сравнения будут существенно отличаться друг от друга (рис. 3). В то время как, по материалам этого раскопа, после похода Булак-Тимура увеличивается вновь количество остатков медного литья и шлаков, свидетельствующее якобы о быстром восстановлении ремесленного производства города, статистический подсчет большого количества монет Верхнего города, Подгорной части, Заречья и случайных находок — все без исключения говорит о сильном упадке города в конце XIV в. Нумизматический материал учтен почти со всей территории городища и значительно правильнее отражает историю развития города Болгара. В противоположность ему материалы с раскопа О. С. Хованской, вскрывшего очень незначительную часть пло-

¹¹ А. П. Смирнов. Итоги исследований..., стр. 9 и 11.

¹² Б. Б. Жиромский. Ага-Базар. МИА, № 42, 1954, стр. 325—340.

щади древнего городища, не могут служить эталоном для изучения истории города в целом. К тому же даже в верхних слоях названного раскопа самыми поздними были монеты времени хана Хызра.

Высказанное О. С. Хованской мнение о том, что после разгрома Болгара в 1361 г. «через некоторый промежуток времени жизнь города восстанавливается»¹³, нельзя считать достаточно точным. Между концом 60-х годов (Булак-Тимур находился в Болгаре вплоть до 1367 г.) и 1391 г. (поход Аксак-Тимура) город находился в упадке.

Политическая обстановка этих лет продолжала оставаться напряженной. Булак-Тимур вел сложную политическую игру; попеременно блокируясь то с ханами, сидящими в Сарае, то с Мамаем. (Из 25 золотоордынских монет, найденных в г. Болгаре и относящихся ко времени Булак-Тимура, 11 экземпляров принадлежат Абдуллаху — подставному хану темника Мамаю, 3 экземпляра — Кильдибеку, по одному экземпляру — сарайским ханам — Мюриду (Амурат русских летописей), Хайр-Пуладу, Азиз-Шейху и т. д.).

Отношения с русскими княжествами также складывались неблагоприятно. Ослабленная Золотой Ордой и разделенная на два княжества, Волжская Болгария уже не имела достаточных сил для сопротивления наступательному движению русских на восток, начавшемуся с 60-х годов XIV в. В 1366 г. новгородские ушкуйники обрушили на нее очередной набег, который вызвал в следующем, 1367 г. столкновение болгар с князем Дмитрием Московским, положившее конец политической карьере Булак-Тимура.

Таблица 2

Монетные клады

Имя хана	Дата	1879 г.	1903 г.	1907 г.	1928 г.	1947 г.	1953 г.	1871 г.
Тулабуга	1287—1290							1
Тохта	1290—1311	2	4	2	2			
Узбек	1311—1342	4	108	36	2	2	13	9
Джанибек	1342—1357	19	444	233	223	21	50	50
Бердибек	1357—1360	7	111	79		6	13	11
Кульна	1359—1360		35	32		3	5	1
Навруз	1359—1360	2	23	23		4	4	5
Хызр	1359—1361	4	46	100		7	9	9
Орду-Мелик	1360—1361			2		1		
Тимур-Ходжа	1360—1361			4				
Кильдибек	1361—1362	2	2	10				1
Мюрид	1361—1363	1		143		5	9	5
Хайр-Пулад	1362—1363			1		2		
Абдуллах	1362—1369			3			1	
Азиз-Шейх	1364—1367			1				2
Пулад-Ходжа	1364—1367					1		
Тохтамыш	1377—1396							1
Бердибек II (?)	789×(?)							1
Джанибек (подражание)	Конец XIV—нач. XV в.							1

Ярким свидетельством тревожной обстановки, сложившейся в Болгарии при Булак-Тимуре, служат данные о кладах золотоордынских монет, зарытых в г. Болгаре и его окрестностях.

В табл. 2 приведены результаты по семи таким кладам. Из них пять кладов, обнаруженных в 1879, 1903, 1907, 1947 и 1953 гг., относятся ко времени 1361—1367 гг. Сюда же надо прибавить, по всей вероятности, и

¹³ О. С. Хованская. Новые данные о городе Болгаре, стр. 123.

клад 1928 г., который почти целиком состоит из монет Джанибека. Исключение составляет только клад 1871 г., который, очевидно, относится к концу XIV — началу XV в.

Как показывает история, массовое зарытие кладов всегда связано с какими-то серьезными политическими или военными событиями. Даты кладов указывают на то, что годы 1361—1367 были для Болгар насыщены опасностями и тревогой. Они также свидетельствуют в пользу мнения ряда историков о более разрушительном влиянии на город похода Булак-Тимура, нежели похода Тамерлана, имевшего место в 1391 г. Местные татарские предания в изложении историка XVI в. Хисан-Эд-дина сопровождают описание похода Аксак-Тимура (Тамерлана) красочными подробностями. По его словам, Аксак-Тимур «в три дня город Булгар обратил в ничто, будто и не существовало его... Сколько у него было войска, кроме всевышнего бога, никому не ведомо. Приказав разбивать каменные укрепления унпием (тараном), бросил их на дно Волги; велел у Бичуры-хана (правителя г. Болгара) и двенадцати его визирей отрубить головы; девиц и женщин, подобных жемчужинам, обратив в рабство, роздал начальникам войск; повесил тридцать шесть ученых на виселице, а в продолжение одной недели приказал разогнать уцелевший народ в разные стороны, наказав, чтобы они здесь не обитали»¹⁴.

По другим татарским преданиям, правителем Болгара был Абдуллахан. «Семь лет без лишнего осаждал Аксак-Темир крепкий город». Когда он взял Болгар, то «уничтожил бегов сто двадцать четыре человека, а их жен-красавиц вдовами оставил. Он убил самого Абдуллу хана»¹⁵ и т. д.

Как показывают приводимые нами нумизматические и археологические материалы, в период похода Аксак-Тимура (Тамерлана) в 1391 г. Болгар из-за сильных разрушений не мог представлять заманчивую добычу для многочисленных полчищ грозного завоевателя. При археологических раскопках не удалось обнаружить никаких следов военного разгрома города, которые мы могли бы с уверенностью отнести ко времени Аксак-Тимура.

Таким образом, все с большей очевидностью становится ясным, что разгром г. Болгара был произведен Булак-Тимуром, а не Аксак-Тимуром. В связи с этим представляет большой интерес мнение авторов «Истории Татарской АССР», о том, что «красочное описание разрушения Булгар (Хисан-Эд-дина) относится к разгрому его Булак-Тимуром. Народная же память могла сильнее запечатлеть имя известного разрушителя городов Аксак-Тимура, чем в общем малоизвестного временщика Булак-Тимура, начавшего разорение Булгарии»¹⁶.

О дальнейшей судьбе Булак-Тимура достаточно подробно говорит Троицкая летопись. В 1367 г. «князь Ординский, именем Булат Темир, прииде ратью Татарскою и пограбил уезд даже и до Волги и до Сундовити и села княжи Борисовы. Князь же Дмитрие Костянтинович с Борисом и с Дмитрием и с своими детми, събрав воя многи, и поидоша противу его на брань. Он же окаянный не ста на брань, но бежа за реку Пьяну, и тамо множество Татар остаточных избища, а друзии в реце во Пьяне истопоша, и по зажитьям множество их побьени быша, имже несть числа. А Болактемирь оттуда бежа в Орду... и тамо убьен бысть от Азиза царя»¹⁷.

Впоследствии, после разгрома центральных золотоордынских городов полчищами Тимура, наблюдается некоторое восстановление разрушенного прежде г. Болгара. К этому времени торг переносится из города на

¹⁴ История Татарии в документах и материалах. М., 1937, стр. 43.

¹⁵ Богатырские сказания о Чингиз-хане и Аксак-Темире (пер. Панова). Л., 1934, стр. 231.

¹⁶ История Татарской АССР, т. 1, Казань, 1955, стр. 96.

¹⁷ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, М.—Л., 1950, стр. 385.

берег Волги, на Ага-Базар, который в конце XIV — начале XV в. достиг своего наивысшего расцвета.

Одновременно вновь отстраиваются здания и в самом Болгаре. Так, была восстановлена лежащая до того времени в развалинах крупная общественная баня Красная Палата. При ее ремонте разбитые водоемы были заменены другими водоемами различного размера. Возможно, они были взяты из других разрушенных зданий. Была также переложена печь и поставлена перегородка, отгородившая расчищенную часть цистерны от другой, в которой осталось большое количество намытого песка¹⁸. Восстановление бани было сделано наспех, и весь ремонт носил поверхностный характер. Одновременно с Красной Палатой были восстановлены и некоторые другие общественные и частные постройки. Об оживлении городской жизни свидетельствуют и монетные находки. Однако, несмотря на все это, в конце XIV — начале XV в. Болгар далеко не достиг своего прежнего значения. В 1431 г. при великом князе Василии II он был окончательно разрушен русскими войсками.

---

¹⁸ А. П. Смирнов. Волжские Булгары, стр. 222.

РУМЫНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В 1956 г.

За последние 12 лет румынская археология значительно развилась благодаря освобождению нашей страны Советской Армией от фашистского ига и все более систематическому и глубокому применению принципов диалектического и исторического материализма и марксистско-ленинского учения. Само собою разумеется, что в первые годы, в частности до 1948 г., когда Академия РНР лишь приступила к руководству всей научной жизнью страны, не могло не быть столь естественных столкновений между старой и новой историческими концепциями. Достижения румынской исторической науки в этот переходный период привели к полной победе марксистско-ленинской исторической концепции и обеспечили этим научное обоснование археологических исследований, осуществляемых Академией РНР.

Прежде чем остановиться вкратце на результатах работ румынских археологов в 1956 г., необходимо указать, что до первой мировой войны внимание румынских археологов и историков было сосредоточено почти исключительно на римской эпохе «*Dacia felix*» — «Счастливая Дакия» (как ненаучно и определенно тенденциозно толковался этот термин, имеющий совершенно иное значение); ее культура и история были основными вопросами, изучавшимися румынскими историками. Остались почти совершенно неразработанными вопросы бронзового века и культуры фракийцев.

После первой мировой войны объем румынских археологических и исторических исследований значительно увеличился. Большой заслугой румынского ученого-археолога Василе Пырвана является то, что он понял, что исторической реальностью прошлого является не римская Дакия, а гето-дакская среда, уходящая корнями в глубокое прошлое Румынии. Был начат ряд археологических раскопок с целью выяснения общественно-хозяйственной и культурной жизни гето-даков (в частности, в прикарпатской зоне и на юго-западе Трансильвании, являвшихся всегда центром сосредоточения даков). Таким образом, исследователи снова вернулись к разрешению вопросов этнического характера, связанных с древним населением, жившим во времена, предшествующие формированию румынского народа, — вопросов, выдвинутых еще 70 лет назад великим румынским ученым А. Хаждэу. Но на этот раз изучение истории фракийского населения имело подчеркнуто националистическую, шовинистическую и даже империалистическую окраску. Греко-римский период все же оставлен не был, и на памятниках этого периода продолжались многочисленные раскопки. В Истрии исследования были начаты еще в 1914 г. и продолжались в первые годы после войны, так же как и в местностях Галатис, Капидова, Томи, а в Трансильвании — в Сармисегетузе.

Обобщающий труд В. Пырвана «Гетика», вышедший 30 лет назад, представляет собой сводку исторических сведений о гето-дакском мире I тысячелетия до н. э. и вплоть до римского завоевания. Эта работа под-

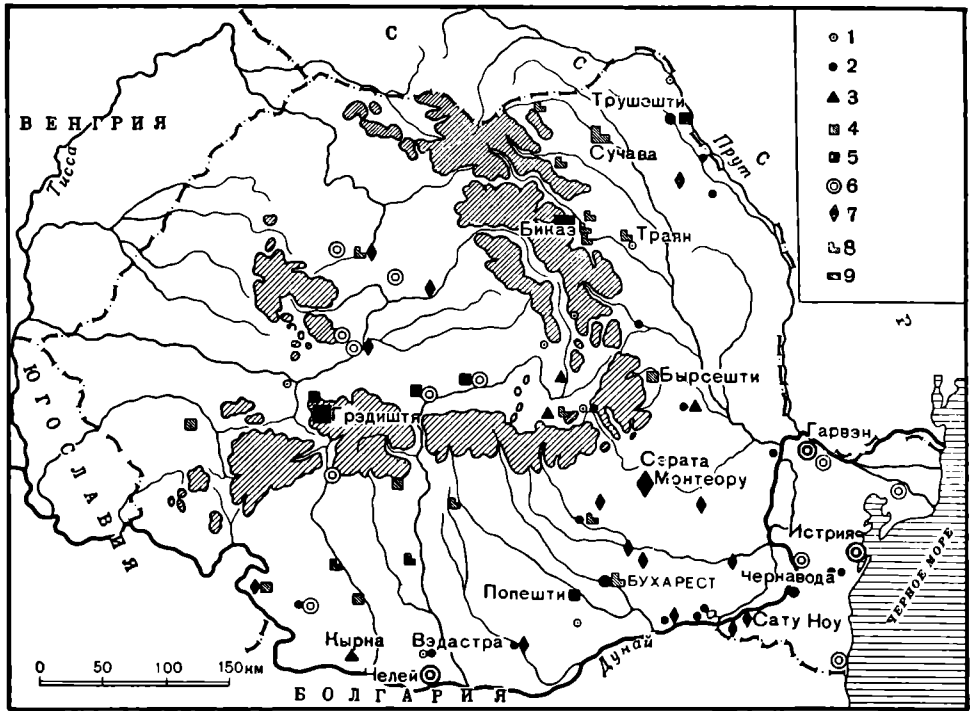

Рис. 1. Карта основных пунктов археологических раскопок в РНР в 1956 г.

1 — палеолит; 2 — неолит; 3 — бронзовый век; 4 — раннежелезный век; 5 — гето-даки; 6 — памятники периода рабовладельческого строя; 7 — раннее средневековье; 8 — средневековье; 9 — комплекс

няла много различных вопросов, гипотез и решений, разработавшихся за время между двумя мировыми войнами.

Главнейшим недостатком археологических исследований за этот период является полное отсутствие интереса к археологии средних веков, т. е. ко времени IV—XIV вв. Систематические исследования в этой области начали проводиться лишь в последние годы. Вместе с тем именно в этот период (IV—XIV вв.) в румынском народе складываются его наиболее характерные национальные черты и завязываются взаимоотношения со славянскими народами.

Начиная с 1948 г. Академия РНР, взяв на себя проведение всех археологических и исторических исследований в стране, начала не только отпускать денежные средства на такие исследования, но планировать их. Появилась настоятельная необходимость привести в порядок ранее собранные богатые археологические материалы, объединить работу Национального музея древностей с вновь организованным Археологическим институтом Академии РНР и начать развернутую работу в следующих направлениях: сбор и опубликование текстов и надписей, относящихся к истории нашей родины, исследование некоторых еще не затронутых или малоизвестных в археологическом отношении районов, продолжение и систематизация начатых ранее больших археологических раскопок, составление каталога всех сделанных на территории РНР археологических открытий, а также организация фондов археологических коллекций и постоянных музейных выставок. Вне всякого сомнения, что все это было бы невозможно осуществить без широкого содействия со стороны Румынской рабочей партии и правительства нашей страны и если бы не существовала группа высококвалифицированных археологов, обеспечивших проведение намного более широких и разнообразных археологических раскопок, чем это было до 1949 г.

Из года в год этот план археологических работ, включая и кампанию 1956 г., значительно расширяется, при этом делается упор на разработку материалов о наименее известных эпохах. Конечно, по всем этим направлениям работа не могла развертываться одинаково. Усилия наших археологов главным образом были направлены на производство раскопок. Предоставленные Академией РНР средства позволили намного увеличить объем исследований. В этом отношении кампания 1956 г. была наиболее значительной по сравнению со всем, что румынская археология знала раньше.

План археологических работ, произведенных в марте — ноябре 1956 г. на территории Румынии (рис. 1), охватывал в основном исследование девяти крупных проблем, включающих 75 заданий. Наиболее обширные исследования, в частности раскопки памятников республиканского значения, представляют собой продолжение исследований, начатых еще в прошлые годы.

Основные проблемы, изучавшиеся в процессе раскопок в 1956 г.:

1. Исследование палеолитического человека на территории РНР.
2. Исследование неолитических поселений и могильников на территории РНР.
3. Исследование поселений и могильников с трупосожжениями бронзового века.
4. Исследование гето-дакской культуры.
5. Исследование памятников периода рабовладельческого строя.
6. Исследование поселений переходного периода к эпохе средневековья.
7. Археологические исследования крупных средневековых центров.
8. Комплексные археологические, исторические и этнографические исследования в зоне строительства Биказского водохранилища гидроэлектростанции им. В. И. Ленина.
9. Охранные раскопки и научное сотрудничество с Министерством культуры.

Первые три проблемы могут быть обобщены в одну более обширную: «Исследование памятников до гето-дакской эпохи на территории РНР». Исследования палеолита были проведены в местностях Нандру, Гура Добруджей, Миток, Вэдастра и Кременя.

Кроме этих пяти палеолитических местонахождений, были широко развернуты работы по исследованию палеолитических стоянок в зоне строительства Биказского водоема. Были выявлены новые стоянки с двумя культурными горизонтами мустьерской эпохи и одним — селетской эпохи в Нандру; в пещере в Гура Добруджей была открыта стоянка мустьерской эпохи с последующими шестью культурными наслоениями, датированными временем до предфеодалной эпохи. Стоянка с 14 палеолитическими горизонтами на глубине 12 м, начиная с леваллуазского и до граветтского периода, обнаружена в Митоке Сучавской области; многочисленные остатки обработки кремня эпохи верхнего палеолита (граветтского периода) стали известны в Кременя (г. Сталин). В Биказе, в пункте Чахлэу, были исследованы многочисленные открытые палеолитические стоянки на террасах с остатками ориньякской и граветтской эпох; остатки палеолита селетской, ориньякской и граветтской эпох изучались и около Четэцика.

Значительно шире были проведены исследования в области неолита и энеолита. В настоящее время на румынской территории выявлены границы трех крупных областей неолитических культур: 1) область расписной керамики типа Кукутени-Триполье, известной по работам Т. Пассек и других советских ученых, 2) область ленточной керамики (Bandkeramik) типа Боян-Гумельница в Дунайской долине, во всем сходной с одновременной ей материальной культурой, известной на севере Болгарии, и, наконец, 3) культура типа Криш (Кёреш), распространенная в большей

части Трансильвании, в Молдове и Ольтении. Культуру Криш, в отличие от первых двух, оставленных оседлыми земледельческими племенами, некоторые археологи считают принадлежащей полукочевым народам.

Памятники эпохи неолита были исследованы не менее чем в 11 пунктах. Так, в Вэдастра, в наиболее древнем неолитическом горизонте, были обнаружены землянки и гончарные изделия с углубленным орнаментом; во втором же горизонте была керамика со спирально-меандровым врезанным орнаментом. Ранненеолитические поселения (одни — предшествовавшие культуре Боян, другие же — относящиеся к этой культуре) были исследованы в местностях Дудешты (Бухарест), Боджита, Вэрэшти, Спанцов, Тангыру, Александрия; при раскопках в Черноводе (Добруджа) было открыто 60 могил с богатым инвентарем (керамические изделия и идолы), относящимся к культуре типа Хаманджия.

В местностях Андриешени, Трушешты, Траян и Тыргу-Окна, в Молдове, были обследованы неолитические поселения, принадлежащие культуре Кукутени-Триполье. Необходимо подчеркнуть интерес, который вызывает к себе крупное неолитическое поселение в местности Траян, Бакэуской области, относящееся к культуре Кукутени А—В; в нем были открыты остатки жилищ, богатая расписная керамика. В соседней местности — Зэнешты в стоянке докукутенской эпохи были обнаружены жилища с площадками и керамика с врезным орнаментом. Та же культура расписной керамики была исследована и к западу от Карпат в стоянках типа Ариушд в местностях Чомортан и Добошены. В Чемортане поверх неолитической стоянки были обнаружены остатки культуры Витенберга бронзового века с некоторыми элементами, устанавливающими связь с новой культурой конца этого периода.

Необходимо отметить, что в Добошенах был обнаружен керамический фрагмент сосуда типа Городск — Усатово.

К началу бронзового века относятся погребения с красной охрой, открытые в местностях Брэилица Галацской области и Валя Лупулуй Ясской области. К эпохе развитого бронзового века относится большой могильник в местности Кырна Крайовской области. Находящиеся там 116 могил были полностью исследованы.

Памятники ранней поры железного века, о которой еще очень мало известно, были обследованы в местностях Вишаг Тимишоарской области, в Бырсештах Фокшанской области, в Порумбений Марь и Порумбений Мичь Венгерской автономной области и в Кашолце Сибийской области. Установлено, что в курганном могильнике в Бырсештах Фокшанской области находятся фракийские и скифские захоронения с богатым инвентарем. К концу ранней эпохи железного века относятся могильники с трупосожжением в Кушольте Сибийской области и в Феридисиле Питешской области.

В позднюю эпоху железного века отмечается переход к собственно гето-дакской культуре, включающей элемент греческой и кельтской материальных культур. Греческое влияние передавалось греческими колонистами с Черноморского побережья; кельтское влияние лучше всего выявлено в Ольтении на берегу Дуная, а затем — в Трансильвании, по речным долинам и в местностях, пригодных для земледелия. За последние годы этому вопросу были посвящены раскопки в местностях Пояна, на юге Молдавии, и на правом берегу Дуная в Черноводе. Эти исследования позволяют проследить зачатки гето-дакской культуры еще в IV в. до н. э. На юге Мунтении, в местности Попешты, недавно удалось проследить гето-дакскую культуру вплоть до I в. н. э. Могущественные дакские крепости на юге Трансильвании в горах Орэштией, характеризуют эту культуру в ее расцвете. В политическом и религиозном центре даков Грэдиштя Мунчелулуй и в других дакских крепостях — в Костештах, Блйдоруле, Пиатра Рошие и т. д. — были обнаружены внушительные по своему размеру

памятники с ярко выраженным эллинистическим влиянием, вполне объяснимым многочисленными связями между даками и греками.

Исследования последних лет с достаточной полнотой осветили эти памятники, представляющие собой обширный оборонительный комплекс. Наличием крепостных сооружений должны быть объяснены те огромные трудности, которые были встречены римскими захватчиками во время второй войны с даками. Высокую степень цивилизации, достигнутой даками в канун их падения, доказывают совершенно особая, с зооморфными орнаментами, разрисованными красной краской, керамика, шигде больше на Балканах не обнаруженная, большое количество деревянных и железных орудий и инструментов весьма высокой точности,

обнаруженных на одной из террас дакской Сармисегетызы — древней столицы Беребисты и Децебала. Проведенные под руководством акад. К. Дайковичу исследования выявили впервые написанный латинскими буквами документ, упоминающий имя царя Децебала. Имя дакского царя имеется также и на многих больших сосудах из обожженной глины, обнаруженных на одной из террас его крепости. В крупном поселении на горе Грэдиштей, рядом с каменной крепостью больших размеров (крепостное убежище), наряду с мастерскими и амбарами, с простыми и более богатыми гражданскими строениями, на многих террасах находятся круглые либо четырехугольные каменные алтари, принадлежавшие разделенному на классы обществу. Они представляют собой категорию уникальных в истории античных религий памятников как по своим громадным размерам, так и по своим специфическим фракийско-дакским формам и характеру. При раскопках были выявлены и первые следы письма в дакском обществе тех времен. Сделанные летом 1956 г. открытия выявили и другие

Рис. 2. Пол эллинистического жилища в Истрии, выложенный амфорными днищами (конец III — начало IV в. до н. э.)

Рис. 3. Абсида комнаты общественного здания в Истрии (VI в. н. э.)

Рис. 4. Стены римско-византийской цитадели в Капидаве, на Дунае (V—VI вв н. э.)

стороны высокого уровня, достигнутого даками тех времен как в отношении развития производительных сил, так и в области материальной и духовной культуры (письмо, строительная техника, гончарное и металлургическое дело, военная наука, религия и т. д.). Наиважнейшей исторической задачей, встающей перед исследователем, является разрешение на основе археологических документов вопроса о том, изжили ли даки в начале I в. н. э. первобытный строй, перейдя к новой организационной форме — рабовладельческому обществу, или же они продолжали представлять собой примитивный союз племен. Мнения румынских историков и археологов по этому поводу разделились.

На западном побережье Черного моря в то время уже давно существовали греческие рабовладельческие государства в Истрии, Томи, Каллатисе.

Наиболее обширные исследования были произведены за семь кампаний в Истрии (рис. 2 и 3) под руководством автора настоящей статьи. Результаты этих раскопок частично изложены в первом томе монографии «Истрия», вышедшем в 1954 г.

Во многих секторах, как внутри крепости в Истрии, так и за крепостной стеной, работы производились и в 1956 г. На участке греческого храма V в. до н. э. обнаружены монументальные развалины другого храма, относящегося к III в. до н. э. Была открыта новая крепостная стена, относящаяся ко времени до IV в. до н. э., и несколько древних греческих и других жилищ эллинистической эпохи. В III в. до н. э. специально выстроенным фундаментом, названным нами «ольвийским фундаментом» (так как впервые подобное сооружение было обнаружено во время раскопок В. В. Фармаковского в Ольвии), был укреплен целый квартал в крепости.

Весьма важный вопрос в связи с изучением сельского населения в захваченной римлянами Дакии выдвигают исследования могильников в Кашольце и Челборе (Трансильвания). Принадлежат ли они дакскому населению, подвергнутому влиянию римской материальной культуры, или же каким-либо колонистам, переселенным в захваченную Дакию из областей по верхнему течению Дуная? Лишь будущие исследования смогут дать ответ на этот вопрос.

Прочие раскопки (в Капидава, Бумбешти, Джилэу и Иглиу) имели своей целью исследование римских военных памятников.

Наиболее новой и, вне сомнения, наиболее важной в настоящее время задачей развития румынской археологии являются принятые по всей территории страны исследования по изучению менее известной эпохи, эпохи формирования румынского народа. Эта эпоха, охватывающая IV—X вв. н. э., которой румынская буржуазная историография полностью пренебрегала, в настоящее время находится в центре внимания археологов Академии РНР, так как именно в эту бурную эпоху переселения народов происходил процесс зарождения румынского народа в результате сосуществования дако-римского населения и славянских племен, осевших на территории нашего отечества в течение IV—VI вв. По этому периоду мы обладаем наименьшими историческими сведениями, и только археологические исследования могут пролить новый свет на этот вопрос. Поэтому и не удивительно, что наиболее значительное место в рабочем плане Института археологии Академии РНР заняли исследования предфеодалного периода, в течение которого происходило формирование румынского народа. Работы производились в следующих местностях: Жилэу, Сопорул де Қымпиэ, Сомешени и Клуж (Клужской области), Алба Юлия, Вербица, Балта-Верде и Челей (Крайовской области), Св. Георга и Морешты (Венгерской автономной области), Иляна, Дриду-Сариндаре, Мэркулешты, Спанцов (Бухарестской области), Буков и Сэрата Монтеору (Плоештской области), Капидава, Пэкучиулуй Соаре и Сату Ноу (Констанцкой области), Ларгу и Гарвэн (Галацкой области) (рис. 4).

В Сэрата Монтеору был исследован славянский могильник с трупосожжениями, давшими наиболее древние для нашей страны бесспорные следы славян, относящиеся к VII в. н. э., причем была найдена керамика так называемого пражского типа. Следы славян последующего периода были обнаружены в Балта Верде, Сомешене Клужской области, в Капидава и Сату Ноу Констанцкой области.

В Сату Ноу также были начаты раскопки могильника с трупосожжением, в котором уже было исследовано 31 погребение X в. Ко времени VIII—X вв. относятся славянские поселения в местностях Спиноаса Ясской области и Капидава Констанцкой области, с двумя культурными горизонтами; в первом землянки относятся к VII—VIII вв., в другом же — к X—XI вв. Самые крупные славянские поселения, исследовавшиеся и в прошлые годы, следующие: поселение в местности Марешты, где в 1956 г. обнаружены интересные находки (одни — относящиеся к VI в., другие — к XI—XII вв.); поселения в Гарвэн, где исследованиями были установлены этапы заселения и размеры поселка в X—XI вв.

Но наиболее ценные, с точки зрения вопроса формирования румынского народа, результаты были получены на юге нашей страны, — в Дриду Сэриндаре, Букове и Галица. Два культурных горизонта (первый, X—XI вв., принадлежавший, возможно, весьма древнему румынскому населению, второй же — населению XIII—XIV вв.) дают нам ценные сведения об образе жизни этого населения и новые хронологические данные, в пределах которых установился этнический и культурный характер этого населения. Эти поселения являлись объектом намного более обширных исследований в летней кампании 1957 г.

Рис. 5. Глиняный сосуд, подражающий по форме металлической посуде из Спанцова (IV—V вв. н. э.)

Таково общее направление современной румынской археологии в области изучения проблемы формирования румынского народа и тесно связанной с ней славянской проблемы. Ведется работа по выяснению проникновения славян на территорию Румынии, давности их пребывания, решается важный вопрос об их участии в развитии общества древней Дакии в течение феодальной эпохи. Постановка всех этих вопросов и достигнутые за последние годы результаты представляют собой неоспоримое доказательство подлинно научного направления румынской археологии и истории.

Исследования в этом направлении продвигаются интенсивно, и можно предполагать значительные открытия в самое ближайшее время.

Открытия памятников в Сэрата Монтеору, Гарвэне, Морештах, Дриду-Сариндари и других пунктах, относящихся к периоду раннего феодализма, позволяют утверждать следующее:

1) долговременное существование местного гето-дакского населения на всей территории древней Дакии, засвидетельствованное, по меньшей мере, для III—IV вв. н. э. в поселениях в местностях Морешты, Поенешты-Васлуй, Спанцов, Лекинца, Чипэу Палатка и т. д. на основании могильников с трупосожжением и характерной для местного населения керамики (рис. 5);

2) проникновение еще в IV в. н. э. на территорию нынешней РНР некоторых ранних славянских племен, на что указывают памятники материальной культуры, обнаруженные в Морештах, Спанцове, Извоаре, Бэнешты, Алдени, Сэрата Монтеору и т. д.;

3) тесные связи славянских племен и местного населения (сосуществование с которым славяне продолжали в следующие века — V—XII) были установлены по археологическим раскопкам в Морештах (большая глинобитная крепость, землянки, могильники, керамика и характерные украшения), в Чипэу (землянки и могильник), в Бландиона (возле г. Алба Юлия — керамика и могильник) и т. д. В различных местностях Молдовы, в частности около Ясс, в Молдовенештах (около г. Турда), в Св. Георге (около Морешт), как и в самой стоянке у Морешт, обнаружена керамика, определенно сходная с культурой роменско-боршевской на территории СССР, что не только заполняет имеющийся в археологических знаниях разрыв между материальной культурой с VII по X в., но и достоверно подтверждает литературные сведения о массовом оседании славян на территории Румынии, начиная с VI в. до н. э.;

4) для VII—XII вв. прочным доказательством этого являются, несомненно, славянский и славяно-румынский характер поселения у Сэрата Монтеору с керамикой так называемого пражского типа у Морешты, у Гарвэна (землянки, керамика, украшения славяно-киевской работы и болгарской, с Волги), у Сату Ноу Констанцской области, на территории Бухареста и во многих других местностях нашей страны (в одной лишь Трансильвании до настоящего времени известно почти 50 подобных пунктов); особенно хорошо это видно на анализе керамических изделий и характере украшений, а также и из всего археологического комплекса поселений и могильников этого времени в упомянутых пунктах.

Полученные результаты являются чрезвычайно важными для истории румынского народа той эпохи, которую буржуазная историография считала «темной».

Собственно средневековый период был исследован в Галице Констанцской области, в Челей Крайовской, Четатя Шпреуги у г. Сталин, в Тыргушорул Веки Плоештской области и особенно в древней столице Молдавии — Сучаве и в древней крепости румынских княжеств — Бухаресте. В Сучаве была поставлена задача изучения памятников гражданской архитектуры, расположенных против воеводской крепости. В одном из более крупных строений крепости были найдены два клада, состоящие из золотых украшений и позолоченной серебряной церковной утвари XV—XVI вв.

В Бухаресте раскопки продолжались на территории бывшего дворца воеводы.

Археологи Института археологии Академии РНР в 1956 г. сотрудничали с Министерством культов и с Государственным архитектурным комитетом, производя разведочные шурфы и предварительные археологические раскопки в нескольких монастырях нашей страны, в которых в 1955 г. произведены значительные реставрационные работы. Отмечаем, в частности, археологические обследования в монастырях Гура Мотрулуй, Котмяна, Маму, Нямцулуй, Путна и Слатина.

* * *

Критически рассматривая полученные в 1956 г. результаты в области археологических исследований, производимых по всей стране, можно сказать, что румынская археология добилась новых и значительных успехов. Добытые при этом новые исторические источники позволяют все с большей полнотой освещать ход развития человеческого общества на территории нашей страны, начиная с палеолита и до последних веков феодального периода. Разбор этих источников в свете материалистическо-диалектической концепции дает новые возможности выяснения таких периодов румынского прошлого, письменные сведения по которым совершенно или почти совершенно отсутствуют.

Условия работы, созданные Академией РНР правительством нашей страны, постоянные усилия наших археологов и историков, все более и более плодотворный обмен опытом, проводимый в последнее время с советскими учеными и с учеными стран народной демократии, привели в 1956 г. к значительному расширению нашего исторического горизонта и позволили сделать большой шаг вперед по пути познания далекого прошлого нашей страны. Можно с уверенностью ожидать, что план исследований, разработанный Археологическим институтом Академии РНР в сотрудничестве с институтами истории в Клуже и Яссах на 1957 г., будет еще более широко реализован.

ПУБЛИКАЦИИ

С. П. ТОЛСТОВ

ХОРЕЗМСКАЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1955 — 1956 гг.¹

Если центральной научной проблемой Хорезмской экспедиции за первые полтора десятилетия ее работ (1937—1950) была остро дискуссионная тогда проблема общественного строя древней Средней Азии, то после того как эта проблема была в основных своих чертах разрешена, в центре внимания экспедиции стала проблема истории древних русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и базирующихся на этих руслах первобытных, древних и средневековых ирригационных систем. Сейчас разработка этой центральной проблемы наших работ пятой и начала шестой пятилетки также близится к концу. Нами сдана в печать коллективная монография «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой (история формирования и заселения)», подготовленная коллективом экспедиции, в состав которого на данном этапе входят не только археологи и этнографы, работники Института этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая, но и геоморфологи, сотрудники Института географии АН СССР.

На первое место выдвигается еще крайне слабо разработанная большая новая проблема истории окружающих Хорезмский оазис древних и средневековых степных племен, тесно связанных с Хорезмом и игравших крупную роль в его истории. Разработка этой проблемы уже сейчас позволяет по-новому осветить ряд оставшихся неясными вопросов истории самого Хорезма.

Длительные маршрутные исследования акча-дарьинской дельты, самой восточной и самой древней из северных дельт великой среднеазиатской реки, протекающей в пустыне к востоку от современной приаральской дельты, начатые в 1954 г. и продолженные в 1955—1956 гг., дали исключительно богатый материал (рис. 1). Кроме известных памятников кельтеминарской культуры неолита и энеолита и тазабагъябской культуры бронзового века, обнаруженных в предшествующие годы в южной части акча-дарьинской дельты и в 1955 г. в так называемом Акча-Дарьинском коридоре, соединяющем северную и южную части дельты, нами в 1955 и 1956 гг. в центральной части северной дельты открыты многочисленные поселения нового варианта культуры бронзового века, которая получила название камышлинской, по имени колодца, расположенного в месте разветвления протоков северной части дельты.

Эта культура (частью более ранняя, частью синхронная тазабагъябской культуре, датируемой временем не позднее середины II тысячелетия до н. э.) характеризуется окрашенными в красный цвет сосудами с лошадиной поверхностью со штампованным и нарезным елочным орнаментом (рис. 2) и обильными кремневыми и кварцевыми орудиями, формы которых восходят к первой половине и даже к началу II тысячелетия до н. э.

---

¹ Доклад, прочитанный на сессии Отделения исторических наук АН СССР 1957 г.

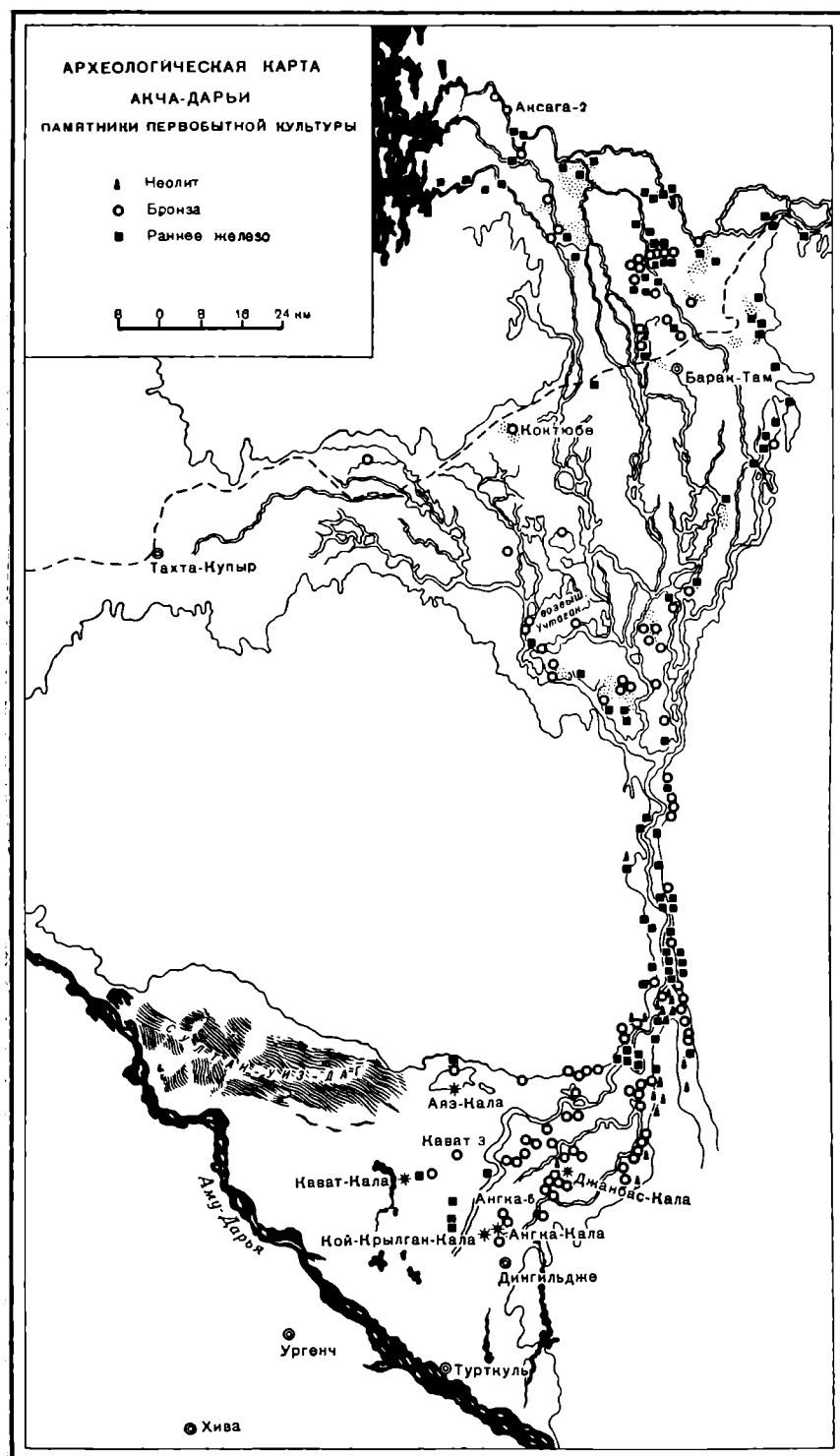

Рис. 1. Археологическая карта Акча-Дарьи

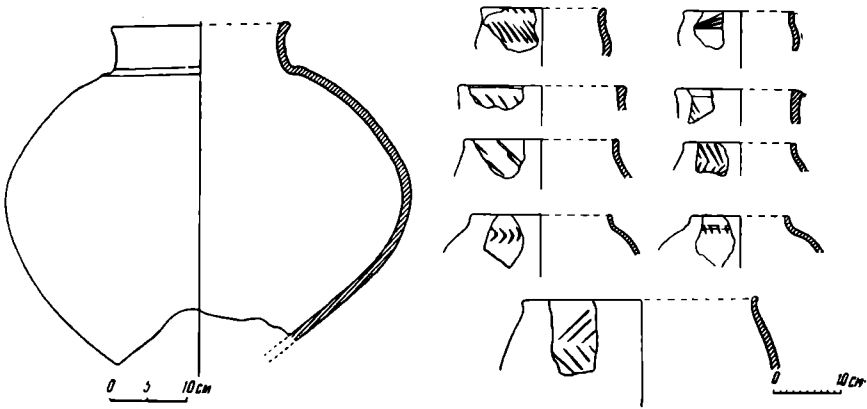

Рис. 2. Камышлинская культура. Керамика

Особенно интересна одна стоянка близ северного мыса возвышенности Уч-Таган, где было найдено в одном месте 10 прекрасно обработанных кварцитовых наконечников стрел, большой кривой нож и обломок крупного копья из того же материала (рис. 3 и 4). Эта культура очень близка к раннему этапу суярганской культуры (я думаю, что можно даже говорить об одной камышлинско-раннесуярганской культуре). И камышлинская и суярганская культуры, несомненно, имеют южные связи, ведущие в Иран и Закавказье, где близкие формы керамики характерны для времени от середины III до середины II тысячелетия до н. э. Однако в центральной части северной дельты эта культура продолжает сохраняться и тогда, когда на юге начинает доминировать тазабагъябская культура. К северу от этого района, уже близ Аральского моря, там, где встречались воды Акча-Дарьи и древнего южного русла Сыр-Дарьи (известного ныне под названием Жаны-Дарья), были также открыты единичные стоянки энеолита (времени позднекельтеминарской культуры) и многочисленные поселения бронзового века; однако культура бронзового века здесь оказалась отличной от камышлинской. Она должна быть отнесена к тазабагъябской культуре, характерной для южной дельты Акча-Дарьи, где эта культура частью приходит на смену, частью сосуществует с раннесуярганской культурой. Таким образом, камышлинская культура, зани-

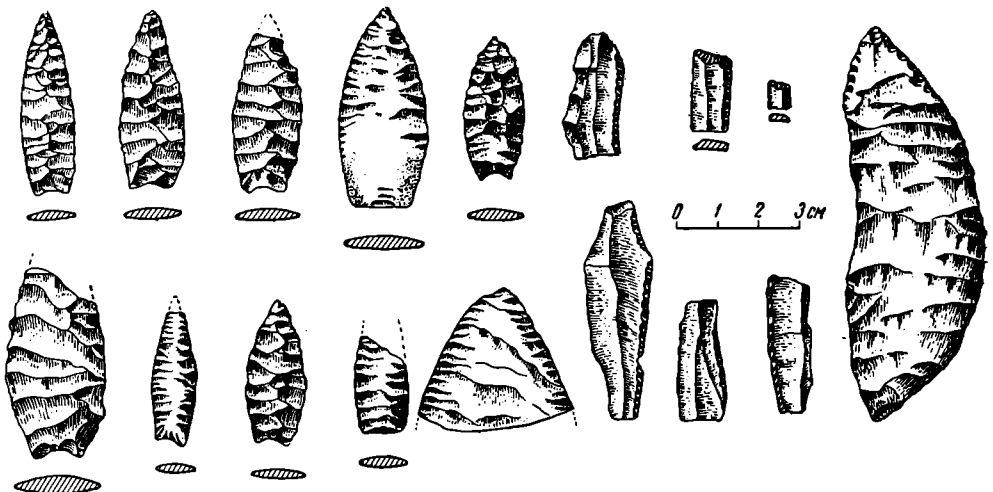

Рис. 3. Стоянка Уч-Таган. Изделия из кварцита

мая южную и центральную части дельты, разделяет на две части ареал тазабагъябской культуры на Акча-Дарье. Видимо, связь между южными и северными, приаральскими тазабагъябскими племенами осуществлялась в обход Султануиздагских гор с запада, вдоль широтных западных протоков северной акча-дарьинской дельты и по восточным берегам древнего Хорезмийского озера.

Ввиду того, что по руслу Жаны-Дарьи до сих пор не открыто памятников бронзового века, можно предполагать, что древние связи между тазабагъябскими и западноандроновскими племенами осуществлялись

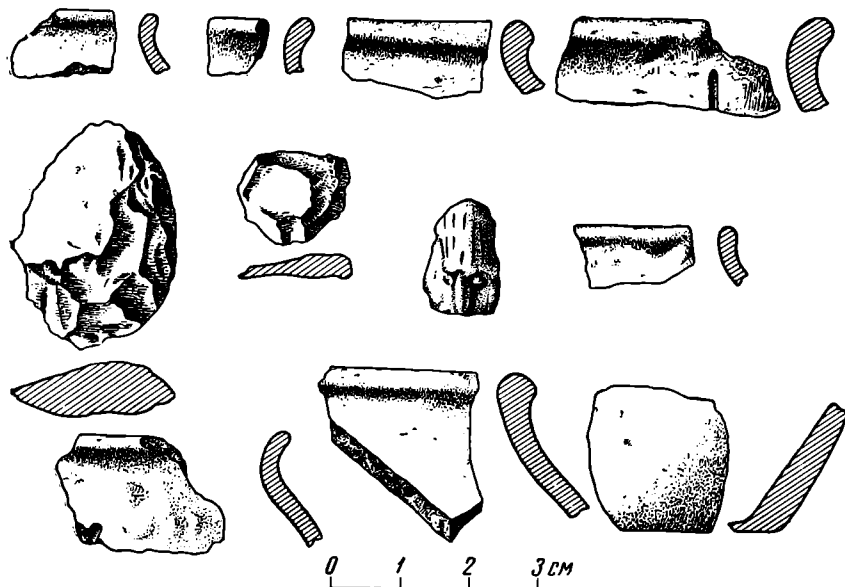

Рис. 4. Барактамская культура. Керамика

через восточное побережье Арала, где зарегистрирован ряд меридиональных русел, связывающих Сыр-Дарью с низовьями Жаны-Дарьи и Акча-Дарьи. Эти русла не подвергались еще археологическому исследованию; это одна из очередных задач наших работ.

Весь собранный материал свидетельствует об исключительно густой заселенности зоны Акча-Дарьи в неолите и особенно в бронзовом веке, а также о разноплеменности этого населения.

Совершенно новым открытием в 1955—1956 гг. была находка многочисленных стоянок полукочевых племен раннежелезного века (середины II тысячелетия до н. э.), расположенных на песчаных островах между протоками дельт Акча-Дарьи и Жаны-Дарьи, вплоть до Аральского взморья. Эти стоянки дали крайне оригинальный набор инвентаря; керамику с орнаментом, сохраняющим традиции бронзового века, очень грубые кварцитовые и шлифованные песчаниковые орудия, бронзовые раннескифские стрелы и остатки железодельного производства — шлаки и крицы. Перед нами впервые предстает примитивная культура приаральских племен раннеантичной эпохи, которые греческий географ Страбон называет «массагетами болот и островов» и которые, по-видимому, тождественны с упоминаемым другими античными источниками большим союзом племен апасаков, что в переводе значит «водные саки (скифы)». Эта своеобразная культура, впервые обнаруженная нами в 1955 г. на побережье древних озер (ныне солончаков) Кокча-Тенгиз и Акча-Тенгиз, расположенных на левобережье Нижней Жаны-Дарьи, названа нами кокчатенгизской культурой.

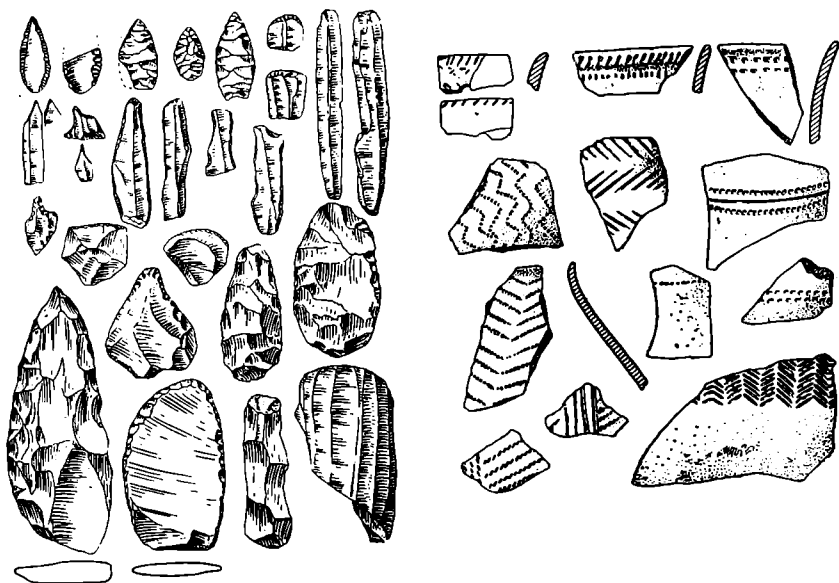

Рис. 5. Стоянка Беш-Булак (кремнь и керамика)

Исследования 1956 г. показали, что позднее, на рубеже нашей эры и в первой половине I тысячелетия н. э., традиции кокча-тенгизской культуры продолжают жить в культуре «варварских» племен низовьев Акча-Дарьи, современной культуре античного Хорезма периода его расцвета. Как установлено экспедицией, варварские поселения этого района базировались на водах уже не Акча-Дарьи (в это время уже прекратившей свое существование), а на водах Жаны-Дарьи. Эти воды заполнили нижние отрезки акча-дарьинских русел, превратившихся, таким образом, в многочисленные озера. Частично поселения базировались также на водах восточных протоков современной приаральской дельты, заполнивших вышеупомянутые широтные западные протоки древней Акча-Дарьи.

Многочисленные поздние апасиакские поселения и питавшие их ирригационные системы сочетают варварскую, сохраняющую еще традиции бронзового века керамику и даже кварцитовые и песчаниковые орудия с классической хорезмийской кангюйской керамикой. Любопытна находка в одном из таких поселений варварского сосуда с львиноголовой раннекангюйской ручкой.

Одним из объектов наших раскопок был позднеантичный (IV—V вв. н. э.) памятник Барак-там, расположенный в низовьях Акча-Дарьи. Материальная культура этого памятника также продолжает в еще более позднюю эпоху кокча-тенгизские, апасиакские традиции. Но на этом памятнике мы остановимся ниже.

Подводя итоги, отметим, что комплексные археолого-географические работы экспедиции показали, что Акча-Дарья имеет сложную историю. Как установил геоморфолог экспедиции А. С. Кесь, к востоку от Акча-Дарьи протекает относящееся, видимо, к нижнечетвертичному времени мощное так называемое Чакалакское русло, которое, вероятно, было одним из протоков древней Сыр-Дарьи, протекавшей некогда через центральные Кзыл-Кумы. Позднее, примерно одновременно с прорывом в верхнечетвертичный период вод Аму-Дарьи на север к Аральскому морю, русло Сыр-Дарьи также передвинулось к северу. Параллельно древнему брошенному рекой руслу Сыр-Дарьи, частично используя его, и расположилась наиболее древняя из приаральских дельт Аму-Дарьи — ачкадарьинская. Еще позднее, в конце четвертичного периода, уже на грани исторического времени, основное русло Аму-Дарьи передвинулось

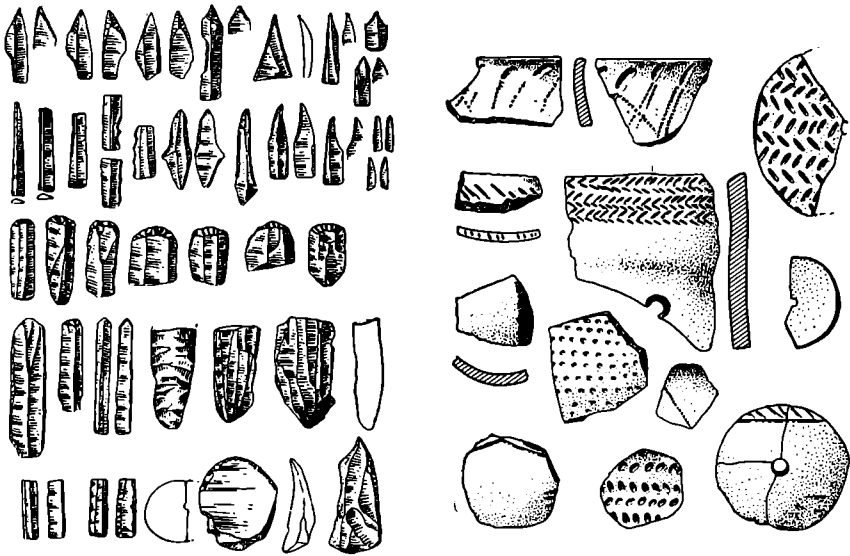

Рис. 6. Стоянка Лявлякан (кремень и керамика)

к западу, и река образовала обширную присарыкамышскую дельту со стоком вод Аму-Дарьи из Сарыкамыша в Каспий по Узбою. В связи с заносом русел присарыкамышской дельты аллювиальными отложениями и начавшимся новым поворотом реки к востоку, Акча-Дарья в эпоху неолита и особенно бронзового века была вновь частично обводнена.

В неолитическую эпоху были заполнены водой древние протоки южной, верхней, дельты Акча-Дарьи, на окраинах которой и на внутريدельтовых возвышенностях густо расположены стоянки кельтеминарской культуры.

Надо отметить зарегистрированное Южно-Кызылкумским маршрутом нашей экспедиции 1955 г. (А. С. Кесь, Н. Н. Вактурская) распространение памятников кельтеминарской культуры далеко на юго-восток: кельтеминарские стоянки были открыты у колодцев Беш-Булак, в районе одного из древних озер в староречье Прасыр-Дарьи, к северу от гор Тамды-Тау (рис. 5) и в древнем оз. Лявлякан, питавшемся древними северо-западными протоками р. Зеравшана (рис. 6).

Лишь в начале бронзового века (или в конце энеолита) происходит прорыв вод Акча-Дарьи по Акча-Дарьинскому коридору и обводнение северной, нижней, дельты. С этим связано дренирование южной дельты, которая густо заселяется суярганскими и тазабагьябскими племенами, создающими здесь в XIII—XII вв. до н. э. древнейшие памятники первобытной ирригации Хорезма. В северной, нижней, дельте, не обводненной и почти не заселенной в неолите, теперь создается водный режим, напоминающий то, что было на юге в эпоху неолита. Поэтому и расселение племен бронзового века здесь напоминает расселение неолитических племен юга. Поселения концентрируются преимущественно на внутريدельтовых грядах коренных песков. Лишь в конце бронзового века появляются отдельные поселения на такырах в северной части дельты, что связано, несомненно, с начавшимся новым затуханием дельты, вызванным происшедшим на рубеже II и I тысячелетий до н. э. прорывом основной массы аму-дарьинских вод по современному руслу².

² С. П. Толстов и А. С. Кесь. История первобытных поселений на протоках древней дельты Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Вопросы географии. Сборник статей для XVIII Международного географического конгресса. М., 1956.

Поэтому, когда в эпоху ранней античности, около VII—VI вв. до н. э., начали создаваться крупные ирригационные системы правого берега, они не могли уже базироваться на таком неверном источнике, как постоянно пересыхающие и вновь возобновляющиеся протоки затухающей Акча-Дарьи; головы античных каналов были перенесены на Аму-Дарью, к истокам крупных протоков акча-дарьинской дельты. Возможно, что именно создание ирригации правого берега явилось одной из причин окончательного затухания Акча-Дарьи.

* * *

В южной дельте Акча-Дарьи в 1955 г. продолжались под руководством М. А. Итиной и автора настоящей статьи успешно начатые в 1954 г. раскопки большого могильника бронзового века близ стоянки Кокча 3, расположенного к югу от горы Кокча, являющейся одним из восточных отрогов хребта Султан-Уиз-даг, к востоку от которого проходит основное русло Акча-Дарьи. Как уже отмечалось, могильник принадлежит к позднему этапу тазабагьябской культуры и датируется последней третью II тысячелетия до н. э., точнее — XII—XI вв. до н. э. За два года вскрыто 76 погребений, из них 15 парных, 29 одиночных погребений взрослых и подростков, 25 детских. Начаты раскопки расположенного рядом с могильником и, по-видимому, синхронного ему поселения.

Раскопки дали богатый археологический и антропологический материал, который вновь подтвердил важный вывод, сделанный в итоге первого сезона. Керамические изделия — многочисленные горшки (всего в нашей коллекции сейчас 60 сосудов), обнаруженные во всех погребениях, — по форме и орнаменту ближе всего напоминают керамику бронзового века степей Западного Казахстана (западноказахстанский вариант андроновской культуры), хотя и имеют некоторые черты, общие со срубной культурой Поволжья. Однако бронзовые украшения отличаются от казахстанских и указывают на тесные связи с Поволжьем и Кавказом. Могут быть выделены два антропологических типа, один из них близок к типу носителей андроновской и срубной культуры, а другой — к физическому типу населения неолита и бронзового века Южного Узбекистана, Таджикистана и Северного Ирана, связи которого ведут нас еще дальше на юг, в Индию, в область распространения дравидоидного типа экваториальной расы³.

Таким образом, раскопки на могильнике Кокча 3 в еще большей мере, чем результаты исследований в северной дельте Акча-Дарьи, показывают сложность этнического состава древнего населения Хорезма, его разнообразные связи с отдаленными странами. Хорезм и впоследствии являлся центром этнических и культурных связей между Средней Азией, Ираном, Индией, Восточной Европой и Сибирью. На основании последних работ, эти связи отодвигаются в еще более отдаленное прошлое.

Кокча 3, первый раскопанный нами погребальный памятник бронзового века Хорезма, подтвердил основные выводы, сделанные нами в результате рекогносцировочных работ прошлых лет, и вместе с тем позволил значительно расширить материал для исторических обобщений. В 1956 г. мы впервые приступили к систематическим раскопкам поселений бронзового века южной дельты, результаты которых уже сейчас дают много нового для характеристики хозяйства и быта носителей тазабагьябской культуры.

Нами начаты раскопки двух поселений. Первое из них, Ангка 5, было открыто еще в 1953 г. во время сплошного обследования зоны древнего

³ Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма. СЭ, 1957, № 3.

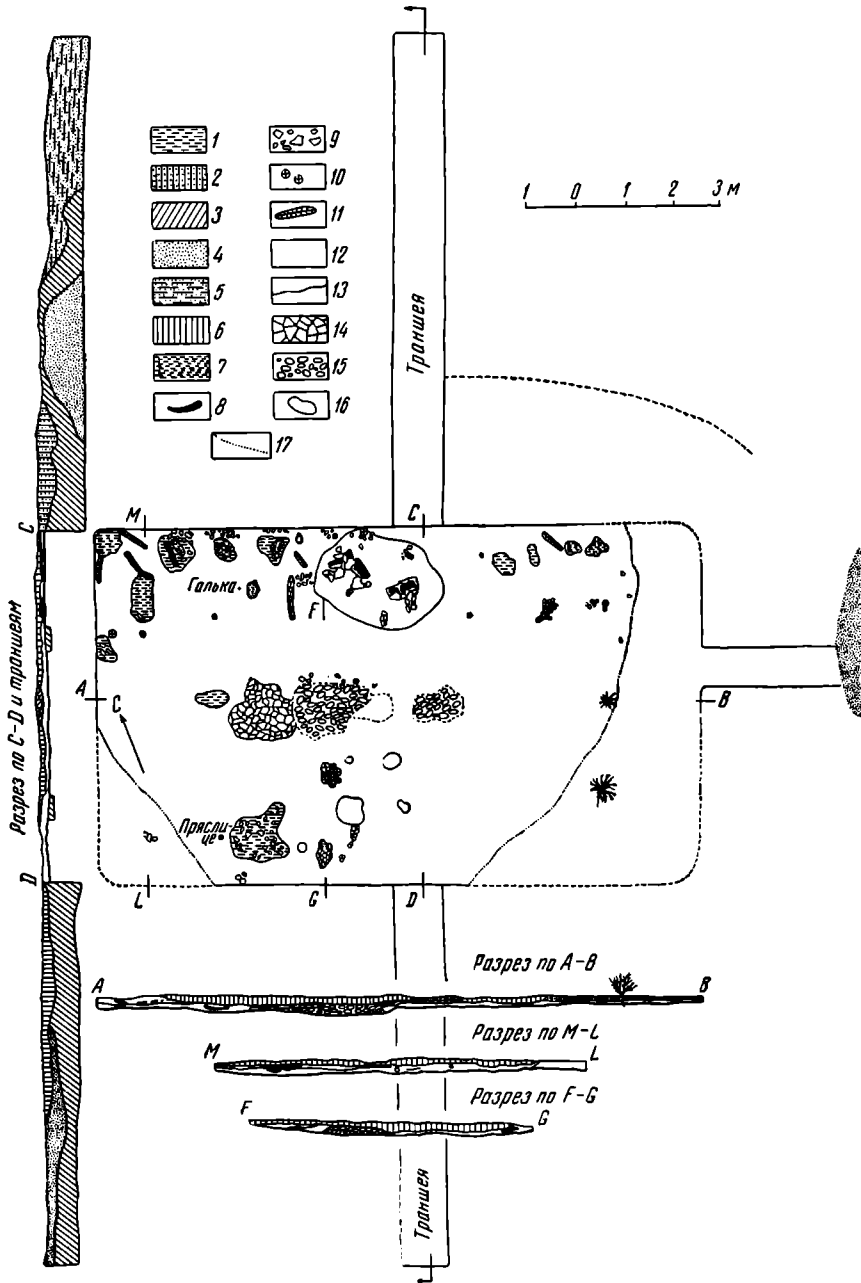

Рис. 7. Стоянка Ангка 5 а (план и разрез)

1 — белый слоистый суглинок; 2 — слоистый песок с железистыми включениями; 3 — плотная комковатая супесь с железистыми включениями; 4 — коричневый бархан-ный песок; 5 — плотный коричневый спекшийся песок; 6 — коричневый слоистый суглинок; 7 — золистое пятно; 8 — золистая линза; 9 — керамика; 10 — камни; 11 — остатки дерева; 12 — культурный слой; 13 — поверхность пола; 14 — выемка; 15 — очаг; 16 — яма; 17 — граница обжитого поля

канала Кельтеминар археолого-топографическим отрядом нашей экспедиции (рук. Б. В. Андрианов). В 1954—1955 гг. поселение оказалось закрыто мощной движущейся песчаной грядой, что не дало нам возможности начать здесь раскопки уже в 1954 г., как мы намечали. В 1956 г. благодаря передвижению песков стоянка вновь вышла на дневную по-

Рис. 8. Стоянка Ангка 5. Раздавленные сосуды

верхность, что дало нам возможность приступить к раскопкам, осуществившимся под руководством М. А. Итиной.

Ангка 5 представляет собой часть большого поселения, отдельные пункты которого были зарегистрированы ранее в качестве стоянок Ангка 1, 3, 4. Ангка 1 была зарегистрирована еще в 1940 г., материал из нее вошел, как наиболее характерный тазабагъябский комплекс, в мою книгу «Древний Хорезм».

Поселение Ангка 1—5 тянется более чем на 2 км вдоль южного берега сильно разрушенного широтного отрезка одного из главных протоков Акча-Дарьи, огибающего с севера крепость Ангка-кала, примерно в 1,5 км от нее. В 1956 г. был раскопан один из двух хорошо заметных на поверхности такыра прямоугольных домов, зарегистрированных на Ангка 5 (дома а и б).

Жилище Ангка 5 а (рис. 7) представляет собой заглубленную в такырную поверхность постройку $12,2 \times 7,4$ м, вытянутую с юго-запада на северо-восток, с расположенным на северо-восточной стороне длинным коридорообразным входом. Сейчас заглубление стен жилища по сравнению с современным уровнем такыра не превышает 10—15 см, но, учитывая интенсивный процесс разрушения такыра, продолжающийся и сейчас, надо полагать, что это заглубление было первоначально значительно больше. Поэтому постройку, возможно, следует отнести к категории полуземлянок. В пользу этого говорит и длинный коридорообразный вход. Стены были обмазаны глиной. Об этом свидетельствуют найденные близ стен следы обожженной обмазки. Конструкция стен неизвестна, так как они выше заглубленной части жилища не сохранились. Дом имел перекрытие из жердей; хорошо сохранились, особенно вдоль северо-западной стены, обожженные жерди толщиной в 1,2—1,5 см, лежащие поперек постройки. Никаких следов столбовых ям не обнаружено.

Жилище имело плотный, слегка обожженный глинобитный пол (около 1 см толщиной), подстилаемый супесью.

В центре жилища находился очаг, представляющий собой расположенную в центральном углублении большую линзу спекшегося пепла размером $1,6 \times 0,9$ м при толщине около 25 см, подстилаемую пятисантиметровую

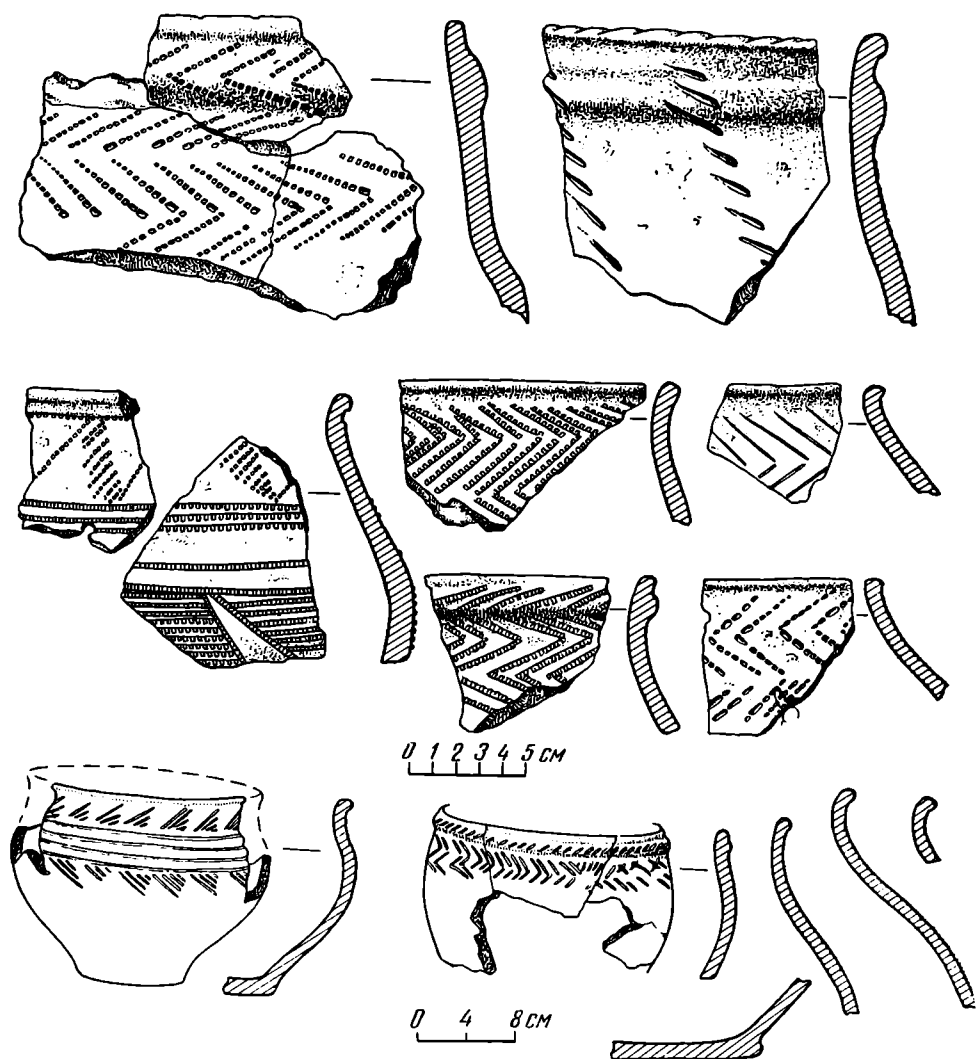

Рис. 9. Стоянка Ангка 5. Керамика

вым слоем прокаленного красного песка. По своему характеру очаг чрезвычайно напоминает центральный очаг неолитического жилища стоянки Джанбас 4. К юго-западу от очага располагались глиняные углубления и вымостка размером $1,3 \times 1,2$ м. Вдоль стен (особенно у северо-западной стены) обнаружено большое количество преимущественно крупных сосудов, по-видимому, раздавленных рухнувшей кровлей и стенами (рис. 8 и 9).

Отсутствие обычных в культурном слое костей и других кухонных остатков, обломков керамики, втопанных в землю, наполнение очага белым пеплом, а не типичными для кухонных очагов продуктами неполного сгорания (прослойками золы и сажи) — все это свидетельствует, вероятно, об особом назначении постройки. Об этом же говорит резкое отличие жилища Ангка 5 а от открытого в минувшем году одного из жилищ стоянки Кават 3, раскопки которого были начаты А. В. Виноградовым. Это жилище, найденное в сходных условиях с жилищами Ангка 5, представляет также прямоугольник, но больших, чем Ангка 5 а, размеров (12×15 м), с коридорообразным входом и сходной стратиграфией. Однако

характер слоя оказался весьма отличным от Ангка 5 а. Слой был заполнен многочисленными разнообразными фрагментами керамики и многочисленными костями мелкого и крупного рогатого скота. На раскопанной части жилища обнаружено несколько кухонных очагов и столбовых ям. Все это показывает, что перед нами жилище другого характера, чем дом Ангка 5 а.

Так как оба поселения почти синхронны (оба они датируются третьей четвертью II тысячелетия до н. э., предположительно XIV в. до н. э.; лишь некоторые признаки позволяют видеть в Кават 3 памятник несколько более поздний), то есть все основания полагать, что в обоих поселениях можно встретить сходные варианты жилища. Поэтому следует ожидать, что раскопки всех сохранившихся домов обоих поселений позволят окончательно решить вопрос о назначении своеобразного дома Ангка 5 а, столь отличного от обычного жилого дома Кават 3 а.

В 1955—1956 гг. во время работ археолого-топографического отряда было открыто несколько новых поселений амирабадской культуры раннего железного века. Среди них отметим исследованную А. В. Виноградовым в 1955 г. стоянку Уй-кала 1 и особенно открытую в 1956 г. стоянку Кават 2, обследованную В. Ягодиным.

* * *

Изучение памятников античной эпохи Хорезма в зоне древнего канала Кельтеминара ознаменовалось открытием в 1955 г. в урочище Дингильдже нового поселения архаического периода, так называемой эпохи «городов с жилыми стенами». Раскопки этого памятника были начаты в 1956 г. под руководством М. Г. Воробьевой. Поселение синхронно с верхним слоем Кюзели-гыра и может быть датировано временем не ранее середины V в. до н. э.

Это большое многокомнатное здание размером около 2600 м² (53×50 м), подквадратное в плане (рис. 10). Планировка здания хорошо прослеживается на такыре. Стены помещений сохранились над полом на высоту от 5—10 до 50 см. Соответствующую мощность имеет и хорошо сохранившийся культурный слой внутри помещений. Здание окружает

Рис. 10. Дом на архаическом поселении близ Дингильдже (аэрофото)

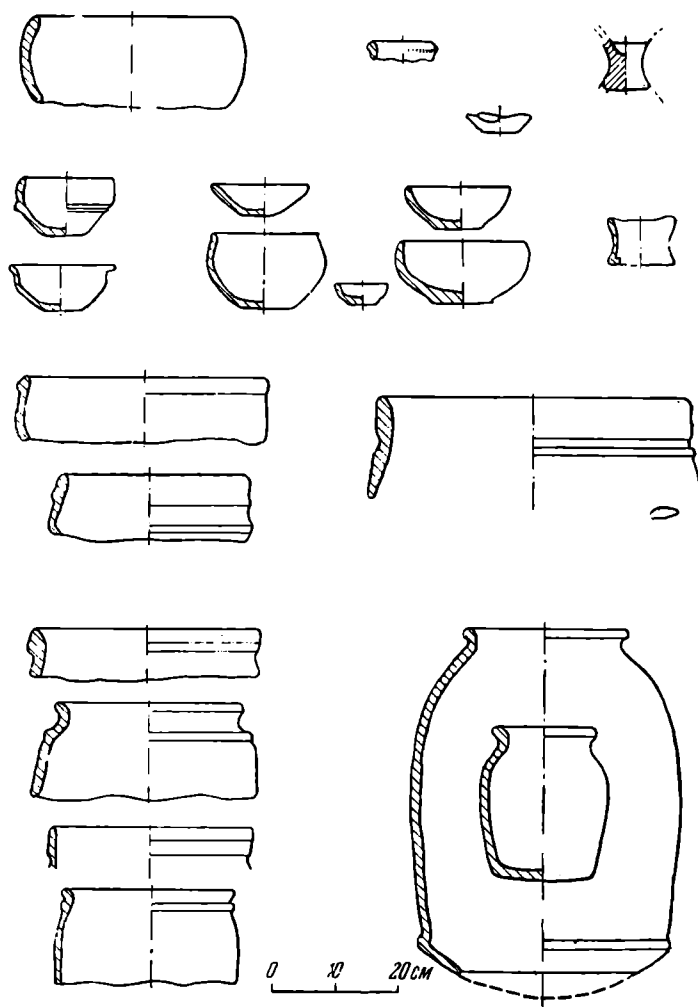

Рис. 11. Керамика из раскопок дома на поселении близ Дингильдже

внешняя стена мощностью свыше 2 м. Вдоль северной стены идет внешний трехметровый коридор — возможно, пережиток внутренних коридоров «жилых стен». Перпендикулярно к нему идет внутренний коридор, делящий здание на две части, — далекий прототип далиса в современной народной архитектуре Хорезма. Здание делится на 17 прямоугольных жилых, хозяйственных и производственных помещений различной величины с разнообразными квадратными и прямоугольными выкладками из квадратных сырцовых кирпичей, типичных для верхнего слоя Кюзели-гыра размеров и пропорций (42—44×42—44×10—11 см). Вероятно, это очаги и суфы: некоторые из них, возможно, служили базами колонн, на которые опиралась плоская кровля здания. Обильный материал, особенно керамический, добытый раскопками в трех раскопанных помещениях большого дома в Дингильдже, позволяет достаточно разносторонне охарактеризовать позднекюзелигырский комплекс, который мы пока очень недостаточно знали по сильно разрушенному верхнему слою Кюзели-гыра. Анализируя его, мы можем проследить появление ряда форм, намечающих переход к классическим типам раннекангюйской керамики — хумчей с росписью, новых форм красноангобированных чаш и кувшинов и др. (рис. 11) при сохранении архаического облика большинства типов сосудов.

Рис. 12. Кой-Крылган-кала (аэрофото)

Исследовавшая материал из Дингильдже М. Г. Воробьева справедливо отмечает близкие аналогии в керамике Южной Туркмении, особенно в древней Маргиане и, в меньшей степени, в Анау IV. Ей же удалось установить генетические связи ряда кюзелигырских форм с материалом более ранних памятников Южной Туркмении — Намазга VI и Анау III. Здесь надо особо отметить вазообразные сосуды на высокой ножке, характерные в Хорезме только для Дингильдже и верхнего слоя Кюзели-гыра. Появление в Хорезме в слое V в. этих явно южных форм заставляет поставить вопрос о пересмотре верхней даты Анау III и Намазга VI в сторону хронологического приближения их к нашим памятникам.

Новый интересный материал дали продолжавшиеся в отчетный период раскопки античного укрепления Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э.— I в. н. э.), расположенного ниже по течению древнего канала Кельтеминар и являющегося в последние годы основным объектом наших стационарных работ (рис. 12—17). Раскопки этого укрепления ведутся непрерывно с 1951 г.⁴ Оно являлось центром обширной земледельческой округи. Укрепление состоит из центрального здания, по-видимому, храмового назначения, имевшего вид огромной цилиндрической башни со сводчатыми помещениями внутри и с внешней циркульной стеной, идущей вокруг этого здания. Пространство между башней и стеной сплошь застроено и представляет собой целый лабиринт жилых и хозяйственных помещений, в которых на протяжении ряда веков жили многочисленные рабы и слуги этого крупного храмового хозяйства.

Сейчас раскопки близятся к концу. Выявлены четыре строительных периода крепости, полностью представленных во внешнем кольце сооружений крепости, что дает возможность разносторонне охарактеризовать историю культуры классического кангюйского (IV—III вв. до н. э.) и позднекангюйского (II—I вв. до н. э.— I в. н. э.) периодов истории куль-

⁴ Раскопки ведутся под нашим руководством. Начальник восточного раскопа — М. Г. Воробьева, западного — Ю. А. Рапопорт.

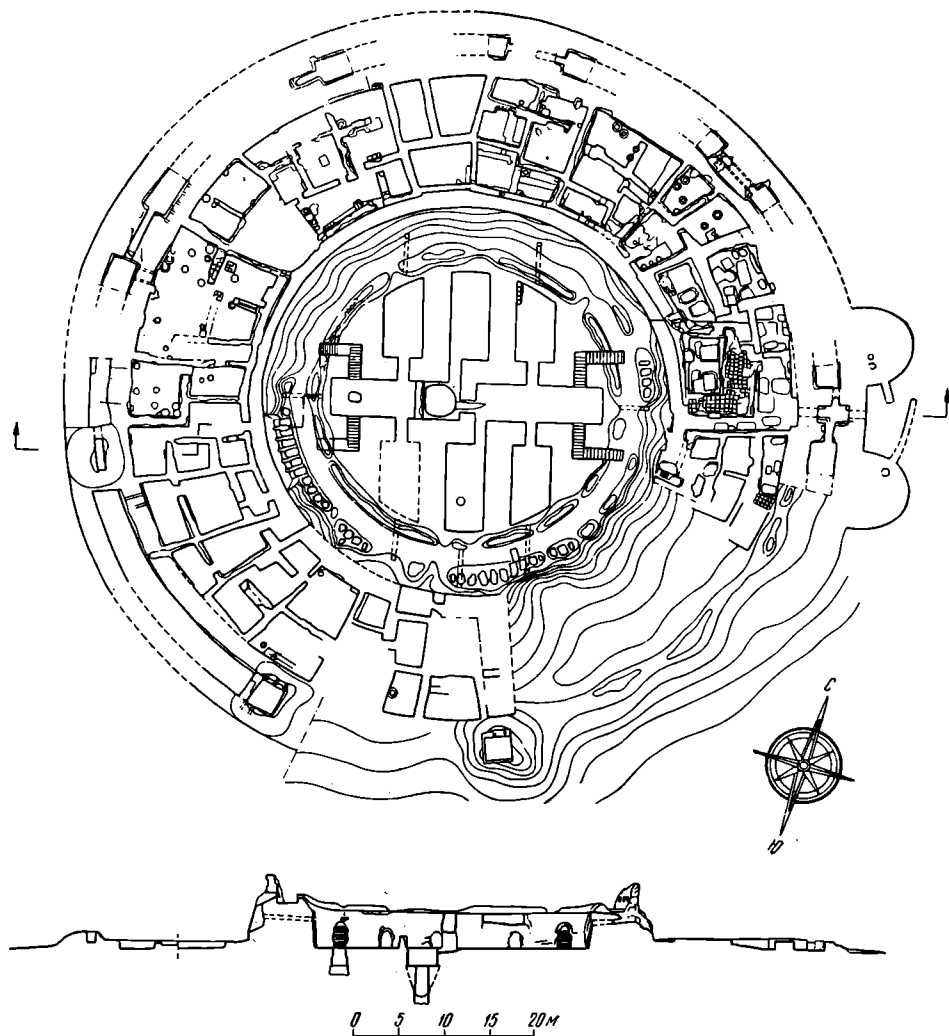

Рис. 13. Кой-Крылган-кала (план)

туры Хорезма. Самый ранний период характеризуется наиболее простой планировкой, когда центральное храмовое здание было окружено обширным кольцеобразным двором, обнесенным внешней круглой стеной без башен и стрелковой галереи; прямо со двора открываются узкие щели расположенных в шахматном порядке прямоугольных бойниц кюзельгирского типа.

Вскоре внешняя стена перестраивается. Строится вторая внешняя стена; между обоими стенами возникает стрелковая галерея с девятью башнями. С восточной стороны сооружается предвратный лабиринт весьма своеобразной формы. Западная и юго-западная стороны начинают постепенно застраиваться преимущественно хозяйственными помещениями. Около середины II в. до н. э. происходит полная реконструкция помещений внешнего кольца. Строится распределительный кольцевой коридор у подножия центральной башни, из которого ряд дверей ведет в отдельные секторы внешнего кольца, содержащие каждый по шесть-семь комнат различного назначения. Секторы отделены друг от друга глухими радиальными стенами. Позднее, видимо около начала нашей эры, возникает новая перепланировка, характеризуемая более тесной и еще более неправильной застройкой.

Рис. 14. Кой-Крылган-кала. Черно-лощенный сосуд

Богато представлены материалы, характеризующие хозяйство, прикладное искусство, письменность, религию хорезмийцев. Получены новые данные, показывающие процесс варваризации классической хорезмийской культуры, начинающийся с середины II в. до н. э. в связи с движением степных племен. Особенно интересны находки различной формы сероглиняных сделанных без круга, но очень тонко обработанных черно-ангобированных лощеных сосудов с прорезанным геометрическим орнаментом (рис. 14), являющихся прототипом более поздней керамики Джеты-Асара и имеющих много общего с более ранней керамикой Северного Кавказа.

Не менее интересен сероглиняный ковш с кружковым орнаментом и прямой ручкой, заканчивающейся головой барана, и подставка под вертел с развилкой, увенчанной протомами копей (рис. 15). Это широкое проникновение сарматских элементов сочетается с упрощением и огрубением классических форм ремесленной хорезмийской хозяйственной керамики.

В 1955—1956 гг. в большинстве помещений внешнего кольца мы спустились до нижнего строительного горизонта, соответствующего времени постройки храма-крепости. Находки здесь оказались особенно богатыми.

Рис. 15. Кой-Крылган-кала. Керамические ковш и подставка под вертел

Чрезвычайно интересны многочисленные произведения прикладного искусства — терракотовые статуэтки богини аму-дарьинских вод и плодородия земли Анахиты, статуэтки богини-матери, кормящей младенца (рис. 16), статуэтки животных (особенно часты изображения коней). Обнаружен фрагмент сосуда с рельефом, изображающим виноградаря — бородатого мужчину, несущего в одной руке виноградную гроздь, а за спиной флягу с вином, совершенно такого же типа, как большие украшен-

ные обычно рельефами фляги, в изобилии найденные при раскопках на Кой-Крылган-кала. Обломком такой фляги является и самый рельеф с виноградарем. Напомним, что в 1954 г. нами была сделана находка статуэтки бога виноделия, которого греки называли Дионисом и который изображен с садовым ножом в одной руке и с виноградной кистью в другой. Все эти находки вместе с многочисленными планировками виноградарников, открытых экспедицией в 1955 г., свидетельствуют о значительном развитии виноградарства в древнем Хорезме.

Отметим интересную находку части изображения человеческого лица — нос и губы. Это, видимо, фрагмент крупного керамического статуарного оссуария, отличающегося от ранее найденных исключительно высоким качеством и художественными достоинствами.

Надо отметить несколько находок древних надписей, из которых интересна прочерченная на венчике хума надпись, первый знак которой, раннеарамейский «лям» — знак, в более поздних хорезмийских текстах встречающийся только в арамейских идеограммах, второй — «зе» или «вав», третий — «реш» или «каф». Другая надпись, также из одного слова, процарапана на спинке архаической женской статуэтки. Надпись тушью (первый случай надписи тушью на керамике в Хорезме) сделана на плече хумчи, найденной во втором горизонте в одном из помещений юго-западной части внешнего кольца (рис. 17). Большая часть знаков хорошо читается, причем некоторые из них носят весьма архаический характер. Вся надпись читается: (Y?)P/BNT'SK. Возможно, это собственное имя от основы *Panta* — «путь».

Рис. 17. Кой-Крылган-кала. Надпись тушью на стенках хума

Как мы уже не раз писали, в развалинах, известных под именем Кой-Крылган-кала, надо видеть, по всей вероятности, остатки какого-то памятника погребального культа, возможно вместе с тем связанного с астральным культом и, может быть, являвшегося местом астрономических наблюдений.

Видимо, центральная башня была большим погребальным зданием, чем-то вроде погребального кургана, первоначально связанного с обрядом трупосожжения, на существование которого указывает находка в окрестностях Кой-Крылган-кала оссуария с остатками перегоревших костей.

Рис. 16. Кой-Крылган-кала

1 — статуэтка богини-матери; 2 — статуэтка Анахиты

Рис. 18. Керамический оссуарий в виде лошади, обнаруженный близ крепости Уй-кала

Возможно, памятником этого же ритуала является кангюйский «горизонт пожарища» в Калалы-гыр № 1. На обряд трупосожжения в близком по времени Кзыл-кыре (в Бухарском оазисе) указывает и Я. Г. Гулямов. Как показали наши и Ю. А. Рапопорта наблюдения, по-видимому, оссуарный обряд Хорезма, как и других районов, где он был распространен, имеет сложную историю, являясь контаминацией обряда трупосожжения с обрядом выбрасывания трупов на возвышенных местах. Некоторый намек на бытование обряда кремации параллельно с ингумацией еще в бронзовом веке Хорезма в суяр-

ганской культуре дают раскопки на суярганской стоянке Кокча 2, где в ямах, по форме и размерам очень похожих на могильные ямы Кокча 3, можно было проследить черный сажистый слой с перегоревшими костями и немногочисленными фрагментами керамики.

Видимо, с обрядом трупосожжений связано возникновение хорезмийских статуарных оссуариев, неоднократно публиковавшихся нами и иногда поразительно напоминающих этрусские оссуарии, что не раз подчеркивалось нашими итальянскими коллегами — археологами-этрускологами во время наших встреч в Риме в прошлом году.

Сходство объясняется, вероятно, сходством исходных форм и связанных с ними религиозных представлений. Исходный тип надо искать в «лицевых урнах» или урнах с погребальными масками. И те и другие зарегистрированы в архаическом и кангюйском Хорезме, в частности в районе Кой-Крылган-кала. Я имею в виду опубликованную нами в 1953 г. керамическую погребальную маску и оссуарный сосуд времени верхнего слоя Кюзели-гыра и Дингильдже, на поверхности которого выгравированы детали человеческой одежды⁵.

В прошлом году наша коллекция статуарных оссуариев обогатилась еще двумя интересными находками — оссуариями в виде всадника (рис. 18), найденными в зоне древнего канала Тазабагъяб (Кырк-Кызский канал). Эта находка позволила определить одну из более ранних находок в районе Кой-Крылган-кала — верхнюю часть мужской фигуры, несомненно представляющую крышку оссуария в виде всадника.

Видимо, в раннекангюйский период господствовал еще оссуарный обряд с трупосожжением. Центральное здание, построенное как погребальное здание, как своего рода «дом мертвых», было сожжено вместе с трупом знатного покойника — князя, а может быть, и хорезмийского царя. Пепел умершего, а возможно, и сопровождающих его в загробный мир лиц был извлечен из пожарища и помещен в оссуарии. Прах знатного человека был положен в оссуарий, вероятно сделанный из ценных материалов, в отличие от керамических оссуариев слуг или позднее погребенных лиц. Обломки простых оссуариев в изобилии находят на самой Кой-Крылган-кале и в ее окрестностях.

Ценные оссуарии, как и другие ценные предметы, были унесены при разграблении храма, имевшем место на рубеже I и II вв. н. э.

⁵ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 320—321.

В период своего существования погребальный храм стал центром крупного храмового хозяйства и был обстроен многочисленными помещениями и жилищами жрецов, храмовых слуг и рабов, теснившимися внутри внешнего кольца памятника. Изучение истории застройки этого кольца показывает все больший и больший количественный рост обслуживающего храм персонала.

Весьма вероятно, что Кой-Крылган-кала сочетал в себе функции храма погребального культа с функциями центра астрального культа и астрономических наблюдений. Характер планировки как центрального здания, так и внешнего кольца во многом повторяет рисунок явно астрального характера на одной керамической дисковидной крышке сосуда, найденной в 1955 г. на Кой-Крылган-кала. Весьма возможно, что пять своеобразных, совершенно уникальных окон нижнего этажа центрального здания служили для астрономических наблюдений.

Жизнь храма обрывается внезапно и больше уже не возобновляется. Дата прекращения жизни на памятнике совпадает с датой вхождения Хорезма в систему Кушанской империи. Нам представляется вполне вероятным, что это связано и с перерывом (начиная со времени Канишки) чеканки хорезмийских монет, возобновившейся лишь в III в. н. э., и с возможной борьбой буддийской империи с древним государственным культом, в частности с династическим культом Хорезма.

* * *

В зоне вновь освоенных земель Кырк-Кызского канала, проведенного вдоль древнего Беркут-калинского канала, отряд во главе с Е. Е. Неразик производил в 1955 г. раскопки важнейшего укрепленного поселения этого района — афригидской крепости Беркут-кала, прекратившей свое существование в эпоху арабского завоевания, в VIII в. н. э. Это — небольшой городок, выросший у стен крупного раннефеодального замка, центр обширной раннесредневековой округи, от которой поныне сохранилось более сотни укрепленных замков, являющихся прекрасными памятниками истории зодчества Средней Азии накануне арабского завоевания. Раскопки выявили, что крепость Беркут-кала построена на месте большого укрепления позднеантичной эпохи. Одна из башен этого укрепления, скрытая в недрах холма, на котором воздвигнута раннесредневековая Беркут-кала, обнаружена и расчищена экспедицией.

В 1956 г. отряд вел раскопки ряда небольших замков (замки №№ 18, 19, 30, 59, 92, 115), также обогативших наши представления об истории афригидского населения этой зоны, вновь освоенной на рубеже VI в. н. э. после запустения в IV—V вв. Отряд, возглавляемый Н. Н. Вактурской, вел в 1956 г. раскопки средневекового памятника XII — начала XIII в. Кават-кала, относящегося к эпохе Великих Хорезмшахов и расположенного в низовьях канала Гавхоре (продолжение современного канала Амирабад). Раскопками удалось установить, что перед нами не маленький город, как мы раньше предполагали, а крупный замок, резко отличавшийся от остальных замков оазиса Кава-калы. Раскопки вскрыли ряд богатых помещений замка, залов с колоннами и разными дверями. Монетные находки подтвердили первоначально установленную нами дату гибели замка и оазиса: они погибли в результате нашествия монголов.

Параллельно с раскопками Кават-калы О. А. Вишневская вела раскопки крупной усадьбы в окрестностях замка, которая оказалась культовым сооружением типа ханаки.

Археолого-топографический отряд Б. В. Андрианова предпринял сплошное обследование зоны древнего Кырк-Кызского канала в 1955 г. и канала Гавхоре в 1956 г. Сейчас съемка детальной археологической и историко-ирригационной карты зоны южной сарыкамышской дельты, «зе-

мель древнего орошения» Туртукульского и Шаббазского районов Кара-Калпакской АССР нами в основном закончена. В 1957 г. продолжалось обследование некоторых неясных мест в зоне больших древних каналов и было приступлено к подготовке большой крупномасштабной археолого-ирригационной карты и объяснительного текста к ней.

* * *

На левом берегу Аму-Дарьи главным объектом наших работ в 1955 г. были раскопки античной крепости Канга-кала, расположенной на восточном склоне возвышенности Канга-гыр, вдоль которой тянется самое южное из русел присарыкамышской дельты — Канга-Дарья (рис. 19). Параллельно с раскопками проходило исследование базирующейся на этом русле ирригационной системы.

Канга-кала представляет крайний юго-восточный форпост античного Хорезма, расположенный в непосредственном соседстве с Сарыкамышским озером. Исследование крепости показало, что она существовала на протяжении почти тысячелетия: от середины I тысячелетия до н. э. до IV в. н. э. Правда, раскопки 1955 г. дошли только до так называемого раннекангюйского слоя, датированного IV—III вв. до н. э., но находки в осыпях крепости многочисленных бронзовых скифских стрел VI—V вв. до н. э. и находки керамики того же времени на примыкающих к крепости полях позволяют с уверенностью говорить, что крепость была построена не позднее V в. до н. э. Мы не сомневаемся, что дальнейшее углубление раскопок вскроет слой архаической хорезмийской культуры. Крепость погибла в результате большой военной катастрофы. Верхний слой содержит повсюду следы сильного пожара, а близ южного угла крепости со стороны Канга-Дарьи сохранились следы огромного пролома в стене, в результате которого, видимо, крепость и была взята.

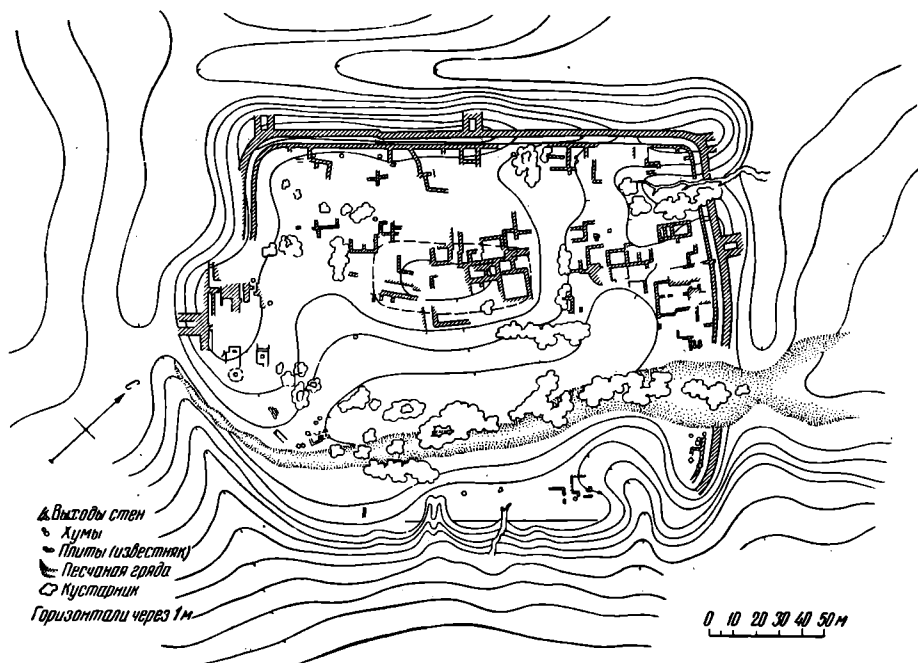

Рис. 19. Канга-кала (план)

Большой интерес представляют найденные в одной из комнат верхнего слоя (еще во время разведочных раскопок М. А. Итиной в 1953 г.) многочисленные погребения. Определенный Т. А. Трофимовой физический тип людей, похороненных в этой комнате, оказался очень своеобразным, резко отличным от обычного древнехорезмийского типа, хорошо нам известного по большому могильнику в крепости Калалы-гыр, расположенной в нескольких десятках километров к северо-востоку от Канга-калы. Если тип «калалы-гырцев» очень близок к типу современных хорезмийских узбеков, то тип «канга-калинец» больше всего напоминает современных туркмен. По всем данным, эти погребения принадлежали кочевникам-хионитам, появившимся именно в IV в. до н. э. на северо-восточных границах сасанидско-иранского государства. Видимо, с сасанидско-хионитскими войнами и связана гибель Канга-калы.

Канга-калинская система ирригации представляет огромный интерес. Анализ ее топографии свидетельствует, что орошенная территория не раз меняла свои очертания в связи с процессом затухания северных протоков Канга-Дарьи, которыми она питалась. Эти протоки образовывали своего рода маленькие дельты, не доходившие до Сарыкамыша и разбивавшиеся на ирригацию. Результаты работ 1956 г. подтвердили сделанные нами ранее выводы, что в античный период продолжали действовать все основные протоки левобережной присарыкамышской дельты, в противоположность тому, что было установлено, как сказано выше, в отношении протоков правобережной акча-дарьинской дельты. Этот же факт подтвердили работы Дарьяльского отряда экспедиции, открывшего в 1955 г. на Дарьялыке несколько новых античных городищ.

Топонимика района Канга-калы (Канга-Дарья, Канга-Гыр) представляет большой интерес для окончательного решения остающегося еще спорным вопроса о локализации Кангхского царства (Кангюян), упоминаемого в иранских и китайских источниках.

* * *

Раскопки 1956 г. на трех крепостях, расположенных на еще более отдаленной периферии Хорезма, — Игды-кала на Среднем Узбое (IV в. н. э.), Барак-там в нижней северной дельте Акча-Дарьи (IV—V в. н. э.) и крепости и оссуарного могильника Куюк-кала близ гор Кушкана-тау (V—VIII вв. н. э.) — представляют особый интерес. Все эти памятники оставлены окружающими Хорезм хионито-эфталитскими и раннетюркскими племенами. Помимо большого интереса, который представляют раскопки для характеристики хозяйства и культуры этих племен, вскрытый раскопками материал с новой стороны освещает генезис раннесредневековой афригидской культуры Хорезма. Происхождение афригидской керамики и особенно афригидской архитектуры может быть понято только с учетом роли в их формировании степных, хионито-эфталитских элементов.

Игды-кала (рис. 20) был открыт Узбойским отрядом нашей экспедиции (руководитель М. А. Итина) в 1954 г. В 1956 г. мы подвергли этот труднодоступный памятник рекогносцировочным раскопкам, показавшим правильность нашей датировки этого памятника временем хионито-сасанидских войн.

Эта крепость названа нами Игды-кала по имени ближайшей группы колодцев. Она расположена на левом берегу Узбоя, который, прорываясь здесь через скалистую гряду, образует на протяжении примерно 1 км узкий каньон с вертикальными скалистыми обрывами высотой 25—30 м. В этой поражающей своей дикой красотой местности на скале и была воздвигнута крепость, представляющая в плане неправильную трапецию с длинными стенами (рис. 21).

Рис. 20. Игды-кала (общий вид со стороны Узбоя)

Одна из длинных сторон крепости воздвигнута прямо на обрыве скалы; с трех остальных сторон крепость окружена высеченным в скале рвом. Сейчас стены крепости представляют собой вал из плоских каменных плит. Однако раскопки показали, что крепость была обнесена вертикальной стеной, мощностью около 2,5 м, сохранившейся на высоту 1,5 м и сложенной из известняковых плит различных размеров, в среднем $40 \times 40 \times 15$ см, т. е. приближающихся к размеру античного сырцового кирпича. Плиты положены без раствора, вперевязку. Вдоль стен поставлены прямоугольные башни размером $2 \times 2,5$ м. Пять башен расположены на южной и по три на западной и восточной стенах. На северной стене, воздвигнутой на обрыве Узбоя, башни не сохранились. Возможно, их не было вовсе. Угловые башни сомкнуты в виде ласточкина хвоста, как и башни большинства античных хорезмских крепостей. Вдоль стены и на башнях расположены узкие бойницы, вероятно имевшие стреловидную

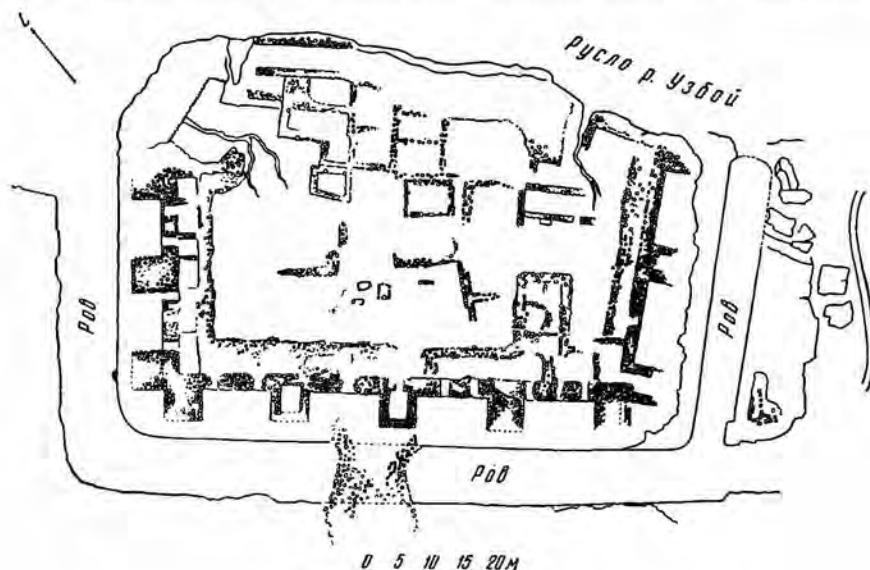

Рис. 21. Игды-кала (план)

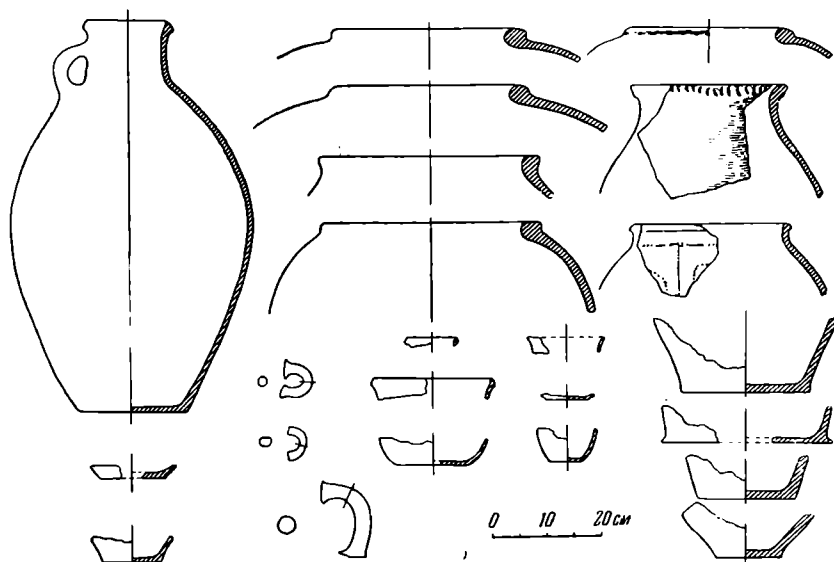

Рис. 22. Игды-кала. Керамика

форму, типичную для хорезмийской античной военной архитектуры (верхняя часть бойниц, к сожалению, не сохранилась). Снаружи стены крепости имели глиняную обмазку, изнутри к ним примыкал коридор, напоминающий хорезмийские стрелковые галереи.

В целом крепость, построенная из камня (не свойственного Хорезму материала), во всех деталях повторяет принципы хорезмийской фортификации и строительного дела. Извне она благодаря обмазке ничем не отличалась от хорезмийских позднеантичных крепостей.

Добытый при раскопках и собранный в осыпях материал дает любопытное сочетание ремесленной хорасанской (южнотуркменской) позднеантичной (IV в. н. э.) керамики (преимущественно хумы) и керамики варварской, среди которой особо надо отметить крупные сосуды с кружковым орнаментом и хумы с пальцевым орнаментом по краю, известные в Хорезме как раннеафригидские формы и датируемые нами концом IV—V в. н. э. (рис. 22).

Анализ результатов раскопок позволяет предполагать, что перед нами укрепление, контролировавшее Игдинский каньон Узбоя и, по-видимому, воздвигнутое хионитами как важный узел обороны против сасанидских войск. Положение крепости позволяет предполагать, что в это время существовал водный путь из Хорасана в Хорезм, что связано с прорывом вод по Узбою на рубеже IV и V вв. Этот прорыв является вполне вероятным в исторических условиях той эпохи, когда крушение рабовладельческого строя привело к гибели античной системы орошения в Хорезме, что могло привести к возобновлению стока по старым руслам в Сарыкамыш (как это имело место после нашествий Чингисхана и Тимура).

* * *

Раскопки замечательного позднеантичного архитектурного памятника варварской периферии Хорезма Барак-тама, открытого нами в 1945 г. и изданного впервые в 1952 г.⁶ в I томе «Трудов Хорезмской экспедиции», также представляют большой интерес.

⁶ М. А. Орлов. Барак-там. (Новые памятники позднеантичной архитектуры северо-восточного Хорезма). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952.

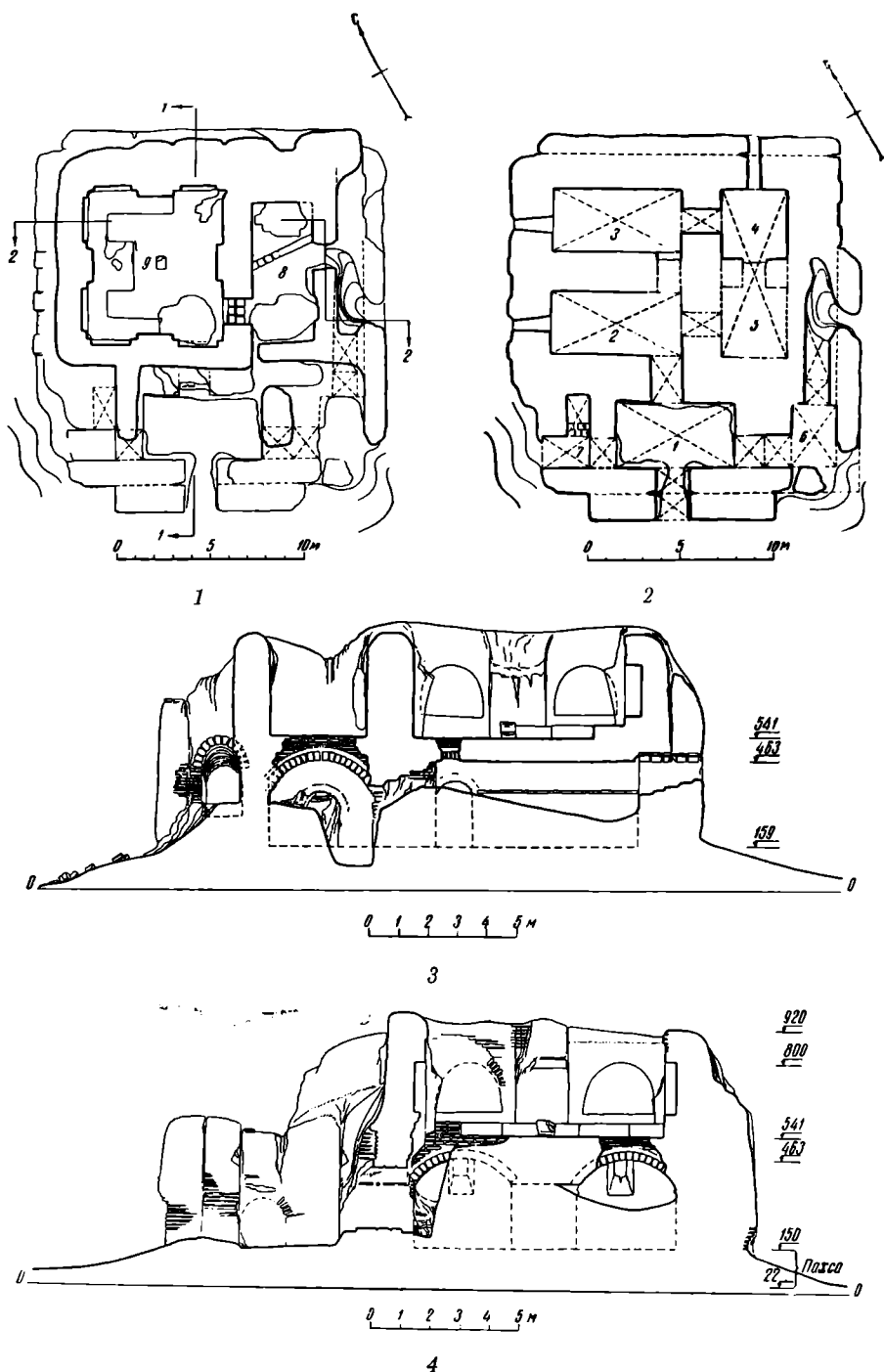

Рис. 23. Барак-там

1 — план первого этажа; 2 — план второго этажа; 3, 4 — разрезы

Этот памятник был воздвигнут на рубеже IV и V вв. хионитско-эфталитскими полукочевыми племенами северо-восточных окраин Хорезма. Он служил ставкой вождя одного из этих племен. Вокруг него расположены большое поселение и поля, базирующиеся на одном из вышеупомянутых старых русел нижней дельты Акча-Дарьи, подтопленных водами Жаны-Дарьи.

В поселении вокруг замка Барак-там I варварская керамика сочетается с позднеантичной хорезмийской, выделявавшейся на месте, по-видимому, рабами-хорезмийцами. Среди варварских форм надо назвать вышеотмеченные протоафригидные хумы.

Двухэтажное здание замка со сводчатыми помещениями нижнего этажа (рис. 23) было также, вероятно, построено рабами-хорезмийцами. Но

Рис. 24. Барак-там. Парадный зал

по своим формам оно отнюдь не во всем следует античным хорезмийским традициям и, как мы увидим ниже, отвечает бытовым и эстетическим запросам хозяев замка — хионитских вождей. Но, вместе с тем, как варварские, хионито-эфталитские хумы являются прототипом афригидских хумов, так и хионито-эфталитский замок Барак-там является несомненным прототипом афригидских замков.

Рис. 25. Барак-там. Фрагмент ковра

Наибольший интерес представляет парадный зал верхнего этажа замка размером $8,13 \times 7,23$ м с огромными нишами и сплошной суфой по стенам, расширявшейся в центре стены, расположенной против входа (рис. 24). Суфы были устланы коврами, следы которых отпечатались на поверхности суфы, а фрагменты ковра сохранились в примыкающем к залу помещении. Это шерстяной ворсовый ковер, нити ворса окрашены расти-

Рис. 26. Барак-там. Рухнувшие арки парадного зала

тельными красками в синий, красный, розовый и золотистый цвет. Центральное поле ковра было заполнено изобразительной композицией, от которой сохранилась, к сожалению, лишь незначительная часть (рис. 25).

В центре зала находился своеобразный очаг — жертвенник в виде усеченной перевернутой пирамиды, выложенной из сырцового кирпича.

Чрезвычайно интересно перекрытие зала — две перекрещивающиеся мощные арки из двух рядов сырцового кирпича, поднимавшиеся значительно выше стен замка (рис. 26). Не сохранилось никаких следов плоского деревянного перекрытия. Это заставляет предполагать, что четыре угла зала были перекрыты тканью или войлоком, унесенным, когда замок был покинут.

В целом перед нами своеобразная юрта не с деревянным, а с сырцовым остовом, повторяющая, однако, все основные черты кочевого жилища.

* * *

Куюк-кала, крепость V—VIII вв. н. э., расположена на плоской возвышенности между двумя холмами, носящими название Кушканатау и лежащими недалеко от Аральского моря, в центральной части низовьев современной дельты Аму-Дарьи (рис. 27). Эта крепость была открыта и обследована в 1956 г. Кара-Калпакским этнографическим отрядом под руководством Т. А. Жданко и в том же году была подвергнута раскопкам отрядом Е. Е. Неразик.

Уже при первоначальном обследовании обратило на себя внимание сочетание в подъемном материале этой крепости немногочисленного афригидского материала (преимущественно хумов и крупных кувшинов; а также позднеафригидских монет VIII в. н. э. с обильным материалом эфталито-тюрокского облика, керамикой, известной нам по «болотным городищам» близ г. Казалинска и по верхнему слою Джеты-Асара (рис. 29). Раскопки подтвердили это положение.

Крепость плохо сохранилась. В большинстве случаев планировка не выражена в рельефе, она лишь прослеживается в виде слабо выраженных контуров на поверхности бугра, хорошо видимых с воздуха.

Рис. 27. Городище Куюк-кала (аэрофото)

Площадь городища достигает 41 га. Крепость имеет неправильные очертания. Плохо сохранившиеся стены, сложенные из восьми-девяти рядов кирпичей, окружающие плоскую вершину бугра, следуют в своей планировке за его естественными очертаниями. Внутри крепости расположены две прямоугольные цитадели, подходящие друг к другу под углом. Древняя цитадель близ центра бугра хорошо видна с воздуха, но с трудом прослеживается на поверхности, так как в поздний период существования крепости ее стены были застроены почти целиком смывыми сейчас постройками. Поздняя цитадель хорошо представлена в рельефе.

И планировка, и материал крепости чрезвычайно близки к казалинским городищам, которые, кстати сказать, и называются также (Куюк-кала и Кескен-Куюк-кала).

Мы не можем в рамках одной статьи остановиться на характеристике результатов раскопок. Отметим лишь, что мощность сохранившегося культурного слоя городища равна 2,3 м, причем прослежены три строительных

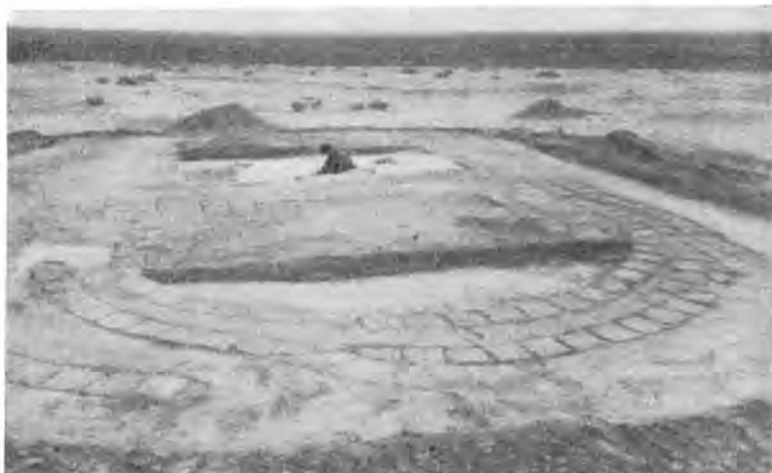

Рис. 28. Городище Куюк-кала. Круглая выкладка

Рис. 29. Городище Куюк-кала. Кувшин

периода. Если верхний слой датируется началом VIII в. н. э., то общая мощность слоев и сложная перестройка, как и материал из нижнего слоя, пока еще малочисленный, позволяют предположительно датировать время постройки крепости V—VI вв. н. э. По планировке жилых построек верхнего горизонта крепость занимает промежуточное положение между поздними слоями Джеты-Асара и афригидскими памятниками Хорезма. Большой интерес представляют две круглые кирпичные выкладки в западной части городища — вероятно, остатки субструкций юрт (рис. 28).

Население городища занималось, видимо, земледелием, скотоводством и ремеслами. Были открыты остатки железоделательных, меднолитейных и керамических мастерских.

Вероятно, перед нами один из городов самостоятельного владения Кердер, независимого от Хорезма в эпоху арабского завоевания, население которого говорило на особом языке — «не хорезмийском и не тюркском» — вероятнее всего, на одном из эфталитских диалектов. Отметим, что в литературе не раз высказывалась гипотеза, отождествляющая имя Кердер с именем кидаритов — одного из объединений хионито-эфталитских племен V в. н. э.

* * *

Таким образом, 1956 г. ознаменовался значительным сдвигом в наших знаниях об окружающих Хорезм варварских племенах на протяжении античного и раннесредневекового исторических периодов.

Рис. 30. Покинутые туркменские поселения в районе урочища «Уаз»

Исследования наших этнографических отрядов, особенно Кара-Калпакского (начальник Т. А. Жданко) и Туркменского (начальник Г. П. Васильева), работавших в тесном сотрудничестве с археологическими отрядами, дали богатый материал по более поздним периодам. Работы этнографов, археологов и топографов по изучению заброшенных поселений XVIII—XIX вв. на Дарьялыке и в урочище «Уаз» (рис. 30) по-новому осветили ряд вопросов недавнего прошлого хорезмских туркмен, а исследование каракалпакских оросительных систем XVIII — начала XIX в. в низовьях Жаны-Дарьи дало новый материал по истории каракалпакского народа.

Кара-Калпакский этнографический отряд в связи с большой актуальностью разработки проблемы патриархально-феодалных отношений у полуседлых народов, в полевые сезоны 1955 и 1956 гг. поставил основной задачей изучение особенностей каракалпакской аульной (сельской) земельно-водной общины XIX — начала XX в., сохранявшей значительные пережитки древних патриархально-родовых традиций, в особенности в водопользовании, общественной жизни и семейно-бытовом укладе. Проведенное в 1956 г. подворно-посемейное анкетное этнографическое обследование ряда аулов выявило следы традиционного расселения членов аульной общины, отражающего деление общины на так называемые «коше» — группы близко родственных семей, происходящих от общего предка. «Коше» составляли в прошлом мельчайшие родовые подразделения каракалпаков, и, как показали работы отряда, именно стойкость этих мелких родственных групп в обстановке общего распада, разрушения общины в XIX — начале XX в. способствовала консервации архаических пережитков патриархально-родового быта, столь устойчивых в дореволюционной Кара-Калпакии.

Другой важной областью работы отряда было изучение народного прикладного искусства каракалпаков (узорного ткачества, ковроделия, вышивки, резьбы по дереву). Опыт исследования историко-этнографического материала показал глубокие связи этногенеза каракалпаков с древнейшим населением Приаралья — северной периферии Хорезма и дал возможность протянуть нити этнических связей каракалпаков не только с частью народов Средней Азии (в первую очередь с так называемыми аральскими узбеками, туркменами и казахами), но и с некоторыми народами Восточной Европы и Западной Сибири, в частности с обскими уграми⁷ Результаты этого раздела работ отряда будут опубликованы в III томе «Трудов Хорезмской экспедиции» вместе с большим собранием образцов народного орнамента. Археологи и этнографы экспедиции активно включились в подготовку очерков по истории каракалпакского народа.

Южноузбекский отряд, руководимый Г. П. Снесаревым, изучал древние пережитки в религии современного населения Южного Хорезма, в котором продолжали еще недавно жить, а частью живут и сейчас традиции древнехорезмийского зороастризма, особенно четко прослеживаемые в погребальной обрядности и агиологии. Этнографические материалы позволяют понять многое в религиозных памятниках древних хорезмийских предков современных хорезмских узбеков. Сейчас наша экспедиция вплотную подходит к тому, чтобы скудные данные письменных источников по истории народов Хорезма, обогащенные археологическим и этнографическим материалом, послужили базой для создания богатой красками истории этих народов, в первую очередь истории трудящихся масс.

⁷ Т. А. Жданко. Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков. СЭ, 1955, № 4.

НОВЫЕ НАХОДКИ МЕДНЫХ ОРУДИЙ В КВЕМО-КАРТЛИ

(Дманисский и Марнеульский районы Грузинской ССР)

В Государственный музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа в 1953—1954 гг. поступили случайно обнаруженные интересные археологические находки, относящиеся, по нашему мнению, к ранним ступеням развития индустрии металла: это медный клевец¹, найденный в 1949 г. в Дманисском районе, у притока р. Пинезаури, на глубине 1,5—2 м (рис. 1, 2), и медный топор², найденный в 1953 г. в Марнеульском районе, в 8 км от ст. Садахло, около с. Брдадзор (рис. 2, 1), в обвале на берегу оросительного канала.

Медный клевец является комбинированным орудием, представляющим собой клиновидный топор с вытянутым на обухе длинным клювом. Проух клевца трубчатый, неправильной круглой формы; вследствие неодинаковой толщины стенок проуха диаметр передней части отверстия сравнительно с задним больше (вероятно, для более прочного укрепления ручки). Клюв, вырастая непосредственно из обуха и являясь его продолжением, слегка согнут и заострен к концу. Тулово топора высокое и толстое, клинообразно утонченное к лезвию и слегка округленное с лобовой стороны. Лезвие обломано.

Химический анализ металла показал, что в нем содержится меди — 97,3% и мышьяка — 1,9%³. По-видимому, это орудие сначала было отлито, а затем уже выковано почти из чистой меди.

Ввиду того что находки подобных орудий крайне редки, говорить что-нибудь определенное о его назначении трудно. Но именно этим и оправдывается интерес к нескольким аналогичным экземплярам, найденным на территории Грузии и всего Кавказа.

В фондах отдела истории и археологии Гос. музея Грузии хранится два подобных комбинированных орудия. Об обстоятельствах и месте находки одного из них⁴ ничего неизвестно; этот сравнительно хорошо сохранившийся экземпляр покрыт благородной патиной. По сравнению с найденным в Дманиси клевцом у этого экземпляра короткий клюв, диаметр задней части круглого и правильного трубчатого отверстия проуха меньше, чем в передней части. Его клинообразное тулово к концу постепенно расширяется (рис. 1, 1).

Химический анализ металла показал, что в нем содержится меди — 97,6%, мышьяка — 2,06%. Подобно дманисскому, это орудие тоже сначала отлито, а затем ковано.

¹ Гос. музей Грузии; инв. № 10—53.

² Там же, инв. № 5—56.

³ Этот и другие анализы произведены сотрудниками химического кабинета Гос. музея Грузии им. акад. Джанашиа Р. Бахтадзе, Ц. Абесадзе, Н. Двали под руководством проф. Ф. Тавадзе.

⁴ Гос. музей Грузии; инв. № 5—34/5.

Приблизительно такой же формы и клевец, случайно найденный в 1912 г. в с. Симониант-Хеви Тианетского района⁵, с той разницей, что он изъеден коррозией и плохо сохранился (рис. 1, 3). Химический состав сплава следующий: меди — 97,3%, мышьяка — 1,85%. Других примесей в сплаве, как и в предыдущем случае, нет.

Нельзя оставить без внимания еще одно орудие, несколько похожее на описанные клевцы и тоже хранящееся в Гос. музее Грузии. Назовем

Рис. 1. Медные клевцы и топоры

его условно молотом-топором⁶. Его лезвие узкое и короткое со следами точки; отверстие проуха неправильной округлой формы. Химический состав металла — почти чистая (99,05%) медь (рис. 1, 4).

Таким образом, отличительным признаком всех этих трех клевцов являются более или менее длинные выступы, которые к концу постепенно суживаются и становятся клювообразными.

У этих орудий задняя часть отверстия проуха меньше, чем передняя, ручка, видимо, насаживалась сверху и расширялась к концу для того, чтобы во время работы не выскакивала из отверстия. У двух орудий (рис. 1, 1 и 3) отверстия почти круглые, а у найденного в Дманиси — овальное.

Находки аналогичных клевцов отмечены и в других районах Кавказа. Одно такое орудие было найдено в районе Алаверди и хранится в Гос. историческом музее Армении⁷.

Сведений об обстоятельствах находки этого орудия в Ереванском историческом музее нет⁸.

Таким образом, на территории Кавказа отмечено шесть находок подобных орудий. Происхождение четырех достоверно известно, из них три найдены в районах, которые, по данным геологов, богаты медной рудой (Дманиси, Тианети, Алаверди).

Форма клевцов, а также наличие на обухе загнутого внутрь клювообразного отрезка говорит о том, что удар обеих частей этого комбинированного орудия типа топора-кирки не приходился перпендикулярно плоскости, что дает основание полагать применение этого орудия в горнорудном деле и в хозяйственных работах⁹; на ранней стадии горнорудного

⁵ Гос. музей Грузии; инв. № 11—32/70.

⁶ Там же; инв. № 11—32/63. В каталоге отдела археологии музея отмечено, что он происходит из коллекции Рота.

⁷ Б. А. Куфтина. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, т. XII-V, 1944, стр. 300.

⁸ Размером и формой он почти приближается к дманисскому и дает следующие показатели: длина 22 см, длина клюва 7,50 см, диаметр отверстия для ручки 3,0 см, максимальная ширина 3,5 см.

⁹ В упомянутой работе Б. А. Куфтина указано, что на территории Грузии и Армении найден своеобразный медный комбинированный топор необычной формы, у кото-

производства орудия такого рода могли применяться при добыче меди или какой-либо иной руды. Клинообразным лезвием руда разрушалась, клювообразным же выбиралась. Это предположение подтверждается тем, что находки подобных орудий зафиксированы, как сказано, в меднорудных районах.

Примитивность обработки металла на ранней стадии развития металлургии, сложностьковки или литья орудий и в то же время ограниченность их количества, вынуждали людей пользоваться одним и тем же орудием при самых разнообразных работах.

Возможно, что на ранней стадии развития металлургии, когда население перешло к оседлому образу жизни и в основном уже занималось земледелием и скотоводством, описанное выше комбинированное орудие применялось и при обработке земли (в частности, для обработки целины).

В археологической литературе имеются скудные, но крайне интересные данные о находках аналогичных комбинированных орудий. Одно такое орудие было найдено в с. Веремье (на правом берегу р. Днепра), севернее Киева¹⁰. К сожалению, обстоятельности находки и археологический материал, сопутствующий ему, остались невыясненными. Подобное же орудие было найдено в Эрозде (Венгрия)¹¹. Подобное орудие, но с более коротким клювом, чем у дманисского, было найдено и в Ассирии¹².

Касаясь вопроса о происхождении клевцов, некоторые исследователи упоминают аккадский боевой топор с пирамидальным клювом, изображенный на знаменитой стеле Нарамсина; обе стороны этого топора, как клюв, так и топор, имеют вертикальное направление удара¹³. Топор с пирамидальным обухом или, иначе говоря, комбинированное орудие, имеющее у обоих рабочих концов перпендикулярное направление удара, обнаружено в шестом слое Тепе-Гавра¹⁴. Следует отметить, что оба вышеуказанных топора все же отличаются от клевцов: вертикальное направление удара как самого топора, так и клювовидного обуха вообще характерно для боевого оружия.

Что же касается комбинированных орудий, так называемых клевцов, найденных на Кавказе, на Украине (около Киева) и в Венгрии, то почти ни одно из них не имеет перпендикулярного ударного направления обеих рабочих сторон, т. е. их клювы не имеют пирамидальной формы, и нам кажется маловероятным их применение в качестве боевого оружия; эти орудия, видимо, имели различное хозяйственное назначение. Следовательно, комбинированные орудия — клевцы, найденные на Кавказе, имели хозяйственное назначение, а аккадское и тепе-гаврское комбинированные орудия — боевое.

Крайне интересно было бы выяснить вопрос о происхождении этих орудий: где, как и каким путем шло их развитие.

Очевидно, что имеющийся в нашем распоряжении скудный материал совершенно недостаточен для того, чтобы говорить о генетической связи наших орудий с территориально отдаленными их аналогиями. Не исключена возможность обмена культурными и техническими достижениями и между отдаленными друг от друга народами. При обсуждении вопроса о происхождении этих орудий Б. А. Куфтин, упоминая тианетский и алавердский клевцы, указывает, что эти находки определяют и ареал их распространения, но, видимо, генетически связывает их, с одной стороны, с ассирийским топором (опубликованным Петри), с другой же — с аккад-

рого обух остроконечный. «Возможно,— говорит автор в грузинском резюме этой работы,— что это орудие предназначалось для горнорудных работ» (стр. 401).

¹⁰ Т. С. П а с с е к. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 209, рис. 100, 8.

¹¹ Там же, рис. 100, 7.

¹² Б. А. К у ф т и н. Ук. соч., стр. 300, рис. 4, 3.

¹³ Там же, стр. 300, рис. 4, 2.

¹⁴ Там же, рис. 4, 1.

ским боевым топором с пирамидальным обухом¹⁵, изображенным на стеле Нарамсина (XXVII в. до н. э.).

Затем, переходя к сходному материалу (найденному в Веремье и других местах), он заключает, что это комбинированное орудие указывает на вполне определенное культурное течение из древнейших очагов металлургии в Передней Азии к придунайским странам и Эгейскому морю через Кавказ, минуя Малую Азию, где этот топор (исключая Трюю) появляется в более поздних формах¹⁶.

Б. А. Куфтин, возможно, и прав, утверждая, что топоры такого типа проникли на Кавказ из Передней Азии, так как в Ассирии тоже был найден клевец. Однако можно также предполагать, что упомянутый выше боевой топор, проникнув на Кавказ в начале III тысячелетия до н. э. и испытав на протяжении долгого времени процесс перерождения, не только изменил частично форму, но, в соответствии с новыми жизненными условиями и требованиями, приобрел совершенно новое назначение. Это особенно заметно по эроздскому и веремьевскому топорам. К сожалению, мы не располагаем химико-технологическими данными о топорах, найденных в Передней Азии, в СССР (близ Киева) и в Венгрии для того, чтобы высказаться по этому вопросу более конкретно.

По химическому составу все наши топоры одинаковы и сходны с остальными орудиями и украшениями неолитического (частично) и раннебронзового периодов в Восточной Грузии, что свидетельствует об их местном происхождении. Таким образом, указанные клевцы развивались на местной почве в соответствии с местными же хозяйственными и производственными условиями. Об этом же свидетельствует и сравнительно большое количество находок их на территории Кавказа.

Для датировки этих орудий мы, к сожалению, не располагаем достаточным количеством данных. Т. С. Пассек, например, считает возможным отнести эроздский топор к позднему триполью и, таким образом, датирует его концом III — началом II тысячелетия до н. э.¹⁷

Известно, что аккадский боевой топор, изображенный на стеле Нарамсина, датируется первой половиной III тысячелетия (XXVII в. до н. э.), а найденный в VI слое тепе-гаврский боевой топор с пирамидальным обухом — также III тысячелетием¹⁸. Принимая во внимание упомянутые соображения, а также то обстоятельство, что имеющиеся в нашем распоряжении орудия изготовлены в основном из чистой меди лишь с незначительной примесью мышьяка (не более 2%), что характерно именно для орудий неолитического периода, где примесь мышьяка не превышает 1,2—1,3%, а затем также и сравнительно примитивные способы их изготовления, мы приходим к выводу, что кавказские клевцы относятся к ранним ступеням металлургии и могут быть датированы первыми веками второй половины III тысячелетия.

Закончив изложение наших предварительных соображений о клевцах, перейдем к обсуждению вопроса о медном топоре (тоже хранящемся в фондах Гос. музея Грузии), найденном в 1953 г. на территории Квемо-Картли (Нижней Картли) близ с. Брдадзор, Марнеульского района, при обвале берега оросительного канала. Топор¹⁹ массивный и, видимо, изготовлен тем же способом, т. е. сначала был отлит, а затем кован. На краю лезвия заметны следы точки, хотя в настоящее время он затуплен (рис. 2, 1).

Химический состав следующий: меди — 94,98%, мышьяка — 4,17%.

Топоры такого типа, насколько нам известно, представлены лишь единичными экземплярами. Подобные топоры, хотя и несколько меньшие,

¹⁵ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 301.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 208.

¹⁸ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 300.

¹⁹ Инв. № 5—56.

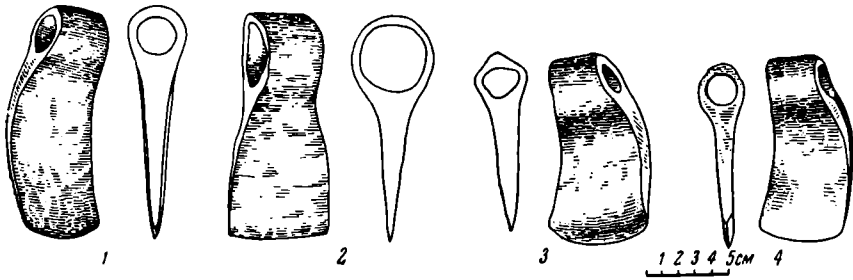

Рис. 2. Медные вислобушные топоры

найлены в северо-западной части Шида-Картли (Внутренней Картли), в Сталинирском районе. Один топор хранится в Горийском историко-этнографическом музее и найден в низовьях р. Лиахви, в Тирипонской долине (с. Иалбузи Сталинирского района) ²⁰. Формой этот топор сходен с марнеульским топором. Обух резко сужен, лезвие толстое и клинообразное, лопасть кованая (рис. 2, 3).

Второй такой же топор был найден в 1950 г. недалеко от Сталинири, на склонах так называемой Кулбакеби (рис. 2, 4) ²¹.

При изучении этих топоров непременно должны быть учтены характерные для развития металлургии Шида-Картли медные топоры из местных находок. Происходят они из одного определенного района, но между ними замечается некоторое различие. Два таких топора были найдены в Меджврисхеви (Горийский район Грузинской ССР) и хранятся в Гос. музее Грузии. Один из них ²² (рис. 1, 5) имеет более тонкое лезвие, чем кулбакебский и марнеульский топоры. Интересен химический состав топора: меди — 97,26%, мышьяка — 1,32% и олова — 0,53%. Этот топор также сначала отлит, а потом кован.

Близ Меджврисхеви найден и второй такой же топор ²³, но его обух обломан и лезвие частично повреждено (рис. 1, 6). Его химический состав такой: медь — 95,8% и мышьяк — 3%.

Нельзя обойти молчанием и топор, найденный в с. Каралети и хранящийся в Горийском историко-этнографическом музее ²⁴. Топор, в отличие от описанных выше, имеет крупный трубчатый, удлиненный проух, лезвие тонкое, постепенно расширяющееся.

Наряду с топорами раннего периода, найденными на территории Шида-Картли, мы можем упомянуть и о медном топоре, найденном в Земо-Авчала, который, несомненно, является кованым ²⁵. В отличие от описанных выше топоров, земо-авчальский топор имеет почти прямой рабочий край, проух неправильной круглой формы, а его стенки почти одинаковой толщины. Лезвие постепенно расширяется, и на нем хорошо видны следы заточки. Химический состав этого топора следующий: медь — 95,4%, мышьяк — 2,21% и сурьма — 0,72% (рис. 2, 2).

Таким образом, на территории Шида-Картли и Квемо-Картли зафиксированы находки нескольких топоров раннего периода развития металлургии. Они происходят из Марнеульского района, сс. Иалбузи и Кулбакеби, близ Сталинири. Кроме того, как отмечалось выше, найдено еще несколь-

²⁰ Б. А. К у ф т и н. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 35, табл. XX, рис. 4.

²¹ В. П. Л ю б и н. Археологическая разведка в окрестностях города Сталинира. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 15, рис. 1, 4.

²² Инв. № 10—25/13.

²³ Гос. музей Грузии; инв. № 10—25/14.

²⁴ Б. А. К у ф т и н. Археологическая маршрутная экспедиция..., табл. XX, 3.

²⁵ Гос. музей Грузии; инв. № 2—26/1.

ко родственных им и типологически близких топоров — из Меджврисхеви и др.

Как видно из приведенных материалов, на ранней ступени развития производства металла в Шида-Картли и Квемо-Картли широко были распространены топоры, которые действительно частично схожи с вислообушными топорами из Западной Грузии, относящимися, как полагают, к периоду ранней бронзы; но между их формами существует все же большая разница.

Точная датировка марнеульского и аналогичных топоров в настоящее время несколько затруднительна, так как, насколько нам известно, они лишены сопутствующего инвентаря. Б. А. Куфтин отмечает относительно иалбузского топора: «Есть основание думать, что именно с этим типом топора свяжется в дальнейшем та группа энеолитической керамики, которая была найдена С. Надимашвили в Сталинири (в Згудрис-гверда)»²⁶.

В связи с вопросом датировки небольшого топора, найденного в Згудрис-гверда, около Сталинири, и подобного марнеульскому, В. П. Любин также отмечает, что «медный топор и кинжал, относящиеся по своим специфическим формам к ранним этапам развития металлургии, а также некоторые каменные орудия (наконечники стрел архаического типа и обломки ладьевидных зернотерок) подтверждают эту датировку»²⁷, но не дают абсолютной даты.

Найденные в Кюр-Дере и Меджврисхеви вислообушные топоры датированы Б. А. Куфтиным концом III и началом II тысячелетия до н. э.²⁸ Что же касается земо-авчальского топора с прямым краем, то, как нами было уже отмечено, он может быть одновременным керамическому материалу энеолитического времени, случайно найденному там же²⁹. Упомянутый топор Б. А. Куфтин датирует второй половиной III тысячелетия до н. э. и отмечает, что «топор принадлежит к типу топоров из древнейших кубанских курганов, уступая майкопскому только в величине, и исходит по своей форме от древнейших сумерских прототипов, предшествовавших в южной Месопотамии боевым топорам, типа царских гробниц в Уре с трубчатым выступающим вниз обухом»³⁰.

Рассматривая земо-авчальский топор в одном из своих трудов, О. М. Джапаридзе отмечает, что «может быть, действительно не лишено было бы основания сказать, что среди переднеазиатских форм, найденных на Кавказе, одной из наиболее ранних является топор из ЗАГЭС»³¹.

Подводя итог всему вышесказанному, мы должны предположить, что земо-авчальский топор является одним из наиболее ранних видов топоров, распространенных на Кавказе на ранней стадии развития металлической индустрии, и, возможно, относится к концу энеолита; следовательно, мы находим возможным определить дату данного топора приблизительно серединой III тысячелетия до н. э. Несколько моложе, по-видимому, марнеульский топор и подобные ему топоры с территории Шида-Картли.

Судя по вышеприведенным материалам, металлообработка в эту эпоху в Квемо-Картли и Шида-Картли была развита уже в достаточной мере и, возможно, что именно в этих районах находился центр производства означенных орудий. На это указывает, во-первых, тот факт, что, несмотря на некоторое сходство этих орудий с синхронными переднеазиатскими материалами, они все же имеют своеобразный вид, типичный, по-видимому, для данного района.

²⁶ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 36.

²⁷ В. П. Любин. Ук. соч., стр. 22.

²⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 16.

²⁹ Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси. Тбилиси, 1955, стр. 30 (на груз. яз.).

³⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 10.

³¹ О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955, стр. 103 (на груз. яз.).

Нельзя пройти мимо одного весьма значительного факта: в Западной Грузии не обнаружены такие характерные для ранней ступени металлического производства орудия, которые типичны для Восточной Грузии этой же эпохи. Мы имеем в виду, с одной стороны, комбинированные орудия — клевцы и топоры, найденные в Марнеульском районе, в Згудери и с. Иалбузи, точные аналогии которых не встречаются в Западной Грузии, с другой стороны, точно так же весьма редко встречаются в Шида-Картли и Квемо-Картли трубчатообушные и вислообушные топоры, столь многочисленные в Западной Грузии в эпоху ранней бронзы.

Чем объясняется указанный факт — разницей в возрасте памятников или влиянием культурных течений, проникающих из разных областей, — трудно сказать. Нам кажется маловероятным одновременное проникновение разными путями из совершенно разных культурных областей форм топоров, характерных, с одной стороны, для Западной, с другой же — для Восточной Грузии; полагаем, что здесь мы имеем дело с разными хронологическими этапами в пределах раннего периода развития производства металла. На основании предварительных наблюдений нам кажется возможным предположить, что такие орудия, как земо-авчальский топор, клевцы и затем марнеульский, иалбузский и згудерский топоры могут быть отнесены к более раннему периоду, чем, например, хорошо отлитые и обработанные трубчатообушные и вислообушные топоры из дольменов Абхазии или из тех погребений Сачхере, в которых вместе с ними встречаются простые (с черешком) кинжалы или, реже, кинжалы с бронзовой рукояткой. Возможно, что марнеульский, згудерский и иалбузский топоры являются прототипами вислообушных топоров. То, что в сачхерских курганах периода ранней бронзы в большом количестве находят оружие и украшения, которые сравнительно хорошо отлиты и откованы, несомненно следует объяснить развитием производства металла, его более высокой степенью (в данном случае мы не имеем в виду сачхерский штык и наконечники копий с длинным и граненым массивным черешком). Это соображение подкрепляется некоторым образом изучением химического состава и частично технологии изготовления оружия и украшений раннего периода металлического производства, найденных как в Восточной, так и в Западной Грузии.

Как нами уже было отмечено, даже в период зарождения производства металла в составе медных изделий — оружия и украшений — заметна примесь мышьяка, количество которого тем меньше, чем к более раннему периоду относятся эти изделия; так, например, в шильях энеолитического периода количество мышьяка достигает 1—1,3%, в клевцах — от 1,7 до 2%, а в остальных топорах раннего периода, найденных на территории Шида-Картли, — от 1,3 до 3%. Более поздние предметы периода ранней бронзы содержат большое количество примесей мышьяка и сурьмы. В сачхерские трубчатообушные и вислообушные топоры и кинжалы мышьяк входит в количестве 2—4% и более, а в некоторые из них наряду с мышьяком входит до 2% сурьмы. Аналогичную картину видим и в металлическом оружии из дольменов Абхазии.

СТОЯНКИ КУЛЬТУРЫ РАКОВИННЫХ КУЧ В РАЙОНЕ БУХТЫ ТЕТЮХЕ

Четыре года работы Дальневосточной археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А. П. Окладникова позволили установить в общих чертах основные этапы развития каменного века Приморья¹. Заключительный этап каменного века представлен здесь многочисленными памятниками яркой и во многом своеобразной культуры раковинных куч. Особое место этой культуры в древней истории Приморья определяется не только большими сдвигами в области хозяйственных и культурных достижений, но также и истоками самой культуры, новыми культурными и этническими связями.

Как выясняется теперь, культура раковинных куч Приморья примыкает к широкому поясу родственных ей древних культур восточного побережья азиатского материка.

В связи с этим возникают вопросы: насколько далеко на север распространилась культура раковинных куч, каковы были взаимоотношения оставившего ее населения и аборигенных племен Приморья, какова этническая принадлежность тех и других племен.

Ответ на поставленные вопросы отчасти дают новые, хотя и немногочисленные, но очень выразительные остатки поселений культуры раковинных куч и другие памятники, близкие к ним по времени, обнаруженные в бухте Тетюхе Приморского края. Значение этих новых находок состоит, прежде всего, в том, что они значительно расширяют район распространения культуры раковинных куч, который раньше ограничивался г. Владивостоком (заливы Амурский и Петра Великого) и приморским побережьем к югу от него, вплоть до Посыета. Теперь этот район увеличивается более чем на 600 км к северу от Владивостока, т. е. почти вдвое. Ценность новых находок заключается еще и в том, что остатки культуры

¹ А. П. Окладников. Археологические исследования в Приморье в 1953 году. Сообщ. Дальневосточного филиала АН СССР, вып. 8. Владивосток, 1955; Г. С. Ганешин и А. П. Окладников. О некоторых археологических памятниках Приморья и их геологическом значении. Материалы по геологии и полезным ископаемым Восточной Сибири и Дальнего Востока. Материалы ВСЕГЕИ, новая серия, «Геология и полезные ископаемые», вып. 1, М., 1956, стр. 50—57; А. П. Окладников. Археологические исследования на Дальнем Востоке. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1953 г. М., 1954; его же. Археологические работы на Дальнем Востоке в 1954 г. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук, на пленуме ИИМК и сессии ученого совета ИЭ АН СССР, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. М., 1955; его же. Археологические исследования в долине Ангары и на Дальнем Востоке в 1955 г. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.—Л., 1956; А. П. Окладников, В. Е. Ларичев. Памятники древней культуры Приморья. Советское Приморье, 1954, № 17; Ю. Журавлев, В. Ларичев и др. В Сибири и на Дальнем Востоке. Вестник Ленинградского университета, № 3, 1954; А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии до нашей эры (по материалам поселений с раковинными кучами). СА, XXVI, 1956.

раковинных куч в бухте Тетюхе найдены в окружении памятников других периодов истории Приморья, начиная с весьма раннего по приморским масштабам неолита и кончая дюнными стоянками раннего железа и средневековыми городищами эпохи Цзинь. Такое счастливое сочетание памятников различных эпох на небольшой площади позволяет уточнить датировку каменного века Приморья.

Бухта Тетюхе представляет собою в настоящее время неширокий морской залив, который заходит в сушу на 200—300 м. В древности бухта Тетюхе заходила в сушу значительно дальше — километров на пять, разветвляясь на два больших рукава. Но постепенно рукава бухты затянуло отложениями рек Мраморной и Монастырки, и они превратились в широкие лагуны, которые весной заливают вода. Самые ранние неолитические стоянки расположены здесь на первой надпойменной террасе, и их весной также заливают вода, поэтому различные этапы неолитической культуры в бухте Тетюхе можно увязать с определенными геоморфологическими изменениями и историей речных долин этого района.

Остатки поселений культуры раковинных куч были обнаружены в районе бухты в трех местах. Одна стоянка расположена на северном побережье бухты Тетюхе, напротив мыса Бринера. Культурные остатки здесь рассеяны на довольно высоком террасовидном останце, который тянется по направлению к морю с юго-запада на северо-восток на расстоянии около 0,5 км. С юго-западной стороны останец, сложенный в основании гранитом, разрезан широким заболоченным логом, по которому протекает ручей Первомайский; с юго-востока он омывается морем. Стоянка занимает небольшую площадь — около 400 м². Она несколько наклонна к морю, так что дождевые потоки сразу же скатываются с площадки, отчего верхний гумусный слой в настоящее время сильно размыт и большей частью уничтожен, а культурные остатки вымыты и лежат прямо наверху. Однако, как выяснилось, они залегают не только в гумусном черном слое, но и в подстилающей его плотной желтовато-красной глине. Поэтому на стоянке еще можно вести раскопки, особенно в месте, где террасовидный уступ начинает переходить в склон рядом расположенной возвышенности.

Площадка террасы очень удобна для жизни человека: с севера от холодных пронзительных ветров она прикрыта высоким горным хребтом, рядом было расположено море и протекала река². Здесь найдены орудия, которые по формам, технике изготовления и материалу напоминают орудия с поселений с землянками, предшествующих культуре раковинных куч. Здесь же найдены фрагменты средневековой керамики. Но подавляющее большинство находок относится к культуре эпохи раковинных куч; однако самих куч ни на одном из поселений в бухте Тетюхе не обнаружено. Очевидно, это следует объяснить особенностями бухты: она неглубоко вдается в сушу, широко открыта морским волнам. Поэтому в бухте нет благоприятных условий для жизни морских моллюсков. Хозяйственная жизнь людей культуры раковинных куч здесь была больше связана с рекой, чем с морем.

Такое предположение еще больше подтверждается местоположением второй стоянки, которая найдена километрах в пяти от моря, на берегу р. Мраморной. Остатки поселения здесь обнаружены на восьмиметровой террасе, в месте, где ее крутые и обрывистые края несколько сглаживаются и делаются положе. Терраса здесь прорезается неглубоким и широким ложком, по одной стороне которого рассеяны культурные остатки. Культурный слой сверху потревожен огородом, где и были собраны фрагменты керамики, характерной для эпохи раковинных куч, и обломок шиферного ножа с отверстием.

Третья стоянка найдена местными жителями также километрах в че-

² Сейчас р. Тетюхе впадает в бухту около ее южной стороны, но еще во времена В. К. Арсеньева были заметны следы ее русла и устья около северной стороны бухты.

тырех-пяти от моря, на берегу р. Монастырки. Отсюда происходит превосходный шлифованный нож из темного шифера, хранящийся во Владивостокском музее.

Две последние стоянки интересны тем, что они в меньшей степени связаны с морем, как и ряд других поздненеолитических стоянок, обнаруженных в последнее время в глубине континента (Чапигоу, Известковая сопка) и относящихся к тому же времени, что и раковинные кучи побережья. Они свидетельствуют, что древние племена Приморья, основой жизни которых в прибрежной полосе была морская охота и рыболовство, занимались также ловлей рыбы в реках и, судя по каменным мотыжкам, примитивным земледелием. В свое время Б. Лауфер, еще не зная о культуре раковинных куч, описывал легендарных сушеней Приморья как смелых мореходов — «восточных викингов»³. Эта характеристика в основе сохраняет свою силу, но только отчасти. Теперь мы знаем, что эти племена имели достаточно сложное и развитое хозяйство, а культура их была во многом связана с влияниями, шедшими из глубины Восточной Азии, из культур Яншао и Луншань⁴.

Рис. 1

1, 2 — каменный шлифованный топор; 3 — грузило со стоянки против мыса Бринера

Переходя к характеристике собранного материала, можно отметить, что керамики на поселениях собрано мало, но она очень выразительна и сходна с керамикой поселений эпохи раковинных куч, найденной на полуостровах Песчаном и Янковского, на о. Попова и на других стоянках. Эти общие черты заключаются в одинаковой орнаментике линейно-геометрического характера. Для керамики бухты Тетюхе характерна также и ярко-красная, иногда малиновая краска на поверхности сосудов. Но есть также и черты, которые отличают керамику бухты Тетюхе от более южных районов, где преобладает толстостенная керамика. Это, прежде всего, характерная тонкостенность сосудов, хорошо отмученная глина (без посторонних примесей), хороший обжиг сосудов.

Среди других изделий из глины выделяется обломок глиняного кольца диаметром 10—12 см. Ширина ободка 1,5 см. Эта находка — также свидетельство южных связей культуры раковинных куч⁵.

Среди изделий из камня самые многочисленные находки представлены рыболовными грузилами, которых на одной только стоянке около бухты найдено более сорока. Они представляют из себя небольшие, округлые, плоские, хорошо окатанные гальки из кремнистого сланца, базальта и песчаника. С двух или, реже, с четырех сторон сделаны выбоины для шнура, которым грузило прикреплялось к сети. Большое число грузил свидетельствует о том, что одним из основных занятий жителей стоянки было рыболовство (рис. 1, 3).

³ В. Lauffer. Chinese Clay Figures. Chicago, 1914, стр. 202.

⁴ А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сб. «По следам древних культур». М., 1954, стр. 245—252.

⁵ См. аналогичные глиняные кольца, найденные на памятниках культуры Яншао. J. G. Andersson. Prehistoric Sites in Honan. The Museum of Far Eastern Antiquities. Bulletin. № 19, Stockholm, 1947, стр. 97—98, рис. 109.

Рис. 2. «Плечиковые топоры» со стоянки против мыса Бринера

чаются особо тщательной обработкой, правильностью, изяществом и совершенством форм (рис. 1, 1, 2). Насколько тщательно изготовлены топоры первого типа, настолько грубо и примитивно обработаны топоры второго типа. Наличие хорошо выраженных рукоятки и плечиков, отделяющих рукоять от широкого полулунного, в виде сечки, лезвия позволяет их выделить в особый вид. Топоры такого типа известны в литературе как «плечиковые топоры» или мотыжки (рис. 2).

Тетюхинские «плечиковые топоры» изготовлены из продолговатых галек различных пород — известняка, зеленокаменной брекчии вулканического происхождения, песчаника и сланца. Рукоять и плечики топора оформлены рядом небрежных поперечных сколов, а рабочая часть — лезвие — продольными грубыми сколами с двух сторон. Рукоять обычно овальная в сечении. Форма этих орудий и способ их обработки указывают на то, что трудовые операции, обычные для шлифованных каменных топоров, «плечиковыми топорами» выполнять нельзя. Их лезвия слишком тупы, чтобы можно было работать по дереву. В то же время специфическая форма «плечиковых топоров» говорит о том, что они употреблялись для строго определенной работы. Такими топорами-мотыжками, очевидно, рыхлили землю или расчищали от кустарников площадки для посевов. Интересно, что это первая находка «плечиковых топоров» на севере Приморья в таком большом количестве (шесть целых и три обломка).

Особую группу каменных изделий составляют своеобразные шлифованные орудия из шифера. Они представлены обломками наконечников копий, ножей, рукоятки кинжала, насадом копья и большим фрагментом ножа с дырочкой. Общей чертой этих орудий является тонкая и тщательная обработка их поверхности и оригинальность форм. В большинстве случаев орудия из шифера копируют металлические образцы, которые, очевидно, были хорошо известны людям культуры раковинных куч. Так, очень выразителен широкий плоский листовидный клинок (очевидно, наконечник копья) из серого сланца. Посредине пера копья проходит стержень. Он продолжается дальше насада, отчего последний — ромбический в сечении (рис. 3, 2). Возможно, мастер хотел этим подчеркнуть втульчатость копья. Втульчатые копья такого типа были широко распространены в бронзовом веке в Китае, Корее и Японии. Этот наконечник копья является прекрасной копией металлического копья. Ему подобен наконечник копья из Осиновки (рис. 4, 1).

Второе изделие представляет собой треугольный клинок с широкой

Очень выразительны топоры. По форме, технике изготовления, а также, очевидно, по назначению их можно разделить на два типа. Первый тип представлен двумя маленькими плоскими шлифованными топориками и несколькими фрагментами других экземпляров, изготовленных из кремнистого сланца. Топоры такого типа хорошо известны из раковинных куч. Они имеют прямоугольные очертания и такое же прямоугольное сечение. Лезвия топоров очень хорошо выражены резким стачиванием, причем одна сторона лезвия обычно заточена сильнее другой. Топоры этого типа отли-

Рис. 3

1 — шиферный клинок; 2 — наконечник копья

Рис. 4

1 — наконечник копья из района дер. Осиновки; 2 — полулунный шиферный нож с поселения на берегу р. Мраморной

плоской рукоятью, которая сохранилась не полностью (рис. 3, 1). Клинок сделан из серого сланца. Его поверхность сильно выветрилась, что, однако, не мешает проследить следы стержня и, что особенно интересно, установить способ заточки его металлического прообраза. Заточка противоположная, несколько необычная для металлических клинков.

К остальным изделиям относятся обломки рукоятей кинжалов (рис. 5). Особенно интересна рукоять кинжала с характерным треугольным навершием-выступом и хорошо выраженными уступами, отделяющими навершие от рукояти.

На втором поселении сборы дали только одно шиферное орудие — фрагмент массивного ножа удлиненно-полулунной формы с широкой спинкой и тонким, хорошо заточенным лезвием. Приблизительно в середине широкой плоскости ножа просверлено бикошечное отверстие (рис. 4, 2). Шиферные ножи такого типа широко известны по находкам в Китае на поселениях культуры Яншао, на Ляодунском полуострове и в Корее. Они, как предполагают, служили для срезания стеблей гаоляна. Это единственное орудие из всех шиферных изделий, найденных в бухте Тетюхе, которое, бесспорно, употреблялось человеком в производственной жизни. Наконечники копий, ножи и кинжалы при хрупкости шифера, очевидно, не имели практического значения. Назначение этих вещей пока остается загадочным. Можно высказать только догадку, что они были церемониальным, парадным оружием.

Рис. 5. Шиферные рукоятки кинжалов

Среди находок культуры раковинных куч в бухте Тетюхе нет вещей,

которые позволили бы по-новому датировать памятники этой культуры. Формы шиферных кинжалов и наконечников копий подтверждают ранее установленную А. П. Окладниковым дату — конец II — начало I тысячелетия до н. э.⁶

Датировка рассмотренных памятников важна не столько для самой культуры раковинных куч, сколько для памятников предшествующей эпохи — в частности, поселений с землянками. Они могут датироваться, следовательно, II тысячелетием до н. э.

В начале статьи указывалось, что культура раковинных куч имеет широкие связи с южными неолитическими культурами. Сюда в особенности надо отнести неолитические памятники Ляодуна, долины р. Ляохэ, Южной Манчжурии и, конечно, многочисленные памятники эпохи неолита в долине р. Хуанхэ. Кроме того, сюда примыкают родственные неолитические культуры более южных областей Восточной Азии. В Индонезии, Индо-Китае, Бирме, Аннаме, восточных штатах Индии и отчасти даже в далекой Полинезии такие характерные вещи, как «плечиковые топоры», являются руководящими формами местного неолита. Р. Гейне-Гельдерн определяет «плечиковые топоры» как характерную форму, присущую австралийцам, и датирует культуры, где они встречены, II тысячелетием до н. э., по крайней мере не позже VIII в. до н. э.⁷ О. Менгин считает «плечиковые топоры» руководящей формой индонезийского неолита и датирует их приблизительно тем же временем⁸. Лучшее всего исследован в этой области район Баксонского массива. В пещере Ба-ха на глубине 1,30 м были найдены плечиковые топоры, браслеты из известняка и пряслица с орнаментом в виде крестообразной фигуры. В пещере Бин-ка в Среднем Тонкине найдены плечиковые, а также прямоугольные по очертаниям топоры, кинжалы и копья из темного шифера, имеющие много общего с приморскими шиферными изделиями. Они представляют собой такие же плоские подтреугольной формы клинки с характерным стержнем посредине лезвия и своеобразными рукоятками.

И, наконец, самый яркий памятник культуры плечиковых топоров юго-востока Азии представлен пещерой Зомрон-Зен, обнаруженной в провинции Компон-Зен на побережье Аннама. Здесь найдены отложения типа раковинных куч толщиной около 6 м. В третьем сверху культурном слое, с которого и начинается собственно раковинная толща, было найдено много плечиковых топоров, костяные пластинки с отверстиями (панцирь?), глиняные ушные кольца, обломки керамики с меандровым узором, кости свиньи и собаки. Эти же находки характерны и для Приморья эпохи раковинных куч.

Таким образом, бесспорно сходство культур. Однако это сходство совсем не означает, что культуру раковинных куч Приморья следует выводить из Индо-Китае, Бирмы и Аннама. Нужно подчеркнуть особую роль культуры земледельческого неолита долины р. Хуанхэ, принадлежавшей древнейшим китайским племенам. Культурно-исторический процесс шел на этой территории значительно быстрее. Эта культура оказывала мощное воздействие на соседние районы. Племена территории Советского Приморья и юго-восточных районов Азии одинаково заимствовали от китайцев такие вещи, как плечиковые топоры-мотыжки, прямоугольные в сечении топоры и т. д.

Очень может быть, что имело место и прямое распространение части южных племен на север. Как далеко распространялось это южное влияние, мы видим теперь по новым находкам в бухте Тетюхе. Не исключено, что подобные памятники будут обнаружены и еще севернее, по направлению к устью р. Амура.

⁶ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии до н. э., стр. 89—90.

⁷ R. Heine-Heldern. Ein Beitrag zur Chronologie des Neolithikums in Südostasien. Festschrift publ. d'hommage offerte au P. W. Schmidt. Wien, 1928, стр. 810—842.

⁸ O. Menghin. Zur Steinzeit Ostasiens, стр. 908—942.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПРЕДГОРЬЯХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ДАГЕСТАНА

Среди археологических памятников Дагестана, открытых за последние годы, значительное место занимают древние наскальные изображения.

К сожалению, до сих пор опубликовано только несколько групп изображений на скалах у с. Капчугай Буйнакского района¹ и отмечен факт открытия изображений у с. Лучек Рутульского района². Сейчас известны находки наскальных рисунков у с. Чирката (М. И. Исаков) и с. Миатлы на р. Сулак (В. И. Канивец).

В настоящее время доисследованы многочисленные ущелья с изображениями у с. Капчугай, а также обнаружены и новые пункты с рисунками на скалах.

Ниже приводится описание изображений.

Наскальные изображения у с. Капчугай

В 2,5—3 км к северу от с. Капчугай, по левому берегу р. Шура-Озень, у кутана, протянулись с востока на запад скалы белого чокракского песчаника. Южная (отвесная) сторона этих скал украшена 13 группами изображений.

1-я группа. Условное изображение оленя с ветвистыми рогами (размеры 25 × 13 см); нанесено тонкими линиями (рис. 1, а). Несколько ниже — всадник на коне. Конь оседлан. Изображение исполнено четкими линиями (рис. 1, б). Между этими изображениями много знаков женского пола (vulva) и стершихся рисунков.

2-я группа (западнее предыдущей на 200—220 м). Скала покрыта желтоватым «загаром» (корой выветривания). От группы сохранились изображения двух животных.

3-я и 4-я группы (западнее предыдущей на 20 м, рисунки на скале, покрытой коричневым загаром) состоят из линий в различных комбинациях и изображения крупного животного, перепрыгивающего через «часть-кол». Возможно, сцена должна символизировать охоту (рис. 1, в). Размеры рисунка 32 × 21 см.

5-я группа (западнее предыдущей на 15 м) занимает площадь 2,3 × 1,75 м. В этой группе трижды повторяется сцена, символизирующая охоту на животных — лук со стрелой, направленной на животное. Этот мотив уже известен для Капчугая по правобережным изображениям³.

¹ М. И. Исаков. Новые археологические находки в Дагестане. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951; В. И. Марковин. Наскальные изображения в Дагестане. Изв. Всесоюз. географич. об-ва, т. 85, вып. 2, 1953, стр. 209—212; е го ж е. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954 (В этих работах даны описания изображений только по правому берегу р. Шура-Озень, у Капчугая).

² Хроника. Изв. Всесоюз. географич. об-ва, т. 85, вып. 2, 1953, стр. 239.

³ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай..., стр. 331, рис. 7.

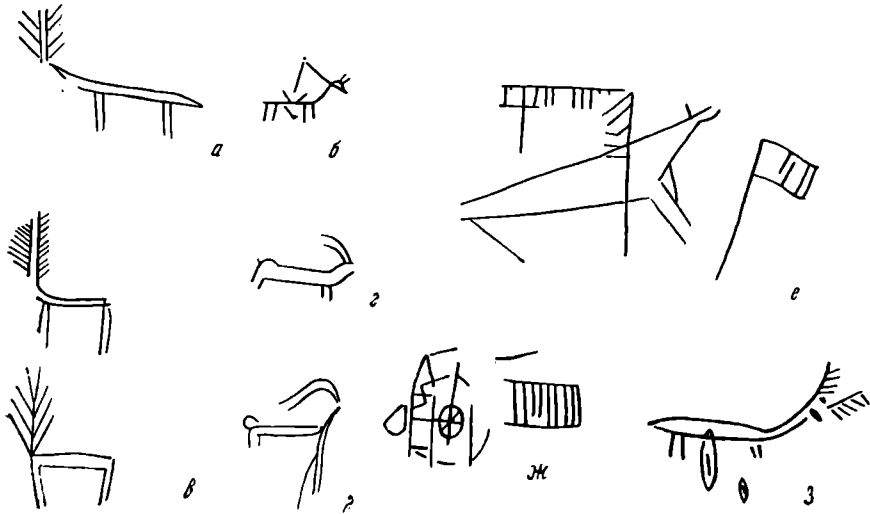

Рис. 1. Наскальные изображения

а, б, г, е — с. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень, скалы у кутана; в, д, ж — с. Ленин-Кент; з — г. Буйнакск, скалы «Кавалер-Батареи»

Группа завершается округлыми фигурами, соприкасающимися друг с другом. Они имеют общую ось, внутренние перегородки и напоминают изображения построек (гагга) на скалах мыса Горн в Африке⁴. Возможно, и здесь изображены жилые и хозяйственные сооружения.

6-я и 7-я группы (западнее предыдущей на 7—8 м) расположены одна над другой. Верхние изображения (группа 6) более древние — сильнее выветрились и попорчены сколами. Исполнена эта группа в основном прямыми линиями. Изображены всадники, охотящиеся на оленей

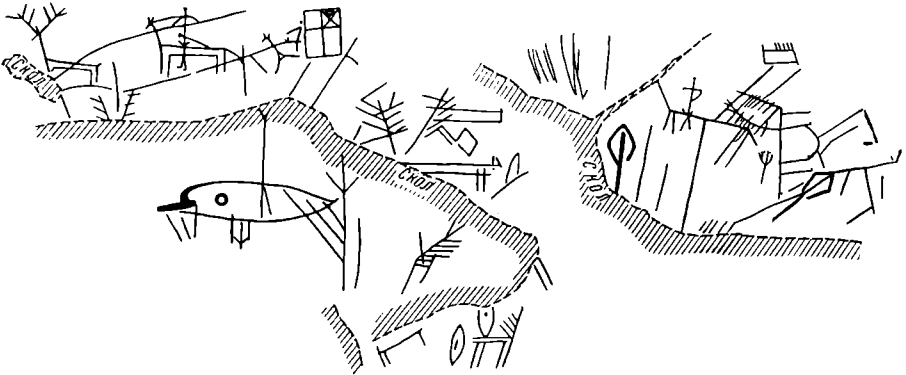

Рис. 2. С. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень (изображение на скале у кутана)

с копьями в руках. После того как часть скалы с изображениями группы 6 обломилась, были нанесены рисунки группы 7 (рис. 2): линейные начертания и изображение рыбы или животного, напоминающего дельфина (размеры его 35 × 27 см).

Слева от «рыбы» и под ней — позднейшие арабские надписи и рисунок квадрата.

⁴ Y. D. Clark. The Prehistoric Culture of the Horn of Africa. Cambridge, 1954, табл. 28, сер. 2, 13.

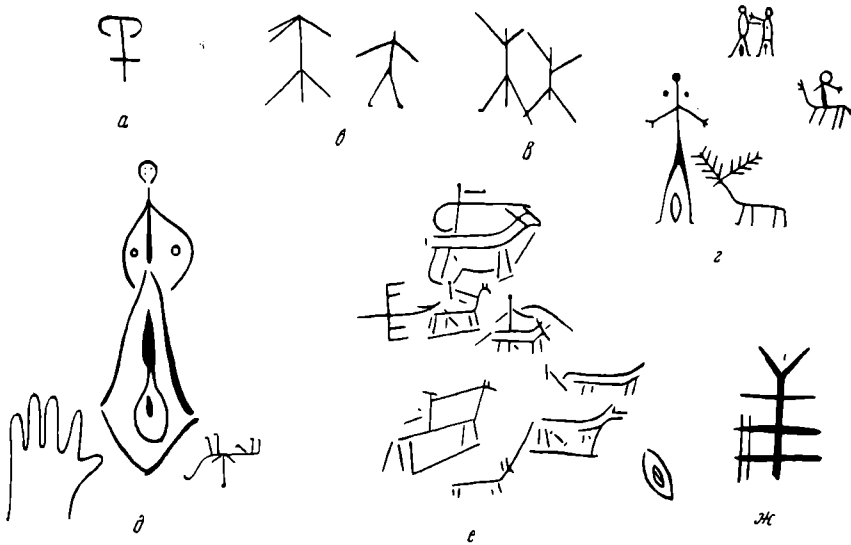

Рис. 3. Наскальные изображения

а, б, г, д — с. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень, скалы у кутана; е, ж — с. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень, гряда скал под кутаном; ж — с. Ленин-Кент, отрог А восточной части хребта Нарра-Тюбе, гряда скал

8-я группа (западнее на 100 м) состоит из схематических фигур оленей, двух всадников и нераспознаваемых животных. Завершает эту группу тамгаобразное изображение, возможно, стилизованная фигура человека (рис. 3, а). Близкие по типу рисунки человеческих фигур мы находим среди енисейских писаниц⁵, изображений на скалах Акмолинской области (Тургай)⁶, на сосуде из с. Саргатка Омской области⁷ и т. д.

9-я и 10-я группы (рис. 4) следуют сразу же за 8-й группой. Наиболее древними являются фигуры отдельных оленей и других животных, сцены охоты на оленей. Эти рисунки выступают на фоне скалы слабее других, их контуры покрылись загаром. Прямо поверх животных

Рис. 4. С. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень (изображения на скале у кутана)

врезан прямоугольник с вписанными в него еще двумя прямоугольниками, разделенными прямыми и наклонными линиями на части (размеры первого 38 × 30 см). Слева повторяется подобная фигура (размеры 20 × 15 см).

⁵ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. Тр. секции археологии РАНИОН, т. V, 1930, стр. 92—93, рис. 1, 2.

⁶ В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Тр. ГИМ, вып. I, 1926, стр. 48, рис. 16.

⁷ В. П. Левашова. Два сосуда из курганов Омской области. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 87, рис. 42.

Наиболее близкой аналогией этим изображениям являются знаки на кирпичах Цимлянского левобережного городища, которое было обитаемо в IX—XII вв.⁸ Обломок камня с таким же знаком был найден на Маяцком городище⁹. Н. Е. Макаренко считает подобные изображения знаками собственности¹⁰. М. И. Артамонов склонен придавать им магическое значение¹¹. Знаки, близкие по характеру нашим, С. П. Толстов считает изображениями общинного дома, которые символизировали обращения к духам-хранителям рода¹².

Подобный знак мы находим на так называемом «камне Степана» из Калининской области — межевом камне XI—XIII вв.¹³, где этот знак изображал, вероятно, земельные участки.

Таким образом, капчугайские прямоугольные начертания, близкие упомянутым, можно датировать тем же временем, т. е. X—XIII вв. н. э. По смыслу мне кажется возможным придать им охранное значение, значение апотрапея-оберега, тем более, что между ними помещено изображение лабиринта подковообразной формы. Оно исполнено в той же технике, что и прямоугольные знаки, так же нанесено поверх животных и несколько напоминает лабиринт в Махческе (Сев. Осетия). Однако оно не может быть отнесено ко времени Махчешского лабиринта, которое предшествует кобанской культуре¹⁴. Это изображение отличается и от Капчугайского лабиринта, находящегося в первой ложине по правую сторону р. Шура-Озень и связанного с древнейшими изображениями¹⁵. Описываемый лабиринт близок средневековому изображению лабиринта в мечети аула Хурюк (Табасарань, Дагестан), нанесенному для того, «чтобы нечистая сила не вошла в храм»¹⁶. Изображения лабиринтов наносились в горной Аварии на деревянную посуду¹⁷ и на жилые помещения (например, дом Саадуева, из с. Кванада Цумадинского района ДАССР). Последнее делалось с целью магически оградить свой дом от нежелательных вторжений¹⁸. Вполне вероятно, что в средние века и здесь, у капчугайских скал, находились жилые постройки, тем более, что неподалеку прослеживается культурный слой, дающий материалы X—XII вв.

Свободное пространство между данными изображениями покрыто знаками женского пола, арабскими надписями. Среди них часто повторяется известная мусульманская формула: «Нет бога, кроме бога, Мухаммед — пророк его» (почерк «несхи»).

В 10-й группе мы видим ту же прямоугольную фигуру.

11-я группа (расположена несколько западнее). На желто-коричневом загаре скалы нанесено изображение фигуры козла. Его размеры 13 × 13 см (рис. 1, г). Ниже в более условной манере дана сцена охоты, занимающая площадь в 75 × 50 см (рис. 5, а). Над этими изображения-

⁸ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, Л., 1935, стр. 94 и сл., рис. 39, 141—143.

⁹ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, вып. 43, СПб, 1911, стр. 33, рис. 38, 10.

¹⁰ Там же, стр. 33.

¹¹ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 105; его же. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 142.

¹² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 73—74; его же. К вопросу о протохорезмийской письменности. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 40—41.

¹³ П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1951, стр. 61, рис. 31.

¹⁴ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 65, рис. 24.

¹⁵ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 333, рис. 10.

¹⁶ А. С. Башкиров. Петрография Аварии. Тр. секции археологии РАНИОН, т. V, 1930, стр. 130, табл. XI, рис. 3.

¹⁷ А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 1, Л., 1927, стр. 31, 44 и сл., рис. 10, 25, табл. 1.

¹⁸ Н. Б. Бакланов. Архитектурные сооружения Дагестана. Сб. «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии». М.—Л., 1939, стр. 22; А. С. Башкиров. Ук. соч., стр. 129.

ми на свежем обломе скалы имеются арабские надписи, рисунок кремневого пистолета и ножа.

12-я группа (в 4 м западнее, на коричневом загаре). Сцена охоты на пасущихся животных; всадник с копьём приближается к животным, наклонившим головы. Размеры всадника с копьём 38 × 18 см (рис. 5, в).

13-я группа (в 35 м западнее). Изображения разновременны. Наиболее древним является полустершийся линейный рисунок оленя (38 × 35 см); ниже идут более сохранившиеся фигуры мужчины и женщины,

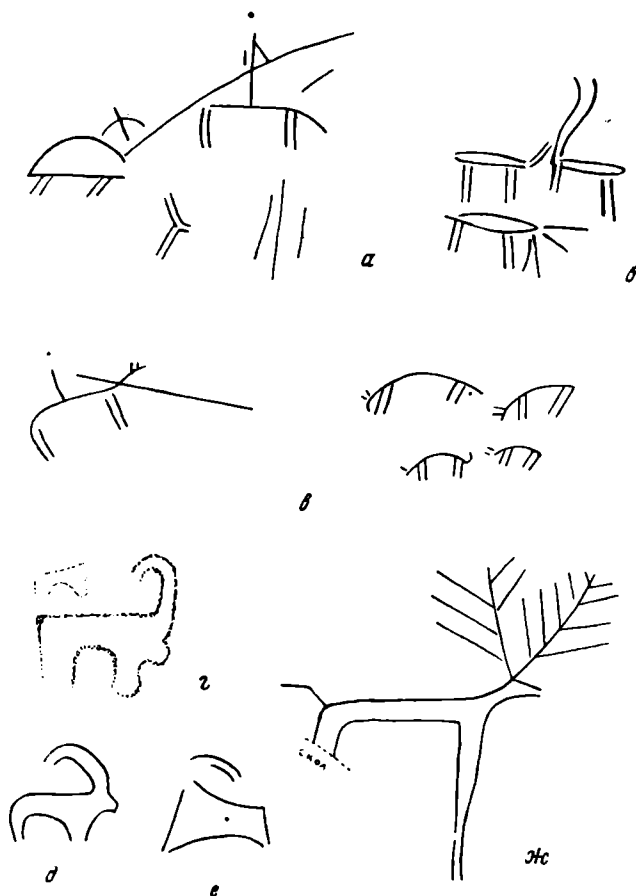

Рис. 5. Наскальные изображения

а, в — с. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень, скалы у кутана; б — с. Капчугай, правый берег р. Шура-Озень; г, ж — с. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень, гряды над кутаном; д — с. Кумторкала, каньон у хребта Нарра-Тюбе; е — г. Буйнакск, скала «Кавалер-Батарей»

протягивающих друг другу руки. Знаки пола помещены между ногами. Близкий этому способ отличить мужчину от женщины известен в живописи папуасов Новой Гвинеи¹⁹.

Далее следует схематическое изображение всадника, фигура женщины и олень с ветвистыми рогами. Размеры оленя 18 × 16 см (рис. 3, г).

Справа дан крупный рисунок женской фигуры (58 × 13 см) с грудями, намеченными в виде кружков и крупным изображением знака пола (рис. 3, д)²⁰. Под этой фигурой изображены два всадника, они повернуты головами вниз (рис. 3, е). Ниже дано сравнительно позднее изображение правой руки (рис. 3, з). Рука — знак пяти чтимых шиитами святых:

¹⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений, т. III. ч. I, 1951, стр. 99.

²⁰ Это изображение ныне почти уничтожено жителями кутана.

Мухаммеда, Фатмы, Али, Хасана и Хусейна. Этот знак часто встречается на азербайджанских надгробиях. Дагестанцы в основной своей массе являлись суннитами, и у них знак «рука» выступает часто как охраняющий жест от всякого зла. С этой целью он ставится у порога дома, у родников (родник с отпечатками руки на стене есть и у Капчугая). С таким

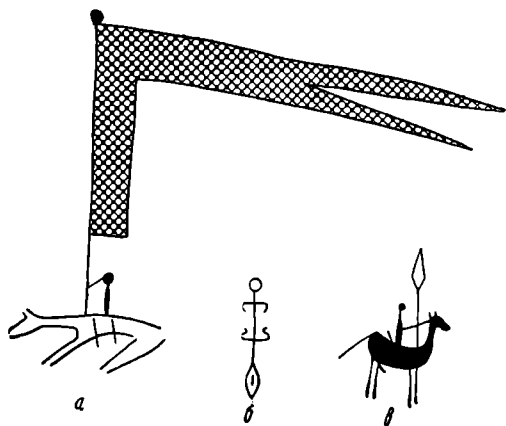

Рис. 6. Наскальные изображения

а — с. Капчугай правый берег р. Шура-Озень, лощина II, скальная стена; б — с. Ленин-Кент, отрог В западной части хребта Нарра-Тюбе, скала у кутана; в — с. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень, гряда над кутаном

смыслом «рука» выступает в петроглифике аварцев²¹. Изображение руки на Кавказе известно в широких хронологических пределах²². Этот знак широко распространен и за пределами Кавказа (например, в Израиле)²³.

Над всей этой группой помещено изображение всадника на коне, с копьём, поднятым вверх. Наконечник копья ромбовидной формы. Изображение выполнено плавными линиями с выборкой внутренней части (рис. 6, в).

Это изображение близко рельефным изображениям всадников на памятнике из Эльхотого (Кабарда), датируемого XVI в. н. э.²⁴ и некоторым рельефам из аула Кубачи (Дагестан)²⁵.

Между скалами с 1-й и 2-й группами изображений и далее, к западу, на огромную площадь (более 300 м в длину) простираются зольные слои с массой обожженных костей, но без керамики.

Всего насчитывается шесть слоев (в некоторых местах — семь). Толщина каждого слоя 10—25 см. Нижние слои прослеживаются на глубине 1,5—1,8 м, отдельные зольные прослойки — даже на глубине 3 м. Зольные прослойки найдены и под огромными обвалившимися скалами. Среди золь, углей и костей встречаются ошлакованные комки песчаника. Вероятно, здесь в течение длительного времени разводились мощные костры, возможно носившие ритуальный характер. Здесь была найдена только одна кремневая поделка-вкладыш от составного орудия.

Описанная гряда скал на юго-востоке прорезывается руслом р. Шура-Озень и переходит на ее правый берег. Здесь имеются одиночные изображения оленя и, в 300 м восточнее реки, групповое: козел (размер 21 × 50 см) и две ланки (?). Рисунки сделаны очень примитивно, по желтому загару и плохо сохранились (рис. 5, б).

Левобережная часть скал у кутана с северной стороны переходит в плоскогорье. На нем расположена в 200—250 м к северо-западу от кутана группа огромных скал (увалов). Первый (восточный) увал с южной стороны украшен изображениями двух животных и перекрещивающимися линиями. Нанесены они по коричневому загару и занимают площадь в 110 × 40 см²⁶.

²¹ А. С. Башкиров. Ук. соч., стр. 131.

²² А. А. Миллер. Краткий отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. Изв. РАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 36.

²³ E t m a n u e l A n a t i. Rock engravings in the central Negev. Archaeology, т. 3, № 1, New-York, 1955, стр. 39.

²⁴ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, стр. 34, табл. X.

²⁵ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана (резные камни). М., 1931.

²⁶ Близкие по типу изображения см. на рис. 9.

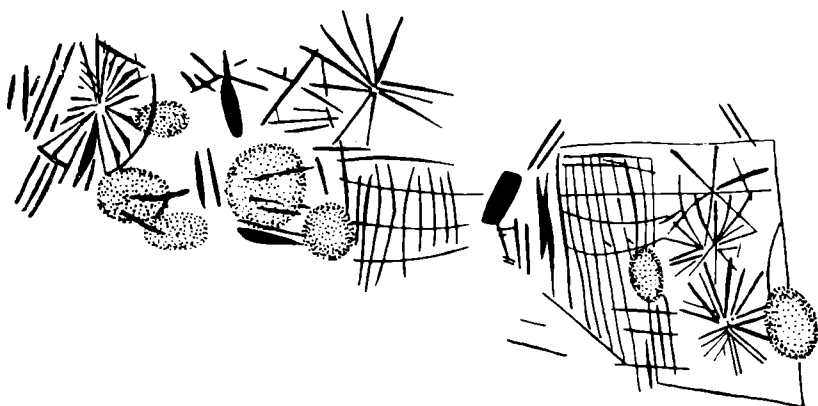

Рис. 7. С. Капчугай, левый берег р. Шура-Озень, изображения на гряде скал над кутаном

Наибольший интерес в этой группе представляют пересекающиеся линии. Эти начертания по своему характеру близки палеолитическому искусству — изображениям на скальных навесах Мгвимеви (Грузия)²⁷, на потолках гротов Днепропетровской области («Каменная могила»)²⁸. Но капчугайские линейные начертания, как и рисунки животных, не могут быть датированы палеолитом: они не сохранились бы до наших дней, будучи нанесенными на довольно мягкий песчаник²⁹. Подобные линейные начертания на скалах встречаются на Кавказе и в эпоху бронзы (станция Даховская, Краснодарский край)³⁰. На территории Дагестана мы их находим недалеко от Капчугая — в с. Ленин-Кент (см. ниже). Вероятнее всего, их надо понимать как счетные знаки, служившие своеобразной записью количества убитых животных и т. д.

Изображения второго увала (расположен западнее первого) попорчены обвалом. Сохранилось несколько рисунков животных и пять круглых углублений.

Третий увал имеет линейные начертания и два углубления.

В 700—800 м к западу от кутана выступает гряда скал. На восточной скале имеются изображения, занимающие площадь в 250 × 50 см: счетные знаки, антропоморфные изображения (рис. 3, в), лучи, выходящие из центра — возможно, солярные знаки (рис. 7). Они нанесены острым оружием на искусственные округлые углубления.

Несколько западнее обнаружены отдельные рисунки. Интересен тур, исполненный пунктиром. Его размеры 18 × 18 см (рис 5, г). Под этой грядой была найдена керамика, орнаментированная наlepным валиком с врезами, зашипами, и керамика с грубой обмазкой по поверхности (напоминает керамику каякентско-хорочосвской культуры первой половины I тысячелетия до н. э.). Среди кремневого материала выделяются вкладыш микролитического типа и скребок. В целом этот материал не отличается от найденного ранее по правому берегу р. Шура-Озень.

Несколько южнее тянется еще одна гряда с пятью группами изображений.

²⁷ С. Н. З а м я т н и н. Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры (Грузия). СА, III, 1937, стр. 70, рис. 9, А, В.

²⁸ О. Н. Б а д е р. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА, № 2, 1941, стр. 131 и сл., рис. 5, 11, 12; М. Я. Р у д и н с к и й. «Каменная могила». КСИА, вып. I, 1952, стр. 29, рис. 10; В. М. Д а н и л е н к о. Про наскальні зображення Кам'яної могили. Археологія, IV, Київ, 1950, стр. 80, рис. I (Автор считает надгробные знаки оградами).

²⁹ С. Н. З а м я т н и н. О первоначальном заселении пещер. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 58.

³⁰ Е. Д. Ф е л и ц ы н. Западно-Кавказские дольмены. МАК, вып. 9, 1904, стр. 38, таблица.

1-я группа. Длинноногая фигура оленя с ветвистыми рогами и неясные штрихи (на коричневом загаре). Размеры оленя 39×42 см (рис. 5, ж).

2-я группа (восточнее на 23—25 м). Изображения на слабом загаре: всадники, отдельные животные, знаки женского пола. Общая площадь изображений 100×75 см (рис. 3, е).

3-я — 5-я группы (восточнее на 150 м; на желтом загаре). Изображения оленей и всадников (напоминают рисунки 2-й группы), человеческие фигуры (некоторые с обозначением пола), знаки в виде клеток, углов и т. д.

В 2,5 км к западу от с. Капчугай имеется скала с изображением туров, всадников и пр. Скала стоит рядом с огромным утесом, доминирующим над всей местностью.

Нам уже приходилось подробно останавливаться на примерной датировке наскальных изображений правобережной части Капчугая³¹. Описанные выше рисунки на скалах левого берега р. Шура-Озень выполнены в той же манере, что и правобережные: путем гравирования по скале и точечными ударами — пунктиром (изображение тура; рис. 5, з). Вместе с тем рисунки левобережной части Капчугайских ущелий более разнообразны по мотивам и явно разновременны. Об этом свидетельствует сильная выветренность изображений, характер загара скалы и самих изображений. Появление загара — коры выветривания на горной породе — связано с химическими изменениями в породе при высокой температуре воздуха и требует определенного времени. Породы одного и того же химического состава в зависимости от длительности этого процесса получают на поверхности разную по силе окраску — загар³².

В Капчугае мелкозернистый белый чокракский песчаник на старых скалах имеет цвет от светло-желтого и почти до черного. Изображения темные, загоревшие, явно древнее более светлых. О разновременности основной массы изображений (помимо уже датированных) свидетельствует и характер их исполнения. Так, рисунки животных, сделанные плавными, округлыми линиями, с попыткой передачи объемности, вероятно, более поздние, так как они напоминают изображения на сосудах из погребений I тысячелетия до н. э. в Азербайджане³³, близки фигурам животных на могильной плите VII в. до н. э. из того же Азербайджана³⁴. О том, что среди наших изображений следует искать рисунки I тысячелетия до н. э., свидетельствует и керамика с грубой обмазкой, аналогичная керамике каякентско-хорочоевской культуры. Вместе с тем отмеченная условная манера в изображении животных, сцен охоты и других начертаниях продолжает жить и в средневековье, приобретая, правда, еще большую округлость в контурах, орнаментальность и утрировку отдельных частей (огромное копые в руках человека, человек больше коня и т. д.). Таковы изображения в склепах Северного Кавказа³⁵, средневековая петроглифика у аварцев, ранние рельефы Кубачей. Все это затрудняет разбор нашего материала и его четкую датировку.

В целом основную массу описанных изображений, находящихся по левую сторону р. Шура-Озень, мы склонны датировать II тысячелетием до н. э., т. е. тем же временем, что и правобережные изображения Капчугая³⁶. Этому не противоречит и подъемный материал. Однако, учитывая

³¹ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 340 и сл.

³² В. А. Обручев. Основы геологии. М.—Л., 1947, стр. 78.

³³ А. А. Спицын. Археологические исследования Э. А. Рёслера в Елисаветпольской губернии в 1901 г. ИАК, вып. 12, СПб., 1904, стр. 44—45, рис. 4, 6; Я. Н. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, рис. 43 и сл., рис. 6, 7, 11, 16 и др.; А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, М., 1911, табл. XIV.

³⁴ И. М. Джафарзаде. Археологические разведки на Апшероне. Изв. АН АзССР, № 6, Баку, 1948, стр. 90—91, рис. 2.

³⁵ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции, стр. 35, 36, рис. 15.

³⁶ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 342.

их разнохарактерность, а также находки керамики с обмазкой, некоторая их часть может быть отнесена и к I тысячелетию до н. э. и может быть приписана творчеству носителей каякентско-хорочоевской культуры. Четкое разграничение изображений по времени — дело будущего. Большую помощь в этом оказали бы раскопки культурного слоя у скал с изображениями, раскопки могильника (каменные ящики), курганов с кромлехами, находящихся над кутаном, и кромлехов, расположенных по левую сторону р. Шура-Озень, у моста.

Наскальные изображения у с. Ленин-Кент (Махачкалинский район)

С. Ленин-Кент расположено у Нарра-Тюбинского хребта, тянущегося с северо-запада на юго-восток. Сразу же за аулом (с южной стороны) начинаются скалистые отроги хребта. Условно отроги можно разделить на восточные и западные; границей между ними служит понижение, по которому проходит шоссе Махачкала — Буйнакск.

*Изображения на скалах восточной части отрогов*³⁷. Отрог А расположен рядом с указанным шоссе. Изображения, нанесенные с южной (отвесной) стороны, образуют шесть групп.

1-я и 2-я группы (на желтом загаре). Изображены: тур с длинными передними ногами (его размеры 15×20 см; рис. 1, д); счетные знаки; геометрические начертания (среди них выделяется знак в виде развилки; рис. 3, ж); знаки женского пола; широкие углубленные линии — возможно, от зашлифовки орудий.

3-я группа (в 45—50 м восточнее) находится в небольшом гроте (длина его 4,85 м, ширина у входа 3,78 м, наибольшая высота 1,78 м). Потолок грота закопчен. Вход с запада. Изображения счетных знаков и животных размещены на уступе северной стороны.

4-я группа (восточнее на 100—120 м; на темно-коричневом загаре). Изображены двурогое животное и геометрические начертания.

5-я группа (в 70—80 м восточнее) состоит из знаков женского пола.

6-я группа находится у моста через овраг. Изображения квадратов, знаков женского пола, кругов.

Под этой группой обнаружен размытый культурный слой, керамика из него аналогична капчугайской.

Среди кремневого материала, также напоминающего капчугайский, необходимо отметить скол клиновидной формы со следами работы, нуклеус в виде диска, обломок пирамидального нуклеуса, вкладыш из ножевидной пластинки и обломок скребка.

Отрог Б простирается с северо-запада на юго-восток и обрамлен в северо-западной части двумя параллельными грядами скал. Западная гряда не имеет изображений, восточная украшена семью группами рисунков.

1-я группа (в расщелине скалы). Знаки женского пола и геометрические начертания.

2-я группа (юго-восточнее на 20 м; на скале желтого загара). Изображены олени. Рисунки исполнены схематично, но очень выразительно. Общая площадь группы 185×140 см.

3-я группа (рядом с предшествующей; на скале коричневого загара). Рисунки оленей, в отличие от предшествующих, исполнены весьма условно: тела их вытянуты, голова часто не обозначена, рога велики³⁸. Они очень напоминают архаические изображения животных на вазах стила «Камарес» (1900—1500 гг. до н. э.) крито-микенской культуры³⁹.

³⁷ Отрогам даны условные буквенные обозначения.

³⁸ Изображения близкого типа см. на рис. 1, в.

³⁹ Georg Wilke. Südwesteuropäische Megalithkultur and ihre Beziehungen zum Orient. Würzburg, 1910, стр. 86, рис. 78.

Рисунки данной группы по манере исполнения, по характеру загара, вероятно, древнее рисунков предшествующей группы.

4-я и 5-я группы (несколько западнее) сильно выветрились: едва различимы фигуры отдельных животных.

6-я группа — на скале почти черного загара. Среди животных (олений, коз) изображен человек с луком. Туловище его дано в фас, лицо в профиль, ноги расставлены, правая рука держит стрелу, в левой — лук. Высота человека 27 см, размах рук с луком — 25 см. Ниже фигуры человека выбито углубление с отходящими от него лучами (рис. 8). Общая площадь рисунков 115 × 95 см.

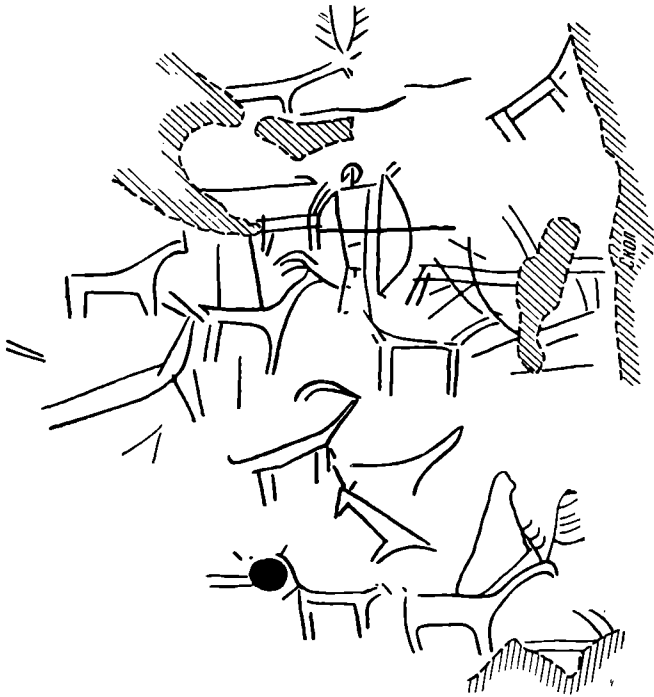

Рис. 8. С. Ленин-Кент, изображение на скале отрога Б восточной части хребта Нарра-Тюбе

7-я группа. На отдельной скале изображены знаки женского пола в виде ромбов с точками.

Под этой грядой обнаружена лепная керамика без орнамента. На скалах, возвышающихся на юго-восточном крае того же отрога, обнаружены изображения женских знаков и знак в виде лука со стрелой.

Скалы отрога В с очень крутыми склонами не имеют изображений. На северо-западных скалах отрога Г имеются две группы изображений.

1-я группа. На скале коричневого загара на высоте 2,7—3 м изображены счетные знаки; длина их 85 см. Справа — трапециевидная комбинация знаков размером 28 × 20 см (рис. 9).

2-я группа находится рядом с первой. Рисунок в виде зигзага и овала, заключенного между двумя параллельными линиями.

Отрог Д имеет на гребне 14 скал. На некоторых из них изображены знаки женского пола и геометрические начертания.

Крайняя, восточная скала имеет знаки женского пола, древовидное изображение, геометрические начертания и массу арабских надписей (самая ранняя из них 1112 года хиджры, т. е. 1690—1691 гг. н. э.).

С юго-восточного края эта скала образует навес, в котором найдены изображения знаков женского пола и изображения в виде незаконченной

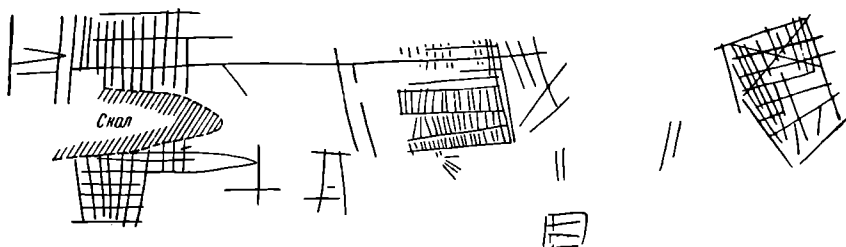

Рис. 9. С. Ленин-Кент, изображение «счетных знаков» на скале отрога Г восточной части хребта Нарра-Тюбе

буквы Ф. Неподалеку от навеса обнаружено чашечное углубление размером $40 \times 35 \times 18$ см. Подобные углубления, по мнению И. М. Джафарзаде, могли служить сосудами для хранения продуктов и даже для варки пищи (с помощью раскаленных камней)⁴⁰. С южной стороны гряды обнаружен культурный слой. Керамика, найденная здесь, аналогична обнаруженной у предшествующих гряд.

Найден обломок сосуда с грубой обмазкой каякентско-хорочоевского типа и, наконец, обломок сосуда с шнуровой орнаментацией, напоминающей керамику из кургана Ярти-тюбе (станция Манас, Карабудахкентского района ДАССР), датированного третьей четвертью II тысячелетия до н. э.⁴¹. Подобная керамика характерна для северо-кавказской культуры эпохи бронзы. Среди кремневого материала необходимо отметить небольшой концевой скребок и обломок черешковой стрелы. Тут же найдены обломок оселка с отверстием и несколько обломков более поздней посуды.

Изображения на скалах западной части отрогов. Отроги западной части менее высоки, скорее это небольшие всхолмления.

Отрог А имеет три гряды, на восточной нанесены пять групп изображений.

1-я группа обнаружена в 1948 г. и уже опубликована в печати⁴².

2-я группа (западнее на 200 м). Изображения геометрического характера (соляренный знак диаметром в 19 см) и другие начертания (рис. 1, ж). Рисунки нанесены на скалу, покрытую светлым загаром.

3-я и 4-я группы (несколько западнее) состоят из одиночных изображений оленей с ветвистыми рогами (размеры 34×25 см) и более поздних антропоморфных начертаний.

5-я группа (у поворота гряды к аулу Ленин-Кент). Сохранилось одиночное изображение бегущего рогатого животного. Под этой грядой были обнаружены обломки лепной посуды, скребло и пирамидальный нуклеус серого кремня. Скалы отрога Б рисунков не имеют. По отрогу В (расположен у кутана) проходят мощные гряды скал, украшенные одиночными знаками женского пола и линейными начертаниями.

Гряда, примыкающая к постройкам кутана, дает две группы антропоморфных изображений. Нанесены они на скальную стену темно-коричневого загара. За этой грядой, севернее, находится мощная линия скал с шестью группами изображений.

1-я группа (на обвалившейся скале). Изображение в виде перечеркнутой арабской буквы «лал» (размеры $20-25 \times 10-15$ см).

2-я группа (на скале почти черного загара). Изображения в виде

⁴⁰ И. М. Джафарзаде. Следы древнейшей культуры человека на территории Азербайджана. Сб. статей по истории Азербайджана. Баку, 1949, стр. 21 и сл.

⁴¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. КСИИМК, вып. XIV, 1952, стр. 86—88, рис. 36, 17; Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (автореферат кандидатской диссертации). М. 1953, стр. 7.

⁴² В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 339, рис. 19.

лестницы, многоногих животных, оленей, всадников. Общая площадь рисунков 100×60 см.

3-я — 5-я группы расположены рядом. Изображения сильно выветрились, сохранились только архаические изображения оленей. Они имеют непропорционально большие рога, тела их угловаты (размеры от 25×38 см до 29×60 см; рис. 1, в). Эти изображения покрыты сверху арабскими надписями, изречениями из Корана, обрывками орнаментальных поясов, стилизованными изображениями женских фигур со знаком женского пола (рис. 6, б). Это позднейшее творчество, многие даты даны в летосчислении хиджры и относятся даже к началу XX в.

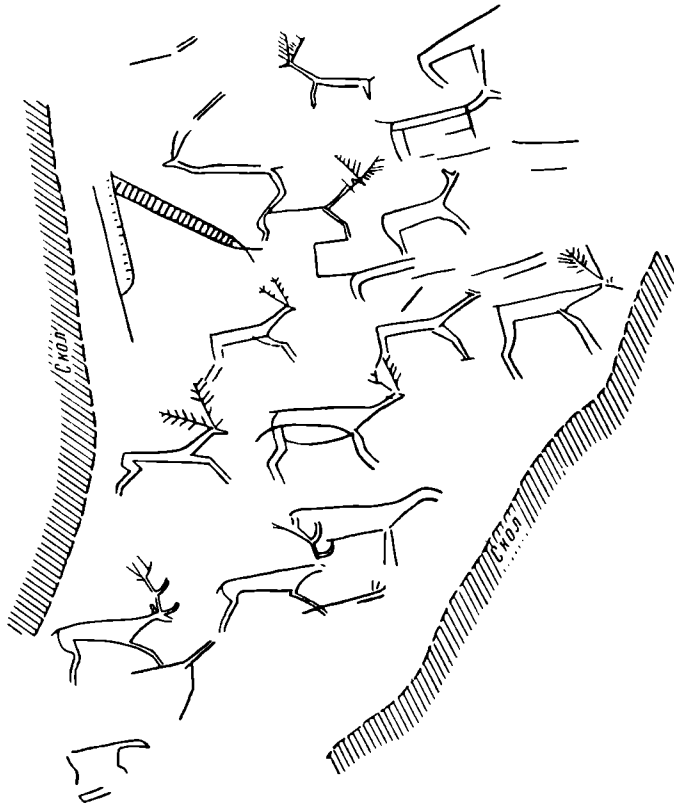

Рис. 10. С. Ленин-Кент, изображение оленей, гряда скал отрога
В западной части хребта Нарра-Тюбе

Последняя мощная гряда скал, высоко поднявшаяся над еле заметным повышением отрога, с восточной стороны украшена интересной группой изображений. На желтый загар скалы нанесены фигуры оленей. Верхние рисунки исполнены схематично, нижние — тонко реалистически. Олени бегут вправо, у них отмечены изгибы ног, хорошо подмечены характерные очертания рогов. Рисунки исполнены довольно острым орудием и четко выделяются на фоне скалы. Размеры их варьируют от 18×15 см до 23×18 см (рис. 10).

Данные изображения оленей находят довольно близкие аналогии в рисунках оленей на двух сосудах из Ставрополя и Нальчика, датируемых VI—V вв. до н. э.⁴³ и среди изображений крашеной керамики Нахичевани⁴⁴. Рисунки оленей на сосудах, как и изображения на скалах, несут

⁴³ А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2, стр. 17, 18.

⁴⁴ А. А. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, IV, 1937, стр. 255, рис. 4.

явные следы влияния скифского искусства. Данные изображения также можно датировать VI—V вв. до н. э.

Слева, среди оленей этой группы, нанесено широким тупым орудием изображение флага в виде угла. Полотнище его заштриховано, конец флага раздвоен. Подобное изображение флага в руках всадника обнаружено в Капчугае, на правой стороне р. Шура-Озень, во второй лощине (рис. 6, а) и относится к позднему средневековью; на Кавказе известно в довольно позднее время употребление жреческого шеста с флагом во время ритуальных церемоний⁴⁵.

В Дагестане, в аварском с. Чох, с флагом (дайрах) проводились особые ритуальные действия, связанные с земледельческим культом⁴⁶. Белые флаги часто и сейчас устанавливаются на могилах почитаемых людей.

Под описанными грядками скал, к сожалению, не были обнаружены культурные остатки, но в с. Ленин-Кент, среди выдува на главной улице, были найдены кремневые обломки, среди них два скребла, вкладыш из ножевидной пластинки с ретушью и пр.

Тут же у школы, в глубокой яме (выборка глины) в срезе прослеживается культурный слой в виде зольной прослойки толщиной в 10—20 см на глубине 20—80 см от поверхности. Можно предположить, что здесь обитало население, оставившее основную и древнейшую часть изображений. По манере исполнения и тематике настоящие изображения мало чем отличаются от капчугайских. Подъемный материал также в основном соответствует капчугайскому. Это дает право датировать древнейшую часть ленин-кентских изображений тем же временем, т. е. II—I тысячелетиями до н. э. Наскальные изображения у Ленин-Кента, как и в ущельях Капчугая, находятся за хребтом Нарра-Тюбе и связываются с плоскостью перевалами и широким руслом р. Шура-Озень. На одном из перевалов горы Уллуюик была найдена грубая лепная посуда с валиками того же типа, что и у Ленин-Кента⁴⁷.

Такие же курганы с кромлехами, как в Капчугае, мы встречаем на плоскости у Ленин-Кента и далее, к северо-востоку — на Тарнаире у Махачкала.

Как одну из особенностей ленин-кентских изображений надо отметить большее, чем в Капчугае, количество изображений знаков женского пола. Этот знак не может служить основанием для датировки. Мы встречаем его и на древнейших группах рисунков, и на более поздних (рис. 3, д; рис. 6, б), даже в комбинациях с арабскими надписями. Подобные знаки бытуют со времен палеолита⁴⁸. В Дагестане они известны на крепостных стенах г. Дербента и датируются там VII в. н. э. Н. Б. Бакланов определяет их как тавры — знаки каменщиков⁴⁹. М. И. Артамонов эти дербентские знаки считает изображениями, оставленными хазарами⁵⁰. И. И. Мещанинов в знаках, близких данному, и в других геометрических начертаниях склонен видеть пиктограммы — знаки, передающие слова и целые мысли⁵¹.

Эти знаки в древнейших группах рисунков можно рассматривать как знаки плодородия — своеобразные пожелания обилия и благополучия и, в сочетании с фигурами людей и животных, как знаки, указывающие на их пол (рис. 3, г, д).

⁴⁵ Л. П. Семенов. Эволюция ингушских святилищ. Тр. секции археологии РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 456.

⁴⁶ Е. М. Шиллинг. Из истории одного дагестанского земледельческого культа. КСИЭ, вып. 1, 1946, стр. 32—33.

⁴⁷ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 340, рис. 20, 1.

⁴⁸ А. С. Гуцин. Происхождение искусства. М.—Л., 1937, стр. 50, рис. 25; П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 308.

⁴⁹ Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана, вып. III, 1935, стр. 40, рис. 27.

⁵⁰ М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА, VIII, 1946, стр. 137.

⁵¹ И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. Изв. ГАИМК, вып. 62, Л., 1933, стр. 59.

Наскальные изображения близ с. Кумторкала

К юго-востоку от с. Кумторкала, у хребта Нарра-Тюбе, в глубоком каньоне пересохшей речки обнаружены три группы наскальных изображений, нанесенных на скалы, возвышающиеся над каньоном на 35—40 м.

1-я группа (на скале с черно-коричневым загаром). Самые верхние изображения туров нанесены на высоте около 5 м от основания ска-

Рис. 11. С. Кумторкала, изображение на скалах каньона, хребт Нарра-Тюбе

лы; ниже дана сцена охоты на тура: человек с луком, направленным на тура, стоит на возвышении, имеющем ноги (труп животного?).

Несмотря на некоторую условность изображений, характер животных удачно подмечен. Размеры самых нижних туров — 19×25 см и 21×23 см (рис. 11).

2-я группа (северо-восточнее первой; на скале черного загара). На высоте 4 м изображены два оленя и лань. Нижние изображения неопределимы.

3-я группа находится под нишей. Изображены три тура (один без рогов). Размеры рогатых животных 17×18 см, 22×23 см (рис. 5, д).

Под этими скалами была найдена лепная керамика того же характера, что в Капчугае и Ленин-Кенте. Кремневые обломки немногочисленны, аморфны; среди них — обломок ножевидной пластины.

Кумторкалинские рисунки по своему типу не отличаются от изображений Капчугая и Ленин-Кента. Они, как и первые, связаны территориально с хребтом Нарра-Тюбе и вполне могут быть отнесены к кругу уже описанных наиболее древних изображений. Их также можно ориентировочно датировать II—I тысячелетиями до н. э.

Изображения на скалах «Кавалер-Батарей» г. Буйнакск

Центральная и наиболее высокая часть скал, ограничивающая г. Буйнакск с северо-запада, является местом, где обнаружены семь групп изображений. Они расположены на разной высоте (от 75 до 270 см от поверхности склона) и обращены к р. Шура-Озень.

1-я группа. Изображение оленя с ветвистыми рогами (его длина 34 см), двух неясных, полустершихся фигур животных.

2-я группа. Крупное схематическое изображение оленя, нанесенное глубоко врезанными линиями. Большой знак женского пола врезан в фигуру животного. Длина оленя 50 см (рис. 1, з). Выше — неясные изображения животных.

3-я группа. Изображения исполнены врезанными линиями и пунктиром. Наверху угадывается фигура тура (рис. 5, е). В центре его туловища точкой отмечено, по-видимому, самое уязвимое место в теле животного. Подобный прием нам уже известен по капчугайским изображениям⁵².

4-я — 7-я группы состоят из линейных начертаний, фигур оленей в разных позах, трех всадников. Рисунки исполнены очень условно.

Поверх всех этих изображений идут десятки различных позднейших надписей и рисунков. Находок под скалами сделано не было, так как культурный слой перетоптан и смыт. Изображения на «Кавалер-Батарее» по манере исполнения и тематике мы имеем полное право сопоставить с описанными ранее и датировать тем же временем.

* * *

Рассмотрев изображения у с. Капчугай, Ленин-Кент, Кумторкала и г. Буйнакск, мы можем по тематике и по степени реалистического воспроизведения изображаемого разделить их на два типа:

1. Прimitивные изображения, исполненные только одними линиями, почти без попытки передачи объемности тела и особенностей животного (рис. 1, в; 5). К этому же типу можно отнести рисунки линейной техники и знаки плодородия (женского пола). Эти изображения с трудом поддаются расшифровке.

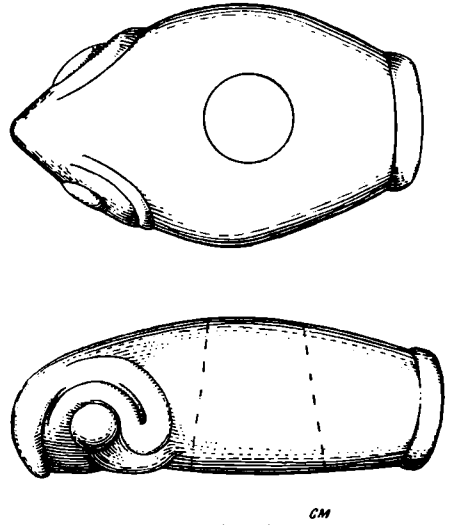

Рис. 12. Фигурный молот из Дагестанского музея (г. Махачкала)

⁵² В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 332—333, рис. 10.

2. Реалистические изображения людей и животных (рис. 3, *г*; 5, *г* — *е*; 8; 10 и др.). Имеется ряд изображений, по стилю занимающих промежуточное положение: олени, туры и пр. (рис. 1, *а*; 3, *е* и др.).

Необходимо отметить тот факт, что изображения, как правило, встречаются на скалах, расположенных не очень высоко, имеющих перед собой удобную площадку.

Вероятно, перед изображениями производились какие-то ритуальные церемонии. Все изображения группируются на скалах, стоящих неподалеку от водоемов, родников и речек, куда дикие животные выходили на водопой.

Отсюда можно сделать вывод, что рисунки наносились на скалы не только с эстетической целью, чего нельзя полностью отрицать, но главным образом как магические пожелания счастливой охоты (сцены охоты), пожелания увеличения количества животных (знаки плодородия).

Многочисленные изображения оленей и туров, возможно, свидетельствуют о культе этих животных. Вероятно, такое же магическое значение, связанное с охотой и культом животных, как и наскальные рисунки, имели и фигурные молоты. Один из таких молотов, найденный в Дагестане, хранится в музее г. Махачкала (инв. № 1978). Он близок по типу фигурным молотам Севера, где они связаны с петроглифами и датируются II тысячелетием до н. э.⁵³

Молот из Дагестанского музея сделан из черной магматической породы и тщательно заполирован. Заостренная часть изображает головку птицы; прекрасно передан хищно загнутый клюв. Большие выпуклые глаза обрамлены набухшими веками. Ударная часть выделена небольшим желобком. Сверление коническое, одностороннее. Размеры $9,4 \times 5,3 \times 3,5$ см (рис. 12). К сожалению, подобная находка пока единична для Дагестана, хотя в горной Аварии часты находки бронзовых фигурок людей и животных, относящихся к I тысячелетию до н. э.⁵⁴ Они так же, как и описанные памятники, являются ритуальными предметами.

Дальнейшее изучение наскальных изображений поможет конкретнее представить жизнь древних племен Дагестана.

⁵³ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, вып. IX, 1940, стр. 66 и сл.; его же. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 107, рис. 21, 10.

⁵⁴ И. В. Мегрелидзе, Археологические находки в Дидо. СА, XV, 1951, стр. 291.

**РАСКОПКИ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ ГОРОДА ТЕЙШЕБАИНИ в
1955 — 1956 гг.**

Город Тейшебаини был одним из крупнейших центров, созданных урартами после завоевания плодородной Араратской равнины. Огромное для того времени поселение, расположенное на южном, обрывистом берегу р. Ильдаруни (ныне Раздан), к западу и югу от цитадели, являлось типично городским поселением древневосточного типа, построенным в VII в. до н. э. по всем правилам древнего градостроительства.

Два квартала, раскопанные здесь с 1948 по 1953 г., состояли из отдельных жилищ, имевших по три помещения, одно из которых являлось главным. В главных помещениях всех жилых комплексов располагались глиняные тондыры, прямоугольные каменные очаги и разнообразная утварь. Отличительной чертой этих жилищ являлось отсутствие в них помещений для скота и для хранения сельскохозяйственных продуктов¹.

Изучение материалов из этих кварталов, а также наблюдения, сделанные во время раскопок временных жилищ во дворе цитадели, привели В. С. Сорокина к выводу о том, что упомянутые жилые комплексы принадлежали урартским войнам, охранявшим цитадель. Однако мы не имеем оснований утверждать, что «значительную и основную» часть жителей Тейшебаини составляли именно урартские воины².

Материалы раскопок жилых комплексов, открытых в юго-западной части обследуемого участка городского поселения в 1955—1956 гг., убеждают нас в том, что население Тейшебаини состояло из разных социальных и этнических групп, определявших своеобразный облик урартских городов, служивших не только военно-административными базами, но и мощными экономическими центрами, охватившими в орбиту своего влияния обширные районы Кавказа.

В 1956 г. были вскрыты остатки большого углового дома, расположенного в конце восточного (из исследованных) квартала. В отличие от изученных до сих пор жилищ, дом представлял собою комплекс жилых и хозяйственных помещений, занимавший участок площадью около 360 м² и построенный с соблюдением принципов и особенностей урартской дворцовой архитектуры и строительной техники (рис. 1).

Жилая часть дома, состоявшая из главного и двух второстепенных помещений, располагалась параллельно оси главной улицы, тянувшейся с запада на восток. В главном помещении (около 40 м²) четырехугольной формы пол был выложен плоскими базальтовыми плитами, а каменный столб поддерживал кровлю. С обеих сторон столба располагались типичные для архитектуры крепостей Ирпуни и Тейшебаини низкие приступки-скамьи, выложенные из булыжника и покрытые глиняной обмазкой. Наличие этих приступок оправдывается перестройкой помещения, выразив-

¹ О древнем городе Тейшебаини см. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I, Ереван, 1950, стр. 17; В. С. Сорокин. Раскопки древнего поселения Кармир-блур II. Ереван, 1952, стр. 79.

² В. С. Сорокин. Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту. ВДИ, 1952, № 2, стр. 129.

Рис. 1. «Дом знатного урарта» (вид со стороны жилых комнат)

шейся в разгораживании его по линии столба на две равные части. Первая половина помещения пустовала, в другой находился прямоугольный каменный очаг, около него — обломки большого светлоглиняного сосуда, базальтовая ступа с ладьевидной зернотеркой и глиняный тондыр малого диаметра. У входа второго помещения, занимающего около 20 м², обнаружен подпятник для вертикальной оси деревянных дверей. При расчистке слоя выяснилось, что дверной проем был заложен и перед ним был установлен урартский карас с характерным жгутовидным орнаментом на плечах и треугольными углублениями на корпусе. Глиняный тондыр с ладьевидной зернотеркой был вкопан в угол дверного проема у самого подпятника дверей. У восточной стены стоял лощенный сосуд светло-коричневого цвета, а на полу лежали обломки различных сосудов.

Очевидно, что приспособление этого уголка под хозяйственные нужды было связано с перестройкой жилища. В третьем помещении ничего не оказалось.

Таким образом, жилая часть описываемого здания состояла первоначально из главного и двух второстепенных помещений. По своему облику и основным деталям она соответствовала раскопанному ранее жилищу. В результате дальнейшей перестройки указанный трехкомнатный жилой комплекс путем отгораживания главного помещения от второстепенных был разделен на два жилища с двумя комнатами в каждом³.

Отмеченные детали и особенности большого здания позволяют говорить о едином облике и своеобразии открытых до сих пор жилищ. Однако при изучении здания выявлен ряд весьма важных особенностей, отличающих этот комплекс от всех других. Речь идет не столько о различии в планировке жилищ или о положении главного помещения в отношении общей планировки дома, сколько о наличии в этом комплексе хозяйственных помещений и двора, построенных по типу кладовых цитадели. Это — длинные, узкие, прямоугольные помещения с карасами и ямами хозяйственного назначения. Одна из кладовых (№ 4, раскопки 1956 г.), расположенная вдоль восточного фасада здания (30 м²), имела в свое время два крупных караса урартского типа; в ней находилось также большое коли-

³ Как увидим ниже, наряду с трехкомнатными жилищами в г. Тейшебани существовали также жилища, состоявшие из двух или даже одного помещения.

чество мелких сосудов, раздавленных обвалившимися стенами и кровлей. У восточной стены кладовой была высокая приступка, рядом с которой находился вкопанный в глинобитный пол чернолощенный карас местного типа, украшенный зашипами и двумя рельефными поясками. В дверном проеме северной стены находился большой горшок с вложенными в него мелкими сосудами.

Второе, не доследованное еще помещение (№ 5-1956) примыкало к жилой части здания с запада. По своему устройству и по деталям оно почти не отличалось от складских помещений цитадели-дворца.

Сигарообразный светлоглиняный сосуд (фрагментированный), открытый вместе с двумя раздавленными сосудами в южной части помещения, вполне соответствовал обнаруженным в цитадели «пивным» сосудам, получившим свое характерное название после открытия в некоторых из них остатков фильтра и ячменного солода. Одноручный красный лощеный кувшин также имеет многочисленные аналогии с находками в цитадели. Более интересны сохранившиеся здесь же фрагменты большого кувшина, изготовленного урартским мастером по образцу местных чернолощенных карасов, опоясанных рельефными полосками. На полу помещения было обнаружено огромное количество фрагментов краснолощенных и светлоглиняных мисок и чаш урартского образца, а также обломки базальтовых чаш. Большие зерновые ямы (диаметр 1,3 и 1,8 м), расположенные в центральной части помещения, как бы подчеркивают его хозяйственное назначение. К сожалению, владельцы дома вынули все из этих ям, оставив на дне одной из них лишь простой бронзовый браслет.

Помимо керамических и прочих изделий, в описанных помещениях найдено каменное грузило, костяное остроконечное орудие и накладка из обработанной кости.

Огромный двор здания (№ 6-1956), имевший выход на улицу и связывавший между собою примыкающие к жилой части дома складские помещения, оказался пустым.

Таким образом, раскопанное в 1956 г. большое здание состояло из двора, жилых и хозяйственных помещений. Наличие последних является важной особенностью исследуемого объекта и указывает на существование различных социальных прослоек в городе Тейшебаини.

Рассмотрение строительной техники, архитектурных особенностей и деталей внутреннего убранства подтверждает урартскую принадлежность описанного типа жилищ. За это говорит также полное совпадение вещественного материала с материалом из цитадели дворца. Открытое здание мы склонны считать «домом знатного урарта».

Наряду с вещественным материалом, представляющим полную аналогию обнаруженным в цитадели урартским изделиям, в «доме знатного урарта» найдены и предметы бесспорно местного происхождения, что является результатом контакта между соседними кварталами города Тейшебаини, заселенного частично аборигенным населением.

В этой связи прежде всего нужно упомянуть обломки серых и черных глиняных маслоек, часто встречаемых в закавказских погребениях урартской эпохи. Не останавливаясь на многочисленных аналогиях, отметим лишь, что подобные маслочки были обнаружены и ранее на поселении, а также в «комнате привратника» у южных ворот цитадели. Характерную группу местной керамики составляют также обломки вытянутых двуручных глиняных горшков светло-желтого, красного и черного цветов с узким дном и низко отогнутым венчиком. Большое количество двуручных сосудов этого типа имелось и в помещениях цитадели.

Остальные фрагменты, обнаруженные при расчистке кладовых «дома знатного урарта», принадлежали разнообразным чашам, горшкам, кувшинам, черным, простым и лощеным, бурым и серым. Эти керамические остатки вполне соответствуют керамике из могильников Армении поздне-бронзовой и раннежелезной эпох. Среди них особо выделяются фрагменты неглубоких чернолощенных чаш.

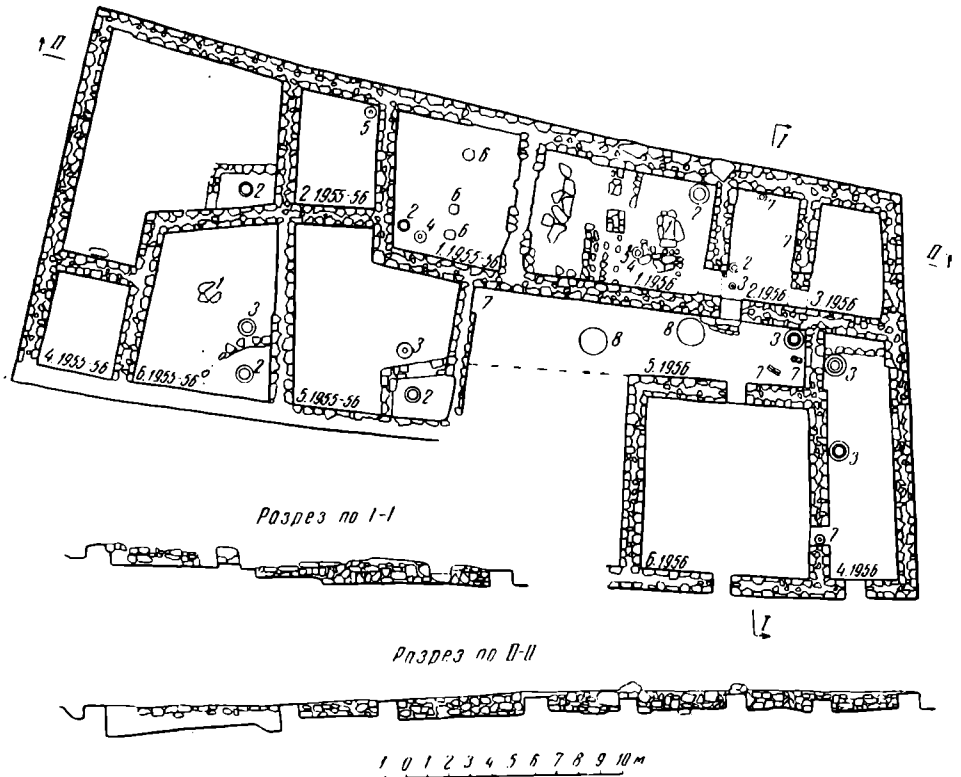

Рис. 2. План жилищ, открытых при раскопках 1955—1956 гг.

1 — каменный очаг; 2 — глиняные тондыры; 3 — карасы; 4 — ступа; 5 — зернотерка; 6 — базы колонн; 7 — глиняные сосуды; 8 — зерновые ямы

Второй жилой комплекс примыкал к «дому знатного урарта» с западной стороны и занимал почти такую же площадь, но резко отличался от него планировкой и строительной техникой. Стены его, разрушенные местами или сохранившиеся лишь на один ряд кладки, были сложены из мелкого булыжника на глиняном растворе. Установить места дверных проемов оказалось невозможным.

В то время как в строительстве «дома знатного урарта» и других жилищ зачастую употреблялся обработанный туф, здесь он применялся крайне редко. Существенной особенностью этой части квартала являлось также полное отсутствие хозяйственных помещений и наличие жилищ, состоящих из одного или двух помещений (рис. 2).

Главное помещение жилища № 1 (раскопки 1955—1956 гг.) представляло собою квадратную жилую комнату с тремя круглыми базальтовыми базами, расположенными почти в ее центре. Громадная ступа из базальта и глиняный тондыр находились в углу, у северной стены. Здесь же, на некотором расстоянии от тондыра, обнаружен базальтовый подпятник. Судя по этой детали, дверной проем находился именно в северной стене и соединял главное помещение с маленькой комнатой № 2 (раскопки 1955—1956 гг.), на глиняном полу которой найдены разнообразные фрагменты керамики местного происхождения и днище тонкостенного караса, расположенного в углу.

Другое жилище (№№ 3, 4, раскопки 1955—1956 гг.) также состояло из двух помещений. Юго-восточный угол большого помещения, площадью около 70 м^2 , был отгорожен мелким булыжником. В этой прямоугольной ячейке сохранились остатки тондыра. Само помещение имело подчетырехугольную форму с уступом в западной части. Здесь, прямо у стены,

лежала базальтовая плита, служившая, вероятно, приступкой. По-видимому, здесь же находился вход в соседнее маленькое помещение. Остальные два помещения (№ 5, раскопки 1955—1956 гг. и № 6, раскопки 1955—1956 гг.) не были связаны с какими-либо другими комнатами. Оба они имели отгороженные квадратные участки, внутри которых сохранились остатки глиняных тондыров, а снаружи — днища больших светло-глиняных карасов. Помещение № 5 (раскопки 1955—1956 гг.) имело уступ в западной части; в центре же другого помещения сохранились остатки каменного очага.

Керамика урартского типа была представлена в помещениях второго комплекса лишь семью обломками краснолощенных профилированных мисок и обломком кувшина с ручкой, украшенной вдавленными треугольниками, что представляет большой интерес для изучения взаимосвязи урартской и местной культур. В помещениях цитадели были найдены шейки от двух кувшинов, изготовленных урартскими мастерами по местному образцу. Одна из них покрыта красным ангобом, имеет дугообразную ручку со штампованными треугольниками; другая покрыта красным ангобом и имеет ручку с выступающей средней частью. Краснолощенный сосуд этого типа, хранящийся в Гос. Эрмитаже (№ 17491), имеет признаки работы урартского гончара, но двойная ступенчатая прорезь на его ручке весьма характерна именно для местных кувшинов.

Разные варианты кувшинов этого типа (работы местных мастеров) обнаружены в цитадели Тейшебаини в 1953 г. Дугообразные или угловатые ручки этих кувшинов — черных, серых и желтых — украшены штампованными треугольниками или трапециевидными углублениями. В одном случае зооморфная ручка крупного кувшина повторяет форму ручек металлических ситул, характерных особенно для Северного Кавказа и получивших широкое распространение от горы Арарат до Приднепровья в период с VIII по VI в. до н. э.

Изучение описанного типа сосудов, изготовленных урартскими мастерами, показывает во всех случаях неумелое подражание урартского гончара местным образцам бронзовых сосудов.

То же самое можно сказать о фрагменте типично урартской краснолощенной чаши, украшенной волнистой линией, чего никогда не бывает на урартских сосудах.

Изучая материалы из раскопок Тейшебаини, нетрудно заметить, что жилые кварталы его подразделяются на две основные категории: 1) однокомнатные, двухкомнатные или трехкомнатные жилища, не имеющие хозяйственных помещений, и 2) дома, имеющие, кроме жилой части, также и помещения хозяйственного назначения.

Указанная особенность жилых комплексов не только подтверждает предположение Б. Б. Пиотровского о наличии в городском поселении определенных слоев жителей, состоявших на государственном довольствии⁴, но и дает основание утверждать, что определенная часть жителей Тейшебаини являлась зажиточной и имела собственное хозяйство.

При этом привлекает внимание и то обстоятельство, что часть исследованных жилищ принадлежит, несомненно, к постройкам урартского типа, отражая особенности архитектуры и строительной техники урартов, в то время как другая часть их построена на основе местной строительной традиции. Весьма вероятно, что наличие жилых комплексов, отражающих архитектурные и строительные традиции разных этнических групп, является одной из главных особенностей урартских городов, построенных урартами в VIII—VII вв. до н. э. на территории Араратской равнины.

Напомним, что при раскопках А. А. Ивановского в Ташбуруне наряду с замечательными урартскими постройками оказались также жилища

⁴ Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 10.

второго типа, сооруженные из мелкого булыжника и всеми своими особенностями повторяющие жилые комплексы, открытые в городе Тейшебаини в 1955—1956 г.⁵ Предположение А. А. Ивановского о том, что в постройках второго типа можно видеть пристройки к жилым помещениям комплекса, отпадает в связи с открытием в Тейшебаини самостоятельных жилых ячеек этого типа. Однако замечание его о двух различных типах построек не только остается в силе, но и подтверждается раскопками жилых кварталов города Тейшебаини.

На основании изучения керамического материала, находимого в постройках указанного типа, а также учета архитектурных и строительных особенностей жилищ, имеющих свои прототипы в более ранних поселениях аборигенов, мы склонны предполагать, что в Тейшебаини наряду с урартами продолжала жить часть туземного населения, оставившая после себя огромный могильник, примыкающий к южной ограде города, каменные изваяния и другие предметы религиозного назначения.

В период с 1947 по 1956 г. на территории городского поселения, в том числе и в завале жилых помещений, было найдено значительное число каменных идолов (целых и в обломках), представляющих собой грубо изваянные антропоморфные женские фигуры с поднятыми вверх руками. Лицевая сторона верхней половины идолов была покрыта резными рисунками в виде растения или дерева.

Из-за отсутствия четких стратиграфических наблюдений указанные культовые памятники, опубликованные частично В. С. Сорокиным, были ошибочно им приписаны урартскому населению Тейшебаини⁶.

Новые стратиграфические данные раскопок 1955—1956 гг. опровергают это мнение целиком. При расчистке кладовой для вина, поднятой на уровень второго этажа (помещение № 50, раскопки 1955 г.), под урартским слоем в забутовке оказалось большое количество обломков идолов из рыжевато-го тупа, а также крупный кусок фалловидного изваяния. Аналогичные обломки были обнаружены в 1955 г. среди камней, выпавших из кладки урартского жилища в первом квартале городского поселения в стене раскопанного нами жилого помещения, а также в одном из случайно открытых погребений кармир-блурского могильника. Рядом с этим погребением была открыта грунтовая могила, где, кроме человеческого скелета, оказались глиняные и бронзовые предметы, характерные для местного погребального инвентаря IX—VIII вв. до н. э.

Находки подобных идолов и фалловидных изваяний весьма часты на древних поселениях и могильниках Армении, относящихся к началу I тысячелетия до н. э.

Все это позволяет считать установленным, что каменные идолы и фалловидные изваяния не связаны с обнаруженной здесь урартской культурой и что верхним рубежом датировки следует считать VIII в. до н. э.

Исследование погребений кармир-блурского могильника показывает, что неурартский элемент населения этого города продолжал свое существование вплоть до VI в. до н. э. В пользу этого говорит, например, инвентарь парного захоронения, открытого в 1956 г. за южной оградой города.

При одном из скелетов были найдены бронзовая игла, кольцо из бронзовой проволоки и несколько пастовых бус, названных Б. А. Куфтиным «бусами в виде домино». Последние были найдены в помещениях цитадели и городских жилищ, а также в многочисленных погребениях Армении (Головино, Ленинакан, Кахси, Сисиан, Редкин Лагерь), относимых к VII—VI вв. до н. э.

Керамический инвентарь погребения также вполне соответствовал материалу из городского поселения, цитадели и могильников Армении.

⁵ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, М., 1911, стр. 35—55.

⁶ В. С. Сорокин. Древние идолы города Тейшебаини. Изв. АН АрмССР, № 5, 1951.

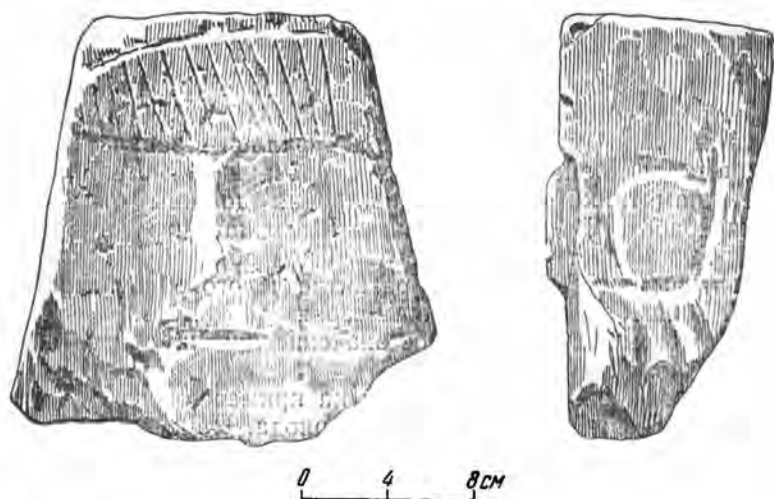

Рис. 3. Голова идола, найденная в завале стены в «доме знатного урарта»

Характерно, например, что чернолощенная глубокая миска с остроконечной крышкой была снабжена треугольными выступами — ручками с вертикально проткнутым отверстием, подобными находимым в большом числе в урартских жилищах Тейшебаини. То же самое можно сказать об узкогорлых каннелированных кувшинах, обломки которых также часты в Тейшебаини.

Аборигенное население города, культура которого представлена погребальным инвентарем, религиозными памятниками и керамическими изделиями, очевидно, занималось в основном земледелием. Формальные, морфологические и стилистические особенности идолов тоже выражают представления аборигенов о растительных силах природы и о женщине — основной носительнице идеи плодородия. Они приближаются к изваяниям или изображениям божеств, отображающих идею пробуждения природы, идею плодородия и осеменения земли. Руками этих идолопоклонников-земледельцев обрабатывалась земля, наполнялись амбары и винные погреба цитадели Тейшебаини, выполнялись разнообразные работы, связанные с сельским хозяйством. Отпечатки этих рук сохрани-

Рис. 4

1 — глиняный кубок, найденный в погребении V — IV вв. до н. э.; 2 — сцена приношения даров на стене дворца Ксеркса

лись и на глиняной обмазке пола помещения, связанного с изготовлением кунжутного масла.

У земледельцев древнего поселения еще на заре урартской экспансии появились антропоморфные изваяния идолов. Об этом свидетельствует находка головы идола (рис. 3) и каменных фаллов в завале камней, образовавшемся в «доме знатного урарта» от разрушения стен.

Культовые памятники городского поселения должны быть описаны в специальной работе. В данной связи замечу лишь, что упомянутая голова идола представляет собой замечательный образец плоской примитивной скульптуры; ею завершается развитие целого ряда антропоморфных изваяний Тейшебаини и начинается серия плоских и круглых скульптур, изучение которых имеет большое значение для народного искусства раннеармянского времени.

Подобные связи можно проследить и на примере других памятников материального производства указанного периода. Приведу один пример. При расчистке верхнего слоя главного помещения «дома знатного урарта», в южном его углу, было открыто погребение типа обнаруженных ранее захоронений, датированных серебряной драхмой Александра Великого. Оно оказалось на стерильном слое толщиной 10 см, покрывающем участок, под которым впоследствии был обнаружен глиняный тондыр этого помещения. У головы погребенного, лежавшего на правом боку в скорченном положении, стоял характерный двуручный кубок вытянутых пропорций, светло-желтого цвета, с несколько поврежденным венчиком (рис. 4, 1). Более приземистый толстостенный двуручный сосуд красного оттенка был найден в цитадели г. Тейшебаини. Обломки таких же сосудов особенно часто попадались при раскопках урартской крепости Еребуни, относящейся к VIII вв. до н. э. Отличаясь от погребального кубка грубостью пропорций и составом глины, эти сосуды являются, несомненно, прототипами двуручных кубков, бытовавших в Армении вплоть до начала нашей эры. На это указывают находки крупных фрагментов типа кармир-блурского погребального кубка в окрестностях древнеармянской крепости Каранлуга, связанной с арамейской надписью II в. до н. э.

Погребальный кубок открытого нами захоронения находит точные аналогии в сосудах, изображенных в рельефах дворца Ксеркса в Персеполье, на которых, по мнению многих исследователей, представлены армяне, подносящие дань персидскому царю (рис. 4, 2) ⁷.

Если это наше сопоставление правильно, то при дальнейших работах надо ожидать находок, подтверждающих общность между инвентарями погребений могильника раннеармянского времени и материалом из городских жилищ, покинутых внезапно в самом начале VI в. до н. э.

В итоге остается отметить, что при отсутствии хозяйственно-правовых документов совместное изучение городского поселения и цитадели приобретает значение наиболее важного первоисточника для определения многих вопросов культурного, этнического и социального характера, а также для изучения вопроса взаимосвязи урартской и раннеармянской культуры.

⁷ E. Schmidt. Persepolis, I, Chicago, 1953, стр. 82, 85, 118, 135; табл. 29 А и Б.

К ВОПРОСУ О МЕСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В ПОГРЕБЕНИЯХ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

За последние два-три десятилетия археология Южной Сибири достигла такого уровня, что исследователи ее перешли уже к детальному изучению определенных археологических культур¹ и даже отдельных вопросов по этим культурам²; поэтому вполне целесообразным представляется опубликование некоторых материалов из раскопок местных музеев, не известных еще широкому кругу археологов, занимающихся сибирскими памятниками.

В течение 16 лет археологических исследований на территории Хакасии и правобережных районов южной части Красноярского края мне не раз случалось производить в разных пунктах раскопки курганов тагарской культуры. В большинстве случаев это были «классические» тагарские курганы — земляные насыпи с прямоугольными оградками из врытых на ребро каменных плит, с более крупными камнями на углах (а у больших насыпей — и по серединам сторон) оградки. Под насыпями встречались могильные ямы, покрытые плитами песчаника; внутри могильной ямы находился или ящик из каменных плит (дном служил материк), или сруб в несколько венцов лиственничных бревен. Однако в двух пунктах нам удалось встретить иного типа конструкции могильных сооружений тагарской эпохи. Целью данной статьи в основном и является опубликование этого материала.

Раскопки Минусинского музея в 1935 г. в Хакасской автономной области близ Капчальского баритового рудника

На расстоянии около 80 м к северо-северо-западу от поселка рудника, на ближайшем увале, расположена группа из пяти курганов в виде округлых плоских насыпей, сложенных из камня и галечника. Один из них, самый большой, имел диаметр 11 м и высоту от современной поверхности — 0,4 м, остальные представляли собой плоские круги от 2,5 до 4 м в диаметре. Нами здесь было раскопано три кургана — один большой и два малых.

В насыпи большого кургана № 1 было обнаружено 11 погребений (рис. 1, 1). Все они были нарушенные. Четыре погребения (II, III, IV, VI) представляли собой кучки беспорядочно лежавших костей человеческих скелетов, а семь костяков, хотя и неполных, давали все-таки некоторое представление об их положении и ориентировке. Три костяка лежали вытянуто на спине, два из них (погребения I и VII) — головой на юго-запад, а один (погребение V) — головой на юго-восток. В погребениях VIII и IX два костяка были ориентированы на северо-запад, причем один из

¹ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1947; Л. Р. Кызласов. Таштыкская культура. Автореферат диссертации. М., 1953.

² Ю. С. Гришин. Производство тагарской эпохи. Автореферат диссертации. М., 1956.

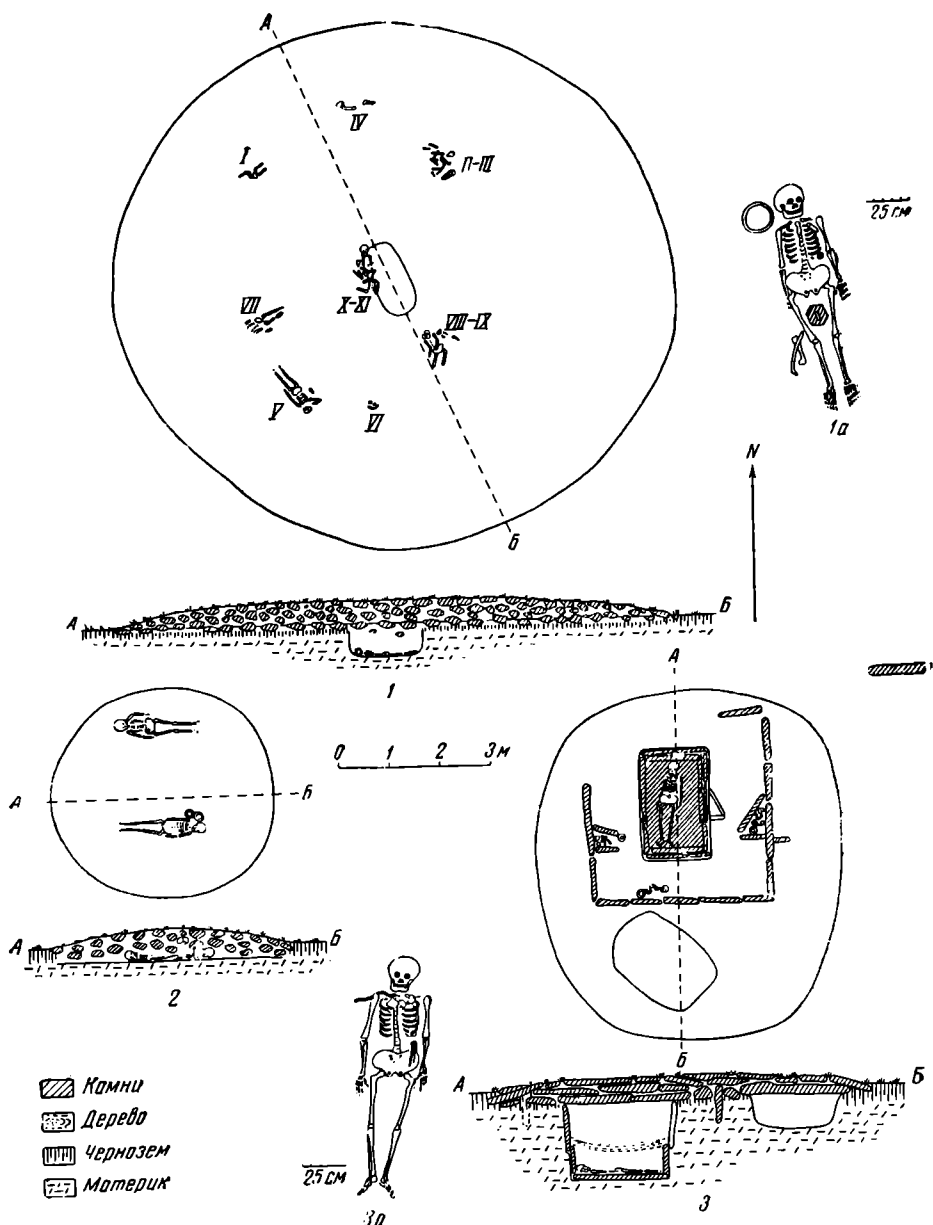

Рис. 1. Планы и профили курганов

1 — курган № 1 близ Капчальского баритового рудника; 1а — основное погребение в том же кургане; 2 — курган № 2, там же; 3 — каменный курган близ улуса Мохова; 3а — основное погребение в том же кургане

них, женский, лежал на спине, но ноги его были согнуты в тазобедренных суставах, коленями к югу (кости стоп и голеней отсутствовали). Второй костяк, детский, лежал на спине. Два захоронения, непосредственно над основной могильной ямой (погребения IX и X), завалились в нее так, что оба костяка были нарушены. Верхняя часть туловища одного из них (ориентированного, по-видимому, головой на юго-восток) найдена в полусидячем положении, а череп второго скелета лежал в противоположном (северо-западном) конце скопления костей. При погребении I (детском) найдено бронзовое гвоздевидное шило (рис. 2, 7) и обломок глиняного горшка; при погребениях X и XI найден гвоздевидный предмет с широкой

шляпкой и коротким обрубленным стержнем, напоминающий «гвоздики» карасукской культуры, но крупнее (рис. 2, 3). Кроме того, в насыпи могилы в разных местах находились кости животных, черепки от нескольких глиняных сосудов и часть небольшого сосуда в виде стаканчика (рис. 2, 8).

Рис. 2. Вещи из погребений тагарской культуры

1—8 — курганы близ Капчальского баритового рудника; 9—13 — каменный курган близ улуса Мохова; 14—41 — курганы близ с. Малые Копёны

В центре кургана, под погребениями X—XI, оказалась могильная яма размером $1,4 \times 0,7 \times 0,45$ м. На дне ее обнаружено погребение XII, основное. Костяк женщины лежал вытянуто на спине, головою на северо-северо-запад (рис. 1, 1а). При костяке найдены: у левого плеча на ребрах — костяная привеска-застежка (рис. 2, 6), с левой же стороны у нижнего ребра — круглая бронзовая пуговица (рис. 2, 5), у правого плеча — острие бронзового ножа. В головах, у северо-западной стенки могилы, нахо-

дился раздавленный глиняный горшок тагарского типа, с внешней стороны правого колена — ребра и трубчатые кости коровы, а между бедер, на каменной плитке, лежали фаланги коровы.

Курган № 2 имел диаметр 4,2 м, а высоту 0,25 м от современной поверхности и 0,5 м от линии погребенного горизонта. В его насыпи, в верхнем слое, найден гвоздевидный предмет, аналогичный описанному выше из кургана № 1, но крупнее (рис. 2, 2); на глубине 0,3—0,4 м, в разных местах насыпи, найдены кости человеческих скелетов (в том числе части двух черепов). Кроме того, на разной глубине встречались кости животных, преимущественно овцы.

На горизонте, на глубине около 0,5 м от вершины насыпи, лежали два человеческих костяка: один у северного края окружности кургана лежал вытянуто на спине, головою на запад, другой — в южной половине кургана, также вытянуто на спине, но головою на восток. При первом на правой половине таза был найден бронзовый нож (рис. 2, 1). У второго костяка с правой стороны у черепа стояли два разбитых плоскодонных глиняных горшка тагарского типа, а около левой тазовой кости находились мелкие обломки медного распавшегося предмета.

Курган № 3, самый малый в группе (диаметром 2,5 м), оказался пустым.

Раскопки Хакасского областного музея в 1938 г. близ улуса Мохова Хакасской автономной области, на левом берегу р. Енисея

Западнее улуса, среди карасукских могил³, имеется несколько курганов тагарской культуры с плоскими, чуть заметными земляными насыпями и четырехугольными оградками из каменных плит, слабо выступающих на поверхность и задернованных. С первого взгляда эти оградки можно принять за карасукские, но от последних они отличаются тем, что сделаны более небрежно и из толстых плит. Нами был вскрыт один из этих курганов и единственный в группе каменный курган.

Курган № 1 — прямоугольная оградка, вытянутая с северо-северо-запада на юго-юго-восток, длиной 4,5 м, шириною 4,3 м, лишь местами выступающая на поверхность. Насыпи не было заметно. Внутри оградки к северо-западу от центра под нарушенным покрытием из каменных плит (самая большая плита оказалась выброшенной к юго-восточному углу оградки) открылась могильная яма, вытянутая с северо-востока-востока на юго-запад-запад, длиной 2,25 м, шириною 1,5 м, глубиною 0,8 м, обставленная по стенкам каменными плитами. Могила оказалась ограбленной. В ней были найдены разбросанные кости человеческого скелета, кости барана и два плоскодонных горшка тагарского типа.

Каменный курган имел вид плоской овальной насыпи, сложенной из плит, лежавших плашмя, сильно задернованных. Диаметр его с севера на юг равен 7 м, с запада на восток — 6 м. Под камнями в северной части насыпи обнаружен неполный костяк взрослого человека (ориентировка — юго-юго-восток) и около него обломки горшка тагарского типа. На горизонте, под камнями оказалась квадратная оградка (размером 3,3 × 3,3 м) из вертикально врытых каменных плит, ориентированная сторонами по странам света. В центре оградки находилась могильная яма, покрытая каменными плитами, а вокруг нее на горизонте под стенками оградки находились три детских погребения (рис. 1, 3). Под южной стенкой лежал скорченно на боку, головою на восток скелет младенца, в ногах его стоял малый глиняный сосудик баночной формы (рис. 2, 11). У западной стенки, между двумя врытыми перпендикулярно к ней каменными плитами, найдены беспорядочно лежавшие кости ребенка не старше двух лет и около них глиняный сосуд на поддоне, орнаментированный по краю рядом

³ Раскопки карасукских могил в этой группе производились мною в 1930 и 1938 гг.

треугольных вдавлений (рис. 2, 12). У восточной стенки также оказались врытые перпендикулярно к ней, на расстоянии 0,5 м друг от друга, две каменные плиты, и между ними найдено погребение ребенка лет шестивосьми. Костяк лежал скорченно, на левом боку, головою на север, в ногах его стоял разбитый глиняный сосудик.

Центральная могила, прямоугольной формы, была вытянута с севера на юг. Стенки ее шли уступом, суживаясь на глубине 0,9 м. Длина ямы у верхнего края 2,17 м, а на дне 1,8 м, ширина у верхнего края 1,3 м, на дне 0,98 м. Глубина могилы 1,4 м. На глубине 0,9 м, на уступе, яма была покрыта еще продольным накатом из трех толстых листовидных бревен. Дно могилы покрывала одна большая плита. На этой плите лежал костяк женщины вытянуто на спине (несколько по диагонали могилы), головою на север (рис. 1, 3а).

Череп был приподнят теменем кверху. На груди найдены обломки не-обожженной гипсовой маски, окрашенной в красный цвет, которая, упав с лица покойника (когда могила еще не была заполнена землей), разбилась. У правого плеча лежала крупная плоская костяная игла с тупым концом (рис. 2, 9), у пояса с левой стороны — сильно перержавевший железный нож с круглым кольцом на рукоятке (рис. 2, 13) и железное шило с гвоздевидной головкой (рис. 2, 10).

Конструкция остальных исследованных нами тагарских курганов вполне соответствовала типичному устройству тагарских курганов I и II стадии, описанному в монографии С. В. Киселева. Но все же две группы этих памятников, где удалось встретить нетронутые захоронения (тогда как археологу обычно достаются разграбленные могилы), заслуживают некоторого внимания и поэтому мы приводим их описание.

Раскопки Красноярского и Минусинского музеев близ с. Малые Копёны Боградского района, на левом берегу р. Енисея

На увале под восточным склоном горы «Коровы», над поймой р. Енисея, на протяжении нескольких километров расположены курганы тагарской культуры. К северо-западу от Малых Копён, на расстоянии около 600 м, расположена группа в 12—13 курганов, имеющих вид овальных земляных насыпей с четырехугольными, слабо выступающими на поверхность оградками с крупными камнями по углам. Диаметр курганов 15—30 м, высота 0,5—1,5 м; оградки ориентированы сторонами по странам света. К северо-западу от этой группы, за оврагом, находится большая группа (около сотни) тагарских курганов таких же, как вышеописанные, и меньших размеров; некоторые из них почти без насыпи и без крупных угловых камней. В первой группе были раскопаны курганы №№ 1 и 2, а во второй группе — №№ 3 и 4.

Конструкция курганов №№ 1 и 2 совершенно одинакова, если не считать того, что курган № 1 был насыпан над одной большой основной могилой, а курган № 2 — над двумя. В грунте насыпей отчетливо прослеживались выбросы из могильных ям, а в насыпи кургана № 2 удалось также установить и ход грабительской мины, ведущей под каменное покрытие одной из основных могил.

В насыпях обоих курганов попадались кости овцы и коровы; из вещей в насыпи кургана № 2 была найдена заготовка костяной стрелы (рис. 2, 40), а в насыпи кургана № 1 — обломок глиняного сосуда. Под курганом № 1 в северо-восточной части оградки под каменной плитой обнаружено трупосожжение без вещей, а под курганом № 2 на горизонте в пределах оградки находились два каменных ящика, содержавших детские погребения. Первый из них, в юго-западном углу, имел длину 1 м, ширину 0,5 м, глубину 0,4 м и был покрыт двумя каменными плитами. В нем найден нарушенный скелет младенца, лежавшего, судя по сохранившимся на месте костям, вытянуто головою на запад. В юго-восточном углу оград-

ки находился второй, небрежно составленный каменный ящик длиной 1,7 м, шириной 0,7 м, глубиной 0,5 м, также покрытый плитами. В нем найдены в беспорядочном положении скелеты пяти младенцев, причем четыре лежали в ряд под южной стенкой могилы.

Основная могила кургана № 1 содержала парное погребение мужчины и женщины. Мужской костяк находился под северной стенкой, а женский — рядом с ним, в средней части могилы; оба — вытянуто на спине, голову на запад (рис. 3, 1).

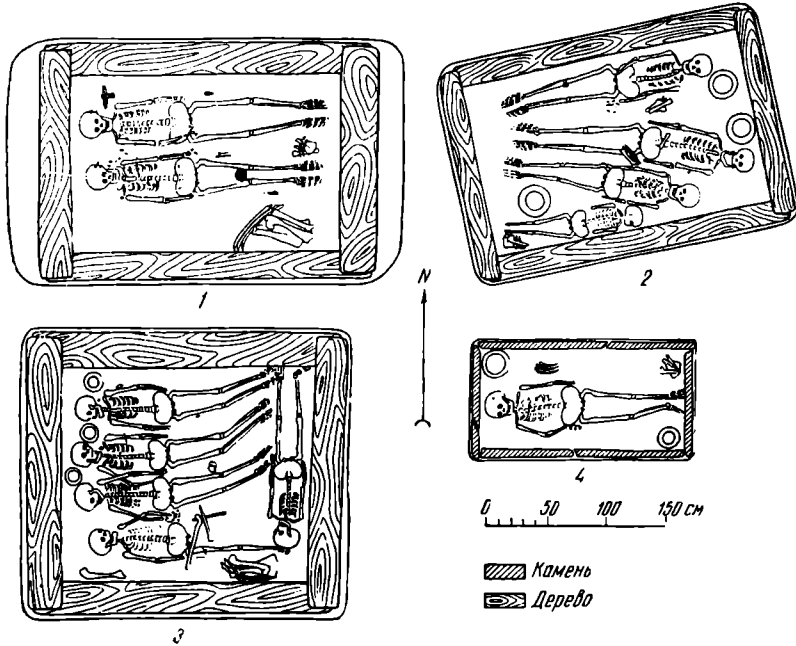

Рис. 3. Погребения

1 — Малые Копёны, курган № 1; 2 — с. Перевозинское, курган № 1; 3 — Малые Копёны, курган № 2; 4 — там же, курган № 3

При мужском скелете найдены костяной наконечник стрелы (рис. 2, 37), лежавший на груди около левого плеча, и с левой же стороны выше плеча бронзовый клевец с остатками деревянной рукоятки, имевшей 70 см длины, что определилось положением втока, найденного с внешней стороны левого бедра (рис. 2, 31—32). Из украшений у этого покойника найдены обломок пластинчатого ножного браслета и семь бляшек головного убора (рис. 2, 24, 25), лежавшие около черепа и на груди. При женском костяке находилось: около 20 бляшек такого же типа, бронзовый пластинчатый венчик, упавший с головы и лежавший под подбородком, 53 бусины рассыпавшегося ожерелья (из них 29 половинок от бронзовых биконических бусин, 16 бронзовых пронизок, шесть ластовых цилиндрических бус, одна стеклянная цилиндрическая и одна стеклянная реповидная; рис. 2, 16—18, 20—21). Некоторые бусины сохранились в той последовательности, как были нанизаны на ожерелье, а некоторые откатились до самого таза. Между коленями женского костяка лежало бронзовое зеркало (рис. 2, 29), а у левого бедра — бронзовые нож и шило (рис. 2, 14). Между ступнями обоих костяков лежали лопатки, ножные кости и ребра барана, а у южной стенки могилы, в восточном ее конце — лопатка, ножные кости и ребра коровы. Между костями коровы и голенью женщины найден бронзовый предмет в виде обоймы с остатками древка в ней (рис. 2, 33). Обойма сильно патинизирована, но все же на конце ее заметно изображение бараньей головки.

Погребение не было ограблено. Капитальность покрытия могилы говорит за то, что оба покойника были положены в могилу одновременно. Вероятно, здесь мы имеем дело со случаем насильственной смерти женщины, похороненной в могиле мужа.

Основная могила I под курганом № 2 (южная) содержала коллективное захоронение пяти человек и обломки детского черепа (рис. 3, 3). Все скелеты лежали вытянуто на спине, четыре из них головами на запад, а пятый вдоль восточной стенки головою на юг, «в ногах» у первых четырех. Ноги двух первых покойников (считая от северной стенки могилы) были слегка согнуты в коленях и сдвинуты к северу, чтобы поместить пятого, лежавшего под восточной стенкой.

У первых трех костяков с левой стороны черепа стояли глиняные сосуды: две плошки, сделанные из нижней части больших сосудов, и один раздавленный плоскодонный сосуд тагарского типа. Остатки погребальной пищи в виде костей коровы были найдены у южной стенки сруба. При первом костяке найдены: костяной наконечник стрелы (рис. 2, 39), лежавший с внешней стороны левой плечевой кости, а у пояса, слева — бронзовый нож (рис. 2, 19), в области шеи и под черепом — пять полушарных бронзовых бляшек головного убора (рис. 2, 27, 28). При втором костяке над левой плечевой костью его находился бронзовый клевец, а на расстоянии около 69 см от него, около правого бедра первого костяка, — вток этого клевца (рис. 2, 34, 35); над левой ключицей найден костяной наконечник стрелы (рис. 2, 38), в левой половине грудной клетки — две полушарные бляшки (рис. 2, 27). Между коленями второго и третьего костяков обнаружены обломки черепа младенца. Руки третьего костяка лежали поверх рук второго и четвертого. Вещей (кроме сосуда) при третьем костяке не было. При четвертом (крайнем южном) костяке найдены: у пояса с правой стороны — обломок бронзового ножа, а с левой — бронзовое несомкнутое кольцо, под правой бедренной костью — бронзовый клевец (рис. 2, 36) без втока. Кости левой ноги этого скелета были смещены, а ступня правой уходила под череп пятого костяка, лежавшего вдоль восточной стенки сруба. Вещей при последнем скелете не найдено.

Беспорядок в положении костей IV погребения объясняется разновременностью захоронений. Останки этого покойника, похороненного раньше, были потревожены при производившемся (спустя может быть десятки лет) погребении покойника, положенного у восточной стенки (V). Погребение V могло быть совершено либо раньше, либо позже, чем I, II, III. В первом случае ноги этих трех покойников пришлось согнуть, чтобы уместить их в могиле, а во втором — чтобы освободить место для захоронения V. Три погребения (I, II, III) могли быть совершены в одно и то же время, но, во всяком случае, сначала положили покойника у северной стенки могилы, а затем уже его соседа, так как рукоятка клевца второго погребения залегала поверх руки первого. Третьего покойника положили в могилу тогда, когда в ней уже были сделаны погребения II и IV. Поэтому руки костяка III оказались лежавшими поверх рук второго и четвертого скелета.

Возможно, что кто-нибудь из пяти человек, похороненных в этой могиле, и был убит в связи с похоронами другого, но общая картина говорит скорее о последовательном захоронении членов одной семьи в общей могиле. Если допустить, что четыре покойника, ориентированные головой на запад, похоронены в один день, и в ногах у них положен пятый, раб, то будет трудно объяснить разбросанные кости IV погребения, свидетельствующие о неодинаковой сохранности трупов в тот момент, когда клали покойника под восточной стенкой.

Основная могила II (северная), вырытая в центральной части оградки, на расстоянии 1,6 м от могилы I, оказалась ограбленной. Крупные плиты покрытия провалились в середину ямы; на горизонте, на борту могилы под восточным концом большой плиты покрытия, найдены беспорядочно

лежавшие кости человеческого скелета, составлявшие одно целое с также беспорядочно лежавшими костями еще двух человеческих скелетов (взрослого и подростка) в восточном конце могилы. Здесь проходил грабительский шурф (прослеженный еще в насыпи), пробивший бревно восточной стенки сруба. Кроме разбросанных человеческих костей, в могиле найдены две бронзовые полушарные бляшки, одна — в восточном конце, другая — в западном, а в северо-восточной части лежали в нетронутым виде кости коровы — лопатка, трубчатые и ребра. Судя по количеству костей, в этой могиле было похоронено не менее трех человек.

Во второй группе, за оврагом, нами вскрыто два небольших кургана почти без насыпей и без камней на углах.

Курган № 3 имел прямоугольную оградку, разделенную перемычкой на две части — северную и южную. В каждой из этих частей было по одной прямоугольной могиле, вытянутой с запада на восток, выложенной по стенкам вертикальными каменными плитами и накрытой сверху несколькими плитами. Могила I в южной части оградки оказалась ограбленной. В ней были найдены разбросанные кости человеческого скелета, обломки глиняного сосуда и кости барана. Судя по сохранившимся на месте костям ног, покойник был положен под южной стенкой могилы вытянуто головой на запад. В могиле II найдено нетронутое погребение (рис. 3, 4). Костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. В головах покойника, в северо-западном углу могилы, стоял крупный глиняный сосуд, в ногах, в юго-восточном углу — малый плоскодонный горшок, а в северо-восточном лежали кости барана. На черепе, на обоих висках найдены бронзовые полушарные бляшки — нашивки от головного убора (рис. 2, 23), а на груди костяка подобная же бляшка, но большего размера (рис. 2, 26). Около левой руки лежали две костяные просверленные привески из зубов животного и две пастовые белые цилиндрические бусины (рис. 2, 21, 22).

Курган № 4 имел одну прямоугольную оградку, и в ней оказалось три могилы такого же типа, как в кургане № 3, но все ограбленные. В могиле I при детском погребении найдено два плоскодонных глиняных сосуда: в северо-западном углу — большего размера и в юго-восточном углу — маленький. В могиле II было похоронено два человека — взрослый и ребенок. Кости двух детских скелетов попадались в разных местах могилы. Вещей не найдено, но встретился череп барана, тогда как обычно барьи кости бывают представлены в могилах лишь одной лопаткой, несколькими ребрами и костями передней ноги. Верхняя часть скелета ребенка оказалась отброшенной в северо-западный угол могилы. Это доказывает, что ограбление могилы было произведено в то время, когда скелет еще не распался. В могиле III также было похоронено два покойника. Кости одного из них в беспорядке встречались в насыпи могилы, а второй скелет (неполный) лежал на дне в южной половине могилы, на спине со слегка согнутыми в коленях ногами, ступнями в юго-западном углу.

Раскопки близ с. Перевозинского Богградского района, на левом берегу р. Енисея

Большая группа тагарских курганов, вытянутая узкой полосой (в 70—90 м) с северо-запада на юго-восток на протяжении целого километра, расположена на нижней террасе левого берега Енисея, над поймой, на расстоянии 2—3 км к северо-западу от с. Перевозинского, вдоль дороги, ведущей в с. Копёны. Большинство курганов имеет вид овальных земляных насыпей (диаметром от 15 до 30 м, высотой 0,3—0,6 м) с прямоугольными оградками из каменных плит высотой до 0,4—0,6 м, с высокими, до 2 м, каменными столбами по углам и серединам оградок. На некоторых курганах оградки состоят из двух-трех и даже пяти отделений. Кроме этого типа, встречаются в меньшем количестве курганы в виде более

высоких полушарных насыпей диаметром от 15 до 25 м, высотой 0,5—1 м со слабо выраженной оградкой без высоких камней. Иногда на курганах этого типа совершенно не бывает оградок. Общее количество насыпей в этой группе достигает 600—700. Нами здесь был раскопан один из типичных малых курганов в северо-западной части группы.

Курган № 1 представлял собою уплощенную овальную насыпь, вытянутую с севера на юг, с трапециевидной оградкой из каменных плит, разделенной перемычкой на два отделения. Диаметр насыпи с севера на юг 15 м, с запада на восток — 3,5 м, высота ее 0,5 м, наибольшая длина оградки (по юго-восточной стенке) 13,65 м, наибольшая ширина (по северо-северо-западной стенке) 5 м. Перемычка проходит почти по середине оградки. В южном отделении оградки оказалась одна могильная яма, а в северном — три.

Могила I (расположенная в центре южной оградки) — прямоугольной формы, вытянутая с северо-северо-запада на юго-юго-восток, площадью $3,4 \times 2,35$ м, глубиной 0,7 м — была покрыта накатом из толстых лиственничных бревен, провалившихся в яму, отвесные стенки которой были выложены бревнами в виде сруба. Могила оказалась ограбленной. В насыпи ее попадались разрозненные кости двух скелетов взрослых людей и одного ребенка. В северо-западном углу найдены обломки крупного плоскодонного глиняного горшка тагарского типа, а в северо-восточном — обломок тагарского горшка красноватого цвета, тонкой выделки и обжига.

Могила II — детская, прямоугольной формы, вытянутая с северо-востока-востока на юго-запад-запад — находилась в северо-восточном углу северного отделения оградки. По стенкам могила была обставлена каменными плитами в виде ящика и сверху накрыта плитами. На дне лежал костяк младенца вытянуто на спине, головою на северо-восток-восток. В ногах костяка, в южном углу, найдены кости барана, а в северном — глиняная плошка, сделанная из нижней части плоскодонного сосуда.

Могила III — трапециевидной формы, вытянутая в том же направлении — находилась в середине северной оградки, к северу от центра. Стенки ямы обставлены каменными плитами, сверху она также была покрыта плитами, провалившимися в глубь ямы. Могила оказалась ограбленной. В насыпи ее найдены в беспорядке кости человеческого скелета, обломки глиняного горшка тагарского типа и кости коровы.

Могила IV, находившаяся в южной половине этого отделения оградки, была покрыта четырьмя большими плитами, завалившимися к центру. Длина могилы 2,8 м, ширина 1,8 м, глубина 1 м. По стенкам прослежены остатки сгнившего сруба. На дне ямы находились погребения четырех человек (рис. 3, 2). Все покойники были положены вытянуто на спине, головами в восточном направлении. Между черепами первого и второго костяков стояли два раздавленных глиняных сосуда, а третий помещался между коленями третьего и четвертого костяков. С внешней стороны левой плечевой кости второго костяка была найдена бронзовая полушарная бляшка (типа изображенной на рис. 2, 24). Вторая такая же найдена около середины южной стенки. Между левой плечевой костью первого костяка и правой локтевой второго лежали кости барана. С внешней стороны правого локтя третьего покойника, над бедром второго, найдены также остатки загробной пищи: ребра и трубчатые кости барана, а в юго-западном углу с внешней стороны левой голени детского скелета еще баранья лопатка, трубчатые кости и ребра.

Эта могила не была ограблена. Захоронения совершены или одновременно, или последовательно, спустя небольшие промежутки времени, когда трупы еще были целыми, так как кости всех четырех скелетов найдены в анатомическом порядке.

Курганы у с. Малые Копёны и с. Перевозинского хорошо датируются по погребальному инвентарю (рис. 2, 14—41) и конструкции могил (рис. 3) временем около VI в. до н. э. Бронзовые клевцы (особенно боль-

шой), втоки, ножи, дисковидные зеркала, бронзовые биконические и цилиндрические пастовые бусы типичны для I стадии тагарской культуры. В это же время распространены были и штампованные бляшки головных уборов (рис. 2, 23—28), найденные почти в каждом погребении этих могильников. Также характерно для раннетагарских курганов и сочетание расширяющихся сверху высоких плоскодонных сосудов (украшенных пояском из нескольких горизонтальных линий или ряда вдавлений, либо нанесенных снаружи и образующих круглые ямки, либо изнутри и образующих выпуклости — «жемчужник») с плоскими, сделанными из нижней части таких же сосудов. Конструкции насыпей и могил тоже являются типичными для раннетагарских памятников, так что материал этих раскопок может служить прекрасной иллюстрацией к описанию курганов I стадии в книге С. В. Киселева⁴.

Раннетагарскими являются и курганы, исследованные нами близ Капчальского рудника, но эти памятники, наоборот, составляют исключение из общего правила. Насыпи их составлены из камня вперемешку с землей, и в них совершенно отсутствует такой важный тагарский признак, как оградка из вертикально врытых каменных плит (рис. 1, 1, 2). Могильная яма под курганом № 1 не имела ни обкладки из плит, ни сруба, ни каменного покрытия. Не прослежено остатков срубов или каменных ящиков при других захоронениях в насыпи этого кургана и при погребениях под курганом № 2. Ориентировка погребений в этих курганах весьма неустойчива: одно из основных захоронений кургана № 2 положено головой на запад, другое — на восток. Погребения в насыпи кургана № 1 как бы окружают центральную могильную яму (рис. 1, 1) и ориентированы в западном (I, VII), южном (V, XI) и северном (VIII, IX) направлениях. В северном же направлении (редком для тагарских погребений) ориентировано и основное погребение (XII) в могильной яме. Но вещи, сопровождавшие эти захоронения — бронзовый нож (рис. 2, 1), четырехгранное шило с головкой (рис. 2, 7), типично тагарские сосуды — не оставляют сомнений в датировке Капчальской курганной группы раннетагарским временем; гвоздевидные бронзовые предметы (рис. 2, 2, 3), напоминающие карасукские, позволяют определять их самым началом I стадии.

Могильный инвентарь каменного кургана близ улуса Мохова свидетельствует о позднетагарском времени, переходном к таштыкскому. Здесь мы имеем обломки гипсовой маски, железный нож (рис. 2, 13), аналогичный найденному в развалинах китайского дома близ Абакана⁵, железное шило с головкой (рис. 2, 10), небольшой сосуд, подражающий по форме бронзовому котлу (рис. 2, 12), что позволяет датировать этот курган в пределах II—I вв. до н. э., хотя насыпь из больших камней и тщательная обкладка плитами всей могильной ямы необычны для памятников этого времени. Аккуратно подогнанные плиты каменного ящика характерны не для тагарской, а для карасукской культуры, но там плиты более тонкие; в моховской же могиле они по толщине соответствуют тагарским, а по тщательности оббивки — карасукским. Аналогий, положенной на дно могилы большой ровной плите и обкладке стен ямы плитами в два яруса, до сих пор в памятниках тагарской культуры не наблюдалось. Насыпь этого кургана, состоящая из больших обломков плит, как уже говорилось выше, была принята при внешнем осмотре за каменный курган енисейских кыргызов VII—VIII вв., и совершенной неожиданностью оказалось наличие под ней типично тагарской оградки. Таким образом, в этом памятнике как бы сочетались и очень древние и позднейшие, по отношению к тагарской эпохе, традиции. Для конца тагарского времени характерны большие курганы с коллективными захоронениями, а наряду с ними совершались и одиноч-

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 224—227.

⁵ Там же, табл. XV, рис. 10.

ные погребения в грунтовых могилах без насыпей или под прямоугольными каменными выкладками, аналогичными таштыкским⁶, но эти грунтовые могилы не имели каменных гробниц, и вообще считалось, что в переходную эпоху от тагарской к таштыкской культуре каменные ящики-гробницы уже не сооружались. Моховский каменный курган опровергает это положение, и, может быть, напрасны сомнения С. В. Киселева в наличии каменных гробниц под большим Уйбатским курганом, остатки которых проследивал Д. Клеменц⁷.

Чем объясняются наблюдаемые в капчальских и моховских курганах отклонения от общего правила сооружения курганов тагарской культуры, пока еще трудно решить на основании единичных примеров. Но надо надеяться, что дальнейшие исследования выявят подобные памятники, а возможно, и ряд новых вариантов и недалеко то время, когда мы сможем говорить уже не о тагарской культуре в целом, а о культуре отдельных тагарских племен, населявших в I тысячелетии до н. э. различные районы южной части Красноярского края.

---

⁶ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 283—284.

⁷ Там же, стр. 277—278.

**КЛАД РИМСКИХ ДЕНАРИЕВ I—III вв. н. э. ИЗ с. ТУРИЯ,
ЗЛАТОПОЛЬСКОГО РАЙОНА, ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ**

Летом 1955 г. в с. Турия, Златопольского района, Черкасской области, был найден клад римских императорских денариев в количестве 164 экземпляров.

Монеты находились в глиняном сосуде, который не сохранился. Глубина залегания находки 35—40 см. Из клада 105 монет поступили в отдел нумизматики Гос. Исторического музея (инв. № 92088), остальные монеты собрать не удалось.

По своему составу клад очень типичен для территории Восточной Европы, в частности для Украины. Типичность монетного содержания клада тем более интересна, что публикаций подобного материала в нашей литературе почти нет.

Несмотря на то, что вопросам денежного обращения в первые века нашей эры на территории Восточной Европы уделяется в последние годы большое внимание¹, фактический монетный материал, монетные типы и метрологические данные не публиковались.

Поступившая в ГИМ основная часть клада содержит денарии начиная от времени правления Нерона и кончая правлением Септимия Севера.

Приведем полный список монет клада с описанием лицевой и оборотной сторон и веса. Определения сделаны по работе Н. Mattingly²; вес дается в граммах.

Н е р о н, 54—68 гг. (1 экз.)

1. Вес 2,91. Рис. 1, 1.

Т и т, 79—81 гг. (1 экз.)

2. Matt., т. II, табл. III, № 44. Вес 2,79 (рис. 1, 2).

Н е р в а, 96—98 гг. (1 экз.)

3. Matt., т. II, табл. VII, № 118. Вес 2,93 (рис. 1, 3).

Т р а я н, 98—117 гг. (5 экз.)

4. Matt., т. II, стр. 253, № 128. Вес 2,93 (рис. 1, 4).

5. Matt., т. II, стр. 255, № 156. Вес 2,54.

6. Matt., т. II, стр. 251, № 107. Вес 2,93. Сильно стерта.

7. Matt., т. II, стр. 253, № 136 (или стр. 255, № 158). Вес 3,10. Стерта.

8. Л. с [IMPTRAIAN]OAVGGERDA[CPMTRP]. Голова Траяна в лавровом венке вправо.

О. с. Надпись не читается. Изображение сильно стерто. Вес 2,94.

¹ М. Ю. Брайчевський. Знахідки римських монет на території УРСР. Археологія, т. III, Київ, 1950; В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4; его же. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3; М. Ю. Брайчевский. Римская монета на территории УССР. Автореферат диссертации. М., 1954.

² Н. Mattingly and E. Sydenham. Roman Imperial Coinage, т. II—III. London, 1926, 1930.

А д р и а н, 117—138 гг. (12 экз.)

9. Matt., т. II, стр. 367, № 230. Вес 2,99.
10. Matt., т. II, табл. XII, № 230. Вес 3,02 (рис. 1, 6).
11. Matt., т. II, стр. 358, № 146 (?). Вес 2,94.
12. Matt., т. II, стр. 373, № 291. Вес 2,83.
13. Matt., т. II, стр. 368, № 238. Вес 2,79.
14. Matt., т. II, стр. 359, № 153. Вес 3,04.
15. Matt., т. II, стр. 350, № 78 (?). Вес 3,13.
16. Matt., т. II, стр. 368, № 241. Вес 2,74.
17. Л. с. HADRIANVS[AVGVSTVS].
Matt., т. II, стр. 358, № 146 (?). Вес 2,93.
18. Matt., т. II, стр. 368, № 244. Вес 2,67.
19. Л. с. [HADRIANVS]AVGCO[SIIPPP]. Голова Адриана вправо.
О. с. Надпись стерта. Изображение неясно. Вес 3,13.
20. Matt., т. II, стр. 387, № 399. Вес 3,20 (рис. 1, 5).

А н т о н и н П и й, 138—161 гг. (42 экз.)

21. Matt., т. III, стр. 48, № 177. Вес 3,20. Чекан 148—149 гг. (рис. 1, 7).
22. Сильно стерта. Вес 2,95.
23. Matt., т. III, стр. 42, № 127. Вес 3,33.
24. Matt., т. III, стр. 43, № 137. Вес 3,06.
25. Matt., т. III, стр. 49, № 189. Вес 3,12. Чекан 149—150 гг.
26. Matt., т. III, стр. 51, № 204. Вес 3,14.
27. Вес 2,65. Сильно стерта.
28. Matt., т. III, стр. 51, № 203 (?). Вес 3,13. Стерта.
29. Matt., т. III, стр. 54, № 234. Вес 2,88. Чекан 153—154 гг.
30. Matt., т. III, стр. 53, № 228. Вес 2,71. Стерта.
31. Matt., т. III, стр. 55, № 238. Вес 2,50. Чекан 154—155 гг.
32. Matt., т. III, стр. 56, № 245. Вес 2,72. Чекан 155—156 гг.
33. Л. с. ANTONINVS AVGVPIVSPPTRP [XXII]. Голова Антонина Пия
в лавровом венке вправо.
О. с. Надпись и изображение стерты. Вес 3,00.
34. Matt., т. III, стр. 33, № 64. Вес 3,13.
35. Matt., т. III, стр. 39, № 111. Вес 3,08.
36. То же, что № 35. Вес 3,43.
37. Matt., т. III, стр. 42, № 124. Вес 2,92.
38. Matt., т. III, стр. 45, № 155. Вес 2,67.
39. Matt., т. III, стр. 97, № 527. Вес 2,95.
40. Matt., т. III, стр. 30, № 34. Вес 2,97.
41. Л. с. [ANTONIN]VSAVGPIVS[ ]. Изображение то же.
О. с. Стерта. Вес 3,12.
42. Л. с. IMPCAESTAELHADRANTONINVS AVGVPIVSPPP. Изображе-
ние то же.
О. с. Стерта. Вес 2,66.
43. Л. с. ANTONINVS AVGVPIVSPPTRP [ ]. Изображение то же.
О. с. Стерта. Вес 3,18.
44. Л. с. [IMP]CAESANTO[ ]. Изображение то же.
О. с. COS [ ]. Стерта. Вес 3,03.
45. Л. с. Надпись не читается.
Голова Антонина Пия в лавровом венке, вправо.
О. с. COS [ ]. Стерта. Вес 3,09.
46. Matt., т. III, стр. 165, № 1146. Вес 2,77.
47. То же, что № 46. Вес 3,08.
48. Matt., т. III, стр. 68, № 338. Вес 2,94.
49. То же, что № 48. Вес 2,93.
50. Matt., т. III, стр. 69, № 344. Вес 2,96.

51. *Matt.*, т. III, стр. 73, № 385. Вес 2,96 (рис. 1, 8).
 52. *Matt.*, т. III, табл. IV, № 77. Вес 2,91. Чекан 140—144 гг.
 53. *Matt.*, т. III, стр. 86, № 459. Вес 3,15. Чекан 154—155 гг.
 54. *Matt.*, т. III, стр. 88, № 473. Вес 2,58. Чекан 156—157 гг.
 55. *Matt.*, т. III, стр. 88, № 173. Вес 3,16. Сильно стерта.
 56. *Matt.*, т. III, стр. 188, № 1351 или 1349. Чекан 159—160 гг. Вес 3,19.
 57. Л. с. AVRELIVSCAESARAVG [ ]. Голова юного Марка Аврелия
 вправо.
 О. с. TRPOTIII[COS]II. Стерта. Вес 2,78. Чекан 148—149 гг.
 58. То же, что № 57.
 О. с. Стерта. Вес 2,91.
 59. То же, что № 57. Вес 2,60.
 60. *Matt.*, т. III, стр. 93, № 502. Вес 3,09.
 61. То же, что № 60. Вес 2,99.
 62. То же, что № 60. Вес 2,91.

Марк Аврелий, 161—180 гг. (23 экз.)

63. *Matt.*, т. III, стр. 247, № 441. Вес 3,04.
 64. *Matt.*, т. III, стр. 247, № 441. Вес 3,14.
 65. *Matt.*, т. III, стр. 247, № 442. Вес 2,89.
 66. *Matt.*, т. III, стр. 247, № 429. Вес 2,84.
 67. То же, что № 66. Вес 2,86.
 68. Л. с. IMPMAVRELANTONINVSAVG. Голова Марка Аврелия
 вправо.
 О. с. [ ]XVCOSIII. Изображение стерто. Вес 3,05. Чекан 161 г.
 69. *Matt.*, т. III, стр. 217, № 47. Вес 3,04. Чекан 161—162 гг.
 70. *Matt.*, т. III, стр. 216, № 33. Вес 3,01. Чекан 161—162 гг.
 71. *Matt.*, т. III, стр. 226, № 164. Вес 3,01. Чекан дек. 166 г.
 72. *Matt.*, т. III, стр. 289, № 953 (близок). Вес 2,84. Чекан 167—168 гг.
 73. *Matt.*, т. III, стр. 237, № 311 (близок). Вес 3,11. Чекан 174—175 гг.
 74. *Matt.*, т. III, стр. 305, № 1169 (близок). Вес 3,13. Чекан 175—176 гг.
 75. *Matt.*, т. III, стр. 240, № 349 (прибл.). Вес 3,20. Чекан 175—176 гг.
 76. *Matt.*, т. III, стр. 245, № 417. Вес 3,29. Чекан 176—180 гг. (рис. 1, 9).
 77. То же, что № 76. Вес 2,76.
 78. То же, что № 76. Вес 2,89.
 79. *Matt.*, т. III, стр. 269. Вес 2,96.
 80. То же, что № 79, Стерта. Вес 2,68.
 81. *Matt.*, т. III, стр. 269, № 677. Вес 3,04 (рис. 1, 10).
 82. *Matt.*, т. III, стр. 349, № 1706(?). Вес 2,74.
 83. *Matt.*, т. III, стр. 266, № 645 (л. с.) и № 639 (о. с.). Вес 3,21.
 84. *Matt.*, т. III, стр. 267, № 651. Вес 2,97. Чекан 178 г.
 85. *Matt.*, т. III, стр. 267, № 657 (?). Вес 2,82. Чекан 179 г.

Луций Вер, 161—169 гг. (5 экз.).

86. *Matt.*, т. III, стр. 260, № 576. Вес 3,22. Чекан 166—167 гг.
 (рис. 1, 11).
 87. *Matt.*, т. III, стр. 251, № 560. Вес 2,86.
 88. *Matt.*, т. III, стр. 276, № 786. Вес 2,33.
 89. *Matt.*, т. III, стр. 355, № 1779. Вес 2,75.
 90. То же, что № 89. Вес 2,88.

Коммод, 180—192 гг. (13 экз.)

91. *Matt.*, т. III, стр. 398, № 272. Вес 3,26.
 92. *Matt.*, т. III, стр. 374, № 73. Вес 2,97.
 93. То же, что № 92. Вес 2,65.
 94. То же, что № 92. Вес 2,81 (рис. 1, 12).
 95. *Matt.*, т. III, стр. 413, № 400 (близок). Вес 2,74. Чекан 183—184 гг.
 96. *Matt.*, т. III, стр. 373, № 72. Вес 2,91. Чекан 183—184 гг.

Рис. 1. Монеты клада I—III вв. н. э. из с. Турия Златопольского р-на Черкасской обл.

97. Matt., т. III, стр. 377, № 106. Вес 2,72. Чекан 184 г.
 98. Matt., т. III, стр. 417, № 445 (?). Вес 3,13. Чекан 184—185 гг.
 99. Matt., т. III, стр. 383, № 155. Вес 2,73. Чекан 186—187 гг.
 100. Matt., т. III, стр. 388, № 202. Вес 2,95. Чекан ок. 189 г.
 101. То же, что № 100. Вес 2,45.
 102. Л. с. [MCOMMANTO]NINSAVG[ ] . Голова Коммода в лавровом венке вправо.
 О. с. [ ]COSIII. Виктория с венком, вправо. Сильно стерта. Вес 2,89.
 103. Л. с. [M]COMMANTPFELAV[G]. Изображение то же.
 О. с. Стерта. Вес 2,48.

Септимий Север, 193—211 гг. (2 экз.)

104. Л. с. IMPCAEL[SEPT]PERTAVG. Голова Септимия Севера в лавровом венке, вправо.
 О. с. [ ]TRPCOS[III]. Стерта. Вес 2,86.
 105. Л. с. IMPCAESLSEPTSEVPERTAVG. Изображение то же.
 О. с. LEGXIIIIGE[MINV]. В обрезе: TRPCOS. Легионный орел и инсигнии. Вес 2,85 (рис. 1, 13).

Таким образом, по правлениям императоров монеты клада распределяются следующим образом:

Нерон — 1 экз	Антонин Пий — 42 экз.
Тит — 1 „	Марк Аврелий — 23 „
Нерва — 1 „	Луций Вер — 5 „
Траян — 5 „	Коммод — 13 „
Адриан — 12 „	Септимий Север — 2 „

Опубликованные В. В. Кропоткиным сводки римских и ранневизантийских монет показали большую историческую ценность этого материала, и автору их удалось сделать важные исторические выводы по вопросу об изучении «наиболее темных и запутанных страниц истории племен и народов, населявших в древности нашу страну»³.

Выводы В. В. Кропоткина вкратце сводятся к следующему.

1. Максимальный приток римских монет на территории Восточной Европы приходится на середину II в. н. э.

Автор объясняет это явление экономическим и политическим подъемом Римской империи в I—II вв. н. э. и активным проникновением римлян на Боспор (экспедиция Плавция Сильвана при Нероне, укрепление римского гарнизона в крепости Харакс на южном берегу Крыма, покорение Дакии при Траяне и т. д.).

2. Накопление большинства кладов на этой территории начинается в конце I в. н. э. Прекращение накопления падает на конец II или начало III в. н. э. Зарытие кладов в большинстве случаев относится к концу II — первой трети III в. н. э.

Последние два момента правильно сопоставляются с переселением ряда племен (готов, гепидов) на территорию Северного Причерноморья, а также социально-экономическим и политическим кризисом, охватившим Римскую империю в III в. н. э.

Эти выводы, сделанные В. В. Кропоткиным на основании материала многочисленных кладов, являются обоснованными, и их можно распространить и на характеристику публикуемого нами клада.

Следует здесь сказать также о том, что зарытие большинства кладов римских денариев в конце II — начале III в. н. э. может быть обусловлено еще резкой деградацией денария именно в начале III в. н. э., падением процентного состава серебра и постепенным превращением его в биллоновую монету.

³ В. В. Кропоткин. Клады римских монет..., стр. 244.

Поэтому полновесные и высокопробные денарии I—II вв. н. э., попадая в клады, становились сокровищем и изымались из обращения.

Наибольшее количество монет нашего клада относится ко времени правления четырех императоров — Адриана (12 экз.), Антонина Пия (42 экз.), Марка Аврелия (23 экз.) и Коммода (13 экз.), т. е. падает на 117—192 гг. н. э. Всего к этим годам относится 90 монет из 105.

Этот состав публикуемого клада вполне соответствует общему характеру монетных кладов, находимых на Украине, так как по материалу сводки⁴ в кладах этого времени абсолютное большинство монет относится также ко времени Антонина Пия и Марка Аврелия.

Публикуемый клад по своему составу близок ккладам из дер. Шильниково, Мордовской АССР⁵, из дер. Пашковка, Черниговской области, и Чукурча, Крымской области, а также из того же с. Турия, б. Кировоградской, ныне Черкасской области. Последний клад, найденный в 1929 г., почти совпадает по составу с нашим кладом: Веспасиан — 1 монета, Траян — 1 монета, Адриан — 7 монет, Элий Вер — 1 монета, Фаустина Старшая — 5 монет, Антонин Пий — 5 монет, Фаустина Младшая — 9 монет, Марк Аврелий — 7 монет, Криспина — 4 монеты, Коммод — 8 монет⁶.

Публикуемый нами клад, как и большинство кладов римских денариев, находимых на территории Украины, отражает картину денежного обращения I—II вв. н. э. Зарыт клад при Септимии Севере, хотя накопление его в основном было закончено уже ко времени Коммода.

Все монеты нашего клада, в том числе и поздние, сильно потерты (большинство надписей на монетах не читается), что свидетельствует о том, что денарии долгое время находились в обращении. За счет стертости монет средний вес их несколько снижен. Меньше трех граммов весят 66 монет, больше трех граммов — 39 монет. Наименьший вес монет в кладе: 2,33 г; 2,45 г; 2,48 г; 2,54 г и т. д. Наибольший вес монет в кладе: 3,45 г; 3,33 г; 3,29 г и т. д.

⁴ В. В. Кропоткин. Клады римских монет..., стр. 244 сл.

⁵ Там же, список монет, №№ 27, 28, 30.

⁶ Там же, список монет, № 39.

МОГИЛЬНИК ПЕРВЫХ СТОЛЕТИЙ НОВОЙ ЭРЫ У с. БУДЕШТЫ В МОЛДАВИИ

Памятники Среднего и Нижнего Поднепровья первых столетий новой эры изучены еще недостаточно. Раскопки могильника у с. Будешты (Криулянский р-н, МССР) несколько пополняют наши материалы по культуре «полей погребений».

Могильник расположен в 1 км к западу от с. Будешты, к северу от дороги Кишинев — Ваду-луй-Воды, на территории, занятой Будештской МТС. К западу, востоку и югу от могильника находится селище культуры «полей погребений». Могильник и селище занимают пологий северный склон долины, вытянутой с запада на восток.

На селище было собрано довольно много кусков сильно обожженной глины и обломки сосудов серолощенных, сероглиняных гладких, сероглиняных с грубыми примесями и красноглиняных. Особое внимание привлекают найденные на западной окраине селища крупные обломки сероглиняных гладких сосудов с орнаментом, состоящим из лент чередующихся волнистых и прямых желобков.

Раскопки могильника в 1954 г. были проведены одним из отрядов Молдавской археологической экспедиции ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР и ИИМК АН СССР¹.

На могильнике вскрыто 59 погребений и добыт значительный материал из разрушенных захоронений, залегавший в грунте. Здесь собраны керамика и большое количество бронзовых, железных и стеклянных изделий.

Так же как в могильниках Поднепровья и Попрутья, в Будештском могильнике сочетаются обряды трупосожжения и трупоположения.

Исследованные при раскопках могилы не имеют внешних признаков. Погребения по обряду распределяются на девять групп: а) трупосожжения в урнах; б) ямы с остатками трупосожжений; в) захоронения кальцинированных костей без урн; г) трупоположения в ямах, ориентированные по направлению запад — восток; д) трупоположения в ямах с заплечиками, ориентированные по направлению запад — восток; е) трупоположения без видимых ям, ориентированные по направлению север — юг; з) скорченное погребение в яме, ориентированное по направлению север — юг; и) разрушенные трупоположения в ямах, ориентированные по направлению север — юг. Почти все ямы с трупоположениями выявлены на глубине 0,8 м.

Ниже приведены описания нескольких погребений, наиболее типичных для каждой группы. В пределах последних наблюдаются подгруппы.

Трупосожжения в раскопанных нами могилах представлены тремя типами.

Группа а объединяет 33 трупосожжения в урнах², залегавших на глубине от 0,25 м до 0,8 м (главным образом 0,4—0,5 м). Ямы не прослеживались. Почти все сосуды раздавлены. Большинство урн покрыто горш-

¹ Начальник отряда — Э. А. Рикман, сотрудники — С. З. Армах и Г. А. Фюрер (художник).

² Погр. №№ 6—10, 12—14, 16—20, 27—32, 34, 35, 40—42, 46—48, 50, 52, 54, 55, 58, 59.

ками или мисками. Крышка с ручкой встречена лишь в одном случае (погр. № 59). В погребениях находилось от одного (погр. № 14) до пяти сосудов (погр. № 55); некоторые из них служили крышками. Лепные и круговые сосуды были как урнами, так и крышками. В одном случае крышкой служил плоский камень.

Покойников сжигали вне могильника на кострах (в ряде погребений сохранились древесные угольки) в одежде вместе с украшениями и бытовыми предметами (бусами, фибулами, гребнями, пряжками, ключами, ножами, пряслицами, иглами и т. д.). Особую роль в погребальном ритуале играли стеклянные сосуды (их оплавленные кусочки найдены в большинстве погребений) и раковины *сургаеа* (погр. №№ 47, 55). находка близ урн погребения № 8 таранной кости коровы (определение В. И. Цалкина) служит признаком захоронения вместе с остатками трупосожжений частей животных. Под урной № 9 найден железный эсовидный ключ.

В погребении № 54 на глубине 0,25 м найден лепной горшок-урна с пережженными человеческими костями, прикрытый крышкой — дном кругового сосуда. Урна вытянутых пропорций, с выпуклыми боками, слегка отогнутым невыразительным венчиком и маленьким плоским дном. Глина, из которой сделан горшок, содержит примесь шамота и мелких кусочков известняка. Поверхность горшка — красного цвета, бугристая, шероховатая; в изломе глина темно-серая. От крышки сохранился обломок кольцевого дна кругового красноглиняного сосуда с шероховатой поверхностью. Его тесто с примесью песка; техника формовки ленточная.

Среди пережженных костей было найдено два глиняных пряслица — красное и серое (оба биконические с полусферически вдавленными основаниями), бронзовая игла, железный ланцетовидный нож, две железные подвески — «ведерочка», пять железных луговиц — «ведерочек» с ушками, пять железных трапециевидных пластинок, четыре обломка костяных гребней с бронзовыми заклепками, три сердоликовые бусины (плитчатые со срезанными углами), обломок пружины бронзовой фибулы и бронзовая заклепка. Кроме того, здесь же был найден обломок раковины.

Г р у п п а б объединяет пять ям³, где среди обломков сосудов и земли найдены пережженные человеческие кости. Ямы овальные в плане и трапециевидные или полукруглые в сечении, глубиной 0,8—1,0 м. В каждой яме находились обломки нескольких лепных и круговых сосудов, от трех (погребение № 21) до двадцати (погребение № 23). В последнее погребение сосуды попали в виде обломков. В ямах найдены также бусы, пряслица, кусочки стеклянных сосудов, железный нож, слиточек бронзы. В погребении № 23 (и аналогичных) наблюдаются признаки тризны. В погребении № 45 найдена раковина *сургаеа*. Такие раковины распространены в могильниках черняховской культуры Поднепровья (как и вообще в археологических материалах многих стран), куда они попадали с побережий Красного моря или Индийского океана⁴.

Погребение № 21. Яма в плане вытянуто-овальной формы, длиной 1,8 м, шириной 0,8 м и глубиной до 0,55 м. В сечении яма трапециевидная. В заполнении найдены пережженные человеческие кости и обломки по крайней мере трех круговых сосудов. Один — серооленный со слабо отогнутым венчиком, второй — сероглиняный, шероховатый и пористый, с примесью песка в глине и третий — красноглиняный со слабо отогнутым венчиком, украшенный рифлением. Кроме того, в заполнении ямы найдены бусины; стеклянная синяя и костяная цилиндрическая. Обнаружены также обломки стеклянных сосудов, два глиняных усеченно-биконических пряслица.

³ №№ 21—23, 44, 45.

⁴ Приношу глубокую благодарность сотруднице Института палеонтологии АН СССР Л. А. Невеской, определившей раковину.

Группа *в* объединяет два скопления пережженных человеческих костей⁵, захороненных на глубине 0,5 м. Ямы не прослеживались, вещей не было.

В следующие группы входят погребения с труположениями.

Группа *г* объединяет два погребения в ямах⁶, ориентированных по направлению запад — восток.

Погребение № 3. На глубине 1,2 м вскрыта яма длиной 2,5 м, шириной 0,75 м, глубиной 0,65 м, почти прямоугольной формы со скругленными углами. На глубине 1,85 м находился костяк длиной 1,6 м. Он лежал вытянуто на спине, кисти рук были положены на таз. В области головы и ног найдены куски истлевшего дерева. По-видимому, погребение было совершено в колодеце. Вещей при погребении не было.

В погребении № 1 той же группы, наряду с сердоликовой плитчатой со срезанными углами бусиной, найдены три спиральные раковины.

В группу *д* входит одно погребение № 39. Могильная яма овальной формы, длиной 2,2 м, шириной 0,6 м, глубиной до 0,55 м, ориентирована с запада на восток. С юго-восточной стороны имеется ступенька. Яма была заполнена беспорядочно сваленными костями человека. Вещей не было.

Группа *е* объединяет шесть труположений⁷, ориентированных по направлению север — юг. Ямы не прослежены. Погребение № 11 найдено на глубине 0,7 м. Костяк длиной 1,7 м лежал вытянуто на спине, руки положены вдоль туловища, а ладони — на бедра. У таза найдены железные предметы: овальная пряжка, обломок ножа, четырехгранный стержень. У левого бедра была железная проволочка.

Погребение № 43. На глубине 0,6 м лежал скелет подростка длиной 1,2 м. У таза найдена синяя стеклянная бусина, у левого колена — бронзовая игла.

Группа *ж* состоит из шести погребений в ступенчатых ямах⁸, ориентированных по направлению север — юг. Ямы овальные в плане, со ступеньками с западной или восточной стороны. У ямы погребения № 5 в восточной стороне имелась ступенька, а в западной — подбой. Вместе с костями человека в ямах были обломки от одного до четырех сосудов, бытовые предметы, украшения. В погребении № 2 найдена спиральная раковина.

Наиболее выразительно погребение № 57. Яма овальной формы, длиной 1,55 м, шириной 0,8 м, глубиной до 0,6 м. Вдоль восточной и западной ямы были сделаны ступеньки. На дне ямы на спине лежал костяк (длиной 1,4 м), руки его были вытянуты вдоль туловища. На костях пальцев левой руки стояла серолощенная миска. Вторая такая же миска налегала на кости голени левой ноги. У головы стояли четыре сосуда. В центре был красноглиняный кувшинчик, вокруг него — три круговых сферических горшка. Рядом найден костяной гребень с полукруглой спинкой, а у затылка — принадлежности ожерелья: бронзовая сильно истертая монета с отверстием (на ней неясное погрудное изображение, по-видимому, Нервы или Траяна). Тут же найден клык с отверстием, двойная пастовая бусина, кусочек ткани, обломок стеклянного сосуда, синяя стеклянная бусина-колечко, яичная скорлупа и раковина.

Описанное погребение № 57 самое богатое. Интересно отметить, что и в Поднепровье наиболее богатые погребения были открыты в ямах с заплечиками⁹.

К группе *з* относится погребение № 38. Яма в плане овальной формы, длиной 2,45 м, шириной 1,65 м, глубиной до 0,5 м. В разрезе яма тра-

⁵ Погр. №№ 49, 51.

⁶ Погр. №№ 1, 3.

⁷ Погр. №№ 11, 26, 33, 36, 37, 43.

⁸ Погр. №№ 2, 4, 5, 15, 25, 57.

⁹ В. К. Гончаров. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого. КСИИ, вып. 4, 1955, стр. 37.

печиевидной формы. Ориентирована по направлению север — юг. В северо-западном углу ямы оказалось скопление человеческих костей: обломки ребер, костей рук, позвонки. В южной части ямы лежали согнутые в коленях кости ног в полном анатомическом порядке. В северной части ямы найдены кусочки истлевшей древесины, видимо, от погребальной колоды. Судя по положению ног, костяк был скорченным.

В погребении найдены обломки нескольких круговых и лепных сосудов. Найдены кольцевое днище и венчик серолощенных сосудов, обломки красноглиняного сосуда с реберчатыми боками, бурых лепных горшков. Из плохо отмученного теста с примесью песка и шамота, плохо обожженных. В могильной яме найдены железный нож (на глубине 0,4 м) и бронзовая пряжка (на глубине 0,8 м), хотя и залегающие выше костей погребенного, но, видимо, относящиеся к этому разрушенному погребению.

Группа *и* объединяет три разрушенных труположения в ямах¹⁰, ориентированных по направлению север — юг. Ямы овальные в плане и трапециевидные в сечениях, в их заполнении найдены обломки сосудов, бытовые предметы и украшения.

Погребение № 24. Яма овальная в плане, длиной 1,8 м, шириной 1,4 м, глубиной до 0,4 м, в продольном и поперечном сечении трапециевидной формы. В ней в полном беспорядке находились кости конечностей, таза, ребра, черепа человека. В заполнении ямы находились обломки по крайней мере шести сосудов. Найдены крупные куски серолощенного сосуда на кольцевом днище, обломок реберчатобокой серолощенной миски, красноглиняной в изломе, со слабо профилированным венчиком и невысоким орнаментальным валиком. Обнаружены: чернолощенная невысокая мисочка на кольцевом днище со слабо отогнутым венчиком, тесто сосуда серое, хорошо отмученное; резко отогнутый венчик сероглиняного шероховатого пористого сосуда, в грубом тесте которого содержится примесь песка; плоское днище аналогичной выработки; венчик крупного красноглиняного сосуда с двумя орнаментальными валиками.

В погребении найдены также бронзовая фибула с подвязанным приемником, сердоликовая плитчатая бусина со срезанными углами и бронзовый туалетный ножичек.

Подводя итоги описания погребальных обрядов Будештского могильника, следует констатировать, что в северо-западной его части преобладали трупосожжения (71% от общего числа погребений). Погребения остальных шести групп вкраплены в основную массу трупосожжений. Лишь пять ям с трупосожжениями составляют более или менее компактную группу. Соотношение обрядов погребений, очевидно, отражает соотношение различных этнических групп в населении селища.

Стратиграфия погребений дает основание говорить об их относительной одновременности. Лишь в двух случаях наблюдается перекрывание одного погребения другим: Так, погребение № 19 с трупосожжением перекрывает яму № 23 с трупосожжением, будучи, следовательно, позднейшим. В связи с этим приобретает интерес то, что в погребении № 19 сосуды круговые, а в погребении № 23, кроме того, есть еще и лепные.

То обстоятельство, что остальные погребения друг друга не перекрывают, а также относительная однородность инвентаря погребений, как нам кажется, свидетельствуют о том, что остальные погребения хронологически близки.

В Будештском могильнике преобладают одиночные погребения. Лишь в нескольких могилах, где имеются от двух до пяти погребальных урн с трупосожжениями, можно видеть семейные усыпальницы. Погребения встречаются с богатым и бедным инвентарем.

В могильнике преобладают захоронения пережженных костей в урнах, накрытых мисками или горшками. Специально изготовленная крышка встречена лишь один раз. В этом отношении интересно сравнить могиль-

¹⁰ №№ 24, 53, 56.

ник у с. Будешты с одновременным могильником у с. Поянешты¹¹ в Попрутье, где высокие урны покрыты изготовленными по надлежащему размеру крышками. В связи с этим возникает вопрос: можно ли видеть в осо-

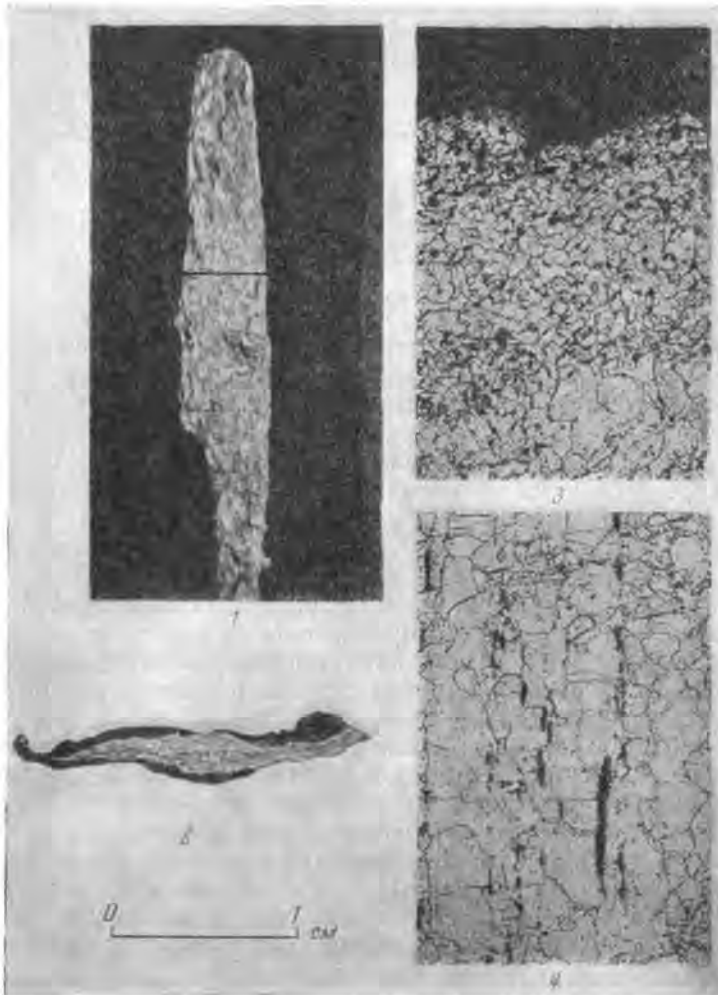

Рис. 1. Данные металлографического анализа железного изделия из Будештского могильника (3—увеличено в 150 раз; 4—в 100 раз)

бенностях погребального обряда будештских трупосожжений подражение обряду, применявшемуся населением более западных территорий. При этом следует учесть сходство ряда предметов из погребального инвентаря обоих могильников при полном несхождении керамики. Все это важно для выяснения культурных связей Поднестровья в III—IV вв. н. э.

В отдельных чертах погребального обряда в Будештском могильнике наблюдается сарматское влияние. Оно проявляется прежде всего в наличии заплечиков у ряда могильных ям (№№ 57, 15, 25, 5 и др.). К сарматским же чертам относятся погребение человека с подогнутыми ногами и остатки гробов или колод. Эти черты в могильниках культуры «полей погребений» связывают с сарматским влиянием¹².

¹¹ R. Vulpe. Săpăturile dela Poienești din 1949. Materiale arheologice privind istoria veche a R. P. R., т. I., București, 1953, стр. 345.

¹² Ю. В. Кураченко. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954, стр. 118—119.

Железных предметов в этом могильнике найдено немного. Железные ножи имеются трех типов. Первый — с прямоугольным перегибом спинки при ее переходе к черенку.

Нож такого типа изучался Ф. А. Луневым в металлографической лаборатории МВТУ им. Баумана. Микроструктура кованого ножа ферритная с перлитными включениями в поверхностном слое (рис. 1).

Данные анализов металлических предметов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Наименование изделия	Sn	Cu	Pb	Fe	Zn	C	Si	Mn	P	S
пряжка	5,27	76,96	16,22	0,05	1,45	—	—	—	—	—
нож	—	—	—	98,895	—	0,29	0,70	—	0,087	0,028

Такие ножи найдены при раскопках могильника у с. Поянешты (Румыния). Ножи второго типа характеризуются скругленной («горбатой») спинкой. У третьего типа форма клинка напоминает лист ивы.

Железные гвозди найдены двух типов: у первого (дляковки лошадей?) шляпка раскована в форме треугольника в одной плоскости со стержнем; другой — характеризуется большой плоской шляпкой и тонким коротким стерженьком.

Найдены также бронзовые гвоздики и заклепки, квадратные в сечении с полусферической шляпкой.

Из железа сделаны ключи. Один из них представляет собой стержень с загнутым концом (черенок его прямоугольный в сечении, а крюк квадратный). Второй сделан в виде пластинки прямоугольной в сечении с концами, загнутыми в противоположные стороны в виде латинской буквы S. Неясно назначение железных «ведерочек»; некоторые из них снабжены стерженьками, выступающими со дна и изнутри. Одно «ведерочко» имеет в днище отверстие. Некоторые исследователи считают их украшениями. Таково же, по-видимому, назначение железных треугольных пластинок. Из железной круглой в сечении проволоки сделан небольшой крючок.

Железные пряжки с язычками, овальные и круглые. Несколько железных пуговиц имеют форму миниатюрных «ведерочек» с «ручками». Аналогичные предметы найдены при раскопках могильника у с. Привольного¹³, инвентарь которого в целом весьма схож с инвентарем Будештского могильника.

При всей немногочисленности железный инвентарь является свидетельством того, что кузнечное дело здесь достигло высокого развития. Железо вырабатывали в Поднепровье, и изделия из него производились здесь же.

Бронзовых изделий встречено больше, чем железных (рис. 2). Среди находок имеются бронзовые пуговицы полусферической формы, со следами ушек у основания.

Бронзовые пряжки, как и железные, двух типов: овальные и более вытянутые. Тела пряжек обоих типов в сечении овальные (рис. 2, 6—10). Одна бронзовая пряжка второго типа имеет железный язычок.

При металлографическом анализе пряжки установлено, что она отлита из низкокачественной бронзы, а структура ее микропористая, неоднородная, с включениями (рис. 3).

Найденные фибулы (около 30 штук целых и в обломках) делятся на три типа; один из них имеет подтип. К первому типу относится большинство фибул (рис. 2, 2). Все они с подвязанным приемником. Ножка и приемник узкие, спинка дугообразно изогнута. Нить пружины у одних фибул

¹³ Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. СА, XXII, 1955, табл. III, рис. 26—31.

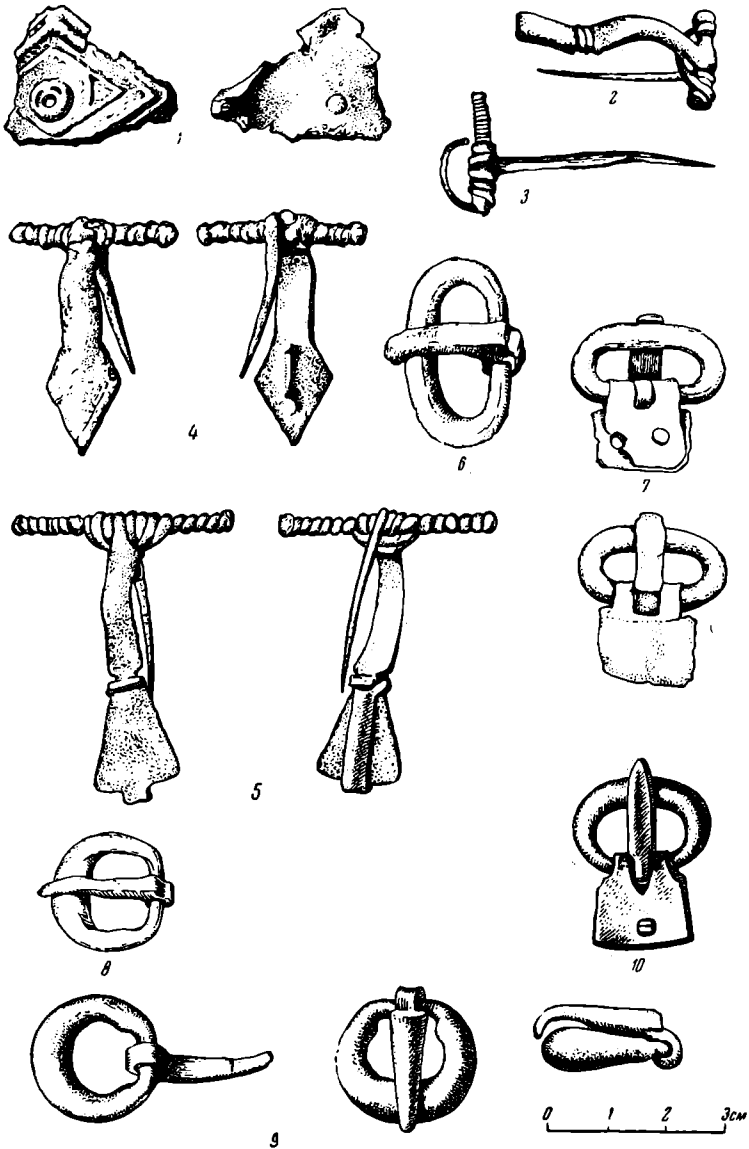

Рис. 2. Бронзовые предметы из Будештского могильника
 1—5 — фибулы; 6—10 — пряжки (1, 9 — погр. № 41; 2, 3, 4, 7, 8, 10 — вне погребения; 5 — погр. № 32; 6 — погр. № 37)

свободно пропущена под спинкой, у других — туго обмотана на месте соединения спинки и оси фибулы. Имеются варианты и в способе подвязывания приемника. В одних случаях приемник подвязывается несколькими оборотами отходящей от него проволочки, в других — одним оборотом отходящей от него пластинки. Особый подтип этого типа фибул отличается таким же способом в подвязке приемника, плотной обмоткой пружины и треугольным расширением плоской ножки с отходящим от нее приемником, по-видимому отлитым с телом фибулы в одной форме (рис. 2, 5). Найдена лишь одна фибула второго типа. Она отличается ромбовидной уплощенной ножкой и высоким приемником (рис. 2, 4). К третьему типу мы относим фибулу с ромбовидным рифленным щитком, с подобием «ручка» сверху и вертикально поставленными шарниром иглы (рис. 2, 1). Близкая по форме фибула найдена при раскопках погребений III—IV вв.

н. э. могильника в Поянешты (Попрутская Молдавия). Последняя фибула украшена эмалью. Сходная фибула III—IV вв. н. э. найдена в Польше¹⁴.

Найдены также следующие бронзовые украшения: головка булавки, круглая в сечении; фрагмент круглого в сечении браслета; пронизки; колечко из круглой в сечении проволоки, ножевидный узкий и длинный пред-

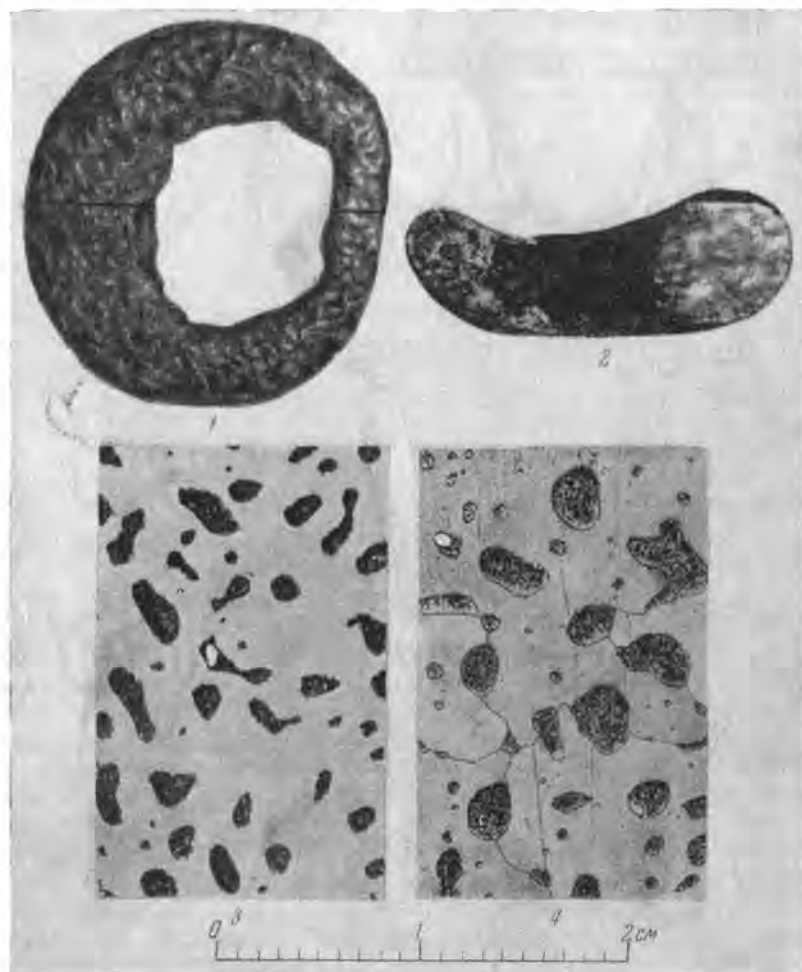

Рис. 3. Данные металлографического анализа бронзового изделия из Будештского могильника

1 — пряжка (линией показано исследованное место); 2 — микроструктура; 3 — микроструктура до травления — микропористость; 4 — микроструктура после травления — неоднородный твердый раствор с включениями твердой фазы (3, 4 — увеличение в 150 раз)

мет с черенком, по-видимому, туалетного назначения и обломок пластинки с шишечкой на конце. В женских погребениях найдено несколько бронзовых иголок с ушками. Бронзовая пластинка с двумя овальными отверстиями в центре и четырьмя небольшими отверстиями в трех углах является деталью замка. Вместе с железными ключами ее можно рассматривать как признак существовавшей имущественной дифференциации.

Из кости искусно сделаны гребни, составленные из отдельных пластин, скрепленных железными и бронзовыми закрепками. Гребень из погреб-

¹⁴ J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955. стр. 245, рис. 718.

бения № 57 имеет овальную ручку; его пластины скреплялись железными заклепками. Обломок такой же ручки с бронзовой заклепкой украшен циркульным орнаментом. Неясно назначение предмета, от которого сохра-

Рис. 4. Лепные и круговые сосуды и урны из Будештского могильника (погр. №№ 6, 54, 29, 13, 30, 52, 7, 57, 57, 57, 34, 4, 30, 55, 28)

нился обломок пластинки, украшенной резным орнаментом в виде концентрических и волнистых линий. Клык животного с отверстием из погребения № 57, вероятно, был амулетом.

Костяные гребни с полукруглыми ручками характерны для черняховской культуры и встречены в памятниках Поднепровья и Попрутья. В Поднепровье такой гребень найден на селище Трифанешты. Последний гребень снабжен широкой ручкой в виде полукруга (чем отличается от гребня из Будештского могильника).

Больше всего найдено бус и бисера из стекла, пасты и камня. Подавляющее большинство последних — сердоликовые красные, известные в литературе под названием плитчатых со срезанными углами. Часть этих бус найдена в трупосожжениях и под действием огня полностью или частично изменила красный цвет на серый и белый. Сверление производилось с одной стороны, судя по тому, что диаметр входного отверстия намного больше диаметра выходного. Аналогичные бусы сделаны и из камня серого цвета. Найдены сердоликовые бусины, имеющие форму параллелепипеда или боченкообразную. Несколько бусин боченкообразной формы сделаны из кости и известняка.

Довольно много стеклянных бусин прозрачных и цветных. Найдены прозрачные крупные бусы боченкообразной усеченно-биконической и цилиндрической формы с широкими отверстиями. По внешнему виду они напоминают пряслица. Кроме того, обнаружены две боченкообразные ребристые бусины. Найдено много оних стеклянных полупрозрачных бусин и бисеринок, имеющих форму боченкообразную, форму пружинки, кубов с усеченными углами, чечевицеобразную, сферическую, форму колечек. Голубая стеклянная крупная бусина усеченно-биконической формы напоминает пряслице.

Несколько бусин сделаны из стеклянной пасты. Наиболее интересны несколько обломков крупных шарообразных инкрустированных бусин. На темную основную поверхность бусин нанесены инкрустации в виде волнистых, зигзаговых линий, прямоугольников, живописных пятен желтого, зеленого, красного, синего цветов. Имеются две боченкообразной формы бусины меньших размеров; у них на основную массу черного цвета нанесены малиновые зигзаги. При строительных работах найдена пастовая черная бусина с синими разводами, изготовленная из пластинки, свернутой в виде цилиндра (виден соединительный шов). Отмечена находка зеленой цилиндрической пастовой бусины и других пастовых бусин — колечки черного, темно-синего, желтого цветов. Найдены спаренные бусины, пастовая черная с желтыми глазками и синие стеклянные.

В трупосожжениях и трупоположениях найдены обломки стеклянных сосудов. Большинство из них зеленоватого цвета, один — молочно-матовый и один — фиолетовый. Найденные обломки массивных закругленных днищ граненых стенок и вертикальных, слабо профилированных венчиков напоминают по форме чарку, найденную при раскопках Черняховского могильника¹⁵, и римские кубки с шлифованными овалами III—IV вв. н. э.¹⁶

Представляет интерес находка трехгранного кремневого отщепа. Аналогичный предмет найден был нами также при работах в 1953 г. на селище близ с. Солончены. Не исключена возможность, что в III — IV вв. н. э. в Поднепровье употреблялись орудия с кремневыми деталями. Такие сельскохозяйственные орудия доживают до XIX в. Молотилка с кремешками выставлена в музее Белгорода-Днепровского.

Найдено много глиняных пряслиц. Форма большинства их усеченно-биконическая с несколько вогнутыми основаниями. На одном из таких пряслиц имеется орнамент в виде отпечатков «пружинок». Кроме того, найдены боченкообразные и дисковидные пряслица.

Численное соотношение найденных при раскопках обломков сосудов различных типов приведено на табл. 2.

В качестве погребальных урн и крышек использовалась обычная столовая и кухонная посуда, встретившаяся и на селище. В погребениях найдено 30 целых сосудов.

¹⁵ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. 4, Киев, 1901, табл. XIX, 504-а.

¹⁶ A. K i s a. Das Glas im Altertume, III, Leipzig, 1908, стр. 904—907.

Керамика круговая и лепная (рис. 4 и 5). Цвет глины круговых сосудов красный и серый. Сосуды серого цвета в свою очередь разделяются на две группы. К первой принадлежат сосуды, изготовленные ленточной техникой из глины с примесью крупного и мелкого песка. Поверхность таких сосудов, несмотря на заглаженность, шероховатая и пористая. Таким способом сделаны горшки различных размеров, округлых очертаний с отогнутыми, слабо профилированными венчиками, плитчатыми и плоскими днищами, с желобчатым орнаментом и валиками. Для некоторых сосудов характерно то, что наиболее широкая их часть находится посередине туловища, а у других горшков — в разной степени переходит в верхнюю треть (рис. 4, 8—14; рис. 5, 9, 6).

Найдены фрагменты серых сосудов из хорошо отмученной глины с гладкой поверхностью (рис. 5, 4); обломки выразительно отогнутых венчиков с непрофилированными и резко отогнутыми краями, венчики в виде площадок, обломки ручек от мисок (в сечении овальные и с вертикальной вмятиной), фрагменты остроредерных стенок и горлышек кувшинов. Посуда орнаментирована желобками, валиками, перекрестно-поясной штриховкой.

Серолощенная посуда представлена тремя невысокими на кольцевых днищах мисками с вертикальными бортиками. Две из них реберчатобокие, а третья округлобокая. Одна из мисок с отчетливо профилированным венчиком и валиком под ним. Миски сформованы с применением ленточной техники. Найден маленький серолощенный кувшинчик с ручкой и с горлом в виде раструба и выпуклым широким туловом (днище плитчатое). При строительных работах здесь же найден приземистый округлобокий серолощенный горшочек с резко отогнутым венчиком и плитчатым днищем (рис. 5, 1, 2, 11, 12).

Горшки красного цвета в общих чертах выполнены так же, как и серые. Различается группа красных сосудов (из глины с примесью крупного и мелкого песка) округлой, почти сферической формы, как и подобные сероглиняные (рис. 4, 6, 7, 15). Красноглиняная гладкая керамика представлена лучше всего двумя реберчатобокими мисками на плитчатом и кольцевом днищах с профилированными венчиками (рис. 5, 3, 5). Особенно выделяется стройный кувшинчик с высоким рифленным горлом и рифлеными боками, наиболее расширяющимися в нижней трети сосуда. Днище кольцевое, в глине легкая примесь слюды, техника формовки ленточная (рис. 5, 10). Найдены два обломка красноглиняного венчика с отверстиями для скрепления кусков после поломки.

Особую группу составляют обломки красноощенных сосудов. Найден, например, обломок стенки с валиками, между которыми имеется орнамент в виде перекрещивающихся проложенных линий.

Несомненный интерес представляет находка в погребениях двух плитчатых днищ сероглиняного и красноглиняного круговых сосудов. Их тесто с примесью песка и кусочков известняка, техника формовки ленточная, поверхность шероховатая. На обоих днищах следы срезывания их ниткой — признак работы на ножном гончарном круге.

Таблица 2

Типы керамики ¹⁷	Колич. фрагментов	%
1. Красная гладкая	5164	51,2
2. Красная шероховатая	236	2,5
3. Серая гладкая (в том числе серолощенная)	3886	38,5
4. Серая шероховатая	744	} 7,5
5. Красноощенная	5	
6. Амфоры	6	
7. Лепная	21	
8. Средневековая	5	
Итого:	10067	100

¹⁷ №№ 1—6 и 8 объединяют керамику, изготовленную на гончарном круге.

Количество лепной посуды невелико. Среди лепных сосудов (рис. 4, 1—5) два подражают круговым. Один из них — красноглиняный горшок, почти сферический, с плитчатым дном, имеющий примесь песка в тесте (рис. 4, 4). Второй сосуд отличается от предыдущего тем, что он при-

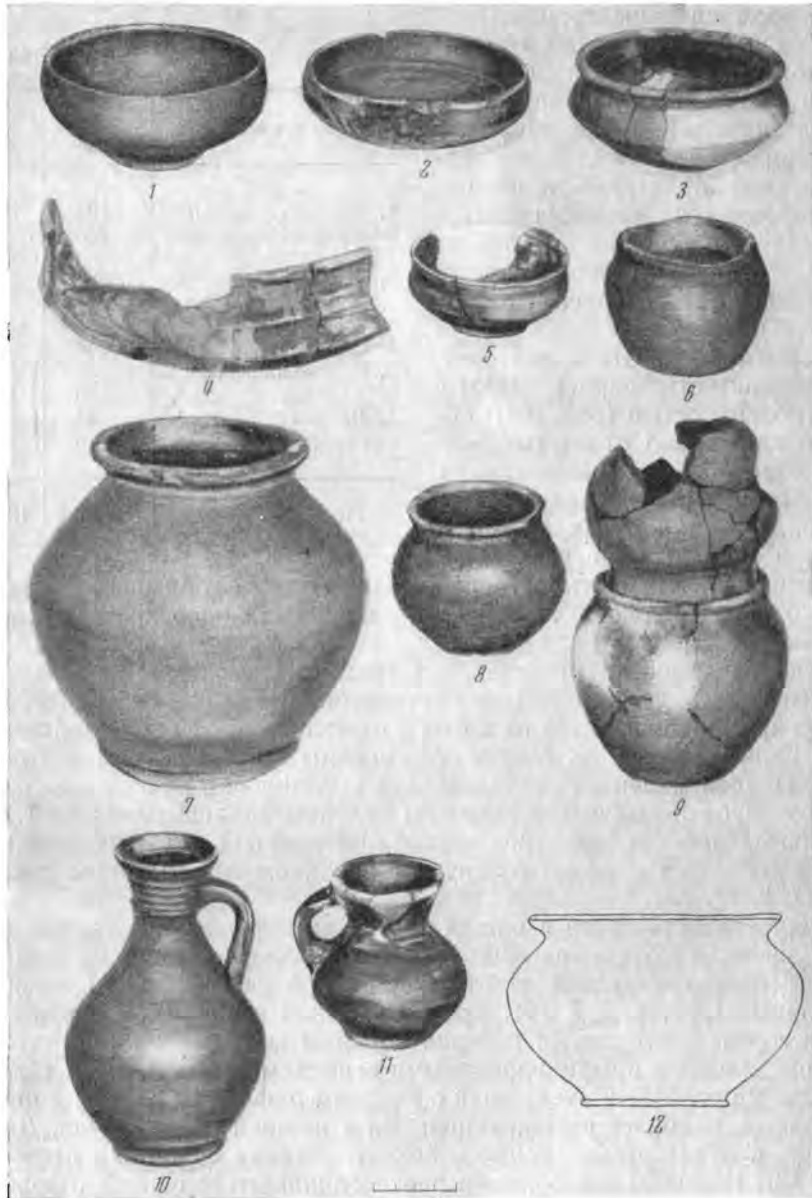

Рис. 5. Круговые сосуды из Будештского могильника (погр. №№ 57, 57, 34, 18, 8, 26, 14, 12, 30, 57, 12 и случайные находки)

земист, с плоским дном, его поверхность шероховатая, в тесте имеется примесь шамота, в изломе цвет глины черный (рис. 4, 5).

Остальные три лепных сосуда принадлежат к различным типам. Один горшок желтовато-бурого цвета из глины с примесью песка; цвет черепка в изломе черный. Горшок напоминает форму усеченного перевернутого

конуса, асимметричен. Наиболее широкая часть сосуда находится в верхней трети. Венчик косо срезан внутрь. Днище плитчатое (рис. 4, 1).

Другой горшок коричневато-бурого цвета, вытянутых пропорций. Венчик почти вертикальный, овальный в сечении, низ усеченно-конический, вертикально выделен у плоского днища. Глина с примесью шамота, поверхность пористая. В изломе черепок черный (рис. 4, 13).

Охарактеризованные выше лепные сосуды имеют отдельные черты сходства (плитчатые днища, пропорции) с круговой керамикой.

Пятый сосуд вытянутый, с выпуклыми боками, невыразительным венчиком и маленьким плоским днищем. Сосуд сделан из красной глины. Тесто с примесью шамота и мелких кусочков известняка. Поверхность горшка бугристая, шероховатая, в изломе черепок темно-серый. Последний сосуд своей формой сходен с раннеславянскими горшками второй половины I тысячелетия н. э. из поднестровского селища Кобуска-Веке¹⁸ (рис. 4, 2).

Среди обломков посуды особый интерес представляет верхняя часть серолощенного сосуда, под венчиком которого по сырой глине до обжига нанесено несколько вертикальных линий. Некоторые сочетания линий отчасти напоминают латинские буквы u и t. Расположенные ниже два знака напоминают букву A. Эти черточки и буквы явно не орнаментальные; возможно, они обозначают вместимость сосуда.

О дате Будештского могильника можно судить по фибулам, найденным как в погребениях, так и в грунте. Эти фибулы (за исключением двух без подвязанного приемника) относятся к III—IV вв. н. э. О том, что памятник существовал и в IV в., говорит наличие у фибул ромбоштитковых ножек, пластинчатых подвязок и высокого держателя иглы¹⁹.

В Среднем и Нижнем Поднепровье наблюдаются памятники двух типов, относящиеся к культуре «полей погребений» первых столетий н. э. Первый, представленный селищем у с. Солончены, характеризуется наличием лишь круговой посуды обычных типов. Второй тип, представленный, например, селищем у с. Лукашевка, характеризуется наличием, кроме круговой, еще и лепной посуды. Памятники, где сочетается лепная и круговая посуда, считаются более ранними²⁰.

Будештский могильник в целом относится к памятникам второго типа, но возможность хронологического деления его материала, как было показано выше, имеется.

Вопреки высказанному некоторыми исследователями мнению о распространении в Поднепровье липицкой культуры, Будештский могильник не может быть к ней отнесен, так как посуда, характерная для липицкой культуры, здесь отсутствует. Материал рассматриваемого могильника (формы большинства сосудов, фибул, бус и других предметов) наиболее близок, а иногда даже идентичен инвентарю памятников черняховского типа, например могильников у сс. Каменка и Гавриловка²¹. Сосуды из нашего могильника близки сосудам первых веков новой эры из селища у с. Лукашевка.

Следует отметить ряд черт, отличающих Будештский могильник от классических памятников черняховской культуры. Если обряд погребений Будештского могильника в целом близок обряду погребений могильников Нижнего и Среднего Днепра, то малое количество лощеной посуды, небольшое число форм сосудов и отсутствие ряда форм (спаренных сосудов, высоких граненых кувшинов) говорят о несколько отличном облике Будештского могильника.

¹⁸ История Молдавии, т. I. Кишинев, 1952, стр. 37.

¹⁹ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР (Дипломная работа, защищенная в апреле 1954 г. на кафедре археологии исторического факультета МГУ).

²⁰ Э. А. Симонович. О датировке поселений первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, вып. 57, 1955.

²¹ Егоров. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955.

Весьма сложен вопрос об этническом составе будештских захоронений. Мы считаем возможным выделить преобладающую группу населения, представленную погребениями с трупосожжениями. Мы уже указывали на наличие в устройстве могил сарматских черт. Перемешанность захоронений с разными обрядами погребений и однородность могильного инвентаря свидетельствуют о далеко зашедшем процессе этнического смешения. Особенности могильника хорошо согласуются с картиной смещений и перемещений населения Северного Причерноморья в III—IV вв. н. э.²²

В литературе высказывались предположения²³, что памятники, подобные Будештскому могильнику, являются славянскими. Действительно, нельзя пройти мимо сходства форм ряда круговых и, в особенности, лепных сосудов могильника с сосудами второй половины I тысячелетия н. э. и древнерусскими. Один из лепных сосудов Будештского могильника особенно похож на горшки с селища второй половины I тысячелетия н. э. у с. Кобуска-Веке, а другой весьма схож с сосудами того же времени из Припятского Полесья²⁴. Эти факты заставляют признать возможность выделения в составе памятника славянского этнического элемента.

В настоящее время трудно решить вопрос об этнической принадлежности основной массы погребений могильника. Вопрос об увязке их инвентаря с находками славянских селищ второй половины I тысячелетия н. э. Нижнего и Среднего Поднестровья (селище Скок и др.) еще не разработан. Эти селища аналогичны славянским памятникам Полесья и Поднепровья, описанным Ю. В. Кухаренко и В. Н. Даниленко²⁵. До более детальных исследований можно констатировать факт невыявленности ясных генетических связей обеих культур, и, таким образом, пока нет достаточных оснований считать Будештский могильник в его основной части славянским.

²² А. М. Ременников. Борьба племен северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954, стр. 26, 41 и др.

²³ Г. Б. Федоров. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. КСИИМК, вып. 56, М., 1954, стр. 10.

²⁴ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57.

²⁵ В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тыс. н. э. в бассейне Днепра. КСИИМК, вып. 4, 1955.

СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ИЗ ДВИНА И АНИ

При раскопках средневековых армянских городов Двина и Ани в слоях X—XIII вв. среди керамики и различных бытовых предметов часто встречаются толстостенные сфероконические сосуды с маленьким горлышком, имеющим узкое отверстие. Археологам, изучающим культуру средневековых городов, эти характерные сосуды хорошо известны. Они встречаются на широкой территории: в Египте, Передней и Средней Азии, в Закавказье, Крыму и Поволжье.

Изучению сфероконических сосудов посвящена небольшая литература, в свое время рецензированная Э. Ленцем и З. Виноградовым¹. Упоминания или краткие сообщения об этих сосудах можно встретить во многих отчетах о раскопках средневековых городов и в статьях о керамике².

Несмотря на их широкое распространение, вопрос происхождения и назначения сфероконических сосудов остается еще спорным, и в археологической литературе до сего дня встречаются различные предположения.

Многу изучены сфероконические сосуды двух разновременных столиц средневековой Армении — Двина и Ани.

Двинский материал из раскопок 1937—1955 гг. хранится в Ереване, в Историческом музее АН АрмССР, там же находится и уцелевшая часть коллекции древностей Анийского музея. Фотографию и подробное описание сфероконических сосудов всей анийской коллекции мне предоставил акад. А. И. Орбели.

Как в Ани, так и в Двине сфероконические сосуды были найдены при самых различных обстоятельствах, группами или поодиночке, в комплексах керамики или отдельно.

В Ани большое количество целых сфероконусов и их обломков было найдено на территории улицы IV. При раскопках 1911 г. обнаружен даже карас, наполненный сфероконусами³. Семь богато украшенных сосудов были найдены у маленького здания, близ гостиницы⁴.

В Двине они встречаются среди различной керамики в колодцах (выгребных ямах); много случайных находок происходит с обширной территории древнего города.

¹ Э. Ленц. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского востока. ЗВОРАО, т. XV, СПб., 1904, стр. 0101—0112; З. Виноградов. Сфероконические сосуды с узким горловым отверстием. Казанский музейный вестник, 1922, № 2, стр. 76—119.

² И. А. Орбели. Каталог Анийского музея древностей, вып. I. СПб., 1910, стр. 73; Б. А. Шелковников. Художественная керамическая промышленность средневековой Армении. Изв. Арм. ФАН СССР, 1942, № 3—4, стр. 17—18; его же. Керамика и стекло из раскопок города Двина. Тр. Гос. Ист. музея АН АрмССР, № 4, 1952; О. С. Хованская. Гончарное дело города Болгара. МИА, № 42, 1954, стр. 344; З. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. Тбилиси, 1953, стр. 10 (на груз. яз.); К. Г. Кафарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, стр. 200—207 (на арм. яз.).

³ Н. Я. Марр. Ани. М.—Л., 1934, стр. 90.

⁴ И. А. Орбели. Ук. соч., стр. 73.

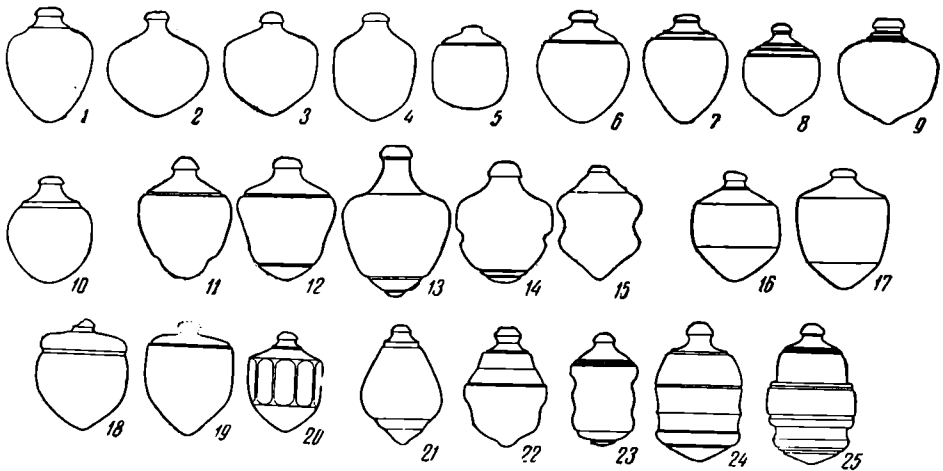

Рис. 1. Основные формы сфероконических сосудов из Двина

Общая и характерная черта этих сосудов — сферическая верхняя и коническая нижняя части. От этой основной формы имеется множество отклонений. Наиболее изменчива средняя часть сосуда, которая бывает более удлиненной или раздутой, с вогнутыми стенками, с цилиндрическим граненым или рельефным поясом (рис. 1).

Обычная форма дна — конус различных размеров, иногда заканчивающийся плоской приплюснутой шишечкой; последняя черта характерна для анийских сосудов. Среди анийской коллекции имеется дно большого сосуда, снаружи плоское и коническое только внутри. Такое же плоское дно имеет и один сосуд, происходящий из Средней Азии (Эрмитаж, инв. № СА-1307).

Сфероконическое тулово завершается короткой шейкой с небольшой головкой в виде слегка приплюснутого полушария. Отверстие в головке бывает от 2 до 5 мм в диаметре.

Головка внизу обычно имеет сужение, которое очень удобно для перевязки горла при упаковке.

В Двине найден сосуд (1906—234), у которого верхняя часть головки сделана из олова. На другом экземпляре (1906—153) шейка лишена верхнего отверстия, которое заменено отверстием сбоку.

В Эрмитаже хранятся два сосуда из Средней Азии (коллекция Б. Н. Кастаньского; инв. № СА-1074, 1085), на которых также горловина с отверстием помещена сбоку. Такие же сосуды, судя по одному из обломков (инв. № А-1072), были и в Ани.

Сосуды делали на ручном гончарном круге при помощи ленточной или жгутовой техники. В Эрмитаже хранится каменная форма из Биляра для отливки металлических сфероконических сосудов (инв. № 131 38/3. С.). Она принадлежит к XIV—XV вв., когда, очевидно, наряду с глиняными сфероконусами употребляли в некоторых, очень редких случаях и металлические. Для непроницаемости стенок внутреннюю поверхность сосуда покрывали ангобом различных оттенков: голубоватым, сероватым, зеленоватым. Сосуды сделаны из очень плотной и твердой огнеупорной глины. Стенки сосудов толстые и приближаются к «каменному черепку». Достижение этих качеств представляло определенную техническую трудность, так как требовало высокого обжига. Сфероконусы не были дешевой продукцией, и их нельзя ставить наравне с простой, неполивной керамикой.

Черепок сосудов имеет различную окраску. Для двинских сосудов характерны мутные желтые и зеленые тона. Встречаются единичные экземпляры черного и красного цвета. Анийские сосуды по цвету черепка отли-

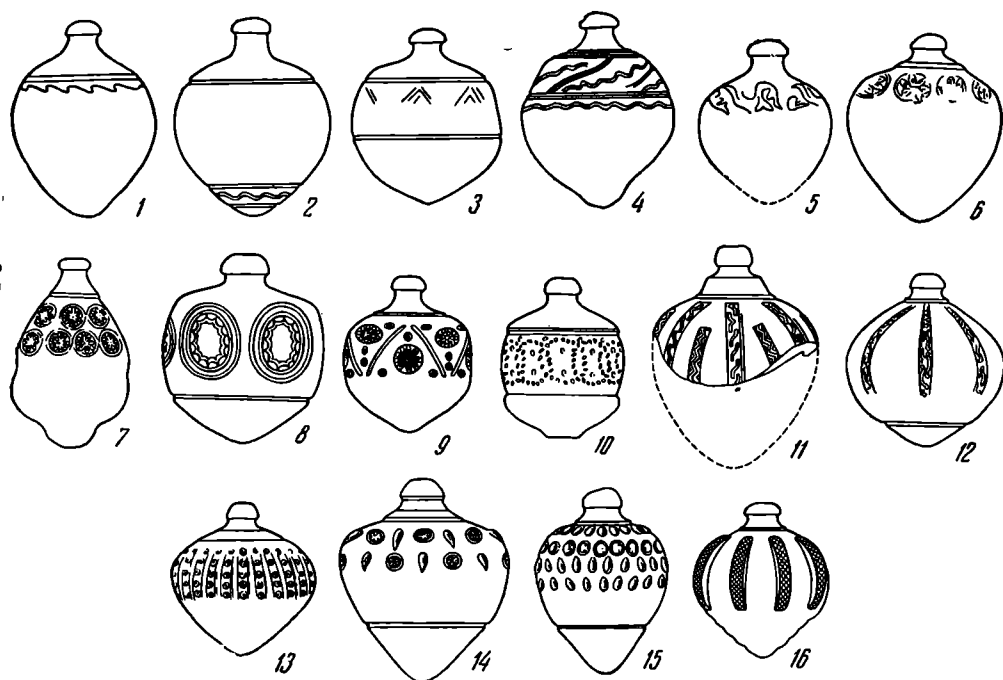

Рис.2. Орнаментация сосудов из Двина

чаются от двинских. Зеленовато-серый и желто-серый цвет здесь более интенсивный⁵.

Цвет черепка зависит от состава глины, способов изготовления глиняной массы, а также и от температуры обжига. Иногда встречается двухцветный черепок, где внутренняя поверхность отличается от внешней, что может быть результатом неравномерного обжига или же воздействия ангоба.

В сечении стенки сосудов неодинаковой толщины: в средней части стенки тоньше, книзу и кверху они утолщаются, наиболее массивный черепок в нижней части конуса.

Утолщение стенок книзу делалось с целью упрочнения как стенок, так и дна. Но вследствие этого увеличивалась тяжесть сосудов и уменьшалась их емкость. Размеры сосудов различны. Двинские сосуды имеют размеры от $9,5 \times 7$ см до 14×11 см. В Ани встречаются и большие сосуды, достигающие 20×15 см.

Внешняя поверхность сосудов обрабатывалась разными способами и в разной мере. Наряду с тщательно обработанной поверхностью встречается совершенно гладкая. Часто наблюдается лощение поверхности; редко попадаются сосуды, покрытые цветной глазурью. В большинстве случаев поверхность сосудов украшалась разнообразными орнаментами, оттиснутыми по сырой, еще не обожженной поверхности (рис. 2).

Самое простое и часто встречающееся украшение — это концентрические вдавленные круги, которыми покрывают сосуд, начиная от горловины и кончая конусом дна.

Нарядные сосуды украшались орнаментами, тисненными разнообразными штампами. В основном это различных размеров и видов кружки, розетки, пальметки, звездочки, сочетания точек и черточек, плетенок, сеток, квадратов (рис. 3).

⁵ Б. А. Шелковников. Художественная керамическая промышленность..., стр. 6.

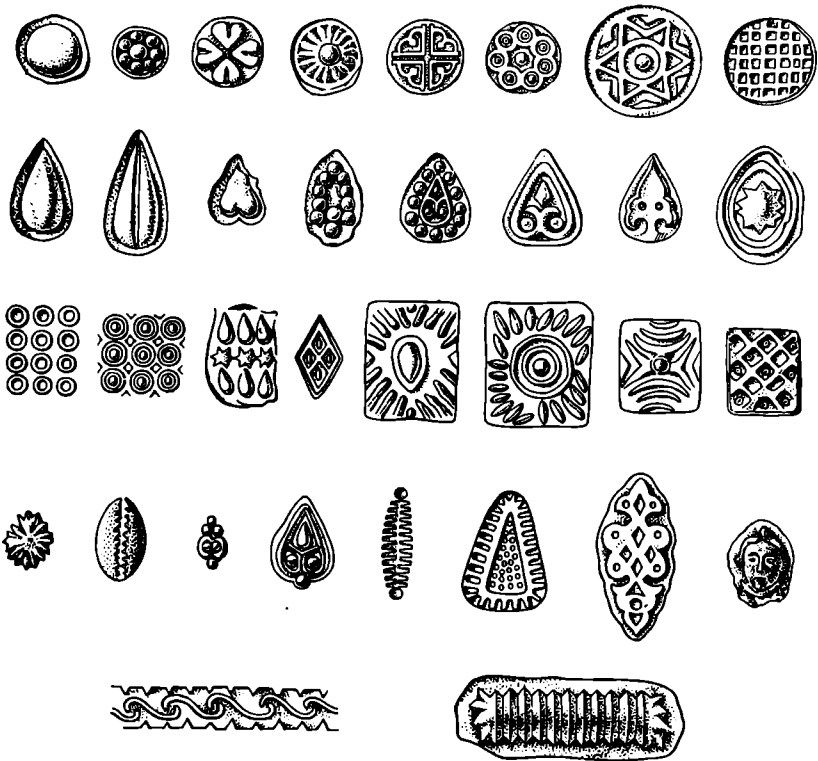

Рис. 3. Образцы штампов из Ани

Существовал и другой способ украшения сосудов — в виде лепного орнамента. Отдельно приготовленные жгутики, ребра, полоски, прямые и витые, семечки и шишки еще в сыром виде накладывались на сосуд.

Встречается также инкрустация пастой и цветной глазурью. Все эти способы в отдельности наблюдаются редко, обычно ими пользовались в сочетании друг с другом, нередко создавая очень эффектное оформление.

Особенно богато были украшены анийские сфероконусы, что отличает их от одновременных им двинских.

В Ани встречаются большие массивные сосуды, сплошь покрытые богатым орнаментом. Узоры штамповались и накладывались очень симметрично, вероятно по заранее заготовленному рисунку или образцу. Поверхность сосуда членилась на поперечные и горизонтальные поля. Границы их отмечались или линиями, или накладными жгутиками, между которыми штамповали узор; иногда же для большей нарядности соответственные места инкрустировались зеленой или голубой пастой (инв. № А-1058) (рис. 4).

Анийские сфероконические сосуды с улицы IV по своей орнаментации очень похожи друг на друга и датируются началом XI в.⁶ Сфероконусы же, обнаруженные при раскопках гостиницы, следует отнести ко второй половине XII в. и началу XIII в. Как отмечает Б. А. Шелковников⁷, сосуды, найденные в гостинице, имеют совершенно ту же орнаментацию, что и сосуды из раскопок улицы. Это может говорить как о консерватизме производства этих предметов, так и о длительном их употреблении и даже о бытовании одних и тех же сосудов в течение жизни нескольких поколений.

⁶ Н. Я. Марр. XI Анийская археологическая кампания. СПб., 1913, стр. 46.

⁷ Б. А. Шелковников. Художественная керамическая промышленность..., стр. 6.

Двинские сфероконические сосуды украшались редко и скудно, и то главным образом в верхней их половине. Интересен один небольшой сосуд светло-зеленого цвета (1949—149 д). Верхняя его половина разделена вертикальными ребрами на три части; в каждой из них помещены медальоны, заключающие две сплетенные друг с другом вишапо-змеи, головы которых с открытой пастью обращены друг к другу (рис. 5). Свободное поле между медальонами и ребрами покрыто штампованными розетками. Точно такой же медальон со змеями имеется и на фрагменте сфероконуса из Анберда⁸.

Изображение змей-вишапов встречается очень часто в изобразительном искусстве Армении. Этот мотив можно встретить как в миниатюрах, так и на каменных рельефах, на резных деревянных изделиях и на глиняных карасах.

Наряду с такими богато украшенными сосудами из Ани, и в особенности из Двина, встречаются простые, совершенно гладкие сфероконусы.

Двинские и отчасти анийские сосуды имеют одну особенность: на их стенках выбиты надписи и знаки. Как правило, они сделаны после обжига уже по твердому черепку. На этих надписях мы подробно остановимся ниже.

Несмотря на наличие многих общих характерных черт у анийских и двинских сосудов, даже с первого, беглого взгляда заметно и их отличие. Анийские сосуды больше по своим размерам, богаче орнаментированы, черепок их более твердый, желтый и зеленый цвет глины более интенсивный. Все это с несомненностью свидетельствует о том, что эти две группы представляли продукцию двух разных центров с различным сырьем и собственным художественным оформлением.

В литературе высказывалось мнение о том, что сфероконусы распространялись из какого-нибудь одного центра путем широких связей. Такой центр видели в Египте, а наличие сфероконусов (скажем, в Средней Азии) объясняли торговыми сношениями Египта со Средней Азией. Центром их производства считали также Туркестан⁹ и другие страны, в зависимости от того, где было обнаружено большее количество сосудов.

Установить место, где впервые возникла форма сфероконических сосудов, в настоящее время очень трудно. Небольшие конические сосуды для

Рис. 4. Обломок сфероконического сосуда с инкрустацией из голубой пасты. Ани

⁸ В ГИМ хранится сфероконический сосуд неизвестного происхождения с почти таким же змеиным рельефом. По цвету черепка, по форме и по характеру этого рельефа он очень похож на двинский сосуд.

⁹ В. А. Городцов. Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов. Тр. ГИМ, вып. I, 1926, стр. 152.

благовоний были известны еще на древнем Востоке. Из раскопок Кармир-блуря происходят три маленьких конических сосуда, отличающихся от средневековых меньшими размерами, тонкостью черепка и более вытянутым туловом.

Несомненно, эти маленькие сосуды сфероконической формы, удобные для хранения жидкостей, употреблялись с давних времен. В рассматри-

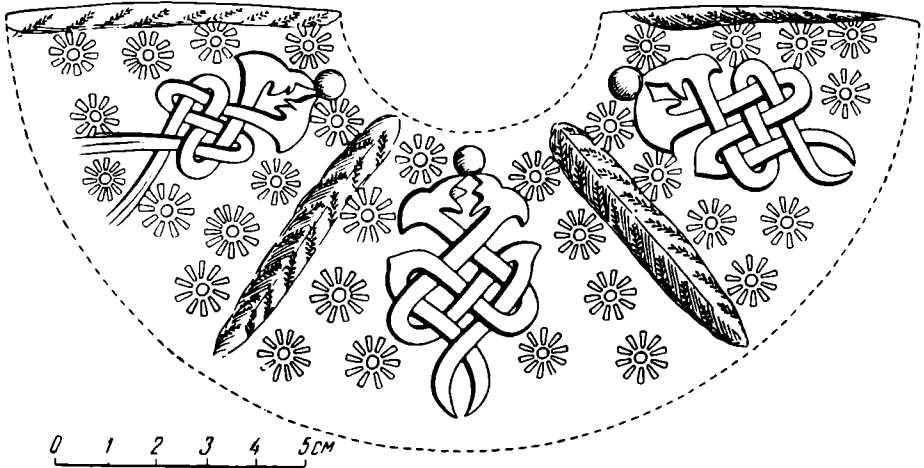

Рис. 5. Орнамент из переплетенных змей. Двин

ваемую же нами эпоху они встречаются уже на огромных пространствах Азии и Европы. На территории Советского Союза сфероконические сосуды в большом количестве найдены в Закавказье (Двин, Ани, Анберд, Оренкала, Шаберан, Кабала, Старая Ганджа, Дманиси, Тбилиси, Гори и др.), в Средней Азии (Самарканд, Ташкент, Термез, Ходжент, Ахсыкет и др.), на Волге (Болгары, Биляр, Сарай-Берке). Явные локальные отличия неопровержимо свидетельствуют о том, что все эти сфероконусы не могли происходить из одного центра.

Сравнение сосудов из Ани и Двина убеждает в существовании на небольшой территории двух самостоятельных центров производства сфероконусов. Сопоставление материалов разных мест и районов, как близких, так и далеких друг от друга, показывает, что все они во многих деталях (цвет, состав черепка, форма, стиль орнамента) отличаются друг от друга.

Возьмем другой закавказский город — Оренкала (древний Байлакан). Раскопки его дают весьма своеобразные образцы сфероконических сосудов. Черепок из Оренкала более сероватый, чем в перечисленных случаях, с желтоватым или зеленоватым оттенком. Различен и орнамент. Надписи встречаются редко; чаще всего они сделаны мастером до обжига; встречаются оттиски печатей с именами мастеров.

Среднеазиатские сосуды также имеют свои особенности. В Термезе сфероконусы были найдены на территории старого города, который был разрушен Чингисханом в 1220 г. Характерной чертой термезских сосудов является нижняя часть, которая кончается не конусом, а стержнем, часто с плоским срезом. Орнамент грубее; он более геометричен.

Для сфероконусов г. Ходжента (близ г. Ленинабада; собрание Куна, Гос. Эрмитаж) типична очень удлиненная, узкая форма сосуда, в особенности дна, а также приподнятые плечики. Скучный штампованный орнамент помещается только в верхней половине сосуда.

В Афрасиабе (коллекция Кастаньского, Гос. Эрмитаж) основная форма сосуда также удлиненная; встречаются сосуды, у которых нижняя часть имеет вид рыбьего хвоста. В орнаменте наблюдается частое сочетание вертикальных накладных ребер с мелким точечным и пунктирным штампом.

Два обломка интересных сфероконических сосудов, найденных на развалинах Ахсыкета (Наманганская область Узбекской ССР) были переданы мне проф. Н. И. Леоновым (рис. 6). Оба они имеют вид рыб. Один маленький сфероконус является частью сложного сосуда, состоящего из основного сосуда и нескольких других, примыкающих к нему. Туловище сосуда украшено кружками, передающими рыбку чешую, размечены плав-

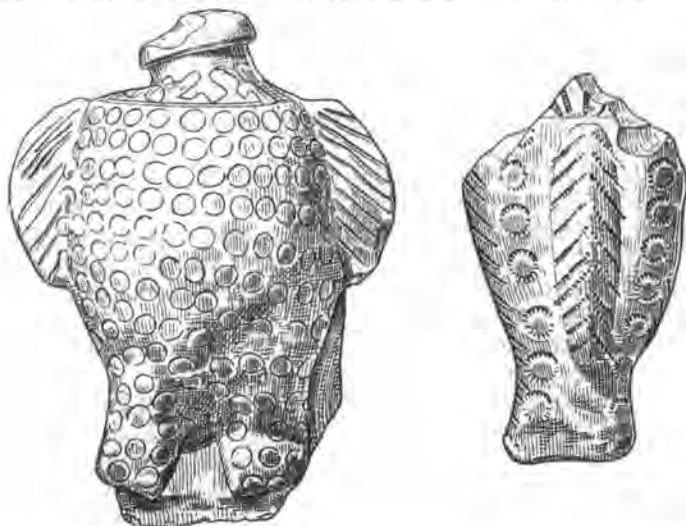

Рис. 6. Два обломка сфероконических сосудов из Ахсыкета

ники, хвост был несколько деформирован, когда наклепывали этот сосуд на туловище основного. Второй сфероконус, от которого сохранилась нижняя часть в виде рыбьего хвоста, по черепку и характеру орнамента очень близок к афрасиабским.

От среднеазиатских и закавказских резко отличаются сфероконусы, найденные на Волге: в Болгарах, Биляре и Сарай-Берке.

В Болгарах сосуды кирпичного цвета, головка массивная; сами сосуды более приземистые, орнаментация почти отсутствует. Надписи редки и сделаны до обжига.

В Билярах черепок сосудов серый, надписи сделаны после обжига. От изделий своих соседей отличаются также и сосуды из Сарай-Берке (раскопки Терещенко; Гос. Эрмитаж). Они мутно-оливкового цвета, черепок массивный, шейка сплошная без резко очерченной головки. Сосуды орнаментированы своеобразным узором: треугольниками, заполненными штампованным орнаментом.

Таким образом, совершенно очевидно, что сосуды различных районов, независимо от времени, имеют свои специфические черты, выражающиеся в форме и художественной обработке и связанные с местным сырьем. Как известно, почти во всех крупных средневековых городах имелось свое гончарное производство не только неполивной, простой керамики, но и высококачественной. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в каждом более или менее большом городе существовало и производство сфероконических сосудов, которые, судя по обилию находок, имели широкое распространение.

В 1955 г. в Орен-кала были открыты гончарные печи для обжига сфероконусов. Обнаруженные около печей сосуды принадлежат двум типам: зеленые шаровидные и округлые желтоватые со слегка коническим дном¹⁰.

¹⁰ Н. В. Минкевич-Мустафаева. Гончарные печи на городище Орен-кала. Тезисы докладов и сообщений научной сессии, посвященной экспозиции по истории Азербайджана с древних времен до X века. Баку, 1956, стр. 51.

Как мне сообщил А. Л. Якобсон, эти печи, а также и сфероконические сосуды, обнаруженные в них, на основании найденной в засыпи печей характерной поливной керамики IX в. могут быть датированы этим же временем, т. е. IX в.

Гончарные печи для обжига сфероконусов были раскопаны также и в Болгарах¹¹. Очевидно, дальнейшие раскопки откроют подобные печи и в других городах.

Можно с уверенностью сказать, что сфероконусы имели широкое распространение; их производили во многих местах и ими пользовались люди разных национальностей и верований. Но все сказанное не противоречит тому, что сфероконусы могли быть предметом торговли (конечно, вместе с их содержимым).

В Чистопольском краеведческом музее хранится один сфероконический сосуд из Биляра, который по своей форме и черепку отличается от волжских. Прав Н. П. Сычев, считающий, что этот сосуд кавказского, точнее анийского происхождения¹². Это не должно нас удивлять, так как факт существования торговых сношений армянских городов с поволжскими в средние века давно уже установлен.

Торговлей также можно объяснить находку сфероконического сосуда под стенами Московского кремля¹³.

Основной спорный и нерешенный вопрос — это назначение сфероконических сосудов. По этому поводу существует несколько предположений.

А. В. Арциховский в своей книге «Введение в археологию» в качестве примера археологического спора о назначении вещей приводит именно сфероконические сосуды и перечисляет восемь различных предположений относительно их назначения¹⁴. Еще в 1802 г. на сфероконические сосуды обратил внимание французский ученый В. Денон. В своем сочинении «Voyage dans la basse et haute Egypte» (1802 г.)¹⁵ он издал рисунок сфероконуса, но тут же отметил, что ввиду малых размеров и узости горла сосуды эти для употребления непригодны.

В 1874 г. в Триполи под фундаментом одного из домов были обнаружены 60 сфероконических сосудов, сложенных в виде круга, на одном из них было клеймо «bi Napa». Де Сольси пришел к заключению, что эти сосуды были ручными метательными гранатами, которые наполнялись горючим или взрывчатым веществом и использовались арабами против крестоносцев. Узкое горло автор объяснял как приспособление для фитиля, а необычную толщину стенок — для усиления действия взрыва. Это мнение поддерживали Перро и Шипье¹⁶ и многие другие.

А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт, говоря о последней военной катастрофе волжских болгар в начале XV в., как вещественное свидетельство приводят глиняные сфероконические сосуды, по их мнению служившие зажигательными бомбами¹⁷.

Однако это распространенное мнение, по-видимому, неправильно. О том, что сфероконические сосуды не могли быть зажигательными, говорят сами сосуды. А. Ф. Лихачев в свое время справедливо отметил, что независимо от всего, одна лишь орнаментация сосудов, в некоторых случаях очень богатая, говорит против этого¹⁸. Кроме того, черепок сосуда очень крепок и совершенно не соответствует этой цели сосуда.

¹¹ О. С. Хованская. Ук. соч., стр. 359.

¹² Н. П. Сычев. К вопросу о болгарских сфероконических сосудах. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 70.

¹³ Э. Ленц. Ук. соч., стр. 0106.

¹⁴ А. В. Арциховский. Введение в археологию. Изд. 3-е, М., 1947, стр. 160—161.

¹⁵ См. Э. Ленц. Ук. соч., стр. 0102.

¹⁶ G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, т. IV, Paris, 1887, стр. 805.

¹⁷ А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья. По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954, стр. 44—45.

¹⁸ А. Ф. Лихачев. О загадочных сосудах сфероконической формы из Волжской Болгарии. Тр. IV АС, т. I, Казань, 1884, стр. 34—65.

Как известно, в средние века действительно существовали метательные снаряды, с помощью которых выбрасывали на территорию врага специальные зажженные сосуды с горючей жидкостью, но, очевидно, они были стеклянными или, во всяком случае, делались из хрупкого материала.

В. А. Казаринов считал сфероколические сосуды архитектурными украшениями, которые надевались на шпиль и таким образом украшали ворота и башни¹⁹. Нет никакого сомнения в несостоятельности и этого предположения: небольшие размеры сосудов и мелкий орнамент на них делают его бессмысленным.

А. Ф. Лихачев видел в сфероколических лампы²⁰. С этим частично соглашались З. Виноградов и В. А. Городцов²¹. Основное доказательство этого — свидетельство очевидцев — не может быть убедительным, так как с таким же успехом наши современники могут при необходимости использовать в качестве светильников любые бутылки. Кроме того, и сам А. Ф. Лихачев замечает, что следы копоти на сосудах обычно не заметны, а кроме того, сосуды не имеют отверстия для доступа воздуха, без которого лампы гореть не могут.

Ризположенский и З. Виноградов²² полагали, что эти сосуды связаны с культом воды; по их мнению, в сфероколических перевозили и хранили воду из священных источников. В качестве доказательства они приводят сосуды, нижняя часть которых имеет форму рыбьего хвоста, а также зеленый цвет некоторых сфероколических. Малый размер, ничтожная емкость и значительная тяжесть самого сосуда лишают убедительности и этот довод.

В Закавказье для перевозки и хранения воды и теперь употребляются глиняные сосуды сфероколической формы, но гораздо большего размера — литров на восемь — десять. У этих сосудов черепок тонкий, что значительно облегчает их вес. Что касается зеленого цвета и рыбьего хвоста, то они не являются характерными для всей группы сфероколических и встречаются очень редко.

В 1871 г. Ченстнер на основании находки одного сфероколического сосуда, на дне которого были обнаружены микроскопические шарики ртути, пришел в выводу, что эти сосуды и служили для перевозки и хранения ртути²³. С ртутью оказался и сфероколический сосуд, найденный в 1908 г. при раскопках фундаментов стен Московского Кремля. Н. Ф. Высоцкий в г. Старый-Крым также нашел сфероколический сосуд с ртутью; его горлышко было закрыто деревянной пробкой и залито воском²⁴. Имеется ряд других свидетельств, которые связывают эти сосуды с ртутью. По свидетельству Т. Тораманяна²⁵, в Шапин-Гараисаре (Турция), жителями которого были переселенцы из Ани, еще в начале XX столетия в таких сосудах хранили ртуть для приготовления специальных лекарств против кожных заболеваний и лечения ран, а также белил для косметики.

На основании этих фактов и было высказано предположение, что сфероколические сосуды служили для хранения и перевозки ртути²⁶. Это мнение получило широкое распространение: нередко сфероколические стали называть «ртутными сосудами». Это предположение на первый взгляд очень

¹⁹ В. А. Казаринов. Описание Билярских и Болгарских городищ. ИОАИЭ, т. III, 1880—1882, стр. 119.

²⁰ А. Ф. Лихачев. О загадочных сосудах..., стр. 32.

²¹ З. Виноградов. Сфероколические сосуды с узким горловым отверстием. Казанский музейный вестник № 2, 1922, стр. 75—119; В. А. Городцов. Древние мусульманские светильники в виде сфероколических глиняных сосудов. Тр. ГИМ, вып. I, раздел археологии, стр. 157.

²² З. Виноградов. Ук. соч., стр. 81.

²³ Э. Ленц. Ук. соч., стр. 102 со ссылкой на «The Recovery of Jerusalem», стр. 479.

²⁴ Н. Ф. Высоцкий. Несколько слов о древностях Волжской Болгарии. ИОАИЭ, т. XXIV, вып. IV, 1908, стр. 349.

²⁵ И. Орбели. Ук. соч., стр. 73.

²⁶ Э. Ленц. Ук. соч., стр. 0102; Н. Ф. Высоцкий, Ук. соч., стр. 349.

Рис. 7. Стекланный сфероконический сосуд из коллекции Беркли. Лондон

мином обозначалось лекарство — мазь, в состав которой входила и ртуть.

Ртуть, как видим, применялась во многих отраслях (в алхимии, медицине, косметике) как самостоятельно, так и в соединениях, и поэтому наличие остатков ртути в некоторых сосудах может указывать лишь на то, что ртуть иногда входила в состав содержимого сосуда. В связи с этим делается правдоподобным то предположение, что сфероконусы имели широкое бытовое назначение²⁷ и что они служили как флаконы для хранения и перевозки дорогостоящих жидкостей: лекарств, благовоний, различных масел.

В некоторых сосудах из Двина удалось заметить следы каких-то веществ. В одном сломанном сосуде была мастикообразная масса; в других двух сосудах найдено несколько косточек винограда. Как сообщает акад. И. А. Орбели, в двух анийских экземплярах был обнаружен белый и желтый порошок²⁸.

Если мы признаем сфероконусы сосудами для хранения и перевозки дорогостоящих жидкостей, то вполне оправданными окажутся форма, размеры и тщательность обработки их поверхности, а также и узкое горловое отверстие. Очевидно, горло затыкалось деревянной пробкой, которую для прочности можно было сверху перевязать куском ткани, а при перевозке залить воском. Коническое дно служило для концентрации осадков, что было очень важно для примитивной фармакологии.

В. А. Городцов опубликовал две небольшие бронзовые лейки, имевшие вид ковшиков с ножками и узким длинным носиком²⁹. Он считал, что эти ковшики предназначались для вливания жидкостей в сосуды с очень узким горлышком, а такими именно сосудами, по его мнению, могли быть сфероконические сосуды.

убедительно; но невольно возникает вопрос, откуда брали столько ртути, чтобы наполнить эти многочисленные сосуды, и чем объясняется такое громадное ее количество.

Ртуть в природе встречается чаще всего в соединениях (главным образом с серой) и известна как киноварь или циннобарит.

Киноварь служит сырьем для получения ртути, а также для приготовления художественных красок. В средние века алхимики считали ртуть составной частью всех металлов. Особенно широкое распространение ртуть получила тогда, когда стала известна техника амальгамы. Ртуть широко использовалась в медицине и косметике. Армянский средневековый врач, ученый Амир Довлат, в своем медицинском трактате «Ангитац Анпет», говоря о ртути, приводит 20 различных ее наименований. Очень интересно, что турецкое и армянское название амальгамы «таһлат» означает также средство для лечения ран. Очевидно, в свое время этим термином обозначалось лекарство — мазь, в состав которой входила и ртуть.

²⁷ И. Т. Пославский. О глиняных сосудах с коническим дном. Протоколы заседаний и сообщения любителей археологии, год X, 1904—1905. Ташкент, 1905.

²⁸ И. А. Орбели. Ук. соч., стр. 73.

²⁹ В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 151.

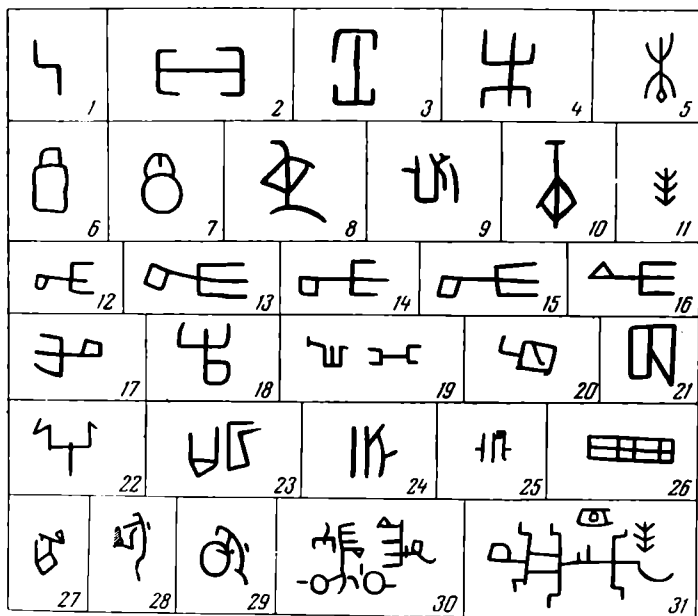

Рис. 9. Знаки на сфероконических сосудах. Двин

164), Абд Джемал (1794—96), Юсуф (1794—297), Могаммет (1955 г.), Асад (1955 г.), Ахмед, Аббас (1543—383), Салтанет (А — 1955), Аллах (1794—294, 1906—172) (рис. 8).

Иногда встречаются двуязычные надписи. Так, на сосуде (1792—376) рядом с именем Омара, выписанным арабскими буквами, то же самое написано армянской лигатурой. Один раз

встречается благопожелание «Бисмаллах» (1794—49) («Во имя Аллаха»). На сосуде (1953 г., 1—26, 27, 28) выбито три имени: Я Мансур, Али, Тагир.

Знаки-тамги на двинских сосудах разнообразнее: от самых простых до очень сложных (рис. 9 и 10). Тамга на сосуде 1641—34 (в виде трезубца с квадратом на конце) встречается девять раз, из них восемь раз отдельно (1794—165, 436, 437, 438, 439, 1791—291, 1355), притом в различных вариантах: зубцы слева или справа, квадрат на конце или треугольник сверху или снизу. В одном случае трезубец встречается в сочетании с арабской надписью (1794—449).

На анийских сосудах знаки проще (кресты, свастика, меандр и т. д.) (рис. 11). Надписи только армянские, причем в основном лишь армянские

буквы Ա, ի, Ս, Վ, Խ. Только в двух случаях нацарапано сочетание трех букв ԱՌԱ(ԱՐՍ), которое может быть неполным написанием мужского имени Арсен.

Надписи на сфероконусах встречаются не только в Закавказье.

На двух сосудах из Дамаска имеется сделанная до обжига надпись «bi Nата» («из Хамы»), означающая, что местом производства этих сосу-

Рис. 10. Искорженные надписи или имитации арабских надписей. Двин

дов был сирийский город Хама. На другом сосуде оттиснута «bi resm el maali», что читается «по высочайшему повелению»; на двух сосудах — «Могаммед»³¹.

На сфероконусах из Орен-кала, кроме надписей, имеются и штампы-клейма мастеров, изготовивших эти сосуды. Производство сфероконических сосудов в Орен-кала, как и в других местах, составляло особую специальность ремесленников, передававших свое ремесло из поколения в поколение; удалось установить, что в одном случае в надписи имеется имя отца, в другом — отца и сына.

На одном сосуде из Кабалы имеется надпись «Муса». На сосуде из Сарая-Берке надпись — «Эл-Салаха»³². На сосуде из Биляра выбиты (уже после обжига) «Дауд», «Адам»³³. На упомянутом стеклянном сосуде сделана надпись эмалевой краской: «Слава владыке нашему султану, царю благороднейшему, отцу победы, Амару — сыну Султана победоносного»³⁴.

Наличие на сосудах надписи с именем мастера, указания места изготовления, благопожелания или просто штампа мастерской вполне понятно; такие надписи можно нередко встретить на керамических изделиях.

Как говорилось, надписи на кавказских сфероконусах, сделанные до обжига, известны только в Орен-кала. В остальных случаях надписи процарапаны уже на обожженных сосудах и, очевидно, принадлежат владельцу, который после приобретения вещи отмечал свою собственность каким-нибудь знаком или короткой надписью.

Для датировки сфероконических сосудов наиболее надежные указания дает стратиграфия находок и сопровождающая их поливная керамика. Как отмечалось, сфероконусы в Ани и в Двине встречались в слоях X—XIII вв. Этим же временем датируются сосуды из Передней и Средней Азии. Часть сфероконусов из Орен-кала датируется IX в. На Волге они держались дольше — до начала XV в.

Таким образом, мы считаем, что сфероконические сосуды, изготавливаемые из глины, стекла и в некоторых случаях из металла, служили как флаконы, как тара для хранения и перевозки различных масел, лекарств, благовоний и других ценных жидкостей. Они были распространены в IX—XIV вв. на широкой территории Азии и Восточной Европы.

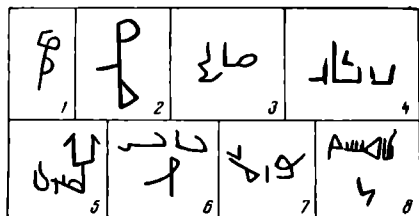

Рис. 11. Надписи и знаки на сфероконических сосудах. Ани

³¹ Э. Ленц. Ук. соч., стр. 0111—0112.

³² З. Виноградов. Ук. соч., стр. 85

³³ Там же.

³⁴ Надпись прочтена А. Я. Борисовым

СРЕДНЕВЕКОВАЯ БЕЛОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА АРМЕНИИ И СВИДЕТЕЛЬСТВО ИДРИСИ

При раскопках г. Ани, производившихся в течение ряда лет в дореволюционное время, и при раскопках последних лет в г. Двине обнаружено большое количество керамических изделий как местного, так и импортного происхождения. Среди местных изделий наряду с неполивной и простой поливной керамикой имеются высококачественные изделия с белым черепком тонкого строения — фаянса. Эта керамика покрывалась прямо по черепку, без предварительного ангобирования, прозрачными, иногда бесцветными, иногда окрашенными глазурями; изделий с глухой непрозрачной глазурью местного происхождения мы не имеем.

По характеру черепка и технике украшения высококачественная армянская керамика делится на несколько видов, к описанию которых мы переходим.

Тонкие мягкие фаянсы, украшенные гравировкой и ажуром

Черепок мягких фаянсов отличается белизной, тонкостью строения и большой мягкостью. Он настолько бел, что нет необходимости маскировать его цвет слоем ангоба. Строение его настолько тонко и поры так малы, что невооруженным глазом их трудно заметить. Наконец, он настолько мягок, что третий минерал шкалы твердости — кальцит легко оставляет на нем углубленную черту. Покрывались эти изделия прозрачными глазурями, бесцветными или окрашенными в синий, голубой и изредка в фиолетовый цвет.

Украшались мягкие фаянсы гравировкой по сырому (необожженному) черепку плоским тисненным рельефом и своеобразным по техническому приему ажуром; в стенках предмета просверливались дырочки, заполнявшиеся прозрачной глазурью, что оживляло поверхность изделия светящимися точками. Украшая предметы ажуром, мастер не стремился подчеркнуть отверстиями орнаментацию и небрежно разбрасывал их на поверхности. Помещались они в тех местах, где стенки сосудов были тоньше. Последнее имело место тогда, когда при орнаментации пользовались тиснением. Во всех случаях дырочки просверливались с обратной стороны предмета, причем предварительно на гладкой, лишенной украшений, наружной поверхности делались небольшие выемки.

Гравированный орнамент никогда не занимал всю поверхность предмета. Если изделие имело форму полусферической чаши (рис. 1 и 2) диаметром обычно 17,5—18,5 см, то вокруг чаши по борту тянулся неширокий орнаментированный фриз. Если же предмет имел тарелочную форму, то гравировкой украшалось дно изделия. Обе эти формы были основными у мягких фаянсов, при этом обычно они имели невысокую кольцевую ножку и лишь как исключение — ножку каблучную.

Фаянсы этого вида найдены в Ани и Двине¹.

¹ Хранятся в Гос. Историческом музее АН АрмССР в Ереване.

В 1907 г. при раскопках дворца Багратидов было найдено значительное число этих фаянсов, покрытых как бесцветными, так и цветными глазурями; при этом во всех случаях ножка свободна от глазури.

Бесцветной глазурью покрыта чаша², имеющая сферическую форму и невысокую каблучную ножку. Украшена она калачевидным узором. Внизу по борту тянется кайма из ряда фигур, напоминающих калачи, выполненные в плоском рельефе; при этом сами фигуры выпуклы, фон же как внутри, так и вокруг фигур, вдавлен. С обратной стороны чаши никаких выпуклостей нет, поверхность совершенно гладкая. Углубленные места украшены гравированными завитками и бессистемно просверленными небольшими дырочками. Последние заполнены прозрачной, совершенно бесцветной глазурью, что оживляет чашу игрой светящихся точек.

Такой же бесцветной глазурью покрыта чаша (рис. 1)³, очень похожая по форме на предыдущую, но с невысокой кольцевой ножкой. Размеры ее те же. Внутри чаши по борту тянется кайма. Зигзаговидная линия делит ее на треугольники с маленькими отверстиями неправильной формы, заполненными прозрачной глазурью.

Рис. 2. Чаша, покрытая синей глазурью и украшенная тиснением, гравировкой и ажуром. (диам. 25 см). Ани, X—XI вв. (Гос. Ист. музей АН АрмССР, № 758)

Кроме чаш, встречаются, хотя и редко, предметы иного назначения. К ним относится небольшая вазочка⁴, имеющая широкое горло, яйцевидное тулово и невысокую каблучную ножку. Она также вся, кроме ножки, покрыта бесцветной глазурью. В отличие от предыдущих предметов, ее поверхность оживлена синими расплывчатыми вертикально расположенными полосками. Плечи вазы украшены узором, близким к орнаментации предыдущей чаши.

Часто эти фаянсы покрывались синей прозрачной глазурью с лиловатым оттенком. Среди них особенно интересны следующие предметы. Прежде всего остановимся на фрагменте чаши (рис. 2)⁵. Она близка по форме выше-

² Инвентарный № 775, диам. 18,5 см, выс. 6,5 см, толщ. 0,3 см.

³ Б. Шелковников. Поливная керамика из раскопок г. Ани. Ереван, 1957, рис. 13. Инв. № 771; 07, № 147, диам. 18 см, выс. 6,6 см, толщ. 0,2—0,3 см.

⁴ Издана там же, рис. 18. Инв. № 777; 07 № 113, выс. 12,5 см, диам. горла 5 см, толщ. 0,4 см.

⁵ Издана там же, рис. 16. Инв. № 758; № 75, диам. 18,5 см, выс. 6,5 см, толщ. 0,2—0,3 см.

Рис. 1. Чаша, покрытая бесцветной глазурью и украшенная гравировкой и ажуром. Ани, X—XI вв. (Гос. Ист. музей АН АрмССР, № 771)

Рис. 4. Чаша, покрытая синей глазурью и украшенная тиснением, гравировкой и ажуром. Ани, X—XI вв. (Гос. Ист. музей АН АрмССР, № 754)

Рис. 5. Чаша, покрытая синей глазурью и украшенная тиснением, гравировкой и ажуром. Двина, X—XI вв. (Гос. Ист. музей АН АрмССР, № 185)

с завитками и ажуром. Интересна она тем, что на ножке с обратной стороны выгравировано клеймо мастера в виде двух почти одинаковых знаков, похожих на армянскую букву «п». Калачевидный узор, украшающий эту чашу, является наиболее распространенным у фаянсов этого вида. Там же, в Ани, найдены еще две украшенные так же синие чаши. На них мы останавливаться не будем и перейдем к чаше с такой же синей глазурью, но иначе орнаментированной (рис. 3, 4)⁶. Она имеет такую же форму, но несколько меньшие размеры (диаметр 17,5 см). Украшена чаша большой, во всю внутреннюю поверхность, гравированной шестилепестковой розеткой.

Пространство между лепестками и кругом, в который вписана розетка, вдавлено. Вдавленные места украшены гравированными завитками и просверленными дырочками. Отличается по узору и форме чаша⁷, также покрытая синей глазурью. Черепок и глазурь такие же, но сработана она хуже; по-видимому, здесь мы имеем образец того же фаянса, но худшего сорта. Внутри по борту чаши гравирована кайма непрерывно вьющегося орнамента, при этом свободное пространство заполнено завитками того же вида, как и на остальных изделиях этого типа, но ажюра нет.

Все описанные предметы найдены в Ани, но несколько чаш, покрытых такой же синей глазурью, происходят из Двина. Они имеют ту же форму, но черепок их несколько тверже — между 3-м и 4-м минералом шкалы твердости. В остальном они очень близки к анийским и по технике украшения и по размерам. Украшены они также орнаментированными фризами. Внутри чаши из раскопок 1946 г.⁸ по борту расположена кайма из ряда дисков. Пространство между дисками вдавлено и заполнено завитками и ажуром так же, как на анийских чашах с калачевидным узором. Возможно, что последние произошли от первых. Другая найденная в том же году двинская чаша с синей глазурью⁹ украшена каймой непрерывно вьющегося орнамента, похожего на орнамент анийской чаши.

На чашах из Двина встречаются, кроме того, узоры, не представленные в Ани. Так, например, чаша, найденная в 1949 г., украшена каймой из расположенных под углом друг к другу ланцетовидных фигур (рис. 5)¹⁰, и чаша из раскопок 1946 г. орнаментирована каймой с изображением ряда плоскорельефных птиц¹¹. Последняя чаша интересна еще и тем, что

⁶ Издана там же, рис. 15. Инв. № 754; 07, № 106, диам. 17,5 см, выс. 6 см, толщ. 0,2 см.

⁷ Издана там же, рис. 19. Инв. № 755; 07, № 146; диам. 22 см, выс. 8 см, толщ. 0,4 см.

⁸ Инв. № 433, диам. 18,5 см, выс. 6,5 см.

⁹ Найдена совместно с предыдущей; Исторический музей АН АрмССР, инв. № 432, диам. 17,5 см, выс. 6,5 см.

¹⁰ Найдена в 1949 г., инв. № 185, диам. 18 см, выс. 6,5 см.

¹¹ Найдена в 1946 г., инв. № 491, диам. 18 см, выс. 7,5 см.

Рис. 3. Чаша из Липи (то же на рис. 4)

вследствие пережога стенки ее покрыты лишь очень тонким слоем глазури, которая стекла вниз, образовав на дне толстый наплыв. Эта чаша является явным производственным браком и, следовательно, служит доказательством местного, двинского производства как самой чаши, так и аналогичного вида керамических изделий.

Голубая разновидность этих фаянсов найдена в Ани и Двине. Из анийский находок остановимся на замечательной по красоте глазури чаше в форме блюда¹². По форме чаша похожа на современную глубокую тарелку; она имеет невысокую каблучную ножку. На дне чаши изображен фигурный лист. Борт разбит поперечными черточками на девять частей, заполненных попеременно диагоналями и дисками с точкой посередине. Вся орнаментация исполнена одной гравировкой, сравнительно широкой и глубокой; ни тиснения, ни ажюра нет. В Двине найдена интересная глубокая чаша с цилиндрическим бортом, покрытая голубой глазурью¹³. В противоположность найденным в Двине чашам с синей глазурью, она имеет черепок той же твердости, что у анийских. Украшена она каймой из расположенных под углом ланцеток. Пространство между ними заполнено завитками и небольшими дырочками, залитыми голубой глазурью. Помимо вышеописанных, в Двине найдено еще несколько образцов фаянсов этого вида с голубой глазурью. Среди них следует остановиться на чаше с орнаментацией из расположенных по краю дуг, ограничивающих поля, заполненные завитками и небольшими отверстиями с голубой глазурью (рис. 6)¹⁴.

Реже всего встречаются изделия этого вида, покрытые фиолетовой глазурью. К ним принадлежит небольшая чашечка, найденная в Ани¹⁵. Она имеет округлые бока и невысокую каблучную ножку, и в этом отношении близка к наиболее распространенному типу, но размеры ее значительно меньше.

Вся описанная керамика относится к одному виду. Прежде всего ее объединяет единая техника украшения — гравировка по сырому черепку под прозрачной глазурью. Керамика эта имеет белый и мягкий черепок, лишь очень незначительно варьирующий в смысле тонкости строения и твердости. Глазурь во всех случаях покрывает весь предмет, исключая ножку. У всех предметов имеется невысокая ножка, обычно кольцевая и лишь иногда каблучная. Орнаментация объединена единством стиля, что уже достаточно веско говорит об их одновременном происхождении. Последнее находит подтверждение в том факте, что все без исключения фаянсы этого вида, найденные в Ани (а их количество значительно), были обнаружены вместе при раскопках колодцев дворца Багратидов. Отличаются изделия этого вида цветом глазури, формой и узорами, но при сравнении обнаруживается, что совершенно одинаковые формы того же размера и тождественные узоры встречаются у предметов, покрытых глазурями разных цветов. С другой стороны, изделия с одинаковым не толь-

Рис. 6. Чаша, покрытая голубой глазурью и украшенная гравировкой и ажуром. Двин, X—XI вв. (Гос. Ист. музей АН АрмССР, № 434)

¹² Инв. № 767; 07, № 76, диам. 21 см, выс. 4,5 см, толщ. 0,3—0,4 см. Издана там же, рис. 20.

¹³ Инв. № 413, 1946 г., диам. 19,5 см, выс. 9,5 см.

¹⁴ Инв. № 434, 1946 г., диам. 18 см, выс. 6,5 см.

¹⁵ Издана там же, рис. 21. Инв. № 766; 07, № 145, диам. 10,5 см, выс. 4 см, толщ. 0,4 см.

ко по цвету и твердости, но и по строению черепком, покрытые глазуриями одного типа, имеют разные формы и украшены разными орнаментами. Так, например, совершенно одинаковую форму и один размер имеют белая чаша с калачевидным узором из Ани и синяя чаша с таким же калачевидным узором оттуда же (рис. 2); ту же форму, хотя и меньшего размера, имеет фиолетовая анийская чаша. Все это наводит на мысль, что фаянсы этого вида с глазуриями разных цветов происходят из одних и тех же мастерских.

Для датировки этих фаянсов обратимся к условиям их находки.

Подавляющее большинство этих изделий найдено в Ани. Среди них, если отбросить фрагменты, имеется 13 предметов, настолько сохранившихся, что можно судить как о их форме, так и об орнаментации. На 12 из них сохранился номер анийского музея древности, по которому ввиду утери дневников анийских раскопок только и можно установить, в каком месте анийского городища и когда они найдены. Оказывается, что все эти 12 предметов происходят из развалин дворца Багратидов, при этом найдены они в течение четырех дней раскопок (26, 27, 28 июня и 9 июля 1907 г.), в то время как в эту археологическую кампанию раскопки во дворце продолжались два месяца.

Дворец Багратидов был разрушен в 1064 г. во время сельджукского разгрома Ани, но в позднейшее время снова был заселен, и, следовательно, нельзя всю керамику, найденную в развалинах дворца, относить ко времени, предшествующему сельджукскому завоеванию. По различным соображениям все предметы, находимые в подвальных помещениях дворца и в колодцах, нужно датировать временем, предшествующим разгрому Алп-Арслана¹⁶.

После разрешения этого вопроса остается еще одно затруднение при датировке мягких фаянсов, связанное с утратой дневников анийских раскопок. Нам нужно знать, где эти фаянсы найдены — в колодцах, подвалах или в другом месте дворца. Этот вопрос был бы неразрешим, если бы не свидетельство Н. Я. Марра о том, что «нигде в Ани обломки глиняной, глазированной и поливной посуды, а также стекла не откапывались с подбором лучших рисунков и красок, чем во дворце. Притом осколки эти находились не в простой насыпанной почве, а в глубоких колодцах-хранилищах»¹⁷. Среди изделий, найденных в развалинах багратидского дворца, рассматриваемые фаянсы составляют столь значительную часть лучших изделий, что упомянутое свидетельство не могло не относиться к ним. Следовательно, можно считать, что эти изделия найдены в колодцах-хранилищах дворца, которые раскапывались в дни находки этих фаянсов. Вероятно, один колодец раскапывался 26, 27 и 28 июня, а другой — 9 июля. Установив место находки, мы получаем возможность датировать их временем, предшествующим сельджукскому завоеванию, т. е. концом X — первой половиной XI в. Эта дата подтверждается еще и другими обстоятельствами. Прежде всего, очень любопытно, что такие фаянсы совершенно не попадаются в Ани при раскопках других мест городища. Объяснить это явление высококачественностью рассматриваемых изделий нельзя, так как и в других местах городища была найдена ценная керамика, в том числе и китайские селадоны. В особенности много высококачественных изделий было найдено при раскопках жилых домов в районе большой церкви у стен Ашота; среди них — импортная иранская и китайская керамика XII—XIII вв. Но фаянсов, украшенных гравировкой и ажуром, здесь не оказалось. Это можно объяснить только тем, что рассматриваемые мягкие фаянсы относятся к другой эпохе, а так как эти высококачественные изделия не типичны для Ани XIV в., то приходится предположить более раннее время, т. е. XI в. В пользу датировки X—XI вв. говорит еще одно обстоятельство. Синяя чаша с калачевидным узором и клеймом ма-

¹⁶ Б. Шелковников. Ук. соч., стр. 10—11.

¹⁷ Н. Я. Марр. Ани. М.—Л., 1934, стр. 43.

стера (рис. 2) найдена 26 июня вместе с китайской фарфоровой чашей IX—X вв.¹⁸. Последний факт не только подтверждает датировку мягких фаянсов X—XI вв., но и независимо от них свидетельствует о том, что колодцы-хранилища багратидского дворца хранят изделия, относящиеся к эпохе, предшествующей сельджукскому разгрому.

Остается выяснить, где производились эти фаянсы. Столь высококачественные изделия могли оправдать расходы, связанные с перевозкой на дальнее расстояние, поэтому в данном случае нельзя решать вопрос о их местном происхождении с такой же легкостью, как для грубой и дешевой красноглиняной керамики. Ближе всего к фаянсам этой группы подходят фаянсы, находимые в Иране и также украшенные гравировкой под прозрачной глазурью (иногда в сопровождении ажюра). В Историческом музее Армянской Академии наук в Ереване имеются два экземпляра такого фаянса, найденные в Иране. Это, во-первых, чаша сферической формы на высокой кольцевой ножке¹⁹, покрытая бесцветной глазурью, найденная в Джульфабаде, в районе Султанабада. Украшена она лишь прозрачными точками, совершенно беспорядочно разбросанными по поверхности. Гравировки нет. Эта чаша при большом сходстве в технике ажюра с мягкими фаянсами имеет совершенно другой черепок — плотный и твердый; его твердость выше на целых три номера шкалы и равна пяти с половиной единицам. Кроме того, иначе устроена кольцевая ножка с высоким, почти цилиндрическим ободком вместо невысокого валика, характерного для фаянсов этого вида. Эти два отличия исключают возможность общего происхождения.

Вторым экземпляром Ереванского музея является небольшая чашечка-кубок, покрытая синей глазурью²⁰. Найдена она в районе развалин г. Рея. У края снаружи гравирован по сырому тесту орнамент в виде ламбрекенов. По технике украшения эта чашечка-кубок очень близка к мягким фаянсам с синей глазурью, но другой черепок, еще более твердый, чем у предыдущей чаши, и высокая кольцевая ножка сближают ее не с армянскими фаянсами, а с иранской чашей из Султанабада. Несколько предметов этого типа, также иранского происхождения, имеются в музее им. Низами в Баку. Из них две чаши имеют белый, сероватый черепок и покрыты синей глазурью²¹. Черепок у обеих плотный и твердый (в шкале твердости он может быть поставлен между 5-м и 6-м минералами). Форма округлая с несколькими развернутыми краями; ножка высокая, такого же вида, как у описанных выше предметов Ереванского Исторического музея. От закавказских мягких фаянсов форма этих чаш отличается не только высокой кольцевидной ножкой, но и развернутыми краями. Обе чаши музея им. Низами украшены гравировкой; первая — каймой непрерывно вьющегося орнамента между парными концентрическими кругами, вторая — каймой, разбитой двойными поперечными линиями на пять частей с растительным орнаментом в каждой части. У всех перечисленных иранских предметов — двух из Исторического музея в Ереване и двух из музея им. Низами в Баку — характер гравировки и ажюра тот же, что и у закавказских фаянсов. Тот же стиль орнаментации — неширокие фризмы, лишь частично занимающие пространство. Встречаются и те же узоры — непрерывно вьющийся орнамент (например, на чаше с синей глазурью из музея им. Низами, № 154). Единство стиля и техники украшения вынуждает нас датировать иранские предметы тем же временем, т. е. концом X—XI вв. Но иной, очень твердый черепок, типичная для иранских фаянсов высокая, почти цилиндрическая ножка и иная форма чаш исключают иранское происхождение находимых в Закавказье мягких фаянсов, укра-

¹⁸ Б. А. Шелковников. Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья. СА, XXI, 1954, стр. 370, рис. 1.

¹⁹ Чаша происходит из собрания Малаяна, № 1.

²⁰ Происходит из того же собрания, № 30.

²¹ Музей им. Низами, №№ 160 и 188.

шенных гравировкой и ажуром. Фаянсы этой техники украшения, редко встречающиеся в европейских собраниях, по каталогам приписываются Сирии и Ирану. У. Г. Ривьера воспроизведено два предмета — кувшин и чаша из белого фаянса с беспорядочным ажуром²². В описанном Е. Кюнелем собрании Оскара Скаллера имеются четыре чаши с гравировкой и ажуром²³. М. Пезар воспроизводит две чаши с гравировкой и ажуром, покрытые бесцветной глазурью²⁴. Наконец, интересная чаша Британского музея воспроизведена Р. Хобсоном в путеводителе по мусульманской керамике музея²⁵. Это хорошо сохранившаяся чаша белого фаянса (диаметр 19 см), покрытая прозрачной синей глазурью. Внутри чаши по борту тянется исполненная гравировкой кайма, разбитая поперечными линиями на шесть сегментов с изображением веточек и беспорядочно разбросанных прозрачных точек вокруг. Характер ажюра, стиль орнамента и, наконец, форма чаши настолько близки к исследуемым нами, что становится вероятным ее кавказское происхождение. Но решить этот вопрос все же нельзя, так как Р. Хобсон не дает описания черепка, не измеряет его твердости и не указывает, как устроена ее ножка. Мы уже видели, что именно эти признаки отличают найденные в Армении мягкие фаянсы от изделий той же техники украшения, но иранского происхождения. Однако ввиду краткости и неточности описаний сравнение армянских образцов с фаянсами европейских собраний почти ничего не дает. Нам приходится обосновывать свои выводы об их местном происхождении на их сравнении с иранскими фаянсами, хранящимися в музеях Еревана и Баку.

Местное, армянское происхождение мягких фаянсов с гравировкой и ажуром подтверждается при анализе украшающих их узоров. Наряду с мотивами, имеющими широкое распространение, как, например, непрерывно вьющийся орнамент, на фаянсах имеются такие орнаменты, как калачевидный узор и большая розетка, нигде, кроме Закавказья (и в частности Армении), не встречающиеся. Причем эти узоры распространены не только на высококачественных фаянсах, но и на простой поливной керамике, местное происхождение которой не вызывает сомнений. Кроме того, об армянском происхождении рассматриваемых изделий говорит и метка мастера в виде армянской буквы «п» на синей чаше с калачевидным узором (рис. 2).

Громадное большинство этих изделий найдено в Ани и в Двине; при этом в Двине найдены, как говорилось, две чаши со скопившейся на дне вследствие пережога глазурью, сбжавшей со стенок во время обжига. Последнее обстоятельство указывает на то, что Двин был местом производства этих изделий. Возникает вопрос, можно ли отнести к производству Двина фаянсы этого вида, найденные в Ани. Проведенное сравнение тех и других говорит против общего происхождения по следующим причинам: прежде всего, черепок двинских экземпляров плотнее и тверже анийских; у большинства двинских твердость превышает твердость анийских на один номер шкалы. Кроме того, черепок двинских образцов, в противоположность анийским, имеет розоватый оттенок. Форма и размеры фаянсовых чаш этого вида в Ани и Двине (кроме маленькой анийской фиолетовой чаши) близки, высота их колеблется от 6 см до 7,5 см, диаметр — от 17,5 см до 19 см. Указанные колебания естественны при ручной выработке изделий и если и не доказывают общее происхождение, то все же не могут служить основанием для утверждения обратного. Орнаментация фаянсов этого вида как из Двина, так и из Ани близка; но при внимательном изучении обнаруживаются отличия, указывающие на происхождение анийских и двинских образцов из разных керамических мастерских.

²² H. Rivière. La céramique dans l'art musulman. Paris, 1913, табл. 16 и 30.

²³ Ern. Kühnel. Sammlung Oskar Skaller, Berlin, 1927, рис. 77—80.

²⁴ M. P é z a r d. Le céramique archaïque de l'islam et ses origines. Paris, 1920, табл. 89, 1 и 2.

²⁵ R. L. H o b s o n. A Guide to the Islamic Pottery of the Near East. London, 1932, стр. 17, рис. 23.

Все изложенное говорит о том, что найденные в Ани мягкие фаянсы с гравировкой по сырому черепку не изготавливались в Двине. Находился ли этот второй производственный центр в Ани или где-либо в другом месте Армении, мы еще сказать не можем, поскольку в Ани, в противоположность Двину, не найден производственный брак этих изделий.

Мягкие фаянсы, расписанные люстром

Закончив описания мягких фаянсов с гравировкой и ажуром, мы переходим к фаянсам с надглазурной росписью люстром, потому что последние совершенно однотипны с первыми по свойствам черепка и глазури.

Рис. 7. Чаша и два фрагмента, покрытые бесцветной глазурью и расписанные люстром. Ани, XI в. (Гос. Ист. музей АН АрмССР, № 776)

Мягких фаянсов, расписанных люстром по бесцветной глазури, сохранилось очень немного. В Историческом музее Еревана хранятся лишь одна чаша и два фрагмента, найденные в Ани. Как чаша, так и фрагменты сделаны из тонкого мягкого фаянса, совершенно аналогичного описанным изделиям с гравировкой и ажуром. Сходство их черепка и формы настолько велико, что нужно относить их не только к одному месту, но и к одним и тем же керамическим мастерским.

К люстрованным мягким фаянсам принадлежит чаша с изображением Сирина, являющаяся одним из шедевров средневековой керамики не толь-

ко Армении, но и всего Переднего Востока (рис. 7)²⁶. Округлая, почти сферическая форма этой чаши с невысокой кольцевой ножкой и ее мягкий черепок близки к рассмотренным выше фаянсам. Как чаша с Сирином, так и оба фрагмента покрыты бесцветной прозрачной глазурью. Все они найдены в колодцах-хранилищах анийского дворца Багратидов, т. е. там же, где и основные изделия мягких фаянсов, украшенных гравировкой и ажуром.

На дне чаши желто-коричневым люстром с небольшим синеватым отливом по поверхности цвета слоновой кости написана в широкой и смелой манере фантастическая птица с женской головой в трехзубчатой короне. По сторонам Сирина небольшие стебельки с цветками и бутонами²⁷. Живопись этой чаши отличается большим декоративным мастерством и говорит о вкусе художника, сумевшего создать гармоническое красочное сочетание благодаря красивой игре коричневого люстра с синеватым отливом на белой с желтизной поверхности чаши.

Изображение фантастических птиц с женскими головами сравнительно часто встречается на иранских фаянсах, украшенных как надглазурной полихромной, так и люстрованной росписью и гравировкой по сырому тесту. Чаще всего встречается изображение сиринов на фаянсах с надглазурной росписью минаи. К последним относится происходящая из Ирана чаша, изданная Г. Ривьером²⁸. Мижон относит ее к Рею и датирует XIII в.

Фигурный люстрованный кувшин иранского происхождения с изображением Сирина в невысокой круглой шапочке найден в Двине²⁹. Наконец, на блюде Британского музея, украшенном гравировкой по сырому тесту с подглазурной раскраской, изображен Сирин в круглой шапочке; Р. Хобсон датирует его XII столетием³⁰. Анийская же чаша по месту находки и по технической аналогии с мягкими фаянсами предшествующего вида датируется концом X — началом XI в.

Изображение сиринов на керамике широко распространено и встречается в Византии, в Крыму и в Иране. Так как армянские фаянсы технически близки к иранским, то мы ограничимся сравнением с последними. Бросается в глаза резкая разница в трактовке человеческого лица. Вместо круглых лиц монгольского типа с мелкими чертами и узкими глазами, характерных для иранских изображений, женское лицо на анийской чаше отличается продолговатым овалом, большими глазами и крупным, резко очерченным носом. Для анийского изображения характерна динамичность, смелость и свобода письма, не стесненная никакими канонизированными образцами. В Иране же, правда, в более позднюю эпоху, в XII—XIII вв., мы этого не наблюдаем³¹. Здесь сирины, во-первых, похожи друг на друга, во-вторых, они орнаментальны и статичны. Стилистическое отличие Сирина на анийской чаше от аналогичных иранских изображений подтверждает высказанное раньше мнение о местном кавказском, в частности армянском, происхождении фаянсов, расписанных люстром, тем более, что этот сюжет имел значительное распространение в армянском средневековом искусстве. Сирины встречаются на каменной резьбе храма святого креста на о. Ахтамар. Они относятся к первой половине X в., следовательно, предшествуют нашей фаянсовой чаше. При украшении ар-

²⁶ Б. Шелковников. Поливная керамика из раскопок г. Ани. Табл. 2. Без двух фрагментов. Инв. № 776, 07, № 101, диам. 15,5 см, выс. 4 см, толщ. 0,3 см.

²⁷ Эта чаша издана дважды. См. И. Орбели. Каталог анийского музея древностей. СПб, 1910, стр. 54, рис. 15; Б. Шелковников. Художественная керамическая промышленность средневековой Армении. Изв. АрмФАН СССР, Ереван, 1942, № 3—4, стр. 21—22, рис. 9.

²⁸ H. Rivière. Ук. соч., табл. 49.

²⁹ Б. А. Шелковников. Средневековая художественная керамика Ближнего и Дальнего Востока. Изв. АрмФАН СССР, Ереван, 1942, № 6, стр. 12, рис. 5.

³⁰ R. L. Hobson. Ук. соч., табл. V.

³¹ SPA, т. V, табл. 680в и 730в.

мянских росписей также часто пользовались изображениями человекоптиц. Сирины в разнообразных позах и всевозможных причудливых головных уборах — шапочках, колпаках и коронах — вплетались в орнаментацию книжных украшений. Ими украшено евангелие 1066 г. из Себастии³², евангелие середины XI в. из Мугни³³, евангелие 1211 г. из Ахпата³⁴ и др.

Твердые фаянсы с гравированной орнаментацией

До раскопок 1946 г. в Двине этот вид керамических изделий не был представлен в Армении. В 1946 г. было найдено значительное число фрагментов и пять почти целых предметов. От описанных ранее мягких

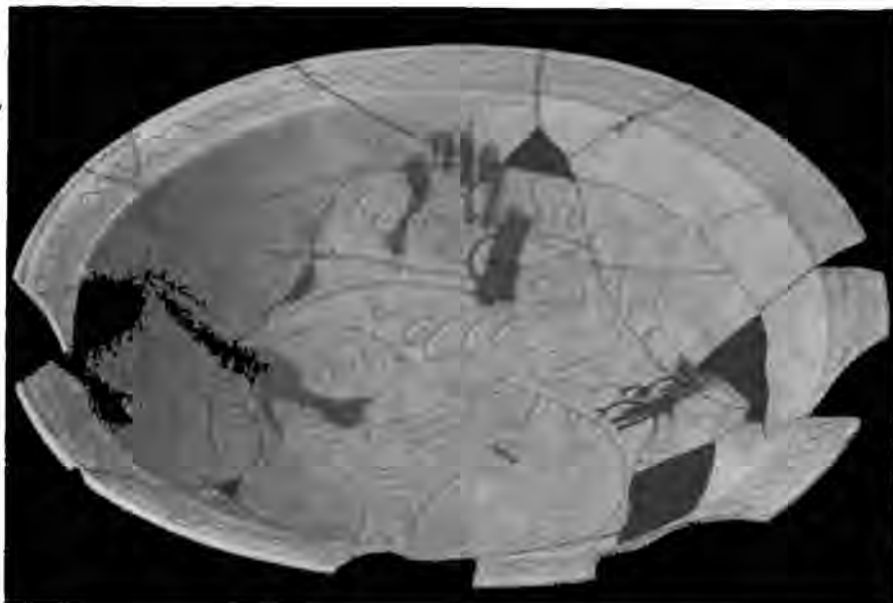

Рис. 8. Блюдо, покрытое бесцветной глазурью и украшенное гравировкой и синей пятнистой расцветкой (диам. 37 см). Двин, X—XI вв. (Гос. Ист. музей АН АрмССР, № 473, 1946 г.)

фаянсов этот тип отличается тонким и твердым (по шкале — между 5-м и 6-м минералами) черепком и широкой и глубокой гравировкой. Покрыты изделия прозрачной глазурью, лежащей прямо на белом черепке без ангоба. Глазурь у четырех предметов бесцветная, и лишь пятый покрыт красивой голубой глазурью. По форме эти изделия близки к чашам из мягкого фаянса в виде блюд. Такую форму имеют четыре предмета из пяти. Ножка у всех низкая, каблучная. Все чаши тарелочной формы украшены изображениями фантастических зверей среди растительных побегов. Замечательна большая чаша, вернее блюдо (рис. 8) из белого, очень чистого фаянса с беспорядочными синими пятнами. На нем изображено фантастическое животное с рогами. На голубой чаше (рис. 9) изображен сфинкс с женским лицом в круглой шапочке. По борту тянется кайма непрерывного выющегося орнамента. Остальные две чаши украшены следующим образом: одна — изображением грифона, другая — птицы (возможно, утки). Черепок, устройство ножки, характер гравировки и стиль орнаментации так близки, что происхождение их из одной и той же мастерской

³² Матенадаран в Ереване, № 309/311.

³³ Картинная галерея в Ереване, № 207.

³⁴ Матенадаран в Ереване, № 6288.

не вызывает сомнения, тем более, что на трех предметах, покрытых белой глазурью (чаши с рогатым животным, грифоном и птицей), имеется одинаковая метка мастера в виде знака **W**, нанесенная буро-зеленой краской на неглазурованную поверхность ножки.

Определение места и времени производства этих фаянсов облегчается обстоятельствами их находки. Найдены они в цитадели при раскопках колодцев. При этом три предмета (со сфинксом, фантастическим зверем и птицей) найдены в колодце 7 *с*. В соседнем колодце 7 *б* были найдены мягкие фаянсы с гравировкой и ажуром, аналогичные анийским, датированным нами концом X — началом XI в. Вместе с последними найдена чаша, пятая по нашему счету³⁵, по черепку, глазури и синим пятнам очень похожая на чаши с изображением зверей. Отлична лишь ее форма, она имеет почти сферические бока без бортов. На ее ножке имеется подпись мастера из четырех знаков, из них второй справа тот же, что и на предыдущих сосудах. Знаки нанесены той же краской, что является достаточно веским доказательством общего происхождения всей этой керамики. Следовательно, датировать все эти предметы приходится тем же временем, что и мягкие фаянсы, т. е. концом X — началом XI в. находка большого числа этих изделий в Двине наводит на мысль об их местном происхождении. Это предположение подтверждается орнаментацией сферической чаши. Она украшена большой шестилепестковой розеткой того же вида, что и на ранее описанной чаше мягкого фаянса (рис. 3). Так как этот узор, распространенный на армянской керамике, нигде больше не встречается, то он также говорит о местном происхождении этой керамики. Если мягкие фаянсы, вероятно, производились в двух керамических центрах, то твердые фаянсы — в одной мастерской. Орнаментация этих изделий — с распространенным мотивом зверей и фантастических существ среди растительных побегов — напоминает орнаментацию «сасанидских» серебряных блюдец, изготовленных в послесасанидское время³⁶.

В европейских собраниях имеются предметы, близкие к этим твердым фаянсам по форме, технике украшения и характеру орнаментации. В особенности похоже блюдо диаметром 25,5 см из собрания Юморфопулоса³⁷. Оно покрыто прозрачной синей глазурью. Орнаментация исполнена широкой гравировкой по сырому тесту. Все зеркало блюда заполнено крупным изображением птицы среди растительных побегов. По борту тянется небрежно исполненная кайма непрерывно выходящего орнамента. А. Пооп датирует его XI или началом XII столетия и относит к Ирану, не указывая места производства. Сходство настолько значительно, что можно предположить для этого блюда общее происхождение с предметами из Двина. Но решить этот вопрос по одному воспроизведению и неполному описанию блюда все же нельзя. Во всяком случае, блюдо из собрания Юморфопулоса по сходству стиля и техники украшения нужно датировать тем же временем, что и найденные в Двине, т. е. концом X — началом XI столетия, или на одно столетие раньше, чем указывает А. Пооп.

Полупрозрачные фаянсы, украшенные гравировкой и ажуром

К высшим достижениям средневековой керамической промышленности Армении относятся полупрозрачные фаянсы, по белизне и прозрачности не уступающие настоящему фарфору. Китайский фарфор ввозился в Армению уже в IX в.³⁸; он и явился для местных мастеров-керамистов тем образцовым товаром, конкурировать с которым приходилось местному керамическому ремеслу. Армянским мастерам в подражании дальне-

³⁵ Найдена в 1946 г., № 428, диам. 22 см, выс. 8,5 см.

³⁶ Блюдо собр. Гос. Эрмитажа из с. Половодово с изображением льва, терзающего лань. И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 26.

³⁷ SPA, V, стр. 597.

³⁸ Б. А. Шелковников. Китайская керамика..., стр. 368—378.

Рис. 9. Тарелка, покрытая голубой глазурью и украшенная гравировкой. Двинь,
X—XI вв. (Гос. Ист. музей АН АрмССР, № 475, 1946)

восточным изделиям удалось достигнуть блестящих результатов. В течение одного-полутора веков они добились результатов, достигнутых в Европе лишь с изобретением в XVI, а затем (вторично) в XVII в. так называемого мягкого фарфора, следовательно, через три-четыре столетия после знакомства европейцев с китайским фарфором.

Полупрозрачные армянские фаянсы лишь внешним видом похожи на мягкий европейский фарфор, в керамическом же отношении они являются изделиями совсем другого типа. Мягкий фарфор по своему составу приближается к стеклу, и черепок его совершенно сплавлен, никаких пор в нем нет. Полупрозрачные фаянсы имеют хоть и очень твердый и тонкий, но все же пористый черепок, и по этому признаку они являются разновидностью фаянса. Поры настолько мелки, что на глаз они не видны, но капля жидкости сравнительно быстро впитывается черепком. Полупрозрачные фаянсы во всех случаях имеют черепок более твердый, чем полевой шпат, и менее твердый, чем кварц, в то время как фарфор (кроме некоторых видов мягкого фарфора, так же как и каменные изделия, всегда тверже 7-го минерала шкалы — кварца. Бесцветная глазурь полупрозрачных армянских фаянсов отличается прозрачностью, слегка зеленоватым оттенком и свободна или почти свободна от трещин, что сближает ее по внешнему виду с глазурью фарфора.

Полупрозрачные фаянсы украшались очень тонкой гравировкой по сырому черепку, тиснением и ажуром. По технике украшения они относятся к тому же типу изделий, что и описанные мягкие фаянсы. Найдены они в Ани и Двине, при этом анийские экземпляры обнаружены при раскопках колодцев Багратидского дворца, т. е. там же, где и мягкие фаянсы. В Ани найдено 18 фрагментов этих изделий; в большинстве это — мелкие обломки когда-то великолепных сосудов, но два из них сохранились настолько, что можно по ним судить о форме и орнаментации. Прежде всего остановимся на чаше с округлыми боками и невысокой кольцевой ножкой³⁹. Внутри чаши никаких украшений нет. Снаружи ее поверхность покрыта тремя рядами небольших вдавленных ложек. Вся орнаментация явно рассчитана на полупрозрачность черепка, сильно просвечивающего в углубленных местах, что и является украшением чаши. По форме и размерам она очень близка к белой чаше мягкого фаянса с зигзаговидным узором (рис. 1). Сохранилось около одной трети чаши.

От второй чаши такого же фаянса⁴⁰ сохранился лишь ободок, разбитый на восемь кусков (рис. 10). Насколько можно судить по ободку, чаша имеет такую же форму, как и предыдущая. Снаружи видны концы семи рельефных лепестков, похожих на лепестки магнолии: чаша как бы вставлена в цветок. Лепестки очень хорошо и четко моделированы и прочно связаны с основной массой чаши. Остальная поверхность ее идеально гладка и ровна. Все это наводит на мысль, что форма чаши получена при помощи прессования. Помимо рельефной орнаментации, чаша внутри вдоль борта украшена фризом непрерывно выходящего орнамента, исполненного тончайшей гравировкой по сырому черепку. Качество полупрозрачного фаянса очень высоко. По белизне чаша не уступает лучшему фарфору, в прозрачности же превосходит многие фарфоровые изделия. Черепок по твердости, строению и пористости такой же, как и у прочих полупрозрачных фаянсов. Из остальных шестнадцати фрагментов, найденных в Ани, девять украшены непрерывным выходящим орнаментом, так же тонко гравированным, как и на чаше с лепестками магнолии.

В 1946 г. в Двине найдено несколько предметов полупрозрачного фаянса анийского типа; среди них особенно интересен фрагмент чаши, украшенный каймой из ряда почти замкнутых полумесяцев. Этот узор очень

³⁹ Б. Шелковников. Поливная керамика из раскопок г. Ани. Рис. 22, № 770, 07, № 150; диам. 18 см, выс. 6,5 см, толщ. 2—3 мм.

⁴⁰ № 768; № 73, диам. 17,5 см, толщ. 2—3 мм.

Рис. 10. Фрагменты чаши полупрозрачного фаянса с рельефными лепестками снаружи. Ани, X—XI вв. (Гос. Ист. музей АИ АрмССР, № 768)

близко подходит к калачевидному, нигде, кроме Закавказья, не встречающемуся. По черепку, глазури и форме чаши с округлыми боками на низкой кольцевой ножке двинские экземпляры близко подходят к анийским.

В 1949—1950 гг. в Двине найдены две замечательные чаши полупрозрачного фаянса; они имеют округлую форму и низкую кольцевую ножку. Чаша 1949 г. украшена с внешней стороны рельефными лепестками, так расположенными, как будто чаша помещена внутрь большого цветка (судя по форме лепестков — магнолии)⁴¹. У чаши, найденной в 1950 г., нет рельефных украшений, но у нее внутри по борту тянется кайма непрерывно вьющегося орнамента, исполненного уверенной мастерской рукой в технике тончайшей гравировки⁴². На дне последней чаши, с обратной стороны, на неглазурованном черепке написан такой же, как на описанных выше твердых фаянсах, зелено-бурый знак мастера ω (рис. 11). При сравнении этих чаш с анийским фрагментом края чаши (рис. 10) обнаруживается их полное сходство. С внешней стороны анийский фрагмент украшен теми же рельефными лепестками, что и двинская чаша 1949 г.; внутри же его по бокам тянется кайма непрерывно вьющегося орнамента совершенно такого же рисунка и такой же техники, как на чаше 1950 г. из Двина. Это сходство, наряду со сходством формы, черепка и глазури, говорит о том, что, в противоположность мягким фаянсам, полупрозрачные, найденные как в Двине, так и в Ани, безусловно, изготовлялись в одних и тех же мастерских. Тождество марки мастера полупрозрачной чаши из раскопок Двина 1950 г. с марками на твердых двинских фаянсах — №№ 473, 192, 472 (рис. 8) — указывает на то, что твердые и полупрозрачные фаянсы происходят из одних и тех же мастерских.

Время производства этих фаянсов легко устанавливается по месту их находки. Как говорилось, анийские экземпляры найдены в колодцах двора Багратидов и, следовательно, датируются концом X — началом XI в. — тем же временем, что и остальные белые или одноцветные фаянсы, украшенные гравировкой и ажуром. Чаша с лепестками магнолий найдена совместно с синей чашей мягкого фаянса с калачевидным узором и мет-

⁴¹ № 245, 1949 г., диам. 19 см, выс. 6 см.

⁴² № 17, 1950 г., диам. 19 см, выс. 6 см, диам. ножки 7 см, толщ. стен 0,3 см.

кой мастера в виде армянской буквы «п» (рис. 2); фрагмент же с гравированным выходящим орнаментом найден вместе с люстрованной чашей с Сирином (рис. 7) и синей чашей с калачевидным узором⁴³. Все это говорит о том, что все эти фаянсы относятся к одному времени.

Высокий уровень, которого достигла в средние века армянская керамическая промышленность, находит подтверждение в свидетельстве Идриси, хотя и относящемся к несколько более позднему времени — к середине XII в. Но оно имеет значение и для времени производства рассмотренных видов белоглиняных фаянсов, так как сведения, приведенные географом, вероятно, заимствованы им из предшествующих источников. Идриси пишет, что на берегу озера Ван «в Армении добывают один сорт глины, который служит для изготовления сосудов для жидкостей (бардах), которые вывозят на продажу в Ирак, Сирию и Египет, где продают за очень высокую цену»⁴⁴. Это сообщение о добывании в Армении высококачественных керамических глин имеет большое значение, так как без надлежащего сырья не могло бы существовать в Армении и производство высококачественных керамических изделий. В Ирак и Египет, т. е. в страны, имевшие свое развитое керамическое производство, можно было вывозить керамику только исключительно высокого качества. К таковой и относятся найденные в Двине и Ани твердые и полупрозрачные фаянсы. Следовательно, если в кратком сообщении Идриси нет указаний на то, к какому классу керамических изделий относятся упомянутые им сосуды, то раскопки средневековых городов Армении дают возможность с достаточной достоверностью установить, о каких изделиях идет речь. Остается открытым еще вопрос о том, в каком месте Армении производились твердые и полупрозрачные фаянсы. Так как производство, естественно, должно было бы находиться поблизости от месторождений необходимого сырья, то центр изготовления этих фаянсов нужно искать к югу от Двина и Ани, в районе, ближе расположенном к побережью оз. Ван.

Все три вида закавказских фаянсов с белым черепком и гравировкой по сырцу — мягкие, твердые и полупрозрачные фаянсы — являются тремя последовательными ступенями в стремлении мастеров-керамиков достигнуть технических достоинств китайского фарфора и ранних селадонов.

Возможно, что и техника украшения при помощи гравировки и тиснения перенята местными мастерами у дальневосточных образцов; но этот вопрос не так прост, так как, во-первых, и гравировка и тиснение издавна и повсеместно применялись на неполивной керамике и, во-вторых, то и другое могло возникнуть из стремления подражать гравировке и чекану на металлических изделиях. Что же касается ажур, то последний известен в Китае лишь в XVIII в., где он образует узор. Беспорядочный ажур, лишь оживляющий светящимися точками свободное пространство, появившийся в X в., был изобретением мастеров Переднего Востока⁴⁵.

Рис. 11. Двин. Чаша полупрозрачного фаянса с кольцевидной ножкой. X—XI вв. (Гос. Ист. музей АН АрмССР, № 17, 1950)

⁴³ Исторический музей АН АрмССР, № 753; 07, № 82, диам. 17,5 см, выс. 6 см.
⁴⁴ Géographie d'Edrisi, traduite de l'arabe en français par P. Amedée Jaubert, т. II, Paris, 1940, стр. 328.

⁴⁵ Р. Хобсон считает, что китайский фарфор с ажуром появился не ранее царствования императора Цянь-Лун (1738—1795). См. R. L. Hobson. Handbook of the Pottery and Porcelain of the Far East. London, 1948, стр. 105.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

Г. В. ТРУХИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

За последние годы в пределах Томской области обнаружено около 700 археологических памятников.

Среди них особое внимание привлекают памятники эпохи неолита: могильник на месте мусульманского кладбища близ г. Томска, могильник

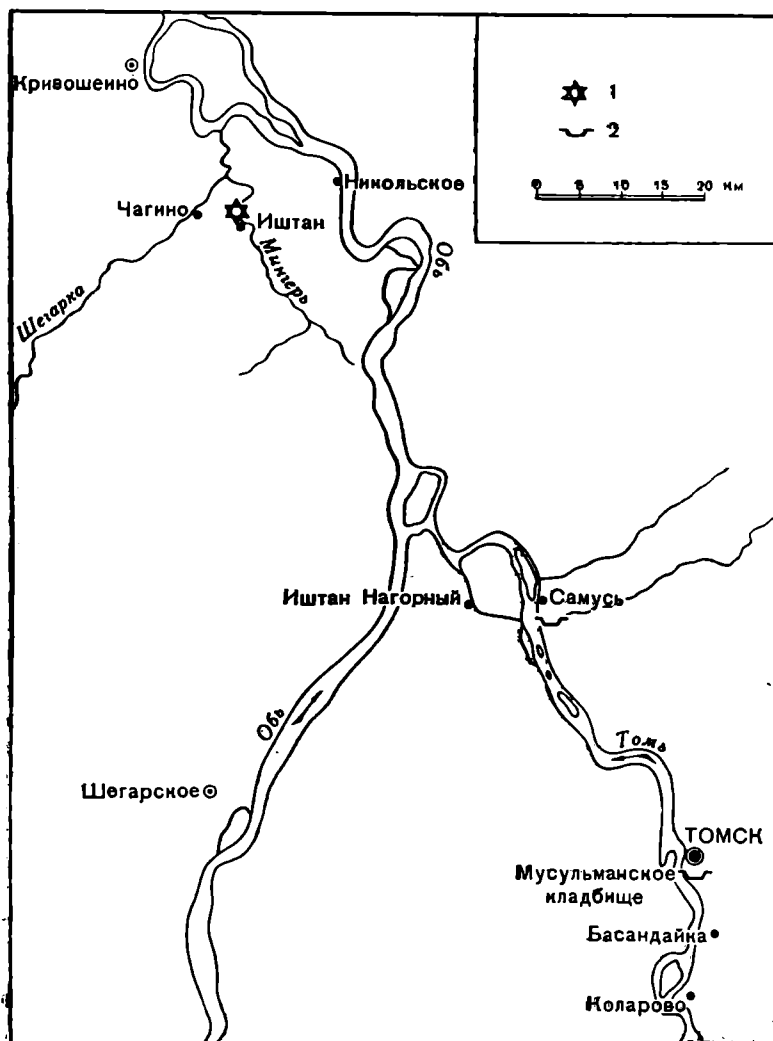

Рис. 1. Карта археологических находок на территории Томской области

1 — стоянка; 2 — неолитический могильник

в пос. Самусь, древние стоянки у дер. Иштан и Иштан-Нагорный (рис. 1).

Неолитический могильник на месте мусульманского кладбища расположен близ г. Томска, на берегу р. Томи.

Правый берег р. Томи против могильника высокий, крутой, опускается или примыкает к высокой пойменной террасе р. Томи. Высота берега 60—70 м. Берег расчленен оврагами и небольшими понижениями.

В мае 1955 г. могильник был частично раскопан проф. А. П. Дульзоном. Полученный материал не отличается от материала более ранних раскопок М. Н. Комаровой.

Самусьский неолитический могильник расположен в 35 км от г. Томска вниз по течению р. Томи, на берегу р. Самуськи, на песчаном холме, на территории Самусьского кладбища. Могильник ограничен с юго-запада высоким обрывом р. Самуськи.

В 1950 г. В. С. Синяев и Р. А. Ураев собрали подъемный материал. На поверхности они нашли фрагменты керамики, а в обвале берега реки — фрагменты костей человека, окрашенные в ржаво-красный цвет (охра).

Самусьский могильник частично раскопан В. И. Матющенко; вскрыто несколько погребений с трупопожжениями. В погребениях обнаружены каменные шлифованные топоры, тѣсла, каменные ножи, наконечники стрел, копья и скребла. Встречаются бронзовые ножи и другие предметы. Осенью 1954 г. сотрудником областного музея Р. А. Ураевым и мною были просмотрены самусьские археологические объекты. На поверхности, в обрыве крутого берега р. Самуськи, были найдены каменные отщепы.

Ученики самусьской средней школы нашли в районе Самусьского неолитического могильника два маленьких горшочка: один — круглодонный, а другой — плоскодонный. Там же найден каменный шлифованный топор из кремнистого сланца (рис. 2, 1).

Южнее могильника нами найдены каменный наконечник копья из темного кремня (рис. 2, 2) и каменный наконечник стрелы из темно-серого кремня. Здесь же найдены скребки и осколки кремня.

На северо-восточной окраине дер. Иштан Кривошеинского района имеется могильник около обрыва крутого берега р. Мингеря. Здесь сохранилось 14 курганов, среди которых выделяется центральный курган высотой 1,8 м. Около могильника обнаружена стоянка каменного века. Кузнец дер. Иштан Смокотин при рытье погребца на глубине 1,5 м нашел каменный топор, нож из темно-серого кремня и кремневые сколы. Каменные орудия — топоры и тѣсла — найдены также на стоянках Иштан-Нагорный и Кафтанчиково (Томский район).

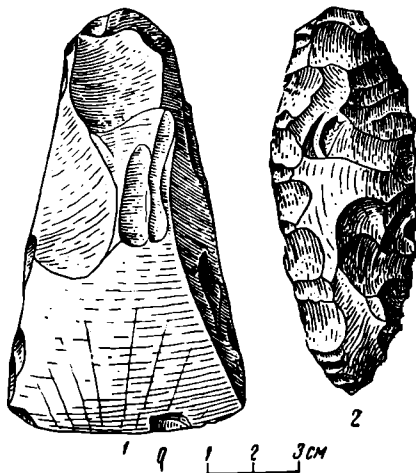

Рис. 2

1 — топор; 2 — наконечник копья

В. В. ВЕСЕЛОВ

СТОЯНКА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА р. БЕРЕЗОВКЕ В АДАМОВСКОМ РАЙОНЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1955 г., севернее пос. Шильда (Оренбургской ж. д.), на правом берегу речки Березовки были обнаружены остатки селища эпохи бронзы¹.

На полосе длиной около 200 м и шириной 15 м, примыкающей к огородам местных жителей, было поднято более 70 фрагментов керамики, из которых около 40% орнаментированы. Судя по керамике и ее орнаментации (рис. 1), данная стоянка относится к андроновской культуре.

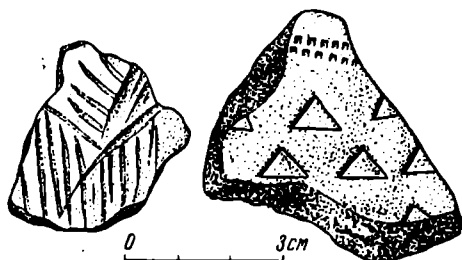

Рис. 1. Фрагменты керамики со стоянки на р. Березовке

Это одна из первых стоянок андроновского времени, открытых в восточных районах Оренбургской области, где до сих пор совершенно не проводились археологические исследования.

В культурном слое мощностью 0,20—0,60 м, кроме фрагментов посуды, попадаются полуистлевшие кости, большей частью крупного домашнего рогатого скота.

¹ См. газету «Чкаловская коммуна» от 6 октября 1955 г. за № 237 (8287).

Т. М. МИНАЕВА

ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕЧ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО МУЗЕЯ

Большинство вещей из археологических коллекций Ставропольского музея принадлежит к случайным находкам. Одной из таких находок является железный меч, найденный на р. Мамайке, близ г. Ставрополя (рис. 1). Меч имеет плоскую рукоять с утолщенным, слегка выступающим за края рукояти навершием. Нижняя часть рукояти при переходе к лезвию выступает острыми углами. Лезвие меча — обоюдоострое, утолщенное в середине, с округлым в сечении острым концом. Поверхность лезвия в верхней части с обеих сторон украшена продольными врезанными линиями. Меч предназначался для рубящего и колющего действия. Таким образом, он объединял функции кинжала и меча.

В инвентаре музея (№ 3205) сказано: «Меч найден на Мамайке в Ставрополе, близ немецкого хутора, 1—4—14 г. Дар Е. Р. Ходарина». С точно таким же «паспортом» в инвентаре музея числится, кроме интересующего нас меча, целый ряд вещей: железные двукольчатые удила с псалиями с лопастью на нижнем конце; железный дугообразный псалий с шишечками на концах; два бронзовых псалия, заканчивающихся головой льва с раскрытой пастью; три железных меча с сердцевидным перекрестием; бронзовый двуперый наконечник стрелы и многие другие вещи. Все они находят себе аналогии в раннескифских памятниках Украины, таких, как Старшая Могила, Чмырев курган, Чигиринские могилы и др. Эти вещи происходят, вероятно, из нескольких погребений, так как в составе коллекции много однородных предметов, например мечей, удил.

Весь комплекс вещей с Мамайки относится к раннескифской эпохе. Это обстоятельство до некоторой степени определяет время интересующего нас меча. Более убедительные указания дает сама форма меча. Острыми выступами в месте перехода лезвия к рукояти, продольными линиями на поверхности лезвия меч весьма напоминает бронзовые кинжалы и мечи, широко известные на Кавказе.

Мастер, ковавший предмет, по-видимому, старался подражать бронзовым кинжалам. Во всяком случае, он хорошо знал формы бронзового оружия. Мечи, подобные данному, относятся к самой ранней стадии распространения железа.

Несмотря на то, что меч из Ставропольского музея не имеет точного паспорта, он все же не лишен научного значения. Он пополняет наши представления о формах оружия переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа и о территории их распространения.

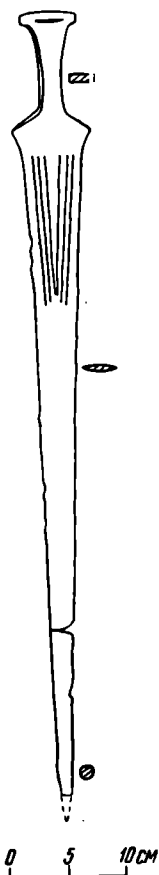

Рис. 1. Меч.

Б. Я. СТАВИСКИЙ, М. Х. УРМАНОВА

ГОРОДИЩЕ КУЛДОР-ТЕПЕ

(Работы 1955 г.)

Осенью 1955 г. Самаркандским музеем истории культуры и искусства УзССР совместно с Государственным Эрмитажем были проведены раскопки в Ургутском районе на городище Кулдор-тепе, которое представляется возможным рассматривать как остатки столицы согдийского княжества Маймург — города Босиде¹. Это городище (рис. 1) расположено в Задаргомской степи, возле кишлака Багрин, примерно в 35 км от Самарканда. Со всех сторон оно окружено крепостной стеной, дошедшей до нас в виде мощных валов, достигающих в высоту более 6 м. Общая длина крепостных стен превышала 1700 м, а ограниченная ими площадь равнялась примерно 17 га. В северо-восточном, юго-восточном и юго-западном

¹ Городище Кулдор-тепе в предвоенные годы было обследовано Г. В. Григорьевым и И. А. Сухаревым, а в 1953 г. — В. И. Сариниди. Весной 1954 г. В. И. Сариниди впервые провел здесь небольшие раскопки.

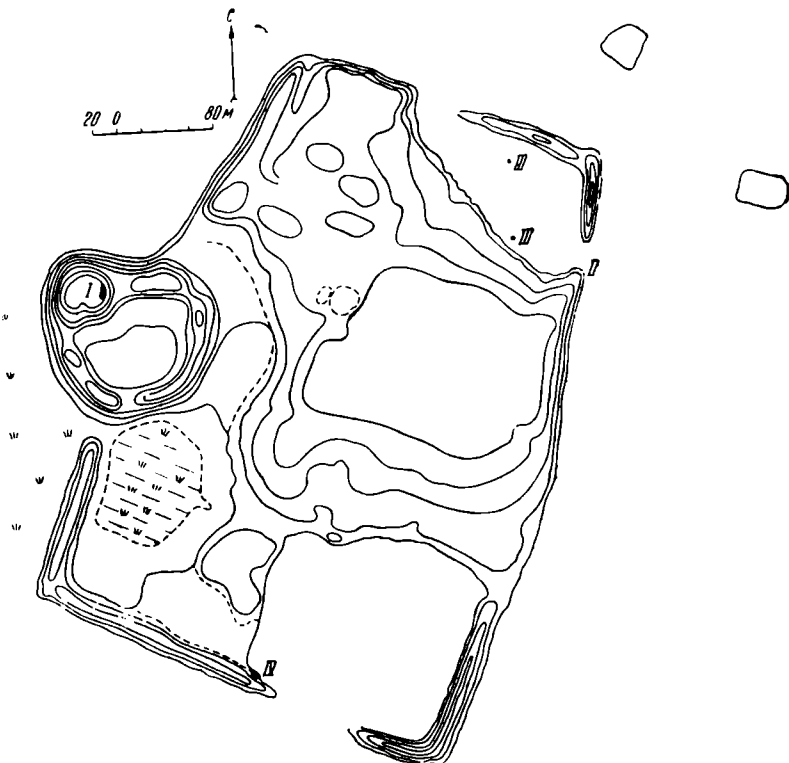

Рис. 1. План городища Кулдор-тепе. Глазомерная съемка Г. В. Григорьева
I — раскоп I; II — раскоп II; III — шурфы; IV — зачистка кладок южной стены

углах городища расположены большие пониженные участки. В северо-западном углу довольно четко выделяется несколько крупных холмов. Центр городища занят сплошным возвышенным массивом с почти ровной поверхностью. На западном краю городища расположена цитадель, приподнятая над окружающей местностью примерно на 15 м. У подножья цитадели, внутри городища, близ его юго-западного угла, находилось озеро, снабжавшее город питьевой водой (сейчас озеро заросло камышом, а воды его орошают поля окрестных колхозов).

Подъемный керамический материал на территории городища был довольно обилен и разновременен. Самые ранние по времени находки (донца бокалов на ножке, венчики тонкостенных сосудов с темно-коричневым ангобом с полосчатым лощением) могут быть предположительно отнесены к началу нашей эры, а поздние обломки поливной и неполивной средневековой посуды — к XI—XII вв.

Следует отметить, что больше всего фрагментов средневековой посуды, а также обломков жженных кирпичей, относящихся, вероятно, к этому же времени, было встречено близ пониженного участка в северо-восточном углу городища, причем здесь же была найдена большая глыба спекшихся при обжиге кирпичей.

Раскопки на городище Кулдор-тепе в 1955 г. носили разведочный характер.

Основной раскоп 1955 г., раскоп I, площадью около 100 м², был заложен в северо-восточной части центрального холма цитадели. Доведен этот раскоп в 1955 г. до глубины 5 м от поверхности холма. Сверху по всей площади раскопа (в слое толщиной 0,20—0,30 м) были вскрыты следы кострищ и найдено большое число обломков глиняной и стеклянной посуды IX—XII вв. Под этим поверхностным слоем удалось зачистить остат-

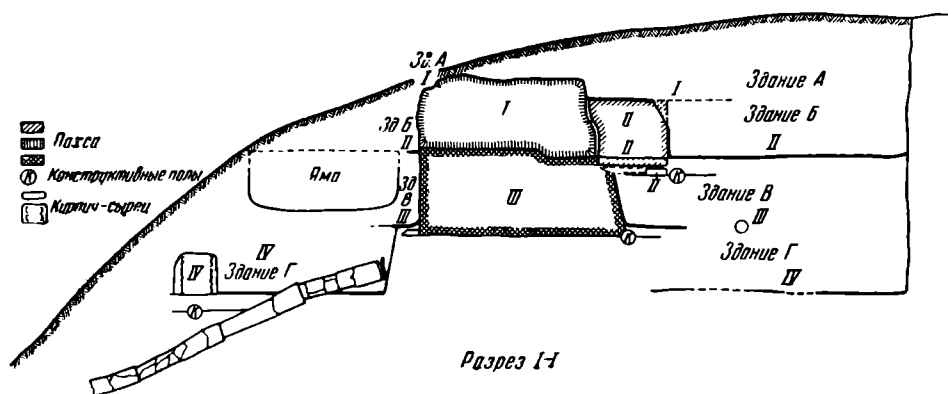

Рис. 2. Разрез раскопа I

ки четырех последовательно сменявших друг друга сооружений, которые условно сверху вниз получили обозначения как А, Б, В и Г (рис. 2).

Стены верхнего из них, здания А, лежали непосредственно под поверхностным слоем. Сохранились они на высоту всего лишь 0,30 м. Стены сложены из пахсы и прямоугольного кирпича-сырца (размером 43 × 23 × 8 см).

Сразу же под полом этого здания были открыты остатки следующей постройки, здания В, стены которого сохранились на высоту до 0,80 м. В 1955 г. открыта (на протяжении более 7 м) капитальная стена этого здания, сложенная из крупных, до 1 м шириной, пахсовых блоков прекрасной выделки. Под блоки в этой стене положен ряд сырцовых кирпичей (размером 50 × 25 × 8 см). При возведении здания А эта и другие стены постройки Б были преднамеренно срезаны, а помещения до уровня среза забиты глиной и строительным мусором.

Находки на полу здания А, в забивке помещений здания Б и на его полу относятся к одному культурному этапу, охватывающему примерно 100—150 лет, с конца первой половины VII до начала второй половины VIII в. Это прежде всего керамика: кружки с петлеобразной ручкой и широкогорлые сосуды с сильно отогнутым или усложненным венчиком (рис. 3, 1). Они находят ближайшие аналогии в керамике верхних слоев

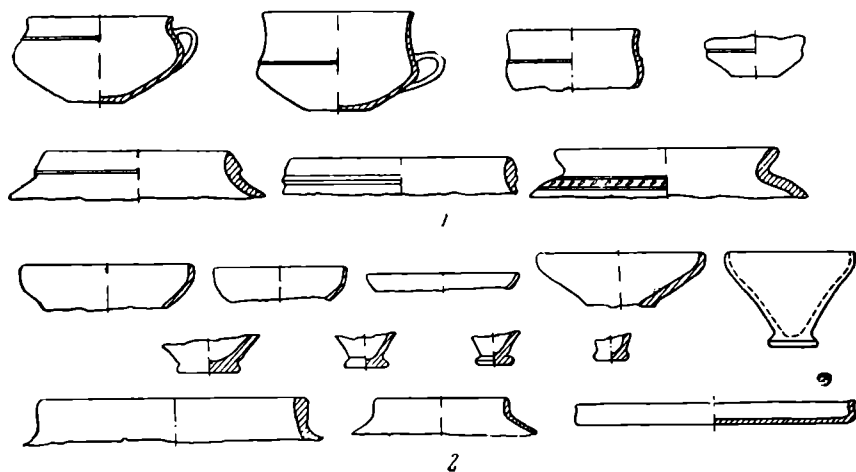

Рис. 3. Керамика из раскопок Кулдор-тепе

1 — из зданий А и Б; 2 — из зданий В и Г

Рис. 4. Раскоп I. Участок канализационной линии

Тали-Барзу и Пянджикента, а также городища Кафир-кала². Особо следует отметить два черепка от сосуда кафир-калинского типа со слюдяной посыпкой и оттиснутым изображением граната. Здесь же были найдены две бронзовые согдийские монеты VII—VIII вв., выпущенные по образцу китайских монет династии Тан, в том числе монета ихшида Тукаспадака (696—698 гг.)³. Из других находок этого комплекса следует отметить небольшой изогнутый железный нож с заклепками для рукояти.

К иному культурному этапу относятся здания В и Г, остатки которых (нижние части стен и поверхность пола) лежат ниже сооружений А и Б; остатки здания В лежат непосредственно под полом здания Б, остатки здания Г — сразу же под полом здания В, причем и те и другие были забутованы при возведении вышележащих сооружений. Среди керамических находок, связанных с остатками построек В и Г, выделяются чашевидные кубки с поддоном и широкогорлые сосуды с прямым венчиком (рис. 3, 2). Аналогичная керамика происходит из четвертого слоя Тали-Барзу и из нижнего слоя древнего Пянджикента и датируется V—VI вв.⁴

Интересной находкой 1955 г. является линия канализационных гончарных труб (так называемых кубуров), открытая под полом здания В. Всего открыто четыре звена-кубура (рис. 4). Каждый из них имеет в длину до 1 м при ширине в верхней части 26 см, в нижней — 18 см.

Под полом здания Г начата зачистка еще одного, пятого сверху, сооружения. Однако исследование его только лишь началось, количество находок невелико, и судить о характере и датировке его можно будет лишь после проведения дополнительных раскопок. Пока же наиболее вероятным представляется отнесение этого здания к III—IV вв. н. э.

Второй раскоп 1955 г. был заложен на крепостной стене города, в северо-восточной части городища. Здесь, возле пониженного участка, валы крепостных стен имеют разрывы, достигающие в ширину 50—100 м. Около края одного из таких разрывов и был заложен раскоп II, который дал

² См. Г. В. Григорьев, *Городище Тали-Барзу*. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 96—98, рис. 6ж; А. И. Тереножкин, *Соغد и Чач*. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 154, рис. 69, X; его же. *Раскопки в кухендизе Пянджикента*. МИА, № 15, 1950, стр. 91—92, табл. 41; И. Б. Бентович, *Керамика Пянджикента*. МИА, № 37, 1953, стр. 138, табл. IX—X. Большое число аналогичных сосудов, происходящих из Тали-Барзу и Кафир-калы, хранится в Среднеазиатском отделении Эрмитажа и в Самаркандском музее.

³ Определение О. И. Смирновой.

⁴ А. И. Тереножкин, *Соغد и Чач*, стр. 161; ср. Г. В. Григорьев, *Ук. соч.*, стр. 95, рис. 6д. См. также материалы из Тали-Барзу и из раскопок Пянджикента 1955 г. (объект XII).

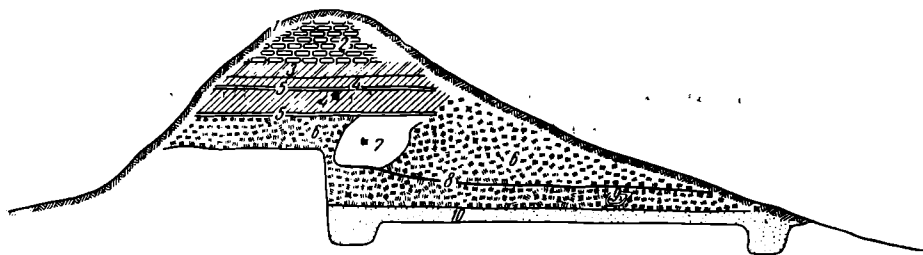

Рис. 5. Разрез крепостной стены городища (юго-восточная часть)

1 — дерн; 2 — сырцовая кладка; 3 — слой серой пахсы; 4 — слой желтоватой пахсы; 5 — песчаная прослойка; 6 — плотный глиняный массив; 7 — рыхлая серая глина; 8 — плотная покатая поверхность; 9 — следы кострища с костями; 10 — плотный песчаный слой; X — места находок средневековой керамики и стекла

нам поперечный разрез крепостной городской стены (рис. 5). Сверху стена оказалась сложенной из крупного квадратного кирпича-сырца (размером $44 \times 44 \times 15$ см), характерного для времени, близкого к началу нашей эры⁵. Всего сохранилось семь рядов кладки с широкими (до 10 см) боковыми швами, заполненными глиняной обмазкой. Ниже появились широкие сплошные пласты пахсы (высотой до 70 см), отделенные друг от друга тонкими прослойками сероватого песка. В стене при раскопках было обнаружено несколько ям разной величины с обломками глиняных и стеклянных сосудов IX—XII вв.

У основания разреза стены были заложены контрольные шурфы, обнаружившие под пахсовой кладкой слой песка толщиной более 1 м. Для того чтобы выяснить, не является ли песок материковой почвой, на восточном пониженном участке городища были заложены два шурфа, доведенные до глубины 1 м. В шурфах сразу же под перепаханым поверхностным слоем появился чистый материковый лёсс.

Таким образом, можно предположить, что песчаная подстилка под стенку была преднамеренной. Однако вопрос этот окончательно можно будет решить лишь после дальнейших раскопок.

Шурфы, заложенные на пониженном участке в юго-восточном углу городища, показали также, что понижения такого рода на территории Кулдор-тепе соответствуют каким-то крупным незастроенным участкам, возможно, базарным или иным площадям.

Работы на городище Кулдор-тепе в 1955 г., несмотря на их рекогносцировочный характер, дали в общем интересный вещественный материал, разграниченный по отдельным слоям и периодам, и позволили осветить некоторые вопросы истории городища.

Подъемный материал и данные, полученные в ходе раскопок, позволяют говорить, что крупное поселение городского типа возникло на территории Кулдор-тепе не позднее первых веков нашей эры. Оно возникло возле озера с подземными источниками, которое сразу же было взято под охрану городских крепостных стен. Тогда же над озером была воздвигнута цитадель, возвышавшаяся, по-видимому, уже в III—IV вв. более чем на 10 м над всей округой. В VIII в. жизнь в монументальном здании центрального холма цитадели прекратилась, а крепостные стены города пришли в упадок. В IX—XII вв. жизнь на городище продолжалась, но поселение этого времени не было уже значительным населенным пунктом и вряд ли играло видную роль в жизни всего района. Крепостные же стены Кулдор-тепе в это время потеряли уже свое значение, а их валы местами были изрыты.

⁵ Ср. С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках. ВДИ, 1956, № 2, стр. 164; С. П. Голстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 90; В. Д. Жуков. Кирпич из развалин Старого Термеза. Тр. ТАКЭ, т. I, 1940, стр. 208. Кладки из такого кирпича-сырца были обнаружены также при небольшой зачистке южной стены городища.

С. Н. ОРЛОВ

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОПКАХ ВОЛХОВСКОГО ТИПА В РАЙОНЕ СТАРОЙ ЛАДОГИ

В 1950 г. экспедицией ИИМК АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной была раскопана сопка волховского типа на левом берегу р. Волхова, в 2 км ниже Старой Ладogi. Сопка была расположена на высоком мысе, образованном глубоким оврагом и р. Волховом.

К моменту раскопок насыпь сопки была значительно разрушена; часть насыпи с западной и юго-западной сторон уничтожена осыпающимися склонами мыса, а центр насыпи сверху разрушен большой грабительской ямой. Поводом для исследования сопки было то, что в основании ее был обнаружен культурный слой древнего поселения с кремневыми и сланцевыми орудиями.

После соответствующей нивелировки поверхности насыпи и зачистки обреза разрушенной части западной половины сопки было решено западную и центральную части насыпи разрезать отсеками. Первый отсек шел по линии А — Б. Так был получен разрез насыпи по линии А — Б (рис. 1, I). Второй отсек шел по линии А₃ — И₃. Этими двумя отсеками была исследована центральная часть насыпи и вскрыта значительная площадь основания сопки.

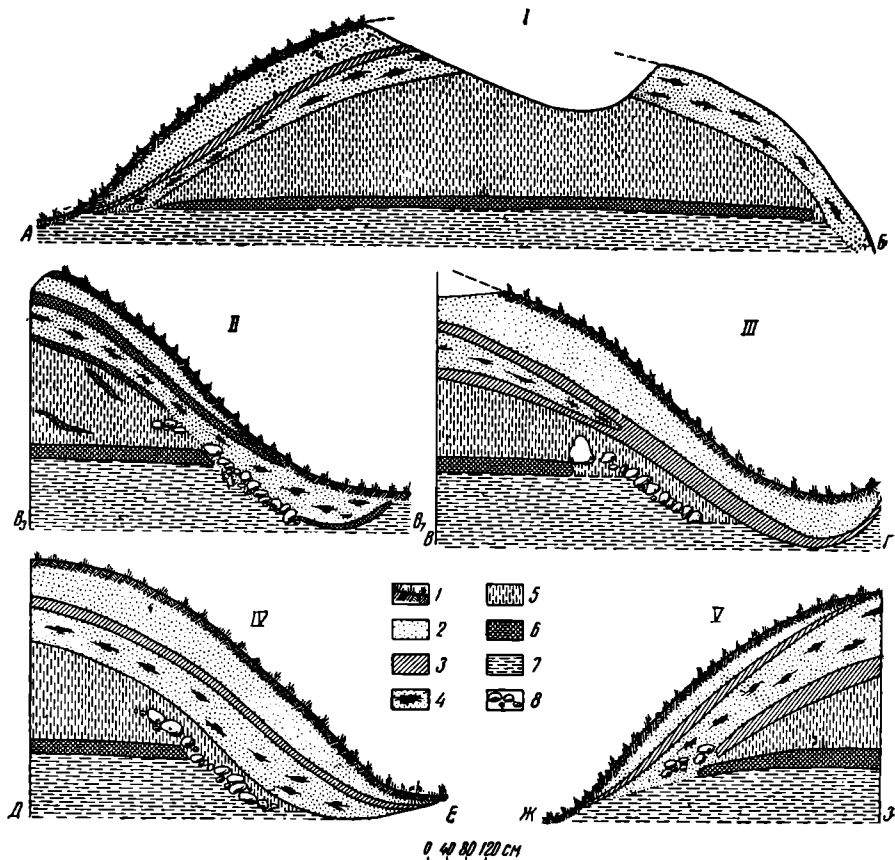

Рис. 1. Разрезы насыпи сопки

1 — дери; 2 — светло-желтый песок; 3 — темный гумус; 4 — светло-желтый песок с вкраплениями золы; 5 — серый плотный песок; 6 — темный зольный слой; 7 — материковый желтый песок; 8 — камни

Восточная, ненарушенная часть насыпи сопки была разрезана на два сектора и три отсека. Сначала был вскрыт южный сектор по линии А₃—А₆ и В₃—В₇, а затем вскрыт северный сектор по линиям Ж—З и Д—Е. Оставшаяся центральная часть восточной половины сопки была разрезана на два отсека. В результате такого деления насыпи мы получили четкие стратиграфические разрезы по линиям В₃—В₇, В—Г, Д—Е и Ж—З (рис. 1, I—V).

Никаких находок в насыпи сопки не встречалось, за исключением отдельных черепков «текстильной» керамики и кремневых орудий, которые относились к более древнему поселению. В темном золистом слое, залегающем в основании сопки, кроме кремневых орудий и фрагментов «текстильной» керамики, был найден небольшой кусочек сплава бронзы. Не встречено ни одного погребения ни в насыпи, ни в основании сопки. Все это дает возможность считать, что сопка, очевидно, была пустая¹.

Пустые, не содержащие погребений и инвентаря курганы и сопки — обычное явление среди погребальных памятников этого периода. По раскопкам Н. Е. Бранденбурга в районе Старой Ладоги известно пять пустых сопок. Всего же Н. Е. Бранденбургом раскопано около 20 пустых курганов в бассейнах рр. Волхова, Сяси, Паша и др.². На р. Сяси в 1927 г. В. И. Равдоникас также раскопал пустую сопку³. Следовательно, в этом отношении раскопанная нами сопка не вносит ничего нового.

Но совершенно новые материалы для волховских сопок получены при исследовании стратиграфии насыпи. На приведенных ниже чертежах разрезов четко видно, что насыпь сопки сооружалась не одновременно, а не менее, чем в три приема. Это хорошо видно по различной структуре насыпи и по темным гумусным прослойкам, отделяющим один слой насыпи от другого. Разберем подробно каждый разрез в отдельности. Разрез по линии А—Б дает представление о стратиграфии западной части сопки. В ненарушенном состоянии сохранились северный сектор и нижняя часть насыпи. Центральная часть насыпи уничтожена грабительской ямой, а южный склон, обращенный к реке, осыпался и смыт дождями. В северной части насыпи на разрезе четко видны три различные прослойки: под современным дерном по всему склону сопки залегают слой светло-желтого песка толщиной 0,80—1,00 м, ниже залегают темная гумусная прослойка толщиной 0,18—0,25 м, под которой идет слой желтоватого песка с вкраплениями зольных пятен. Толщина этого слоя 0,50—0,80 м. Нижняя часть насыпи отделяется от предыдущей по структуре и цвету песка. Здесь между ними отсутствует темная гумусированная прослойка, но линия, отделяющая нижнюю часть насыпи от вышележащей, четко видна; песок в нижней части насыпи имеет сероватый цвет, более плотную структуру и иное направление прослоек и пятен золы.

Разрез по линии В₃—В₇ в восточной части сопки также имеет три слоя. Под дерном залегают слой светло-желтого песка толщиной 0,60—0,70 м. Ниже тянется темная гумусная прослойка толщиной 0,15—0,20 м. Ниже гумусной прослойки снова залегают слой светло-желтого песка с вкраплениями золы толщиной 0,45—0,70 м, который четко отделяется от нижнего слоя насыпи по цвету песка, по его плотности и разному направлению слоистости песка с вкраплениями зольных пятен.

Разрез по линии Ж—З дает четкое представление о трех прослойках в структуре насыпи, которые отделены одна от другой гумусными прослойками. Под современным дерном залегают слой светло-желтого песка толщиной 0,40—0,75 м, а ниже тянется гумусная прослойка толщиной 0,15—0,20 м. Ниже гумусной прослойки залегают второй слой насыпи из

¹ В основании насыпи сопки, в квадрате Б₂, найден небольшой обломок железной пластинки.

² Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, т. 18, 1895.

³ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. М.—Л., 1934.

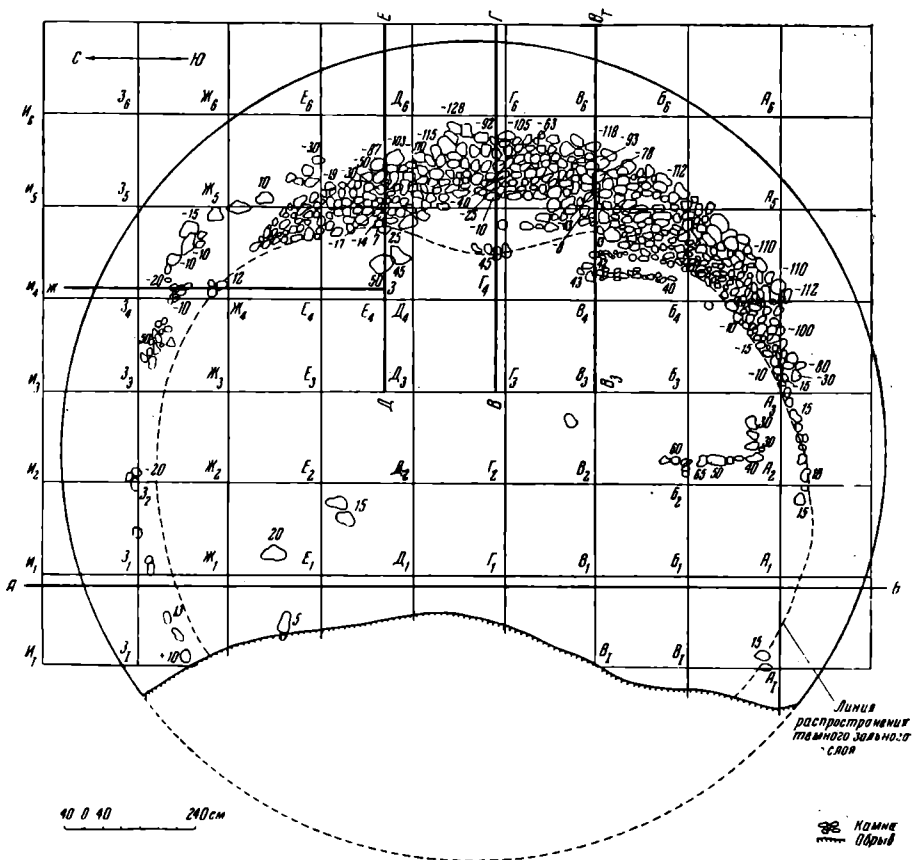

Рис. 2. План основания сопки

светло-серого песка мощностью 0,80—1,20 м. Ниже этого слоя залегает вторая гумусная прослойка толщиной 0,25—0,45 м, а затем находится третий слой насыпи, состоящий из плотного сероватого песка.

Совершенно аналогичный разрез насыпи сопки, состоящий из трех слоев песка, разделенных гумусными прослойками, мы наблюдаем и по линии В — Г.

Нам остается разобрать еще один разрез насыпи сопки, по линии Д — Е, где также видны три различных слоя: под современным дерном залегает слой насыпи из светло-желтого песка толщиной 0,70—1,00 м, ниже тянется гумусная прослойка толщиной 0,20—0,25 м, под которой имеется второй слой насыпи из светло-желтого песка толщиной 0,75—0,85 м.

Между вторым и третьим слоями насыпи на этом разрезе нет гумусной прослойки, но линия, отделяющая их, хорошо видна. Нижняя часть насыпи состоит из плотного сероватого песка с прослойками суглинка и золы и четко отделяется от более рыхлого светло-желтого песка второго слоя.

Таким образом, из описанных разрезов видно, что насыпь сопки сооружалась не одновременно, а в три приема. Как известно, сопки с подобной слоистостью в насыпи раскапывались на р. Ловати Л. К. Ивановским ⁴.

Известно, что сопки волховского типа характеризуются наличием разнообразных сооружений из камней, которые встречаются и в насыпях и в

⁴ А. А. Спицын. Сопки и жальники. ЗРАО, т. XI, вып. 2, 1899.

основаниях сопки. Но о назначении этих сооружений до сих пор нет ясного представления. В раскопанной сопке мы видим один ряд валунов, расположенных по кругу, который ограничивал первичную насыпь сопки, причем в восточной стороне сопки один ряд валунов переходит в целую кладку шириною до 2 м (рис. 2). На разрезах, приведенных выше, видно, что склоны первичного основания насыпи сопки были подрезаны. Это хорошо заметно по резкому срезу темного культурного слоя древнего поселения, который залегает в основании сопки. С южной, северной и западной сторон основание сопки, очевидно, было подрезано соответственно склонам оврага и берега реки, а с восточной, напольной стороны образовалась выемка вокруг подножья насыпи типа рва, глубиною около 1,2 м и шириною около 4 м (см. разрез по линии В₃—В₇; рис. 1, II). Каменная кладка с восточной стороны расположена по склону выемки. Следовательно, здесь мы имеем чисто конструктивное сооружение из валунов, которое укрепляло песчаный склон основания сопки. Но в квадратах А₂ и Б₂ имеется отдельное сооружение из валунов в форме буквы Г. Оно находится в насыпи, на 0,30—0,65 м выше поверхности темного слоя основания сопки. Валуну сооружения расположены в один ряд. Длинная сторона фигуры имеет размеры 2,2 м, а короткая — 1 м. Это сооружение, очевидно, не имело конструктивного характера, и возможно, относится к области религиозных представлений.

В заключение необходимо остановиться на размерах сопки. Внешние диаметры сохранившейся части насыпи по основанию равны: юг — север — около 18 м и восток — запад — 14 м. Высота сохранившейся части не превышала 3,6—3,8 м. Но сопка, как мы указывали выше, сооружена в три приема. Внешний диаметр первичной насыпи был около 16 м и высота — около 2,8 м. Внешний диаметр второй стадии сооружения насыпи — около 17 м и высота — около 3,2 м. Общая высота насыпи была, очевидно, около 4,5—5 м.

Для датировки раскопанной сопки у нас нет никаких вещественных доказательств, кроме структуры насыпи. По структуре насыпь сопки является типичной для этих памятников, которые, как известно, датируются VI—IX вв.

О. С. ХОВАНСКАЯ

НАГРУДНОЕ УКРАШЕНИЕ ИЗ БУЛГАРСКОГО ГОРОДА ДЖУКЕТАУ

Для характеристики технического уровня болгарских ювелиров, для выяснения торговых и культурных связей Булгарского царства большой интерес представляет нагрудное украшение, найденное при неизвестных условиях вблизи городища Джукетау, расположенного на берегу р. Камы.

Нагрудное украшение состоит из витой серебряной гривны и трех подвесок в виде блях (рис. 1). Гривна сплетена из шести проволок. Концы ее сомкнуты. Внутренний диаметр 17,5 см. Средняя бляха¹ дискообразной формы имеет круглый вырез у одного края. Линия выреза разрывается и загибается вниз, получается как бы перемычка. Благодаря круглому вырезу верхняя часть диска имеет форму лунницы.

В середине выреза посредством четырех узких пластинок закреплен второй диск, также с круглым вырезом у нижнего края.

¹ Диаметр средней бляхи — 9,7 см, круглого выреза — 4,5 см, внутреннего диска — 3,5 см, круглого выреза — 2,4 см.

Лицевая сторона пластинок разукрашена сканью, зернью, шатонами. Большой диск у внешнего обреза отделан двумя рядами жгутика, скрученного из двух тонких проволок; затем положен ряд бусинок на расстоянии 1,5 мм друг от друга (диаметр бусинок 1,1 мм). Каждая бусинка окружена жгутиком. За рядом бусинок идет еще ряд скани. Точно так же отделан внутренний обрез, причем ряды скани и зерни загибаются вниз

Рис. 1. Нагрудное украшение из Джукетау

соответственно вышеуказанной особенности выреза, что и подчеркивает форму лунницы. Нижняя перемычка украшена девятью рядами жгутика, к которым припаяно три крупных полушарика.

Поле лунницы отделано зернью, уложенной в виде ромбов и треугольников. В широкой части лунницы припаяно прямоугольное гнездо для камня, который не сохранился (размер $1,7 \times 1,1$ см).

Два шатона в форме неправильного овала расположены у рогов лунницы. Сохранился только один с темно-синим непрозрачным стеклом (размер $1 \times 0,7$ см). Ниже верхнего шатона с той и другой стороны припаяны полушарики диаметром 1,3 см, наверху которых закреплена бусинка. От основания полушариков вершинами вверх уложены треугольники мелкой зерни.

Внутренняя лунница отличается более скромной отделкой: по внешнему обреза уложено два ряда жгутиков и один ряд — по внутреннему обреза. Поле лунницы украшено одним рядом треугольников, заполненных зернью.

Пластинки, соединяющие два диска, отделаны жгутиком и одной бусинкой. Две боковые бляхи однотипные². Диск имеет круглый вырез, внизу припаяны четыре крупных полшарика. По внешней окружности бляхи украшены только тремя рядами жгутика и одним рядом по внутреннему обрезу. Поверхность отделана зернью в виде ромбов и треугольников.

В широкой части каждого диска, ближе к круглому вырезу, припаяно круглое гнездо диаметром 1,5 см с бледно-коричневым непрозрачным стеклом. Два прямоугольных гнезда с голубым непрозрачным стеклом помещены в рогах лунницы (размер 1,1 × 0,6 см).

В вырезе лунницы находились, по-видимому, какие-то привески, так как сохранилось кольцо, в которое продето миниатюрное колечко со штифтиком.

Присоединение к гривне осуществлено следующим образом: к внутренней стороне средней бляхи припаяна пластинка, соединенная с внутренним диском. Верхняя часть пластинки имеет ребристую поверхность и загибается в виде петли, через которую продето кольцо; последнее соединено с петлей второй ребристой пластинки, припаянной верхним концом к гривне. Подобная сложность соединения объясняется необходимостью дать бляхе большую подвижность.

Точно таким же образом присоединены к гривне и боковые бляхи. Правда, в отличие от центральной, к пластинке, заканчивающейся у круглого выреза, припаяно кольцо для привески.

Гривна скручена из серебряных проволок диаметром 1—1,2 мм; проволока выработана путемковки, о чем можно судить по неровности ее диаметра и отсутствию продольных полос. Эти показатели Б. А. Рыбаков считает типичными при применении техники «волочения», т. е. протягивания разогретой проволоки через отверстия того или иного диаметра³.

Бляхи толщиной до 1,5 мм изготовлены посредством штамповки, причем внутренняя поверхность осталась неровной, шероховатой.

Скань положена из тонкой серебряной проволоки диаметром около 0,2 мм. Из двух проволок скручен жгут. Через лупу можно различить на проволоке продольные полосы, что указывает на применение способа «волочения».

Посредством припоя (неизвестного состава) жгутики закреплялись на диске. Зернь (диаметром 0,4—0,5 мм) выделана, возможно, тем же приемом, что и в Киевской Руси. Обращает на себя внимание тонкая работа скани и зерни, близкая по выполнению к замечательным болгарским золотым изделиям. Что же касается отделки блях шатоном, то необходимо констатировать грубость выделки, применение тусклого стекла низкого качества вместо самоцветов.

Как видно из описания, одной из оригинальных особенностей нагрудного украшения является соединение серебряной витой гривны с подвесками в виде дискообразных блях типа лунниц. Хотя трудно указать аналогию данному изделию, близкие по оформлению, известные среди древностей Восточной Европы. Таковы, например, славянские ожерелья из медальонов, оплечье, найденное вблизи с. Болгар в 1882 г. Последнее, изготовленное киевским ювелиром, состояло из нескольких серебряных блях с отделкой в виде расцветшего креста. Сложный вид украшений представляют собою мордовские серповидные гривны с коническими пронизками и другие типы ожерелий, найденные в Крюковско-Кужновском могильнике⁴. К сложному типу ожерелий следует отнести и бусы с разнообразными привесками, широко распространенные у племен Северного Прикамья.

² Диаметр боковых блях — 6 см, круглого выреза — 32 см.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 162.

⁴ Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, табл. VI, 5; XIII, 1.

Совершенно иной вид имеет нагрудное украшение из Джукетау; его композиция весьма своеобразна. Необходимо выяснить поэтому, иноземное ли это изделие или местное; если местное, то под каким влиянием оно создавалось. Чтобы ответить на поставленные вопросы, рассмотрим составные элементы ожерелья. Начнем с гривны. Это типичная болгарская продукция, редко встречающаяся за пределами Болгарии⁵ и особенно характерная для домонгольского периода.

Дискообразные бляхи, как уже указывалось, имеют подчеркнутую форму лунницы.

Первые лунницы в пределах Восточной Европы найдены в Кошибеевском и Армиевском могильниках⁶. Среди вещевого материала ананьинской и пьяноборской культур лунницы не встречаются; нет их и среди находок Гляденовского костыща.

Лунницы появляются только в VIII—IX вв. благодаря восточной торговле. Они отличаются высокохудожественной техникой зерни и скани.

Среди иноземных образцов встречаются изделия, которые в отделке только подчеркивают форму лунницы. Таков, например, колт из уфимского погребения, вскрытого в 1936 г.⁷

Широкое распространение лунницы получают в X—XII вв. у славян и у племен, заселявших территорию Верхней и Средней Камы. Постепенно данный вид украшений осваивается местными ремесленниками. У других племен Прикамья и Поволжья — у мордвы, мари, болгар — лунницы встречаются редко, как предмет импорта. Достаточно сказать, что среди богатых коллекций Гос. музея ТАССР нет ни одной серебряной лунницы.

Лунницы Киевской Руси и Северного Прикамья резко отличаются по форме и отделке. Первые в большинстве случаев ширококорые (согласно классификации В. В. Гольмстен), тонкой филигранной работы, украшены мелкими и крупными полушариками, мелкой зернью. Помимо серебряных поделок, встречаются изделия бронзовые, литые, того же типа, как и серебряные.

Иной облик имеют серебряные лунницы Северного Прикамья. Среди них имеются тупорогие, остроугогие; преобладают «замкнутые», представляющие собою диск, которому посредством круглого выреза у края придана форма лунницы. Особенно типично для прикамских образцов украшение шатонами с самоцветами или стеклом различных оттенков.

В Северном Прикамье появилась особая, чисто локальная форма лунницы, совершенно иного оформления, чем в Киевской Руси.

Очень характерна в этом отношении серебряная «замкнутая» лунница, найденная в Пермской области и опубликованная В. В. Гольмстен.

Если сопоставить ее с бляхами нагрудного украшения из Джукетау, то бросается в глаза сходство их во многих деталях, хотя последние отличаются более сложным оформлением. Несмотря на это, можно утверждать, что форма блях нагрудного украшения из Джукетау заимствована из прикладного искусства Северного Прикамья.

Что же касается ювелирной техники, то различие в качестве выступает вполне отчетливо: подвески нагрудного украшения выделяются тонкой филигранной работой, искусно положенной мелкой зернью, тогда как лунница из Пермской области отделана весьма грубо, небрежно.

Характер ювелирной техники и позволяет нам определить племенную принадлежность ремесленника, создавшего нагрудное украшение. Это уникальное ожерелье, отразившее в своей форме и отделке болгарские и финно-угорские элементы, могло быть сделано только руками болгарского

⁵ А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 158.

⁶ Е го же. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 116.

⁷ Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. нашей эры. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 127.

ремесленника. Оно было изготовлено по специальному заказу представительницы финно-угорских северных племен. В этом нас убеждает форма блях, представляющих собою типичную «замкнутую» лунницу Северного Прикамья. Если учесть, что самым распространенным украшением указанной области были гривны и бляхи, то становится понятным соединение этих двух видов изделий в одно целое.

Изготовление описанного нагрудного украшения относится к XI—XII вв. — к периоду расцвета болгарского ювелирного дела.

В. Л. ЯНИН

К ЧТЕНИЮ НАДПИСИ НА ПРЯСЛИЦЕ ИЗ ГРОДНО

Подписные шиферные пряслица пользуются особым вниманием со стороны археологов. В своей совокупности они составили бы совсем крохотную коллекцию, своеобразным достоинством которой было бы весьма солидное приложение в виде значительной библиографии такого собрания. Интерес к подписным пряслицам понятен и оправдан. Сообщая важные палеографические данные, пряслица с надписями сами по себе являются несомненным свидетельством распространенности грамотности среди русских женщин в домонгольское время.

Надписи пряслиц в ряде случаев отличаются некоторым палеографическим своеобразием, которое вызвано небрежностью письма и техническими условиями его исполнения. Процарапанные на шифере, они ближе всего к граффити архитектурных памятников и текстам на бересте. Палеографическое своеобразие этих надписей несколько осложняет их чтение, приводит к возникновению вариантов их истолкования или же к отказу от прочтения спорных мест. Одному из таких спорных мест и посвящена настоящая заметка.

При раскопках в г. Гродно на территории Старого Замка в 1937—1938 гг. Зд. Дурчевским было найдено шиферное пряслице с пространной надписью, расположенной в две строки по окружности предмета (рис. 1)¹.

Начало надписи в нижней строке читается вполне отчетливо и не вызывает каких-либо сомнений: «Ги (под титулом.— В. Я.) помози рабе...». Продолжение надписи в верхней строке начинается бесспорным словом «своеи» (рис. 2). Заключительная часть надписи сохранилась менее отчетливо

Рис. 1. Пряслице из Гродно

ГН ПОМОЗИ РАБЕ
СВОЕИ НЕ ПУНИ

Рис. 2. Надпись на пряслице из Гродно

и истолковывалась различно. Зд. Дурчевский читал здесь: «и не дай»? Н. Н. Воронин, первым издавший прорись надписи, ограничился цитиро-

¹ Zd. Durczewski. Stary Zamek w Grodnie w swiecie wykopalisk, dokonanych w latach 1937—1938. Nieman, 1939, № 1, стр. 14; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 67, рис. 30.

² Zd. Durczewski. Ук. соч., стр. 14.

ванием этого чтения³. Б. А. Рыбаков и вслед за ним М. П. Сотникова придерживаются противоположного чтения: «и дай»⁴. Л. В. Алексеев, подробно исследовавший надпись, отметил некоторую сомнительность чтения Зд. Дурчевского, вставившего лишнюю букву после слова «своеи», однако в своем чтении эту букву не устранил, полностью присоединившись к Зд. Дурчевскому. Целиком надпись, по мнению Л. В. Алексеева, читается следующим образом: «Ги (под титлом), помози рабе своеи и недаи(.)»⁵. Истолковывая эту надпись, Л. В. Алексеев ссылается на граффити киевской Софии с текстом: «...и не дай ему погибнуть в день судный». «Не приходится сомневаться,— пишет Л. В. Алексеев,— что надпись гродненского пряслица должна была воспроизводить именно эту чрезвычайно редкую формулу, но не была дописана из-за нехватки места»⁶.

Однако в предложенном чтении все же приходится сомневаться, прежде всего, в силу известной наивности объяснения. Вряд ли кому-нибудь могло прийти в голову поместить на пряслице заведомо несоразмерную надпись. Не поместившаяся ее часть по числу знаков равна процарапанной, и для нее потребовалось бы еще одно такое же пряслице. Вторым противоречащим обстоятельством является безличность формулы, которая никак не вяжется с общим характером надписи, призывающей благословение на владельца пряслица. Наконец, и с чисто формальной точки зрения чтение не является безупречным. Для него потребовалось ввести отсутствующую в надписи букву, тогда как последняя буква вообще осталась неистолкованной. Все это заставляет думать, что в действительности спорное место надписи содержит имя, а сама формула является обычной благопожелательной.

Рассмотрим это место подробно. Буква, следующая за местоимением «своеи», не может быть прочтена как «Н». Это бесспорная буква «И», которую автор надписи пишет с горизонтальной перекадиной во всех не вызывающих сомнения случаях (в словах: «ги», «помози», «своеи»). Следующая буква — бесспорное «Е». Далее Л. В. Алексеев, так же как и все другие исследователи надписи, читает «Д», с чем, однако, согласиться трудно, поскольку буква вовсе не имеет горизонтального основания. Л. В. Алексеев усматривал под ней две косые черточки, которые при желании можно было бы признать за обычные у «Д» крылья основания⁷. Но в результате получается хотя и похожая своими очертаниями на «Д», но совершенно фантастическая буква, которой невозможно подыскать палеографических аналогий. Все эти противоречия отпадут, если мы признаем рассматриваемую букву за «Л». Следующую букву мы пока пропускаем, так как из-за неясности ее написания она может быть истолкована только по смыслу всей надписи. Предпоследняя же буква этой надписи, которую все исследователи читали как «И», в действительности должна быть прочтена как «Н». Как уже отмечено выше, автор надписи изображает «И» с горизонтальной перекадиной; здесь же изображена латинская буква «N».

На этом этапе прочтения конец надписи выглядит так: «ИЕЛ. Н.». Если это действительно имя, то оно может читаться только как «Иелене» (Елене). В самом деле, обе еще не прочтенные буквы имеют одинаковые начертания, ближе всего напоминающие букву «А». Так ее и читали обычно. Однако «А» — не единственный вариант прочтения спорной буквы.

³ Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 142; е го же. Древнее Гродно, стр. 64, сл.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 201; А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М., 1952. Дополнения, стр. 228.

⁵ Л. В. Алексеев. Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 131.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 130, рис. 49, 2.

Очень близкие начертания имеет в это время и «ѣ» в той форме, которая наиболее свойственна процарапанным надписям⁸.

В результате надпись гродненского пряслица в полном виде может быть восстановлена так:

«Г(оспод)и (под титлом.— В. Я.), помози рабе своеи Иелѣнѣ».

⁸ Ср. палеографию берестяных грамот XI—XII вв. Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 164.

В. А. ФИЛИПЧЕНКО

О НОВЫХ НАХОДКАХ НА ТЕРРИТОРИИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В течение ряда лет Астраханским краеведческим музеем проводились археологические обследования в Харабалинском, Красноярском и Лиманском районах области.

Особое внимание уделялось городищу в окрестностях с. Селитренного Харабалинского района и группе незаросших дюн между ж.-д. станцией Досанг и с. Лапас, на границе Красноярского и Харабалинского районов.

Избрание этих объектов для систематических наблюдений не случайно. Селитренное городище отождествляют с Сараем-Бату, крупнейшим хозяйственно-культурным центром Золотой Орды. Это городище на протяжении десятков лет давало интересные материалы, характеризующие уровень ремесленного производства и торговлю нижеволжских городов Золотой Орды. В свою очередь обследования открытых песков в окрестностях с. Лапас, как правило, сопровождаются находками различных изделий бронзового века, сарматского времени и эпохи поздних кочевников.

Не имея возможности в небольшой публикации дать характеристику всем материалам, поступившим за последние годы в краеведческий музей, остановимся лишь на некоторых предметах XIII—XIV вв., собранных на Больничном бугре (на Селитренном городище) и дюнах близ с. Лапас.

Селитренное городище располагается в 120 км севернее Астрахани, на левом холмистом берегу р. Ахтубы.

Не касаясь в целом вопроса о топографии городища, следует отметить, что его центральный район, расположенный на Больничном и Маячном буграх, частично занят с. Селитренным, возникшим в начале XVIII в.

Поверхность Больничного бугра покрыта небольшими овражками и промоинами, усеяна осколками строительной и бытовой керамики, обломками металлических изделий XIII—XIV вв. Прибрежные отроги бугра ежегодно размываются паводковыми водами Ахтубы. На послеспадовых участках берега часто встречаются фрагменты керамики, монеты и т. д. В обрывах бугра хорошо прослеживается пласт серого рыхлого культурного слоя мощностью 1,5—2 м.

К северо-западу от Больничного бугра расположены бугры Кучугур, Красный и Змеиные. К югу и юго-востоку расположены бугры Маячный, Каменный и группа безымянных бугров.

Основная масса находок была сделана на Больничном бугре. Среди многочисленных гончарных изделий особый интерес представляет поливная миска из серой глины.

Эта миска была обнаружена на Больничном бугре в толще культурного слоя на глубине 60 см от верхнего края обрыва. Высота ее 5,5 см, диаметр по верхнему краю 21,6 см. Тулово плавно переходит в кольцевидный под-

Рис. 1. Миска

дон высотой 1,4 см и диаметром 8,2 см. Дно миски диаметром 16 см слегка понижается к центру. С внутренней и внешней стороны миска покрыта поливой серебристо-зеленоватого цвета (рис. 1).

По внешней поверхности проходит 50 узких черных вертикальных линий, пространство между которыми заполнено поочередно шестью — восемью наклонными черными штрихами или тремя темно-синими точками. Ребро закраины украшено рядом темно-синих точек.

С внутренней стороны миска орнаментирована более сложно. По плоскости закраины проходит поле из слегка выпуклых изображений стилизованных бутонов, обведенных черными линиями и украшенных темно-синими точками. Все пространство между бутонами заполнено мелкими черными точками. Ниже, охватывая донную часть миски, проходит орнаментальный пояс, состоящий из двух белых полос, также обведенных черными линиями. Между полосами расположены слегка выпуклые ромбы, очерченные черными линиями, с темно-синими точками в центрах. Ромбы отделены друг от друга парными вертикальными линиями черного цвета.

Донная часть покрыта переплетением слегка выпуклых стилизованных бутонов, листьев, стеблей, украшенных темно-синими точками. Пространство между бутонами, листьями и стеблями заполнено мелкими точками черного цвета. На этом фоне изображен кентавр (высота фигурки 14 см).

В отличие от обычных изображений кентавров, описываемый не имеет человеческого торса, заменяющего собой шею лошади. Лицо кентавра, с непропорционально большими овальными глазами, своеобразно изогнутыми бровями, небольшим носом и ртом, обращено к зрителю и увенчано острой голубой шапкой, украшенной косой темно-синей сеткой. Грудь кентавра оттенена светло-голубой краской. От середины туловища вверх уходит темно-синее крыло с завитком на конце. Перья на крыле обведены узкими черными линиями. Темно-синего цвета хвост изгибается кверху

и заканчивается стилизованной головой птицы. Положение передних ног напоминает положение передних ног внезапно остановившейся лошади.

Миска с изображением кентавра имеет ряд аналогий среди поливных керамических изделий Сарая-Берке. Например, манера изображения перьев на крыле кентавра напоминает рисунок перьев на крыле утки, украшающей дно чаши из Сарая-Берке. В обоих случаях это ряды полукруглых штрихов, создающих впечатление плотно прилегающих перьев. Подобные сосуды с подглазурной росписью А. Ю. Якубовский относил к первой группе керамики хорезмийского типа ¹.

Некоторое отличие миски от сосудов этой группы заключается в составе глиняного теста, имеющего светло-серый цвет, что, по-видимому, указывает на местное производство сосуда.

Выходы пластов высококачественных белых глин известны в этом районе левобережья Ахтубы. Они широко использовались гончарами Сарая-Бату. Не случайно поэтому значительная часть поливной керамики, собранной на Больничном, Маячном, Красном и других буграх, имеет изломы светло-серого цвета.

Сопоставление манеры изображений кентавра из Сарая-Бату с изображением всадника на бронзовом зеркале XIII в. из Средней Азии позволяет говорить о влиянии среднеазиатского прикладного искусства на работы мастеров нижеволжских городов Золотой Орды ².

В 1952 г. на южном склоне дюны у с. Лапас Харабалинского района было обнаружено сильно разветвленное погребение. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад с незначительным отклонением к северу. Кисть правой руки покоилась на тазовых костях. Лицевые кости черепа были раздавлены. В 12 см справа от черепа находились три хорошо сохранившиеся медные монеты диаметром 1,9 см. Здесь же лежала квадратная золотая бляшка размером 1,5 × 1,5 см (рис. 2). Орнамент на бляшке был нанесен штампом: в центре — полусферическая выпуклость диаметром 0,5 см, по углам — слегка выпуклые завитки и отверстия для прикрепления бляшки к одежде. Под кистью правой руки на тазовых костях находились пять серебряных монет диаметром 1,5 см.

Три медные монеты, лежавшие в головах у погребенного, чеканены ханом Хызром: в Новом Сарае в 761 г. х. (1359/1360) и в Гюлистане в 762 г. х. (1360/1361) и со сбитым годом. Пять серебряных монет, находившихся на тазовых костях, чеканены: в Гюлистане в 753 г. х. (1352) и в 759 г. х. (1357/1358) и в Новом Сарае в 747 г. х. (1346/1347) два экземпляра и со сбитым годом.

Погребение, таким образом, датируется серединой 60-х годов XIV в. Следует отметить интенсивную заселенность Ахтубы в XIII—XIV вв. Помимо известных поселений, как Сарай-Бату, Аксарай и др., фрагменты золотоордынской керамики и монеты встречаются в окрестностях центральной усадьбы совхоза Аксарайский, в сс. Сеитовка, Хожетаевка, Байбек Красноярского района и, наконец, в поселении на территории районного центра Красный Яр.

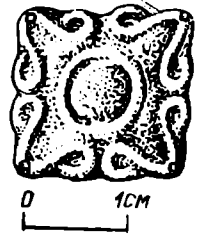

Рис. 2. Золотая бляшка

¹ А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, 1931, стр. 28—29, рис. 1 и 2.

² А. П. Окладников. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. СА, XIII, 1950, стр. 163, рис. 14.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Э. А. СЫМОНОВИЧ

К ВОПРОСУ О РАННЕЧЕРНЯХОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ

Исторический подход к рассмотрению памятников черняховской культуры стал настоятельной необходимостью. В дальнейшем мы должны классифицировать памятники культуры полей погребений черняховского типа таким же образом, как, например, латенскую культуру, и выделить ранние, средние и позднечерняховские памятники, а может быть, ввести даже более дробное деление культуры, существовавшей в течение нескольких столетий. В настоящее время, однако, предполагаемое разделение осуществить довольно трудно вследствие недостатка материалов. Малые масштабы раскопок в послевоенные годы¹ явились тормозом, затруднившим подход ко многим вопросам раннеславянской проблематики, в том числе и к дробному хронологическому делению памятников черняховского типа. Дополнительные трудности создает недостаточная изученность хронологии амфор римского времени, обломки которых являются почти обязательным спутником поселений черняховской культуры. Если бы удалось классифицировать и определить даты амфор этого времени с такой же четкостью, как это сделала, например, для амфор классического и эллинистического времени И. Б. Зеест², многие спорные вопросы хронологии черняховских памятников были бы раз и навсегда разрешены. Тем не менее в процессе работ над черняховскими памятниками у разных исследователей самостоятельно возникли термины «раннечерняховский» и «позднечерняховский». Так, в результате работ последних лет можно как будто считать установленным существование раннечерняховских и позднечерняховских могильников культуры полей погребений. Основу для такого разделения дали работы Средне-Бугской экспедиции Института археологии АН УССР в с. Данилова Балка³ и работы Скифской Степной экспедиции ИИМК АН СССР на нижнеднепровских могильниках черняховской культуры, где последняя была для данного района впервые открыта и достоверно зафиксирована⁴.

Выяснено, что урновые или подурновые погребения с трупосожжениями, так же как и погребения с трупоположениями, ориентированными головой на север, присущи могильникам II—III вв. н. э. С III—IV вв. н. э. эти погребения начинают вытеснять погребения с трупосожжениями, в которых пережженные кости просто сыпаны в ямку, нередко вместе с обломками посуды, побывавшей в огне⁵. Одновременно погребения с трупоположениями начинают превалировать над захоронениями с кремацией. Поздние могилы содержат костяки, почти лишенные инвентаря и ориентированные головой на запад. Они, как правило, зарыты глубже, чем скелеты предшествующей эпохи.

Такой же исторический подход необходимо применить к рассмотрению поселений черняховского времени.

В настоящей статье я остановлюсь на вопросе о раннечерняховских поселениях. Их изучение чрезвычайно важно для выяснения истоков культуры черняховского типа, времени появления поселений этой культуры и их эволюции, а также для установления автохтонного или привносного характера черняховской культуры. Выявить ранние

¹ См. Е. В. Махно. Поселение черняховской культуры в с. Турия Златопольского района. Доклад на VIII научной конференции Института археологии АН УССР 22 февраля 1956 г., в котором подведены итоги вскрытой на черняховских памятниках площади.

² И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 107—118.

³ Э. А. Сымонвич. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 62—70.

⁴ Е. Г. же. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 282—316.

⁵ Небезынтересно, что такой же путь развития погребений с трупосожжениями от урновых к ямным в совершенно другой культурной среде в Чехословакии (Богемия) в какой-то мере совпадает с описываемым нами. См. K. Š n e i d r o v á. Pohřebiště v Tišicích a problematika pohřebního ritu ve starší době římské. Archeologické rozhledy, т. IX, 1957, sešit 1, стр. 103.

поселения черняховского типа помогло: сопоставление процентных соотношений групп керамики с разных памятников; сравнение материалов и типов жилищ разновременных, но близко расположенных черняховских поселений; увязка найденных на них материалов с материалами могильников раннего и позднего облика.

Большая работа по статистическим подсчетам наиболее массового материала — керамики, проделанная Е. В. Махно, показала, что на одних памятниках процент гончарной лощеной керамики больший, на других — меньший. На последних памятниках соответственно увеличивается количество гончарной посуды с грубыми примесями. Удалось установить, что эти признаки присущи в первом случае более ранним, во втором — более поздним памятникам⁶.

Однако наряду с памятниками, где решительно преобладала гончарная керамика, были известны поселения с необычайно высоким для «типично черняховских» поселений процентом лепной керамики. В этом отношении до недавнего времени особняком стояли такие поселения, как Привольное и Никольское на Днепре⁷ или Пражев на Житомирщине⁸ и Викнины Великие в западных областях Украины⁹.

Раскопки на черняховских поселениях у сс. Грушевка и Кут на Нижнем Днепре, а также у сс. Ломоватое и Лески в Среднем Поднепровье помогли найти хронологически определенное место для всех этих поселений (для поднепровских памятников, во всяком случае).

Работы на поселениях Грушевка и Кут, расположенных на расстоянии 2 км друг от друга, дали представление о двух разновременных черняховских поселениях. В Грушевке было вскрыто углубленное в землю, близкое по форме к овалу жилище с двумя уровнями пола и с очагом, расположенным на возвышении. Около 50% всей керамики из жилища составляла лепная посуда. Следует отметить горшки с чуть отогнутым венчиком, горшки с прямо срезанным загнутым внутрь краем, сосуды с крутыми плечиками и краем в виде раструба, а также сосуды с вертикально поставленным краем. В этой же землянке находились обломки гончарной серой и черной грубоглиняной и лощеной посуды, главным образом фрагменты мисок тарелкообразной формы открытого типа. Время поселения определяют обломки узкогорлых амфор II—III вв. н. э.

На поселении в с. Кут были вскрыты наземные столбовые прямоугольной формы жилища. Подавляющую массу керамики составляли типичные гончарные грубоглиняные и лощеные сосуды черняховского типа. При этом керамика из с. Кут по сравнению с находками из с. Грушевки отличалась богатством форм и орнаментации. Время существования поселения в с. Кут устанавливается по обломкам широкогорлых с угловатым в сечении краем амфор (хотя еще встречаются и узкогорлые), а также по находкам стекла и бронзы III—IV вв. н. э.

Мною уже было высказано мнение о том, что эти поселения являются звеньями одной эволюционной цепи, причем Грушевское поселение предстает ранее звено развития поселений черняховского типа, а поселение в с. Кут — более позднее¹⁰.

В Нижнем Поднепровье известны и другие поселения типа Грушевки. В с. Привольном, близ г. Запорожья, на черняховском поселении (где больше половины всей керамики было лепной) исследовались двучастные землянки с разным уровнем пола, печи которых находились на возвышении¹¹.

Не менее интересны раскопки в с. Никольском¹². На поселении наряду с остатками легких углубленных в землю построек без печей была вскрыта землянка овальной формы, чрезвычайно напоминающая жилище у с. Грушевки. В ней, судя по разрезу, приведенному автором раскопок, было два уровня пола. Обожженная земля отмечала место очага, перед которым была вырыта предочажная яма. Около одной трети всей керамики на поселении составляли обломки лепной посуды. Небезынтересно, что в Привольном и Никольском были найдены фрагменты лепной керамики, обваленной в песке. Такая обработка поверхности хорошо известна по более западным памятникам типа Пражева, Викнин Великих и памятникам пшеворского типа.

⁶ Э. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. Археологія, т. IV, Київ, 1950, стр. 71—72; е е же. Ягнятинська археологічна експедиція. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 156—157.

⁷ Э. Махно. Вівчення культури «полів поховань». Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 195; В. Козловська. Археологічні досліді на території Дніпрельстану. Хроніка археології та мистецтва, ч. I, Київ, 1930, стр. 17; Ю. В. Кухаренко. Поселення і могильник полів погребеній в селі Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 126—152; А. Т. Брайчевська. Поселення черняхівського типу в с. Микольске на Дніпрі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 86—92.

⁸ Э. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 169—173.

⁹ М. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 111—121.

¹⁰ Э. А. Сымонович. Раннеславянские поселения у сс. Грушевка и Кут, Апостоловского района, Днепропетровской области. Доклад на VI научной конференции Института археологии АН УССР, тезисы. КСИА, вып. 2, Киев, 1953, стр. 20.

¹¹ Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 127—129, рис. 1.

¹² А. Т. Брайчевська. Ук. соч., стр. 87—89.

Если перечисленные нижнеднепровские полуземляночные жилища и своеобразный облик керамического комплекса на них (в котором значительный процент составляла лепная керамика) могли восприниматься как случайное явление или считаться особым вариантом нижнеднепровских черняховских поселений, то раскопки в с. Ломоватом под Черкассами в 1956 г. убеждают в ином. В с. Ломоватом установлено существование черняховского поселения и обнаружено углубленное в землю жилище (1957). На поселении около 50% всей посуды составляет лепная керамика. По формам сосуды близки нижнеднепровским находкам. Время поселения хорошо определяют довольно многочисленные находки обломков узкогорлых амфор II—III вв. н. э. На одном из плечиков такой амфоры сохранились знаки, выполненные красной краской. На соседних позднечерняховских поселениях (Лески) отмечен иной тип жилищ и другое соотношение групп керамики.

Поскольку трудно составить представление о формах целых сосудов по фрагментированным обломкам с поселений, приходится прибегнуть к сопоставлениям с лепными сосудами из могильников¹³. Основные формы ранних и поздних типов лепных сосудов, а также некоторые типичные формы гончарной посуды с поселений сведены нами в таблицу (рис. 1). В ряде случаев тот или иной сосуд на рисунке воссоздавался целиком по фрагменту верхней части сосуда, найденного на поселении, и по аналогии с сосудами из могильников.

Среди лепной посуды широко распространенным типом являются горшки с немного отогнутым краем и с расширением в верхней части тулова. Эти сосуды продолжают встречаться и на более поздних черняховских памятниках. Горшки со слегка загнутым внутрь, прямо срезанным краем близки подобным же сосудам с западных поселений культуры полей погребений, а также посуде пшеворского типа. Эти сосуды, так же как и горшки первого типа, известны как в более раннее, так и в более позднее время. Горшки с краем в виде раструба, весьма близкие формам зарубинецкой и пшеворской керамики, почти совершенно исчезают на позднем этапе существования черняховской культуры.

Еще более редкими являются горшки с вертикально поставленным краем, форма которых в общем напоминает горшки вольтцевского типа. Мне известен только один такой целый сосуд из погребения № 40 в Каменке.

В позднее время почти совершенно исчезают формы полусферических лепных мисок и остаются тарелкообразные.

Со временем становится все больше подражаний гончарным сосудам. Появляются биконические миски, кубки и даже кувшины, вылепленные от руки.

Среди гончарной посуды для более раннего времени типичны полукруглые кубки, кувшины с цилиндрическим горлом, по некоторым особенностям напоминающие сарматские, миски и горшки без изощренности в профилировке. Только в более поздних памятниках, начиная с III в. н. э., встречаются кубки удлиненной формы, художественно украшенные кувшины и миски с развитым орнаментом и дополнительной профилировкой тулова, овальными плоскостями и косыми каннелюрами, горшки с венчиками, чрезвычайно разнообразно профилированными. Появляются гончарные пифособразные сосуды для хранения запасов.

По-видимому, III в. явился своего рода рубежом. С этого времени усиливается значение гончарной керамики, которая начинает вытеснять из употребления лепную посуду. С одной стороны, гончары, приравливаясь, видимо, к господствующим вкусам, часто подражают формам лепных горшков и мисок. С другой стороны, население в своем домашнем производстве лепной посуды стремится подражать появившимся новым гончарным формам.

После попытки хронологической классификации черняховской керамики следует обратить внимание на сходство некоторых сосудов, вылепленных от руки, с посудой позднескифских городищ. Так, среди типично черняховской посуды в отдельных случаях встречаются лепные горшки удлиненных пропорций с отогнутым раструбом краем, напоминающие характерную форму горшка позднескифских городищ Нижнего Днепра. Они встречены в керамике раннечерняховских поселений и могильников как на Нижнем, так и на Среднем Днепре (один из таких сосудов из могильника III—V вв. н. э. у овчарни совхоза «Приднепровского» найден в единственном подобном погребении № 45, заложеном камнями). Известна, хотя и не распространена широко, орнаментация ямками по краю венчика горшка или валиками по плечикам с пальчатыми вдавлениями. Встречаются также сходные с зарубинецкими и скифскими формы мисок. В то же время на городищах Нижнего Днепра известны экземпляры гончарной посуды черняховского облика. Такая картина, например, отмечена Б. Н. Граковым на

¹³ Отметим, что в раннечерняховском могильнике в пос. Каменка около 20% урн и других сосудов из могил (от общего числа 45 целых и фрагментированных сосудов) было вылеплено от руки. В Привольном лепные сосуды в могилах составляли около 45% от общего числа 43 (по данным сводной таблицы, приведенной в статье Ю. В. Кухаренко). Однако в Привольном процент лепной посуды из могил, по-видимому, несколько занижен, потому что не из всех могил материалы выбирались до последнего черепка, о чем говорит описание некоторых погребений, как, например, №№ 22, 23, 26. Были ли в этих погребениях обломки лепных или гончарных сосудов, в сводной таблице не сказано.

Время	Этапные формы лепной посуды по материалам нижнеднепровских магистральцев		Лепная посуда		Гончарная посуда		Гончарная посуда		Импорт	
	Гришевка на Южном Днепре	Помаватаре на Среднем Днепре	Гришевка на Южном Днепре	Помаватаре на Среднем Днепре	Гришевка на Южном Днепре	Помаватаре на Среднем Днепре	Гришевка на Южном Днепре	Помаватаре на Среднем Днепре	Гришевка на Южном Днепре	Помаватаре на Среднем Днепре
I- II- в. н.э.										
с III в. н.э.										

Образцы керамики с поднепровских поселений Черняховской культуры

Детализированы лепные покрытые лощением сосуды

Приблизительный масштаб 0-5 см (кроме сосуда для хранения запасов - X)

Рис. 1. Таблица форм посуды черняховских поселений

городище в с. Б. Лепетиха¹⁴ и Н. Н. Погребовой и К. А. Бреде на городище у с. Гавриловки¹⁵. Эти случаи сходства, во-первых, подтверждают правильность отнесения раннечерняховских памятников ко II—III вв. н. э., так как большинство нижнеднепровских городищ в это время прекращает свое существование, во-вторых, показывают культурные истоки одного из слагаемых, способствовавших образованию типичных памятников черняховской культуры. Еще более значительной была роль сильно эллинизированного населения городищ Нижнего Днестра как проводника провинциально-римской культуры в среду местных племен. Так, среди сосудов на погребениях с кремацией в пос. Каменке найдены в трех случаях из девяти обломки амфор II—III вв. н. э. Обломки амфор в с. Ломоватом составили около 10—12% всей керамики. В последующее время по материалам раскопок в с. Кут фрагменты амфор составляют около 27% всей керамики. Приведенные факты указывают на развитие в III—IV вв. н. э. торговых связей с Причерноморьем. После захирения причерноморских центров эти связи поддерживаются с юго-западными провинциально-римскими областями Прикарпатья и еще более западными районами прирейнской Галлии. Говоря о значении позднескифской и провинциально-римской культур для формирования раннечерняховских памятников, в то же время нельзя преуменьшать роль сарматской культуры (в особенности для левобережных и степных памятников черняховского типа), а для западных областей — роль дако-гетской культуры.

Однако ни одна из этих культурных групп, равно как и оказываемое ими влияние, не явились определяющими для развития материальной культуры и идеологических представлений населения, оставившего памятники черняховского типа. Проведение прямой генетической линии, связывающей эти культуры с черняховской культурой, было бы ошибкой. Сходство некоторых элементов в культуре раннечерняховских памятников с зарубинецкими и в особенности с пшеворскими, по-видимому, дает основания искать истоки этой культуры и, следовательно, наиболее интересные нас в данном случае самые ранние черняховские поселения на западе Украины (группа поселений Вольны и Тернопольщины). Не раз уже отмечалось несовпадение области распространения зарубинецких и черняховских памятников. Между тем на Вольни и в Поднестровье область контакта пшеворской культуры и культуры смешанного типа, известной по поселениям в сс. Викнины Великие и Пражев, с культурой черняховского типа, как оказывается, является более значительной, чем область, где встречаются зарубинецкие, а затем и черняховские памятники.

Судя по раскопкам в Викнинах Великих и в Пражеве, на этих памятниках наряду с гончарной черняховского типа керамикой встречается много лепной черной лощеной посуды и грубоглиняных горшков. Кухонную посуду часто обваливали перед обжигом в песке или покрывали насыщенным песком составом. Часто горшки сплошь покрыты ногтевыми вдавлениями, зазипами и вертикальными беспорядочно нанесенными врезками. На первом из этих поселений найден денарий Траяна¹⁶. На поселении в с. Пражев, по сведениям С. С. Гамченко, была найдена монета Марка Аврелия¹⁷. Остатки наземных жилищ, зафиксированные на этих поселениях, говорят о быстром развитии общества этих областей и как будто свидетельствуют о более раннем, чем в Поднестровье, появлении наземных построек¹⁸. Впрочем, мнения о появлении наиболее ранних поселений черняховского типа на Вольни и в западных областях Украины пока остаются предположением. Выяснение этого вопроса является делом будущего.

Во всяком случае, факт существования поселений более ранних, чем классические черняховские памятники, обычно датируемые III—IV вв. н. э., опровергает ничем не обоснованное мнение, что культура полей погребений черняховского типа возникла якобы только в III в. н. э. и даже, как утверждает М. И. Артамонов, сформировалась в результате появления готов. Раннечерняховские поселения, где около 50% всей керамики составляла лепная посуда, имеющая сходство с посудой предшественников населения, оставившего черняховские памятники, могут при дальнейшем их изучении указать на истоки появления черняховской культуры. Материалы этих поселений дают несколько иную картину, чем даже одновременные им могильники, где в качестве урн обычно используется гончарная посуда, создающая у исследователя подчас неверное представление о культуре в целом.

¹⁴ Б. Н. Граков. О работе Степной скифской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 134.

¹⁵ Н. Н. Погребова. К вопросу о населении Знаменского и Гавриловского городищ. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 68; ее же. Доклад в ИИМК АН СССР 30 марта 1955 г.; К. А. Бреде. Раскопки 1951 г. на Гавриловском городище. КСИА, вып. 6, 1956, стр. 35.

¹⁶ М. Смішко. Ук. соч., стр. 119.

¹⁷ Э. Махно. Поселения культуры «полів поховань»..., стр. 173.

¹⁸ И. И. Винокур в докладе на археологическом пленуме ИИМК АН СССР 28 марта 1957 г. упомянул о находке на поселении в Пражеве наряду с наземными жилищами четырех полуземлянок. Однако в настоящее время, до полной публикации памятника, трудно сказать, какие из жилищ более ранние, а какие более поздние.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ И КРАЕВЕДУ

М. Г. ВОРОБЬЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

Среди песков Кызыл-Кумов и Кара-Кумов в цветущем оазисе расположены Кара-Қалпақская Автономная Советская Социалистическая республика и граничащая с ней Хорезмская область Узбекской ССР, сохранившая имя Хорезма — некогда обширного и могучего государства, большинство земель которого постепенно превратилось в пустыню. Позабыты названия заброшенных крепостей и поселений, затерянных в песках, а те имена, что носят сейчас их развалины, случайны или связаны с народными сказаниями и легендами.

Сведений по истории Хорезма (вплоть до X в.) почти не сохранилось. Вся научная хорезмийская литература была варварски уничтожена во время завоевания страны арабами. Однако величественные развалины городов, бесчисленные следы полей, расчерченных линиями оросительных каналов, и, наконец, дошедшие до нас рукописи замечательных ученых хорезмийцев ал-Бируни, ал-Хорезми и др. свидетельствуют о славном прошлом страны, заставляют исследователей пытаться восстановить потерянные страницы истории, разгадать причины гибели одного из ведущих государств Средней Азии в древности.

Этим вопросом занимались и географы, и геологи, объяснявшие сокращение площади обработанных земель изменением режима рек, климата, засолением почв, якобы вызванным широким использованием ирригации. Но обнаружить особые природные условия, приведшие к прекращению жизни на такой большой территории, не удалось. Слово осталось за историками, ибо причины крылись не в природных, а в социально-экономических факторах.

Задача воссоздания истории Хорезма была поставлена чл.-корр. АН СССР С. П. Толстовым перед организованной и руководимой им экспедицией еще в 1937 г. Исследования велись за пределами современных населенных районов, в глубине пустыни, где сохранились почти в неприкосновенном виде древнейшие памятники. Экспедиции удалось открыть в песках стоянки первобытного человека, развалины поселений и крепостей, остатки полей и отдельных усадеб земледельцев, занесенные песками караван-сарая, расположенные на древних торговых путях.

Собранные за 20 лет упорного труда, связанного со многими трудностями работы в пустыне, археологические материалы и тщательное изучение отрывочных данных письменных источников позволили исследователям раскрыть многие тайны «летописи мертвых городов», совершить увлекательное путешествие «по следам древнехорезмийской цивилизации» (так и была названа С. П. Толстовым одна из его работ по истории Хорезма).

Известные нам данные по истории Хорезма охватывают огромный период с IV—III тысячелетий до н. э. по XIII—XVII вв. н. э. Конечно, не все этапы ее освещены одинаково полно. Немало осталось еще «белых пятен», многие события необъяснены, а многие объяснения еще основаны на предположениях и догадках.

История Хорезма, по периодизации С. П. Толстова, делится на три больших периода: первобытный, античный и средневековый.

Первобытный период включает неолитическую эпоху (IV—III тысячелетия до н. э.), когда на территории Хорезма обитали охотники и рыболовы, выделявшие оружие и орудия из кремня и кости, и бронзовый век — время возникновения мотыжного земледелия, пастушеского скотоводства, первых союзов племен.

Античный период (VII—VI вв. до н. э.— IV в. н. э.) — это время зарождения и развития государственности, постройки огромной оросительной системы, блестящего расцвета древнехорезмийской цивилизации. Этот период может быть разделен на несколько этапов. Первый (архаический) этап — появление государственного образования на территории Хорезма и постройка первых крупных оросительных каналов. Второй (кангуйский) этап — расцвет государства, городов, ремесел, искусства, письменности. Третий этап — эпоха больших изменений в жизни народов Средней Азии, связанных с образованием могущественной Кушанской империи, в которую с конца II в. н. э. входил и Хорезм. Четвертый этап — кризис культуры Хорезма античного времени. Многие города и поселения пустеют, возникают новые — замкового типа. Рабовладельческий строй — основа прежнего благосостояния государства — рушится. Зарождается новая форма общественных взаимоотношений — феодализм.

Средневековый период также подразделяется на отдельные этапы. Возникает своеобразная афригидская культура (VI—IX вв.), когда начинает складываться новая, феодальная общественная формация. Далее, в XI—XIII вв. феодализм достигает полной силы, вызывая новый подъем жизни городов, ремесел, земледелия, науки. Это время Великих Хорезмшахов. Хорезм становится обширной империей, земли которой простираются от Ферганы до Грузии, от Приаральских степей до Инда.

Разумеется, остановиться на каждом из перечисленных периодов невозможно. В небольшом очерке мы сможем охарактеризовать лишь некоторые вопросы.

Первоначальные обитатели Хорезма

Древнейшее поселение открыто Хорезмской экспедицией в 1939 г. в песках севернее г. Турткуля. Здесь, в окрестностях крепости Джанбас-кала, обнаружена плоская котловина, на дне которой на песке лежали многочисленные кремневые орудия, черепки глиняных сосудов, зола, кости животных и рыб. Район этот стал объектом многолетних исследований. При раскопках выяснилось, что в нижней части твердой корки из розовато-серого суглинки, между его прослойками, четко проступали отпечатки неожиданных в пустыне широколистных болотных растений, а ниже в дюнном песке выделилось золотистое пятно — контур некогда сгоревшего жилища. Хорошо были видны ямки от столбов, заполненные углем, углистые полосы сгоревшей решетки крыши, крытой по каркасу камышом. Все это дало возможность восстановить план и внешний вид строения, а собранный материал и наблюдения за чередованием слоев позволили воссоздать картину жизни неолитического человека и характер окружающей его природы.

Поселение было расположено на песчаном холме. Дом, остатки которого попали в границы раскопа, огромный, почти овальный (24 × 17 м). Он был сооружен из деревянных жердей, остроконечная его крыша поддерживалась тремя рядами столбов. В доме обитало 100—120 человек. В центре помещения находился неугасимый очаг, вокруг которого собирались все жители — члены родовой общины для решения общинных дел и, вероятно, для выполнения религиозных обрядов. Малые очажки, расположенные вдоль стен, принадлежали отдельным семьям.

Ветер еще не успел развеять следы пожара, как обитателей поселения постигло новое несчастье. Во время подъема паводковых вод холм был затоплен и на месте стоянки образовалось болото, в которое периодически попадали излишки паводковых вод, отложивших сорокасантиметровый слой озерных отложений. Так, два стихийных бедствия, обрушившихся одно за другим на жителей поселка, принесли археологам удачу. В слое пожара собраны брошенные обитателями наконецники стрел из кремня, ножи-пластинки, скребки, костяные проколки и шильца, черепки вылепленных от руки круглодонных сосудов, богато украшенных орнаментом.

Жители стоянки занимались охотой и рыболовством. Кости рыб (сома, щуки) и диких животных (кабана, оленя и др.) в изобилии находились в раскопе. Состав фауны свидетельствовал о совершенно ином, чем в настоящее время, ландшафте окрестностей поселения: вокруг простирались соединенные протоками большие озера с густыми лесными зарослями по берегам.

Крепость Джанбас-кала, возле которой обнаружено поселение, расположена вблизи района действия канала Кельтеминар. Его именем и была названа вновь открытая археологическая культура. В последующие годы обнаружены еще 18 пунктов с находками, относящимися к кельтеминарской культуре; теперь их известно более ста.

Поселения последующего периода, открытые в Хорезме, датируются серединой II тысячелетия до н. э. Находимые там вещи отличаются от кельтеминарских, хотя заметно и сохранены некоторые прежних традиций. В материалах, относящихся к этой новой, сложившейся на территории Хорезма, культуре, названной условно «тазабагьябской», как и в материалах немного более поздних культур, суярганской и амирабадской, наряду с кремневыми орудиями встречаются фрагменты бронзовых.

Для характеристики тазабагьябской культуры большое значение имело открытие могильника, датируемого бронзовым веком. В районе стоянки Кокча-3 были обнаружены следы более ста могил. Кое-где на поверхность выходили черепки развалившихся сосудов, а иногда и целые горшки, когда-то поставленные в головах погребенных. За два сезона раскопок могильника (1954—1955 гг.) собрано много бронзовых украшений (браслеты и подвески), шилья, пастовые бусы, около 70 богато орнаментированных горшков и другие предметы. Находки, собранные на поселении и при раскопках могильника, послужили основанием для характеристики хозяйства тазабагьябцев. Кости домашних животных (овцы, быка, лошади) свидетельствуют о занятии жителей скотоводством. Важным шагом в развитии хозяйства было появление земледелия.

К этой поре относится и первое упоминание Хорезма в письменных источниках. С ним отождествляется страна Хвайризем, названная в древнейших зороастрийских религиозных книгах Авесты. Хвайризем — страна, где многочисленными войсками управляют мужественные вожди, где природой дано все необходимое для скотоводства; это — «обитель благословения и изобилия», где «все дары земли стали произрастать в изобилии».

Теперь в результате тщательных исследований для многих районов Средней Азии установлена последовательность освоения ее плодородных земель и последовательность развития типов оросительных сооружений. Древнейшее земледелие отмечено в двух фи-

зико-географических зонах — в дельтах равнинных рек и в предгорьях, где горные ручьи и реки выносят и, затухая, отлагают в долине плодородные наносы. К тому же в предгорьях (например, Копет-дага в Туркмении) распространены некоторые виды дикорастущих злаков — пшеницы, ячменя и др., ставших родоначальниками нашим хлебным растениям. По мнению ученых, земледелие на участках выносов горных рек возникло еще в IV тысячелетии до н. э.

Тазабагъябцы обрабатывали главным образом «каирные земли», т. е. участки речных пойм, низкие берега озер, где почвенные воды обеспечивали необходимую для выращивания культурных растений влажность. Однако уже в эпоху бронзы использовались не только земли вдоль мелеющих, заполненных наносами протоков и дельтовых русел. В районе тазабагъябского поселения Кокча-2 обнаружены остатки своеобразной системы первобытной ирригации. Русло бокового протока было ограничено миниатюрной дамбой, вдоль которой размещены «поля» (размером всего 2×2 м), окаймленные глиняными валиками. Во время наибольшего уровня воды в протоке ее излишки задерживались и пускались непосредственно на поля, в достаточной степени насыщая их влагой. В дальнейшем эта «система» усложнялась. Суярганцы пускали воду на возделанные участки по небольшим (в несколько десятков метров) каналам, что давало возможность более точно распределять ее, а на поля поселений, относимых к амир-абадской культуре, вода уже поступала из более крупных русел, и длина отводных каналов, от которых в свою очередь отходило несколько ответвлений, достигала нескольких километров.

К началу VII—VI вв. до н. э. в Хорезме уже полностью сложились оросительные системы, основанные на больших магистральных каналах. Изучая расположение ирригационных сооружений, С. П. Толстов установил, что оросительная система античного времени как бы повторяла конфигурацию древней дельты Аму-Дарьи. Каналы были проложены по старым руслам. «Слагается впечатление,— писал С. П. Толстов,— что люди как бы сознательно восстанавливали исчезающую ...древнюю дельту»¹.

Результаты изучения архаической ирригации в Хорезме подтвердили мысль Ф. Энгельса, что «вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства обратного воздействия на природу»².

Человек вышел победителем. Земли Хорезма получили в изобилии то, без чего невозможно земледелие при сухом и жарком климате Средней Азии,— получили воду. Земледелие легло в основу хозяйственной жизни государства и в значительной мере определило его государственный строй.

Античный Хорезм — рабовладельческое централизованное государство

В письменных источниках почти нет сведений по истории архаического Хорезма, если не считать относящиеся к VI в. до н. э. упоминание греческого историка Гекатея о стране хорасмиев, «состоящей из равнин и гор», или рассказа Ктесия о походах легендарного ассирийского царя Нина, где среди многих племен перечислены и «хоронийцы». Не достаточно полны и археологические материалы, но они все же позволяют сделать некоторые важные выводы.

Городища того времени сильно отличались от поселений неолитических племен и от более поздних античных крепостей. Они располагались на высоких холмах-останцах (по-местному — на гырах) и были укреплены мощными стенами с прорезанными в них бойницами и с выступающими башнями. При исследовании архаического городища Кюзели-гыр оказалось, что большая часть площади, обнесенной стенами, не застраивалась. Жилые помещения шли вдоль стен и были связаны с ними в одно целое. Такие укрепления получили название «городищ с жилыми стенами». Обширные внутрикрепостные пространства, вероятно, служили своеобразным загонем для скота, защита которого в минуты военной опасности была жизненно необходима.

Городище Кюзели-гыр имеет величественный вид. На расстоянии свыше километра оно возвышается над плоскими такырами и песками Кара-Кумов. По краям крутых склонов — остатки помещений, на поверхности которых встречаются скопления черепков, бронзовые наконечники стрел, а по размытым и развееванным ложбинкам много обломков бронзовых изделий — браслетов, колец, каких-то неопределимых поделок и просто каплевидные, позеленевшие от времени кусочки бронзы — отходы литья. Не редко попадаются куски ошлакованных глиняных тиглей, керамические шлаки — следы медеплавильного и гончарного производства.

Городище находится в зоне древнего канала Чермен-Яб. К нему примыкает густая сеть каналов-ответвлений. Ирригационные сооружения поражают своими размерами. Ширина только боковых каналов достигает 35—40 м. У К. Маркса есть чрезвычайно ценное для истории среднеазиатских народов замечание, что «и р и г а ц и о н н ы е к а н а л ы (разрядка К. Маркса), играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются... делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами»³.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 45.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1950, стр. 14.

³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 11.

Засвидетельствованная археологическими работами грандиозная оросительная система архаического Хорезма не могла быть сооружена без наличия единой сильной власти. Следовательно, в Хорезме к IV в. до н. э. уже сложилось крепкое государство с централизованной властью, единым правительством, «вознесшимся над мелкими общинами».

Во время правления Кира (558—529 гг. до н. э.) начались вторжения персидских войск на территорию Средней Азии. Устанавливается власть династии Ахеменидов. Сведений об этих временах сохранилось несколько больше. В трудах греческих ученых, а позже римских мы находим некоторые данные о природе Средней Азии, о быте, обычаях и нравах местных племен и фрагментарные заметки о политических событиях.

Очень ценные замечания сохранились в «Истории» Геродота, где автором большое внимание уделено взаимоотношению между ахеменидским Ираном и среднеазиатскими государствами. Если мы просмотрим даты жизни и путешествий Геродота, как они представляются современным исследователям, то посещение Геродотом Персии можно, видимо, отнести к началу правления Артаксеркса I (т. е. спустя 70—80 лет после смерти Кира). Прошли годы блестящего царствования Дария I, шумное время походов Ксеркса, и о последнем периоде деятельности Кира и обстоятельствах его смерти уже сложились многочисленные легенды. По версии, выбранной Геродотом, Кир проигрывает сражение с массагетами и гибнет от рук воинов коварной массагетской царицы Томирис. Эта легенда очень важна, так как Страбон указывал, что в состав массагетов входили и хоразмийцы⁴.

По обширной равнине, занятой массагетами, как рассказывает Геродот, течет многоводный Аракс (Аму-Дарья), сорок устьев которого теряются в болотах и топях, а один из рукавовпадает в Каспийское море. На Араксе много островов. Некоторые жители этой страны живут на островах и питаются плодами, другие — у болот и питаются рыбой, третьи — отважные воины Томирис, они знают конный и пеший строй, вооружены копьями и луками. Предметы у них из золота и меди. Эта характеристика подтверждается археологическими материалами. Рассказ о протоке, впадающей в Каспийское море, отождествляется с легендой об Узбое.

Открыты «болотные городища», принадлежавшие, очевидно, племенам рыболовов и охотников, открыты другие памятники кочевых племен, окружавших Хорезмское государство, культура которых была гораздо ниже по своему уровню, гораздо примитивнее, чем у оседлых земледельческих племен, живших в центре оазиса, т. е. у собственно хорезмийцев.

Конечно, огромной империи Кира Хорезм не мог противостоять. Трудно сказать, был ли он покорен армией Кира или вошел в состав империи на основе договора. Точных данных нет. Но к началу царствования другого представителя династии Ахеменидов, Дария I, Хорезм, по свидетельству Геродота, как и другие среднеазиатские государства — Маргиана, Парфия, Бактрия, — уже был подчинен Ирану, входил в одну из сатрапий и платил свою часть обязательной подати.

Внешний облик хорезмийца того времени известен по рельефу, украшавшему гробницу Дария в ущелье Накш-и-Рустем. Среди 28 фигур, изображающих представителей покоренных Дарием народов, помещен и хорезмиец. Он бородат, на нем длинный кафтан без ворота, закругленные полы оторочены мехом или каймой, узкие штаны, шапка-башлык, застегнутая под подбородком; у пояса длинный кинжал-акинач в ножнах. Детали внешнего вида хорезмийцев известны и по небольшим терракотовым статуэткам (несколько более поздним), а также по украшавшим глиняные вьючные фляги рельефам. Среди находок есть фигурка музыканта, одетого в халат, очень похожий на описанный выше; изображение хорезмийца, несущего флягу; конного воина — на нем остроконечная шапка, распахнутый халат, узкие штаны, мягкая остроносовая обувь; в руках тонкое копьё. На другом рельефе, где показан охотник, сидящий на верблюде, также заметно древко копыя. Интересно, что Геродот, перечисляя войска Ксеркса, называет среди них хорезмийцев, вооруженных тростниковым луком и коротким копьём.

В написанной Геродотом истории походов Ксеркса говорится об отряде хорезмийцев, которые, как и парфяне, сражались под предводительством Артабазы. Они участвовали в Фермопильском сражении, затем в числе 60 000 отборного войска проводжали бегущего царя до пролива, сражались под Олифом и Потидеей, были в битве при Платеях, бежали вместе с остатками иранских войск через Фессалию, Македонию и Фракию в Византию, откуда на судах перебрались в Азию, «потерявши много людей, изрубленных фракийцами, изнемогших от голода и усталости».

Последние сведения об участии хорезмийцев в рядах персидских войск относятся уже к 464—461 гг. до н. э. В Египте, в Элефантине, где некогда был помещен гарнизон персов, обнаружены документы, очевидно, из архива местного судебного учреждения. В их числе жалоба Драгомана, сына Харшина, хорезмийца, служащего в гарнизонном отряде. Итак, Хорезм был вовлечен в сферу влияния народов Передней Азии, достигших к тому времени более высокого культурного уровня. Важную роль играло и участие хорезмийцев в походах ахеменидов. Вавилон и Египет с их древнейшей земледельческой культурой, Греция с ее высокоразвитыми ремеслами и искусством и другие страны, где побывали хорезмийцы, не могли не оказать влияния на культуру Хорезма и на многие отрасли его хозяйства, в частности на ремесленное производство.

⁴ Страбон. Кн. XI, 8, 8.

Тесные связи Хорезма с другими областями Средней Азии в то время хорошо доказываются сходством глиняной посуды — одного из основных археологических материалов.

Цилиндро-конические глиняные бокалы, обнаруженные среди посуды бывших обитателей Кюзели-гыра, находят ближайшие аналогии в посуде на городищах Яз-тепе (Маргиана) и Афрасиабе I — городище древнего Самарканда (Согдиана); много общего в форме чаш, а огромные хозяйственные сосуды — хумы, использовавшиеся (подобно греческим пифосам и урартийским карасам) для хранения запасов продовольствия, делались с характерным дном, похожим на перевернутый усеченный конус. Такие хумы известны и в Хорезме, и в Маргиане и в Бактрии, что говорит нам о культурных или торговых связях племен, населявших эти территории.

Межплеменные связи еще более окрепли в общем стремлении к независимости, в борьбе против завоевателей. Точно определить дату установления независимости Хорезма трудно, но во всяком случае уже в IV в. до н. э. Хорезм выступает как вполне самостоятельное государство, занимающее важное место на карте Средней Азии.

Империя Ахеменидов пала под ударами греческих воинов Александра, походам которого посвящены многие труды античных историков. Однако в них крайне мало сведений о Хорезме, который остался в стороне от политических событий, войн и восстаний, волновавших тогда народы Средней Азии. Только один эпизод — надо сказать очень важный — связан с историей Хорезма. Зимой 329—328 гг. до н. э., во время стоянки македонских войск в Бактрии, ставку Александра посетил хорезмийский царь Фарасман, прибывший во главе полуторатысячного отряда всадников, и предложил македонцам помощь в случае их похода против причерноморских племен. Александр заключил с ним «дружбу и военный союз». Обеспечив таким образом страну от вторжения греков, Фарасман одновременно поддерживал повстанческое движение среднеазиатских народов. Так, по сообщению Страбона, руководитель крупнейшего восстания в Согде — Спитамен бежал в Хорезм. Оставаясь свободным и независимым государством, Хорезм в эпоху нашествия греков, по мнению С. П. Толстова, был опорой, «глубоким тылом» антигреческих движений.

* * *

Период с IV в. до н. э. и по I в. н. э. в истории Хорезма носит условное название «кангюйского». Кангюйская проблема едва ли не самая сложная и далеко еще не разрешенная в истории Средней Азии. Кангюй — сильное государство, упоминаемое в китайских летописях, неизвестно западным (греческим и римским) писателям и в восточных (иранских) надписях. В то же время «Хорезм» как название одного из среднеазиатских государств неизвестно китайским хроникам. Анализируя и те и другие тексты, С. П. Толстов пришел к выводу, что под именем «Кангюя» в китайских источниках следует подразумевать Хорезм.

Первые сведения китайцев об этом государстве относятся к концу II в. до н. э. В 129—128 гг. до н. э. в нем побывал Чжань-Кянь, посланный к соседним с кангюйцами племенам юечжий и пробывший в странствии более 13 лет. Кангюй, по словам Чжань-Кяня, — большое государство, имеющее сильное войско. Последующие сведения, попавшие в хроники, также рисуют его самостоятельным государством. Сообщается, что Кангюй «горд и не делает поклонений», приводятся заметки о различных землях, подвластных кангюйцам, и притеснениях, которые терпят от них соседи. При этом военная мощь Кангюя растет и крепнет. Чжань-Кянь сообщал, что численность строевого войска в Кангюе в 128 г. доходила до 90 000, в другой, более поздней летописи (Цяньханьшу), относящейся к 79—39 гг. до н. э., говорится уже о 120 000.

В IV в. до н. э. Хорезм становится крупным рабовладельческим государством. Мы можем говорить об этом безотносительно к разрешению вопросов полного отождествления с Кангюем, основываясь на данных археологии. Ведущей формой хозяйства было земледелие. Сооруженная руками рабов ирригационная система достигает высшей степени развития. Широкое развитие получают ремесла и торговля. На заброшенном к тому времени городище Кюзели-гыр археологами расчищен от песков целый гончарный квартал: остатки помещения мастерской, где формовались сосуды, обжигательные печи, состоявшие из двух ярусов — топки и специальной обжигательной камеры. Найдены ямы, заполненные выжженным гипсом, который примешивался к глине, комочки готового глиняного теста, обломки бракованных при обжиге сосудов, десятки различных приспособлений и подставок. Все эти находки позволили проследить многие детали производства, носившего характер уже товарного производства. Такой же обширный квартал открыт в крепости Базар-кала.

Сосуды раннекангюйского времени отличаются наилучшим качеством выработки, которого удалось достигнуть в керамическом ремесле рабовладельческого Хорезма. Глиняные ритоны, украшенные скульптурной головкой коня, кувшины с ручками, оформленными головками львов, и частые находки рельефных напелов на флягах, сцены на которых выполнены с подлинным мастерством, многочисленные находки терракотовых статуэток свидетельствуют о высоком уровне хорезмийского искусства того времени и о высокой технике гончарного ремесла.

Появляются первые памятники хорезмийской письменности. При раскопках Кой-Крылган-калы найдены черепки сосудов с надписями, сделанными иногда мастером — еще до обжига, по сырой глине, а иногда после обжига тушью — очевидно, владельцем сосуда. Из этого можно заключить, что письменность была распространена в довольно широком кругу населения.

Как пример раннекангуйского поселения можно привести упомянутую нами крепость Джанбас-кала, расположенную на северо-востоке земель древнего орошения, на пустынной плоской возвышенности. Крепость сравнительно невелика по площади, но сильно укреплена. Ее оборонительные стены, достигающие 5 м в ширину, сохранились на высоту 9—10 м. По углам вместо башен устроена сложная система бойниц, а въезд в крепость защищен особым предвратным сооружением. Вся площадь крепости занята постройками. От ворот к противоположной стене идет широкая тридцатиметровая улица, по обеим сторонам которой — два обширных квартала, сплошь застроенных помещениями. Каждый квартал включал до 200 различных по величине и назначению комнат, где можно было разместить около 1000 жителей. В конце улицы находилось здание, служившее святилищем, «домом огня»; там, в особом зале, на овальном возвышении горел неугасимый огонь. Здесь же, очевидно, было место общественных собраний и выполнения различных обрядов.

Раскопки другого памятника этого времени, крепости Кой-Крылган-кала, осуществляются Хорезмской экспедицией в течение последних лет. Это своеобразное, круглое в плане сооружение. Оно обнесено стеной с девятью башнями. В центре — круглое здание, опоясанное двумя стенами со стрельчатыми бойницами. Пространство между внешней стеной и центральным зданием занято жилыми комнатами, производственными помещениями, кладовыми. Диаметр всего комплекса равен 86,5 м.

Во время раскопок собраны обильные материалы: десятки огромных хумов, разнообразная глиняная посуда, столовая и кухонная, служившая для приготовления пищи, кости животных. Очень много найдено глиняных статуэток. Среди них есть изображения животных: головки лошадок, баранов, верблюдов, фигурка ежа. Много изображений людей. Интересна терракота — мать, кормящая маленького младенца, — образ богини-матери, широко распространенный у многих народов. Одним из лучших образцов художественного творчества древних хорезмийцев справедливо следует считать найденную в окрестностях Кой-Крылган-калы реалистически выполненную терракоту — голову старухи.

Период конца I в. до н. э. — III в. н. э., наиболее важный в истории Хорезма античного времени и в развитии его материальной культуры, почти не освещен письменными источниками. Это время господства в Средней Азии и Индии обширного рабовладельческого государства Кушан. Да и о самой империи Кушан, объединившей под своим началом разноплеменные и разноязычные народы, сведения чрезвычайно скупы. Еще не разработана точная хронология событий, не намечены вехи истории отдельных народов, входивших в состав империи.

Важнейшим источником для изучения политической и хозяйственной жизни древних государств служат монеты. Изучение монетных находок на территории Средней Азии позволило установить, что по интенсивности денежного обращения Хорезм в ту пору занимал одно из первых мест, уступая лишь Бактрии и Маргиане, издавна связанным удобными торговыми путями с многими странами. Находки монет позволили определить ориентировочно даты периода зависимости Хорезма от империи Кушан. Во II в. монеты одного из основоположников династии, Канишки, и последующих правителей вытесняют из обращения местную монету. Но уже на рубеже II—III вв. хорезмийские цари чеканят свои знаки-тамги на кушанских монетах, а к началу III в. появляются первые монеты с хорезмийскими надписями.

К этой поре относится замечательный комплекс сооружений столицы Хорезма III в. — городище Топрак-кала — памятник, исследованию которого было посвящено несколько лет работы Хорезмской экспедиции. Развалины царского дворца сохранились в северо-западной части городища, застроенного несколькими огромными домами — жилищами больших семейных общин. Дворец был укреплен тремя башнями высотой до 30 м. Главное его здание занимало около 6500 м². Сотни кубометров грунта пришлось вынуть, чтобы расчистить парадные помещения дворца: огромный «зал царей», вдоль стен которого в нишах помещались скульптурные группы, изображавшие царей Хорезма и их жен и приближенных. В «зале воинов», кроме сидящих царей и окружающих их богов, в нишах стояли фигурки чернокожих воинов, охранявших дворец. Стены «зала оленей» были украшены рельефными изображениями деревьев, обвитых виноградными лозами, а в нижней части — фризом с фигурками оленей. Многоцветная роспись, покрывавшая стены парадных помещений, включала иногда целые сцены: гуляющих среди садов людей; зверей и птиц, таящихся в густых зарослях; сбор фруктов в садах и др. Краски поражают яркостью, а сами изображения — удивительной реалистичностью. Кроме парадных зал, были расчищены бытовые и производственные помещения, дворцовый арсенал с остатками хранившихся там сложных луков и наборами стрел, дворцовые мастерские. Найдены отдельные интересные вещи — низки бус, остатки золоченого поясного набора, посуда, монеты, остатки пищи — кости домашних животных, зерна пшеницы, ячменя, проса, косточки персиков, абрикос, слив, винограда.

Особого внимания заслуживают письменные древнехорезмийские документы из царского архива, часть которых найдена в большом сосуде. Более 120 отчетных документов, написанных на коже или на деревянных дощечках, попало в руки ученых. Однако

чение их из-за недостаточного знания хорезмийского языка и часто из-за плохой сохранности документов заключает в себе много трудностей.

Собранные в Топрак-кале материалы служат ярким свидетельством расцвета культуры, науки и искусства античного Хорезма.

* * *

Менее изученной страницей истории Хорезма следует признать период с IV по VII в. Сведения письменных источников разноречивы и неточны, но археологические материалы позволяют говорить о резком переломе, происшедшем в хозяйстве хорезмийцев и, возможно, в их этническом составе. Особенно это заметно по наиболее массовым находкам гончарных изделий. Керамическое производство значительно ухудшилось, исчезли сосуды, требующие трудоемкой обработки; мастера на сравнительно долгое время вернулись к приемам примитивной ручной лепки. Кризис этот был связан с общим кризисом рабовладельческого строя не только в Хорезме, но и в окружающих его государствах на территории Средней Азии. Видимо, в связи с кризисом рабовладельческой системы и ослаблением государства активизируются кочевники, обитавшие в пограничных с Хорезмом степях.

Раскопками в 1952 г. на городище Куния-Уаз был вскрыт мощный слой пожарища, покрывавший развалины домов, датирующихся по монетам III—IV вв. н. э. Пожар застал население врасплох. Среди обломков обгорелой утвари найдены обуглившиеся останки погибших людей, кусочки от тканей одежды. Можно предположить, что город погиб при нашествии врагов, возможно кочевников. Подобные нападения не были редкостью. Об этом говорят развалины многих городов — памятники этого тяжелого для государства времени. Разрушенные города уже не могли возродиться, и жизнь переходит в сельские поселения — укрепленные крестьянские усадьбы, между которыми возвышались замки-крепости землевладельческой аристократии, немые свидетели бурной эпохи непрерывных военных столкновений и ежечасной готовности жителей к обороне. Расположение замков в головных частях каналов подчеркивает стремление их обитателей подчинить себе многочисленное крестьянское население, что и было осуществлено в последующем столетии, относящемся уже к феодальному периоду истории Хорезма.

Хорезм средневековый

И в средние века вода по-прежнему остается самой большой драгоценностью для жителей оазиса. Не пойдет она по руслам каналов и арыков к полям — уровень грунтовых вод снизится, обработанный участок покроется легкой корочкой высохших суглинков и ила, которая со временем превратится в мощный такырный щит, как паркет, ровный и блестящий на солнце, и побегут по нему волны песка, образующие высокие (20—30 м высоты) холмы-барханы.

Ежегодно Хорезмская экспедиция проводит несколько авиаразведок. С высоты птичьего полета особенно четко видны выступающие между песками линии сухих русел, иногда широких, иногда узких. По путям, намеченным разведкой, в пески уходят отряды археологов; там, где можно, они прорываются на автомашинах, а где пески особенно тяжелы — на верблюдах. За годы работы экспедиции составлены точные карты многих районов земель древнего орошения, изучены приемы, которыми пользовались строители-ирригаторы.

Археологическая карта раскрывает существо многих событий, о которых сохранились лишь смутные воспоминания, подтверждает известные исторические сведения письменных источников. По этим картам, как по листам древней рукописи, читается сложная история средневекового Хорезма.

Уже в IV—VI вв. происходит первое резкое сокращение сети каналов; протяженность их уменьшается; отмирают многие боковые русла, да и сами каналы преобразуются. Издавна искусственное орошение Хорезма было связано с паводками — четырьмя естественными подъемами воды в Аму-Дарье. Излишек паводковых вод выводился каналами на поля. Каналы были широчайшие и неглубокие, они напоминали русла естественных протоков вышедшей из берегов реки. Сооружение их требовало огромного количества рабочих рук; еще большее число рабочих требовалось на их ежегодную очистку и ремонт, а процент полезного действия был очень мал. Ширина каналов вызывала большое испарение воды, ответвления были, как правило, только по одной стороне магистрали, и во время паводка воды не успевали пройти на поля и уходили в сброс, в русла протоков. В III—IV вв. одновременно с сокращением ирригации возникает новый, более совершенный ее тип. Каналы становятся узкими (10—15 м вместо 35—45 м) и глубокими. Распределительная и оросительная сеть выводится теперь с двух сторон. Глубина каналов вызывает предположение о существовании уже тогда примитивных подъемных сооружений — «журавлей»-шадуфов и, позже, чигирей.

Сокращение обрабатываемых земель и появление новой, требующей относительно меньшей затраты рабочей силы ирригационной техники, по мнению С. П. Толстова, связаны с окончательным «разрушением трех условий древней ирригационной культуры — общины, рабства, централизованной деспотии»⁵.

⁵ С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 50.

В VI—VII вв. земледелие в Хорезме не претерпевает особых изменений, но VIII и IX вв. знаменуются новым катастрофическим сокращением поливных земель. Культурная зона в районе древнейших и крупнейших каналов Кельтеминар и Чермен-Яб превращается в пустыню. Много развалин замков и усадеб земледельцев находят археологи. Это последствия завоевания арабов, уничтожения ими хорезмийской культуры, а также последствия широких народных антифеодальных движений. Два столетия потребовалось, чтобы хоть немного восстановить разрушенное междуусобицами и войнами хозяйство.

Лишь с X в. начинается быстрый подъем всей экономики страны, связанный с крупными политическими событиями. Возвышается династия ургенчских эмиров, которые принимают на себя древний титул хорезмшахов.

Экономическому подъему сопутствует расцвет хорезмийской науки. Хорезмшах Маммуна II организует в столице государства Ургенче своего рода «академию», привлекая к работе крупнейших ученых того времени — хорезмийца ал-Бируни, согдийца ибн-Сину (Авиценна) и др.

Хорезмийская наука уже имела глубокие традиции. К началу IX в. относится деятельность выдающегося ученого хорезмийца Мухаммеда ибн-Муса-ал-Хорезми, основателя так называемой арабской математики, астронома, географа и историка. От названия одного из трактатов ал-Хорезми «Алджебр вал мукаббала» («учение о перестановках, отношениях и решениях») произошло слово «алгебра». Через арабов хорезмийская (как ее правильнее называть) математическая наука стала достоянием всего культурного мира.

Мы мало знаем о развитии наук в античном Хорезме. Но, изучая памятники материальной культуры — архитектуру крепостей, их фортификационные сооружения, каналы, проведение которых невозможно без сложной нивелировки, росписи на стенах дворцов, разнообразный набор гончарных изделий, конструкции обжигательных печей и целого ряда иных памятников, — можно утверждать, что и точные науки и естественные были уже тогда высокоразвитыми и послужили основой для написания трудов средневековых ученых.

Но вернемся к картам земель древнего орошения. Мы видим, что XII—XIII вв. — период нового расширения поливных земель. И хотя площадь обработанной территории и не достигает величины культурных зон античного времени, повсюду видны следы обширных работ. Восстанавливается мертвый канал Чермен-Яб, на 70 км уходящий в глубь пустыни; оживают большие участки и других каналов.

Меняется вид поселений. Исчезают грозные замки аристократии. Вдоль каналов строятся неукрепленные крестьянские усадьбы. Все это говорит о больших изменениях, происшедших в общественном укладе — возникает и крепнет феодальная монархия Великих Хорезмшахов, растет количество городов, необыкновенно расширяется внешняя торговля, ремесленное производство.

Арабский путешественник, автор многотомного географического «словаря» Якут замечает: «...не думаю, чтобы в мире были где обширные земли шире хорезмских и более населенные, при том, что жители приучены к трудной жизни и к довольству многим...». Вместе с тем он добавляет: «...решение судьбы принудило их к терпению в несчастье».

Новое несчастье обрушилось на хорезмийцев в XIII в. На страну хлынули монгольские полчища. Второй удар последовал в XIV в. — это походы Тимура. После разорения монголами Хорезм фактически уже не мог оправиться, и многие районы оазиса долгое время были пустыней, а некоторые и до наших дней занесены песками.

Среди исследованных экспедицией средневековых памятников, свидетельствующих о расцвете Хорезма в эпоху Великих Хорезмшахов, выделяется замок Кават-кала у сухого русла канала Гавхорэ и крепость Шах-Сенем, раскопки которой начаты в 1952 г. Крепость, построенная на высоком холме еще в IV—III вв. до н. э., продолжала существовать, перестраиваясь и видоизменяясь, до монгольского нашествия. Стены ее поднимаются на 15 м над окружающей местностью. В XII — начале XIII вв. это был цветущий город. К югу от него был расположен большой парк; ярко сохранились его угловые павильоны и центральное здание. Вокруг группировались крестьянские усадьбы. К северу находились поля, заметные еще и сейчас. Неподалеку были устроены мастерские по изготовлению стеклянных изделий.

Широко были поставлены экспедицией раскопки средневековой столицы Хорезма — Ургенча, дважды разрушавшегося Чингисханом и Тимуром; но вскрыты в основном еще только поздние, поверхностные слои города. У «южных ворот» начиналась главная магистральная улица города. Обширный городской квартал XV—XVII вв. состоял из отдельных домов, бесчисленных лавочек и мастерских ремесленников. На одном из углов помещалась чайхана, во внутреннем ее помещении найдено много чайников и «денежная касса» хозяина — мешочек с мелкими монетами. На этой же улице помещались мастерские кузнецов, баня, столовые (ашхана), возле которых устанавливались котлы для варки пищи и рыбобжарки.

Крохотные жилища бедняков резко отличались от пышно украшенных домов богатых жителей.

На других участках раскапывался древний минарет и портал здания караван-сарая. При раскопках города найдено много разнообразных вещей: чашки весов, каменные котлы, покрытые глазурью глиняные сосуды, мелкие бронзовые сосудики, резные алебастровые плиты, большое количество мелких монет. Интересно отметить многочислен-

ные находки китайских фарфоровых изделий с клеймами фирм или благожелательными надписями, составленными из иероглифов. Находки эти указывают на постоянные связи Ургенча с Китаем.

В числе средневековых памятников следует отметить несколько караван-сараяев, обследованных экспедицией. Караван-сарай разбросаны в Средней Азии повсюду, вплоть до самых отдаленных уголков пустыни. Они строились на торговых путях и служили временным приютом купцам и караванщикам. Здание обычно состояло из небольших изолированных помещений для ночлега и окружало обширный внутренний двор, предназначенный для вьючных животных.

В 1952 г. велась раскопки караван-сарая Талайхан-ата, затерянного в Заунгузских Кара-Кумах, на левом берегу сухого русла Узоя, у караванной дороги, функционировавшей с IX и, вероятно, до начала XV в. Прежде всего археологов привлекла сложная система водоснабжения. Колодец, очевидно, находился далеко, судя по тому, что современный колодец находится в 13 км от здания, а расход воды был велик. Поэтому строителями Талайхан-аты были учтены и возможности использования дождевых вод. «Водопровод» начинался в 80 м от здания, на такыре, служившем площадкой водосбора. Оттуда были проложены два желоба, которые подходили к глубокой цистерне, вместимостью около полутораста кубометров. При сооружении всей системы были учтены малейшие отклонения рельефа, взят технически наиболее правильный уклон.

Во внутренний двор вел широкий коридор, стены которого, выложенные из ракушечника, были исчерчены многочисленными надписями и рисунками знаков (тамги). Надписи арабские и в большинстве случаев содержат имена посетителей караван-сарая. Они разновременны и сделаны различными шрифтами. Наиболее ранняя датируется 1078 г. Это своеобразная «книга посетителей» еще не прочитана полностью, и «записи» в ней могут оказаться очень интересными для историков. Широкое изучение памятников Древнего Хорезма стало возможным только теперь. С момента установления Советской власти в Средней Азии по-настоящему оценены чудесные произведения местных зодчих, мастеров-ремесленников, имена которых не сохранила история. Да и сама история среднеазиатских народов мало привлекала внимание буржуазных ученых.

Трудно назвать даже приблизительно цифру археологических памятников, известных теперь на территории Хорезмского оазиса. А сколько их еще скрыто в песках пустынь, в соседних районах пустынного побережья Каспия, в диких уголках предгорий... Они еще ждут своих исследователей.

Литература

1. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; его же. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 176; его же. Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4, стр. 120; его же. Древнехорезмийские памятники Кара-Калпаки. ВДИ, 1939, № 3, стр. 172; его же. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 155; его же. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, 1946, № 1, стр. 60; его же. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 192; его же. К истории хорезмийских сивяшидов. ИАН СССР; сер. истории и философии, 1945, т. II, № 4, стр. 275; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1947 г. ИАН СССР, сер. истории и философии, 1948, т. V, № 2, стр. 182; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 г. ИАН СССР, сер. истории и философии, 1949, т. VI, № 3, стр. 246; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1949 г. ИАН СССР, сер. истории и философии, 1950, т. VII, № 6, стр. 514. О раскопках экспедиции за последние годы см. работы С. П. Толстова в журнале «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 89—111; «Советская археология», 1958, № 1, стр. 106.
2. Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952.

М. И. МАТАСОВ

О НУЖДАХ АРХЕОЛОГИИ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Для работников краеведческих музеев большое значение имеет систематика всех сведений по истории и археологии своего края, на основе которых на местах могут быть составлены перспективные планы комплектования фондов и тематико-экспозиционные планы. Костромские краеведы давно уже занимаются вопросами археологии, но этот материал до сего времени не обработан. Невозможно оставлять «белые пятна» на археологических картах СССР (и в текстах монографий) там, где десятилетиями добывался материал и производились исследования. Нам более всего нужны книги популярного научного содержания, в которых можно было бы ознакомиться с состоянием успехов и недостатков в разработке исторических проблем. К тому же совершенно необходимо привлечь внимание местных работников к правильной оценке того, что сделано, и к тому, что остается сделать будущему поколению краеведов.

В первые годы Советской власти в Костромской области краеведы уделяли достаточно внимания изучению археологических памятников и при областном краеведческом музее (обществе) существовала археологическая группа по главе с В. И. Смирновым. Почему же нет теперь не только археологической группы, но и археолога в штате областного музея? Это тем более странно, что лица, оканчивающие археологические отделения университетов, не получают назначения на работу по своей специальности «за отсутствием вакансий» (?) и идут на преподавательскую работу в школы. Необходимо восстановить археологическую группу в Костромском областном музее, сосредоточить в нем весь материал и архив и обобщить опыт исторической работы в крае. Следует шире развернуть археологические разведки и возобновить краеведческую работу во всех районах области. Для предотвращения разрушений археологических памятников необходимо иметь перспективное планирование исследований, не дожидаясь «марафонского бега» по затопляемым территориям.

* * *

От редакции. Письмо М. И. Матасова поднимает большой и волнующий многих археологов и краеведов вопрос о краеведческой работе на местах. В № 3 нашего журнала этому вопросу посвящена специальная статья Н. Н. Воронина.

Совершенно прав также М. И. Матасов, отмечающий слабую археологическую обследованность территории СССР и отсутствие сводных работ по большому числу областей и краев. Но это зло неизбежно еще на многие десятилетия. Территория нашей Родины настолько огромна, что для полного охвата ее хотя бы только археологическими разведками понадобится работа тысяч археологов в течение многих лет.

Примером может служить та самая Костромская область, о которой пишет М. И. Матасов. Несмотря на то, что археологические работы в Костромской области производились многими археологами и нам известно большое количество археологических памятников этой области — курганы, городища, стоянки и могильники, — материал этот все еще слишком фрагментарен и разрознен, чтобы построить на нем «монографическое» исследование по древней истории этого края, тем более, что соседние с ним области исследованы также далеко не достаточно.

ИИМК АН СССР планирует в ближайшем будущем начать издание «Корпуса археологических памятников СССР», в котором будут подведены итоги всего того, что нам известно в настоящее время. Но едва ли и при этом можно будет рассчитывать, что древняя история всех областей, краев и республик СССР найдет в этом «Корпусе» исчерпывающее освещение. Но этот «Корпус» послужит краеугольным камнем для «перспективного плана комплектования фондов», или, точнее выражаясь, для составления планов дальнейшего археологического исследования с целью устранения «белых пятен» на археологической карте СССР. Для такой работы потребуются и требуется уже сейчас содействие большого количества местных краеведов, о чем подробно пишет в своей статье Н. Н. Воронин.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Пэй Вэнь-чжун. Чжунго шици шыдайди вэньхуа.

Культура каменного века Китая. Пекин. Чжунго циннянь чубаншэ, 1954, IV, 68 стр., 6 табл., 19 рис., карта. (На кит. яз.)

Эта небольшая книжка принадлежит перу крупнейшего китайского археолога Пэй Вэнь-чжуна, хорошо известного советским археологам своими работами, посвященными синантропу. Она преследует весьма скромные цели: в краткой и общедоступной форме ознакомить читателей с наиболее важными вопросами культуры каменного века Китая. Однако благодаря охвату новейшего материала, четкости формулировок, хорошему подбору иллюстраций и подробной карте памятников она представляет интерес и для специалистов.

Книжка состоит из восьми глав.

В главе I на основе новейших научных достижений с материалистических позиций излагается вопрос о происхождении человека, указывается, что труд создал человека, выделил его из рядов древнейших человекоподобных обезьян, перечисляются стадии, которые прошел человек в процессе своего становления.

Глава II посвящена синантропу, причем особо отмечается, что синантроп являлся одним из древнейших типов людей и, вероятно, отдаленным предком китайцев; он знал употребление огня, изготавливал и пользовался разнообразными каменными орудиями, которым Пэй Вэнь-чжун дает краткую, но выразительную характеристику.

Глава III повествует о хэтаоском человеке, более известном европейскому читателю под именем ордосского. В этой весьма краткой главе отмечается близость каменных орудий Хэтао к инвентарю мустье (неандертальская стадия) при сохранении некоторых особенностей, основанных на характере материала (кварцит).

В главе IV говорится о культуре верхнего грота Чжоукоудянь. Автор подчеркивает крупную роль костяных и роговых орудий в хозяйстве того времени, а также появление техники сверления и шлифовки. Дается критика концепции Вейденрейха, который на основании ложных предпосылок о наличии среди черепов верхнего грота остатков представителей предков монголоидов, эскимосов и меланезийцев сделал вывод о выделении расовых типов уже несколько сот тысяч лет тому назад.

В V главе автор от рассмотрения палеолитических культур переходит к разбору неолитических периодов и культур. Здесь излагаются проблемы, связанные с микролитическими культурами районов, лежащих к северу от Великой китайской стены (т. е. северная часть области Хуабэй, область Дунбэй и некоторые провинции области Сибэй). После краткой характеристики китайской микролитической культуры (как ее понимают китайские археологи) и зоны ее распространения автор переходит к вопросу об ее происхождении и периодизации. Корни этой культуры он ищет среди памятников в районе оз. Байкал. К древнейшей позднелитической стадии этой культуры он относит памятники Чжалайнора, которые он связывает с приамурскими находками. Далее следуют стадии: раннеолитическая амурская (с ответвлениями на р. Сунхуа и в Линси), неолитическая в Линси, позднелитическая в Чифэне и стадия бронзового века с пережитками неолита.

Глава VI посвящена культуре крашеной керамики бассейна р. Хуанхэ. Происхождение керамики типа Яншао пока неясно. Она имела две области распространения: 1) провинции Хэнань, Шаньси и Шэньси, 2) провинции Ганьсу, Цинхай. В первой зоне она, по Андерсону, существовала с 2200 по 1700 г. до н. э. и была вытеснена культурой иньской бронзы. Во второй зоне она прошла несколько стадий: Мачан (1700—1300 гг. до н. э.), Синьдянь (1300—1000 гг. до н. э.), Шацзин (700—500 гг. до н. э.). Крашеная керамика обнаружена и на памятниках иных культур в других районах Китая: в Чифэне (Жэхэ) и в Таншане (Хэбэй), в районе Нанкина. В это время уже развивалось земледелие и существовала социальная дифференциация общества.

В главе VII говорится о культуре черной керамики на побережье Восточно-Китайского моря (культура Луншань). Эта культура возникла в конце неолита и просуществовала до иньского времени. Для нее характерны глиняные триподы с черной поверхностью.

Заключительная, VIII глава посвящена обоснованию преемственности в развитии китайской культуры с глубочайшей древности до времени становления китайской народности, критике ошибочных положений ряда ученых (об отсутствии в Китае камен-

ного века, о чрезвычайно молодом возрасте китайских древностей и пр.), выяснению путей, по которым должна развиваться китайская археология.

К работе приложена карта, на которой различными значками отмечены палеолитические, мезолитические памятники, памятники с крашеной, с черной керамикой, памятники со смешанной крашеной и черной керамикой, микролитические, микролитические с крашеной керамикой и иные неолитические памятники. Главнейшие памятники даны в названиях.

М. В. Воробьев

ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ СТАРОГО СВЕТА

Не приходится говорить о том огромном значении, которое имеют для археологии вопросы относительной и абсолютной хронологии. Поэтому особенно интересен изданный Р. Эрихом сборник, состоящий из коротких статей, посвященных относительной хронологии и стратиграфии различных областей стран Старого Света¹. Сборник отражает результаты специального совещания, состоявшегося в конце 1952 г. при Американской антропологической ассоциации. С докладами на этом совещании выступили Э. Кантор (хронология Египта), А. Перкинс (Месопотамия), Д. Маккауэн (Иран), Р. Брэвуд (Сирия), В. Олбрайт (Палестина), Х. Гольдман (Анатолия), С. Вайнберг (Эгейский бассейн), Р. Эрих (Юго-Восточная и Центральная Европа) и Л. Уорд (Китай). На совещании был выявлен ряд дискуссионных вопросов, по которым авторы различных докладов не пришли к согласованному решению. И очень хорошо, что такая дискуссионность сохранена в сборнике, который не подвергся нивелирующему редактированию. Поэтому сборник является не только сводкой материалов, но и сводкой мнений и хронологических систем.

В вопросах относительной хронологии на Ближнем Востоке главное значение имеет изучение Египта и Месопотамии. Но следует отметить, что в настоящее время монополия Месопотамии все более подрывается как применением точных методов определения абсолютных дат, так и расшифровкой письменных документов других культур.

Археологические комплексы СССР связываются с ближневосточными памятниками прежде всего посредством целого ряда соотношений, наблюдаемых в археологии Кавказа и Закавказья. Другая линия связей для памятников СССР намечается через посредство балканских культур с Эгейским миром, где археологические комплексы в свою очередь датируются на основании сопоставлений с Египтом. Наконец, для археологических комплексов Средней Азии решающее значение имеет классификация древних культур Ирана, абсолютная хронология которых в свою очередь опять восходит к месопотамской схеме. В археологии Сибири и Дальнего Востока, несомненно, решающее значение должны иметь китайские материалы.

Относительной хронологии Месопотамии в сборнике посвящена статья А. Перкинс (стр. 42—55), автора ценной работы по этому вопросу². Эта хронология основана на широких стратиграфических раскопках многослойных поселений. Обобщение результатов этих раскопок позволило выделить ряд руководящих комплексов, названных по имени характерных памятников (рис. 1). В историко-культурном отношении Месопотамия разделяется на две области: южную и северную. Область по течению р. Диялы имеет промежуточный характер. Древнейшая земледельческая культура комплекса Хассуна была обнаружена лишь в северной части. Простая расписная и процарапанная керамика этой неолитической культуры сменяется великолепной расписной керамикой комплекса Халаф. Известным своеобразием отличается керамика стиля Самарры, открытая еще перед первой мировой войной. По мнению А. Перкинс, Самарра является ответвлением стиля Халаф, но следует учитывать возможность влияния на эту керамику культуры Южного Ирана («buff ware culture»). Определение радиоуглеродным анализом даты поселения Джармо (около 4700 г. до н. э.) позволяет с большой уверенностью отнести Халаф и Хассуну к V тысячелетию до н. э.³

Материал Халафа и Хассуны отсутствует в Южной Месопотамии. Древнейшая земледельческая культура здесь представлена нижними слоями Эриду (слои XIX—XIV), генетически связанными с последующим комплексом, носящим название Убеида.

¹ Relative Chronologies in Old World Archaeology. Ed. by Robert Ehrich. Chicago, 1954.

² A. Perkins. Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization, № 25, Chicago, 1949.

³ Предполагалось, что Хассуна в какой-то мере синхронна Джармо (см. Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новейших раскопок. М., 1956, стр. 167). Но в настоящее время появились сообщения об обнаружении лишь в верхнем слое поселения Джармо отдельных фрагментов расписной керамики типа Хассуны.

Этот комплекс впервые сложился именно на юге Двуречья и уже оттуда распространился на север. Вслед за Д. Маккауном⁴ А. Перкинс подчеркивает связь Убейда с иранским материалом (Сузы I, Бакун А, Сиалк III) и видит в этом свидетельство прихода носителей культуры Убейда из Ирана (стр. 45). Однако связь эта не столь уж сильна. Видимо, картина исторического развития была более сложной. Западные исследователи, детально разработав вопросы стратиграфии и относительной хронологии, за дробной археологической периодизацией не всегда видят конкретную историческую перспективу, и смена стилей расписной керамики иногда считается достаточным аргументом для решения вопроса о приходе новой культуры или исчезновении старой. Между тем культура собственно Убейда (исключая слои Эриду XIX—XIV, синхронизируемые с Халафом) показывает значительно более высокий уровень развития, чем что-либо известное в это время на территории Ирана. Речь может идти о приходе в Южную Месопотамию лишь древнейших оседлых земледельцев-скотоводов (носителей «культуры Эриду»), что как будто начинает находить и конкретное археологическое подтверждение.

Следующий за Убейдом период А. Перкинс объединяет в позднее доисторическое время. Сюда включены комплексы, ранее именовавшиеся Урук и Джемдет-Наср. Некоторые исследователи выделяют комплекс раннего Урука в особый период Варки. Период же поздней Варки П. Делюга, А. Перкинс (в 1949 г.), Д. Маккауном объединяют с Джемдет-Насром в протописьменный период. В позднее доисторическое время на севере и юге Месопотамии существуют две различные культуры, хотя между ними отмечается некоторая связь. В древнем Шумере в это время появляются цилиндрические печати, зарождается письменность, успешно развивается ремесло и монументальная архитектура. Все здесь указывает на интенсивный процесс становления классового общества. Свое завершение этот процесс находит в раннединастический период, к которому относятся знаменитые царские гробницы Ура, датируемые в настоящее время XXVI в. до н. э. В Северной Месопотамии, как пишет А. Перкинс, черты раннединастического периода практически отсутствуют. Только в аккадский период (XXIII в. до н. э.) в Северной Месопотамии появляется клинопись. Металлические изделия, сходные с раннединастическими, распространены в этот период по всему Двуречью. Характерны также лавровидные кремневые наконечники стрел с двусторонней обработкой. Дальнейшие периоды истории Двуречья (III династия Ура — 2132—2024 гг. до н. э., Ларса, древнеавилонский и древнеассирийский периоды — первая половина II тысячелетия до н. э.) археологически освещены очень слабо. Исследователи этих периодов отводят основное внимание письменным документам, произведениям искусства и памятникам архитектуры. Классификация массового археологического материала (керамика, орудия, оружие и т. п.) очень слабо разработана. Это отрицательно сказывается не только на изучении культуры самого Двуречья, но и на исследовании вопроса о связях Месопотамии с соседними странами. Последнее обстоятельство всегда следует иметь в виду при разработке вопросов относительной хронологии.

Одним из наиболее обстоятельных разделов сборника является статья Д. Маккауна об относительной стратиграфии и хронологии Ирана (стр. 56—68). Значительный интерес представляют недавние раскопки в районе Суз. Д. Маккауном выделены три стратиграфических комплекса (Джафарабад, Джови и Бендебаль), предшествующие Сузам I. Усматривая значительное сходство между керамикой этих комплексов и посудой раннего Эриду, Д. Маккауном предполагает, что древнейшие земледельцы Шумера вышли именно из района распространения керамики типа Джафарабада и Джови (стр. 59).

Территория Ирана разделяется на две культурные области: на юге — область культуры кремневой керамики («buff ware») и в центре Ирана (Сиалк-Гисар) — другая, отличная от южной область, которую Д. Маккауном в свое время не вполне удачно предлагал назвать областью красной керамики. Сейчас ясно, что особую культурную зону образуют памятники Южного Туркменистана.

Узловыми проблемами хронологии иранских памятников являются вопросы о комплексе Сиалк IV и о дате комплекса Гисар III. Слои Сиалка IV перекрывают слои весьма своеобразной и характерной культуры, названной Д. Маккауном «гисаровской» (Сиалк III, 3—7 и Гисар I B—II A). В Южном Туркменистане следы несомненных связей с гисаровской культурой обнаруживает комплекс Намазга III⁵. В слоях Сиалка IV найдены цилиндры «стиля Джемдет-Наср», таблички с протоэламскими письменами и весьма характерная керамика. Все эти обстоятельства не позволяют датировать Сиалк IV временем более поздним, чем начало раннединастического периода, когда еще сравнительно часто встречаются цилиндры «стиля Джемдет-Наср». Хронологически это соответствует приблизительно началу III тысячелетия до н. э. В таком случае культуру Гисара (а с ней и комплекс Намазга III) следовало бы в основном синхронизировать с Убейдом. Это делает Д. Маккауном в отношении культуры Гисара.

Однако подобное сопоставление, на наш взгляд, не может считаться полностью правомерным. Поселение Сиалк IV, сменившее старую местную культуру, тяготеет к

⁴ D. E. M. C. O. W. N. The Comparative Stratigraphy of Early Iran. Chicago, 1942, стр. 36—37.

⁵ В. М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1966, стр. 320.

	Тель Хассуна	Тель Арпахча	Эриду	Ниневия	Чогад-Базар	Тепе-Габр	Тель Брак	Тель Билла	Ассур (Эрбл-Миттар)	Нузи (шурф L4)	Дивла
Митан-нидский						III	Хурритский	III			
Древне-Вавилонский Древне-Ассирийский Ларса					I	IV	}	IV	C	I-IIb	Древне-Вавилонский Ларса
Ур III				}	V				D		
Амкадский						II-III	VI	Саргониды	V	F	III-V
									G	VI	
Ранне-династический				5	IV-V	VII-VIII	?	VII-VIII	H	?	До-династический Ранне-династический
Поздний доисторический			Храмы I-V и слои Урума	4	}	VIII B-XI A	Храм Священного Ола				Протописьменный
				3							
Убейд	XI-XII	1-5	Некрополь и храмы VII-XIII	}	}	XIII-XIX					X-XII
Халаф	VII-V	Слои 6-10 и ниже	Храмы XIV-XIX			2c	VI-XV	XX			
Хассуна	I-V			1-2b							

Рис. 1. Таблица относительной хронологии Месопотамии (по А. Перкинс)

Эламу. Видимо, прав Г. Чайлд, видевший здесь своеобразную торговую факторию эламитян на пути обмена лазуритом и, добавим, медью⁶. Однако нет никаких оснований предполагать, что это конкретное явление связано с концом культуры Гисара в целом. В Тепе-Гисаре, например, старую расписную керамику постепенно сменяет чернолощенная посуда (Гисар II B), и ничего похожего на комплекс Сиалк IV там нет. Возражая против отнесения культуры Гисара к периоду Варки и протописьменному (позднему доисторическому) периоду, Д. Маккауэн ссылается на неизданные материалы собственных стратиграфических шурфовок на юго-западе Ирана. Там слои «buff ware culture» лежали ниже слоев протописьменного периода (стр. 59). На это можно возразить, что полная синхронизация культуры Гисара и «buff ware culture» еще не доказана. В Гияне V имеются элементы, указывающие только на то, что в определенный период обе культуры сосуществовали. На наш взгляд, конец «buff ware culture» наступил раньше, чем исчезли элементы культуры Гисара (во всяком случае, в Северо-Восточном Иране). На это указывает, в частности, то обстоятельство, что комплекс Намазга III в нижних слоях датирован карбоновым анализом в лаборатории ИИМК АН СССР 3000 г. до н. э. (± 300).

Весьма существенное значение для хронологии среднеазиатского и отчасти северокавказского материала имеет вопрос о дате Гисара III. В 1942 г. Д. Маккауэн решительно датировал Гисар III временем не позднее 2000 г. до н. э.⁷

⁶ Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 295.

⁷ D. E. McCown. Ук. соч., стр. 53.

Варка (Зарна)	Аналогии в Иране, Малой Азии и Сирии	
	Амук М Гиян I	
	Амук К-Л Гиян II Каппадокийские колонии	
	Амук I-Г Хисар III Гиян IV	
I-II	Амук С-Н Сузы С-Д Хисар II	
III-XIV	Сиадж IV	
XV-XVIII	Амук Д-Е „Сузы I“ Бахун А Сиадж III Гиян V e	
	Амук С Чешме-Али	
	Амук А-В Гиян V a-b Сиадж I	

Рис. 1. Таблица относительной хронологии Месопотамии (по А. Перкинс)

В рассматриваемой статье он отвергает предложение С. Пиготта датировать последнюю стадию жизни на Гисаре III началом II тысячелетия до н. э. (стр. 60—61). В синхронистической таблице (стр. 67) Гисар III отнесен к аккадскому периоду (XXIII в. до н. э.).

Однако весьма характерны оговорки, которые при этом вынужден делать Д. Маккауна. Во-первых, он отмечает, что вещи III династии Ура и древневавилонские в Месопотамии плохо известны. Вполне возможно, что месопотамские предметы, датирующие Гисар III, в самой Месопотамии бытовали дольше, уже после периода ранних династий и Аккада. Во-вторых, вполне вероятно такое положение, что шумерские типы вещей на периферии (например, в Тепе-Гисаре и на Северном Кавказе) бытовали не позднее, чем в самом Шумере (стр. 61). После таких оговорок особенно странным является категорическое отнесение Гисара III к раннему времени.

Стратиграфия памятников Южного Туркменистана как будто свидетельствует в пользу исследователей, датирующих конец культуры Гисара III началом II тысячелетия до н. э.⁸ В отличие от Северного и Центрального Ирана, в стратиграфии Южного Туркменистана нет крупных лакун, и она доходит до ахеменидского времени (Анау IV). Гисар III в целом соответствует комплексу Намазга V. Принимая дату Д. Маккауна, пришлось бы чрезмерно растягивать датировку двух следующих южно-туркменистанских комплексов (Намазга VI и Яз-Тепе I), заполняющих время между существованием Намазга V и Анау IV.

⁸ В. М. Массон, Ук. соч., стр. 326.

Более слабо разработаны в статье вопросы хронологии Северо-Западной Индии. Почему-то совершенно не упомянуты многочисленные исследования С. Пиготта, в том числе его обобщающая работа «Prehistoric India to 1000 в. С.» (London, 1950). Вслед за С. Пиготтом и другими исследователями Д. Маккауна признает наличие в верхних слоях Хараппы и в «постхарапповских» культурах объектов типа Гисар III. Это заставляет его относить конец культуры Хараппы к аккадскому периоду. Едва ли такая ранняя датировка может быть принята. Ей, в частности, противоречат многочисленные находки индийских печатей в месопотамских памятниках первой половины II тысячелетия до н. э.⁹, которые Д. Маккауна совершенно не упоминает. В отношении хронологии древнеземледельческих общин Белуджистана у Д. Маккауна (стр. 61—64) нет больших расхождений со схемой С. Пиготта.

В заключение рассматривается стратиграфия Гей-Тепе, расположенного у оз. Урмия. Этот памятник, несомненно, больше тяготеет к Анатолии и Закавказью (Кюль-тепе), чем к Ирану.

К числу основательно разработанных разделов сборника принадлежит статья Э. Кантор о соотношении хронологии Египта и других стран Ближнего Востока (стр. 1—15). В отличие от Месопотамии, в Египте, за редким исключением, отсутствуют большие стратиграфические колонки. Разработка относительной хронологии ведется путем объединения в типологические группы однослойных памятников, главным образом могильников. Радиоуглеродный анализ дает следующие абсолютные даты древнеегипетской хронологии:

1. Фаюм А (древнейшее
земледельческое поселение севера) . . . . . 4103(±330) — 4440(±180)
2. Эль Омари (переход от культуры
Меримде к маадийской культуре) . . . . . 3305(±230)
3. Гробница I династии . . . . . 3010(±240) — 2852(±260)

Наиболее тесными были связи Нижнего Египта с культурами Сирии и Палестины. Через посредство этих культур устанавливается соотношение египетской и месопотамской систем относительной хронологии.

Э. Кантор высказывает сомнение в возможности установления западных аналогий амратской расписной керамики (стр. 3). Первые вполне четкие соответствия приходятся лишь на герцейский период. Ряд керамических форм раннегерцейского времени находит прямые аналогии в керамике позднего халколита Палестины, а форма сосудов с носиками, по всей видимости, восходит к месопотамской керамике ранних фаз протописьменного периода (так называемая урукская посуда). Позднегерцейский период синхронизируется с поздними фазами протописьменного периода (Джемдет-Наср) и ранней бронзовой эпохой (I B) Палестины. Два цилиндра «стиля Джемдет-Наср», найденные в позднегерцейских могилах, месопотамская схема изображения на печатях борьбы героя со львами, ряд керамических форм — все это указывает на связи Египта с Месопотамией. Э. Кантор считает, что эти явления следует объяснять не какой-то этнической волной с востока, как полагали некоторые исследователи, а проникновением в Египет отдельных групп путешественников и торговцев (стр. 7).

Позднее таких четких связей с Месопотамией уже не наблюдается. Синхронизация проводится через посредство сирийско-палестинского материала. Период I династии по времени сопоставляется с эпохой ранней бронзы II в Палестине¹⁰. Время IV, V и VI династий сопоставляется с эпохой ранней бронзы III (рис. 2).

Период подъема Египта при XII династии дает большое количество данных для синхронизации культур. Э. Кантор считает, что найденные среди подношений Аменемхета храму Тода серебряные сосуды имитировались на Крите в среднеминойский период II A. Поскольку в одном случае в Западной Азии среднеминойские сосуды были найдены вместе с цилиндрами III династии Ура, это (по Э. Кантор) дает основания для сопоставления: ранний период XII династии одновременен среднеминойскому II A и III династии Ура (стр. 11). Поздний период XII династии сопоставляется с среднеминойским II B. Особое значение имеет находка в комплексе второго переходного периода Египта сосуда с изображениями в стиле среднеминойской керамики III B (стр. 14). В одном погребении в Сирии были найдены египетские скарабеи второго переходного периода и местный цилиндр, восходящий к глиптике I династии Вавилона. Это дает основания синхронизировать второй переходный период в Египте с древне-вавилонским периодом Месопотамии.

Весьма детально разработаны стратиграфические колонки в Сирии (Р. Брэдвуд, стр. 34—38) и особенно в Палестине (В. Олбрайт, стр. 28—33).

Р. Брэдвуд дает сжатое описание стратиграфии Амука (к сожалению, ко времени выхода рецензируемой книги материал Амука еще полностью не опубликован). Фазы Амука B и C показывают значительное влияние месопотамской керамической традиции (Хассуна, а затем Халаф), тогда как керамику фазы E можно относить к северному

⁹ R. E. M. Wheeler. The Indus Civilisation. Cambridge, 1953, стр. 84—88.

¹⁰ Следует оговориться, что термин «ранняя бронза» в данном случае еще не означает введения в металлургии именно бронзовых сплавов. Это чисто условный термин. См. Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 340.

Но с самого начала вызывают удивление географические рамки, предложенные автором статьи. Рассматривается не вся Анатолия, а лишь ее юго-восточная часть — Киликия. Автор пытается обосновать это недостаточной исследованностью остальных областей. Но если можно согласиться с тем, что Юго-Западная Анатолия до сего времени — terra incognita, то вряд ли это в полной мере может относиться к Центральной, Восточной, а тем более Северо-Западной Анатолии. Раскопки в Полатли, такие памятники, как Алишар и др., значительно расширили бы круг вопросов, связанных с Анатолией. Соответственно и связи Анатолии показаны в статье несколько односторонне: основное внимание уделено связям с Сирией и Палестиной, тогда как важнейшие связи с Ираном, Средней Азией и, наконец, с Месопотамией освещены крайне скупо. Это влияет на хронологические выводы. Сирийские и палестинские аналогии сами по себе очень важны, но они не являются наилучшими из возможных датирующих материалов. Путь через Сирию и Палестину в абсолютно датированные области Месопотамии не был кратчайшим для Анатолии. Более закономерно было бы установление связей по кратчайшему пути через Верхнюю Месопотамию.

Древнейшие известные слои Мерсина и Тарса Х. Гольдман относит к неолиту. Картина этих слоев здесь не совсем ясна, так как раскопки еще не доведены до материка. Но пройденный слой превышает 9 м, что позволяет все же говорить о его характере. Основной материал — керамика. Общие признаки связывают ее со всем массивом неолитической передневожосточной керамики, простирающимся примерно до горного Курдистана. Однако внутри этого массива Х. Гольдман пытается выделить специфический киликийский комплекс чернополированной и легкой губчатой керамики. Этот комплекс имеет связи с Северной Сирией и Палестиной, прежде всего с Рас-Шамрой V, Амуком А—С, Иерихоном X—XVII. Вопрос об абсолютной дате этого периода не разбирается. Но, основываясь на сирийских аналогиях, следует предположительно отнести киликийский неолит к VI—V тысячелетиям до н. э. Дата, впрочем, крайне условна, так как сирийские памятники не имеют собственной абсолютной шкалы и даты их основываются на месопотамских аналогиях, причем следует учитывать несомненное культурное запаздывание Сирии и Палестины. Собственно месопотамский материал для датировки киликийского неолита не привлечен. Весьма неопределенны приводимые автором сведения о слоях докерамического неолита с каменными сосудами.

Следующий период, выделенный Х. Гольдманом, — халколит — рассмотрен на более широком фоне: киликийские памятники синхронизируются с последовательными фазами Хассуны, Тель-Халафа, Убейда и Урука, причем подчеркивается обедненный, провинциальный характер киликийского варианта. Период длительный, границы его не указаны, но надо думать, что он охватывал все IV тысячелетие. Чрезвычайно важен вопрос о серой монохромной керамике типа Урука, распространившейся в этот период в Киликии. Происхождение ее связано с Северным Ираном и Средней Азией, и самый факт распространения ее в Киликии подчеркивает большое значение северных и северо-восточных связей, которым автор не уделил должного внимания. Несколько туманно представлен вопрос и о проникновении в Киликию элементов культур Халафа и Джемдет-Наср.

За халколитом следует длительный переходный период, именуемый автором ранней бронзой I. Он характеризуется появлением ряда форм сирийской «красной» керамики — кувшинов с высоким сливом, блюд и т. д. Подчеркивая сирийскую ориентацию связей как основную, Х. Гольдман и здесь упускает из вида прочие направления связей. Автор, правда, подчеркивает, что красная керамика не имеет других параллелей, помимо сирийских. Но ведь Х. Гольдман признает и то, что многие халколитические традиции в эпоху ранней бронзы продолжают развиваться. А они, как мы уже говорили, связаны не только с Сирией. Абсолютные даты периода ранней бронзы I на основании сирийских аналогий могут быть установлены лишь очень условно. Несколько больше дают аналогии в чеканной орнаментации сосудов из материалов Трои I B.

Ориентировочно период ранней бронзы I может быть отнесен к началу III тысячелетия до н. э. К концу этого периода связи с Сирией и Месопотамией несколько ослабли, и следующий период — ранняя бронза II — характеризуется развитием местных элементов и активными связями с Центральной Анатолией. Последние иллюстрируются, например, распространением краснополированных кувшинов с полыми ручками. Из местных форм можно назвать черные сосуды с резным орнаментом, продолжающие традиции периода ранней бронзы I и появившиеся на Кипре, очевидно, под анатолийским влиянием. Связи Киликии с Эгейским миром прослежены и по другим керамическим формам, а также по пинтадерам, но эти связи, несомненно, были не прямыми, а шли через Северо-Западную Анатолию. Связи с Сирией, несколько ослабев в конце периода ранней бронзы I, вновь активизировались. Для установления абсолютной даты ранней бронзы II важны предметы египетского импорта — каменные печати конца Древнего царства и кувшины, характерные для некрополя Гизы (2640 г. до н. э.)¹¹.

Около 2400 г. до н. э. начался новый период — ранняя бронза III, для которого характерны резкая активизация связей с Северо-Западной Анатолией и значительный приток троянских вещей. Керамические формы представлены в Киликии в таком же разнообразии, как и в самой Трое. Дата устанавливается по этим аналогиям в пре-

¹¹ Дата дана по «Ancient Egypt. Handbook of the Boston Museum of Fine Arts» (1952). Конец Древнего царства, VI династия, 2500—2400 гг. до н. э.

делах Трои II—V (2300—1900 гг. до н. э.)¹². Однако другие связи — сирийские, палестинские, месопотамские, иранские — для этого периода не рассмотрены, хотя они весьма важны для проверки предложенной даты (вообще автор не всегда использует возможность перекрестных датировок).

Для конца периода ранней бронзы III отмечена новая волна сирийских влияний, которая выразилась в распространении керамики с процарапанным сирийским орнаментом, бутылей с лощеной спиралью, двуручных кувшинов с резной волной, красных ангобированных кубков. Эта волна связывается с вторжением хурритцев, имевшим место во второй половине III тысячелетия до н. э.

Вышележащие слои Тарса и Мерсина выделены в период средней бронзы. Для него отмечено продолжение традиций ранней бронзы III. Но вместе с тем появляются новые формы, прежде всего сирийские светлоглиняные сосуды. Для этого же периода характерно распространение иранских форм (сосуды на высоких поддонах, наконечники копий). Поэтому вызывает удивление утверждение Х. Гольдмана о невозможности прямых связей с Ираном. Ведь сам автор признает преобладание в Киликии чаш на высоких поддонах и орнаментации в виде трилистника при относительной редкости характерного для Сирии зооморфного орнамента. Очень кратко освещены и связи с Кипром: в Киликии появляются фрагменты сосудов с росписью красным по черному, характерной для периода средней бронзы на Кипре. Время средней бронзы Киликии определяется (по аналогиям с Рас-Шамра II 2, Гамой II, Атчана VII) первой половиной II тысячелетия до н. э.

В конце первой половины II тысячелетия до н. э. резко активизировались связи Киликии с территорией хеттов. Х. Гольдман, в отличие от К. Шэффера и Биттеля, видит в этом явлении не «позднюю фазу средней бронзы», а начало нового периода — поздней бронзы I. Хеттская керамика представлена многими формами (монохромные красные кувшины, лощеные кувшины с сосковидными налестками, «чайнички» и пр.). Известны, кроме того, хеттские печати и булавы. Распространены и сиро-палестинские формы (вытянутые кувшины со штампованной розеткой, резной звездой, деревом между козлами пр.).

Ко второй половине II тысячелетия до н. э. относится, по Х. Гольдману, период поздней бронзы II, который в свою очередь делится на две фазы. Первая фаза ознаменована максимальным влиянием хеттов как в керамике, так и в архитектуре: в Тарсе открыты хеттский храм и административное здание этого времени. Хеттские надписи позволяют датировать первую фазу третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Она закончилась разгромом, после которого началась вторая фаза, ознаменованная новым усилением связей с Эгейским миром. Впрочем, хеттские формы сохранились (кувшины, кубки), наряду с ними представлены сирийские формы (амфоры) и ряд кипрских форм конца II тысячелетия до н. э. Период поздней бронзы Киликии длится с середины II тысячелетия до рубежа I тысячелетия до н. э., т. е. до начала железного века.

Географическая ограниченность статьи Х. Гольдмана в известной мере восполняется работой С. Вайнберга, посвященной относительной хронологии неолитического периода и раннего бронзового века Эгейского бассейна. Автор широко привлекает анатолийский материал, и, по сути дела, Северо-Западная Анатолия включена в круг рассмотренных им вопросов. Хронология Эгейки разрабатывается уже давно, к ней неизбежно обращаются исследователи неолита и бронзового века как Европы, так и Передней Азии. Многие попытки создания хронологической схемы Европы базировались на эгейском материале. Но сам этот материал, как показывает С. Вайнберг, исследован недостаточно и неравномерно. Хорошо разработана стратиграфия Кносса и последовательная смена периодов, начиная с эпохи средней бронзы. Что касается неолита и ранней бронзы, то здесь дело обстоит значительно хуже. В Центральной Греции стратиграфически исследованных неолитических поселений нет; материал поселений ранней бронзы ограничивается здесь Эвтресисом (Беотия). Остальные памятники не изданы. Лучше исследованы неолитические памятники Фессалии и Пелопоннеса, но ранняя бронза и здесь в большинстве случаев представлена подъемным материалом. До последнего времени совсем не был известен неолит на Кикладах, а ранняя бронза была здесь представлена лишь погребениями. Только в 30-х годах были открыты поселения неолита и бронзы на Хиосе, Лесбосе, Лемносе и Самосе. На Крите известен ряд неолитических поселений, но стратиграфически исследовано лишь одно из них (в Кноссе). Да и в вопросе хронологии раннеминойского периода существуют значительные расхождения. В целом можно полностью согласиться с С. Вайнбергом в том, что изучение древнейших периодов Эгейки переживает свое детство.

Основной трудностью при изучении этих периодов является отсутствие непрерывных слоев поселений, что создает разрыв между хорошо датированной средней бронзой и более ранними периодами. Начало этого разрыва С. Вайнберг связывает с разрушением раннеэлладской III культуры. Однако соответствующие стратиграфические данные он не привел, и потому неясно, насколько разрушение было всеобщим для Эгейки. Очевидно, речь идет здесь прежде всего о памятниках Пелопоннеса. Место этих памятников

¹² Мы принимаем троянские датировки Бледжена (С. W. B l e g e n. New Evidence for Dating the Settlements at Troy. Annual British School at Athens, XXXVII, 1936—1937) и К. Шэффера (С. S h a e f f e r. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948), согласованные с датами Алачи, Тарса, Угарита и др. передневоосточных памятников.

в хронологической схеме может быть определено с помощью ближневосточного материала. Связи с Ближним Востоком начались непосредственно перед разрывом. Они засвидетельствованы характерной керамикой (чаши с крестом на внутренней стороне), хорошо известной как в Центральной Анатолии, так и в Трое IV и V (2100—1900 гг. до н. э.). Можно согласиться с заключением С. Вайнберга об одновременности конца раннебронзового века вдоль всей северной границы Восточного Средиземноморья. Дата подтверждается и открытием в Азине сосуда с отпечатком египетской печати XI династии (2151—1991 гг. до н. э.). Таким образом, конец раннеэлладской III культуры твердо датируется рубежом III и II тысячелетий до н. э.

Находки печатей на Крите и сопоставление их с египетскими формами позволяют автору отнести начало среднеминойской фазы ко времени XI династии (2151—1991 гг. до н. э.), а предшествующую ей раннеминойскую III фазу — к промежутку между VI и XI династиями (около 2500—2151 гг. до н. э.). Очевидно, С. Вайнберг прав, утверждая, в противовес Матцу, что раннеминойская II фаза кончилась, а не началась в пределах VI династии. Однако подобное удревление — вопрос очень ответственный, и его следовало бы подтвердить массовым материалом, так как даты, основанные на египетских печатях, а тем более на критских подражаниях им, не могут считаться безусловными.

Раннеминойскую фазу II С. Вайнберг, также основываясь на находках каменных печатей, относит ко времени IV—VI династий (2900—2500 гг. до н. э.).

Можно согласиться с примерной синхронизацией конца раннеэлладской III и раннеминойской III фаз с периодом XI династии, с концом Трои V и с концом периода ранней бронзы III Киликии. Здесь хронологические заключения С. Вайнберга полностью согласуются с выводами Х. Гольдман.

Далее автор ретроспективно рассматривает более ранние периоды. Фазы раннеэлладской культуры датируются в основном на основании троянских аналогий. В связи с этим С. Вайнберг останавливается на датировках древнейших троянских комплексов и синхронизации их с памятниками Ура, Брака, Алача-Гуйюк, Гисара II, выявляя, таким образом, период, длившийся несколько веков, вплоть до правления Нарамсина (2290—2254 гг. до н. э.). К этому периоду относится начало раннеэлладской II и раннеминойской II фаз, которые примерно синхронизируются между собой на основании параллелей в керамике.

Более ранние периоды могут быть хронологически определены лишь в самых общих чертах. Изучение их затрудняется неравномерностью развития отдельных частей Крита в столь ранний период. В южной части острова бронзовый век начался раньше, чем в центральной, но насколько — установить пока нельзя. Египетский и переднеазиатский импорт в это время крайне ограничен. Он позволяет лишь ориентировочно отнести конец раннеминойской I фазы ко времени III династии (3000 г. до н. э.), а начало этой фазы к I—II династиям (3200—3000 гг. до н. э.). Основанием для этого служат материалы древнейшего поселения Кносса. Вопрос о ранних слоях в восточной и южной частях острова остается открытым. Развитие на материке несколько запаздывает: начало раннеэлладской I фазы синхронизируется по керамическому материалу со средней частью Трои I, но не с ее началом.

Самое начало раннего бронзового века Эгейки, и прежде всего Крита, С. Вайнберг связывает с активным притоком анатолийских культурных элементов, сложившихся в Центральной и Западной Анатолии в эпоху халколита. Было ли это мощным культурным течением или миграцией переднеазиатского населения к западу — этот вопрос остается нерешенным, хотя автор более склоняется ко второму объяснению, что представляется нам закономерным.

В этой связи весьма интересны и достаточно убедительны положения автора о том, что Киклады в своем развитии опережали не только материковую Грецию, но и Крит. На Кикладах выделено два комплекса: древнейший — Пелос и последующий — Сирос. Древнейшая раннеэлладская керамика Пелопоннеса найдена с керамикой группы Сирос, украшенной спиральным резным орнаментом и краской. Вместе с ними найдены металлические украшения, характерные для Трои I. Что же касается группы Пелос, то она древнее Трои I и раннеэлладской фазы I. Это подтверждается находками в соответствующих слоях цилиндрической печати, имитирующей печати Джемдет-Наср (около 3000 г. до н. э.). Весьма интересны наблюдения автора над мраморными статуэтками: среднеэнеолитические статуэтки Греции и Крита рассматриваются как развитая форма стилизованных статуэток комплекса Пелос, которые, в свою очередь, происходят от статуэток неолита и халколита Анатолии. Связи комплекса Пелос протягиваются к Криту и Греции, к Трою, Самосу, Убейду, Мерсину, Амуку, Палестине и Ирану. Предположение С. Вайнберга о сиро-килийском эпицентре группы Пелос может рассматриваться лишь как рабочая гипотеза. Самое важное и убедительное положение автора — это хронологический приоритет Киклад. Оно очень важно для изучения культурных течений и миграций из Передней Азии и еще раз подтверждает возможность восточного пути к Западному Причерноморью.

Обращаясь далее к неолиту Эгейки, С. Вайнберг подтверждает трехчленное хронологическое деление, предложенное им еще в 1947 г.¹³ Наиболее сложно здесь хронологическое расположение позднего неолита, который в Греции одновременен ранней бронзе Киклад и Южного Крита. Наиболее документирована для этого периода фессалий-

¹³ S. Weinberg. Aegean Chronology. Neolithic Period and Early Bronze Age. AJ, LI, 1947.

ская культура Димини. Автор правильно отрицает решающие влияния на нее с севера и связывает основные ее элементы (архитектуру, статуэтки, орнаментальные мотивы) с древнейшими слоями Трои и с Кикладами, причем некоторые из этих элементов появились в Греции еще до сложения культуры Димини. Так, древнейшую полихромную керамику Греции автор связывает с полихромной керамикой Джемдет-Наср. На основании ряда дополнительных данных (керамика, аналогичная Джемдет-Наср, Мерсину XII, пережитки культуры Убеда и Урука) автор приходит к выводу о синхронности позднего неолита Греции с Джемдет-Наср.

Для среднего неолита С. Вайнберг считает руководящей формой серебристо-серые вазы, являющиеся дериватом серых ваз Урука, появляющихся в XIV—XIII слоях Мерсина. Они дают автору основание утверждать, что среднеолитический период протекал внутри периода Урука, возможно, даже с самого его начала. Это подтверждается и другими видами керамики, которые находят аналогии в слоях Тель-и-Бакуна, в слоях, которые Маккауна сопоставляет с ранним Уруком. Центр происхождения этих форм, а также характерных женских статуэток автор видит в Восточной Анатолии. Недостаточно четко освещен в статье вопрос о раннем неолите Эгейского бассейна и о грани между ним и средним неолитом. Автор лишь кратко указывает на синхронность раннего неолита дохалафским слоям Амука и поздненеолитическим слоям Мерсина, на древнейшее появление крашеной керамики, статуэток и печатей.

Таким образом, основная и, как нам представляется, правильная мысль статьи — параллелизм развития Эгейского мира и Ближнего Востока — создает достаточно благоприятную перспективу для значительного уточнения абсолютных дат эгейских памятников. Ценно то, что автор обращает основное внимание не на египетские связи, выраженные отдельными вещами, а на комплексные связи с культурами Передней Азии.

Пожалуй, наиболее трудная задача выпала на долю редактора сборника Роберта Эриха. Его перу принадлежит статья, посвященная относительной хронологии Юго-Восточной и Центральной Европы в неолитический период. Следует отметить, что между авторами различных глав книги существуют несомненные терминологические расхождения. «Неолитический период» Р. Эриха охватывает и энеолит и раннюю бронзу. Он соответствует приблизительно «позднему каменному веку» В. Милойича.

Несмотря на ряд интересных работ, появившихся в последние годы, относительная хронология Европы все еще остается крайне трудной и далекой от окончательного решения проблемой. С указания на некоторые из этих специфических трудностей и начинается своя статья Р. Эриха. Главные из них связаны с весьма ограниченными возможностями перекрестной датировки территории Юго-Восточной Европы при помощи материалов абсолютно датированных областей. Р. Эрих правильно указывает, что для перекрестной датировки мало сходства материала в двух различных областях. Необходимо рассмотреть культурное окружение там и здесь, четко ограничить период бытования основных форм, определить характер развития комплекса и т. д. В Европе задача усложняется незначительной мощностью культурных слоев (Р. Эрих связывает это с характером основного строительного материала, дерева, и с полукочевым образом жизни при мотыжном земледелии) и, главное, отсутствием непрерывных слоев поселений, за исключением отдельных памятников, немногочисленных и не полностью еще введенных в научный оборот (Караново и др. многослойные памятники Болгарии автором не учтены). Далее Р. Эрих подчеркивает, что основная трудность относится к определению хронологического отставания европейских культур, неизбежного при диффузии. Это отставание занимает значительное место во всей его схеме. Возможность отставания, конечно, нельзя отрицать. Но в толковании этого вопроса более прав, как нам представляется, С. Вайнберг, который очень осторожно подходит к вопросу об «отставаниях», считая, что они были не столь значительны, как полагают, и должны определяться конкретно в каждом отдельном случае¹⁴. Основное внимание Р. Эрих уделяет территориям, ближайшим к Эгейскому миру и Анатолии. Македония рассматривается не как «коридор», ведущий на север, а как переходная зона, в которой северные, южные и восточные культурные элементы примешивались к местным особым комплексам, детали которых еще не определены. Быть может, эта мысль и верна, но выражена она более чем неопределенно. Для отрицания же «коридора», идущего вдоль Вардара и Моравы, мы оснований не видим.

Западная Болгария традиционно связывается со среднедунайской культурной сферой, а восточная — с зоной восточноевропейской крашеной керамики. В исследуемую область включены также Венгерская котловина, разделенная на восточную и западную части, а также Словакия и Чехия. Отправными точками для относительной хронологии избраны Средний Дунай и Чехия.

Таким образом, Р. Эрих исходит из географической схемы, ставшей, к сожалению, традиционной. Северное Причерноморье и Кавказ полностью выпадают из нее, а вместе с ними — важнейшие пути, связывающие Восточную Европу с Передней Азией. Такое ограничение лишило автора возможности проверки его построения, основанного лишь на «Балканском пути», что не может быть признано достаточным.

Вначале Р. Эрих рассматривает комплекс Старчево—Кёреш. Он сам называет его древнейшим неолитическим комплексом Среднего Дуная, но далее пытается пересмо-

¹⁴ Имеется в виду именно хронологическое отставание, т. е. более позднее время европейских слоев с переднеазиатскими и египетскими вещами по сравнению с возрастом этих вещей на их основной территории.

треть раннюю его дату (по В. Милойчичу — IV тысячелетие до н. э.). Отметим, что эта попытка вряд ли увенчается успехом. В. Милойчич исходит из факта длительного существования этого комплекса и определенной его эволюции. На основании стилистического анализа он делит его на четыре стадии, приводя для каждой значительный сравнительный материал, главным образом фессалийский. Кроме того, его трактовка комплекса Старчево — Кёреш согласуется с общими хронологическими ступенями, связывающими ряд культурных областей. Р. Эрих же рассматривает комплекс суммарно и столь же суммарно приводит аналогии, главным образом из Центральной Греции. Хронологические рамки комплекса он не определяет, а к возможности хронологического его членения относится слишком осторожно. Недостаточно убедительно звучит и отрицание синхронизации определенной ступени в развитии комплекса Старчево—Кёреш с культурой Сескло на том основании, что некоторые формы Сескло здесь не представлены, а другие могут являться поздними пережитками. Синхронизация с фессалийской культурой Ви соответственно с Тройей I, приводимая Р. Эрихом, может относиться к определенной фазе развития второго комплекса (что утверждает и В. Милойчич), но не ко всему комплексу в целом.

В этой связи надо отметить крайне туманные высказывания автора относительно нижнего слоя Сарваша на Драве и о возможности существования периода, предшествовавшего распространению крашеной керамики. Нам представляется, что о нижнем слое Сарваша можно говорить значительно более определенно, причем именно как о доказательстве несомненного существования такого периода.

Малобудительной представляется нам попытка повысить дату древнейшей неолитической керамики с резными волютами в Чехии и Моравии, отнесенной Милойчичем к IV тысячелетию до н. э. Р. Эрих синхронизирует ее с западновенгерской керамикой с линейным орнаментом, Тиссой I, Бьюком I и Винчей В—С, сравнивая материал всех этих культур суммарно. Связь же с более ранними комплексами (тем же Старчево—Кёреш) ставятся под сомнение на основании общего положения о неизбежности запаздывания развития периферии по сравнению со Средним Дунаем.

Вопросы внутренней синхронизации культуры неолита Центральной и Юго-Восточной Европы рассмотрены в самых общих чертах. Автор пытается выделить ряд хронологических ступеней, основные из которых:

Бьюк I — Тисса I — западновенгерская линейно-ленточная керамика в Чехии (Ia) — Винча В — С — Боян А.

Бьюк II — Цилеш — Шарка (заключительная часть ступени Ia в Чехии).

Бьюк II—III — в Чехии (ступень I б) — Тисса поздняя I и II — Ариушд — Кукутени А.

Сложность соотношения внутри каждой из этих ступеней подчеркнута недостаточно, поэтому создается, например, неправильное представление о полной синхронизации так называемой нотной керамики с Трипольем А и Кукутени А.

Относительно средних слоев Винчи Р. Эрих соглашается с В. Милойчичем и подчеркивает важность киликийских параллелей (Троя II и особенно Троя III—V), позволяющих отнести Винчу С — D ко времени после 2300 г. до н. э.

Конец неолита и неолит автор объединяет в «период III», для которого характерно усиление связей с Югом и Юго-Востоком. В этот период и последовавшее за ним переходное время (Тосег А в Венгрии, предунетицкое в Чехии и пр.) вырабатывались формы раннего бронзового века Центральной Европы, причем ряд локальных черт сохранялся и в последующее время. В III периоде происходит распространение иордансмюльской культуры (слонившейся в результате проникновения ленгизльской культуры Западной Венгрии к северу), синхронной венгерскому медному веку.

С III периодом Р. Эрих связывает движение на юг и на восток из Северной Европы «племен боевых топоров и шнуровой керамики». Автор статьи пытается удревнить это движение на основании находки черепков «шнуровой керамики» в Эвтресисе. В этом вопросе Р. Эрих придерживается старой точки зрения, убедительно и окончательно, как нам представляется, опровергнутой В. Милойчичем¹⁵.

В целом статья производит значительно менее цельное и убедительное впечатление, чем статьи, рассмотренные выше. Полемика автора с В. Милойчичем явно неудачна. В. Милойчич рассматривает свои периоды на широком фоне и создает целые цепочки взаимосвязанных дат. Он прослеживает внутреннюю динамику развития комплексов, изменения их, нарастание или оскудение определенных элементов. Это позволяет ему выделять этапы развития комплексов и весьма конкретно сличать их, выясняя хронологические соотношения. Само сличение В. Милойчич считает сложным процессом, использует ряд различных элементов, добиваясь комплексности сличения. Р. Эрих же противопоставляет В. Милойчичу значительно упрощенную методiku: комплексы рассматриваются в целом, внутреннее их развитие исчезает, сличения производятся суммарно. В статье нет единого логического стержня, отличающего статьи А. Перкинса, С. Вайнберга, Д. Маккауна. Досадно полное отсутствие связи со статьей С. Вайнберга: убедительно прослеженные в ней культурные движения с Ближнего Востока через Киклады, Крит, Балканы не рассмотрены в более северных областях. Поэтому статья Р. Эриха оставляет чувство неудовлетворенности.

¹⁵ V. Milošič. Chronologie der jungen Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin, 1949.

Наиболее слабым в сборнике является раздел, посвященный относительной хронологии доханьского Китая, написанный Л. Уордом (стр. 130—144).

В Восточном Китае в настоящее время известны две земледельческие культуры, формально относящиеся, несмотря на высокий уровень развития производительных сил (гончарный круг, искусственное орошение), к эпохе неолита: Яншао и Луншань. Эти культуры, видимо, в значительной мере были синхронными и развивались на смежных территориях, хотя Яншао, вероятно, древнее Луншаня. Предшествующая будто бы Яншао и Луншаню древнейшая неолитическая культура (стр. 133) является в значительной мере гипотетической. На основании исторической традиции эпоху бронзового века в Китае (Шан-Инь) можно датировать XVIII—XIII вв. до н. э. Датировки более ранних древнеземледельческих культур Китая покоятся на весьма шатких основаниях. Это видно на примере аргументации, предлагаемой Л. Уордом. Сопоставление цветовой гаммы росписи китайской керамики с посудой Анау (стр. 135), серой керамики Луншаня с серой керамикой Гисара II, Анау II, Трой V—VII (стр. 136), а тем более сопоставления с трипольской культурой и позднеевропейской бронзовой эпохой ни в коей мере не могут быть исходными данными для абсолютной хронологии. Сравнения с Ближним Востоком, предлагаемые Л. Уордом, иногда основаны на поверхностном знакомстве с ближневосточным материалом. Об этом свидетельствует, например, объединение Гисара I B и Анау III и их фантастическая датировка 2500—2000 гг. до н. э. (стр. 137).

Нам представляется, что необходим принципиально новый подход к хронологии культуры китайского неолита. Попытки поисков западных аналогий едва ли могут принести решительный успех. Происхождение Яншао от общего источника с другими раннеземледельческими культурами Ирана и Средней Азии теоретически не может быть исключено, хотя обращает на себя внимание, например, различие в составе злаков (Анау — пшеница, ячмень; Яншао — просо и рис). Трудно сказать, предполагает ли совпадение формы триподов Яншао и Гияна III (стр. 135) какие-либо древние культурные связи и, следовательно, хронологическую близость или же это результат спонтанного развития сходных форм. В Китае есть все возможности выработать, опираясь на ранние абсолютные даты китайской исторической традиции, свою собственную систему относительной хронологии.

Поскольку в Китае нет крупных многослойных памятников наподобие месопотамских, методика относительной хронологии китайского неолита, может быть, в какой-то мере будет напоминать археологию Египта. Начало разработки такой хронологии положено системой последовательной смены стилей расписной керамики, отмеченной Андерсоном в Кансу. Хотя для системы Андерсона был предложен ряд дополнений и изменений, в целом намеченная им последовательность развития, видимо, является правильной. Для археологии СССР определенный интерес представляют аналогии между расписной керамикой Чуста (Фергана) и посудой одного из стилей Кансу (Машань). Возможно, что за этими аналогиями скрыты древние культурные связи. Нет сомнений, что интенсивно развертывающееся в народном Китае изучение археологических памятников уже в ближайшие годы даст свои положительные результаты в разработке относительной хронологии и новая стройная система заменит пессимистические выводы, к которым пришел в заключении своей статьи Л. Уорд, убедившись в полной бесплодности избранной им системы западных аналогий (стр. 140).

Выше мы рассмотрели в отдельности каждую статью сборника. Оценивая его в целом, следует помнить прежде всего, что вопросы относительной и абсолютной хронологии являются одновременно и наиболее важными и наименее разработанными вопросами археологии эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы. Поэтому сама инициатива авторов сборника заслуживает всяческого одобрения. И неудивительно, что далеко не все вопросы нашли освещение в их статьях. Можно назвать ряд территорий и ряд тем, обойденных составителями сборника. Из них нам представляются важнейшими материалы Кавказа, Средней Азии и юго-запада СССР, без которых не могут быть решены вопросы хронологии Европы. Можно говорить и о недостаточной четкости в освещении более частных проблем, например проблемы неолитических каменных ваз. Можно, наконец, предьявить претензии методике авторов, не всегда достаточно определенной, особенно в статьях Р. Эрих и Л. Уорда. Но в целом сборник является значительным шагом вперед в работе над важнейшей проблемой¹⁶. Работа эта должна продолжаться, охватывая все новые территории и проблемы. И нам, советским археологам, необходимо включаться в эту работу самым активным образом.

В. М. Массон, Н. Я. Мерперт

¹⁶ В общей оценке книги мы не можем согласиться с рецензией W. C. Brice, напечатанной в лондонском журнале «Map» (т. VII, № 36—57, март 1957).

М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. Материалы и исследования по археологии СССР, № 48. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1956.

Рассматриваемая работа является результатом многолетних исследований одного из выдающихся археологов-сибиреведов М. П. Грязнова в лесостепных районах предгорий Северного Алтая.

Обширные материалы, накопленные раскопками в различных местах по течению Верхней Оби, Бии и Катуня, обогащенные внимательным изучением коллекций центральных и сибирских музеев, составили тот обширный фон, на котором шаг за шагом воссоздана автором история этой части Южной Сибири, начиная с бронзового века и до второй половины II тысячелетия н. э. Свообразие книге придает оригинальный методический прием, который применил М. П. Грязнов. Она не является обобщающим трудом обычного типа, когда вся сумма известных археологических источников используется для воссоздания картины прошлого. В основу книги положен один памятник или, вернее, одна группа памятников, изученных автором в 1946, 1947 и 1949 гг. в урочище «Ближние Елбаны», представляющем собою гряду дюн, расположенную в пойме р. Оби.

«Так как площадь Ближних Елбанов,— пишет М. П. Грязнов,—расчленена на небольшие участки — дюны, то каждый памятник — поселение, могильник — занимает отдельную небольшую площадку с четкими естественными границами... и весь добытый раскопками вещевой материал относительно легко может быть распределен по отдельным хронологическим группам. Вместе с тем неоднократные случаи расположения могильника на дюне, служившей в более раннее время местом поселения..., а также случаи нахождения на одной дюне могильников разных эпох создали возможность контролировать стратиграфическими наблюдениями последовательность хронологических групп памятников, устанавливаемую путем типологического анализа» (стр. 5—6).

Нужно отдать должное исследователю, он мастерски использовал особенности естественного архива, каким являются Ближние Елбаны, и создал интереснейшую книгу, которая, с одной стороны, является монографическим исследованием строго ограниченной группы памятников, а с другой — широким обобщением материалов по трехтысячелетней истории племен Верхней Оби.

Здесь, конечно, нет возможности излагать все фактическое содержание книги М. П. Грязнова — для этого нужен многостраничный реферат. Достаточно сказать, что автор выявляет и детально характеризует следующие ступени в истории верхнеобских племен: андроновскую культуру (причем ближнеелбанские погребения оказываются раннеандоновскими); карасукскую эпоху (до VIII в. до н. э.); большереченскую культуру с тремя этапами — большереченским (VIII—VI вв. до н. э.), бийским (VI—II вв. до н. э.) и березовским (II—I вв. до н. э.), свидетельствующими о постепенном развитии экономики и культуры верхнеобских племен в скифо-тагарское и пазырыкско-сарматское время. За большереченской культурой последовала верхнеобская культура с этапами: одинцовским (II—IV вв. н. э.), переходным (V в.) и фоминским (VI—VIII вв.). В ней ярко отражено постепенное развитие тех элементов, которые и в других областях Южной Сибири привели к формированию на древней культурной основе скифо-сарматского типа нового культурно-исторического комплекса, характерного для эпохи сложения первых государств алтайско-орхонских тюрок, енисейских кыргызов, уйгуров и др. На Оби, по утверждению М. П. Грязнова, кроме этого направления развития, в рассматриваемое время возникают также особенности, связывающие население этой области с Северо-Западной Сибирью и Приуральем.

Следующая, сросткинская культура относится автором к IX—X вв. н. э. главным образом на основании анализа богатейшей коллекции из Сросткинского могильника, хранящейся в Бийском музее. Наконец, в заключение своей периодизации автор описывает не расчлененные пока культурно-исторические группы памятников XI—XVII вв. Рассматривая эти памятники, относящиеся к периоду, когда в Центральной Азии возникли обширные государства и происходили значительные перемещения отдельных групп племен, автор приходит к выводу, что население Алтая входило в состав этих государств на положении подчиненных народов. При этом происходило значительное перемешивание племен и внедрение многочисленных пришлых элементов, что и нашло свое отражение в этнической пестроте того населения, которое здесь встретили русские. Книга М. П. Грязнова исключительно богата фактическим материалом, ярко характеризующим основные линии исторического процесса у насельников Верхней Оби вплоть до XVII в. С большинством характеристик и определений автора трудно спорить, они хорошо обоснованы и четко сформулированы. Богатейший научный аппарат и обилие иллюстраций позволяют всегда проверить автора.

Конечно, как и во всякой другой книге, начинающей изучение истории того или иного района или племенной группы, в исследовании М. П. Грязнова есть и такие положения, которые кажутся спорными.

Здесь я могу остановиться только на одной проблеме, по которой, как мне представляется, М. П. Грязнов делает неправильные выводы. Это — комплекс вопросов, связанных с карасукской культурой.

М. П. Грязнов на стр. 26 рассматриваемой работы заявляет, что распространять термин «карасукская культура», помимо енисейской группы, также «и на другие группы племен карасукского времени — томскую, новосибирскую, верхнеобскую, центральноказахстанскую — не представляется целесообразным. В лучшем случае можно говорить лишь о томском, новосибирском, верхнеобском и других вариантах карасукской культуры» (стр. 26).

Я не останавливаюсь здесь на явном противоречии первого положения второму. Но основное не в этом, а в том, что М. П. Грязнов считает карасукскими группы памятников, которые едва ли можно считать таковыми. Уже томская группа содержит только известные карасукские элементы. Еще в большей степени это можно сказать

о новосибирских памятниках. Наконец, только слабая карасукская «окраска» может быть признана за некоторыми позднеандроновскими памятниками Центрального Казахстана, и совершенно излишней является попытка М. П. Грязнова каким-то образом присоединить к карасукским замараевско-алексеевские памятники в Северо-Казахстанской, Кустанайской и Челябинской областях. Карасукский нож был найден на Северном Кавказе, есть там и круглодонные горшки. Однако едва ли будет правильно для всех этих мест говорить о «карасуком времени», как это делает М. П. Грязнов. При предложении М. П. Грязновым решения стирается грань между собственно карасукскими и некарасукскими памятниками. Между тем изучение коллекций музеев и раскопочных материалов с несомненностью показывает существование трех центров карасукского типа в Южной Сибири: Прибайкалье, Минусинская котловина и Северный Алтай. Связи Прибайкалья с районами Великой стены и Северного Китая древни и теперь получили новое подтверждение благодаря раскопкам А. П. Окладникова на Березовской стоянке, где вместе с ножами карасукско-суйюаньского типа был найден древнекитайский трипод и обломки плоскодонных сосудов с ложносетчатым орнаментом, характерным для эпохи Инь в Китае (до 1024 г. до н. э.). Такая же керамика найдена А. П. Окладниковым и в Фофановском могильнике.

О китайских элементах в енисейской карасукской культуре написано уже достаточно, и для того, чтобы опровергнуть это, нужно специальное исследование, а не критика отдельных фактов, которая приведена в рецензируемом исследовании М. П. Грязнова. Что же касается североалтайского центра, то никак нельзя согласиться с М. П. Грязновым, что будто бы «нет конкретных указаний и на наличие внешних импульсов для сложения тех или иных особенностей культуры верхнеобских племен карасукской эпохи» (стр. 38). Изучение керамики из сс. Камышенки, Суртайского и Елбан (особенно принимаемая во внимание правильное разделение этих материалов М. П. Грязновым на более древние, собственно карасукские, и более поздние, приближающиеся к большереченским) убеждает нас в том, что этот керамический комплекс, особенно в древнейшей части, имеет единственную и самую близкую аналогию в карасукской керамике Среднего Енисея. Форма сосудов, техника их изготовления, орнаментация — всё это в сильнейшей степени отлично от других одновременных культурных явлений: центральноказахстанского «варианта» и более западных позднеандроновских памятников. Это и дает право говорить о возникновении североалтайского варианта карасукской культуры как непосредственно производного от енисейского. Керамика, как известно, больше всего свидетельствует о генетических связях и в данном случае она говорит о них неоспоримо.

Таким образом, новые богатые находки на Елбанах только подтверждают предположение об идентификации области распространения карасукских памятников алтайского варианта с западным расселением племени дин-лин китайских источников¹.

И очень отраднo, что, несмотря на свое резко противоположное мнение, М. П. Грязнов нашел все же возможным заявить, что «эпоха нет доказательств автохтонного развития племен карасукского времени на Верхней Оби» (стр. 38).

Теперь несколько возражений по поводу частных замечаний М. П. Грязнова по карасукским памятникам. Стремясь свести на нет севернокитайские элементы в карасукской культуре, М. П. Грязнов считает, что карасукские особенности будто бы спонтанно возникают на огромной территории и могут только говорить о тесных экономических и культурных связях между собою всех районов, где наличествуют памятники карасукского типа (стр. 38). Однако сам М. П. Грязнов не может отрицать иньского происхождения древнейших чеканов. Правда, он стремится исключить их из карасукского комплекса и отнести к более позднему времени. Но в этом ему противоречит то обстоятельство, что даже в глухой томской тайге это оружие встречается уже в момент перехода от карасукского к большереченскому времени и ни в одном послекарасукском комплексе тагарского времени на Енисее чеканов этого типа не встречено. Таким образом, хронология бытования карасукских чеканов говорит против М. П. Грязнова, а находки в Томском могильнике подтверждают путь распространения чеканов из Минусинской котловины на запад. То же следует сказать и о выемчато-эфесовых кинжалах, самая орнаментация которых (например, читинского и котокельского) не оставляет сомнений в их карасукском возрасте. Находки в Томском могильнике и на Алтае также подтверждают распространение этих орудий с востока на запад.

Что касается известных каменных изваяний, то напрасно М. П. Грязнов считает, что андроновское время изготовления всех их твердо установлено теми фактами, которые он привел в своей статье 1950 г.² Наоборот, его сводка андроновских изваяний только подтверждает их большое своеобразие и значительное отличие от каменных изваяний карасукского типа. Андроновские изваяния — это человеческие фигуры. Карасукские же изваяния — это стелы, у подавляющего большинства которых личина находится в нижней части столба. Связь орнаментики этих стел карасукского типа с китайской подтверждается новыми находками, экспонированными в Абаканском музее. На одной из установленных там стел на тыльной стороне изображен дракон китай-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 182.

² М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950.

ского типа, а по бокам другой изображены змеи, обычные для китайских изображений духа-охранителя входа. Едва ли когда-либо найдется в андроновских памятниках на Енисее тот явно китайский постамент с изогнутыми ножками, на котором возвышается знаменитое Тазминское изображение. Наконец, у ряда карасукских изваяний можно ясно различить изображение тигров³, аналогичной тиграм тех же китайских духов-охранителей.

По поводу кельтов, и особенно кельтов «пещерного» типа, могу только заметить, что их распространение еще более широко по сравнению с ареалом, определяемым М. П. Грязновым и приводимым им в качестве возражения против их восточного происхождения. Однако важно не это, а то, что на востоке эти кельты древнее, а в южнорусских степях относятся к предскифскому и даже скифскому времени. Это позволяет в кельтах «пещерного» типа видеть подтверждение восточноазиатской генетической линии этих вещей. Очевидно, эта линия вообще гораздо более сильна, чем мы считали. Новейшие находки в Аньяне дают уже классические формы карасукских ножей, окончательно разработанные в самом Китае, а изучение орнаментации иньских бронзовых сосудов позволяет отыскать такие орнаментальные комплексы, которые оказываются целиком перенесенными на карасукские сосуды Минусинской котловины.

Что касается антропологических данных, то если последние находки в карасукских погребениях и увеличивают число европеоидных особей, то это только подтверждает справедливость характеристики, данной дин-динам в хронике «Бэй ши». Однако необходимо учитывать и замеченную Г. Ф. Дебецом значительную севернокитайскую примесь, которая так же, как и археологический материал, говорит о генетических связях с Китаем.

На этом я вынужден остановиться. Однако интересная и методически оригинальная книга М. П. Грязнова заслуживает того, чтобы были обсуждены и другие ее части. Так, было бы крайне желательно, чтобы специальному обсуждению подвергся вопрос о соотношении фоминского этапа верхнеобской культуры с усть-полуйскими древностями Нижнего Приобья. В настоящее время для фоминского этапа мы имеем датировку М. П. Грязнова (VI—VIII вв. н. э.), а для близких к ней памятников усть-полуйского типа — датировку В. Н. Чернецова (II в. до н. э.— II в. н. э.). Необходимо принять меры к разъяснению этого противоречия, может быть, путем специальной дискуссии. Нужно отдать справедливость М. П. Грязнову, который в рецензируемой книге сделал серьезные шаги к уточнению и доказательству своей точки зрения, предприняв для этого изучение нижеобских материалов. Таким образом, материал для дискуссии в известной мере уже подготовлен. «История древних племен Верхней Оби» является серьезным исследованием, заслуживающим всяческого внимания археологов и историков Сибири.

С. В. Киселев

³ М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 133, рис. 1, 2, 3; стр. 135, рис. 2, 5.

K. M a j e w s k i. *Kultura materialna starożytnej Grecji.* Warszawa — Wrocław, 1956, 466 стр.

Книга, написанная коллективом авторов при участии и под редакцией К. Маевского, представляет собой альбом с подробными аннотациями, посвященный памятникам материальной культуры древней Греции. Он охватывает почти все области материальной культуры: строительное дело, сельское хозяйство, ремесла (обработка глины, дерева, металла, камня, ткачество и портняжное ремесло), военное дело, дороги, транспорт, торговлю; большой раздел посвящен механике. Книга снабжена библиографией, картой и индексами. Внутри каждого раздела материал расположен в хронологическом порядке.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: преподавателей истории, студентов-историков, археологов и искусствоведов. Она написана простым, серьезным языком с большим знанием материала и представляет интерес также и для специалистов, тем более, что авторами учтен весь археологический материал новейших раскопок.

Объем отдельных описаний определяется степенью значимости данного памятника. Наиболее подробно авторы останавливаются на архитектурных комплексах, таких как Афинский акрополь, Олимпия, на архитектуре Александрии, Милета, Олинфа и др. Эти описания очень хороши. Несмотря на краткость, они дают представление об архитектурном комплексе (о его особенностях, о его развитии). Очень удачен раздел об обработке камня. Интересна таблица скульптурных инструментов и образцов скульптуры со следами работы этими инструментами. Авторы сумели сочетать краткость со строгой научностью, и это одно из больших достоинств книги.

Удачен подбор иллюстративного материала, привлечено много малоизвестных, но очень интересных памятников и ряд вновь открытых. Однако не все рисунки одинаково хорошо технически выполнены.

В разделе ювелирных изделий следовало бы больше привлечь произведений греческих ювелиров, найденных на территории СССР (как, например, серьги из Куль-Обского кургана, из Феодосии или из Херсонеса, налучье из Четомлыцкого кургана с мифологической сценой). Эти вещи принадлежат к таким произведениям искусства, в которых исключительное техническое мастерство находится в полном соответствии с красотой художественного замысла.

В тексте есть некоторые неточности. Так, на стр. 250 помещен рисунок с красно-фигурной аттической пелики, изображающей мужчину, юношу и мальчика, увидевших весеннюю ласточку, и сказано, что она находится в Риме, в музее Ватикана. В действительности же эта пелика хранится в Эрмитаже в Ленинграде уже в течение многих десятилетий¹.

В разделе об архитектуре жилищ, на стр. 41, приведена реконструкция дома в Ольвии, выполненная Б. В. Фармаковским. Между тем, реконструкция этого же дома, предложенная И. Н. Соболевым, представляется более убедительной².

Н. Н. Бритова

¹ О. Вальдгауер. Краткое описание собрания античных расписных ваз Эрмитажа. СПб., 1914, табл. III.

² Всеобщая история архитектуры, т. II, ч. 2, М., 1948, стр. 375, табл. 6.

Теофил Иванов. Римска мозайка от Улпия Ескус. Българска Академия на Науките. Художествени паметници в България. Книга втора. София, 1954. 35 стр. + XXII табл.

Книга Т. Иванова представляет собою публикацию и исследование памятника античного декоративного искусства, обнаруженного на территории Болгарии, — мозаичного пола. Мозаика была открыта при раскопках римского города Ульпии Эска в Северной Болгарии¹.

В книге имеется детальное описание этой мозаики, анализ техники, исследование сюжета центральной сцены (так называемой эмблемы; рис. 1), определение времени сооружения мозаики и оценка ее значения для истории античного искусства.

Богатые воспроизведения мозаики на таблицах и детальное описание ее в тексте делают этот замечательный памятник достоянием широких масс исследователей.

Т. Иванов указывает, что раскопки римского города Ульпии Эска ведутся с 1947 г. Археологическим институтом и Археологическим музеем Болгарской Академии наук (вскрыто 12 000 м²). Исследуется юго-восточная часть города, где открыты три улицы, термы, четыре лавки, жилые дома, храм Фортуны; там же раскапывается большое здание, в одном из помещений которого и обнаружен мозаичный пол.

Мозаичный пол занимает четырехугольное поле размером 9,75 × 8,97 м. В центре его, в прямоугольном поле (2,95 × 1,63 м) находится полихромная картина; все остальное пространство занято геометрическим орнаментом, исполненным в черном и белом цвете. Вследствие вторичного использования помещения с мозаичным полом, а также кладочислательских раскопок центральная часть и орнаментальное обрамление мозаики были немного повреждены.

Особое внимание исследователя уделено сюжету центральной картины. Т. Иванов считает, что здесь изображена театральная сцена с четырьмя актерами, из которых три изображены в масках. Над головами актеров имеется греческая надпись: [Μ]ΕΝΑΝΔΡΟΥ ΑΧΑΙΟΙ. На основании анализа изображений фигур актеров и надписи автор определяет сцену как изображение последнего момента ссоры Ахилла с Агамемноном из-за Бризеиды, когда Ахилл подчиняется решению Агамемнона. Агамемнон — актер слева, стоящий отдельно, с жезлом в руке; он имеет суровое и гневное выражение лица-маски. Ахилл — молодой актер справа с выражающей отчаяние лицом-маской, обращенной к Агамемнону. Сидящий в центре старец с белыми волосами и желтым лицом — мудрый Нестор. Молодой человек без маски около Ахилла — Патрокл. С левой стороны всей сцены изображена дверь, с правой — жертвенник. Автор считает, что Менандр, названный в надписи, мог быть знаменитым Менандром-афинянином (342—291 гг. до н. э.), создателем новой аттической комедии. Среди сохранившихся комедий Менандра название «Ахейцы» не встречается, но оно может относиться и к

¹ Развалины Ульпии Эска находятся на расстоянии около 5 км от места впадения р. Искра в Дунай, близ с. Гиген. См. ИБАД, т. V, 1915, стр. 190. К тексту приложены 22 таблицы воспроизведения мозаики; в тексте имеется 7 рисунков, изображающих ряд памятников искусства, привлекаемых автором для объяснения сюжета эмблемы. 14 из 22 таблиц воспроизводят мозаику в цвете. Много внимания уделено воспроизведению деталей мозаики.

Рис. 1. Изображение центральной сцены мозаичного пола из Ульпии Эска

не дошедшему до нас произведению. Сюжеты комедий Менандра брались обычно из повседневной жизни, но в списке произведений, приписываемых Менандру, Филемону и Дифилосу, имеются комедии и с мифологическими сюжетами. Маски актеров на мозаике из Ульпии Эска — трагические, однако это не исключает возможности комического характера сцены, она могла быть пародией на мифологический сюжет.

Эмблема исполнена в богатой гамме красок. Т. Иванов указывает 27 оттенков цвета. Восьмиугольник с театральной сценой обрамлен сложной полихромной плетенкой; ее цвета так подобраны, что шнур кажется рельефным. Кроме того, восьмиугольник обрамлен орнаментом из черных и белых кубиков, уложенных в шахматном порядке. Треугольные поля по сторонам восьмиугольника отграничены таким же орнаментом. В треугольниках изображены кабан, лев и медведь, в боковом поле справа — рыбы, плывущие в разные стороны; они исполнены в серебристых, бледно-голубых, зеленоватых и розовых тонах, переданы движущиеся за ними тени; в противоположном поле представлен петушинный бой.

Автор отмечает, что весьма реалистические изображения кабана, льва, медведя и петухов напоминают об охоте, цирковых играх и петушиных боях, столь распространенных по всей Римской империи.

Автор подчеркивает, что техника исполнения мозаики из Ульпии Эска свидетельствует об опытности и искусстве мозаичиста. При выкладывании кривых линий мозаичист употребил камешки размером 5—6 мм, различной формы. Большие поля и первый орнаментальный пояс вокруг картины исполнены кубиками в 1 см²; остальной орнамент выполнен из кубиков величиной 1,5 см², боковые стенки кубиков не совсем гладкие. Материал кубиков — чаще всего мрамор различных цветов (белый, розовый, кремневый, серый, черный и др.), затем — обожженный кирпич; в одном случае употреблено зеленое стекло.

В результате тщательного изучения широкого круга римских мозаик автор приходит к заключению, что мозаика из Ульпии Эска может относиться к концу II — началу III в. н. э. Эта датировка основана на следующих соображениях.

На итальянских мозаиках периода Августа эмблема захватывает весь мозаичный пол, а геометрический орнамент является лишь рамкой. С течением времени происходит увеличение поверхности пола, занимаемой орнаментом за счет уменьшения эмблемы. Форма поля эмблемы также меняется: при Антонинах обычная форма эмблемы — прямоугольник, при Северах часто встречается шестиугольник, в конце римской эпохи — восьмиугольник. Однако могут быть и отклонения. Для I—II вв. н. э. характерны черные силуэтные фигуры на белом фоне; с середины II в. н. э., и особенно в III и IV вв. н. э., широко распространяются полихромные мозаики. Обычно в более поздних мозаиках (IV в. н. э.) действие разбивается на отдельные эпизоды, а в театральной сцене мозаики из Ульпии Эска передан единый цельный момент действия. Датировке мозаики концом II — началом III в. н. э. не противоречит и тип орнамента.

Т. Иванов справедливо дает мозаике высокую оценку: мозаика из Ульпии Эска свидетельствует о высоком состоянии мозаичного искусства Мезии во II—III вв. н. э., она

является самой художественной из мозаик, найденных до сих пор в Мезии и Фракии эпохи римского владычества. Вместе с тем, она представляет собою ценный источник для истории античного театра в римских провинциях: можно думать, что сюжет мозаики из Ульпии Эска был навеян самими представлениями комедии. Таковы весьма убедительные положения автора.

Мозаика из Ульпии Эска представляет собой характерный памятник римского декоративного искусства с его особым пристрастием к геометрически правильным членениям поверхности на четырехугольники, круги и многоугольники.

Появление и развитие в римских мозаиках II—III вв. красочной эмблемы, сочетающей мягкие полутона и контрасты света и тени, возможно, связано с усилением эллинистических элементов в римском искусстве. Этим, может быть, и объясняется появление в эмблеме театральной сцены, весьма характерной именно для эллинистических мозаик², хотя нужно отметить, что эти сцены встречаются и в римском искусстве³. С другой стороны, эллинистические традиции могли сохраниться в искусстве на территории самой Болгарии⁴. Во всяком случае, совершенно справедливо замечание автора книги о том, что в наличии греческой надписи (в то время как официальный язык Ульпии Эска был латинский) проявляются традиции эллинистической культуры в Мезии в период римского владычества.

Конечно, преждевременно говорить о каких-то местных особенностях мозаичного искусства Мезии и Фракии⁵. Однако при сравнении этой мозаики с мозаиками различных частей огромной Римской империи можно отметить некоторые ее отличия.

Большая часть поля мозаики из Ульпии Эска занята геометрическим орнаментом. Особое значение орнамента характерно и для мозаик Германии⁶.

В отличие от итальянских мозаик, в ранних германских мозаиках эмблема фактически отсутствует; всё поле мозаики заполнено спокойной композицией из геометрических фигур (кругов, квадратов, ромбов), очерченных двойными линиями, с небольшим изображением в центре поля (черный рисунок на белом фоне)⁷. С середины II в. н. э. белый фон исчезает под многокрасочным орнаментом, число вписанных картин увеличивается, все большую роль в обрамлении геометрических фигур начинает играть плетенка, появляются перспективные построения отдельных полей с небольшими изображениями внутри их, композиция мозаики становится все более беспокойной и подвижной. Эти черты наиболее полного развития достигают в III в. н. э., лучшими примерами могут служить мозаики Трира⁸ и Неннига⁹.

Галльские мозаики также имеют более дробное и сложное построение орнамента вокруг центральной эмблемы, например мозаика в Ниме II в. н. э.¹⁰

В отличие от перечисленных мозаик, мозаика, открытая в Ульпии Эске, отличается простотой членений и строгостью построения орнамента.

С другой стороны, эллинистические черты мозаики, Ульпии Эска выступают в значительно менее чистой форме, более переработаны, чем в мозаиках восточных провинций, например антиохийских; в более ранних мозаиках Антиохии (конца I в. до н. э.—I в. н. э.¹¹) сохраняется правдивость пропорций и ракурсов, трехмерность фигур, построение их в пространстве, тонкая работа полутонами, приближающая мозаику к живописи — черты, свойственные эллинистическим мозаикам¹²; в центральном поле картины обычно помещается мифологический сюжет, причем действие чаще всего происходит среди пейзажа; в некоторых мозаиках сохраняются традиции пергамской школы, например в мозаике с изображением Океана¹³. В более поздних мозаиках Антиохии наблюдается некоторое упрощение и огрубение эллинистических форм, тенденция к некоторой плоскостности¹⁴. В трактовке театральной сцены эмблемы мозаики из Ульпии Эска тенденция к плоскостности выражена ярче. Архитектурный пейзаж отсутствует, вместо него — белый фон. Остатки архитектуры (пол, дверь) здесь не служат для создания иллюзии пространства; они служат скорее для заполнения пустой поверхности

² M. Bieber, C. Redenwaldt. Die Mosaiken des Dioskurides von Samos. JDI, т. XXVI, 1911, стр. 1 и сл.

³ E. Bothe. Die antiken Terenz-Illustrationen. JDI, т. XVIII, 1903, стр. 93—108.

⁴ Например, опубликованные Н. Мавродиновым росписи Казанлыкского склепа — одного из лучших памятников живописи IV—III вв. до н. э. См. Н. Мавродинов. Живопись античной гробницы в Казанлыке. ВДИ, 1954, № 2.

⁵ В последнее время в Болгарии открыты новые мозаики — как в Ульпии Эске, так и в других местах, — но они пока не опубликованы.

⁶ См. E. K ü g e r. Römische Mosaiken in Deutschland. AA, 1933, III/IV, стр. 678.

⁷ Там же, рис. 2.

⁸ Там же, рис. 16 и 17.

⁹ Там же, рис. 13.

¹⁰ P. Gaucler. Musivum Opus. Ch. D a r e m b e r g et E. S a g l i o. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. 3, p. 2. Paris. 1904.

¹¹ C. R. Morey. The Mosaics of Antioch. London — New-York — Toronto, 1938, табл. I—III.

¹² Об эллинистических мозаиках см. E. P e r n i c e. Pompeianische Mosaiken. Die Antike. T. XIII, 1937, стр. 48.

¹³ C. R. Morey. Ук. соч., табл. IV.

¹⁴ Там же.

пола — дверь с одной стороны и жертвенник с противоположной расположены симметрично, их ракурсы не связаны единой точкой зрения. Пол в виде неправильной трапеции помещен перед фигурами, а не под ними, вверху ему соответствует надпись. Лица-маски актеров (согласно моменту действия) обращены друг к другу и чрезвычайно выразительны благодаря крупным чертам и контрастам света и тени; но их фигуры, закутанные в плащи, показаны в фас и почти в одной плоскости; наблюдается также некоторая непропорциональность: головы слишком большие, шеи слишком широкие.

В изображениях зверей наблюдается неровность исполнения. Эллинистический тип льва, столь часто встречающийся в мозаиках Помпей, Рима¹⁵ и Антиохии¹⁶, в общем сохраняет свою выразительность и красочность, но у него совершенно одеревеневшая поднятая лапа, а земля под ним изображена в виде широкой полоски, которая поднимается соответственно контуру поднятой ноги, приобретая тем самым орнаментальное значение. Медведь изображен очень плоско и совершенно безжизненно. В сцене петушиного боя петухи представлены очень живо и правдиво. Хорошо сохранились эллинистические традиции в мотиве плывущих рыб и движущихся за ними теней, в живописной манере их изображения¹⁷.

Вместе с тем, в мозаике из Ульпии Эска нет столь ярко выраженного местного колорита, как в мозаиках африканских, где ярко отражена местная природа и местный быт¹⁸. Но можно думать, что выразительный рисунок страшного дикого кабана, исполненный в серо-лиловом цвете, имеет местные истоки, так как кабан связан с местным культом бога-охотника¹⁹.

Думается, что дату мозаики (конец II—III в. н. э.) можно уточнить, отнеся мозаику определенно к III в. Черно-белый сетчатый орнамент, который Т. Иванов датирует I—II вв. н. э., встречается и позже. Полную аналогию орнаменту мозаики из Ульпии Эска мы находим в Милете, в портике двора богатого дома второй половины III в. Милетская мозаика выполнена в черном и белом цветах с редкими включениями желтого. Стилистически близка мозаике из Ульпии Эска мозаика римской виллы дель-Казеле на Piazza Armerina, относящаяся к III в. н. э.²⁰

Крайне интересно было бы знать стратиграфию слоев раскапываемого здания, где была найдена мозаика, а также получить описание росписей соседнего помещения, о которых автор бегло упоминает в своей статье, напечатанной уже после выхода книги²¹. Надо ожидать, что эти материалы будут опубликованы в отчете о раскопках Ульпии Эска.

М. М. Кобылина

¹⁵ С. R. Morey. Ук. соч., табл. IX.

¹⁶ E. Pernice. Ук. соч., табл. II, III.

¹⁷ С. R. Morey. Ук. соч., табл. IV; E. Pernice. Ук. соч., рис. 9, 11.

¹⁸ R. Lantier. Les grands champs de fouilles de l'Afrique du Nord 1915—1930. AA, 1931, т. III/IV, стр. 463—575.

¹⁹ O. Hamdy-Bay. Le sanglier de Menzen. RA, 1908, № 1, табл. VIII, IX.

²⁰ Fasti Archeologica, т. VI, стр. 4691, рис. 133.

²¹ Т. Иванов. Един забележителен паметник на античното мозаично изкуство от Улпия Эскус. Изкуство, 1955, № 2, стр. 106.

Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque. Par Jean Mazard, préface par Jean Babelon, Paris, 1955, 264 стр. (стр. 235—262— таблицы фототипий). Тираж 3000.

Нет необходимости останавливаться на том, какое большое значение не только для развития нумизматики, но и для плодотворной разработки многих исторических проблем имеет издание по возможности полных сводов монет отдельных стран или даже городов. В науке наметились разные типы таких изданий, но ни одна попытка создать исчерпывающий свод нумизматических памятников античного мира в целом или его самостоятельных частей не была доведена до конца¹. В последние десятилетия на Западе почти прекратилась работа в этом направлении, и даже широко задуманное издание «Sylloge Nummorum Graecorum» вылилось в конечном итоге в публикацию богатой копенгагенской коллекции и ряда частных собраний². Тем с большим удовлетворением всякий нумизмат и историк античного мира встречает появление небольшого тома, представляющего собою долгожданный корпус древних монет Северной Африки, точнее — ее западной части (нынешних Алжира и Марокко).

Попытка собрать воедино интересные и важные монеты древней Нумидии и Мав-

¹ F. Imhoof-Blumer. Die antiken Münzen Nordgriechenlands. TT. 1—3, Berlin, 1898 сл.; ср. E. Babelon et Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques de l'Asie Mineure. T. 1, вып. 1—4, Paris, 1904 сл.

² Danish Series: The Royal Collection of Coins, вып. 1—29, Copenhagen, 1942—1948; British Series: коллекции Спенсер-Черчилля, Ллойда, Локетта, Эванса, Фитцвиллиама и «Ashmolean Museum» (London, 1931).

ритании была предпринята еще около ста лет назад: однако труд Л. Мюллера, весьма серьезный для своего времени, нельзя не признать во многих отношениях устаревшим; работа же Л. Шаррье даже в момент своего выхода не отвечала строгим требованиям науки³. Между тем, в течение XX в. почва древней Нумидии дала несколько богатых кладов, а в самые последние годы в научный оборот были введены редчайшие золотые монеты Юбы II. Таким образом, новую сводную работу, посвященную монетам Нумидии и Мавритании, нельзя не признать желательным обогащением нумизматической литературы.

Корпус президента Французского нумизматического общества Жана Мазара, зарекомендовавшего себя рядом публикаций и исследований по истории монетного дела древности, отличается полнотой и стоит на высоте задачи. Книга снабжена очень сжатым введением (за более подробными сведениями следует обращаться к известной работе С. Гзелля⁴), в котором дается характеристика задач труда, очерк литературы предмета (стр. 7—8), весьма ценный обзор коллекций, предоставивших основной материал для издания (стр. 9—10), краткие методические замечания (стр. 10—12), а также таблица алфавитов (стр. 5) и карта (стр. 14). После этого следуют три главы, составляющие первую часть, посвященную систематическому описанию монет царей и династии Нумидии (стр. 15—56, №№ 1—102). Здесь, как и в дальнейшем, словесное описание монет не отличается тяжеловесной мелочностью немецких изданий, но это искупается тем, что помимо фотографий, помещенных на таблицах в конце книги, почти все монеты изображены и в тексте в виде несколько схематизированных, но достаточно выразительных прорисовок. Такое соединение фотографий и рисунков, когда почти каждая монета представлена дважды, кажется нам очень удачным приемом, позволяющим избежать многословных описаний и дающим точное и наглядное представление о монетах.

Вторая часть книги Ж. Мазара содержит описание монет царей Мавритании. После двух небольших глав, в которых рассмотрено всего 22 разновидности монет предшественников Юбы II (стр. 57—70, №№ 103—124), следуют две обширные главы, посвященные монетам этого правителя и его сына Птолемея. Как известно, при последних царях Мавритании чеканилось немало монет, особенно серебряных. В рецензируемом сочинении учтено 273 варианта монет, выпущенных в течение долгого царствования Юбы II (25 г. до н. э.—23 г. н. э.) и 117 вариантов монеты Птолемея (23—40 гг. н. э.; см. стр. 76—126, №№ 125—397 и стр. 128—147, №№ 398—514), в том числе редчайшие золотые (стр. 108, №№ 297—298 и стр. 128, №№ 398—399). Описанию предшествуют краткие очерки монетного дела при этих царях, представляющие интерес для истории не только Северной Африки, но и всей Римской империи в период раннего принципата (стр. 71—76 и 127—128).

Существенной особенностью значительной части монет Юбы II и всех монет его сына является то, что они снабжены датами (по годам правления царей, начиная с 6 г. Юбы, и постоянно с 30 г. его правления). Однако составитель корпуса отдал дань устарелой традиции и расположил монеты не в хронологическом порядке⁵, а по типам изображений, размещая последние в порядке предлагаемой им классификации. Но сама эта классификация не всегда удачна, тем более, что принципы ее не выдерживаются с достаточной строгостью; непонятны, например, мотивы, заставившие Мазара, специально выделяющего среди монет Юбы II в отдельную группу «types consacrés à Auguste», отнести монеты с изображениями посвященного Августу храма или алтаря к другому разделу (ср. стр. 79—83, №№ 144—165 и стр. 90—93, №№ 204—221).

Большой исторический интерес представляет типология монет Юбы II и Птолемея. Еще А. Л. Бертье-Делагард обратил внимание на общность ряда монетных типов в государствах, расположенных на крайнем юго-западе античного мира и на его дальнем северо-востоке: на монетах последних царей Мавритании находим, наряду с типами местного характера (олицетворение Африки, слон, крокодил, египетские символы), такие изображения, которые не только известны на монетах Боспора, но и трактованы совершенно одинаковым образом⁶. Примеры наиболее полных совпадений указаны в таблице⁷.

³ L. Müller. Numismatique de l'ancienne Afrique. ТТ. I—III. Copenhagen, 1860—1862, Supplément, 1874; L. Charrier. Description des monnaies de la Numidie et de la Mauretanie. Maçon, 1912.

⁴ S. Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. 2-е изд. ТТ. I—VIII, Paris, 1920—1930.

⁵ Удачным примером такого исторического подхода к нумизматическому материалу является каталог монет Римской империи, хранящихся в Британском музее. См. H. Mattingly. Catalogue of Coins of the Roman Empire in the British Museum, тт. I—V, London, 1923—1949, т. IX, 1951.

⁶ А. Л. Бертье-Делагард. О монетах властителей Боспора Киммерийского. определяемых монограммами. ЗООИД, т. XXIX, 1911, стр. 150.

⁷ В таблице приняты сокращения: З — А, Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951; Б — П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Ч. I, Одесса, 1884. Без условного сокращения — номера рецензируемого корпуса.

	Мавритания		Боспорское царство				
	Юба II (25 г. до н. э.—23 г. н. э.)	Птолемей (23—40 гг. н. э.)	Асандр (47— 17 гг. до н. э.) и Динамия (17 г. до н. э.?)	С моно- граммой из букв BA (конец I в. до н. э.—нач. I в. н. э.)	Митридат (41—45 гг. н. э.)	Котий I и Нерон (45—69 гг. н. э.)	Рескупорид II (69—82 гг. н. э.)
Орел	204—207, 296, 389			3, табл. XLV, 3			
Увенчанная змея	298			Б, табл. XXIV, 22			
Дельфин и трезубец	260			3, табл. XLIV, 19			
Рог изобилия	246	465		3, табл. XLV, 8			
Кадуцей в венке		487—489		Б, табл. XXIV, 24			
Кадуцей		490, 509		3, табл. XLV, 7			
Лев и звезда	141	500—501		3, табл. XLIV, 18			
Голова ло- шади		406, 510		Б, табл. XXIV, 12			
Полумесяц и солнце	189—192, 299—300	504—505	3, табл. XLIV, 14	3, табл. XLIV, 20	3, табл. XLVI, 4		
Атрибуты Геракла	176—187			3, табл. XLV, 2	3, табл. XLVI, 6		
Венок	228, 275	507				3, табл. XLVI, 14	Б, табл. XXVII, 122
Храм	153—156	464				3, табл. XLVII, 17	
Ника	196—203, 280—289	511	3, табл. XLIV, 4—6		3, табл. XLVI, 5	3, табл. XLVI, 15	Б, табл. XXVII, 123
Курульное кресло		399, 440—450				3, табл. XLVI, 17	Б, табл. XXVII, 122

Сравнение монет Мавритании и Боспора, современных первым десятилетиям Римской империи, свидетельствует о таком сходстве типов, которое трудно счесть простой случайностью. Вряд ли можно при этом, следуя объяснению А. Л. Бертье-Делагарда, сводить причины этого только к родству правивших в обоих государствах династий (Пифодорида, супруга Полемона I, приходилась племянницей Клеопатре, жене Юбы II), тем более, что наличие сходных изображений прослеживается и в типологии монет Фракии, Понта и Каппадокии, т. е. охватывает все зависимые в той или иной мере от Рима мелкие государства. Ограничимся лишь немногими примерами. Царский трон с венком и скипетром совершенно одинаково представлен на серебре Юбы II (№№ 193—195) и на медных монетах одрисского царя Реметалка, его современника⁸; и в Мавритании и во Фракии находим изображения Ники⁹, рога изобилия¹⁰, всадника¹¹ и др. С другой стороны, козерог на монетах Юбы (№ 210) и Птолемея (№ 451) не только является составной частью монетных изображений фракийских царей¹², но известен в точно таком же виде на монетах Пифодориды, чеканенных в Понте¹³; это

⁸ Н. А. Мушмов. Античные монеты на Балканский полуостров. София, 1912, стр. 340, №№ 5787—5789, 5791, 5795, табл. XL, 8.

⁹ J. Mazaqd. Ук. соч., №№ 203, 511; ср. Н. А. Мушмов. Ук. соч. стр. 340, № 5790, стр. 341, №№ 5802—5803, табл. XL, 4.

¹⁰ J. Mazaqd. Ук. соч., № 240 слл., 465 слл.; ср. А. В. Орешников. Дополнения к нумизматике Ольвии, Херсонеса и Понта. Нумизматический сборник, т. III. М., 1915, стр. 192.

¹¹ J. Mazaqd. Ук. соч., № 236; ср. А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 220, № 10, табл. 1.

¹² Например, см. Н. А. Мушмов. Ук. соч., стр. 340, №№ 5782, 5785, 5786, 5790 и др., табл. XL, 1, 3 и 11.

¹³ Ch. Giel. Kleine Beiträge zur Antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886, табл. II, 24; ср. E. Babelon et Th. Reinach. Ук. соч., т. I, вып. I. Paris, 1904, табл. III, 8.

же можно повторить о роге изобилия, не говоря уже о том, что обычные монеты Птолемея II¹⁴ одними только именами отличаются от серебряных монет, битых Юбой II совместно с Клеопатрой (№№ 360, 367, 369—370) или Птолемеем (№№ 375—377). Наконец, атрибуты Геракла точно так же расположены на монетах Юбы (№ 176 сл.), как и на одновременных монетах Каппадокии, чеканенных в годы правления царя Архелая, второго мужа Пифодориды (36 г. до н. э. — 17 г. н. э.)¹⁵. Все эти факты должны, по-видимому, свидетельствовать о том, что в эпоху Августа и его ближайших преемников подвластные Риму цари черпали типы изображений на своих монетах из общего источника; причем многие из этих изображений прямо показывают их зависимость от Рима. Не развивая здесь этих соображений во всем их объеме, заметим, что Юба, подобно боспорским царям, принял римское имя Гая Юлия (на Боспоре находим многочисленных Тибериев Юлиев — различие, очевидно, лишь во времени принятия этого имени)¹⁶, кроме того, появление на монетах Мавритании одного из типов изображений, широко распространенных впоследствии на Боспоре, находит себе прямое разъяснение в литературной традиции¹⁷ и проливает, таким образом, свет на значение и смысл подобных изображений на Боспоре.

Особую группу монет царей Мавритании представляют монеты, чеканенные в их честь городами, и притом не только на территории их царства, но и в соседней Испании (стр. 126, №№ 396—397 и стр. 147, №№ 512—514). Эти интересные нумизматические памятники хорошо согласуются с литературными¹⁸ и эпиграфическими источниками¹⁹, которые показывают, что цари Мавритании исполняли обязанности дуумвиров в таких городах, как Гадес или Нсвий Карфаген; нам представляется, однако, что монеты Испании следовало бы исключить из числа монет древней Африки и включить в корпус в качестве приложения.

Последняя часть книги Ж. Мазара заключает описание монет городов Нумидии и Мавритании — Цирты (современная Константина), Икозиума (современный Алжир), Русаддира и др. (стр. 151—195, №№ 515—651). Здесь, к сожалению, материал, значительно возросший со времени Мюллера, все еще очень отрывочен, и хронологическое приурочение отдельных серий (а следовательно, и их историческое объяснение) не всегда может считаться окончательным.

В приложениях к рецензируемому сочинению помещено два excursus (монеты Бальбы и Банасы, стр. 197—202, и монеты, не поддающиеся пока более точному определению, стр. 203—207) и ряд указателей: именной указатель, список пунических легенд, список греческих и латинских легенд, хронологический обзор датированных монет, обзор надчеканок и клейм (стр. 211—213). Наконец, ряд технически хорошо выполненных и полно охватывающих материал фототипических таблиц завершает книгу (стр. 235—262 общей пагинации). Не приходится говорить, насколько этот богатый аппарат и многочисленные иллюстрации облегчают пользование книгой и повышают ее ценность.

Корпус Ж. Мазара имеет ряд несомненных достоинств; он, прежде всего, отличается полнотой, хорошим подбором иллюстраций, ясностью описаний. Но нельзя не отметить и некоторых недостатков: автор не учитывает коллекций СССР, где имеются монеты древней Африки; принятой им система группировки монет царей Мавритании не вскрывает исторически обусловленных изменений в выборе типов; наконец, не уделено должного внимания и столь важному вопросу, как вес монет. В самом деле, не только медные, но и значительное большинство серебряных монет приводится в корпусе без указания их веса, что, на наш взгляд, совершенно недопустимо в издании такого рода, так как не избавляет исследователя метрологических проблем от необходимости обращаться к разрозненным и частично устаревшим публикациям, каталогам и т. п. Нельзя признать исчерпывающими и вводные замечания, равно как и объяснения значения некоторых типов. Но при всем том книга Ж. Мазара должна быть признана серьезным вкладом в науку.

П. О. Карышковский

¹⁴ E. Babelon et Th. Reinach. Ук. соч., табл. III, 11, 13, 15, 17—24.

¹⁵ Ср. А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 145—147.

¹⁶ S. Geil. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, 2-е изд., т. VIII, Paris, 1930, стр. 207—208.

¹⁷ Начиная с 5 г. Птолемея на его монетах появляется хорошо известное на Боспоре от Котия I до Савромата II изображение курульного кресла с венком (№ 440 сл.); согласно словам Тацита (Annal., IV, 26), эта «старинная почесть» была возобновлена для царя Мавритании после победы над Такфаринатом и означала дарование права на триумф. Едва ли можно сомневаться, что и Котий получил подобные отличия после победы над мятежным царем Митридатом. О значении изображений курульного кресла на Боспоре нами подготовлена отдельная работа, где этот вопрос рассмотрен с различных точек зрения.

¹⁸ A vie p. u. s. Ota marit., 275—283 (ср. ВДИ, 1939, № 2, стр. 232).

¹⁹ CIL, т. II, № 3417.

Martha Boyer. Mongol Jewellery. Researches on the Silver Jewellery Collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions under the Leadership of Hening Haslund-Christensen 1936 — 37 and 1938 — 39. København, I Kommission Hos Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag, 1952, 223 стр.+121 рис.+2 табл.+1 карта (Nationalmuseets skrifter Ethnografisk Roekke, V).

Монография Марты Бойер посвящена малоизвестному в науке вопросу — прикладному искусству племен, населяющих Внутреннюю Монголию, искусству, которое является чрезвычайно интересной областью материальной культуры этих народов. Прикладное искусство обитателей Внутренней Монголии М. Бойер рассматривает с древности и до настоящего времени.

В основу монографии лег богатый археолого-этнографический материал, собранный Х. Хазлунд-Христенсенем во время двух его поездок в районы Внутренней Монголии и хранящийся в Государственном музее в Копенгагене.

После краткого вступления, заключающего в себе сведения о составе и происхождении коллекций, и небольшого исторического очерка племен, населяющих Внутреннюю Монголию, автор посвящает пять глав прикладному искусству Внутренней Монголии. Сначала вниманию читателя предлагается каталог изделий определенного типа, потом уже следует исследовательская часть. В таком порядке дается описание и трактовка богатейшего материала по прикладному искусству и ремеслу (головные, ушные и другие более мелкие украшения).

В главе, посвященной головным украшениям, рассматриваются характерные уборы монголов и их прически (мужские и женские, особые уборы и прически для лиц определенного возраста, положения в семье и обществе и т. п.), гребни, шпильки, ювелирные головные украшения. Подробно разбирается происхождение отдельных видов головных украшений, их специфические черты.

Менее разнообразные ушные украшения (серьги, подвески и пр.) рассматриваются параллельно с головными украшениями.

К разряду мелких украшений отнесены амулеты, нагрудные украшения, украшения, нашиваемые на одежду, подвески, игольники, браслеты, перстни, наперстки, табакерки и пр.

Наконец, подробно описывается оборудование мастерской для производства изделий из серебра — любимого монголами металла, который они предпочитали всем другим при выделке украшений. Использовались также различные другие материалы как местного происхождения, так и привозные. Тщательно записана техника изготовления украшений (в том числе техника серебряного чекана) и стиль орнаментики.

В заключение делается попытка проследить пути развития прикладного искусства монголов с глубокой древности до наших дней и связать его с ремеслом и искусством соседних народов (китайцев, якутов и др.). Монография заканчивается примечаниями, обширной библиографией и картой, иллюстрирующей размещение отдельных монгольских племен.

Ценность этой богато иллюстрированной и основанной на уникальном материале монографии несколько снижается крайне ограниченным подбором аналогий. Целиком выпали работы китайских археологов и этнографов. Остались неиспользованными многие работы русских ученых, в том числе тех, которые группировались вокруг Общества изучения Маньчжурского края и собрали и опубликовали интересный материал по этому вопросу. К недостаткам книги надо отнести употребление малораспространенной системы транскрипции китайских терминов, что при отсутствии иероглифического их написания часто затрудняет понимание всего текста.

М. В. Воробьев

А. Л. Монгайт. Старая Рязань. Материалы и исследования по археологии СССР № 49, 1955. Изд-во АН СССР, 228 стр. + 5 вкл. Тираж 3000. Цена 16 р. 15 к.

Советские историки уделяют большое внимание изучению древнерусских городов, их политической и экономической истории. Значительную роль в выяснении многих вопросов социально-экономического развития, внешнего облика и благоустройства древнерусских городов домонгольского периода сыграли широкие исследования советских археологов.

Можно без преувеличения сказать, что без археологических раскопок, без вещественных источников было бы невозможно решение многих важнейших вопросов истории культуры древней Руси, выяснение уровня развития ремесленного производства и его общественно-экономического значения.

Археологические исследования в разных городах древней Руси окончательно опровергли ничем не обоснованную, но долгое время имевшую распространение у буржуазных историков Запада и дореволюционной России «теорию» об извечной отсталости и зависимости древней Руси от Запада.

Материалы археологических раскопок во многих древнерусских городах, и особенно раскопок в Новгороде, ярко продемонстрировали высокое развитие всех отраслей ремесленного производства древней Руси, самобытность материальной культуры и искусства и широкое распространение грамотности.

О высокой культуре древнерусских городов в домонгольское время повествует книга А. Л. Монгайта «Старая Рязань». Труд А. Л. Монгайта является обобщением археологического изучения Старой Рязани за сто с лишним лет и уже поэтому он представляет большой интерес для истории культуры древней Руси.

Крайне скудные летописные известия о Рязани не позволяли в должной мере осветить историю этого города. Археологические раскопки в значительной мере восполняют этот пробел. На основании археологических данных автору удалось выяснить внешний облик города, характер его укреплений, некоторые детали планировки, характер и конструкцию жилищ и некоторых производственных и хозяйственных построек. Автор характеризует бытовую обстановку и род занятий жителей Рязани, социальную топографию и различные отрасли ремесла, культуру и искусство, идеологию и политическую историю города, внешние торговые связи и роль Рязани как одного из крупных городских центров домонгольской Руси. Заслугой автора является убедительное опровержение долго существовавшего ошибочного мнения, будто бы Рязань — окраинный город земли Русской — была одним из самых отсталых городов Руси.

Книга А. Л. Монгайта состоит из десяти глав и приложения, включающего статью В. И. Цалкина «Домашние и дикие животные Старой Рязани».

Во введении автор довольно подробно критикует методику раскопок своих предшественников, отмечает достоинства и недостатки в работе исследователей, а также говорит и о своей методике. Он широко использует в книге материалы из прежних раскопок, но каждый раз критически оценивает значение этого материала и постоянно предупреждает читателя об осторожности в выводах.

В главе II — «Некоторые сведения по истории Рязанской земли и историческая топография Старой Рязани» — автор делает вывод, что будто бы в XII в. в связи с развитием ремесленного производства и появлением на Северном городище Рязани многочисленных мастерских «жилые кварталы переместились на Южное городище» (см. стр. 22). К такому выводу автор приходит на основании статистики находок стеклянных браслетов. Ни методически, ни фактически этот вывод не может быть верным. Автор сам себе противоречит, признавая Северное городище древнейшей и наиболее укрепленной частью города, княжеской резиденцией, Кремлем, и затем произвольно превращая эту часть города в ремесленный квартал. Город рос, развивался, и после сооружения вала Южного городища князья едва ли покинули бы наиболее укрепленную часть города. Скорее были бы выселены ремесленники. Нет сомнения, что бояре жили и на Южном городище. Здесь, как и на Северном (об этом свидетельствуют даже сравнительно небольшие раскопки автора) основное население составляли ремесленники. Сам автор признает, что абсолютное большинство шиферных пряслиц было найдено на Северном городище, а известно, что пряли там, где жили.

Автор дает краткий очерк политической истории Рязани по письменным источникам, однако следует отметить, что историческая и социальная топография в этом разделе не нашла должного отражения.

В главе III автор довольно подробно характеризует оборонительные сооружения, которые сравнительно хорошо сохранились до наших дней. Основываясь на небольших раскопках и остатках сгоревших сооружений на вершине вала, автор дает, на наш взгляд, не совсем правильную реконструкцию оборонительных деревянных сооружений, стоявших на вершине вала. Вместо одной ошибочной реконструкции, опубликованной автором в 1947 г.¹, он предлагает другую ошибочную реконструкцию (стр. 39, рис. 11; стр. 197, рис. 152). В этой реконструкции совершенно не оправданы с военной точки зрения два параллельных ряда кольев или, вернее, два высоких тына (рис. 11). Один ряд кольев правильно расположен поверх тарас, другой же ошибочно поставлен впритык к тарасам с внешней стороны. Такая постановка второго тына создавала бы большое мертвое пространство и облегчала бы подход противника вплотную к тарасам, которые он мог спокойно поджечь. Судя по рис. 6 А на стр. 34, более вероятным будет предположение, что с внешней стороны тарас был не тын, а ряд надолб с заостренными концами.

В главе IV автор подробно остановился на характеристике старорязанских жилищ. Им четко выделены два основных типа жилых построек — наземных и полуземлянок, а также детали устройства печей, полов и т. п. и установлена конструктивная связь рязанских жилищ с южнорусскими и севернорусскими.

Можно только пожалеть, что до сих пор не выяснены планировка усадеб и расположение жилых домов и ремесленных мастерских по отношению к направлению улиц. Нельзя понять отказ автора от выяснения этих вопросов. А. Л. Монгайт признает, что рязанский слой позволяет проследить не только конструкцию жилищ, но и смену одних построек другими. Автор вполне владеет современной методикой исследования городищ; он признает возможным решение подобных вопросов, но почему-то не пожелал их выяснить.

Несомненно, что при более широких раскопках в Старой Рязани можно будет более детально выяснить не только конструкцию, но и социальную топографию городских кварталов. Площадь городища еще очень мало исследована археологически, но даже эти небольшие раскопки дали очень много материала для истории города.

¹ А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 28—37, рис. 16.

Автор подробно описывает открытые им и В. А. Городцовым жилища, перечисляет инвентарь, найденный в жилищах, правильно определяет их дату и род занятий владельцев, но некоторые обоснования датировок вызывают сомнения, тем более, что на них в дальнейшем основываются и некоторые выводы. Так, жилище № 13 (стр. 46—47) автор, несмотря на наличие там шиферных пряслиц, датирует XIV в. по роговому навершию плетки (рис. 141, 2), которое он считает типичным для XIII—XIV вв., но подобные костяные и металлические навершия плеток имели очень широкое распространение именно в домонгольский период и особенно характерны для XI—XII вв. Они найдены в Саркеле в костерезной мастерской X—XI вв. (раскопки М. И. Артамонова), в слоях XI—XII вв. в Новгороде (раскопки А. В. Арциховского), в слое XII—XIII вв. во Вщиже (раскопки Б. А. Рыбакова), в курганах кочевников XII в. на Украине (раскопки Н. Е. Брандербурга). Исходя из этой неверной даты, автор делает вывод, что жилища XIV в. в Старой Рязани были подобны домонгольским (стр. 71), хотя ни одного достоверно датированного жилища XIV в. ни сам автор, ни его предшественники при раскопках не обнаружили. В данном случае автор забывает об осторожности в выводах, к которой сам неоднократно призывает.

Очень жаль, что А. Л. Монгайт не дал ни одного разреза полуземлянки из своих раскопок. Публикация таких разрезов была бы очень важна для реконструкции этого типа жилища.

В главе V обстоятельно охарактеризованы остатки трех каменных церквей, открытых в Старой Рязани. Не вызывают сомнения установленные автором их названия, конструктивные особенности и детали оформления. Автор убедительно опровергает необоснованную точку зрения, высказывавшуюся в литературе, о якобы прямой связи и зависимости рязанских церквей от образцов церковного зодчества Кавказа.

В главе VI дается характеристика различных ремесел как по остаткам производственных комплексов, так и по сохранившимся орудиям труда и по ремесленной продукции. Археологические материалы свидетельствуют о том, что Рязань была одним из крупнейших городов с высокой технической культурой. В Рязани производилось все необходимое от горшков до инструментальной стали, от обычных ножей и замков до роскошных по технике ювелирных изделий из золота и драгоценных камней.

Автор справедливо опровергает неверный вывод А. А. Мансурова (стр. 99) о якобы широко распространенном домашнем способе выплавки железа в печных горшках.

Имеются отдельные неточности. Так, например, автор повторяет неверную точку зрения других исследователей, согласно которой отверстия на боевых топорах будто бы предназначались «для крепления к рукояти» (стр. 106—107, рис. 72, 4). На самом деле отверстия служили для крепления чехла на лезвии с помощью маленького штифта. На многих таких топорах в наших музеях сохранились следы чехлов из грубой ткани. Чехол предохранял от ранений коня и всадника во время верховой езды.

Большое место в этом разделе отводится керамике, но среди выделенных автором типов горшков почему-то совершенно отсутствует керамика X в. (стр. 123—125), хотя автор о ней говорит в книге. О роли торговли, сельского хозяйства и промыслов в экономике Старой Рязани судить пока трудно из-за недостаточности материалов. Однако автор на основании имеющихся материалов в целом правильно оценивает значение этих отраслей хозяйства. Нельзя согласиться с мнением автора, что будто бы археологическим признаком бортничества являются так называемые «древозазные шипы» (стр. 168). «Древозазные шипы» вообще непригодны для лазания по деревьям, и их истинное назначение до сих пор с достоверностью не установлено. Суля по находкам в Новгороде, они забивались в деревянные доски или брусья или, возможно, будучи набитыми на дощечку, использовались для хождения по льду.

В характеристике бытовых предметов и оружия имеются некоторые неточности, допущенные автором. Размеры наконечников копий и их форма (стр. 183, рис. 142) не соответствуют описанию. Автор говорит, что все они лавролистные, но среди них есть явно ромбовидные; неверно утверждение автора, что длина лезвия и втулки наконечников почти одинакова. Автор допускает явную путаницу в определении сулиц — легких метательных копий с более тонким и коротким древком, чем у копий ударного действия, считая сулицами копьё с бронебойными наконечниками, предназначавшимися для пробивания кольчуг и других оборонительных доспехов (стр. 182). Бронебойные наконечники для сулиц вообще редко применялись, чаще они были у копий ударного действия. Нельзя согласиться и с определением некоторых типов наконечников стрел. Автор называет ланцетовидными (стр. 183) два различных типа наконечников стрел (в виде фигурного листа — рис. 143, 1, 8 и одну из разновидностей ромбовидных — рис. 143, 11). Неизвестно, почему называется ромбовидным наконечник типа срезня (рис. 143, 13).

Сделанные мною замечания не умаляют большой ценности труда А. Л. Монгайта, являющегося первым монографическим обобщением археологических исследований Старой Рязани.

Можно только пожалеть, что так успешно начатые А. Л. Монгайтом археологические раскопки в Старой Рязани неожиданно прекратились. Продолжение их, несомненно, дало бы новый ценнейший материал для решения многих вопросов социально-экономической истории древнерусских городов.

Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР Б. А. Рыбакова. Труды Государственного Исторического музея, вып. 32. Государственное изд-во культурно-просветительной литературы. М., 1956, 254 стр., 5 карт + 1 табл. Тираж 3000. Цена 13 р. 65 к.

Рецензируемая книга является итогом пятилетней работы археологов ГИМ по изучению важнейших сторон древнерусской деревни. Сборник состоит из трех статей: А. В. Успенской и М. В. Фехнер «Поселения древней Руси», В. П. Левашевой «Сельское хозяйство» и В. А. Малым «Промыслы древнерусской деревни».

Работа А. В. Успенской и М. В. Фехнер «Поселения древней Руси» представляет особый интерес, так как является первой попыткой собрать и картографировать все данные по древнерусским сельским поселениям лесной полосы Восточной Европы. На приложенной к статье карте, кроме сельских поселений, нанесены курганные могильники и поселения городского типа; тем самым сделана попытка нарисовать общую картину размещения населения в Новгородской и Смоленской землях и на территории Северо-Восточной Руси в домонгольское время.

В работе рассматриваются принципы классификации поселений домонгольской Руси, которые разделены на поселения городского типа и сельские поселения, объясняется значение терминов «селище», «погост», «село». Составление карты поселений Северо-Западной и Северо-Восточной Руси позволило авторам статьи отметить ряд закономерностей в размещении сельских поселений. Около 65% всех поселений сельского типа рассматриваемой территории в X—XIII вв. располагалось в бассейнах крупных рек. Тяготение поселений к рекам объясняется сельскохозяйственным характером древнерусской деревни. Большая неравномерность размещения сельских поселений на рассматриваемой территории объясняется авторами статьи большим плодородием тех или иных почв.

В заключении статьи дается общая характеристика древнерусских сельских поселений и делается вывод, что сельские поселения Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в домонгольское время, как и позднее, были малодворными; отличительной чертой их была однорядная застройка вдоль реки.

Крупным недочетом работы А. В. Успенской и М. В. Фехнер является неполнота карты поселений и курганных могильников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв. Пропусков отдельных курганных могильников, известных как по публикациям, так и по архивным материалам, очень много. Наиболее досадным является то, что некоторые опубликованные археологические карты отдельных районов рассматриваемой территории остались неиспользованными. Так, совершенно не учтен материал археологической карты б. Рославльского у. Смоленской губ., составленной С. М. Соколовским¹, в результате чего свыше 100 курганных могильников и несколько сельских поселений не нанесены на рецензируемую карту. В бассейне рек Юго-Восточного Приладжья пропущено около 50 курганных могильников, карта размещения которых была опубликована В. И. Равдоникасом². Совершенно не использована археологическая карта Средкинского района Псковской области, составленная и опубликованная Б. А. Койшевским³. Остались неизвестными авторам рецензируемой статьи опубликованные материалы о курганах б. Петербургской губ.⁴, из-за чего на территории одного только б. Гдовского у. не хватает свыше 30 курганных могильников, а всего на территориях б. Петербургской губ.—около 100 курганных групп.

Другие опубликованные материалы использованы неполно. Так, белым пятном на рецензируемой карте является б. Островской у. Псковской губ. Однако на территории этого уезда только в «Материалах для археологической карты Псковской губернии»⁵ указано 17 курганных могильников. Можно отметить еще ряд пропусков курганных могильников в других уездах б. Псковской губ., названных в «Материалах для археологической карты Псковской губ.». Такие справочные работы, как книги И. Романцева и В. А. Плетнева⁶, использованы также неполно. Так, на территории б. Новгородского у. пропущено 18 курганных групп (на рецензируемой карте в б. Новгородском у. обозначено только четыре курганных могильника), на территории б. Крестецкого у. пропущено 23 курганных могильника, на территории б. Боровичского у.—16 могильников и т. д. Всего на территории Новгородской и Псковской земель на рецензируемой карте пропущено свыше 400 курганных групп.

¹ А. Н. Ляуданский. Археологические доследы у Смаленшчыне. Працы секцыі археолёгіі, т. 3, Менск, 1932, стр. 5—68.

² W. I. Raundonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.

³ Б. А. Койшевский. Археологическая карта Средкинского района. СГАИМК, 1931, № 6, стр. 16—20.

⁴ Сведения о городищах и курганах С.-Петербургской губ. Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1874 г. СПб., 1874, стр. 145—155.

⁵ Н. Окулич-Казарин. Материалы для археологической карты Псковской губ. Тр. Псковского Археологического общества, вып. 10, Псков, 1914, стр. 189—211.

⁶ И. Романцев. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911; В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903.

Такой же неполнотой отличаются и области расселения вятичей. А. В. Успенская и М. В. Фехнер при составлении карты использовали опубликованные материалы А. В. Арциховского, С. К. Богоявленского, О. Н. Бадера и др.⁷ Но очень большое число курганных могильников, упомянутых в этих работах, не нанесено на карту. Так, в работе С. К. Богоявленского названо 35 курганных могильников на р. Пахра, а на рецензируемой карте обозначено только 17; на р. Рожая из 20 курганных могильников, указанных С. К. Богоявленским, на рецензируемую карту нанесено только три; на р. Десне из 12 известных обозначено пять, на р. Истре пропущено семь курганных могильников, на р. Воре — пять и т. д. Даже курганные могильники, разобранные А. В. Арциховским в работе «Курганы вятичей», далеко не все нанесены на рецензируемую карту (так, в б. Подольском у. пропущено 10 курганных могильников из 12). Пропусков было бы меньше, если бы составители карты обратились к картотеке курганного материала Археологического отдела ГИМ.

На территории Костромской области пропущено 15 курганных могильников из числа курганов, помещенных на карте, составленной П. Н. Третьяковым⁸. Архивные материалы ИИМК АН СССР могли бы дополнить карту в Новгородской и Псковской землях и в Ярославской области⁹.

Таким образом, значительная неполнота «Карты поселений и курганных могильников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.» дает не цельную (а в отдельных случаях искаженную) картину размещения русского населения рассматриваемой территории, в результате чего и ставятся под сомнение и некоторые наблюдения авторов статьи относительно размещения сельского населения лесной полосы домонгольской Руси.

Западная граница территории древней Руси проведена неудачно. Часть западных районов Смоленщины и Изборский район Псковской земли остались за пределами картографируемой территории. Более целесообразно было бы поместить на карте целиком Смоленскую и Псковскую земли.

Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.» ценен как научный и справочный материал. К сожалению, сведения об исследованиях археологических памятников в нем в ряде случаев неполны.

Классификация поселений домонгольской Руси на городские и сельские в основном произведена правильно. Нельзя не согласиться с тем, что к первой группе поселений (города и поселения городского типа) отнесены «города, упоминаемые в письменных источниках XI — первой половины XIII в., а также городища, которые по характеру археологического материала, по своим укреплениям и размерам приближаются к городским центрам» (стр. 10). Но отнесение к первой группе поселений Ковшаровского городища, городища Камно, Гнездовского и Ольшанского городищ и ряда поселений, названных в уставной грамоте, данной смоленской епископии князем Ростиславом Мстиславичем в 1150 г., вызывает ряд возражений.

Так, Ковшаровское городище своим внешним обликом, укреплениями и небольшими размерами (60 × 26,5 м) ничем не отличается от других древнерусских городищ Смоленщины, которые отнесены к поселениям сельского типа (например, городище Церковище имеет размеры 50,4 × 31,5 м, городище у дер. Ободрово — 50 × 48,5 м, Вонляровское городище — 52 × 30 м, городище Цихановщина — 55 × 24,5 м; последнее городище и расположенное рядом древнерусское селище вообще пропущены в рецензируемой работе). Что касается находок обломков стеклянных браслетов в культурном слое Ковшаровского городища, то нужно заметить, что у нас нет никаких оснований относить тот или иной памятник к поселениям городского типа только по находкам стеклянных браслетов¹⁰. Обломки стеклянных браслетов встречены на ряде поселений, отнесение которых к поселениям сельского типа не вызывает никаких возражений. Стеклянные браслеты были найдены на селище у дер. Лужки Серпуховского района Московской области (см. указатель № 265), на селище у дер. Песчанка Шумяцкого района Смоленской области (№ 341), на селище около дер. Березинка Починковского района Смоленской области (раскопки 1956 г.); много стеклянных браслетов найдено при раскопках городища Церковище (раскопки 1955—1956 гг.), отнесенного к поселениям сельского типа (№ 218). О находках обломков стеклянных браслетов в древнерусских курганах говорится в статье Г. Ф. Соловьевой и В. В. Кротопкина¹¹, которые совершенно пра-

⁷ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930; С. К. Богоявленский. Материалы к археологической карте Московского края. МИА, № 7, 1947, стр. 168—178; О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. МИА, № 7, стр. 88—167.

⁸ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Изв. ГАИМК, т. X, вып. 6—7. Л., 1931.

⁹ Архивные материалы ИИМК АН СССР в значительной части изучены авторами рецензируемой статьи; речь идет о частичных пропусках.

¹⁰ Кроме обломков стеклянных браслетов, в верхнем слое Ковшаровского городища найдены обломки амфор, шиферные пряслица и многие другие предметы. Амфорные обломки и шиферные пряслица встречаются на селищах Смоленщины и также не могут быть признаками городского поселения.

¹¹ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кротопкина. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 21—25.

вильно считают, что проникновение в русскую деревню X—XIII вв. стеклянных браслетов и некоторых других предметов городского ремесла является показателем усилившегося разложения сельской общины. Стеклянные браслеты являются городским украшением, но, нужно думать, они проникали в древнерусские сельские поселения, где их носили члены семей феодалов, и, возможно, зажиточного крестьянства. Судя по раскопкам городища Церковища, стеклянные браслеты носились и сельским ремесленным населением.

Осмотр Ковшаровского городища и сравнение его археологических материалов с материалами других смоленских городищ позволяют считать это городище поселением феодала и его слуг, т. е. феодальным замком.

Гнездовское городище, судя по последним исследованиям Д. А. Авдусина, было первоначальным местом Смоленска, и его также лучше не включать в список русских городов домонгольского времени¹².

Отнесение к городам поселений Витрина, Жабичева, Женни Великой, Жидичей, Клина, названных в уставной грамоте Ростислава Мстиславича 1150 г., не имеет никаких оснований. М. Н. Тихомиров на основании добавления к уставной грамоте, где устанавливаются поборы с городов, выделяет среди поселений, названных в грамоте, 11 городов¹³. Среди них нет названных выше поселений, так как они не платили «погородие» и, следовательно, не были городами. Остается непонятым, по каким признакам другие волостные центры Смоленской земли, упомянутые в той же грамоте, разделены на поселения сельского типа и поселения городского типа.

Более осторожно нужно было бы подойти и к отнесению Серпухова и Городни на Волге к городам X—XI вв. Оба города известны по письменным данным только с XIV в. Нахождение же вещевого материала X—XI вв. при предварительном археологическом обследовании этих городищ не обязательно свидетельствует о том, что в X—XI вв. эти города уже существовали. Скорей всего, на месте этих городов в X—XI вв. были сельские поселения.

Вывод о малодворности сельских поселений домонгольской Руси на всей рассматриваемой территории, сделанный в заключительной части рецензируемой работы, кажется нам преждевременным. На территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в X—XIII вв. были области с малодворными деревнями и области с более или менее крупными сельскими поселениями. Это можно видеть хотя бы по различной величине курганных могильников в разных областях лесной полосы Восточной Европы¹⁴.

При распространенности на сельских поселениях застройки рядами длина селища является наиболее характерным признаком для определения количества построек дворов в том или ином поселении. В этот расчет не вошли городища, отнесенные к поселениям сельского типа, так как характер их застройки существенно отличается от застройки сельских поселений неукрепленного типа. В связи с ограниченной площадью постройки на городищах располагались довольно тесно и чаще не рядами.

Археологическое изучение древнерусской деревни в Смоленской земле позволяет считать, что в районах к югу от Смоленска средняя величина деревень и сел X—XIV вв. равнялась шести — восьми дворам. Приведенная в тексте статьи таблица размеров населенных пунктов сельского типа X—XIII вв. свидетельствует отнюдь не о распространенности деревень в один — три двора, как это явствует из ссылки на деревни XV—XVI вв. Из таблицы видно, что поселений длиной до 100 м сравнительно немного — около 16% общего числа поселений. 84% всех селищ имели длину от 100 до 400—450 м. Трудно себе представить, что такие поселения состояли из одного и трех дворов. Если исходить из расчета, что постройки в древнерусских деревнях располагались через 30—40 м, как это удалось проследить на некоторых селищах Смоленщины, то мы получим следующую картину:

Длина селищ	Менее 50 м	Менее 100 м	Менее 150 м	Менее 200 м	Менее 250 м	Менее 300 м	Менее 400 м	Менее 400 м
Количество дворов	1—2	2—3	4—5	5—6	7—8	9—10	11—12	12 и более
Количество поселений	2	6	16	10	5	3	6	3

Трудно предположить, чтобы на 100 м поселения приходилось всего два двора. В таком случае разведки обнаружили бы два пятна культурного слоя или два пятна пашни с керамическими материалами, а не сплошную площадь культурного слоя. Таким образом, третья часть поселений, вошедших в таблицу, состояла из 7—12 и более дворов, около 50% — из 4—6 дворов и только 16% общего числа поселений составляли поселения малодворные — из 1—3 дворов.

¹² Д. А. Авдусин. К вопросу о первоначальном месте Смоленска. Вестник МГУ, 1953, № 7, стр. 123—137; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2-е, М., 1956, стр. 28—32.

¹³ М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 39—40.

¹⁴ На это обстоятельство указывал П. Н. Третьяков, характеризуя древнерусскую деревню по костромским курганам. См. П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 9.

Статья В. П. Левашевой «Сельское хозяйство» посвящена вопросам хозяйственной деятельности населения древнерусской деревни. В статье собраны и детально рассмотрены все археологические данные по сельскому хозяйству лесной полосы домонгольской Руси. Наибольший интерес представляет раздел о сельскохозяйственных орудиях древней Руси. Анализ находок железных частей почвообрабатывающих орудий лесной полосы Восточной Европы, завершающийся сводкой и картой их находок, дает исчерпывающее представление о земледельческой технике лесной зоны древней Руси. Особый раздел отведен топорам. Топоры разделены на ряд последовательных типов; затронуты вопросы истории развития каждого типа топоров. Вряд ли справедливо предположение автора (стр. 41), что узколезвийные клиновидные топоры были заимствованы финскими племенами от русских во II тысячелетии н. э. Ведь уже в первой половине I тысячелетия н. э. такая форма топора была известна некоторым финским племенам Среднего Поволжья.

Особая методика изучения серпов и кос позволила автору статьи сделать ряд весьма ценных наблюдений. Типология древнерусских серпов и кос, предложенная в статье, заслуживает особого внимания. В статье рассматривается эволюция серпа от конца II тысячелетия до н. э. до XIX—XX вв., но при этом учитываются только серпы с территории СССР. Для решения вопросов, связанных с появлением древнерусских типов серпов, большое значение имело бы привлечение археологических материалов Средней Европы.

В статье детально рассмотрены вопросы о сельскохозяйственных культурах и о скотоводстве в древней Руси. Не могу согласиться с выводом автора статьи о большом значении подсечного земледелия на Смоленщине в рассматриваемый период. Автор считает, что подсечное земледелие задержалось здесь дольше, чем в других областях северной полосы древней Руси (стр. 56). Вывод этот основан только на том, что при раскопках Ковшаровского городища не было найдено зерен ржи, но тогда это был единственный в Смоленской земле памятник, где был обнаружен зерновой материал. Теперь рожь найдена в одном из сельских поселений Смоленщины и в самом Смоленске.

Вопрос об употреблении конского мяса в пищу русским населением В. П. Левашева решает отрицательно. В. И. Цалкин в монографии, посвященной исследованию костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Восточной Европы, приходит к заключению, что в начале II тысячелетия н. э. конское мясо широко употреблялось в пищу славянским населением¹⁵, однако это не согласуется с данными русских летописей. Мне кажется, что в данном вопросе права В. П. Левашева. При раскопках в Новгороде в 1951—1955 гг. мне приходилось наблюдать распространение остеологического материала в толще новгородского культурного слоя. Оказалось, что часть находок костей лошади (череп и челюсти) связана не с употреблением конского мяса в пищу, а с культовыми жертвоприношениями. Черепа лошадей или их челюсти клались под углы новгородских построек. Что касается остальной части костного материала лошади, то мне кажется, что она связана не с повседневным употреблением в пищу конского мяса, а с голодными годами, когда, по сообщению новгородских летописей, «ядячу люди листь липовъ, кору березову, ...инии ушь, мъхъ, конину»¹⁶. Новгородский остеологический материал может разрешить этот вопрос при сборе его не по векам (с приблизительным определением), а по ярусам, хронология которых разработана с точностью до десятилетия. Слой с большим содержанием остатков костного материала лошади, мне кажется, хронологически свяжутся с голодными годами, упомянутыми в новгородских летописях. В других случаях эти слои могут дополнить новгородские летописи.

Статья В. А. Малым «Промыслы древнерусской деревни» освещает вопросы охоты, рыбной ловли и бортничества. Материалами для статьи послужили как археологические данные, так и письменные документы. В разделе «Охота» рассмотрены различные виды и типы оружия охоты, способы ловли зверей и птиц; говорится о значении охоты в хозяйственной деятельности древнерусского крестьянства. К сожалению, кости диких животных, часто находимые в археологических памятниках древней Руси, оставлены автором без внимания.

В разделе «Рыболовство» большое внимание уделено различным орудиям рыболовства, способам рыбной ловли и сохранения рыбных запасов в древней Руси. Отсутствие древнерусского ихтиологического материала не позволило изучить вопрос о рыбном богатстве различных районов домонгольской Руси.

Бортничеству посвящен последний раздел статьи. Автор разбирает вопросы значения бортничества на Руси, истории развития пчеловодства; рассмотрены орудия бортничества и продукты этого промысла.

В заключение нужно отметить исключительное значение рецензируемой книги для изучения русской деревни X—XIII вв. В сборнике получили освещение важнейшие стороны русской деревни домонгольской Руси в целом. Дальнейшее изучение древнерусской деревни должно пойти по пути изучения сельских поселений и курганных могильников отдельных земель древней Руси.

В. В. Седов

¹⁵ В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, № 51, 1956, стр. 146.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 22.

ПО СТРАНИЦАМ ЮГОСЛАВСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ

В мае 1950 г. в г. Нишка Банья состоялось I совещание археологов Югославии, созданное по инициативе Археологического института Сербской Академии наук при активной поддержке Совета по делам науки и культуры при правительстве ФНРЮ¹.

На совещании были заслушаны и обсуждены доклады о состоянии, целях и задачах археологической науки в Югославии. Исследование славянских древностей было выдвинуто в качестве центральной задачи археологии Югославии.

Охране памятников в ФНРЮ уделяется большое внимание. Являвшаяся до войны предметом заботы лишь отдельных лиц, охрана памятников стала в ФНРЮ не только предметом заботы государства, но и всего народа. 8 октября 1946 г. в Югославии был утвержден «Общий закон об охране памятников культуры и природных богатств». В 1950 г. в Белграде был основан Союзный институт охраны памятников культуры².

В последнее время наряду с охраной отдельных, изолированных памятников начались работы по консервации городских ансамблей и даже целых городов. Такие работы предприняты, например, в Дубровнике³. Уже за период с 1946 по 1956 г. Институт охраны и научного изучения памятников культуры Народной Республики Сербии выявил и поставил под защиту 338 памятников, в том числе 36 археологических местонахождений, 119 монастырей и церквей, 38 средневековых укреплений и т. п.⁴.

Вопросы охраны памятников явились предметом широкого обсуждения на совещании музейных работников, созданном в 1947 г., и на I совещании хранителей музеев ФНРЮ в г. Сплите в апреле 1953 г.⁵

Югославские археологи поддерживают научные связи с учеными других стран. В 1946 г. Югославию посетила группа ведущих советских археологов с целью изучения археологии Югославии и установления научных связей с югославскими учеными⁶.

За послевоенные годы в Югославии исследовано большое количество первобытных, античных и средневековых памятников. Открыты новые памятники палеолита, ранее недостаточно изученного. Пещерные палеолитические стоянки открыты в Словении (Беталов Сподлом, около г. Постойны⁷), в Хорватии (Винди⁸), в Сербии (Еринино брдо, около г. Градац⁹, и Рисовачи, около г. Аранджеловца¹⁰) и др.

Общее представление об археологических исследованиях в Югославии после войны дает статья М. Чорович-Лубинкович «Обзор раскопок в ФНРЮ с 1945 по 1950 г.»¹¹.

Результаты археологических исследований публикуются на страницах многочисленных изданий академий, институтов, музеев. Каждая республика имеет свои периодические издания. Мы остановимся здесь лишь на некоторых периодических изданиях ФНРЮ. Это прежде всего ежегодник югославского археологического общества «Archaeologia Jugoslavica». Он выходит на иностранных языках по решению I совещания археологов Югославии. Целью его является ознакомление зарубежных ученых с достижениями югославской археологии. Это первое периодическое издание публикующее результаты исследований по всей стране. том «Archaeologia Jugoslavica» вышел в 1954 г.¹² Он открывается статьей М. Гарашанина «К датировке начала культуры Вин-

¹ М. Грбић. Прво саветовање археолога ФНР Југославије. Старица, књ. II. Београд, 1951, стр. 293—294.

² V. Madarić. Zadaci, uloga i mjesto Saveznog instituta u sistemu i organizacionoj strukturi zaštite spomenika culture u FNRJY. Зборник заштите споменика културе, књ. IV—V, Београд, 1955, стр. 108—114.

³ Д. Живановић. Конзервација урбанистичке целине Дубровника. Зборник заштите..., књ. IV—V, стр. 172—180.

⁴ Саопштења Завода за заштиту и научно проучавање споменика културе Народне Републике Србије, књ. I, Конзерваторски и испитивачки радови. Београд, 1956, стр. 212—222; О. Батавелич. Краток преглед рада Завода за заштиту и научно проучавање споменика културе НР Србије. Зборник заштите..., књ. I, Београд, 1951, стр. 202—207; С. М. Ненадовић, Д. Ст. Павловић. Преглед рада за заштиту и научно проучавање споменика културе Н. Р. Србије (1950—1953). Зборник заштите..., књ. IV—V, стр. 341—378.

⁵ А. Капазагевић. Première consultation des conservateurs de la PFP de Yougoslavie a Split. Зборник заштите..., књ. IV—V, стр. 120—146. Доклады, прочитанные на совещании, и принятые резолюции опубликованы в «Зборник заштите...», књ. IV—V.

⁶ А. В. Арциховский. Археологическая поездка на Балканы. ВИ, 1946, № 10, стр. 100—107.

⁷ М. Ђоровић-Љубинковић. Преглед ископавање у ФНРЈ од 1945 до 1950 године. Зборник заштите..., књ. I, стр. 117.

⁸ S. Vucović. Prethistorijsko nalazište spilje Vindije. Historijski zbornik. Zagreb, 1949, стр. 243—249; его же. Paleolitska kamena industrija spilje Vindije. Historijski zbornik, Zagreb, 1950, 241—256; М. Ђоровић-Љубинковић. Ук. соч.

⁹ М. Грбић. Географски положај праисториских насеља у Србији. Саопштења Завода за заштиту..., књ. I.

¹⁰ Там же.

¹¹ М. Ђоровић-Љубинковић. Ук. соч., стр. 115—130.

¹² Archaeologia Jugoslavica. L'annuaire de la Société archéologique de Yougoslavie, I, Београд, 1954.

ча», посвященной важному для исследования неолитического периода Балкан и во многом спорному вопросу. Автор приводит различные соображения, согласно которым для начала культуры Винча была принята дата около 2700 или 2600 г. до н. э. В статье вновь ставится вопрос о начале культуры Винча и подчеркивается, что в настоящее время дата 2600 г. до н. э. является наиболее вероятной.

В статье А. Бенац «Некоторые элементы в вазах бутмирского типа» сообщается об исследованной после войны новой неолитической стоянке Небо (в долине р. Била, около Травника в Центральной Боснии)¹³. Материалы этой стоянки дают возможность более глубоко осветить происхождение и развитие бутмирской культуры. Автор указывает на влияние венгерской культуры Бюкк на Бутмир и на связь Небо со славонской культурой того же времени. Автор считает бутмирскую культуру чисто неолитической и только последнюю фазу ее относит к бронзовому веку.

М. Грбич публикует неолитическую глиняную статуэтку сидящей женщины с блюдом на коленях из Банате. Статуэтка происходит из Бечей (Веџеј), где было открыто неолитическое поселение.

Аналізу импортных вещей из Хумской Чуки, играющих важную роль в хронологической оценке культуры Бубани-Хум в Сербии, посвящена статья Д. Гарашаниной «Некоторые элементы, датирующие культуру Бубани-Хум». На основании изучения импортной керамики и некоторых металлических предметов автор выделяет в Хумской Чуке (в 10 км от Ниша) и Бубани две фазы-стадии, называемые Бубани-Хум I и II. Бубани-Хум II автор датирует приблизительно 1900 г. до н. э., стадия Бубани-Хум I предшествует 1900 г. Дата перехода между Бубани-Хум I и II важна также для датировки конца культуры Винча.

И. Корошеч публикует в выпуске «Archaeologia Jugoslavica» ритон в виде стилизованной птицы, обнаруженный в 1948 г. при строительных работах во дворе Словенской академии наук и искусства, в иллирийском погребении VIII в. н. э. (единственный предмет этого рода, найденный в иллирийской области Югославии).

В статье «Некоторые эллинистические элементы в скульптуре античной Салоны» К. Приятел описывает четыре скульптуры из Салоны, хранящиеся в Сплитском музее. Изучение этих памятников дает возможность выявить этапы постепенного заимствования формы и различные пути усвоения эллинистической схемы провинциальной скульптурой Далмации ко времени уже зрелого искусства императорского Рима.

В работе «Новые находки в древнехристианском некрополе Манастирина в Салоне» Д. Рендич-Миочевич дает краткую историю раскопок древнехристианского кладбища Манастирина и сообщает о новых открытиях на этом кладбище, сделанных во время строительных работ после 1945 г.

Интересна статья Зденко Винского «Имеется ли раннеславянская керамика от времени освоения страны южными славянами?». В этой статье опубликовано восемь найденных в различных областях Хорватии славянских раннесредневековых лепных сосудов, хранящихся в археологическом музее Загреба. Все эти сосуды, происходящие из случайных находок, являются наиболее ранними из известных в Югославии форм славянской керамики. Славянскую принадлежность этих сосудов автор определяет на основании их типологического сходства (за исключением сосудов из Сотина и Сарваш) с керамикой так называемого пражского типа, а именно с теми сосудами, которые И. Поулик считает раннеславянскими и датирует VI—VII вв. н. э. Сосуды из Сотина и Сарваш относятся к протокестхельской культуре.

Статья М. Чорович-Лубинкович посвящена описанию найденного в 1949 г. в развалине церкви в Пепелевце кадила в форме чаши на ножке, украшенного религиозной композицией, выполненной в рельефе. По иконографии и стилю автор считает, что кадилло происходит из Палестины и относится к VII в. н. э.

Вопрос средневековой архитектуры посвящена статья Л. Кармана «По поводу церкви Прибиши в Блатнограде — город Балатон». Церковь князя Прибиши, построенная, согласно «Зальцбургскому анониму», в IX в. н. э., была открыта венгерскими археологами в 1946—1947 гг. около современного г. Залавара. Эта большая трехнефная прямоугольная церковь с тремя полукруглыми апсидами, которые находятся внутри прямой линии восточной стены церкви, рассматривается как церковь св. Адриана. В указанной статье автор полемизирует с Д. Дерсенье, ставящий мотив трех полукруглых апсид, находящихся внутри прямой линии восточной стены церкви, в связь с подобными церквами Истрии, которые он ошибочно датирует VII—VIII вв.

Краткая история развития хорватской археологии излагается в статье С. Гуньяча «Необходимость пересмотра раскопок хорватских древностей». Первый том ежегодника заканчивается статьями Д. Бошковича о церкви св. Софии в Солониках и ее влиянии на два позднейших памятника в Македонии и Сербии и Ц. Фисковича о фрагментах римского стиля в Дубровнике.

Общегославским изданием является «Зборник заштите споменика културе», издаваемый Союзным институтом охраны памятников культуры. С 1951 по 1955 г. вышло пять томов сборника в четырех книгах¹⁴. Это первое в Югославии издание, целиком посвященное всестороннему освещению вопросов охраны, консервации и реставрации памятников культуры.

¹³ Стоянке Небо А. Бенац посвятил докторскую диссертацию «Prehistorijsko naselje Nebo i problem butmirske kulture» (Ljubljana, 1952).

¹⁴ Зборник заштите..., књ. I—V, Београд, 1951—1955. Резюме на франц. яз.

Краткая история, состояние и задачи службы охраны излагаются в статьях Р. Лубинковича и Ф. Стеле. Отмечается, что нужно охранять, консервировать, а не реставрировать памятники. А. Дероко рассказывает в своей статье о консервации средневековых городов Югославии.

Из статей II тома следует упомянуть статью Ф. Берце «Техника документации при археологических раскопках».

Почти половина IV—V тома сборника за 1953—1954 гг. отведена материалам I совещания хранителей ФНРЮ. В каждом номере сборника появляются отчеты Б. Чипана о деятельности службы охраны в Народной Республике Македонии и отчеты Ц. Фисковича о консервации и реставрации памятников в Далмации. Л. Караман сообщает об организации службы охраны в Хорватии, О. Батавелич — о деятельности учреждений охраны памятников в Сербии, М. Пламенац — о том же в Черногории.

Республиканские органы охраны памятников имеют также и свои периодические издания, освещающие работу этих учреждений. В 1956 г. вышел I том «Сообщений Института охраны и научного изучения памятников культуры Сербии»¹⁵, который охватывает наиболее важные работы института, проведенные со времени его основания до 1955 г. Он открывается статьей М. Панич-Сурепа «Проблемы, связанные с охраной культурного наследия Сербии», в которой отмечается, что по количеству и достоинству культурное наследие Народной Республики Сербии стоит на первом месте в Югославии. Автор останавливается на отрицательных факторах, против которых борется служба охраны. О вопросах, поднятых в статье, можно судить по ее подзаголовкам: «Археологические находки»; «Охрана архитектурных памятников»; «Вопрос о праве собственности на различные виды памятников»; «Народные советы и охрана памятников»; «Недостаточность финансовых средств»; «Трудности обеспечения материалами»; «Отсутствие опыта у музейного персонала» и т. п. В статье отмечается устарелость действующего законодательства, недостаточность обмена опытом с учреждениями охраны памятников зарубежных стран и т. д.

Сообщается об археологических работах института. С 1951 по 1955 гг. открыты римские памятники в Брестовик-Белый Берег (три сводчатые могилы), в Нови Костола-Блок (две римские могилы III в.), в Нови Костолак, Пирот в Чуприя (римское поселение и поселение конца неолита и начала бронзы). В Дубоко-Равни Гай найдены две гальштатские могилы; в Ражани-Нишваир — позднеантичный некрополь с монетами 380 г. н. э. В Брестовик-Высока Раван найден славянский могильник белобродского типа. В Грочка-Агино Брдо на неолитическом поселении расчищена могила римского времени, датируемая III в. н. э. Над этой могилой находилось славянское погребение X—XIII вв. С. М. Ненадович рассказывает о реставрационных работах в средневековой крепости, воздвигнутой в XV в. — Смедеревом граде. Об открытии склепа с фресками второй половины IV в. около г. Ниша говорится в статье С. М. Ненадовича и М. Панич-Сурепа «Охрана раннехристианской гробницы с фресками около г. Ниша». В Сапоте, около Младенцова, был открыт римский надгробный памятник.

О кладе драгоценных предметов римской эпохи, найденном в 1948 г. в местности Текия на Дунае, сообщает Д. Мано-Зиси. Клад датируется 80—90 гг. н. э.

Основным содержанием «Сообщений» являются отчеты об охранных работах на различных средневековых памятниках и об открытии и консервации фресок.

Из других республиканских изданий, печатающих отчеты о деятельности службы охраны, назовем ежегодник «*Naše starine*», издаваемый Институтом охраны памятников культуры и природных богатств Боснии и Герцеговины.

Центральное археологическое учреждение Сербии — Археологический институт Сербской АН — публикует результаты своей деятельности на страницах журнала «Старинар». Новая серия этого журнала выходит с 1950 г.¹⁶

Основное место в журнале отведено отчетам и сообщениям о деятельности института. Кроме того, «Старинар» публикует отдельные исследования, статьи и заметки. Специальный отдел отведен критике и библиографии. В I—IV томах, к сожалению, нет ни одной рецензии на советские археологические работы, если не считать упоминания о книге Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» в рецензии М. Чорович-Лубинкович на работу И. Вернера «*Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts*». («Старинар», кн. III—IV). В V—VI томе помещена рецензия М. В. Гарашанина на книгу А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху».

В I—IV томах опубликовано несколько статей известного югославского археолога Милое Васича, недавно скончавшегося¹⁷. В I томе помещено несколько небольших статей М. Васича. Одна из них посвящена технике, распространению и назначению так называемого барботин — типа керамики, недостаточно изученного и встречающегося в долине р. Дуная и особенно в ионийской колонии Винча. В статье «Проблема бронзовой секиры из Винчи» М. Васич призывает к более осторожному применению спектрального анализа для датировки древних предметов, указывая на значительное расхож-

¹⁵ Саопштења Завода за заштиту...

¹⁶ Старинар, орган археолошког института (Српска Академија наука), Нова серија, књ. I, Београд, 290 стр. с илл.; књ. II, 1951, 360 стр. с илл.; књ. III—IV, 1955, 301 стр. с илл.; књ. V—VI, 1956, XV, 443 стр. В конце V—VI тома опубликована библиография «Старинара» за 1884—1940 гг.

¹⁷ См. некролог в «Старинаре», кн. V—VI, Београд, 1956, стр. 403—406.

дение даты, установленной для бронзовой секиры путем спектрального анализа, и археологической даты.

В статье «Инвентарь из погребения около Винчи» М. Васич сообщает о могильнике, материалы которого позволяют поставить новые проблемы первобытной истории долины Дуная.

Первобытной тематике посвящены и статьи М. Гарашанина «Культура Тиссы в Банате» («Старинар», кн. I) и «Свети Кириллово — бассейн Марицы и долины Моравы» («Старинар», кн. II). Вторая работа трактует вопрос о культурных связях территорий современных болгарских и сербских земель в первобытный период. В этой статье автор ставит вопрос о месте стоянки Свети Кириллово (около г. Старое Загоре) среди других первобытных памятников Балкан и Малой Азии, вопрос, который в свое время не мог быть поставлен исследователем этой стоянки Г. Кацаровым¹⁸. М. Гарашанин намечает основные связи, существующие между Свети Кириллово и другими находками Болгарии (Телль Мечкур, Телль Рогачев, стоянка Везелениво и др.), с одной стороны, и сербскими находками в Моравской долине (Плочник, Градац, культура Плочник-Винча и стоянки типа Бубани — Хумская Чука) — с другой.

В статье «Изучение гальштатского периода в Македонии» («Старинар», кн. V—VI) М. Гарашанин по поводуклада из Куманово (Северная Македония) поднимает вопросы материальной культуры, хронологии и этнические проблемы гальштатского периода в Македонии.

Развитие первобытной керамики Средних Балкан и ее связи с керамикой Эгейского мира, Среднего Подунавья и Анатолии прослеживаются в статье М. Грбича «Первобытная керамика средних Балкан» («Старинар», кн. V—VI). Автор приходит к выводу, что в период раннего неолита керамика типа Старчево была распространена на всей территории Средних Балкан вплоть до Фессалии, где она известна как керамика, предшествующая стилю Сескло, и датируется временем с конца мезолита до 3400 г. до н. э. В период среднего неолита в этой части Балкан была распространена керамика древней Винчи. Отсюда она вытеснилась в Восточную Румынию и Болгарию керамику типа Старчево, где эта последняя развивалась дальше как керамика типа Гумельница и Телль. В Фессалии развитие этой керамики шло в направлении культуры Сескло. Керамика древней Винчи датируется 3400—2800 гг. до н. э. В период позднего неолита керамика древней Винчи переходит в керамику поздней Винчи (2800—2000 гг. до н. э.). На юге благодаря влиянию эгейского комплекса эта керамика эволюционировала в сторону типов, характерных для раннего бронзового века, а на севере (на р. Мораве и в области Дуная) она осталась прежней. На западе (в Боснии) неолитическая керамика обособилась в бутмирскую группу. В период бронзы (2600—1200 гг. до н. э.) в области рек Моравы и Дуная параллельно с керамикой ранней фазы бронзы бытовала неолитическая керамика. В это же время в Македонии проникло эгейское влияние. В раннем железном веке (около 1200 г. до н. э.) обнаруживаются параллели между керамикой Дубовца и Жуго Брдо и керамикой протогеометрического стиля, что может быть связано, по мнению автора, с участием иллирийцев в дорийском переселении в Грецию.

Неолитической каменной пластике Сербии посвящена статья Д. Гарашаниной («Старинар», кн. II). Сербский неолит беден статуэтками из кости и камня. Среди каменных идиолов-амулетов преобладают фигурки зверей (Винча, Ботош, Вршац, Плочник, Яблонница), которые отсутствуют в соседних областях. Они относятся к обеим фазам культуры Винча и даже Винча-Тордош и к фазе Винча-Плочник. Человеческие фигурки из камня известны из Винчи, Градаца и Белграда. Экземпляр из Винчи имеет аналогии на Крите (Агиа Триада) и в Димини. Фигурка из Градац полностью соответствует идолу из кости, найденным в Румынии и Болгарии. Экземпляр из Белграда — местное неолитическое изделие Сербии. Каменные фигурки зверей являются локальным явлением культуры Винчи.

Статья Бранко Б. Гавела «Винча и иллирийцы» («Старинар», кн. III—IV) посвящена проблеме иллирийского элемента в культуре Винчи — проблеме, которая не была поставлена и решена М. М. Васичем в его работе о Винче и о ее значении в культурном прошлом Подунавья¹⁹. На связь Винчи с иллирийцами указывает как положение Винчи в области, которая входила в Иллирию, так и датировка ее верхних слоев временем, когда иллирийцы появились на Среднем Дунае. Археологической основой для постановки и решения этой проблемы является целая группа паннонских ваз, известных из Винчи. Этническую принадлежность жителей Винчи до сих пор не удалось установить с достаточной достоверностью. Однако ни материальная, ни духовная культура Винчи не дает основания считать иллирийцев основателями Винчи и ее постоянными жителями. Не существует в Винче и свидетельств об индогерманизации ее жителей. Возможность установить характер отношений жителей Винчи и иллирийцев дает паннонская керамика, которая появилась в Винче несколько позже, чем в области лужицкой культуры, где она датируется VI периодом (по О. Монтелиусу). Это соответствует также времени появления иллирийцев в области Среднего Дуная и на Балканском полуострове.

¹⁸ G. K a z a g o v. Vorgeschichtliche Funde aus Sveti Kirilovo. Prähistorische Zeitschrift, т. IV, 1914, стр. 67—88.

¹⁹ М. М. В а с и ч. Јонска колонија Винча. Зборник филозофског факултета, књ. 1, Београд, 1948, стр. 116.

В «Старинаре» опубликованы отчеты об исследованиях неолитической стоянки Жарково близ г. Белграда (кн. III—IV), стоянки, относящейся к культуре Старчево, открытой в дер. Шупляк, в 500 м к югу от дороги Суботица-Хоргош (кн. II), и небольшого поселения рыболовов, принадлежащего ранней фазе культуры Винча, обнаруженного около Белграда в местечке Белград-Чукарница (кн. I).

К находкам бронзового века относится клад бронзовых вещей, найденный при строительных работах в г. Белграде. Клад состоял из топора с закраинами и 17 орнаментированных браслетов и обруча (кн. II).

Из работ, посвященных античной эпохе, упомянем об исследовании двух позднеантичных укреплений дунайского лимеса, предпринятом в 1947 г. А. Дероко («Старинар», кн. I). Эпохой поздней империи датируются Д. Гаршаниной обнаруженные около г. Белграда у с. Железник остатки римского укрепления («Старинар», кн. I).

Исследованию Белградской крепости посвящены отчеты Д. Ивановича («Старинар», кн. I), Д. Иовановича, М. и Д. Гаршаниных («Старинар», кн. III—IV).

Раскопками древнего византийского города Царичина града около Лебан (в Южной Сербии) руководили Св. Радойич, А. Дероко и Д. Мано-Зиси. Исследован епископский квартал, окруженный оградой в форме многоугольника, и центральная часть города, окруженная стеной. К югу от центра города находился другой квартал, также обнесенный стеной. Были вскрыты улицы, жилые дома, лавки и мастерские, а также подземная часть трехнефной базилики. На разрушенном византийском городе было обнаружено славянское поселение («Старинар», кн. I—VI).

С 1947 г. ведутся раскопки в местности Орашье, около г. Дубравцы, на месте античного Маргума. Раскопками обнаружены поселения доримского, римского и средневекового времени. Доримский слой указывает на связь с поселениями Кличевац, Винча и культурой Баден, которая датируется периодом бронзы. Руководители раскопок считают, что на этом поселении жил фракийский народ трибаллы. Остатки римского времени делаются на четыре слоя и датируются I—IV в. н. э. Раскопки производили Д. Мано-Зиси, Р. Мариц и М. Гаршанин («Старинар», кн. I и II).

В статье «Античные памятники греко-египетского синкретизма в Югославии» («Старинар», кн. V—VI). Б. Гавела анализирует четыре скульптуры, представляющие собою фигуру Сераписа. Автор приходит к выводу, что культ Сераписа занесен в Югославию не из Греции, а из Италии.

Описание склепа и фресок IV в. древнехристианской гробницы из Ниша дается в статье Л. Миркович («Старинар», кн. V—VI); см. также «Старинар», кн. III—IV, стр. 25—40.

Особый интерес для нас представляет статья М. Гаршанина «Вклад в изучение славянской культуры в Югославии и вопрос о происхождении ее характерных типов» («Старинар», кн. I). М. Гаршанин останавливается на характеристике древнейших славянских культур Югославии: белобродской (X—XI вв.); группе кетлахской и далматинско-хорватской, датируемой IX—X вв., и частично кестхельской, связанной с аварской эпохой (около VII—VIII вв.). Среди более древних культур, которые обычно приписывают кутюргурам, известны поселения (Чадьевича, Бискупия, Ватан), которые в некоторой степени могут быть связаны со славянами. Они датируются временем появления славян на территории Югославии, т. е. VI в. н. э. Автор отмечает, что некоторые элементы материальной культуры славян установлены в районе Нижнего Дуная в более древнее время. Автор отмечает также влияние иллирийской и фракийской культур на славянскую.

Классификация гроздевидных серег белобродского типа дается в статье М. Чорович-Лубинковича «Металлические украшения белобродского типа» («Старинар», кн. II). Автор утверждает, что украшения белобродского типа были в большом ходу у балканских славян уже в X в. Установлена определенная преемственность между украшениями кестхельского (VII—VIII вв.) и белобродского (около X—XI вв.) типов. Все украшения белобродского типа, наиболее характерными из которых являются гроздевидные серьги, представляют собой местную продукцию деревенских ремесленников. Автор выделяет две большие группы гроздевидных серег: 1) ушко которых имеет на всем своем протяжении одинаковую толщину и 2) ушко которых имеет расширение на нижней части. Каждая группа представлена большим количеством вариантов. Автор считает, что серьги первой группы более древние. Центр их происхождения находился в Паннонии. Два варианта первой группы и все серьги второй группы относятся к более позднему времени.

Интересному памятнику посвящена статья Д. Бошковица «Проблема славянского храма в Птуйе» («Старинар», кн. I). На Птуйском граде было открыто первое славянское святилище южных славян, большой славянский могильник X—XI вв., иллирийское поселение, римское укрепление и др. Птуйскому граду посвящена уже большая литература²⁰. Публикация И. Корошец вызвала большую дискуссию. Ф. Баш высказал сомнение относительно того, что остатки здания, открытые на Птуйском граде, являются

²⁰ J. Korošec. Slovansko svetišče na Ptujskem gradu. Ljubljana, 1948; Arheološka poročila. Poročilo o izkopavanjih v Ptujju, Ljubljani. Novem Mestu in na Panorami v Ptujju. Ljubljana, 1950; J. Klemenč. Ptujski grad v kasniantiki. Ljubljana, 1950; J. Korošec. Staroslovansko grobišče na Ptujskem gradu. Ljubljana, 1950; F. Ivaničec. Staroslavenska necropola v Ptujju. Resultati antropoloških istraživanja. Ljubljana, 1951; J. Korošec. Predzgodovinska naselbina na Ptujskem gradu. Ljubljana, 1951.

ся славянским храмом. Д. Бошковиц считает, что в настоящее время невозможно сделать окончательное заключение относительно этой гипотезы.

История и описание средневекового укрепленного замка Смедерова, расположенного на мысе при впадении в Дунай его небольшого притока Язаны, даны в большой статье А. Дероко «Смедеровский град» («Старинар», кн. II).

Средневековым крепостям и монастырям Македонии посвящены следующие статьи: А. Дероко «Марково — Кули — крепость Прилеп», Д. Бошкевича «Проблема монастыря Св. Георгия — «Горга» на Сераве» и Р. Лубинковича «Две иконы с портретами дарителей — митрополита Никанора и митрополита Виктора» («Старинар», кн. V—VI).

В 1952 г. начато систематическое исследование важного торгового и горнорудного центра средневековья — Ново Брдо. Вблизи Ново Брдо имелась галерея рудников, литейных мастерских, небольших поселений и крепостей. Жизнь этого средневекового города и окружающей его территории определялась развитием разработки рудников («Старинар», кн. V—VI).

Памятникам церковной архитектуры посвящены работы Д. Бошкевича, А. Дероко, И. Здравковича, М. Чорович-Лубинкович, З. Симич-Миловановича, Д. Мано-Зиси, Р. Лубинковича и др.

Помимо «Старинара», результаты деятельности Археологического института Сербской АН публикуются в специальной серии «Археологические споменици и налазишта у Србији», издание которой началось в 1953 г. I том этой серии — «Западна Србија» — результат коллективной работы всех сотрудников института, проводивших в 1949 г. исследование Западной Сербии.

Раздел «Западна Србија в первобитно време» написан М. Гарашаниным. Автор останавливается на геоморфологической характеристике исследуемой территории. Холмистые районы Пасавины были благоприятны для неолитического человека. Неолитические находки этого района относятся к культуре Старчево и ко второй стадии Винчи. Они простирались вдоль р. Савы до устья р. Дрины. В районе горного юга неолитических находок мало. Они встречаются обычно только в долинах. С появлением металла человек продвигается в горы. Топографические исследования 1949 г. обогатили список первобытных находок Западной Сербии. К работе приложена подробная археологическая карта.

Следующий раздел, написанный М. Грбичем, посвящен Западной Сербии в римское время. Западна Србија бедна памятниками античности; римское влияние в этой части страны было слабым. Из римских городов в Западной Сербии известны — Gensis, Municipium Car. Municipium Mal (около современной Висибаба). С археологической точки зрения наиболее важны остатки близ Висибабы. На карту, приложенную к работе, нанесены находки римского времени — поселения, укрепления, мосты и т. д.

Третий раздел (авторы М. Динич, М. Грбич, А. Дероко) посвящен Западной Сербии в средние века. Отмечается, что наиболее важные средневековые городские поселения всегда находились около крепостей. Маленькие же сельские поселения, принадлежавшие феодалам, были удалены от укрепленного замка и не оставили почти никаких следов (на поверхности находят лишь редкие черепки керамики). Сейчас еще трудно говорить о поселениях этого рода, так как до сих пор осуществлены только разведочные работы в местности Зидине, около Малой Митровице. Мало изучены еще древние шахты и литейные мастерские.

В Западной Сербии встречаются два типа укрепленных средневековых замков: горные замки, план которых зависел от очертаний возвышенности, и замки на равнине, у которых план имел более или менее прямоугольные очертания. Укрепления в горах строились всегда из камня, на равнинах — из кирпича, поэтому горные укрепления сохранились лучше. В Западной Сербии сохранилось 30 укреплений, ни одно из них не дошло до нас полностью. По историческим данным они принадлежали к различным эпохам, но, по-видимому, их можно отнести ко второй половине XIV — первой половине XV в. Общей чертой их является то, что они появились в эпоху, предшествующую изобретению пороха и использованию огнестрельного оружия.

Четвертый раздел посвящен могильникам и погребальным памятникам Западной Сербии (автор М. Чорович-Лубинкович).

II том серии — «Централна Србија» — открывается статьей М. В. Гарашанина «Центральная Сербия в первобитное время». Автор выделяет три географических района, в которых параллельно развивалась жизнь первобытного человека: 1) район Моравы, 2) район Дуная и 3) горный юго-западный район, связанный непосредственно с Западной Сербией. Большое значение для первобытной истории Сербии имеет открытие палеолитической стоянки Еринино Брдо, около Градац, и в гроте Рисовача, около Аранджеловац.

Неолит Центральной Сербии можно разделить, как и неолит всей Сербии, в целом на две основные группы: Старчево и Винча.

Переход от неолита к эпохе металла в Центральной Сербии еще недостаточно изучен. Это время характеризуется формированием локальных групп, таких, как Баден, Костолач и Бубани-Хум. В эпоху металла, особенно в эпоху бронзы, в Центральной Сербии скрещивались влияния указанных выше географических районов. В это время появляются городища, которые представляют значительный интерес для изучения иллирийской культуры. Иллирийская проблема связана с гальштатским периодом. В эпоху гальштата в общем развитии Центральной Сербии не произошло значительных изменений. Продолжало сказываться влияние культурных районов Северного Дуная: в эту

эпоху в материальной культуре Центральной Сербии появились новые фракийско-кимерийские элементы. Однако общий характер территории оставался иллирийским. В Центральной Сербии археологически не прослежено значительного распространения кельтов.

Характеристике Центральной Сербии в римское время посвящена статья М. Грбича. В отличие от Западной Сербии, Центральная изобилует римскими памятниками. Это объясняется особым географическим положением этого района, экономическими условиями и историческими событиями. Наиболее важными с точки зрения развития материальной культуры в эту эпоху являются богатые рудниками горные районы Рудник, Авала и Космая. Верхняя Мезия, которая включает всю Центральную Сербию, кроме небольшой части на западе, являлась житницей императорского Рима. Наиболее важным из памятников римской эпохи на Дунае, названия которых известны по древним географическим картам и другим источникам, является Сингидунум (Белград). В Центральной Сербии установлено два типа римских поселений: 1) поселения городского характера, расположенные вдоль Дуная, с римским наименованием и культурой, охраняемые несколькими крепостями, и 2) сельские поселения, южнее Дуная, укрепленные лишь в тех случаях, когда они были расположены на важных дорогах или около рудников.

Средневековому периоду Центральной Сербии посвящено несколько статей (авторы М. Дероко, М. Чорович-Лубинкович, Д. Бошковиц). Известно большое число средневековых поселений: 1) поселения, связанные с крепостями (Белград, Смедерово, Рудник, Остовица и др.) и имеющие часто верхнее предместье, охраняемое стенами, и нижнее, открытое, 2) феодальные неукрепленные поселения, 3) поселения около рудников, 4) сельские поселения вне укрепленных городов, еще не изученные, и 5) временные поселения полукочевых племен — места убежищ.

Насчитывается около 50 крепостей. Большинство из них не было рассчитано на огнестрельное оружие. Только в VI в. построено было несколько башен, снабженных отверстиями для жерла пушек. Большинство замков построено на возвышенностях и даже на крутых неприступных скалах (Острвица, Борач), но есть крепости, расположенные на равнине (Смедерово). Самыми большими в Югославии являются крепости Белград и Смедерово.

Кроме вышеназванных, важнейшими археологическими периодическими изданиями, выходящими в ФНРЮ, являются: «Archeološki Vesnik» (издание Словенской Академии наук и искусств в Любляне; с 1950 по 1954 г. вышло пять томов), старейший журнал Югославии «Гласник земаљског музеја у Сарајеву» (новая серия этого журнала начала выходить с 1946 г.; с 1946 по 1953 г. вышло восемь номеров; в 1954 г. выделился самостоятельный отдел «Археология»), «Музеji» (журнал музееведения и охраны, издаваемый в Белграде с 1948 г.), «Rad Vojvodjanskih museja» (труды музея автономного края Воеводина), «Starohrvatska prosvjeta» (ежегодник музея хорватских древностей), «Vjesnik za archeologiju i historiju Dalmatinska» (издание археологического музея в Сплите), «Glasnik» (издание «Общества музеев и Института охраны памятников Македонии»; в 1954 г. вышло девять отдельных номеров I тома).

В журнальной статье мы не имеем возможности подробнее остановиться на характеристике этих изданий. Все они публикуют результаты археологических исследований различных территорий ФНРЮ, представляющие несомненный интерес для советских археологов, и заслуживают специального рассмотрения.

Н. П. Журжалина

ИЗ НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИИ

(Краткие аннотации)

Методика

L. Woolley. Digging up the Past. Second Ed. London, 1954. 125 стр. + XXXII табл. (ЛБ¹)

Популярная книга о целях и методах археологических раскопок, составленная преимущественно на мезопотамском, отчасти — на египетском и эгейском материале, без ссылок на источники и литературу. Второе издание значительно разнится от первого, вышедшего в 1930 г., поскольку за это время археологическая методика обогатилась аэрофотосъемкой и радиоуглеродными датировками. Автор подробно излагает методику раскопок населенных пунктов, способы расчистки отдельных архитектурных объектов и раскопок некрополей (грунтовых могил и погребальных камер). В заключение дается представление о камеральной обработке и научном использовании археологических материалов.

¹ ЛБ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина.

Funde der Vorzeit. Ihre Bergung, Konservierung und Ausstellung. Herausgegeben von den Präparatoren des Museums für Ur- und Frühgeschichte Thüringens in Weimar unter Leitung von Eberpräparatoren H. J. Ersfeld. Weimar, 1955, 167 стр. + 112 рис. (БООН)²

Детальное руководство по вопросам хранения, консервации и реставрации всевозможных археологических материалов. Рассматриваются также способы изготовления гипсовых и других муляжей, гальванопластических копий, разного рода макетов, моделей и диорам, употребительных в музейно-экспозиционной практике. В книге содержится перечисление и описание инвентаря, необходимого для организации реставрационно-консервационного кабинета и муляжной мастерской.

Палеолит и неолит

R. Grahmann. The Lower Palaeolithic Site of Markkleeberg and Other Comparable Localities near Leipzig. (Transaction of the American Philosophical Society, v. 45, part 6.) Philadelphia, 1955. 509—687 стр. + 72 рис. (ЛБ).

Исследование, посвященное геологическим условиям древнепалеолитических залегающих в районе Лейпцига, и типологическое описание кремневой индустрии, происходящей из раскопок в Маркклеберге, в 8 км к югу от Лейпцига, производившихся в 1914 г. Автор относит это залегание в середине ашельской поры (стадии Леваллуа), соответствующей миндель-рисскому периоду ледниковой эпохи.

H. L. Movius and S. C. Judson. The Rock-Shelter of La Colombe. Cambridge, Massachusetts, 1956, 176 стр. + VI табл. + 52 рис. (ЛБ).

Публикация раскопок и исследований геологических условий позднеориньякского залегания в Ла-Коломбьер (Франция, г. Эн, в 64 км к северо-востоку от г. Лиона), предпринятых в порядке исследования в 1948—1950 гг. в том месте, где в 1914 г. вместе с ориньякско-мадленской кремневой индустрией и соответствующей фауной были найдены изображения животных, гравированные на костях мамонта и на гальке. Новейшие раскопки дали еще несколько подобных же изображений (мамонта, носорога, лошади), публикуемых в настоящем издании. Геологические условия определяют это залегание как относящееся к вюрмской эпохе, с климатическими условиями, отчасти соответствующими современному климату Северной Евразии.

A. D. Lacaille. The Stone Age in Scotland. London, 1954, 345 стр. + 140 рис. (ЛБ).

В этой книге, представляющей собой детальное геологическое и археологическое исследование возникновения условий для существования древнего человека на севере Англии и зачатков его культуры, рассматриваются пути проникновения древнейших культурных явлений в Шотландию и разрабатывается хронология древнейших археологических периодов.

Древнейшей культурой на территории Шотландии является лернийская культура, местом возникновения которой была Ирландия. Автор относит первые шаги человеческой жизни в Шотландии ко времени мезолита. Он связывает эту культуру с борейальным периодом, который приходится, по установленной им абсолютной хронологической шкале, на время от VII до V тысячелетия до н. э.

В более позднее время, чем лернийская, в Шотландию проникает из Северо-Западной Англии убенская культура. Она достигает своего расцвета в атлантический период, датируемый автором от 5000 до 2500 г. до н. э. Эта культура обнаруживает признаки влияния культуры Маглемозе. Изложение заканчивается рассмотрением раннеолитических, или, как автор их называет, эпимезолитических культур Шотландии, характеризующихся тарденуазской микролитической техникой, расцвет которых приходится на суббореальную эпоху. По мнению автора, чисто неолитический период в Шотландии, как и в Англии, был весьма кратким. Появление металла совпадает с появлением керамики, древнейшие образцы которой из Бери Сандс и других мест обнаруживают уже черты известного развития керамической техники.

R. Vaufrey. Préhistoire de l'Afrique, t. I. Le Maghreb (Publication de l'Institut des Hautes Études de Tunis, t. IV). Paris, 1955. 458 стр. + 216 рис. + IX табл. (ЛБ).

Первая часть задуманной автором многотомной «Первобытной археологии Африки» посвящена территории Туниса, Алжира и Марокко. Книга открывается обстоятельным историко-геологическим введением, характеризующим естественные условия существования древнего человека в Северной Африке. Автор приводит сведения о незначительных остатках древнепалеолитических культур, родственных европейским и, по мнению автора, возникших под европейским влиянием. Основным содержанием книги является капсийская культура, которую автор выводит из местной верхнепалеолитической (атерийской) культуры, связываемой им, в свою очередь, с ориньякской. Книга заканчивается палеонтологическим образом применительно к рассмотренным ранее археологическим культурам.

² БООН — Фундаментальная библиотека отделения общественных наук АН СССР.

H. Breuil. *Les Roches peintes du Tassili-n-Ajjer d'après les relevés du colonel Brenans avec la collaboration de H. Lhote.* Paris, 1954. 159 стр., из них 54 рис. (ЛБ).

Публикация копий скальных рисунков из пустыни Сахары, в районе французского форта Джане (Алжир), представляющих собой сцены охоты, ритуальных танцев и т. п. различного времени, начиная с эпохи ископаемых бовидов (*Bos primigenius*). Публикация сопровождается детальным комментарием, основанным на сравнительном анализе древних изображений, с привлечением скальных рисунков из других мест Северной Африки и Европы.

W. U. G u y a n. *Mensch und Urlandschaft der Schweiz.* Zürich, 1954. 240 стр. + 171 рис. (БООН).

Характеристика эволюции естественных условий человеческого существования в Альпах от ледникового до субатлантического периода. При этом автор старается продемонстрировать взаимодействие геологических, ботанических и зоологических факторов, широко пользуясь для иллюстрации археологическими данными, в том числе древними изображениями.

В связи с изменениями климата и ландшафта автор отмечает главнейшие сдвиги в условиях человеческого производства и быта: развитие жилища, земледелия и скотоводства. Прослеживаются также и основные этапы первобытной техники.

E. Vogt. *Pfahlbaustudien; W. U. G u y a n.* *Das jungsteinzeitliche Moordorf von Taugen-Weier.* Schaffhausen, 1954. 270 стр. + 95 рис. + 2 наклейки (БООН).

Первая из названных работ посвящена положению, планировке, архитектуре и строительной технике швейцарских свайных поселений. Изучение этих вопросов привело автора к важным выводам общего порядка: он отрицает озерные и речные поселения древнего времени в средних широтах, считая возможным говорить лишь о береговых поселениях. Автор показывает также, что поселения эти, существовавшие от неолитической поры до эпохи поздней бронзы, не имеют непрерывных культурных напластований, что свидетельствует об их неоднократном заселении.

Вторая работа является сообщением о раскопках свайного поселения на торфяном болоте. Поселение относится к эпохе позднего неолита, датированного на основании содержания в органических остатках C_{14} 2720 (± 100) г. до н. э. Раскопки были предприняты в 1953 г. в порядке доследования и продолжения работ, производившихся в 1915—1921 гг. По находкам керамики неолитическое поселение Тайнген-Вейер относится к михельсбергской культуре.

Frühe Burgen und Städte. *Beiträge zur Burgen- und Stadtkernforschung.* Berlin, 1954. 223 стр. + 67 рис. + 26 табл. (БООН).

Изданный к 60-летию В. Унферцагта сборник статей, посвященных исследованию древних укреплений и населенных пунктов на территории Германии от эпохи неолита и до средневековья. Две последние статьи сборника посвящены средневековым колодцам в Шпандау и Магдебурге.

K. Schwarz. *Die vor- und frühgeschichtlichen Geländedenkmäler Oberfrankens.* Atlas. (Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte, Heft 5). Kallmünz/Opf., 1955. 30 планов + 7 карт. (БООН).

Атлас планов и карт древних укреплений, некрополей и т. п., сохранившихся на территории Верхней Франконии, по съемкам, исполненным баварской геодезической службой. Атласу предшествует краткое введение, поясняющее способы фиксации на планах различных топографических деталей, свидетельствующих о древности и степени сохранности зафиксированных объектов.

E. Schuldt. *Mecklenburg urgeschichtlich. Eine gemeinverständliche Einführung.* Schwerin, 1954. 109 стр. + 88 рис. (БООН).

Популярное введение в археологию Северо-Восточной Германии, сопровождаемое большим количеством хороших воспроизведений. В особенности могут быть полезны публикации и описания поздненеолитических памятников, в частности клада кремневых эрудий из торфяника Трибзее около г. Штральзунд, энеолитического погребения из Осторфа и др. Достаточно детально представлены памятники славянского (вендского) периода Мекленбурга (VI—XII вв. н. э.), в том числе часть деревянного моста (общей длиной в 750 м) в Тетерове.

W. Szafrański. *Skarby brązowe z epoki wspólnoty pierwotnej (IV i V okres epoki brązowej) w Wielkopolsce.* Wrocław, 1955. 300 стр. + IV табл. (ЛБ, БООН).

Детальное исследование кладов эпохи поздней бронзы и начала гальштата, найденных на территории современной Польши. Автор пересматривает даты кладов и на этом основании — хронологию и типологические соотношения в пределах IV и V периодов бронзы и раннего периода гальштата. Он связывает, кроме того, эти клады с могильниками и поселениями эпохи поздней бронзы и раннего железа. В. Шафранский рассматривает клады как наиболее яркий пример накопления богатств в руках аристократии и ремесленников. Социальный анализ патриархально-родового общества автор производит с марксистских позиций.

Древний Восток и Малая Азия

J. Vandier. Manuel d'archéologie égyptienne. Paris, 1952—1954. t. I, p. 1 и 2, 1044 стр.; t. II, p. 1, 554 стр.

Первая часть I тома капитального руководства по древнеегипетской археологии, которое, по словам автора, должно служить путеводителем для всякого желающего проникнуть в древнеегипетский материал, посвящена нагадейско-герзехской эпохе. Она имеет введение, трактующее вопросы палеолита и неолита в долине Нила. Культуры Нагаде и герзехская рассматриваются автором отдельно, по основным разделам материальной культуры и искусства. В особенности подробно представлена нагадейская керамика и каменная посуда. Последняя глава первой части посвящена гиераконполиским фрескам и додинастическим палеттам с рельефными изображениями.

Во второй части освещается материальная культура тинитской эпохи. Заключительные главы посвящены некрополю Саккара и памятникам искусства тинитской эпохи и времени III династии.

Первая часть II тома содержит историю погребальной архитектуры древнего Египта. Она распадается на три раздела: царские гробницы, гробницы частных лиц и погребальные стелы. Рассматривая вопросы истории погребальной архитектуры, автор не уклоняется от некоторых общих культурно-исторических проблем. В частности, он говорит о времени и об интенсивности проникновения в Египет сирийских культурных элементов. Касаясь скульптурных украшений гробниц и погребальных стел, автор ставит широкие вопросы эволюции художественных стилей древнего Египта.

W. Wolf. Die Welt der Ägypter. Grosse Kulturen der Frühzeit. Herausgegeben von H. Th. Bossert. Zürich, 1955. 292 стр., из них 118 табл. (ЛБ).

Альбом хорошо исполненных фототипий, искусно подобранных и дающих цельное представление о культуре и искусстве древнего Египта. Среди представленного материала имеются редко публикуемые памятники большой художественной и историко-бытовой значимости. Альбому предпослано большое введение, характеризующее древнеегипетскую культуру по ее основным этапам, преимущественно в отношении искусства и религиозного культа (характерно, что время второй половины III тысячелетия до н. э. автор именует «эпохой феодализма»). Альбом сопровождается справочными данными в отношении опубликованных памятников, хронологическими таблицами и библиографией.

W. V. Emery. Great Tombs of the First Dynasty. I. Cairo, 1949, 157 стр. + 55 табл.; II. London, 1954. 171 стр. + 65 табл. (БООН).

Публикация раскопок большого масштаба эпохи I династии, открытых в Саккара в начале нынешнего столетия. Публикация сопровождается анализом погребальной архитектуры, эволюционировавшей в отношении углубления подземных сооружений и создания защиты против грабителей, а также погребального ритуала и инвентаря на примере лучше сохранившихся могил №№ 3471 и 3504, содержащих много каменной и глиняной посуды, изделий из меди, золота, дерева и кожи.

G. A. Reisner. A History of the Giza Necropolis. v. I. London, 1942. XLVII + 532 стр. + 75 табл. + 325 рис.; v. II. The Tomb of Hetep-Heres the Mother of Cheops. A Study of Egyptian Civilization in the Old Kingdom. Completed and Revised by W. S. Smith. London, 1955, XXV + 107 стр. + 55 табл. (ЛБ).

Содержанием I тома является классификация и описание типов погребальных сооружений раннединастического некрополя в Гизе, установление их хронологии, характеристика погребального ритуала и инвентаря по раскопкам, производившимся под руководством автора публикации в период с 1902 по 1940 г. II том посвящен публикации открытой в 1925 г., не тронутой грабителями гробницы царицы Хетеп-Херес, матери Хеопса. Гробница содержала большое количество бытового материала (мебели, предметов туалета и огромного количества ритуальной и бытовой посуды). Публикация включает в себя очерк истории исследования этой весьма важной для познания культуры раннединастического Египта гробницы, а также свод исторических данных о самой царице, об ее времени и дворцовом окружении.

A. M. Blackman and M. R. Apted. The Rock Tombs of Meir. Part V, London, 1953. 60 стр. + 65 табл.; part VI, 1953, 38 стр. + 35 табл. (БООН).

Продолжение публикации монументальных скальных гробниц в Меире³, одном из пунктов, служивших местом захоронения египетских фараонов и знати эпохи Среднего царства. Публикация содержит детальное описание усыпальниц, фототипические (иногда цветные) воспроизведения их внешней и внутренней архитектуры, фресок, рельефов и иероглифических текстов.

M. F. Laming Mac Adam. The Temples of Kawa. I. The Inscriptions v. I, Texts, London, 1949. 142 стр.; v. II. Plates, London, 1949, 66 табл. II. History and Archaeology of the Site; v. III. Texts. London, 1955. 255 стр.; v. IV. Plates. London, 1955, XX стр. + CXII табл. (ЛБ).

Публикация раскопок храмового комплекса в местности Кава в Нубии, близ Донгола, на восточном берегу р. Нила. Раскопки, начатые английской экспедицией под ру-

³ См. А. М. Blackman. Rock Tombs of Meir, I—IV. London, 1914—1924.

ководством Гриффитса в 1930-х годах, показали, что пункт этот был обитаем египтянами с конца эпохи Среднего царства. Два храма (А и В) выстроены в эпоху XVIII династии, третий же, наибольший и наиболее хорошо сохранившийся,— в 684 г. до н. э., в царствование фараона Тахарки. Публикация содержит описание места, историю раскопок, детальное описание и воспроизведение архитектурных памятников, рельефов и надписей (первые два тома), а также большого количества предметов искусства и культуры.

A. Parrot. Archéologie mésopotamienne. Т. I. Les étapes. Paris, 1946. 542 стр.; т. II. Technique et problèmes. Paris, 1953. 470 стр. (ЛБ).

История археологических открытий в древнем Двуречье и история изучения месопотамских древностей. Суммарно излагаются научные результаты археологических путешествий и открытий в Ираке до середины прошлого столетия. Кратко останавливаясь на истории дешифровки клинописи, автор описывает историю раскопок, производившихся в конце XIX в. и в первой половине текущего столетия до второй мировой войны (отмечая иногда и открытия, сделанные в военные годы), отдельно для каждого исследованного пункта, не упуская, однако, из виду и общей картины хронологических и стратиграфических соотношений, культурно-исторических взаимосвязей.

Во II томе этого издания автор освещает вопросы археологической техники и проблемы, связанные с датировкой археологических горизонтов различных поселений в Месопотамии, равно как и древнемесопотамской хронологии вообще, в связи с происходящим в науке пересмотром в сторону омоложения этой хронологии. На примере раскопок Хасуны (близ г. Мосула) в 1943—1944 гг. автор устанавливает хронологическую последовательность керамики типа Самарры и типа Халафа. На основании изучения материала из раскопок Эриду он устанавливает относительную продолжительность периода Халафа, а также прослеживает известные различия между культурой Эриду и культурными явлениями типа Самарры и Халафа. На основании данных, добытых раскопками в Мари, автор устанавливает соотношение во времени правлений Шамши Адада I и Хаммурапи для контроля данных Хорсабадского списка ассирийских царей. Он принимает так называемую «короткую» хронологию С. Смита и относит Хаммурапи к первой половине XVIII в. до н. э. Книга богато иллюстрирована и снабжена обширной библиографией.

H. Schmökel. Ur, Assur und Babylon. Drei Jahrtausende im Zweistromland. (Grosse Kulturen der Frühzeit. Herausgegeben v. H. Th. Bossert). Zürich, 1955. 300 стр., из них 118 табл. (ЛБ).

Альбом по истории культуры древней Месопотамии, составленный преимущественно на материале из новых и новейших раскопок Ура, Лагаша, Джемдет-Насра, Ассура. Альбому предшествует культурно-историческое введение. Материал III тысячелетия до н. э. представлен богаче, нежели материал ассирийской эпохи. Это привело к некоторой неравномерности изложения.

L. Woolley. Excavations at Ur. A Record of Twelve Years' Work. London, 1955. 262 стр. (ЛБ).

История Ура, изложенная в популярной форме, по данным археологических раскопок под руководством автора. Во введении кратко излагается история исследования древнего города. Во второй главе — археологическая стратиграфия и характеристика древнейших остатков, предшествовавших возникновению города. Изложение доводится до римского времени, к которому относятся наиболее поздние археологические слои. В приложении даны династические таблицы до I вавилонской династии.

L. Woolley. Alalakh. An Account of the Excavations at Tell Atchana in the Hatay, 1937—1949. Oxford, 1955. 411 стр. + 131 табл. + 80 рис. (БООН).

Публикация материала, происходящего из древнего Алаха (Телль-Атхана, на Нижнем Оронте). Это поселение существовало начиная со второй половины IV тысячелетия до н. э. Оно весьма важно в культурно-историческом отношении, поскольку находится в центре перекрестных влияний, шедших из Вавилонии, Ассирии, Египта, Эгейского мира и Малой Азии. Стратиграфия Алаха дала ряд новых данных, стимулировавших пересмотр и омоложение древневосточной хронологии. Дается детальное описание культурных остатков и классификации керамики. Работа касается также хронологических и стратиграфических вопросов, причем автор частично опирается на выводы С. Смита⁴.

M. Dupan. Fouilles de Byblos. I (1926—1932). Texte. Paris, 1939. 456 стр. + 320 рис.; II (1933—1938). Texte. Paris, 1954. 477 стр. + 515 рис. (БООН).

Отчеты и дневники раскопок древнего Библоса, предпринятых М. Монте в 1921 г. Эти раскопки открыли остатки оборонительных сооружений города финикийской эпохи, храмовые и жилые кварталы, некрополь. Дается документация большого архитектурного, эпиграфического и бытового материала, существенного для истории Сирии, начиная с эпохи неолита и до времени римской оккупации. В слоях Библоса содержатся предметы месопотамского, египетского и эгейского происхождения, важные для построения сравнительно-хронологической шкалы.

⁴ S. Smith. Alalakh and Chronology. London, 1940.

A. Parrot. Ninive et l'Ancien Testament. Paris, 1953. 78 стр. (ЛБ).

Автор трактует об отношениях Ассирии, Сирии и Египта. Вместе с тем сообщаются новейшие археологические данные о Ниневии, о раскопках в Каппадокии и Сирии, позволяющие проследить историю культурных отношений между названными странами. Рассматривая эпоху ассирийской экспансии на юго-запад, в Сирию, автор указывает на то, что поздний Вавилон явился преемником Ассирии в отношении сирийских военных предприятий и культурных взаимоотношений с ее приморскими областями.

M. Rimschneider. Die Welt der Hethiter. Mit einem Vorwort von H. Th. Bossert (Grosse Kulturen der Frühzeit. Herausgegeben von H. Th. Bossert). Stuttgart, 1954, 260 стр. (БООН).

Альбом из 109 таблиц, содержащих преимущественно репродукции хеттской скульптуры, снабженный подробным сопроводительным текстом, изложенным в систематическом порядке и дающим представление о происхождении хеттов, их исторических судьбах, государственном и социальном строе, религии, литературе и искусстве. Изложение базируется на устаревших во многих отношениях данных (как, например, возникновение хеттского иероглифического письма автор относит к IV тысячелетию до н. э.). Хетты (в изложении автора) — пришельцы-завоеватели; однако ни их исходные позиции, ни время этого завоевания не могут быть сколько-нибудь точно указаны. Вместе с тем автор подчеркивает однородный характер хеттской культуры, начиная с ее древнейших проявлений.

C. Ceram. Enge Schlucht und Schwarzer Berg. Entdeckung des Hethiter-Reiches Hamburg, 1955. 248 стр. (БООН).

Популярная и занимательная история открытий и исследований в области археологии, истории и языка древних хеттов. Книга эта может быть небезынтересна для специалиста-археолога, поскольку она сообщает многочисленные подробности археологической деятельности Г. Винклера и других ученых, заложивших основы изучения археологии и письменности хеттов. Книга богато иллюстрирована, снабжена археологической картой и обстоятельной библиографией.

I. Garstang. Prehistoric Mersin-Jümük Tepe in Southern Turkey. (The Neilson Expedition in Cilicia). Oxford, 1953. XVII + 271 стр. + XXIII табл. (БООН).

Публикация материала и отчет об археологических исследованиях, производившихся на холме Юмюк-Тепе, близ Мерсина в Малой Азии, к юго-западу от г. Тарса. Автором было открыто древнее поселение, существовавшее начиная с неолитической эпохи и до мусульманского времени. Наиболее богатыми и интересными в археологическом отношении являются слои эпохи бронзы, сближающие культуру древнего Мерсина с месопотамской, а позднее определяющие ее как хеттскую. Слои IV и III содержат остатки микенской и греческой культуры, свидетельствуя о том, что пункт этот с ахейской эпохи и до позднееллинистического времени был одним из форпостов греческой цивилизации на Востоке.

Эгейская, греко-римская и раннесредневековая археология

P. Demargne et H. Gallet de Santerre. Fouilles exécutées à Mallia. Explorations des maisons et quartiers d'habitations (1921—1948). Fasc. I. (Ecole française d'Athènes. Etudes crétoises, IX). Paris, 1953. 112 стр. + LXVII табл. (ЛБ).

Публикация раскопок жилых кварталов древней Маллии на о. Крите, расположенных к западу и востоку от дворца. Архитектурные остатки, параллели которым авторы публикации находят преимущественно в Кноссе и Гурнии, а также и в некоторых других древнекритских пунктах, относятся к средне- и позднеминойскому периодам (первая половина II тысячелетия до н. э.).

R. Dussaud. Préliens, Hittites et Achéens. Paris, 1953. 186 стр. (ЛБ).

Книга посвящена древнейшим культурным взаимоотношениям Анатолии и соседних средиземноморских стран. Автор показывает, как в Западной Анатолии местная культура типа Иорган, отличная от культуры Трои, развивается в значительной мере самостоятельно и независимо как от Эгейского мира, так и от хеттов. Основные культурные элементы хеттов (керамика, скульптура, письменность) не распространялись за пределы р. Галиса. Автор показывает широкие связи берегов Анатолии с Двуречьем и Египтом, связи, прослеживаемые особенно отчетливо во II тысячелетии до н. э. К этой же эпохе относятся наиболее оживленные сношения Анатолии с эгейско-ахейским миром, получившие свое отражение в мифах о Троянской войне и в некоторых наиболее распространенных в Эгейском мире культах: культе Великой Матери и ее паредров, наиболее распространенные формы которых происходят, по мнению автора, от ритуала дождевой и антисейсмической магии, известной в Анатолии. Он показывает далее, что основой широких сношений Анатолии с соседними странами была ее металлургия, в особенности металлургия бронзы, образцы которой распространялись весьма широко по всему Средиземноморью.

J. Vercutter. Essai sur les relations entre Egyptiens et Préhellènes. Paris, 1954. 188 стр. (БООН).

Книга освещает вопросы взаимного влияния египетской и эгейской культур. Автор считает, что минойская цивилизация произошла из слияния египетско-ливийского и кикладско-малоазиатского элементов. В связи с вопросом о проникновении египетских вещей на о. Крит автор затрагивает проблему древней хронологии. Он склонен к ее некоторому омоложению. Много внимания уделено автором египетской топонимике «стран и племен моря». Касаясь проникновения микенской культуры и микенского политического влияния на о. Крит и в другие средиземноморские области, он приурочивает их апогей к XV—XIV вв. до н. э., а сказания о Троянской войне считает отголосками этих явлений.

Микенцев, распространившихся по средиземноморским странам, древнеегипетские источники называют именем «ахийава». Автор уделяет много внимания вопросу о влиянии культуры о. Крита на египетскую культуру и в этой связи останавливается на значении клада из Тада.

E. Kunze. V. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Mit Beiträgen von H. V. Herrmann und H. Weber. Berlin, 1956. 183 стр. (БООН).

Сообщение о раскопках в Олимпии в течение 1941—1952 гг. Был исследован стадион, детальное описание которого произведено в специальной главе книги. Отдельные главы посвящены наиболее выдающимся находкам: фрагментам бронзовых щитов с посвящениями различных общин за победы (аргосцев — над коринфянами, жителей Занклы — над Регием, сиракузян — над акрагантцами); бронзовому шлему с посвящением Мильтиада; предметам искусства из бронзы, мрамора и терракоты.

Corpus vasorum antiquorum. France. Musée du Louvre par F. Willard, sous la direction d'A. Merlin. France, fasc. 18, Louvre, fasc. 11, Paris, 1954. III НВ III Нс 48 табл. (ЛБ).

Опубликованы аттические вазы геометрического дипилонского стиля (16 табл.) и вазы чернофигурного стиля (32 табл.) IX—VI вв. до н. э.

R. Martin. L'urbanisme dans la Grèce antique. Paris, 1956. 301 стр. + XXXII табл. + + 64 рис. в тексте (ЛБ).

Исследование, построенное в значительной степени на археологическом материале и посвященное развитию древнегреческого урбанизма. Автор понимает под этим термином представление о городе как об архитектурном целом. Автор считает родиной урбанизма ионийские центры, отрицая вместе с тем восточное влияние на греческую архитектурную мысль. Он находит особенно отчетливое выражение греческих урбанистических идей в архитектуре Милета и Пергама, получивших свое завершение в плане и ансамбле Александрии. Прототип позднейшего римского монументального урбанизма автор видит уже в Пергаме. К сожалению, он почти вовсе не привлекает остатки древнеэгейской архитектуры для выяснения происхождения планировки и стиля греческого города, основным принципом которого он считает целесообразность и конструктивность.

L. Robert et J. Robert. La Carie. Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques, t. II. Le plateau de Tabai et ses environs. Paris, 1954. 452 стр. + LVI табл. (БООН).

Топографическое описание территории древней Карики, ее населенных пунктов (Табы, Гераклея Салбака, Аполлония Салбака, Себастополис и Кидрама). Подробно характеризуются архитектурные остатки и находки скульптуры, нумизматические памятники и эпиграфика (последняя рассматривается в приложении, с детальным филологическим и историческим комментарием). Все издание рассчитано на четыре тома, из которых II том является первым, вышедшим из печати.

G. Richter. Ancient Italy. A Study of the Interrelations of Its Peoples as Shown in Their Arts. Ann Arbor, 1955. 137 стр. + 305 рис. (БООН).

Краткий обзор истории итальянского искусства от древнейшего до позднеримского времени. Рассматривается скрещение влияний, первоначально — греко-этрuscoго и некоторых местных племен, позднее — преимущественно греческого, а с распространением римской империи на восток — также и сиро-египетского. Автор детально прослеживает процесс освоения Римом культуры других древних народов, посредством копирования предметов искусства и адаптации художественных мотивов, на многочисленных образцах монументальной пластики, живописи и терракоты.

O. W. Vasano. Die Etrusker. Stuttgart, 1955. 467 стр. + 144 табл. + + 100 рис. (ЛБ).

Очерк этрусской культуры, ее происхождения и распространения по Апеннинскому полуострову, построенный преимущественно на археологических данных. В особенности подробно автор освещает этрусскую архитектуру, монументальное искусство, терракоту и ювелирное дело. Автор подчеркивает отличия этрусской культуры от итальянской, настаивая на ее «варварском», азиатском происхождении.

H. Lyngby. Beiträge zur Topographie des Forum Boarium-Gebietes in Rom. Testimonien nebst Kommentar und kritischem Apparat. Lund, 1954. 167 стр. (ЛБ).

Археолого-топографические исследования на территории Форум Боариум (у Палатинского холма) в Риме и в его ближайшем окружении. В центре внимания автора — Circus maximus, окружающие его храмы и алтари и часть римской оборонительной стены, примыкавшая к р. Тибру. Экскурсы автора в отношении названных архитектурных объектов представляют собой детальный комментарий к древним текстам, подобранным и цитированным автором с максимальной полнотой.

P. Bigot. Rome antique au IV-ème siècle après J. C. Paris, 1955. 55 стр. (БООН).

Книга представляет собой фототипические воспроизведения макета древнего Рима IV в. н. э., исполненного по реконструкциям автора. Фотовоспроизведения снабжены кратким фактическим и историческим комментарием, не мотивирующим, однако, те или иные детали реконструкции, являющиеся спорными и часто произвольными.

E. Will. Le relief culturel gréco-romain. Contributions à l'histoire de l'art de l'Empire romain. Paris, 1954. 492 стр. + V табл. + 82 рис. (БООН).

Исследование, посвященное иконографии и композиции греко-римских культовых рельефов, преимущественно варварских божеств: дунайского всадника, Юпитера Долихена, Митры и других ассоциирующихся с ними культовых персонажей. Автор устанавливает, что рельефные изображения, хотя они большей частью и не имеют традиций в круглой скульптуре, восходят все же к определенным эллинистическим образцам. Художественную недостаточность этих рельефов автор объясняет тем, что самые культы, будучи провинциальными и неофициальными, существовали в стороне от главной линии античного искусства.

'Α. Κ. 'Ορλάνδος. Ἡ ἐξέλιξη τοῦ παλατιοχριστιανικοῦ βασιλικῆ τῆς μεσογειακῆς λεκάνης... ἀπὸ τῶν ἀποστολικῶν χρόνων μέχρι τοῦ Ιουστινιανοῦ. Ἀθήναι, 1952—1954, 2 тома, 234+372 стр.+550 илл. (БООН).

История древнехристианской базилики в средиземноморских странах (преимущественно в Греции и Риме) с кратким обзором древнехристианской архитектуры Сирии и Северной Африки до эпохи Юстиниана. Автор выясняет процесс «христианизации» античных архитектурных форм по мере приспособления их к культовым нуждам, прослеживая эволюцию как отдельных конструктивных частей базилики, так и ее орнаментальных деталей и рассматривая историю базилики как часть истории древнехристианского искусства.

J. Jannoy. Ensérune. Contribution à l'étude des civilisations préromaines de la Gaule méridionale. Paris, 1955. 490 стр. и альбом из 71 табл. (БООН).

Исследование, посвященное доримскому периоду галльского оппидума Энзеруна, расположенного на юге Франции, близ Нарбонна. Предметом исследования послужили результаты раскопок, ведшихся с 1915 г. и давших обильный материал, начиная от остатков эллинизированной архитектуры (оборонительная стена, культовые и гражданские сооружения) и кончая значительным количеством импортной греческой керамики — ионийской, аттической, чернофигурной и т. д., а также местными ей подражаниями. Весьма симптоматично большое количество иберийских граффити, указывающих на культурную и политическую зависимость этого лигурийского городка от довольно далеких иберийских центров.

J. A. E. Niquin. La nécropole de Furfooz. Brugge, 1953. 110 стр. + XII табл. + 18 рис. в тексте (БООН).

Исследование археологических материалов, извлеченных при неоднократных (с 1876 по 1932 г.) раскопках древнего некрополя в Фурфозе (Бельгия, провинция Намюр), датирующегося нумизматическими находками III—IV вв. н. э. и содержащего инвентарь, позволяющий наблюдать процессы варваризации провинциальной римской культуры в эпоху поздней империи. Автор связывает некрополь с летам⁵ (наименование, соответствующее понятию инквилны, лишенное каких бы то ни было этнических признаков). Однако автор считает этих летов германцами, а не галлами, в частности потому, что некрополь частично расположился под полом кальдария терм (римской виллы, которую, по предположению автора, и должны были охранять эти леты), в то время, когда термы еще функционировали, прямо между трубами гипocausta.

M. Almagro. Las Necrópolis de Ampurias, v. I. Introducción y Necrópolis griegas. Barcelona, 1953. 400 стр. + XVIII табл. + 393 илл. v. II Necrópolis romanas y necrópolis indígenas. Barcelona, 1955. 400 стр. + XVI табл. + 365 илл. (БООН).

Обстоятельная публикация раскопок некрополя Ампуриады (древней Emporiae) в Каталонии, близ Барселоны. I том содержит публикацию древнегреческого некрополя, II том — римского и иберийского. Книга богато иллюстрирована, к каждому тому приложены хронологико-типологические таблицы основных керамических форм.

⁵ Laeti. См. S o s i m., II, 54, 1.

P. Cintas. *Contributions à l'étude de l'expansion carthaginoise au Maroc.* Paris, 1954. 101 стр. + 39 табл. + 36 илл. (БООН).

Автор публикует материалы археологических разведок, предпринятых им в начале 1950-х годов по берегу Французского и Испанского Марокко, а также небольших раскопок в Могадоре, на берегу Атлантического океана. Несмотря на то, что некоторые керамические и другие находки восходят к VII в. до н. э., автор не считает возможным говорить о карфагенских резиденциях на берегу Атлантического океана до V в. до н. э.

J. Szilágyi. *Aquincum.* Budapest, 1956. 136 стр. + 90 табл. (ЛБ).

Описание истории древнеримского муниципия Аквинкума, близ современного Будапешта, а также и истории его исследования, сопровождаемое публикацией важнейшего археологического и эпиграфического материала. Автор подчеркивает наличие и постепенное увеличение местного дакийского элемента в культуре римского поселения, возникшего во II в. н. э. на месте укрепленного лагеря II легиона.

J. Vren. *Černe (švartnové) náramky v českém latěnu.* Черные (сапропелевые) браслеты в чешском латене. Praha, 1955. (Sborník Narodního Musea v. Praze. Svasék IXA. Historický č. 1). Redaktor G. Skalský. 42 стр. + VIII табл. + 1 карта. Резюме на русском и французском языках. (ЛБ).

Исследование, посвященное производству лигнитовых (сапропелевых) браслетов в латенскую эпоху в Чехии. На материале древнего поселения в Мшецких Жегровицах автор изучает производство лигнитовых изделий, распространившихся более всего в III—I вв. до н. э. в Средней и Западной Чехии. Наибольшей интенсивности производство этих украшений, бытовавших лишь среди сельского населения, достигло во второй половине II в. до н. э.

R. Göbl. *Der Römische Münzschatzfund von Apleton (Wissenschaftliche Arbeiten aus dem Burgenland, Heft 5).* Eisenstadt, 1954. 41 стр. (БООН).

Публикация клада римских серебряных монет, найденных в глиняном сосуде близ Аплетона (Австрия, Бургенланд) в 1953 г., в количестве 361 экз. Монеты датируются от 218 до 258 г. н. э. Среди них редкая монета Дриантиллы, жены узурпатора Регалиана, — 260 г. н. э. Монетам Регалиана и Дриантиллы посвящается особый экскурс.

П. Делирадев. *Принос към историческата география на Тракия, I—II.* София. 1953. 351 + 487 стр. (ЛБ).

Книга распадается на две части, из которых первая содержит краткий очерк исторической географии Болгарии от древнейших времен до первой мировой войны. Очерк заключается кратким историко-географическим обзором основных географических районов Болгарии (Фракийская низменность, бассейн Марицы, Черноморское побережье). Вторая часть представляет собой обзор болгарских географических пунктов по административным округам с учетом исторических, легендарных и археологических данных.

Ст. Стефанов. *Старините по долния басейн на Янтра.* София, 1956. 84 стр. + 77 рис. + археологическая таблица и карта. Резюме на русском языке. (БООН).

Систематическое описание археологических памятников по нижнему течению р. Янтра в Болгарии. Наиболее детально описаны римские и византийские укрепленные пункты около сс. Стримен, Кривна и Полско Восоєво. Автор публикует также значительное число надгробий с латинскими надписями, архитектурных деталей, керамики.

G. Laszló. *Études archéologiques sur l'histoire de la société des avars.* Budapest, 1955. 296 стр. + 70 табл. + 86 илл. (ЛБ).

Опыт типологической и хронологической классификации археологического материала из могильников аварской эпохи на Среднем Дунае (Kiskőrös — Vagóhid, Győr Kiskőrös — Varosalatt, Ulló, Csuny). Автор прослеживает процесс социальной дифференциации аварского общества и постепенное стирание клановых (родовых) различий.

D. Csallány. *Archaeologische Denkmäler der Avarzeit in Mitteleuropa.* Schrifttum und Fundorte. Budapest, 1956. 244 стр. + 1 карта. (БООН).

Книга содержит библиографию работ, посвященных истории и археологии авар в Средней Европе (вплоть до Волги), перечень мест археологических и антропологических находок аварской эпохи на этой территории и перечень мест нумизматических находок аварского времени с указателем находок византийских монет.

R. Pleiner. *Výroba železa ve slovanské hutí u Želechovic na Ústřkovsku (Rozpravy Československé Akademie Věd, Ročník 65, Sešit 6).* Praha, 1955. 52 стр. + XIV табл. Резюме на русском и немецком языках. (ЛБ).

Публикация и исследование железодельных сыродутных горнов в с. Желеховицах (округ Штернберг в Северной Моравии), открытых в 1931 и 1935 гг. и исследованных в 1950—1951 гг. Эти древнеславянские сыродутные горны, датируемые VIII—IX вв., имеют ближайшие аналогии среди многих других сыродутных горнов древнего и раннесредневекового времени, открытых в разных пунктах на европейской территории. Горны имели приспособления для искусственного дутья и конденсации горячего воздуха. Температура дутья достигала 1400°. Л. Е.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — археологический съезд
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВСЕГЕИ — Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИБАД — Известия на Българското Археологическо Дружество
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИОАИЭКУ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СЭ — Советская этнография
ТОВЭ — Труды отделения Востока Государственного Эрмитажа
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
AA — Archäologischer Anzeiger des Deutschen Archäologischen Instituts
AJ — Archaeological Journal
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JDI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
RA — Revue archéologique
SCIV — Studii si cercetari istorie veche
SPA — Survey of Persian art

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

П. И. Борисковский (Ленинград). Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе	3
Б. Б. Пиотровский (Ленинград). Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза	20
Т. С. Пассек (Москва). Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья	28
В. Миков (Болгария, София). Культура неолита, энеолита и бронзы в Болгарии	47
В. И. Цехмистренко (Керчь). К вопросу о периодизации синопских керамических клейм	56
Е. В. Веймарн (Бахчисарай). «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг.	71
В. Гензель (Польша, Варшава). Познать в раннеястовское время	80
Б. Б. Жиромский (Москва). К вопросу о походе Булак-Тимура	88
Э. Кондураки (Румыния, Бухарест). Румынская археология в 1956 г.	97

Публикации

С. П. Толстов (Москва). Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг.	106
Д. Л. Коридзе (Тбилиси). Новые находки медных орудий в Квемо-Картли	134
В. Е. Ларичев (Ленинград). Стоянки культуры раковинных куч в районе бухты Тетюхе.	141
В. И. Марковин (Москва). Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана.	147
А. А. Мартиросян (Ереван). Раскопки жилых кварталов города Тейшебани в 1955—1956 гг.	163
В. П. Левашева (Москва). К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры	171
Л. Н. Казаманова (Москва). Клад римских денариев I—III вв. н. э. из с. Турия Златопольского района, Черкасской области	182
Э. А. Рикман (Кишинев). Могильник первых столетий н. э. у с. Будешты в Молдавии.	187
Р. М. Джанполадян (Ленинград). Сфероконические сосуды из Двина и Ани.	201
Б. А. Шелковников. (Ленинград). Средневековая белоглиняная поливная керамика Армении и свидетельство Идриси.	214

Мелкие заметки

Г. В. Трухин (Томск). Археологические находки на территории Томской области	228
В. В. Веселов (Керчь). Стоянка эпохи бронзы на р. Березовке в Адамовском районе Оренбургской области	230
Т. М. Минаева (Ставрополь). Железный меч из коллекции Ставропольского музея.	230
Б. Я. Ставиский, М. К. Урманова. (Ленинград). Городище Кулдор-тепе	231
С. Н. Орлов (Новгород). Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладоги	236
О. С. Хованская (Казань). Нагрудное украшение из болгарского города Джукетау.	239
В. Л. Янин (Москва). К чтению надписи на пряслице из Гродно.	243
В. А. Филиппенко (Астрахань). О новых находках на территории Астраханской области.	245

Дискуссии и обсуждения

Э. А. Сымонович (Москва). К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений	248
--	-----

В помощь учителю и краеведу

М. Г. Воробьева (Москва). Из истории древнего Хорезма.	253
М. И. Матасов (Буй). О нуждах археологии в Костромской области.	261

Критика и библиография

<p>М. В. Воробьев (Ленинград). Пэй Вэнь-чжун. Культура каменного века Китая . . . . .</p> <p>В. М. Массон (Ленинград), Н. Я. Мерперт (Москва). Вопросы относительной хронологии Старого Света. . . . .</p> <p>С. В. Киселев (Москва). М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. . . . .</p> <p>Н. Н. Бритова (Москва). K. Majewski. Kultura materialna starozytnej Grecji. . . . .</p> <p>М. М. Кобылина (Москва). Теофил Иванов. Римска мозайка от Улпия Ескус. . . . .</p> <p>П. О. Карышковский (Одесса). <i>Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque</i>. . . . .</p> <p>М. В. Воробьев (Ленинград). Martha Boyer. Mongol Jewellery . . . . .</p> <p>А. Ф. Медведев (Москва). А. Л. Монгайт. Старая Рязань. . . . .</p> <p>В. В. Седов (Москва). Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. . . . .</p> <p>Н. П. Журжалина (Москва). По страницам югославских периодических изданий по археологии. . . . .</p> <p>Л. Е. (Москва). Из новейшей зарубежной литературы по археологии . . . . .</p>	<p>263</p> <p>264</p> <p>275</p> <p>278</p> <p>279</p> <p>282</p> <p>286</p> <p>286</p> <p>289</p> <p>293</p> <p>299</p>
---	--

SOMMAIRE

P. Boriskovski (L é n i n g r a d). Les recherches sur les habitations du paléolithique en U.R.S.S.	3
B. Piotrovski (L é n i n g r a d). Objets d'Égypte ancienne trouvés sur le territoire de l'Union Soviétique.	20
T. Passek (M o s c o u). Nouvelles découvertes sur le territoire de l'U.R.S.S. et les problèmes des civilisations du néolithique supérieur de la région comprise entre le Danube et le Dniestre	28
V. Mikov (B u l g a r i e, S o f i a). Civilisation du néolithique, du énéolithique et celle de l'âge de bronze en Bulgarie	47
V. Tsekhmistrenko (K e r t c h). Sur la periodisation des estampes céramiques	56
E. Veimarn (B a k h t c h i s a r a ï). «Villes des cavernes» de la Crimée d'après les explorations archéologiques de 1954—1955.	71
W. Hensel (P o l o g n e, V a r s o v i e). Poznan de la première période de Piast.	80
B. Jromski (M o s c o u). A propos de la campagne de Boulak Timour	88
E. Kondurachi (R o u m a n i e, B u c a r e s t). L'archéologie roumaine en 1956	97

Matériaux archéologiques.

S. Tolstov (M o s c o u). L'expédition archéologique et ethnographique de Khorezm en 1955—1956	106
D. Koridzé (T b i l i s s i). Nouvelles trouvailles d'outils d'airain à Kvemo-Karthli	134
V. Laritchev (L é n i n g r a d). Stations de la civilisation d'entassement de coquillages dans la région de la baie Tétukhé.	141
V. Markovine (M o s c o u). Peintures rupestres découvertes à Daghestan du Nord-Est	147
A. Martirossian (E r e v a n). Les fouilles des quartiers habités de la ville Teichebaïni en 1955—1956.	163
V. Levacheva (M o s c o u). Sur la question de particularités locales des sépultures de la culture de Tagara	171
L. Kazamanova (M o s c o u). Trésor de déniers romains du I—III ^{me} siècles de notre ère du village Touria situé dans le district de Zlatopol de la région de Tcherkassy.	182
E. Rikman (K i c h i n e v). La nécropole des premiers siècles de notre ère auprès du village Boudechty en Moldavie.	187
R. Djanpoladian (L é n i n g r a d). Vases sphéro-coniques de Dvine et Ani.	201
V. Chelkovnikov (L é n i n g r a d). La moyenâgeuse céramique émaillée en argile blanche d'Arménie et le témoignage d'Idrissy.	214

Notes brèves

G. Troukhine (T o m s k). Trouvailles archéologiques sur le territoire de la région de tomsk.	228
V. Vesselov (K e r t c h). Station de l'âge de bronze près de la rivière Bérézovka de la région d'Orenbourg	230
T. Minaéva (S t a v r o p o l). Le glaive de fer de la collection du musée de Stavropol.	230
B. Stavisky, M. Ourmanova (L é n i n g r a d). Gorodichtché Kouldor-tépé (travaux de 1955).	231
S. Orlov (N o v g o r o d). Données nouvelles des sopkas du type de Volkhov dans la région de Staraïa Ladoga	236
O. Khovanskaya (K a z a n). Ornement pectoral de la ville bulgare Djouketahou	239
V. Yanine (M o s c o u). A propos de la lecture de l'inscription sur la fusaiöle de Grodno.	243
V. Philiptchenko (Astrakhan). Nouvelles trouvailles sur le territoire de la région d'Astrakhan.	245

Discussions

E. Symonovitch (M o s k o u). Au sujet des habitations de la culture de «champs des sépultures».	248
---	-----

Enseignement scolaire et l'étude des lieux

M. Vorobyeva (M o s c o u). De l'histoire de Khorezm ancien	253
M. Matassov (Bouï). Ce qui est nécessaire pour les études archéologiques dans la région de Kostroma.	261

Critique et bibliographie

M. Vorobyev (L é n i n g r a d). Pei Ven-Tjoun. La civilisation de l'âge de pierre en Chine	263
V. Masson (L é n i n g r a d), N. Merpert (M o s c o u). Problèmes de la chronologie relative	264

S. Kisselev (M o s c o u). M. Griaznov. Histoire des tribus anciennes du pays d'amont de l'Obi d'après les fouilles près du village Bolchaïa Retchka	275
N. Britova (M o s c o u). K. Majewski. Kultura materialna starożytnie Grecji	278
M. Kobylina (M o s c o u). Théophil Ivanov. La mosaïque romaine d'Ulpia Oescus	279
P. Karychkovsky (O d e s s a). Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque	282
M. Vorobyev (L é n i n g r a d). Martha Boyer. Mongol Jewellery.	286
A. Medvédev (M o s c o u). A. Mongaït. Staraïa Riazan	286
V. Sédov (M o s c o u). Précis de l'histoire du village russe du X ^e —XIII ^e siècles	289
N. Jourjalina (M o s c o u). De la littérature périodique archéologique de Yougoslavie	293
L. E. (M o s c o u). De la dernière littérature étrangère d'archéologie	299

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Институт истории материальной культуры Академии наук СССР приступает к составлению археологической карты Советского Союза. Это важное для науки мероприятие требует активного участия не только узкого круга специалистов, но и широкой советской общественности. Большую практическую помощь специалистам в этом могут оказать работники краеведческих музеев, учителя, школьники, а также многочисленные любители древностей своего края указаниями о местонахождении археологических памятников.

К последним относятся остатки древних поселений и могильников, а также отдельные находки вещей (орудия труда, оружие, монеты, черепки от посуды и пр.), свидетельствующие о пребывании человека в той или иной местности в глубоком прошлом. О большом интересе советских людей к предметам древности, находимым при земляных работах, экскурсиях и т. п., свидетельствуют письма, получаемые нашим Институтом.

О каждом археологическом памятнике необходимо давать следующие сведения:

1. Республика, область, край, АССР, нац. округ, район.
2. Наименование памятника и название, под которым памятник известен местному населению.
3. Местоположение памятника (по отношению к населенному пункту, реке, дороге, шоссе и т. п.).
4. Краткое описание памятника и его состояние.
5. Описание вещей, найденных при разведках, или случайных находок.
6. Куда сданы найденные вещи.
7. Кто составил карточку и дата составления.
8. Примечание.

Желательно прилагать схемы, планы, рисунки, фотографии и т. д., а найденные вещи надо сдавать в ближайший краеведческий музей.

Цена 25 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

Имеются в продаже книги:

Зограф А. Н. Античные монеты. (Материалы и исследования по археологии СССР № 16). 1951. 250 стр. с илл. Ц. 31 р. 50 к. в переплете.

Материалы и исследования по археологии Москвы. Том I. Под ред. А. В. Арциховского. 1147—1947. Сборник посвящается 800-летию Москвы. (Материалы и исследования по археологии СССР № 7). 1947. 180 стр. с илл. Ц. 20 р. 70 к. в переплете.

Материалы и исследования по археологии Москвы. Том II. Под ред. А. В. Арциховского. (Материалы и исследования по археологии СССР № 12). 1949. 310 стр. с илл. Ц. 31 р. 50 к. в переплете.

Материалы и исследования по археологии Москвы. Том III. Под ред. Н. Н. Воронина. (Материалы и исследования по археологии СССР № 44). 1955. 363 стр. с илл. Ц. 26 р. 50 к. в переплете.

Монгайт А. Л. Археология в СССР. 1953. 433 стр. с илл. Ц. 25 р. 20 к. в переплете.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Части I и II. (Материалы и исследования по археологии СССР № 18). 1950. 411 стр. с илл. Ц. 40 р. 95 к. в переплете.

Книги продаются в магазинах «Академкнига»:

Москва, ул. Горького, 6; Ленинград, Литейный проспект, 57; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Горяиновский пер., 4/6; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13.

Иногородним заказчикам книги высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы направлять в контору «Академкнига» по адресу: Москва, ул. Куйбышева, 8, а также в ближайший из указанных магазинов.